

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

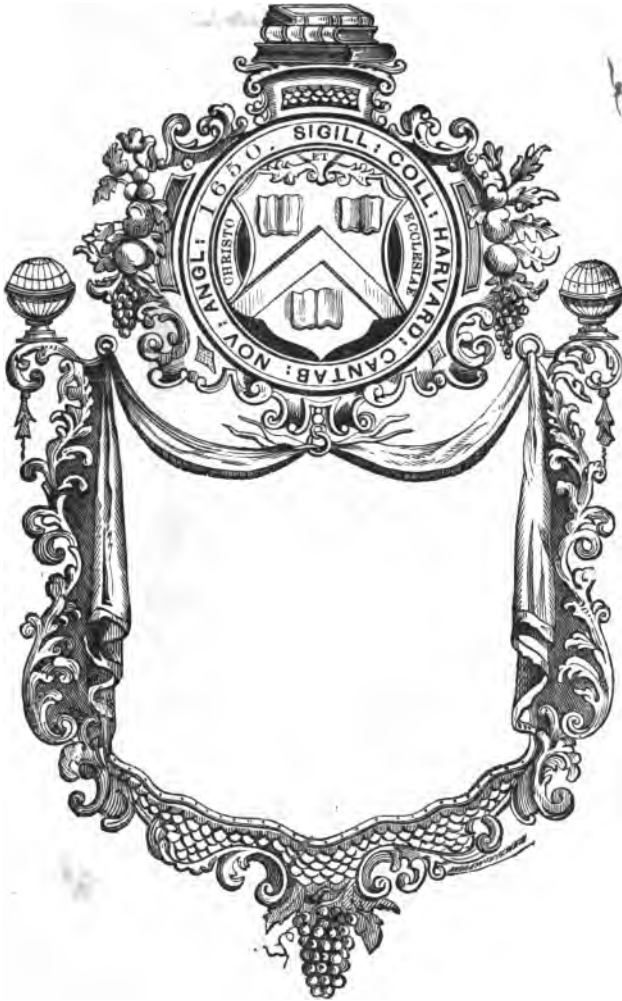
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176. 25

(1868
12)

S

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБЕЦЪ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 12-ая.

ДЕКАВРЬ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

В. В. Вольф

КНИГА 12-ая. — ДЕКАБРЬ, 1868.

	Стр.
I. — ПАДЕНИЕ СПЕРАНСКАГО. — М. И. Богдановича.	495
II. — ПРОЕКТЪ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ ТРАГЕДІИ: «ЦАРЬ ѲЕДОРЪ ІОАН- НОВИЧЪ». — Гр. А. К. Толстаго.	506
III. — КНЯЗЬ М. П. ВОЛКОНСКІЙ И ЕГО ДОНЕСЕНІЯ ИЗЪ ПОЛЬШИ. — 1764 — 1770 гг. — VIII-XIII. — Н. Ѳ. Дубровина.	543
IV. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ Б. Ауэрбаха, въ пяти частяхъ. — Часть первая, выпущена третья. — I-XIII. (Концовъ первой части)	595
V. — НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ НАРОДОВЪ. — I. Востокъ: I. Китай, II. Египетъ, III. Ассирія въ Вавилонѣ, IV. Финикія. — С. М. Соловьева.	676
VI. — РОССИЙСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО. — 1812—1826. — IV. Личное на- строеніе имъ, Александра. — Дѣйствія Школы. — Положеніе дѣлъ Общества за послѣднее время и окончательное его закрытіе, 12 апрѣля 1826 г. — Обвиненія противъ Общества: «Записка о прамозахъ прагматъ Россіи». — Приложе- нія. (Окончаніе). — А. И. Вышина	708
VII. — ПОКИНУТЫЙ ДОМЪ. — Стих. Я. П. Полонскаго.	769
VIII. — ТУРЕЦКІЯ РЕФОРМЫ И БЮРОКРАТІЯ. — Л. А-въ.	773
IX. — МОЛОКАНЕ И ДУХОВОРЦЫ ВЪ УКРАИНѢ И НОВОРОССИИ. (XVIII-й в.). — VI-X. Нравы и обычаи молоканъ; молоканство въ Таврической губерніи; Мо- лочина-води; молокане Астраханской губерніи; астраханское духоборство; испо- лѣданіе вѣры молоканъ села «Привлѣбъ»; правительственный отзывъ о моло- канахъ астраханскихъ. (Окончаніе). Ѳ. Ливанова.	809
X. — МИРОВЫЕ ПОСРЕДИКИ И КРЕСТЬЯНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ. — И. Х-въ.	837
XI. — ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ. — Внутреннее Обзорѣніе: Отношенія народа у насъ къ дѣлу образова- нія. — Народная школа и встрѣчаемая ею препятствія. — Статистика народ- наго образованія. — Начальныя школы и министерство народнаго просвѣщенія. — Прѣимъ Пруссіи. — Новѣйшіе факты въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. — Вопросъ о гарантіи и руководствѣ концессіями. — Наша податная си- стема и характеръ подушной подати. — Новый проектъ податей. — Оффціальная печатя и новый ея органъ: «Правительственный Вѣстникъ».	852
Иностранное Обзорѣніе: Положеніе партій и временнаго правительства въ Писаніи. — Повсемѣстное открытіе парламентовъ, и внутреннія заботы го- сударствъ. — Франція и ея ирраціональнѣе воспоминанія. — Книга Теодъ и дѣло Бодена. — Обвинители-обвиненные и обвиненные-обвинители. — Австрій- скій рейхсратъ. — Прусскій парламентъ и рѣчь короля. — Италия и ея ко- маръ. — Вопросъ о мнѣнствѣ въ Англіи. — Грантъ.	868
XII. — НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ. — Хроника общественной жизни. — 0 —	888
XIII. — ТЕАТРЫ. — Бенефисъ и Бурдана: Новая комедія А. Н. Островскаго: «На вѣликаго мудреца довольно простота». — В. Т.	901
XIV. — КРИТИКА РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ ГЕРМАНИИ. — «Иванъ Тургеневъ», Юл. Шванга. — Л. П.	909
XV. — КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Ноябрь. — I. Русская Литера- тура: Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета, Воспоминанія про- фессора Роммеля. К-ій. — Матеріалы для изученія тюремнаго вопроса. М. И. Галкина. — Окраины Россіи. Юр. Самарина. — Богословскія сочиненія А. С. Хомякова. — Галкина и Молдавія. В. Кельсера. Д. — II. Иностранная литература: The invasion of Crimea, by Kinglake. — Journal humoristique du siége de Sébastopol, par un artilleur. И. П.	917
XVI. — АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ «Вѣстникъ Европы», за 1868 годъ.	957
XVII. — БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новая книга.	

Прилагаются объявленія о русской и иностранной книжной торговлѣ:

- 1) А. Ѳ. Базунова; 2) Л. А. Исакова; 3) А. А. Черкесова; — и объ изданіи въ 1869 году:
1) „Вѣстникъ Европы“; 2) „Космосъ“; 3) „Учитель“; и 4) „Русскій“.

1879, Oct. 6. — 131.84
Gift of
Eugene Schuyler, P Slav 176.25
U. S. Consul
at Birmingham, Eng.

ПАДЕНИЕ

СПЕРАНСКАГО

Войнѣ 1812 года предшествовало важное событіе въ нашей администраціи — паденіе Сперанскаго ¹⁾).

Со времени преобразования государственнаго совѣта, Сперанскій, нося званіе государственнаго секретаря и директора комиссіи составленіи язаконовъ, былъ душею всѣхъ нововведеній, по административной, законодательной и финансовой частямъ, состоялъ въ званіи канцлера Абоскаго университета, членомъ главнаго правленія училищъ, занимался по дѣламъ ново-присоединенныхъ областей, Бѣлостокской и Тарнопольской, и проч. Награды, ему пожалованныя, соотвѣтствовали трудамъ его. Въ началѣ 1812 года, Сперанскій — послѣ пятнадцати-лѣтней службы — уже тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго, пользовался довѣренностью императора Александра, которая, при склонномъ къ увлеченію характерѣ государя, имѣла видъ дружбы, насколько это возможно при отношеніяхъ монарха къ подданному. Императору Александру было пріятно держать при себѣ человѣка даровитаго, обязаннаго ему всѣмъ, исключительно ему преданнаго. Сперанскій, стремясь оправдать благосклонность государя новыми заслугами, посвящаль все свое время общественнымъ дѣламъ, ведя бытъ отшельника, удѣляя лишь немногіе часы отдыху, въ кругу своего семейства и нѣсколькихъ лицъ къ нему близкихъ, и не заботясь о связяхъ, приобрѣтеніи коихъ было-бы нетрудно для человѣка, ласкаемаго фортуною. Самъ онъ, говоря впослѣдствіи о своей невзгодѣ,

¹⁾ Изъ III тома неизданнаго сочиненія М. И. Богдановича: „Исторія императора Александра I и Россіи въ его время“.

прибавлялъ: «Еслибы я былъ въ фамилныхъ связяхъ съ знатными родами, то, безъ сомнѣнія, дѣло приняло-бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ непременно стать на якорѣ изъ обручальнаго-кольца». Весьма естественно, что быстрое возвышеніе Сперанскаго возбудило противъ него всѣхъ тѣхъ, которые не признавали, что таланты—даръ Божій—не даются каждому, что Сперанскій достигъ награды и почестей тяжкими трудами; никто изъ нихъ не подумалъ о безсонныхъ ночахъ, проведенныхъ имъ въ заботѣ о пользѣ общей. Сперанскаго ненавидѣли почти всѣ: одни за то, что онъ, по ихъ понятіямъ, занялъ принадлежащее имъ мѣсто; другіе, за то, что предложенными имъ нововведеніями нарушилъ ихъ интересы.

Преобразованія государственныхъ учреждений, вмѣстѣ съ усиленіями Сперанскаго уменьшить расходы по всѣмъ министерствамъ, поселили недоброжелательство къ нему въ высшихъ сферахъ общества. Не менѣе нажилъ онъ себѣ непріятелей двумя проектами указовъ, утвержденныхъ государемъ въ 1809 году: однимъ о придворныхъ званіяхъ—и другомъ, объ экзаменахъ на гражданскіе чины.

Императоръ Александръ всегда смотрѣлъ неблагопріятно на придворные чины, если съ ними не были соединены другія обязанности; въ особенности же не жаловалъ онъ молодыхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, служащихъ для внѣшняго блеска придворныхъ выходовъ и баловъ, и называлъ ихъ полотѣрами. Онъ не могъ хладнокровно видѣть, какъ сыновья знатныхъ людей, получивъ едва не въ колыбели камеръ-юнкерскія и камергерскія званія, дававшія прямо чинъ: первыя 5-го, а вторыя—4-го класса, проводили жизнь въ праздности, а когда рѣшались вступать на дѣйствительную службу, не были приготовлены ни къ чему дѣльному и занимали высшія мѣста, къ огорченію служащихъ, своихъ подчиненныхъ, и въ ущербъ принятыхъ на себя обязанностей. Это вопіющее злоупотребленіе было превращено высочайшимъ повелѣніемъ: камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, не состоящимъ въ военной и гражданской службѣ, избрать, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, родъ дѣйствительной службы; на будущее время, эти званія, пожалованныя кому-либо по уваженію къ слугамъ предковъ, считать отличіями, не приносящими никакого чина: наконецъ, всякому, получившему такія званія, продолжать, вмѣстѣ съ исполненіемъ придворныхъ обязанностей, дѣйствительную службу, наравнѣ съ прочими дворянами, безъ чего онъ будетъ отставленъ¹⁾.

¹⁾ Именной указъ сенату, 3 апрѣля 1809 года. (Полн. собр. закон. т. XXX, № 23,559).

Казалось бы, что такое постановление, заграждавшее путь к чинамъ и отличіямъ только лишь неспособнымъ людямъ, должно было встрѣчено общимъ одобреніемъ. Вышло иначе: порицали Сперанскаго, упрекая его, какъ челоѣка новаго, вышедшаго изъ ничтожества, въ зависти и недоброжелательствѣ къ лицамъ знатнаго происхожденія, въ республиканскомъ направленіи, въ вольнодумствѣ. Говорили, будто бы императоръ Александръ, возбуждая въ своихъ подданныхъ идеи о равенствѣ, уничтожалъ дотолѣ сохранившійся у насъ призракъ аристократіи и стремился къ водворенію въ Россіи такого порядка, какой существуетъ въ Турціи, гдѣ сынъ верховнаго визиря не пользуется никакими преимуществами предъ сыномъ простолюдина, и проч. ¹⁾

Еще болѣе шума надѣлалъ другой указъ, въ составленіи котораго вмѣстѣ съ Сперанскимъ участвовалъ графъ Завадовскій.

При Петрѣ Великомъ, на основаніи табели о рангахъ 1722 года, чины означали самыя мѣста: коллежскій регистраторъ былъ регистраторъ коллегіи; коллежскій секретарь—секретарь коллегіи, и т. д., точно также, какъ прапорщикъ—субалтернъ-офицеръ, поручикъ—помощникъ и заступающій мѣсто ротнаго командира, капитанъ—ротный, и полковникъ—полковой командиръ. Но впоследствии, при императрицѣ Екатеринѣ II-й, для производства въ чины по статской службѣ, до коллежскихъ ассесоровъ, были назначены сроки выслуги ²⁾, а императоръ Павелъ распространилъ такое производство по срокамъ до статскихъ совѣтниковъ ³⁾. Молодые люди, благодаря покровительству родныхъ и друзей ихъ семействъ, проживая въ Петербургѣ и проводя время весело и праздно (по большей части въ Англійскомъ клубѣ), достигали повышенія въ чины, давашіе имъ почетное положеніе въ обществѣ. Другіе чиновники, дѣльцы, въ совершенствѣ изучившіе канцелярскій порядокъ, но весьма часто невѣжды во всемъ прочемъ, выслуживъ положенные сроки, также повышались на равнѣ съ своими товарищами, получившими хорошее образованіе. Таковой порядокъ дѣлъ противорѣчилъ обнародованному въ 1803 году указу *объ устройствѣ училищъ*, коимъ постановлено, чтобы, чрезъ пять лѣтъ со времени указаннаго образованія учебной части, никто не былъ опредѣляемъ къ должностямъ, требующимъ юридическимъ и другихъ познаній, не окончивъ курса въ общественномъ или частномъ училищѣ ⁴⁾. Учрежденіе четырехъ по-

¹⁾ Воспоминанія Вигеля (рукопись). Часть 3-я.

²⁾ Указъ 16 декабря 1790 года (Полн. собр. закон. № 16,930-й).

³⁾ Указъ 9 декабря 1799 года (Полн. собр. закон. № 19,219-й).

⁴⁾ Именной указъ сенату, 26 января 1803 года (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,597-й).

выхъ университетовъ и многихъ гимназій позволяло надѣяться, что всѣ свободныя состоянія, въ особенности же дворянство, поспѣшатъ воспользоваться новыми средствами для образованія своихъ дѣтей. Но правительство находило, что число учащихся въ новооткрытыхъ заведеніяхъ не вполне соответствовало просвѣщеннымъ его видамъ, и что дворянство, въ сравненіи съ прочими сословіями, не выказало достаточно готовности содѣйствовать мѣрамъ, принятымъ для народнаго образованія. Надлежало, по видимому, на пользу науки, не понятую въ обществѣ, употребить понудительныя мѣры¹⁾.

Императоръ Александръ, въ концѣ лѣта 1809 года, страдая отъ ушиба ноги (слѣдствія котораго, какъ извѣстно, по временамъ чувствовалъ государь до самой кончины своей), оставался нѣсколько дней безвыходно въ Петергофѣ. Тамъ былъ составленъ и подписанъ указъ 6-го августа, о правилахъ производства въ чины по гражданской службѣ. О предстоящемъ изданіи его знали одинъ только графъ Аравчевъ, который тогда же поспѣшилъ исходатайствовать нѣсколькимъ изъ своихъ приближенныхъ за вѣтныя чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника²⁾.

Находя главнымъ поводомъ равнодушія къ образованію удобность достигать чиновъ не заслугами и отличными познаніями, а однимъ лишь пребываніемъ на службѣ, правительство признало нужнымъ постановить, чтобы: во-1-хъ, впредь не производить никого въ коллежскіе ассесоры, хотя бы онъ и выслужилъ опредѣленныя лѣта, безъ предъявленія свидѣтельства одного изъ русскихъ университетовъ, въ успѣшномъ окончаніи тамъ курса, либо въ выдержаніи установленнаго испытанія; во-2-хъ, такое же университетское свидѣтельство требовалось и для производства въ статскіе совѣтники, съ тѣмъ еще, чтобы представляемый состоялъ на службѣ вообще не менѣе десяти лѣтъ, и въ числѣ разныхъ должностей по крайней мѣрѣ два года былъ дѣйствительно: совѣтникомъ, прокуроромъ, правителемъ канцеляріи, или начальникомъ экспедиціи. Къ указу была приложена программа для испытанія въ университетахъ чиновниковъ на производство въ помянутыя чины, по коей требовалось: «грамматическое знаніе русскаго языка и правильное на немъ сочиненіе; знаніе, по крайней мѣрѣ, одного изъ иностранныхъ языковъ и удобность переводить съ него на русскій; основательное знаніе правъ: естественнаго, римскаго и частнаго гражданскаго, съ приложеніемъ послѣдняго къ русскому законодательству, и свѣдѣнія въ

¹⁾ Воспоминавія Вигеля.

²⁾ Бар. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. I, 178.

государственной экономіи и законахъ уголовныхъ; основательное знаніе отечественной исторіи; исторія всеобщая съ географіею и хронологіею; первоначальныя основанія статистики, особенно русскаго государства; наконецъ, знаніе, по крайней мѣрѣ, начальныхъ основаній математики и общія свѣдѣнія въ физикѣ»¹⁾.

Это постановленіе, какъ и должно было ожидать, возбудило горькія жалобы въ многочисленной средѣ чиновниковъ, не хотѣвшихъ и неспособныхъ приобрести требуемыя отъ нихъ познанія. Трудно, почти невозможно было ожидать, чтобы люди, живущіе однимъ жалованьемъ и не имѣющіе почти вовсе свободнаго времени, могли удѣлять часть его для занятія науками. Изъ этого выходило, что даже самыя способные изъ нихъ были осуждены оставаться весь вѣкъ въ однихъ и тѣхъ же чинахъ. Чтò оставалось имъ дѣлать? Безкорыстные люди, имѣющіе насущный хлѣбъ, могли бросить службу, не удовлетворявшую ихъ честолюбію, а недобросовѣстные и неимущіе были вынуждены вознаграждать себя казноградствомъ и взятками за потерю надежды улучшить свое состояніе усердною службою. Нельзя не сознаться, что въ этихъ жалобахъ была нѣкоторая доля справедливости: конечно — не служба создана для чиновниковъ, а чиновники существуютъ для службы; тѣмъ не менѣе однакоже люди, посвятившіе себя извѣстнаго рода дѣятельности, по вызову правительства, имѣли нѣкоторыя права на участіе общества. Но такова большею частію судьба преобразованій: въ началѣ они нарушаютъ частныя интересы; впоследствии же дѣло улаживается, и они обращаются къ пользѣ всѣхъ и каждаго. Указъ 6 августа 1809 года имѣлъ цѣлью открыть дорогу образованнымъ людямъ и имѣть на службѣ способныхъ чиновниковъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ понятъ, или правильнѣе сказать, перетолкованъ въ превратномъ смыслѣ. Противъ него кричали не одни подъячіе. Самъ Карамзинъ, замѣтивъ, что въ наиболѣе просвѣщенныхъ государствахъ требовались отъ чиновниковъ только необходимыя по ихъ службѣ свѣдѣнія: отъ инженера — инженерная наука, отъ судьи — законовѣдніе, и проч. пишетъ: «У насъ предсѣдатель гражданской палаты обязанъ знать Гомера и Теоэрита, секретарь сената — свойства оксигена и всѣхъ газовъ²⁾, вице-губернаторъ — пифагорову фигуру, надзиратель въ домѣ сумасшедшихъ — римское право, или умрутъ коллежскими и титу-

¹⁾ Полн. собр. заков. т. XXX, № 23,771-й.

²⁾ *О древней и новой Россіи*. Въ программѣ для испытанія чиновниковъ не было ни греческаго языка, ни химіи.

лярными совѣтниками. Ни сорокалѣтняя дѣятельность государственная, ни важныя заслуги, не освобождаютъ отъ долга знать вещи совсѣмъ для насъ чуждыя и бесполезныя... Издѣваясь надъ постановленіемъ о гражданскихъ чинахъ, знаменитый исторіографъ упустилъ изъ вида пользу общихъ энциклопедическихъ свѣдѣній для умственного развитія; никто не станетъ спорить, что чиновнику, прежде всего, нужно основательное знаніе всего того, что прямо требуется для исполненія его обязанностей, но не подлежитъ также сомнѣнію, что человѣкъ, получившій не одностороннее образованіе и при томъ обладающій спеціальными свѣдѣніями, либо опытностію по своей части, можетъ, при одинаковыхъ способностяхъ, принести болѣе пользы, нежели тотъ, котораго весь умственный запасъ ограничивается тѣснымъ кругомъ его служебныхъ обязанностей. Конечно—никакой экзаменъ въ наукахъ не можетъ быть вѣрнымъ мѣриломъ для сужденія о будущихъ дѣловыхъ способностяхъ чиновниковъ, потому что подобныя испытанія недостаточны для оцѣнки дѣятельности, силы воли и другихъ качествъ, которыя гораздо полезнѣе школьныхъ свѣдѣній и могутъ проявиться иначе, какъ впоследствии, на дѣйствительной службѣ. Недостатки поманутаго указа не замедлили обнаружиться, что заставило сперва сдѣлать въ немъ нѣкоторыя изъятія, а потомъ и вовсе отмѣнить его. Но онъ принесъ несомнѣнную пользу, заставляя учиться ¹⁾).

Извѣстно было также, что Сперанскій считалъ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ улучшеній государственной администраціи и предполагалъ образовать среднее сословіе, ограничить число дворянъ и создать изъ крупныхъ собственниковъ аристократію, подобную той, какал существуетъ въ Англіи. Упрекали также Сперанскаго въ томъ, что онъ позволилъ напечатать сочиненіе графа Стройновскаго: *Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами*. Его же обвиняли въ плохомъ состояніи нашихъ финансовъ, приписывая упадокъ курса мѣрамъ, принятымъ по его совѣту; а народъ считалъ его виновникомъ тогдашняго увеличенія налоговъ. Въ числѣ враговъ Сперанскаго были люди благомыслящіе, но пристрастные къ прежнимъ уставамъ и недовѣрившіе нововведеніямъ, заимствованнымъ у иностранцевъ. Самъ онъ возбуждалъ сомнѣніе въ своемъ патриотизмѣ, расточая похвалы чужеземнымъ учрежденіямъ, порицая все русское, изъявляя удивленіе къ ненавистному тогда въ Россіи Наполеону. Какъ Сперанскій, по самому положенію своему, не былъ откровененъ, то причиною его скрытности полагали

¹⁾ Бар. Корфъ. I. 184—186.

необходимость таить преступные замыслы. Только лишь тѣ, которые имѣли случай сблизиться съ нимъ, — а такихъ было немного — отдавали ему должную справедливость; прочіе же всѣ не довѣряли ему, толковали въ дурную сторону каждый его поступокъ, приписывали ему и то, въ чемъ не имѣлъ онъ ни малѣйшаго участія, и даже сомнѣвались, либо, по крайней мѣрѣ, изъясняли сомнѣніе въ его способностяхъ, находя все сдѣланное имъ вреднымъ для Россіи. Въ числѣ петербургскихъ недоброжелателей Сперанскаго были люди, занимавшіе важныя мѣста и имѣвшіе вѣсъ въ обществѣ. Графъ Аракчеевъ, завидуя благосклонности государя къ Сперанскому, ненавидѣлъ въ немъ человека образованнаго, либеральнаго. Министръ полиціи Балашовъ смотрѣлъ на него враждебно, какъ на противника всякихъ произвольныхъ дѣйствій. Баронъ (впослѣдствіи графъ) Армфельдъ соперничалъ съ нимъ по дѣламъ Финляндіи. Министръ финансовъ Гурьевъ досадовалъ на него за сокращеніе штатовъ своего вѣдомства и за вмѣшательство по ввѣренной ему части. Не мало было враговъ у Сперанскаго и въ Москвѣ, тогда наполненной падшими сановниками, праздными барами и всякаго рода старовѣрами, ополчившимися на реформатора, во славу предразсудковъ и мраколюбія ¹⁾. Но, кромѣ ихъ, возстали противъ Сперанскаго болѣе для него опасные, Карамзинъ и Растопчинъ. Первый, въ поднесенной государю запискѣ: «О древней и новой Россіи», высказалъ порицаніе многихъ дѣйствій Сперанскаго. Сама великая княгиня Екатерина Павловна, преданная отечеству всѣми возвышенными чувствами души своей, видя презрѣніе Сперанскаго ко всему русскому и пристрастіе къ Франціи, считала его измѣнникомъ, готовымъ предать государя, своего благодѣтеля, и при всякомъ случаѣ старалась остеречь обожаемаго ею брата отъ замысловъ его любимца. Ежедневно, государь слышалъ отъ ближайшихъ къ нему лицъ одни и тѣже извѣты; вездѣ — и въ дворцахъ, и въ хижинахъ, ходила молва объ измѣнѣ Сперанскаго. Александръ долго не обращалъ вниманія на эти толки, но, наконецъ, былъ увлеченъ общимъ мнѣніемъ. Чтобы устоять противъ голоса всей Россіи, въ тотъ часъ, когда нашествіе Наполеона требовало отъ царя, болѣе нежели когда-либо, сродниться душою съ народомъ, чтобы устоять тогда и прикрыть невиннаго щитомъ дарованной Богомъ власти — надлежало стать выше человѣчества, и... Александръ рѣшился наказывать Сперанскаго, какъ преступника, не имѣя достовѣрныхъ доказательствъ преступленію. Не разъ уже оскорбленный до глу-

¹⁾ Графъ Сперанскій. Сочин. М. Н. Лонгинова.

бины души неблагодарностью близкихъ людей, государь не могъ обсудить хладнокровно дѣйствія Сперанскаго, хотѣлъ предать его смертной казни, и только лишь великодушное вмѣшательство Паррота спасло монарха отъ поступка, котораго послѣдствіями были бы обвиненіе и порицаніе исторіи.

Еще въ 1802 году, при обозрѣніи императоромъ Александромъ дерптскаго университета, проректоръ Парротъ обратилъ на себя вниманіе государя замѣчательною рѣчью, произнесенною по случаю этого событія. Сочувствуя всему прекрасному, юный монархъ пожелалъ видѣть Паррота у себя и поставилъ его въ самыя близкія отношенія къ своей особѣ. Парротъ, исполняя волю государя, весьма часто писалъ ему, въ тонѣ не подданнаго, а друга, о предметахъ правительственныхъ и домашнихъ, и получалъ отъ него весьма искреннія — можно сказать — задуманные письма; а пріѣзжая въ Петербургъ, шель прямо въ государевъ кабинетъ и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ императоромъ, довѣрившимъ ему свои государственныйя и частныя тайны. Въ то время, когда гроза монаршаго негодованія готовилась разразиться надъ Сперанскимъ, Парротъ, проведя нѣсколько дней въ Петербургѣ, и собравшись ѣхать обратно въ Дерптъ, посѣтилъ государя въ послѣдній разъ, ввечеру 15 (27) марта, и услышавъ отъ него строгій приговоръ Сперанскому, рѣшилъ, на слѣдующій день, послать монарху письмо, въ которомъ старался отклонить его отъ принятаго имъ въ пылу гнѣва намѣренія ¹⁾. Вотъ эти замѣчательныя строки, дѣлающія столько же чести подданному, написавшему ихъ, сколько и государю, благосклонно принявшему отзывъ своего друга:

«Одиннадцать часовъ ночи. Вокругъ меня глубокая тишина. Сажусь писать моему возлюбленному, моему боготворимому Александру, съ которымъ не хотѣлъ бы никогда разлучаться. Уже сутки прошли со времени нашего прощанья, но сердце влечетъ меня еще разъ возобновить его на письмѣ... Въ минуту, когда вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго, я видѣлъ васъ въ первомъ пылу страсти и надѣюсь, что теперь вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его. Не могу скрыть, что слышанное мною отъ васъ набрасываетъ на него большую тѣнь; но въ томъ ли вы расположеніи духа, чтобы взвѣсить справедливость этихъ обвиненій, а еслибъ и были въ силахъ нѣсколько успокоиться, то вамъ ли его судить; всякая же коммисія, наскоро для того наряженная, могла бы состоять только изъ его враговъ. Не забудьте, что Сперан-

¹⁾ Бар. Корфъ. II. 12—13.

сваго ненавидятъ за то, что вы слишкомъ его возвысили. Никто не долженъ стоять надъ министрами, кромѣ васъ самихъ. Не подумайте, чтобы я хотѣлъ ему покровительствовать: я не состою съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, и знаю даже, что онъ нѣсколько меня ревнуетъ къ вамъ. Но если бы и предположить, что онъ точно виновенъ, чего я еще вовсе не считаю доказаннымъ, то все же, опредѣлить его вину и наказаніе долженъ законный судъ, а у васъ, въ настоящую минуту, нѣтъ ни времени, ни спокойствія духа, нужныхъ для назначенія такого суда. По моему мнѣнію, совершенно достаточно будетъ удалить его изъ Петербурга и надсматривать за нимъ такъ, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ средствъ сноситься съ непріателемъ. Послѣ войны всегда еще будетъ время выбрать судей изъ всего, что около васъ найдется правдивѣйшаго. Мои сомнѣнія въ дѣйствительной виновности Сперанскаго подкрѣпляются, между прочимъ, и тѣмъ, что въ числѣ второстепенныхъ донощиковъ на него находится одинъ отъявленный негодяй, уже однажды продавшій другого своего благодѣтеля. Докажите умѣренностію вашихъ распоряженій въ этомъ дѣлѣ, что вы не поддаетесь тѣмъ крайностямъ, которыя стараются вамъ внушить. Отъ находящихъ свой интересъ слѣдить за вашимъ характеромъ не укрылась, я это знаю, свойственная вамъ черта подозрительности, и ею-то и хотятъ на васъ дѣйствовать. На нее же вѣроятнo рассчитываютъ и непріатели Сперанскаго, которые не перестанутъ пользоваться открытою ими слабою струною вашего характера, чтобы овладѣть вами» ¹⁾.

17-го (29-го) марта, въ воскресенье, Сперанскій обѣдалъ у одной изъ своихъ знакомыхъ, г-жи Вейкардтъ. Туда пріѣхалъ фельдъегерь съ приказаніемъ Сперанскому явиться къ государю, въ 8-мь часовъ вечера. Сперанскій, котораго не требовали съ докладомъ уже болѣе мѣсяца, поспѣшилъ домой, чтобы приготовить и взять съ собою бумаги по важнѣйшимъ дѣламъ, и прибывъ во дворецъ въ назначенное время, нашелъ въ секретарской комнатѣ пріѣхавшаго также съ докладомъ князя Александра Николаевича Голицына. Сперанскаго позвали прежде. Государь долго занимался съ нимъ обычнымъ порядкомъ. Окончивъ докладъ и уложивъ на-скоро бумаги въ портфель, Сперанскій ожидалъ приказанія уйти, но императоръ, быстро вставъ съ кресла, отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ, и принявъ свойственную ему величественную позу, сказалъ: «Подождите, Михаилъ Михайловичъ, мнѣ нужно еще поговорить съ вами», и за тѣмъ сталъ упре-

¹⁾ Бар. Корфъ. II, 13—14.

каты своего бывшего любимца — въ нарушеніи государственной тайны, въ порицаніи дѣйствій правительства, въ стремленіи испровергнуть издавна существующій порядокъ управленія и поколебать государство разстройствомъ финансовъ. «Вы хотѣли даже уничтожить сенатъ — созданіе Петра Великаго», сказалъ онъ. Изливъ свое неудовольствіе, государь, видимо тронутый, кончилъ рѣчь словами: «Послѣ смерти отца моего, я сегодня перенесъ наибольшее огорченіе. Прощайте, Михаилъ Михайловичъ». Сперанскій, откланявшись и уже притворяя за собою дверь, замѣтилъ смущеніе государя и невольно увлеченный волновавшими его самого чувствами, опять вошелъ въ кабинетъ и бросился цѣловать руку своего вѣнчаннаго благодѣтеля, но Александръ, не дозволивъ того, обнялъ Сперанскаго, сказавъ: «Прощайте! Я дамъ вамъ знать, кому вы должны передать ваши обязанности» ¹⁾. Выйдя отъ государя, уже въ десять часовъ, Сперанскій, съ заплаканными глазами, почти въ безпамятствѣ, сталъ убирать въ секретарской свои бумаги, оборотясь къ князю Голицыну спиною, чтобъ скрыть свое смятеніе, и замкнувъ портфель, ушелъ изъ комнаты; но потомъ, какъ-бы придя въ себя, отворилъ дверь, сказалъ князю: «прощайте, ваше сіятельство», и удалился. Спустя нѣсколько минутъ, государь выслалъ сказать князю Голицыну, что не можетъ его принять и просить пріѣхать завтра, послѣ засѣданія государственнаго совѣта.

Вотъ все, что можно сказать достовѣрнаго на счетъ послѣдней аудіенціи Сперанскаго у государя въ 1812 году; самъ онъ избѣгалъ говорить о томъ, и даже на вопросы своей дочери отвѣчалъ, что «про-то вѣдаетъ и долженъ быть судьбою — одинъ Богъ» ²⁾.

Изъ дворца Сперанскій проѣхалъ къ Магницкому ³⁾, гдѣ засталъ жену его въ слезахъ и узналъ, что Магницкаго, въ тотъ же вечеръ, увезли въ Вологду. Возвратясь къ себѣ (въ домъ у Таврическаго сада), Сперанскій нашелъ у подъѣзда почтовую кибитку, а въ передней частнаго пристава Шипулинскаго. На вопросъ Сперанскаго: «что вамъ нужно?» приставъ указалъ дверь въ его кабинетъ. Тамъ нашелъ онъ одного изъ главныхъ недоброжелателей своихъ, министра полиціи Балашова и правителя канцеляріи министерства де-Санглена, завѣдывавшаго всѣми дѣлами по тайной полиціи. Балашовъ объявилъ Сперанскому волю

¹⁾ Слышано съ Г. Л., долго служившаго при Сперанскомъ.

²⁾ Бар. Корфъ II 15—16.

³⁾ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, съ 1803 года сдѣлавшійся извѣстнымъ Сперанскому, впослѣдствіи былъ ближайшимъ сотрудникомъ его. *Русск. Вѣстникъ* 1864. VI. Магницкій—Е. М. Осотистова.

государя — опечатать его кабинетъ, а его самого отправить въ Нижній-Новгородъ. Сперанскій, желая оградить себя отъ новыхъ извѣтовъ, просилъ позволенія отложить нѣкоторыя изъ своихъ бумагъ въ особый пакетъ, за своею печатью, для передачи, вмѣстѣ съ нѣсколькими строками, имъ тогда же написанными, прямо государю. Балашовъ согласился. Въ числѣ бумагъ, запечатанныхъ въ пакетъ на имя государя, были двѣ дешифрованные депеши, присланныя отъ нашего посла при копенгагенскомъ дворѣ и взятыя Сперанскимъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, безъ высочайшаго на то разрѣшенія, за что впослѣдствіи былъ посаженъ въ крѣпость выдавшій ихъ чиновникъ министерства Бекъ. По поводу этого дѣла, императоръ Александръ сказалъ министру юстиціи Дмитріеву: «Сперанскій до того былъ наглъ, что захотѣлъ участвовать въ государственныхъ тайнахъ»¹⁾.

По передачѣ бумагъ Балашову, надлежало ѣхать. Сперанскій не имѣлъ духа разбудить тещу и дочь, чтобы съ ними проститься, и осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ дверь ихъ спальни, оставилъ записку, въ которой, извѣщая ихъ о своемъ отъѣздѣ на время въ Нижній-Новгородъ, приглашалъ обѣихъ пріѣхать къ нему весною. За тѣмъ, уже послѣ полуночи, онъ, въ сопровожденіи пристава, отправился въ ссылку²⁾.

Неожиданная вѣсть о паденіи Сперанскаго, быстро разнесшаяся по всей Россіи, была встрѣчена общею радостью. Никто не сожалѣлъ о немъ, и напротивъ того, многіе, удивляясь милосердію государя, роптали на его кротость, спасшую измѣнника отъ заслуженной кары; общая ненависть къ изгнанному временщику была такъ сильна, такъ распространена въ народѣ, что Сперанскій, пожелавъ взглянуть на Макарьевскую ярмарку, едва не былъ убитъ въ гостиномъ дворѣ разъяренною чернью³⁾.

Еще и теперь не вполне разъясненъ вопросъ: дѣйствительно-ли былъ виновенъ Сперанскій? Быть можетъ, онъ былъ безупреченъ, но, конечно, не въ томъ, въ чемъ обвиняли его въ смутную эпоху 1812 года, когда пристрастіе къ Наполеону и Франціи было, въ понятіяхъ русскаго народа, государственною измѣною. Что Сперанскій не былъ измѣнникомъ, доказательствомъ тому служить довѣріе къ нему впослѣдствіи императора Александра и его преемника.

М. Богдановичъ.

¹⁾ И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь. 193—194 и 196.

²⁾ Бар. Корфъ. II. 19.

³⁾ Воспоминанія Вигеля.

ПРОЕКТЪ ПОСТАНОВКИ

НА СЦЕНУ

ТРАГЕДИИ: „ЦАРЬ ѲЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ“.

Хотя въ настоящую минуту мнѣ еще неизвѣстно, будетъ ли дана эта драма ¹⁾, но я нахожу не лишнимъ изложить мои объясненія теперь же, въ надеждѣ, что нѣкоторыя изъ нихъ окажутся не бесполезными для драматическихъ артистовъ вообще, и что, во всякомъ случаѣ, они могутъ пригодиться на частномъ театрѣ.

«Царь Ѳедоръ» есть особая, замкнутая въ себѣ драма, но вмѣстѣ съ тѣмъ она служитъ продолженіемъ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго», и составляетъ слѣдующее за ней звено. Многое въ немъ связано съ предшествующимъ, и потому, разбирая «Царя Ѳедора», мнѣ придется иногда оглядываться на «Смерть Іоанна».

Въ проектѣ о постановкѣ послѣдней пьесы, я, въ самомъ концѣ, очень осторожно упомянулъ о необходимости всѣмъ исполнителямъ знать свои роли наизусть. Опытъ показалъ, что не только напоминаніе не было лишнимъ, но что я не довольно на немъ настаивалъ.

Въ виду этого факта, я считаю весьма важнымъ поставить теперь въ самой главѣ настоящей статьи энергическое заявленіе о томъ, что первое условіе порядочнаго исполненія — есть знаніе ролей *совершенно буквально*.

У каждаго автора, какъ выборъ выраженій, такъ и порядокъ размѣщенія словъ, составляютъ его особенность и фізіономію.

¹⁾ Текстъ ея напечатанъ въ майской книгѣ «Вѣстникъ Европы», 1868 г.

Измѣнять этотъ порядокъ—значить отнимать у него его физиономію, давать его рѣчи чуждѣй ей колоритъ. Если такое обращеніе не допускается въ прозѣ, то въ стихахъ оно двойко непозволительно, ибо посягаетъ не только на колоритъ автора, но и на слухъ публики. Не все равно сказать:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха,

или:

Охъ, шапка Мономаха, ты тяжела,

Въ первомъ случаѣ, это пятистопный ямбъ, во второмъ — вовсе не стихъ.

Какое же впечатлѣніе дѣлаетъ на публику актеръ, который, не довольствуясь перестановкой словъ, вмѣсто:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха,

скажетъ:

Охъ, какъ меня давить Рюрикова фуражка!

А искаженія, довольно близко подходящія къ этому примѣру, можно, къ сожалѣнію, слышать иногда на нашей сценѣ.

Итакъ, если трагедія «Царь Федоръ» будетъ дана, то прежде всего *надобно выучить ее наизусть.*

Приступаю къ ея разбору.

ОСНОВНАЯ ИДЕЯ.

Двѣ партіи въ государствѣ борются за власть: представитель старины, князь Шуйскій, и представитель реформы, Борисъ Годуновъ. Обѣ партіи стараются завладѣть слабонравнымъ царемъ Федоромъ, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Федоръ, вмѣсто того, чтобы дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, или же подчинить себѣ ту и другую, колеблется между обѣими, и чрезъ свою нерѣшительность дѣлается причиной: 1) возстанія Шуйскаго и его насильственной смерти, 2) убіенія своего наслѣдника, царевича Димитрія и пресѣченія своего рода. Изъ такого чистаго источника, какова любящая душа Федора, истекаетъ страшное событіе, разразившееся надъ Россіей долгимъ рядомъ бѣдствій и золь.

Трагическая вина Іоанна было поправленіе имъ всѣхъ человѣческихъ правъ въ пользу государственной власти; трагическая вина Федора — это исполненіе власти, при совершенномъ нравственномъ безсиліи.

АРХИТЕКТУРА ТРАГЕДІИ.

Построеніе «Царя Ѳедора» — не знаю, къ выгодѣ или во вреду его — есть совершенно исключительное, и не встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, ни въ какой другой драмѣ. Борьба происходитъ не между главнымъ героемъ и его оппонентами (Spiel und Gegenspiel), какъ во всѣхъ драмахъ, но между двумя вторыми героями; главный же герой, на которомъ эта борьба вертится, какъ на своей оси, вовсе въ ней не участвуетъ; онъ, напротивъ, всѣми силами старается прекратить ее, но самымъ своимъ вмѣшательствомъ рѣшаетъ ея трагическій исходъ.

Въ отношеніи Шуйскаго и Годунова Ѳедоръ играетъ роль древней греческой судьбы, толкающей своихъ героевъ все впередъ къ неизбежной катастрофѣ, съ тою разницею, что Ѳедоръ не отвлеченная идея, но живое лицо, имѣющее само свою судьбу, которая истекаетъ изъ его характера и дѣйствій. Такимъ образомъ, трагедія является какъ бы сплетенною изъ двухъ отдѣльныхъ драмъ, изъ коихъ одна имѣетъ предметомъ фактическую борьбу Шуйскаго съ Годуновымъ, другая моральную борьбу Ѳедора съ окружающимъ его міромъ и съ самимъ собою.

Если представить себѣ всю трагедію въ формѣ треугольника, то основаніемъ его будетъ состязаніе двухъ партій, а вершиною весь душевный микрокосмъ Ѳедора, съ которымъ событія борьбы связаны какъ линіи, идущія отъ основанія треугольника къ его вершинѣ, или наоборотъ. Изъ этого естественно выходитъ, что одна сторона трагедіи выдержана болѣе въ духѣ романской школы, а другая болѣе въ духѣ германской.¹⁾

КОЛОРИТЪ ТРАГЕДІИ.

Царь Иванъ умеръ. Гроза, свирѣпствовавшая надъ русской землей, утихла; небо прояснилось, вся природа оживаетъ. Ожи-

¹⁾ Особенность романской школы состоитъ въ преимущественной отдѣлкѣ *интриги*, тогда какъ германская преимущественно занимается анализомъ и развитіемъ *характеровъ*. Названіе свое получили онѣ отъ предпочтенія двухъ западныхъ народностей, каждой одному изъ двухъ направленій, которыя лежатъ въ самомъ существѣ драмы и исключаютъ обыкновенно одно другое. Прошу прощенія у поборниковъ *русскихъ началъ искусства*, но кромѣ этихъ двухъ направленій, я не знаю другого, равно какъ въ противоположность часто упоминаемой *европейской* драмы, не знаю драмы ни *азиатской*, ни *африканской*.

Отвергать же въ русскомъ драматическомъ искусствѣ европейскую технику—все равно, что отвергать въ русской живописи европейскую перспективу.

вають и тѣ могучія силы, которыя сдерживала желѣзная рука царя Ивана, какъ шлюзы сдерживаютъ напирющую воду. Въ государствѣ являются политическія партіи, дѣйствующія смѣло и открыто. Всѣ сословія принимаютъ участіе въ ихъ борьбѣ; жизнь, со всѣми ея сторонами, свѣтлыми и темными, снова заявляетъ свои права.

Въ «Смерти Іоанна» господствующимъ колоритомъ было давленіе власти на всю землю; въ настоящей трагедіи господствующій колоритъ есть пробужденіе земли въ жизни и сопряженное съ нимъ движеніе. Оно должно сразу почувствоваться въ первой сценѣ перваго акта, которая служитъ драмѣ изложеніемъ. Свѣтлый колоритъ проходитъ черезъ всю трагедію, до четвертаго акта; всѣ лица держатъ себя свободнѣе, чѣмъ въ «Смерти Іоанна», темпъ общей игры идетъ живѣе.

ХАРАКТЕРЫ.

Царь Федоръ.

Не отступая отъ указаній исторіи, но пополняя ея пробѣлы, я позволилъ себѣ изобразить Федора не просто слабодушнымъ, кроткимъ постникомъ, но человѣкомъ, надѣленнымъ отъ природы самыми высокими душевными качествами, при недостаточной остротѣ ума и совершенномъ отсутствіи воли. Природная неспособность его къ дѣламъ еще умножена гнетомъ его отца и постояннымъ страхомъ, въ которомъ онъ находился до 27 лѣтъ, эпохи смерти царя Ивана.

Доброта Федора выходитъ изъ обыкновенныхъ границъ. Она такъ велика, что можетъ иногда достигъ высоты, гдѣ чувство и умъ, составляющіе на низшихъ степеняхъ отдѣльныя свойства, сходятся вмѣстѣ и смѣшиваются въ нераздѣльномъ сознаніи правды. Поэтому, Федоръ, не смотря на свою умственную ограниченность, способенъ иногда имѣть взгляды, не уступающіе мудростью государственнымъ взглядамъ Годунова. Такъ, въ сценѣ доклада о боярахъ, бѣжавшихъ въ Литву, оба приходятъ къ тому же заключенію, Годуновъ умою, а Федоръ — сердцемъ.

Но эта способность замѣнять умъ чувствомъ не всегда присуща Федору. Она въ обыкновенныхъ случаяхъ затемняется нѣкоторыми недостатками, неразлучными со слабостью характера. Онъ, напримѣръ, не любитъ сознаваться, что онъ слабъ, ни передъ другими, ни передъ самимъ собой, и это часто приводитъ его къ неумѣстному, хотя скоро проходящему, упрямству. Ему

хочется иногда показать, что онъ самостоятеленъ, и ничѣмъ нельзя такъ польстить ему, какъ упрекнувъ его въ непреклонности или въ суровости.

Онъ большой хлопотунъ во всемъ, что не касается государственныхъ дѣлъ; нието, по его мнѣнію, не знаетъ такъ, какъ онъ, человѣческое сердце; для него примирить враждующихъ — есть не только долгъ, но и наслажденіе. Набожность его происходитъ отъ природнаго расположенія; но она перешла въ постничество вслѣдствіе ранняго протеста противъ разврата и жестокости его отца; впоследствии постничество стало ему привычкой, но онъ нисколько не сдѣлался педантомъ; онъ не смотритъ на мірское веселіе какъ на грѣхъ; онъ любитъ медвѣжью травлю, и не видитъ въ представленіяхъ скomorоховъ служенія сатанѣ. Какъ всѣ люди робкіе, онъ чувствуетъ большое уваженіе къ смѣлости; геройскій характеръ князя Шуйскаго и удалство купца Красильникова затрогиваютъ въ немъ тѣ же сочувственныя струны.

Великодушіе Ѳедора не имѣетъ предѣловъ. Личныхъ обидъ для него не существуетъ, но всякая обида, нанесенная другому, способна вывести его изъ обычной кротости, а если обида касается кого-нибудь особенно имъ любимаго, то негодованіе лишаетъ его всякаго равновѣсія; онъ кричитъ и шумитъ, ничего не вида, кромѣ совершенной несправедливости. Попадъ въ такую колею, онъ спѣшитъ воспользоваться своимъ настроеніемъ, и зная, что оно не долго продолжится, онъ на-своро предписываетъ строгія мѣры, справедливыя, по его убѣжденію, но несогласныя съ его характеромъ.

Когда Ѳедоръ взомель на престоль, онъ не обманывался насчетъ своей неспособности, и передалъ Годунову полное управленіе царствомъ, съ намѣреніемъ самъ ни во что не вмѣшиваться. Но въ расчетъ Годунова не входило взять на первыхъ порахъ всю отвѣтственность на себя. Онъ нашелъ полезнымъ прикрыться авторитетомъ Ѳедора, сохранилъ ему весь наружный видъ неограниченнаго владыки, докладывалъ ему обо всемъ, испрашивалъ на все его рѣшеній, и Ѳедоръ, мало-по-малу, при содѣйствіи неизбѣжныхъ придворныхъ льстецовъ, увѣрился, что онъ не такъ неспособенъ, какъ полагалъ. На этомъ періодѣ застаеть его трагедія. Лѣнь и природное отвращеніе продолжаютъ удалять его отъ дѣлъ; но онъ уже привыкъ думать, что Годуновъ дѣйствуетъ по его инструкціямъ. Только въ важныхъ кризисахъ жизни, когда воля Годунова прямо противорѣчитъ благости Ѳедора, какъ, напримѣръ, когда Годуновъ грозитъ его оставить, если онъ не выдастъ ему Шуйскаго, самообольщеніе Ѳе-

дора исчезаетъ; онъ убѣждается въ независимой силѣ Годунова, и не умѣя бороться съ нимъ въ качествѣ царя, даетъ ему отпоръ какъ человѣкъ и христіанинъ. На этой почвѣ онъ стоитъ всегда неизмѣримо выше и Годунова, и самого Шуйскаго, и всѣхъ его окружающихъ. Ошибка Федора состоитъ въ томъ, что онъ не постоянно держится своего призванія быть человѣкомъ, а пытается иногда играть роль царя, которая не указана ему природой. Этой роли онъ не выдерживаетъ, но отъ нея не отказывается; не можетъ обойтись безъ руководителя, но ему не подчиняется. Такое ложное положеніе рождаетъ безпрестанное противорѣчіе между его природой и обязанностями его сана. Въ этомъ его и трагическая и комическая стороны.

Роль Федора очень многосложна, и проходитъ черезъ самыя разнообразныя состоянія души, отъ добродушной веселости, когда онъ шутитъ съ Ириной, до изступленія, когда онъ узнаетъ о смерти Шуйскаго. Изъ всѣхъ лицъ, какъ первой трагедіи, такъ и этой, лицо Федора, по моему мнѣнію, самое трудное. Оно требуетъ большого изученія и большой тонкости, уже потому, что въ немъ трагическій элементъ и оттѣнокъ комизма переливаются одинъ въ другой, какъ радужные цвѣта на раковинѣ. Съ этимъ комизмомъ сценической художникъ долженъ обращаться чрезвычайно осторожно и никакъ не доводить его до яркости. Это не что иное, какъ фольга, слегка окрашивающая чистую душу Федора, прозрачную какъ горный кристаллъ. Прибавлять послѣ этого, что въ его роль не слѣдуетъ вмѣшивать каррикатурности — я считаю излишнимъ. Одно предположеніе такой возможности было бы для исполнителя оскорбленіемъ, ибо заключало бы въ себѣ самое низкое мнѣніе о его пониманіи искусства.

Первое появленіе Федора, въ короткой сценѣ со стремяннымъ, съ Ириной и съ Годуновымъ, есть вступительный аккордъ въ его характеръ, и должно быть именно такъ понято исполнителемъ. Ребяческій гнѣвъ на вздыбившагося коня, заблужденіе на счетъ своей физической силы, добродушное поддразниваніе Ирины, скорбь о раздѣленіи царства на партіи, жадно схваченный намекъ Годунова, что онъ не прочь отъ мира съ Шуйскимъ, увѣренность въ знаніи человѣческаго сердца, и равнодушіе къ дѣламъ — все это, проникнутое добротой и хлопотливостью, заключаетъ въ себѣ зародыши полнаго характера, которые должны быть съ разу и гармонически переданы.

Когда, въ слѣдующемъ актѣ, Федоръ является примирителемъ Годунова съ Шуйскимъ, зритель долженъ быть уже настолько знакомъ съ Федоромъ, чтобы его интересовало узнать, какъ этакая личность возьмется за такое дѣло? Въ приготовле-

нѣхъ Федора, въ наставленіяхъ его Годунову, Иринѣ, духовнымъ лицамъ и боярамъ, видна виртуозность человѣка, который чувствуетъ себя въ своемъ элементѣ, которому пріятно взятыся за трудное дѣло, гдѣ онъ, по своему мнѣнію, мастеръ. Но, по мѣрѣ приближенія рѣшительной минуты, Федоромъ овладѣваетъ робость, и когда онъ начинаетъ увѣщевать Шуйскаго, застѣнчивость его такъ велика, что онъ не находитъ словъ и передаетъ рѣчь Годунову. Во все продолженіе спора обоихъ противниковъ Федоръ слѣдитъ за ними съ бьющимся сердцемъ. На лицѣ его написаны напряженіе и безпокойство до той минуты, когда противники берутся за руки. Тутъ радость его проявляется взрывомъ, какъ то бываетъ у добрыхъ дѣтей, получившихъ, наконецъ, чего они давно желали, но на что не смѣли надѣяться. Дѣтская сторона Федора должна особенно быть видна въ его разговорѣ съ выборными. Я не опасуюсь того рода смѣха, который возбуждаютъ въ публикѣ перебивки старика Курюкова, рассказъ Федора о медвѣдѣ, или его совѣты Шаховскому, какъ биться на вулачкахъ. Это будетъ смѣхъ добрый, не умаляющій нисколько уваженія къ высокимъ достоинствамъ Федора; и когда онъ уйдетъ отъ выборныхъ, затыкая уши, то при хорошей игрѣ, публика успѣетъ достаточно полюбить его, чтобы надъ нимъ не смѣяться, а развѣ только улыбнуться неловкому положенію, въ которое онъ себя поставилъ. Есть большая разница между тѣмъ, что смѣшно (*drôle*) и тѣмъ, что достойно осмѣянія (*ridicule*). Первое совмѣстно съ любовію и съ уваженіемъ, второе исключаетъ эти чувства. На русскомъ языкѣ оба понятія выражаются тѣмъ-же словомъ, но они отъ этого не менѣе различны. Ребенку часто подобаешь эпитетъ: *drôle*, но ему не можетъ подобать эпитетъ: *ridicule*. Федоръ же въ этой сценѣ долженъ быть изображенъ ребенкомъ въ самомъ хорошемъ значеніи слова. Впоследствии онъ покажетъ, что можетъ быть и чѣмъ-нибудь инымъ; но еслибы, несмотря на свою благость, онъ кому-нибудь представился не довольно достойнымъ, мы того попросили бы подождать до третьяго акта. Вообще въ искусствѣ бояться выставить недостатки любимыхъ нами лицъ—не значитъ оказывать имъ услугу. Оно, съ одной стороны, предполагаетъ мало довѣрія къ ихъ качествамъ, съ другой, приводитъ къ созданію безукоризненныхъ и безличныхъ существъ, въ которыхъ никто не вѣритъ. Здѣсь кстати замѣтить, въ отвѣтъ на нѣкоторыя опасенія объ униженіи царскаго достоинства въ лицѣ Федора, что значеніе каждой пьесы опредѣляется общимъ ея впечатлѣніемъ, а не отдѣльными частями, тѣмъ менѣе отдѣльными фразами, или словами. Общее впечатлѣніе Федора не должно быть иное;

какъ сочувственное; а сочувствія нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ правдоподобія, которое исчезнетъ, когда отнять у Федора его слабыя стороны. Если роль будетъ сыграна хорошо, то отвлеченная идея царскаго достоинства не пострадаетъ отъ того, что публика увидитъ на сценѣ подтвержденіе факта, извѣстнаго ей изъ исторіи, то-есть, что послѣдній государь изъ династіи Рюриковичей былъ слабъ и ограниченъ. Царское достоинство можетъ развѣ пострадать отъ плохой игры, и то не въ одной роли Федора, но и въ роли всякаго вѣнценосца, хотя бы онъ былъ Августъ.

Итакъ, отъ драматическаго артиста зависитъ передать Федора какъ онъ понятъ авторомъ, то-есть, исполненнымъ высокихъ душевныхъ достоинствъ, далеко превышающихъ его недостатки.

Послѣ сцены доклада, характеръ Федора является съ новой стороны. Желая выписать царевича Дмитрія изъ Углича, онъ бунтуется противъ Годунова, не соглашающагося на эту мѣру, и старается сбросить его иго. Эта попытка ему не удается потому, что онъ противопоставитъ Годунову свою самую слабую сторону, свое качество неограниченнаго царя. За то въ слѣдующей сценѣ, гдѣ Годуновъ требуетъ выдачи Шуйскаго, Федоръ остается побѣдителемъ, потому, что, вмѣсто царской власти, опирается на свою самую сильную сторону, на качество человѣка и христіанина. Онъ уже не спрашиваетъ съ сердцемъ:

Я царь, или не царь?

но откровенно и кротко говоритъ:

Какой я царь! Меня во всѣхъ дѣлахъ
И столку сбить и обмануть не трудно!

Эти двѣ сцены нарочно сопоставлены вмѣстѣ, чтобы первая усиливала вторую своимъ съ ней контрастомъ, и чтобы Федоръ, внезапно сознающійся въ неспособности быть царемъ, выросъ во мнѣніи зрителя, какъ человѣкъ.

Переходъ Федора отъ несостоятельнаго царя къ человѣку сильному однимъ человѣческимъ чувствомъ, его исканіе и обрѣтеніе убѣжища отъ собственной слабости въ христіанскомъ смиреніи — должны быть ярко и выпукло выставлены. Когда, по удаленіи Годунова, Федоръ бросается на шею Иринѣ, зритель долженъ видѣть, какого усилія стоило ему разрывъ съ правителемъ и какъ дорого онъ ему обошелся. Лице Федора измѣнилось какъ послѣ болѣзни, но оно преображено сознаніемъ, что онъ поступилъ по совѣсти; оно выражаетъ теперь его полное

согласіе съ самимъ собой, и когда онъ, сломанный физически своей моральной побѣдой, опирается на руку Ирины,—его прежнее недостатки, его ограниченность, его комизмъ, должны представиться зрителю въ иномъ значеніи, и онъ долженъ понять, что они были нужны, дабы Федоръ явился великъ, не какими-нибудь блестящими качествами, но именно христіанскимъ смиреніемъ, лишеннымъ всякаго блеска.

Еслибы Федоръ могъ удержаться на этой высотѣ, онъ бы заслуживалъ быть причисленнымъ къ лику святыхъ, но человѣческая слабость беретъ свое. Въ четвертомъ актѣ онъ, сидя за кипюю бумагъ, которыхъ не можетъ понять, сожалеетъ о своей ссорѣ съ Годуновымъ, и готовъ сдѣлать ему уступки. Клешнинъ приноситъ ему ультиматумъ правителя, но Годуновъ требуетъ слишкомъ много, Федоръ не соглашается и, по прежнему, не вѣрить измѣнѣ Шуйскихъ — слѣдуетъ очная ставка Клешнина съ Шуйскимъ. Непроницательность Федора, смѣшанная съ великодушіемъ и упрямствомъ, выказывается здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ-либо. Когда онъ, добываясь отъ Шуйскаго оправдательнаго отвѣта, тѣмъ самымъ вынуждаетъ у него признаніе въ измѣнѣ, этотъ неожиданный оборотъ приводитъ его въ такой испугъ, что не Шуйскій, а онъ кажется попавшимъ въ западню. Чтобы выручить Шуйскаго, Федоръ не находитъ лучшаго средства, какъ увѣрять, что Шуйскій, по его приказанію, объявилъ царемъ Дмитрія. Комизмъ этой уловки не долженъ мѣшать зрителю быть тронутымъ великодушіемъ Федора и согласиться съ Шуйскимъ, когда онъ говоритъ:

Нѣтъ, онъ святой!

Богъ не велитъ подняться на него!

Задача исполнителя въ этомъ трудномъ мѣстѣ — заставить публику улыбаться сквозь слезы.

Если оно удастся, то публика пойметъ, въ какомъ раздраженіи находятся нервы Федора, когда онъ узнаетъ изъ бумаги, поданной ему Шаховскимъ, что тотъ самый Шуйскій, котораго онъ только что спасъ, за котораго поссорился съ Годуновымъ—хотѣлъ развести его съ женою, такъ нѣжно и горячо имъ любимой.

Возстаніе Шуйскаго, какъ обида личная, не возбудило въ Федорѣ ни малѣйшаго гнѣва. Онъ не принялъ это возстаніе ни какъ государственное преступленіе, ни какъ обиду; оно представилось ему только съ точки зрѣнія опасности, которой подвергался глубоко чтимый имъ воевода, тотъ, кому земля обязана спасеньемъ. Но когда Шуйскій затронулъ его Ирину, Федоръ сперва плачетъ, потомъ выходитъ изъ себя. Онъ

не соображаетъ хронологическаго отношенія измѣны, имъ только что прощенной, съ челобитней о разводѣ, не поданной Шуйскимъ; не соображаетъ, что челобитня предшествовала измѣнѣ, а измѣна исключаетъ челобитню; поступокъ Шуйскаго представляется ему, какъ черная неблагодарность, и ничего не разбирая, ничего не видя, кромѣ оскорбленія своей Ирины, онъ яростно кричить:

Въ тюрьму! Въ тюрьму!

и прихлопываетъ печатью заготовленный Клепнинимъ приказъ.

Не смѣю утверждать, что поспѣшность Ѣдора происходитъ отъ одного негодованія, и что къ ней не примѣшивается облегчительнаго чувства, что онъ можетъ теперь, не грѣша противъ совѣсти, исполнить требованіе правителя и съ нимъ помириться. Во всякомъ случаѣ, Ѣдоръ уже смотритъ на возстаніе иначе, чѣмъ за нѣсколько минутъ, ибо чувство его къ Шуйскому измѣнилось, а въ природѣ человѣческой окрашивать чужіе поступки нашимъ личнымъ расположеніемъ къ ихъ совершителямъ.

Въ пятомъ актѣ нѣтъ вовсе комизма; заключительный аккордъ долженъ быть чисто трагическій. Обращеніе Ѣдора къ усопшему родителю, послѣ панихиды, есть послѣднее его усиліе выдержать неподобающую ему роль. Его изступленіе при вѣсти о смерти Шуйскаго, его возгласъ:

Палачей!

не должны возбуждать улыбки. Это слово, хотя не имѣетъ въ устахъ Ѣдора того значенія, какое имѣло бы въ устахъ его отца — должно быть произнесено съ неожиданной, потрясающей энергіей. Это высшій пароксизмъ страданія, до котораго доходитъ Ѣдоръ, такъ что силы его уже истощены, когда онъ узнаетъ о смерти Дмитрія, и эта вторая вѣсть дѣйствуетъ на него уже подавляющимъ образомъ. Подозрѣніе на Годунова, мелькнувшее въ немъ по поводу Шуйскаго, еще разъ промелькиваетъ, какъ молнія, относительно Дмитрія:

Ты, кажется, сказалъ:

Онъ удавился? Митя-жъ закололся?

Арина — а? Что если —

Послѣднюю строку Ѣдоръ произноситъ съ испугомъ, чтобы зритель понялъ, какая ужасная мысль его поразила. Годуновъ устраняетъ ее предложеніемъ послать въ Угличъ Василю Шуйскаго, племянника удушеннаго князя; Ѣдоръ бросается ему на шею, прося прощенія, что мысленно оскорбилъ его — и совершенно теряется. Онъ хочетъ дать наставленія Василю Шуй-

скому, но рыданія заглушаютъ его слова. Теперь онъ сознаетъ, что по его винѣ погибли Шуйскій и Дмитрій, а царство осталось безъ преемника, и въ первый разъ постигаетъ, до какой степени было несостоятельно его притязаніе государить. Почва царственности проваливается подъ нимъ окончательно, онъ окончательно отказывается отъ всякой попытки на ней удержаться. Отнынѣ онъ уже ни во что не вмѣшивается, онъ умеръ для міра, онъ весь принадлежитъ Богу.

Это отреченіе отъ жизни, этотъ разрывъ съ прошедшимъ, должны быть символически ознаменованы обстановкой Ѳедора въ послѣдней сценѣ трагедіи. Всѣ окружавшія его лица удалились. Осталась одна Ирина, да толпа нищихъ, да, пожалуй, два, три стольника съ царской страпней, чтобы не слишкомъ отступать отъ этикета. Въ этомъ скромномъ окруженіи Ѳедоръ произноситъ свой заключительный монологъ, а нищая братія въ тоже время затягиваетъ вполголоса псаломъ, и на его «покаянномъ» напѣвѣ слова Ѳедора вырѣзываются, какъ старинная живопись на золотомъ полѣ.

Мы видѣли изъ предшествующаго обзора, что въ характерѣ Ѳедора есть какъ-бы два человѣка, изъ коихъ одинъ слабъ, ограниченъ, иногда даже смѣшонъ; другой же, напротивъ, великъ своимъ смиреніемъ, и почтененъ своей нравственной высотой. Но эти два человѣка рѣдко являются отдѣльно; они большею частію слиты въ одну цѣльную личность, и воплощеніе этой *цѣльности* составляетъ главную задачу драматическаго исполнителя.

Наружность Ѳедора уже описана въ постановкѣ «*Смерти Иоанна*». Онъ былъ малъ, дряблъ, склоненъ къ водяной болѣзни, и почти безбородъ. Цвѣтъ лица его блѣдно-желтоватый (sallow complexion, по выраженію Флетчера), ноги слабы, поступь неровна, носъ соколиный, губы улыбающіяся. Это очевидно не мой Ѳедоръ. *Моему* Ѳедору можно отъ его исторической наружности сохранить только малый ростъ, отсутствіе бороды, неровность поступи и улыбающіяся черты лица. Портретъ Ѳедора надъ его гробницей въ Архангельскомъ соборѣ, воспроизведенный Солнцевымъ въ «*Русскихъ Древностяхъ*», не имѣетъ никакого значенія, ибо это не портретъ, а просто человѣческое лицо безо всякой физиогноміи, въ родѣ тѣхъ, какія рисуютъ дѣти. Возрѣніе на эти черты профессора Снегирева для меня непонятно.

Въ трагедіи я придалъ Ѳедору болѣе живости, чѣмъ у него было на дѣлѣ, но она проявляется только въ его хлопотливости, когда онъ хочетъ что-нибудь *устроить*; обыкновенно же онъ скорѣе лѣнивъ и вялъ; но какъ у меня онъ почти всегда

занять желаніемъ кого-нибудь помирить, или оправдать, или спасти, то онъ почти непрерывно хлопочетъ. Приемы его робки, видъ застѣнчивъ, голосъ и взглядъ чрезвычайно кротки, при большомъ желаніи казаться твердыми и рѣшительными.

Черезъ всю роль Ѡедора проходитъ одна черта, дающая ему особенный колоритъ: это его любовь къ Иринѣ. Она ему и другъ, и опора, и утѣшительница въ скорбяхъ. Мысль о ней не покидаетъ его ни на мигъ и примѣшивается ко всѣмъ его душевнымъ движеніямъ. Все, что съ нимъ случается, онъ относитъ къ ней; горе-ли съ нимъ приключится, или обрадуется онъ чему, онъ тотчасъ бѣжитъ къ Иринѣ и дѣлится съ ней своимъ впечатлѣніемъ. Также, если онъ что-нибудь затѣетъ, Ирина непременно должна ему помогать.

Особенно же онъ рассчитываетъ на поддержку Ирины, когда Годуновъ требуетъ отъ него чего-нибудь противнаго его благодушію. Но бываетъ, что онъ и не соглашается съ Ириной, особенно въ мелочахъ, потому, что ему хочется показать, что онъ все-таки царь и господинъ въ своемъ домѣ. Иногда онъ любитъ и подразнить Ирину, но это дѣлается очень добродушно и только съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же выказать въ ней еще большую нѣжность.

Для передачи Ѡедора требуется не только тонкій умъ, но и сердечное пониманіе. Если же исполнитель, сверхъ того, еще и полюбитъ его, сживется съ нимъ и войдетъ къ нему въ душу, то въ его роли можетъ оказаться много оттѣнковъ, не тронутыхъ въ этомъ обзорѣ, и много эффековъ, мною не предвидѣнныхъ. Изъ всѣхъ нашихъ артистовъ я никого такъ не желалъ бы видѣть въ роли Ѡедора, какъ Сергѣя Васильевича Шумскаго.

Годуновъ.

Въ проектѣ о постановкѣ моей первой трагедіи, я описалъ подробно его характеръ, и потому ограничусь здѣсь только тѣми особенностями, которыя принадлежатъ ему, какъ правителю царства.

Получивъ верховную власть, Годуновъ, вѣрный своимъ правиламъ, остается наружно на второмъ планѣ. Онъ всегда держитъ себя съ Ѡедоромъ чрезвычайно почтительно; съ Ириной же, при свидѣтеляхъ, даже преувеличиваетъ свое благоговѣніе, ибо хочетъ подавать примѣръ другимъ, и возвышая свою сестру въ общемъ мнѣніи, самъ дѣлается сильнѣе. Мы видимъ изъ исторіи, что онъ ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы окружить Ирину царскою пышностью и упрочить ей любовь народа. Онъ умно-

жилъ число ея боярынь, далъ ей цѣлый полкъ личныхъ тѣлохранителей, и въ торжественные дни, особенно въ день ея рожденія, издавалъ грамоты о прощеніи виновныхъ однимъ ея именемъ, не упоминая о Ѳеодорѣ. Въ сношеніяхъ съ иностранными державами онъ выставялъ Ирину, какъ участницу въ управленіи царствомъ, такъ, что Елисавета англійская почла нужнымъ писать лично къ Иринѣ, чтобы этой любезностью расположить ее въ себѣ въ дѣлѣ объ уменьшеніи пошлинъ съ англійскихъ купцовъ. Дѣйствуя на тщеславіе бояръ, Годуновъ завелъ званые царскіе обѣды, на которые иногда самъ не былъ приглашаемъ; но кто въ такой день обѣдалъ у царя, тотъ завидовалъ гостямъ Годунова. Въ думѣ онъ сидѣлъ не на первомъ, а на четвертомъ мѣстѣ.

Эта сдержанность, умѣренность и наружное смиреніе видны во всѣхъ его приемахъ, но теперь сознаніе власти просвѣчиваетъ въ нихъ болѣе, чѣмъ въ «Смерти Іоанна». Годуновъ, при случаѣ, умѣетъ быть гордымъ, даже съ Ѳеодоромъ.

Когда Шуйскій приноситъ на него жалобу, а Ѳеодоръ его спрашиваетъ:

То правда-ль, шуринъ?

онъ отвѣчаетъ: Правда! съ такимъ видомъ, изъ котораго ясна его увѣренность, что не Ѳеодоръ, а онъ—настоящій господинъ царства.

Тоже чувство сквозить въ его обращеніи къ Иринѣ:

Не дѣльно ты, сестра,
Вмѣшалася во что не разумѣешь!

равно какъ и въ его замѣчаніи на удостовѣреніе Ѳеодора Шуйскому, что Дмитрій будетъ перевезенъ въ Москву:

А я на то отвѣтилъ государю,
Что въ Угличѣ остаться долженъ онъ.

Но Годуновъ обнаруживаетъ сознаніе своей власти только въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно же онъ скрываетъ его подъ видомъ полной зависимости отъ Ѳеодора:

Твоему желанью
Повиноваться долгъ мой, государь!

говорить онъ въ сценѣ примиренія, такъ скромно, какъ будто оно не имъ самимъ возбуждено, а принято изъ покорности къ Ѳеодору. Въ продолженіи своего спора съ Шуйскимъ, онъ держитъ себя чрезвычайно достойно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень скромно, и умѣренность его составляетъ контрастъ съ вичучею гордостью Шуйскаго.

Когда онъ объявляетъ Федору о необходимости взять Шуйскаго подъ стражу, въ его невозмутимомъ спокойствіи слышится непреклонность. Онъ знаетъ чего хочетъ, и не останавливается передъ послѣдствіями. Неожиданный отказъ Федора поражаетъ его удивленіемъ, ибо онъ не привыкъ ошибаться въ людяхъ, и думалъ доселѣ, что знаетъ Федора насквозь. Но здѣсь случилось, что случается иногда съ людьми, привыкшими играть другими, какъ пѣшками: они, въ своихъ смѣтахъ, слишкомъ дешево ставятъ нравственное чувство человѣка — и расчетъ ихъ бываетъ невѣренъ.

Монологъ Годунова, въ четвертомъ актѣ, гдѣ онъ говоритъ о своемъ отрѣшеніи, долженъ быть произнесенъ съ непривычнымъ ему волненіемъ. Зритель долженъ видѣть, что въ немъ, какъ и въ Шуйскомъ, произошелъ переворотъ рѣшающей направленіе всей его жизни.

Сцена съ Клепшинымъ, гдѣ рѣчь идетъ о Волоховой, очень трудна. Годуновъ не велитъ убить Дмитрія. Онъ, напротивъ, три раза сряду говоритъ Клепшину: *«Скажи ей, чтобъ она царевича блюла!»* и не смотря на то, Клепшинъ долженъ понять, что Дмитрій осужденъ на-смерть. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ исполнителю предоставляется обширное поле для его художественныхъ соображеній. Троекратное: *«Чтобы она блюла царевича»* — должно каждый разъ быть сказано иначе. Мысль Годунова, противорѣчащая его словамъ; сначала едва сквозитъ; потомъ она какъ будто самого его пугаетъ, и онъ готовъ отъ нея отказаться; въ третій же разъ, послѣ словъ:

Убить, но живъ —

эта мысль является установившеюся, и наставленіе блюсти царевича должно звучать, какъ смертный ему приговоръ.

Отказъ Годунова увидѣть Волохову, также долженъ быть сказанъ знаменательно: Годуновъ, съ одной стороны, отклоняетъ отвѣтственность на случай нескромности Волоховой; съ другой, чувствуетъ невольное содроганіе вступить въ личные переговоры съ своимъ гнуснымъ орудіемъ. Всѣ эти подробности должны быть въ дѣйствиіи такъ отчеканены, чтобы онѣ подготовили зрителя къ тому чувству чего-то недобраго, которое, при хорошей игрѣ, исполнить его въ слѣдующей сценѣ, Клепшина съ Волоховой.

Послѣ разговора съ Клепшинымъ, Годуновъ является въ началѣ пятаго акта, сперва въ сценѣ съ Василиемъ Шуйскимъ, потомъ въ сценѣ съ Ириной. Первая сцена не важна въ отношеніи характеристики Годунова; цѣль ея только подготовить отправку Василя Шуйскаго на углищное слѣдствіе; но вторая имѣетъ особенную важность. Она, по положенію своему въ экономіи

драмы, принадлежитъ къ разряду замедляющихъ; ибо драматическое движеніе быстро спѣшить въ концу, а ему бросають на встрѣчу препятствіе, чтобы, опротививъ его, оно тѣмъ неужимѣе ринулось въ катастрофу. По содержанію своему, эта сцена синтетическая, ибо она въ своемъ фокусѣ собираетъ весь характеръ Годунова, опредѣляетъ значеніе Ѳедора и заставляеть зрителя оглянуться на пройденную имъ дорогу. Сверхъ того, въ ней полнѣе опредѣляется характеръ Ирины. По формѣ, эта сцена лирическая, и въ этомъ качествѣ должна быть играна съ нѣоторымъ паэосомъ. Ирина проситъ Годунова пощадить Шуйскаго; онъ ей отказываетъ—вотъ и все внѣшнее содержаніе. Но въ немъ, съ обѣихъ сторонъ, много психическихъ движеній, а непреклонность Годунова является теперь въ строгой формѣ государственной необходимости. Какъ ни жестоки его мѣры, зритель долженъ видѣть, что онѣ внушены ему не однимъ честолюбіемъ, но и болѣе благородною цѣлью, благомъ всей земли; и если не простить ему приговора Дмитрія, то понять, что Дмитрій есть дѣйствительно препятствіе къ достиженію этой цѣли. Свой монологъ:

Высокая гора

Былъ царь Иванъ...

Годуновъ произноситъ внятно, не спѣша, какъ-бы погруженный въ самого себя. Когда онъ доходитъ до мѣста:

«Семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, кладя за камнемъ камень....»

голосъ его одушевляется, и въ немъ слышатся гнѣвъ и скорбь, а послѣднія слова:

Имъ мѣста нѣтъ, быть мѣста не должно!

онъ выговариваетъ съ рѣшительностью, не допускающей возраженія. Но Ирина не считаетъ себя побѣжденной. Она истощаетъ всѣ доводы въ пользу Шуйскаго. Годуновъ ихъ всѣ опровергаетъ, и переходя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, требуетъ отъ Ирины, чтобы она сама помогла ему погубить Шуйскихъ. Ирина отвергаетъ это требованіе, и братъ и сестра расходятся какъ достойные противники, знающіе другъ друга и не теряющіе лишнихъ словъ, а зритель остается въ недоумѣніи, кому изъ двухъ будетъ принадлежать побѣда.

Эта сцена должна усилить ожиданіе развязки, и на нее нельзя не обратить главнаго вниманія.

Въ концѣ пятаго акта, Годуновъ, въ числѣ прочихъ бояръ, выходитъ съ Ѳедоромъ изъ собора.

Когда Ѳедоръ, узнавъ объ умерщвленіи Шуйскаго, обращается къ Годунову со словами:

Ты вѣдалъ это?

а Годуновъ отвѣчаетъ:

Видитъ Богъ — не вѣдалъ!

въ его отвѣтъ есть и правда, и ложь; онъ дѣйствительно не зналъ, что Шуйскій удушенъ, но приставивъ къ нему его смертельнаго врага, Туренина, онъ имѣлъ поводъ ожидать, что дѣло именно такъ кончится.

При извѣстїи о смерти Дмитрія, Годуновъ не можетъ казаться равнодушнѣмъ. Его волненіе видно сквозь наружное спокойствіе; но онъ скоро оправляется, и съ невозмущеннымъ видомъ предлагаетъ послать на слѣдствіе Василя Шуйскаго.

Слова свои, обращенныя вполголоса къ Иринѣ:

Пути сошлѣся наши!

онъ произноситъ съ сдержаннымъ торжествомъ, и ставъ подъ начало Мстиславскаго (фактъ историческій), покидаетъ сцену съ эффектомъ, но безъ напыщенности, оставляя зрителю испускающее впечатлѣніе человѣка, которому участь земли дороже всего, и который умѣетъ не только повелѣвать, но и подчиняться другому, когда благо государства того требуетъ.

Темпъ его роли въ концѣ пятаго акта идетъ очень быстро, какъ и всѣхъ прочихъ ролей, ибо дѣйствіе напираетъ на катастрофу, нѣтъ болѣе мѣста для анализа, и событія изображены *подъ титлами, или en raccourci*.

Подобно какъ въ «Смерти Іоанна», такъ и въ этой драмѣ, судьба Годунова ею не оканчивается, но, пронизывая насквозь обѣ трагедїи, теряется въ будущемъ.

Насчетъ его наружности и прїемовъ отсылаю исполнителя къ «Постановкѣ: Смерти Іоанна».

Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій.

Этотъ врагъ, соперникъ и жертва Годунова представляетъ разительную съ нимъ противоположность. Отличительныя качества его — прямота, благородство и великодушїе; отличительныя недостатки — гордость, стремительность и односторонность. Къ этому присоединяется нѣкоторая мягкость сердца, нечуждая сильному характеру, но всегда вредная для достиженія политическихъ цѣлей.

Зѣло онъ мягкосердъ,

говорить про него благовѣщенскій протопопъ.

Младенецъ сущїй!

говорить его племянникъ, Василій Шуйскій.

Скорь больно князь Иванъ!

говорить Дмитрій Шуйскій.

Трудно кривить душой!

говорить онъ самъ про себя.

Понятно, что такой человѣкъ не могъ выдержать борьбу съ Годуновымъ, который не былъ ни одностороненъ, ни мягкосердъ, ни стремителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, ни разборчивъ въ средствахъ, и которому ничего не стоило кривить душой для достиженія своихъ цѣлей. Но на сторонѣ Шуйскаго, какъ главы партіи, были такія преимущества, которыхъ не доставало Годунову. Военная слава князя Ивана Петровича гремѣла не только по всей Россіи, но и въ цѣломъ образованномъ мірѣ, читавшемъ еще недавно, на всѣхъ европейскихъ языкахъ, описанія знаменитой осады Пскова и восторженные хвалы его защитнику. Его великодушный, доблестный нравъ, съ оттѣнкомъ западнаго рыцарства, былъ вѣдомъ друзьямъ и недругамъ. Вызовъ его Замоискому на единоборство, на который намекаетъ Шаховской въ первой сценѣ трагедіи, есть фактъ историческій. Гейденштейнъ и русская хроника рассказываютъ, что, во время псковскаго обложенія, Шуйскій получилъ изъ литовскаго стана письмо отъ одного нѣмца, Моллера, изъявлявшаго желаніе перейти на нашу сторону. При этомъ Моллеръ послалъ Шуйскому тяжелый ящикъ съ просьбой вынуть изъ него казну и блюсти до его прибытія. Изъ предосторожности Шуйскій поручилъ искусному мастеру открыть ящикъ, и въ немъ оказалось 24 заряженные ствола со взведенными курками, которые произвели бы взрывъ, еслибъ ящикъ былъ открытъ неумѣючи.

Приписывая это варварство, быть можетъ ошибочно, Замоискому, Шуйскій послалъ ему письменный укоръ, что онъ поступилъ нечестно, и предложилъ ему, вмѣсто того, помѣряться съ нимъ на сабляхъ, лицомъ въ лицу. Одна эта черта освѣщаетъ всего Шуйскаго со стороны его благородства и будущей несостоятельности, какъ руководителя заговора. Воевода, имѣвшій подъ своей отвѣтственностью многія тысячи людей, и согласившійся играть жизнью въ личномъ дѣлѣ, изъ одного чувства прямоты—есть тотъ самый человѣкъ, который, впоследствии, на очной ставкѣ съ Клешинымъ, предпочтетъ погубить свою голову, чѣмъ отвѣтить неправду на вопросъ царя, сдѣланный ему именемъ его чести. И Федоръ, съ вѣрнымъ чутьемъ высокой души, узнающей другую высокую душу, не ошибается въ Шуйскомъ, когда не требуетъ отъ него ни клятвы, ни цѣлованія иконы, а говоритъ:

Скажи по чести мнѣ, по чести только,
И слова твоего съ меня довольно!

Вообще причина любви Ѳедора къ Шуйскому — это испытанная прямота и благородство послѣдняго: они два родственные характера. Имѣй Ѳедоръ силу и умъ, онъ былъ бы похожъ на Шуйскаго.

Какъ въ роли Ѳедора, такъ и въ роли Шуйскаго, главныя основанія изложены во вступительной сценѣ. Изъ первыхъ словъ Шуйскаго мы узнаемъ его ненависть къ Годунову, и упорную привязанность къ старинѣ; изъ возраженія Василию Шуйскому — его честность съ самимъ собой; изъ отвѣта Головину — его доселѣ непоколебимую вѣрность Ѳедору; а изъ заключительнаго монолога — его отвращеніе отъ кривыхъ путей. Сверхъ того, въ этой сценѣ разбѣяно, въ разговорахъ разныхъ лицъ, много рефлексовъ, объясняющихъ другія стороны Шуйскаго, такъ, что при помощи этихъ данныхъ, исполнителю будетъ не трудно воплотить его личность и сдѣлать ее для зрителя несомнительною.

Въ сценѣ примиренія прежде всего бросается въ глаза гордость Шуйскаго. Слова:

Государь,
Мнѣ въ думѣ дѣлать нечего, и т. д.

должны быть сказаны даже съ нѣкоторою суровостью. Она продолжаетъ являться и во всѣхъ возраженіяхъ его Годунову, и въ первомъ отвѣтѣ царицѣ. Только послѣ монолога Ирины, когда она, кланяясь ему, говоритъ:

Моимъ большимъ поклономъ
Прошу тебя, забудь свою вражду!

— ледяной панцырь, которымъ Шуйскій обложилъ свое сердце, растаиваетъ, и въ голосѣ его слышится дрожаніе, когда онъ отвѣчаетъ:

Царица-матушка, ты на меня
Повѣяла какъ будто тихимъ лѣтомъ!

Этотъ переходъ отъ суровости къ умиленію, это преклоненіе мужественнаго характера передъ женскою благостью — лучше всего обрисовываютъ Шуйскаго, и драматическій артистъ сдѣлаетъ хорошо, если обратитъ большое вниманіе на это мѣсто.

Со словами Шуйскаго:

Вотъ моя рука!

которыя онъ выговариваетъ съ откровенною рѣшимостью, все враждебное исчезаетъ изъ его сердца и съ его лица. Онъ ис-

кренно помирился съ Годуновымъ, искренно вѣрить его обѣщаніямъ, и съ полнымъ чистосердечіемъ произносить свою клятву. Къ выборнымъ, дерзающимъ сомнѣваться, что правитель сдержитъ свое слово, Иванъ Петровичъ обращается съ гнѣвнымъ упрекомъ, въ то самое время, какъ Годуновъ шепчетъ Клешнину:

Замѣть ихъ имена,
И запиши!

Здѣсь особенно видѣнъ контрастъ между характерами Годунова и Шуйскаго. Оба исполнителя должны, на репетиціяхъ, усвоить себѣ: первый — благозвучную убѣдительность голоса и невозмутимое спокойствіе приемовъ; другой — сначала гордую суровость, потомъ стремительную довѣрчивость въ своихъ новыхъ отношеніяхъ къ примиренному врагу.

Въ третьемъ актѣ, при вѣсти о вѣроломствѣ Годунова, Шуйскій сперва не можетъ ей повѣрить, потомъ всеипааетъ негодованіемъ. Когда же братья его хлопотливо предлагаютъ каждый свою мѣру, онъ молчитъ, сдвинувъ брови, погруженный самъ въ себя, и вдругъ, какъ будто опомнившись и удивляясь, что они такъ долго ищутъ исхода, восклицаетъ:

Вы словно всё въ бреду!

и рѣшается идти къ царю, увѣренный, что прямой путь самый лучший. Его слова:

И можемъ нынѣ мы,
Хвала Творцу, не погрѣшая сами,
Его низвергнуть чистыми руками!

должны звучать увѣренностью въ успѣхѣ, а слѣдующія затѣмъ:

Наружу ложь! И згинетъ Годуновъ
Лишь солнце тамъ, въ востокѣ засіяетъ —

торжествомъ побѣды, какъ звуки бранной трубы.

Младенецъ! замѣчаетъ, пожимая плечами, Василій Шуйскій, когда дядя его удалился. И въ самомъ дѣлѣ, князь Иванъ Петровичъ въ этомъ случаѣ таковой же младенецъ, какъ и самъ Федоръ, таковой же какъ и всякій чистый человекъ, не вѣрящій, что наглая неправда можетъ взять верхъ надъ очевидной правдой.

Опытъ доказываетъ, что онъ слишкомъ много рассчитывалъ на Федора. Эта слабая опора подъ нимъ подламывается, и когда онъ уходитъ съ негодующими словами:

Прости, великій царь!

зритель долженъ видѣть и слышать, что въ немъ произошелъ

одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые измѣняютъ всю жизнь человѣка.

Свои распоряженія насчетъ возстанія онъ дѣлаетъ стремительно, и отдаетъ свои приказанія отрывисто, съ лихорадочною рѣшимостью. Ему не легко отказаться отъ долготѣней вѣрности царю, отъ тѣхъ началъ законности, во имя которыхъ онъ жилъ доселѣ; но онъ думаетъ, что того требуетъ благо земли, а оскорбленная гордость ему поддакиваетъ. Но, если бы Ѳедоръ еще одумался и смѣнилъ Годунова, Шуйскій отказался бы отъ возстанія. Поэтому, когда Ѳедоръ за нимъ посылаетъ, онъ повинуется, предполагая, что Ѳедоръ хочетъ дать ему удовлетвореніе.

Вмѣсто того, происходитъ сцена очной ставки, и Шуйскій, изъ чувства чести, выдаетъ себя головой. Здѣсь, быть можетъ, не бесполезно сдѣлать возраженіе на ошибочное мнѣніе, что чувство чести въ XVI вѣкѣ было исключительною принадлежностью Запада. Къ прискорбію, мы не можемъ скрыть отъ себя, что въ московскій періодъ нашей исторіи, особенно въ цареніе Ивана Грознаго, чувство это, въ смыслѣ охраненія собственнаго достоинства, значительно пострадало, или уродливо исказилось; и что если мы обязаны московскому періоду нашимъ внѣшнимъ величіемъ, то купивъ его внутреннимъ своимъ униженіемъ, мы дорого за него заплатили. Но въ смыслѣ долга, признаваемого человѣкомъ надъ самимъ собой, и обрекающаго его, въ случаѣ нарушенія, собственному презрѣнію, чувство чести, слава Богу, у насъ уцѣлѣло. Древняя юридическая формула: *Да будетъ мнѣ стыдно!* была отмѣнена и забыта, но духъ ея не вовсе исчезъ изъ народнаго сознанія. Чему приписать иначе столько случаевъ, именно въ цареніе Грознаго, гдѣ его жертвы предпочитали смерть *студному дѣлу*? Чему приписать поступокъ князя Репнина, умершаго, чтобы не плясать передъ царемъ? Или поступокъ нашихъ пушварей подъ Венденомъ, лишившихъ себя жизни, чтобы не быть взятыми въ плѣнъ? Или (если не ограничиваться одними мужскими примѣрами) поступокъ боярынь княгини Старицкой, жены князя Владиміра Андреевича, избравшихъ казнь и мученія, чтобы не принять царскихъ милостей? Солгать же изъ желанія спасти свою жизнь — безъ сомнѣнія, считалось не менѣе постыднымъ, чѣмъ отдаться живымъ непріятелю.

Связь съ Византіей и татарское владычество не дали намъ возвестъ идею чести въ систему, какъ то совершилось на Западѣ, но святость слова осталась для насъ столь же обязательною, какъ она была для древнихъ грековъ и римлянъ. Довольно потеряли мы нашего достоинства въ тяжелый московскій періодъ, довольно

приняли униженій всякаго рода, чтобы не было нужно отымать у нашихъ лучшихъ людей того времени еще и возможности *религии честнаго слова*, потому только, что это чувство есть также западное ¹⁾.

Какъ ни извѣстна Шуйскому благость Ѳедора, но послѣ своего признанья, онъ не ожидалъ того оборота, который Ѳедоръ дастъ его дѣлу. Послѣднее усиліе Шуйскаго выдержать свой характеръ выражается въ словахъ:

Не вздумай, государь,
Меня простить! Я на тебя бы снова
Тогда пошелъ!

Слова эти онъ выговариваетъ гордо и сурово, какъ бы для того, чтобы отнять у Ѳедора всякую возможность его помиловать. Но съ Ѳедоромъ сладить не легко, когда онъ взялъ себѣ въ голову спасти утопающаго. Онъ, какъ неустрашимый пловецъ, бросается за нимъ въ воду, хватается его за-руки, хватается за-волосы, хватается за что попало, и противъ воли тащить на-берегъ. Суровость Шуйскаго разбивается въ дребезги объ это безпредѣльное великодушіе. Онъ побѣжденъ имъ теперь, какъ прежде былъ побѣжденъ благостью Ирины; слезы брызнули изъ его глазъ, и со словами:

Нѣтъ, онъ святой!
Богъ не велитъ подняться на него!

онъ упалъ бы на колѣни передъ Ѳедоромъ, еслибъ тотъ не вытолкалъ его изъ покоя, говоря:

Ступай, ступай! Раздѣлай, что ты сдѣлалъ!

Послѣ этой сцены, мы видимъ Шуйскаго въ послѣдній разъ, въ кандалахъ, подъ стражею, вѣдомаго въ тюрьму его заклятымъ врагомъ, Туренинымъ, назначеннымъ ему въ пристава. Онъ принялъ свой приговоръ, какъ заслуженное наказаніе, и въ его осанкѣ, въ его голосѣ должны чувствоваться раскаяніе, участіе къ народу, достоинство и преданность судьбѣ. Совѣсть уже не позволяетъ ему идти противъ Ѳедора, но онъ не можетъ

¹⁾ Это равняется отверженію въ русской драмѣ общихъ законовъ искусства потому, что эти законы признаны всею Европой. Странная боязнь быть европейцами! Странное исканіе русской народности въ сходствѣ съ туранцами, и русской оригинальности въ клеймахъ татарскаго ига! Славянское племя принадлежитъ къ семьѣ индо-европейской. Татарщина у насъ есть элементъ наносный, случайный, привившійся къ намъ насильственно. Нечего имъ гордиться и имъ щеголять! И нечего *становиться стилой къ Европѣ*, какъ предлагаютъ нѣкоторые псевдо-руссъ. Такая позиція доказывала бы только необразованность и отсутствіе историческаго смысла.

пристать къ Годунову; ему остаются только—тюрьма или смерть. Его слова къ народу суть его послѣднія въ трагедіи; исполнитель произнесетъ ихъ какъ можно проще, но съ большимъ чувствомъ, такъ, чтобы они сдѣлали впечатлѣніе на зрителя.

Разобравъ роль Шуйскаго, мы приходимъ къ заключенію, что это человѣкъ гордый и сильный, способный даже къ мѣрамъ суровымъ, сознательно совершающій несправедливости, когда онѣ, по его убѣжденію, предписаны общемою пользою, но слабый противъ движеній своего сердца. Такіе люди могутъ приобрести восторженную любовь своихъ согражданъ, но они не созданы осуществлять перевороты въ исторіи. На это нужны не Шуйскіе, а Годуновы.

Лѣтописи не сохранили намъ наружности Ивана Петровича, но въ трагедіи она должна быть представительна. Мы можемъ вообразить его человѣкомъ высокаго роста, лѣтъ шестидесяти, съ просѣдою. Осанка его благородна, голосъ рѣзокъ, поступь тверда, приемы съ равными повелительны, съ низшими благосклонны.

Съ вупцомъ, со смердомъ ласковъ,
А съ нами гордь!

говоритъ про него Клешнинъ, и этотъ оттѣнокъ не долженъ пропасть въ исполненіи.

Ирина.

Какъ ангель-хранитель Ѳедора, какъ понуждающее, сдерживающее и уравновѣшивающее начало во всѣхъ его душевныхъ проявленіяхъ, стоитъ возлѣ него царица Ирина.

Это одна изъ свѣтлыхъ личностей нашей исторіи. Русскіе и иностранцы удивлялись ея уму и восхищались ея красотой. Ее сравнивали съ Анастасіей, первой женой Ивана Грознаго, той, кому Россія обязана краткими годами его славы. Послѣ смерти Ѳедора, она была единодушно признана его преемницей, и хотя тогда же постриглась подъ именемъ Александры, но таково было къ ней уваженіе земли, что боярская дума нашла нужнымъ издавать грамоты не иначе, какъ отъ имени *царицы Александры*, до самаго избранія Годунова.

Рѣдкое сочетаніе ума, твердости и кроткой женственности составляютъ въ трагедіи ея основныя черты. Нивакое мелкое чувство ей недоступно. У нея всѣ великія качества Годунова, безъ его темныхъ сторонъ. Все ея честолюбіе обращено на Ѳедора. Ей больно, что онъ такъ слабъ; ей хотѣлось бы пробудить въ немъ волю; она не только не выставляетъ наружу свое

вліяніе на него, но тщательно его скрываетъ, стараясь всегда оставаться въ тѣни, а его выказывать въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Она бережно обращается съ его слабостями; знаетъ его желаніе казаться самостоятельнымъ, и никогда ему не перечить. Любовь ея къ Ѳеодору есть любовь материнская; она исполняетъ его капризы, поддается его поддразниванью, занимаетъ его, нянчится съ нимъ, но не пропускаетъ случая напомнить ему, что онъ царь, что онъ имѣетъ право и обязанность повелѣвать, гдѣ того требуетъ его совѣсть. Нѣтъ сомнѣній, что Годуновъ преимущественно обязанъ ей своей силой; но она поддерживаетъ брата не изъ родственнаго чувства, а по убѣжденію, что онъ единственный человѣкъ, способный править царствомъ. Тѣмъ не менѣе, ее оскорбляетъ слишкомъ полное подчиненіе ему Ѳеодора. Ей хотѣлось бы, чтобы онъ не только казался, но дѣйствительно былъ господиномъ въ своемъ домѣ. Она, наперекоръ брату, напоминаетъ Ѳеодору, что выписать Дмитрія изъ Углича—есть дѣло не государственное, но семейное, въ которомъ онъ долженъ быть судьей. Съ ея высокимъ умомъ, съ ея благородствомъ сердца, она не могла не оцѣнить Ивана Петровича Шуйскаго, и хотя не раздѣляетъ его политическихъ мнѣній, но понижаетъ его оппозицію, и находитъ, что братъ ея долженъ бы склонить Шуйскаго на свою сторону, а не стараться его погубить. Она, какъ и Ѳеодоръ, хотѣла бы согласить все разнородное, примирить все враждующее, но когда это невозможно, она, не колеблясь, становится на ту сторону, гдѣ, по ея убѣжденію, правда.

Хотя роль Ирины не ярко проходитъ черезъ трагедію, но она освѣщаетъ ее всю своимъ индивидуальнымъ свѣтомъ, ибо всѣ нити событій сходятся въ Ѳеодорѣ, а Ѳеодоръ неразрывно связанъ съ Ириной.

Въ Иринѣ характеръ не выказывается сразу, какъ въ Ѳеодорѣ и въ Шуйскомъ. Она въ своей первой сценѣ видна только со стороны своей кротости, заботливости о Ѳеодорѣ и готовности попасть въ тонъ его шутливаго настроенія. Это сцена интимная, гдѣ Ирина не царица, а добрая, любящая жена.

Въ слѣдующемъ актѣ качество это отступаетъ на второй планъ и даетъ мѣсто, въ сценѣ примиренія, другому качеству: официальной представительности. Здѣсь Ирина не иначе относится къ Ѳеодору, какъ къ государю. Къ Шуйскому она обращается какъ царица, и даже даетъ ему, хотя косвенно и осторожно, почувствовать разстояніе, ихъ раздѣляющее. Тѣмъ сильнѣе она дѣйствуетъ на Шуйскаго, когда, напомнивъ ему, что онъ слуга и подданный, она кланяется ему въ поясъ и проситъ его забыть свою вражду къ Годунову. Этотъ поклонъ и предше-

ствующій ему монологъ Ирины должны быть прониненуты такимъ чувствомъ и достоинствомъ, чтобы всѣмъ стало понятно, что Шуйскому невозможно противостоять имъ.

Въ концѣ третьяго акта, Иринеѣ предстоитъ довольно трудная нѣмая игра, съ того мѣста, гдѣ Годуновъ отрекается отъ правленія, до того, гдѣ Федоръ, давъ ему уйти, бросается къ ней на шею. Всѣ страданія Федора, его изнеможеніе, борьба съ самимъ собой, и, наконецъ, побѣда надъ собственной слабостью, отражаются на лицѣ Ирины участіемъ, боязнью, состраданіемъ и радостью. Нѣжность ея къ Федору, когда она обнимаетъ его, со словами:

Нѣтъ, Федоръ, нѣтъ, ты сдѣлалъ такъ, какъ должно!

имѣетъ характеръ сердечнаго порыва, и производитъ тѣмъ полнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ сдержаннѣе будетъ передъ этимъ исполнительница.

Въ четвертомъ актѣ, въ сценѣ очной ставки, Ирина съ перваго появленія Шуйскаго догадалась, что въ немъ таится враждебный замыселъ. Она слѣдитъ съ безпокойствомъ за его выраженіемъ, и когда Федоръ требуетъ отъ него отвѣта, она, съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа, чтобы спасти Шуйскаго и вмѣстѣ обязать его въ вѣрности, проситъ Федора не спрашивать его о прошедшемъ, но только взять съ него слово за будущее. Во всей этой сценѣ, а равно и въ слѣдующей, гдѣ Федоръ, узнавъ о челобитнѣ Шуйскихъ, посылаетъ ихъ въ тюрьму, Ирина, своимъ благородіемъ, спокойствіемъ и присутствіемъ духа представляетъ контрастъ съ хлопотливостью и растерянностью Федора.

Въ пятомъ актѣ Ирина является вмѣстѣ съ княжной Мстиславской. Чувство ревности, которое такъ легко западаетъ въ сердце даже великодушной женщины, не коснулось Ирины. Въ ласковомъ обращеніи съ своей невольной соперницей она не выказываетъ преувеличенна, какъ сдѣлала бы на ея мѣстѣ другая, побѣдившая свою ревность. Съ заботливой добротой и съ женской солидарностью она поправляетъ разстроенныя поднизи Мстиславской, и не думаетъ показать этимъ великодушіе; ея участіе и солидарность разумѣются для нея сами собою. Колѣнопреклоненіе Ирины передъ Федоромъ, ея просьба за Шуйскаго — все должно быть просто и естественно, безъ малѣйшей торжественности. Вѣсть о смерти Шуйскаго, а потомъ о смерти Дмитрія поражаютъ ее сильно, но не лишаютъ присутствія духа, и утѣшая Федора, она не упускаетъ изъ вида участи государства. Ея соболѣзнованіе проникнуто несказанною горестью, а ея отвѣтъ

Годунову, торжествующему, что ихъ пути сошлись, тяжелымъ сознаниемъ, что дѣйствительно оба страшныя событія ихъ сблизили. Ея восклицаніе:

О, еслибъ имъ сойтись не довелось!

которымъ оканчивается ея роль, есть болѣзненный крикъ, вырвавшійся изъ самой глубины ея сердца.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ портретовъ Ирины. Одежда ея всегда богата, а въ торжественныхъ случаяхъ великолѣпна. Архіепископъ элассонскій, Арсеній, бывшій въ 1588 году въ Москвѣ вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, видѣлъ ее въ длинной мантии, поверхъ бархатной одежды, осыпанной жемчугомъ. На груди у нея была цѣпь изъ драгоценныхъ каменьевъ, а на головѣ корона съ двѣнадцатью жемчужными зубцами. Одежда ея боярынь была бѣлая, какъ снѣгъ. Англичанинъ, Горсей также говоритъ, что Ирина, въ день вѣнчанія Θεодора, сидѣла на престолѣ, у открытаго окна, въ коронѣ, вся въ жемчугѣ и драгоценныхъ камняхъ. Въ трагедіи она перемѣняетъ одежду нѣсколько разъ, смотря по обстановкѣ, въ которой находится.

Самое задушевное желаніе Ирины—было имѣть дѣтей, и въ своемъ свиданіи съ константинопольскимъ патріархомъ она такъ трогательно просила его молить о томъ Бога, что патріархъ заплакалъ. Но Богъ не услышалъ ихъ молитвъ, и единственный ребенокъ Ирины, дѣвочка, названная Θεодосіею, умерла вскорѣ послѣ рожденія.

Во всей наружности Ирины разлито скромное достоинство. Взглядъ ея уменъ, улыбка добра и привѣтлива; каждое ея движеніе плавно; голосъ ея тихъ и благозвученъ, скорѣе контральто, чѣмъ сопрано. Атмосфера спокойствія ее окружаетъ; при ней каждый невольно становится на свое мѣсто, и ему отъ этого дѣлается легко; ея присутствіе вызываетъ въ каждомъ его лучшія стороны; при ней дѣлаешься добрѣе, при ней дышется свободнѣе; отъ нея, по выраженію Шуйскаго, вѣетъ тихимъ лѣтомъ.

Князь Василій Шуйскій.

Объ этомъ хитромъ, но не глубокомъ человѣкѣ я говорилъ подробно въ моемъ первомъ «Проектѣ», такъ что не много прійдется здѣсь прибавить. Онъ представленъ у меня изобрѣтателемъ и зачинщикомъ сложной козни противъ Годунова. Мастеръ въ такого рода дѣлахъ, онъ чрезвычайно остороженъ, и не суется въ опасность, не упрочивъ себѣ возможности отступленія. Онъ

не прочь и свергнуть Федора, чтобы посадить на царство Дмитрія, но находить, что это дѣло недостаточно подготовлено, и говорить Головину:

Такъ, зря, нельзя!

По этой причинѣ, а не изъ вѣрности Федору, онъ и дядю отговариваетъ отъ возстанія. Держать-же въ своихъ рукахъ нити замысловатой интриги, имѣющей за собой вѣроятіе успѣха—ему очень пріятно. Ему улыбается мысль, что духовенство и граждане, подписавъ челобитню о разводѣ, попались въ западню и должны, хотя, или нѣхотя, идти вмѣстѣ съ Шуйскими. Онъ выказываетъ большую виртуозность въ уговариваньи Мстиславскаго отказать Шаховскому и сдѣлать изъ сестры своей царицу.

Когда его приводятъ, арестованнаго, къ Годунову, онъ не показываетъ смущенія, но говоритъ очень спокойно, что затѣялъ челобитню ему-же въ услугу. При этомъ онъ нисколько не ожидаетъ, что Годуновъ ему повѣритъ, но употребляетъ этотъ изворотъ только для благовидности, чтобы перейти на сторону Годунова не въ качествѣ переметчика, но давнишняго его приверженца. И Годуновъ, знающій его насквозь, не тратитъ съ нимъ лишнихъ словъ, но принимаетъ его увѣреніе въ преданности, и вѣритъ ей теперь, потому, что она въ интересахъ Шуйскаго. Нѣкоторые критики замѣтили мнѣ, что Василій Шуйскій, сдѣлавшись такъ легко орудіемъ Годунова, играетъ невыгодную для себя роль — и я не могу съ ними не согласиться.

Нельзя дать драматическому артисту лучшаго совѣта, какъ играть Шуйскаго такъ, какъ играетъ его г. Зубровъ въ «Дмитрій Самозванецъ» Чаева, и въ моей «Смерти Иоанна».

Головинъ.

Этотъ также интриганъ, и въ томъ-же самомъ дѣлѣ, но съ особеннымъ индивидуальнымъ оттѣнкомъ. Онъ заносчивѣе Шуйскаго. Става свою цѣль выше, онъ болѣе рискуетъ, и надѣясь на свою находчивость, не подготовляетъ себѣ задней двери на случай неудачи. Въ немъ болѣе дерзости, чѣмъ хитрости.

Луиз-Клешнинъ.

Этотъ заслуживаетъ болѣе подробнаго рассмотрѣнія. Это типъ мошенника, преимущественно русскій; по крайней мѣрѣ, его рѣдко встрѣчаешь между иностранцами. Можно-бы назвать его

мошенникомъ сугубымъ, или мошенникомъ съ перехватомъ. Каждую свою плутню онъ совершаетъ не просто, а посредствомъ другой, предварительной плутни. Такъ, напимѣръ, когда льститъ, онъ не просто льститъ, но посредствомъ грубости, заключающей въ себѣ похвалу; и на людей, не особенно тонкихъ, такая лесть дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе ея оболочка. Образчикомъ тому служить его упрекъ Ѳедору, «что онъ пошелъ весь въ батюшку». Насъ рѣдко оскорбляетъ обвиненіе въ порокахъ, которыхъ мы рѣшительно чужды, тѣмъ менѣе обвиненіе въ излишней силѣ. А Ѳедору такой упрекъ настоящая лафа. Какъ ему не согласиться, что онъ дѣйствительно суровъ и крутъ, когда его обвиняетъ въ томъ его дядька, старый, испытанный слуга, извѣстный своей простотой и откровенностью? Мало по малу этотъ пріемъ перешелъ Клешнину въ привычку, и онъ грубитъ даже безкорыстно. Для Годунова, такой человѣкъ—находка. Когда ему нужно, чтобы что-нибудь было высказано, чего онъ самъ не хочетъ высказать, по принятому правилу сдержанности и скромности, то высказываетъ Клешнинъ безъ обиняковъ, а Годунову остается только извинять его простоту. Клешнинъ-же преданъ Годунову столько-же изъ личныхъ выгодъ, сколько отъ скрытаго презрѣнія къ Ѳедору. Онъ не въ состояніи понять Ѳедоровой благодати, и откровенно предпочитаетъ ему батюшку Ивана Васильича, который ни съ кѣмъ долго толковать не изволил. Клешнинъ человѣкъ очень рѣшительный, ничѣмъ не стѣсняющійся, безъ совѣсти и предрасудковъ, не бѣлоручка и большой циникъ. Онъ изъ числа тѣхъ людей, которые говорятъ: «Мы люди простые, люди русскіе! Рузе не моемъ, ковшей не положемъ! То все про большихъ господъ, про бояръ, да про нѣмцовъ; а нашъ братъ по простотѣ: морду зоветъ рыломъ, а пощечину—оплеухой!» И за этой простотой, за этой грубостью, таится цѣлый механизмъ вознодѣйства. Впрочемъ, Клешнинъ мало кого обманываетъ; онъ для этого недовольно изворотливъ; да оно ему и не нужно; съ него довольно чтобы его боялись какъ Годуновскаго человѣка, и сторонились отъ него, какъ отъ быка.

Въ его роли два важныя мѣста: вербованіе Василисы Волоховой и очная ставка съ княземъ Иванъ Петровичемъ. Оба мѣста сами по себѣ понятны и не требуютъ поясненій.

Предложеніе его ѣхать въ Угличъ, на слѣдствіе, исполнитель долженъ сказать, обдумавши его хорошенько; оно знаменательно для всей трагедіи и намекаетъ на историческій фактъ.

Наружность Клешнина грубая, циническая, а взглядъ его волчій. Онъ впоследствии, убояся огня ада, пошелъ въ монахи, и посхимился подъ именемъ отца Левея.

Князь Туренинъ.

Это роль не трудная, заключающаяся только въ непримиримой враждѣ ко князю Ивану Шуйскому, которая должна быть выставлена какъ можно ярче. Такъ какъ между его первымъ и вторымъ появленіемъ есть большой промежутокъ, то наружность его должна быть очень замѣтна, дабы, когда онъ ведетъ Ивана Шуйскаго въ тюрьму, зритель тотчасъ его припомнилъ, и узналъ, что это именно Туренинъ, а не кто другой, кому теперь поручается участь Шуйскаго. Выраженіе Туренина мрачное и мстительное.

Василиса Волохова.

Роль очень эффектная и не совсѣмъ легкая, если не брать ее съ одной виѣшней стороны. Изъ разныхъ ея проявленій зритель долженъ, еще до сцены съ Клешнинимъ, составить себѣ полное понятіе о характерѣ Волоховой, такъ чтобы ея готовность совершить преступленіе его не удивила. Клешнинъ опредѣляетъ ее вѣрно, говоря про нее:

На всѣ пригодна руки:

Гадальщица, лекарка, сваха, сводня,

Усердна къ Богу, съ чортомъ не въ разладѣ.

Единственный двигатель всѣхъ дѣйствій Волоховой — это деньги. Изъ-за нихъ она пускается на всевозможныя ремесла, и какъ Протей, принимаетъ всевозможныя виды. У нея, какъ у Клешнина, нѣтъ ничего святого, но она съ большою готовностью подлаживается подъ всѣ вкусы. Цинизмъ ея не менѣе безстыденъ, чѣмъ цинизмъ Клешнина, но онъ гораздо наивнѣе, ибо она судить обо всѣхъ по себѣ, и высказываетъ часто самыя рискованныя убѣжденія, полагая, что кто не дуракъ, у того и быть иныхъ не можетъ. Въ молодости она была баба веселая, не строгая къ добрымъ молодцамъ, когда къ ней обращались не съ пустыми руками; теперь-же она принимаетъ большое участіе въ сердечныхъ дѣлахъ другихъ: кого посватаетъ, кому и такъ доставить свиданіе. Ея мнѣніе о людяхъ самое низкое; она полагаетъ, что нѣтъ человѣка, который за деньги не сдѣлалъ-бы всего на свѣтѣ, не отравилъ-бы отца и матери; но это, по ея словамъ, отъ немощи человѣческой, и быть иначе не можетъ, стало тутъ нѣтъ ничего и дурного, а глупъ тотъ, кто ближняго не бережется, а паче всего, собственныхъ дѣтей; на то и разумъ человѣку данъ.

Она большая богомолка, охотница прикладываться къ ико-

намъ, знаетъ всѣхъ московскихъ игуменій и игумновъ, и входя въ лучшіе дома. Боярыни отъ нея души не чаютъ; она имъ и солить, и варить, и лѣтники кроить, и фѣязи шьетъ; а боярышнямъ про суженыхъ гадаетъ; а боярамъ отъ разныхъ скорбей нашептываетъ; а всѣмъ вмѣстѣ переноситъ сплетни изъ дома въ домъ; однихъ поссорить, другихъ помирить, и съ обѣихъ сторонъ выпросить себѣ подарокъ. Самые сложные обряды она знаетъ наизусть, и нѣтъ свадьбы, и нѣтъ помолвки, и нѣтъ крестинъ, и нѣтъ именинъ, и нѣтъ похоронъ, гдѣ-бы она не играла роли. За каждый свой совѣтъ, за каждую услугу, она получаетъ, отъ кого ширинку, отъ кого пару соболей, отъ кого деньги, и все это прячется подъ замокъ, отъ котораго ключъ она носитъ на шеѣ, вмѣстѣ съ образками и ладонками. Она любитъ говорить про свою нищету и вдовье сиротство, но она не робкаго свойства, за словомъ въ карманъ не ползетъ, и, при случаѣ, великая мастерица ругаться. Бываетъ, что иной бояринъ, который правомъ покруче, велитъ за какую-нибудь продѣлку согнать ее со двора; но она, вышмыгивая изъ воротъ, успѣетъ, при всей дворнѣ, насулить ему такую кучу разныхъ бѣдъ, что, узнавъ о томъ, бояринъ призадумается. А если вскорѣ захвораетъ въ домѣ ребенокъ, или начнется пожаръ, то, на представленія жены, бояринъ скажетъ: Ну, ну, добро, пошли этотъ кошель чортовой бабѣ, чтобъ она порчи у насъ не чинила!

Типъ ея, съ неизбѣжными измѣненіями, сохранился до нашего времени, и потому наружность ея и приемы не требуютъ описанія. Не думаю, чтобы кто-либо могъ передать Волохову лучше нашей заслуженной, необыкновенно умной и тонкой артистки, г-жи Линской.

Князь Шаховской и княжна Мстиславская.

Эти два лица играютъ хотя краткую, но необходимую роль въ трагедіи, по ихъ органической связи съ ея механизмомъ: безъ Мстиславской не было-бы отказа Шаховскому; безъ Шаховского Федоръ не послалъ-бы Шуйскихъ въ тюрьму. Но оба лица, какъ эпизодическія, особенно Мстиславская, едва очерчены и не даютъ времени исполнителямъ углубиться въ ихъ характеры. Мстиславская — красивая дѣвушка, привязанная въ своему дядѣ и воспитателю, Ивану Шуйскому, котораго она очень боится; жениха-же своего, Шаховского, она любитъ и сильно съ нимъ кокетничаетъ.

Шаховской — красивый, удалой молодецъ, благородный, отважный, ловкій во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, но не легко

связывающій двѣ идеи вмѣстѣ. Отличительная его черта — необдуманность, и критики, порицая его за этотъ недостатокъ, доказали свою проникательность, равно какъ и открытіемъ, что Иванъ Петровичъ Шуйскій неспособенъ быть главою политической партіи.

*Митрополитъ Діонисій, архіепископъ Іовъ, архіепископъ Варлаамъ,
и прочія духовныя лица.*

Хотя ни одному изъ нихъ не суждено явиться на сцену иначе, какъ *инкогнито*, но для полноты обзора, не мѣшаетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Діонисій былъ человѣкъ достойный, всѣми уважаемый, заслужившій отъ современниковъ, своею ученостью и краснорѣчіемъ, прозваніе *мудраго грамматика*. Главной его заботою было расширеніе церковныхъ правъ. Онъ не поддавался Годунову, которому не разъ приходилось его задобривать, и грамата, врученная ему во второмъ актѣ, есть фактъ историческій. Когда начался процессъ Шуйскихъ, онъ и крутицкій архіепископъ Варлаамъ, оба энергически протестовали противъ ихъ осужденія, и оба были сведены съ престоловъ. Іовъ же, напротивъ, архіепископъ ростовскій, всегда держалъ сторону Годунова, и былъ возведенъ въ санъ патріарха всея Руси. Роль его въ дѣлѣ объ убіеніи царевича Дмитрія — очень незавидная. Экономія трагедіи не допускала развитія святительскихъ характеровъ, но въ ней сохранены самостоятельность Діонисія и подобострастіе Іова. На сценѣ они могутъ показаться только въ условномъ видѣ *стариковъ*, равно какъ и благовѣщенскій протопопъ и чудовскій архимандритъ. Духовника-же Федора можно и вовсе исключить.

Богданъ Курюковъ и прочіе купцы.

Роль перваго требуетъ нѣкотораго поясненія; другіе только способствуютъ колориту трагедіи. Курюковъ — человѣкъ мнувшаго вѣка, когда еще значеніе удѣльныхъ князей было только побѣждено, а не вовсе уничтожено. Въ его время народъ принималъ еще участіе въ дѣлахъ земли, и сочувствіе его давало перевѣсъ той, или другой сторонѣ. На него опирались политическія партіи съ успѣхомъ, не такъ какъ попытался опереться Шуйскій, когда уже царь Иванъ истолокъ, какъ въ ступѣ, всѣ историческія отношенія, связывавшія народъ съ удѣльнымъ княжествомъ. Курюковъ еще помнитъ эти отношенія и держится ихъ свято. Другіе вущы привержены къ Шуйскимъ болѣе по

тождественности ихъ интересовъ и по личному сочувствію; но для Курюкова Шуйскіе представляютъ знамя, которому онъ служить по преданію, и за которое умираетъ. Это одна изъ тѣхъ богатырскихъ фигуръ до-петровскаго времени, про которыя полякъ Пасекъ говоритъ, что когда онѣ стояли въ сомнѣнномъ строю, съ бердышами въ рукахъ, то казалось, что идешь «на отцовъ родныхъ.» Но въ трагедіи Курюковъ является уже какъ развалина былого, навсегда прошедшаго времени. Онъ сталъ слабъ и болтливъ, и часто заговаривается. Только когда дѣло идетъ о Шуйскихъ, онъ находитъ свою прежнюю ясность и прежнюю энергію. Лицо его умно и добродушно, ростъ высокъ, вся фигура живописна.

Иванъ Красильниковъ и Голубъ-сынъ, оба дюжіе молодцы, особенно второй. Ихъ ролей не слѣдуетъ давать щедушнымъ статистамъ, иначе выйдетъ смѣшное противорѣчіе между ихъ наружностью и приписываемой имъ силой. Одно изъ назначеній обоихъ — это показать неизгладившія еще, или возобновившія послѣ Іоанна, отношенія, взаимнаго довѣрія между народомъ и боярствомъ.

Князь Андрей, Дмитрій и Иванъ Шуйскіе; князь Мстиславскій и князь Хворостининъ.

Всѣ три Шуйскіе были обвинены въ измѣнѣ и сосланы въ заточеніе, гдѣ, одновременно съ Иваномъ Петровичемъ, удавлены также Иванъ Ивановичъ и Андрей Ивановичъ. Послѣдній, настаивающій въ третьемъ актѣ на убіеніи Годунова, былъ признанъ главнымъ преступникомъ.

Желательно, чтобы у всѣхъ троихъ, въ осанкѣ и приемахъ, была видна родственная черта гордой независимости, которой они, вмѣстѣ съ Иваномъ Петровичемъ, отличаются въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе бояре, ихъ сторонники.

О Хворостининѣ и Мстиславскомъ не могу сказать ничего, кромѣ, что первый былъ извѣстенъ умомъ и воинскою доблестью, а второй, подобно своему отцу, постриженному Годуновымъ, одною доблестью. У Мстиславскаго есть сцена, требующая большой живости въ исполненіи, именно сцена, гдѣ онъ даетъ отказъ Шаховскому.

Федюкъ Старковъ.

Этотъ шпіонъ, слуга князя Ивана Петровича и его предатель, почти вовсе не говорить, но является въ трехъ важныхъ

мѣстахъ трагедіи. Чтобы придать ему нѣкоторую оригинальность, я предлагаю представить его сѣдымъ человѣкомъ, самаго почтеннаго вида, котораго одна наружность вселяетъ довѣріе. Онъ какъ будто ничего не видитъ и не знаетъ, кромѣ своей должности дворецкаго; но, когда на него не смотря, глаза его бѣгаютъ какъ мыши, а уши такъ и настраиваются. Если за эту роль возьмется умѣющій, она дастъ ему случай къ интересной нѣмой игрѣ.

Гусляръ.

Онъ долженъ быть молодъ, а не старъ, чтобы его наружность составляла контрастъ съ Курюковымъ. Пѣсня его о Шуйскомъ передѣлана изъ настоящей народной пѣсни и большая часть стиховъ сохранена. Очень важно подобрать подъ нихъ приличный напѣвъ, чтобы несвѣдующій въ археологіи исполнитель не вздумалъ угостить публику какимъ-нибудь романсомъ. Худшей услуги онъ бы не могъ оказать народной сценѣ на Яузскомъ мосту.

Въ собраніи Стаховича онъ найдетъ характерные и подходящіе мотивы. Одежда гусляра бѣдна, но опрятна.

Нищіе.

Эти должны быть въ лохмотьяхъ, и чѣмъ они будутъ оборваннѣе, тѣмъ живописнѣе выйдетъ послѣдняя картина. Когда Годуновъ со Мстиславскимъ уходятъ со сцены, а бояре и народъ спѣшать за ними, нищіе затягиваютъ псаломъ, но такъ тихо, что онъ только слышится сквозь послѣдній монологъ Ѡедора, но его не заглушаетъ. Нѣкоторыя особенности одежды, а главное, оригинальный народный напѣвъ можно найти въ *«Калѣкахъ переложихъ»* г. Безсонова.

ДЕБОРАЦІИ.

Большая часть декораций *«Смерти Иоанна Грознаго»* годится и для *«Царя Ѡедора»*, но если онъ будетъ данъ, то надобно сдѣлать три новыя:

Первую, въ началѣ третьяго акта:

Садъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

На первомъ планѣ кусты смородины и большіе подсолнечники; въ сторонѣ заборъ съ калиткой; въ глубинѣ прудъ, съ отраженіемъ въ немъ звѣзднаго неба, и крыльцо княжескаго

дома, по которому сходятъ дѣйствующія лица. Сначала ночь, потомъ занимающаяся заря.

Вторую, въ концѣ четвертаго акта:

Мостъ черезъ Язу.

Онъ долженъ идти отъ зрителей въ глубину сцены, немного наискось, чтобы все на немъ происходящее было видно. За рѣкой уголъ укрѣпленія съ воротами, черезъ которые выводятъ Шуйскихъ на-мостъ. Вдали рощи и монастыри.

Третью, въ концѣ пятаго акта:

Площадь передъ Архангельскимъ соборомъ.

Церковныя врата должны находиться на первомъ планѣ, справа, или съ лѣва, ибо вся сцена происходитъ у самаго собора.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

При неустановившейся еще у насъ театральной критикѣ, при отсутствіи общепризнанной теоріи драматической игры, артисты наши бываютъ постоянно сбиваемы самыми разнородными взглядами, не только на ихъ исполненіе, но и на основныя правила искусства.

Да будетъ же мнѣ позволено, не вдаваясь въ подробную теорію, которой здѣсь не мѣсто, заявить только о коренномъ законѣ, долженствующемъ руководить исполнителей всякой серьезной драмы. Законъ этотъ для нихъ тотъ же самый, какъ и для драматическаго поэта: онъ предписываетъ взаимное проникновеніе идеализма и реализма, или, простыми словами: соединеніе правды съ красотой.

Полная и голая правда есть предметъ науки, а не искусства. Искусство не должно *противурѣчить* правдѣ, но оно не принимаетъ ее въ себя *всю, какъ она есть*. Оно беретъ отъ каждаго явленія только его типическія черты, и отбрасываетъ все несущественное. Этимъ живопись отличается отъ фотографіи, поэзія отъ исторіи, и, въ частности, драма отъ драматической хроники. Иллюзія, производимая искусствомъ, не должна быть иллюзіей полного обмана. Удовольствіе, ощущаемое нами при видѣ художественнаго портрета, есть иное чувство, чѣмъ созерцаніе оригинала въ зеркалѣ. Напротивъ, оригиналъ часто бываетъ намъ непріятенъ, а воспроизведеніе насъ привлекаетъ. Причина тому, что живопись (когда она достойна этого имени) отбрасываетъ

все, что въ оригиналѣ случайно, незнаменательно, *индифферентно*, и сохраняетъ только его сущность. Она возводитъ единичное явленіе природы въ типъ, или въ идею, другими словами, она его *идеализируетъ*, и тѣмъ придаетъ ему красоту и значеніе. Тоже дѣлаетъ драматургъ съ историческимъ событіемъ; тоже должны дѣлать съ нимъ и драматическіе исполнители, которыхъ обязанность: облекать въ плоть и кровь идею драматурга. Какъ его фигуры въ драмѣ не суть повторенія живыхъ личностей, но идеи этихъ личностей, очищенныя отъ всего, что не принадлежитъ въ ихъ сущности, такъ и драматическій артистъ долженъ, въ исполненіи, воздерживаться отъ всего, что не составляетъ сущность его роли, но тщательно отыскивать и воспроизводить всѣ ея типическія черты. Его игра должна быть согласна съ природою, но не быть ея повтореніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Юлію Кесарю случалось иногда кашлять и чихать, какъ и всѣмъ другимъ смертнымъ, и художникъ, который, въ его роли, вздумалъ бы кашлять и чихать, не отступилъ бы отъ природы, но онъ своимъ реализмомъ умалилъ бы идею Юлія Кесаря, ибо его сущность состояла не въ чиханьи, которое онъ раздѣлялъ и съ другими римлянами, но въ чертахъ ему одному принадлежащихъ. Исполнитель серьезной роли не долженъ забывать, что, при ограниченности драматической рамы, каждое его движеніе, каждая его интонація, имѣютъ значеніе; онъ не долженъ позволять себѣ ничего лишняго, и не долженъ упускать ничего существеннаго: однимъ словомъ, онъ долженъ проникнуться *идеей*, имъ представляемой, и постоянно держаться на ея высотѣ, имѣя въ виду *идеальную*, а не реальную правду. Я настаиваю на этомъ законѣ такъ положительно потому, что онъ найденъ не мной, а Аристотелемъ. Къ нему же пристали всѣ великіе критики нашего времени, въ томъ числѣ Лессингъ и Гёте, и въ этомъ смыслѣ онъ можетъ, по справедливости, назваться закономъ европейскимъ. Хотя многіе у насъ находятъ, что мы не обязаны подчиняться этимъ законамъ «потому, что мы не европейцы»;— подождемъ, чтобы Азія, или Новая Голландія выслали намъ болѣе вѣрную эстетику, или же, чтобы явились особенные русскіе законы искусства, которые еще не открыты, но скоро должны открыться; а до того, за неимѣніемъ лучшаго, будемъ держаться, какъ въ технику драмы, такъ и въ ея исполненіи, законовъ европейскихъ, подъ опасеніемъ попасть въ беззаконность.

Если бы кто нашелъ, что все сказанное мною разумѣется само собой, и что я, по французскому выраженію, взламываю незамкнутую дверь, — я тому отвѣчу, что совершенно съ нимъ согласенъ, но, въ оправданіе себѣ, укажу на распространив-

шуются доктрину о какихъ-то *русскихъ началахъ*, на которыхъ должны у насъ развиваться наука и искусство.

Есть русскіе нравы, русская физиогномія, русская исторія, русская археологія; есть даже русское искусство—но нѣтъ *русскихъ началъ искусства*, какъ нѣтъ русской таблицы умноженія. Нѣтъ, въ строгомъ смыслѣ, и *европейскихъ началъ*, а есть начала абсолютныя, общія, вѣчныя. Можно сомнѣваться въ вѣрности ихъ опредѣленія, но не ихъ существованія; можно спорить о ихъ сущности, но не о ихъ примѣнимости. И если бы даже которое-нибудь изъ этихъ началъ не было достаточно уяснено, то съ минуты своего уясненія, оно станетъ обязательно для всѣхъ націй безъ исключенія. Которое же изъ нихъ признано годнымъ для одного народа, то годно для всѣхъ народовъ, ибо передъ законодательствомъ искусства нѣтъ привилегированныхъ классовъ.

Съ этими абсолютными началами не слѣдуетъ смѣшивать ни ту національную физиогномію, которую *невольна* выказываетъ каждый драматургъ и каждый исполнитель, и которая, въ иныхъ случаяхъ, бываетъ недостаткомъ; ни тѣ національныя особенности, которыя принадлежатъ *по праву* всѣмъ драматическимъ лицамъ, смотря по ихъ народности, и съ которыми соображаться есть долгъ и обязанность. Мы требуемъ, какъ отъ драматурга, такъ и отъ исполнителя, чтобы каждое лицо дѣйствовало въ нравахъ своей націи (русская ли она, или другая—все равно), и несоблюденіе этого правила заслуживаетъ порицанія; но иное грѣшить противъ національности, иное противъ законовъ искусства, и каждый изъ этихъ проступковъ подлежитъ особой судимости. Спутывать *національныя нравы* съ небывалыми *національными началами искусства*—значитъ вносить неясность въ понятие не только артистовъ и публики, но и самихъ писателей. Эта называемая живая струя, «которая бьетъ изъ самогo родника русскаго творчества», если она рождаетъ дѣйствительныя художественныя произведенія, бьетъ, безъ сомнѣнія, изъ родника общаго всему художеству, какъ бы ни были національны ея пріисловія. Если же она бьетъ изъ другого источника, то при всей ея національности красокъ, никогда ничего не произведетъ истинно художественнаго. Туманныя выраженія въ родѣ: «Своеобычная форма историческаго развитія русскаго народа», или «Родовыя черты бытового начала», или «Условія родовыхъ отличій русской жизни» и такъ далѣе, которыя выдаются намъ въ предѣлахъ новыя оригинальныхъ законовъ творчества, переводятся очень просто словами: *Русскіе нравы, русская физиогномія*. Само собою разумеется, что держаться этихъ условій на

русской сценѣ есть долгъ, какъ драматурга, такъ и исполнителя; но нѣтъ причины давать этому простому правилу какой-то глубокой, таинственный смыслъ. Писатель, который заставилъ бы Дмитрія Донского пѣть серенаду подѣ балкономъ своей возлюбленной, или актеръ, который, въ роли Пожарскаго, сталъ бы расшаркиваться, держа шапку подѣ мышкой, оба провинились бы не передѣ русскими началами искусства, а передѣ русскими нравами и русской физиогноміей. И странно было бы говорить про нихъ, что они нарушили «своеобычныя условія родовыхъ отличій», или приписывать ихъ нелѣпость тому, что еще не открыта какая-то «струя» или «своеобычная форма русской исторической драмы». Такого рода фразы затемняютъ самыя простыя понятія, и уподобляются ученому, глубокомысленному отскиванію рукавицъ, торчащихъ за поясомъ.

Итакъ, пусть не смущаются ими наши исполнители, но, оставаясь русскими съ головы до ногъ, тѣмъ не менѣе свято соблюдаютъ общіе законы искусства, обязательные для всѣхъ націй, и не упускаютъ изъ вида главнаго изъ нихъ: *закона идеальной правды*, который есть краеугольный камень всякаго художества.

Въ заключеніе скажу, что какому бы искусству мы себя ни посвятили, оно никогда не дается намъ даромъ, и что если нѣтъ художника безѣ вдохновенія, то одно вдохновеніе не составляетъ художника. Какія бы ни были природныя дарованія живописца, зодчаго, ваятеля, музыканта, или поэта, если они не подвергнутъ себя *самой строгой дисциплинѣ*, они не возвысятся надѣ посредственностью. Успѣхъ же приобретаемый ими иногда на счетъ честнаго исполненія дѣла — есть стыдъ, а не торжество.

Первая степень дисциплины драматическаго артиста — это буквальное изученіе своей роли; вторая — присвоеніе себѣ передаваемого характера въ его малѣйшихъ подробностяхъ, съ отбрасываніемъ всего, что не составляетъ его сущность; третья — согласованіе своей роли съ прочими ролями пьесы, и держаніе себя на подобающемъ градусѣ яркости, ни выше, ни ниже.

Это согласованіе ролей, которое называется у насъ неприятнымъ именемъ: *ансамбль*, и которое можно бы замѣнить словомъ: *дружность*, есть преимущественно дѣло режиссера. Оно такъ важно, что безѣ него никакое художественное исполненіе не мыслимо. Живописецъ, ваятель, зодчій, или поэтъ, зависятъ каждый отъ себя самого; но драматическій артистъ, равно какъ и музыкантъ, участвующій въ симфоніи, зависятъ каждый отъ своихъ товарищей, какъ и эти отъ него зависятъ. Малѣйшее между ними несогласіе производитъ диссонансъ, разладицу,

фальшь, и отвѣтственность за это лежитъ на режиссёрѣ, который есть капельмейстеръ труппы.

Мы удивляемся иногда, что между драматическими художниками, которыхъ общее согласіе единственно упрочиваетъ успѣхъ ихъ общаго дѣла, такъ трудно найти это согласіе; но причина тому въ самомъ существѣ ихъ искусства. Исполнитель живетъ только въ настоящемъ времени; въ немъ одномъ лежатъ его успѣхъ и торжество. Другіе художники, если они не признаны современниками, могутъ надѣяться на одобреніе потомства; исполнитель ожидаетъ его только отъ современниковъ. Отсюда его жажда рукоплесканій; отсюда его уступки вкусу публики, хотя бы этотъ вкусъ противорѣчилъ его артистическимъ убѣжденіямъ; отсюда его желаніе быть замѣченнымъ, во что бы то ни стало, хотя бы въ ущербъ піесѣ. Но дѣйствующій такъ — ошибается. Правда окончательно беретъ верхъ надъ неправдой, и хотя у исполнителя короче срокъ, чѣмъ у другого художника, чтобы заставить публику его оцѣнить—но жизни его на это достаточно. Вспомнимъ покойнаго Щепкина, который, никогда не спускаясь до уровня толпы, тѣмъ самымъ заставлялъ толпу подыматься до его высоты. Художникъ, жертвующій своею совѣстью минутному торжеству, перестаетъ быть художникомъ, ибо онъ забываетъ, что уже одно служеніе искусству заключаетъ въ себѣ свою награду. Пусть лучше онъ останется непризнаннымъ, пусть лучше вся піеса упадетъ и провалится, чѣмъ допустится посягательство на достоинство искусства! Въ этой области болѣе, чѣмъ во всякой другой, должно царить правило: «Вершися правда, хоть свѣтъ пропадай!» *Fiat justitia, pereat mundus!*

Гр. А. К. Толстой.

Красный-Рогъ, Чернигов. губ.
Сентябрь, 1868.

КНЯЗЬ М. Н. ВОЛКОНСКІЙ

И

ЕГО ДОНЕСЕНІЯ ИЗЪ ПОЛЬШИ.

(1764 — 1770 гг.).

VIII*).

«Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы сдѣлали» — писала графу Панину императрица Екатерина II — довольная тѣмъ, что избраніе короля совершилось тихо и безъ нарушенія мира какъ въ Европѣ, такъ и въ самомъ польскомъ королевствѣ.

Дѣйствительно, король былъ избранъ, но спокойствіе въ Польшѣ продолжалось весьма не долго. Два вопроса: одинъ о диссидентахъ, а другой — о сеймовыхъ преобразованіяхъ, стояли на очереди и были причиною послѣдующихъ волненій.

Король и Чарторыскіе хлопотали объ уничтоженіи на сеймахъ *liberum veto* и о замѣнѣ его большинствомъ голосовъ. Испугавшійся такимъ преобразованиемъ, король прусскій просилъ императрицу внушить Понятовскому, чтобы онъ удержался отъ этихъ преобразованій. Екатерина дала знать о томъ польскому королю, который, хотя исполнилъ ея желаніе, но сознавался, что жертва эта весьма тяжела для него. Онъ ссылался на то, что реформы необходимы для предоставленія полныхъ правъ дис-

*) См. т. VI, стр. 88—141.]

Томъ VI. — Декабрь, 1868.

сидентамъ, что они необходимы для вывода Польши изъ того страшнаго безпорядка, который въ ней царствуетъ, и чего нельзя достигнуть — писалъ король — *«безъ исправленія нашихъ сеймиковъ»*.

Мы уже видѣли, что, при самомъ заключеніи трактата съ Фридрихомъ II, русское правительство не надѣялось въ дѣлѣ диссидентовъ успѣть настолько, чтобъ сравнять ихъ права вполнѣ съ католическимъ населеніемъ. Впослѣдствіи императрица Еватерина соглашалась даже на исключеніе ихъ изъ сената и «отъ чиновъ внѣ онаго, всю довѣренность республики требующихъ, т. е. гетманскихъ», но съ тѣмъ однако же, чтобы взаимнѣ того диссидентамъ было возвращено право выбирать городовыхъ старостъ, депутатовъ къ трибуналамъ и пословъ на сеймъ, такъ, чтобы къ каждому сейму было два посла католика и одинъ диссидентъ.

Уступчивость русской императрицы не привела къ окончанію дѣла о диссидентахъ; поляки не хотѣли ничего уступить. Диссидентовъ притѣсняли по прежнему; отъ нихъ отнимали церкви, заставляли насильно переходить въ унию и сопротивлявшихся тому били и мучили. Бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій жаловался польскому правительству на притѣсненіе православныхъ, но жалобы его оставались безъ всякаго успѣха и исполненія. Ходатайства по этому князя Репнина не привели ни къ чему. Король, находившійся въ полной власти своихъ дядей, Чарторыхскихъ, говорилъ одно, а дѣлалъ другое; былъ храбръ на словахъ въ отсутствіи своихъ дядей и не имѣлъ духа лично противорѣчить имъ. Князь Репнинъ, желая имѣть дѣло съ однимъ воролею, старался отдѣлать его отъ дядей, отъ которыхъ самъ старался отдалиться.

Чарторыхскіе, убѣжденные, что теперь въ Польшѣ ничего не будетъ сдѣлано безъ ихъ желанія, отвѣчали нашему послу точно также холодною и отдаленіемъ. Репнинъ жаловался въ Петербургъ и приписывалъ холодность ихъ отвезу платить впередъ воеводѣ русскому мѣсячную пенсію.

Петербургскій кабинетъ, на основаніи такого донесенія Репнина, заключилъ, что неуспѣхъ въ диссидентскомъ дѣлѣ произошелъ единственно отъ сопротивленія Чарторыхскихъ, и потому расположеніе къ этой фамиліи начало ослабѣвать. Сознывая однако же могущество Чарторыхскихъ въ Польшѣ и ничтожность короля, графъ Панинъ поручилъ князю Репнину убѣждать и склонять ихъ дѣйствовать согласно съ видами и желаніями русскаго правительства. Между посломъ и Чарторыхскими послѣдовали взаимныя любезности. Репнинъ говорилъ, что ему при-

казано соглашаться во всѣхъ дѣлахъ съ воеводою русскимъ и канцлеромъ литовскимъ; тѣ отвѣчали увѣреніями въ своемъ усердіи, преданности и благодарности императрицѣ, но не обѣщались за успѣхъ диссидентскаго дѣла на предстоящемъ сеймѣ 1766 года. Дальнѣйшіе переговоры привели нашего посла къ убѣжденію, что безъ содѣйствія военной силы нельзя будетъ въ Польшѣ достигнуть до желаемыхъ цѣлей. Репнинъ отправился къ королю и объявилъ ему, что если требованія Россіи относительно диссидентовъ не будутъ исполнены на предстоящемъ сеймѣ, то 40,000 войска, стояція на границахъ, готовы для подкрѣпленія этихъ требованій. Король поручилъ своему министру въ Петербургѣ представить императрицѣ всю невозможность исполнить требованіе относительно диссидентовъ. Чарторыскіе также отказались содѣйствовать тому, чтобы отереть диссидентамъ гражданскіе чины въ судебныхъ мѣстахъ, равно допустить ихъ къ участію въ правленіи, и къ избранію въ депутаты на сеймы. Они считали это дѣло вреднымъ для Польши.

Получивъ донесенія Репнина, Екатерина приказала ему, что если нельзя будетъ достигнуть «до желаемыхъ резонабельныхъ плодовъ», то чтобы онъ принялъ мѣры въ разрыву предстоящей генеральной конфедераціи и сейма, ибо при посредствѣ первой Чарторыскіе хотѣли произвести преобразованія.

Съ своей стороны, самъ король также хотѣлъ, незамѣтнымъ образомъ, добиться утвержденія сейма въ томъ, чтобы на будущее время вопросы объ увеличеніи податей и войска рѣшались большинствомъ голосовъ.

При содѣйствіи Чарторыскихъ, видѣвшихъ невозможность успѣха въ исполненіи желанія короля, Репнинъ успѣлъ достигнуть того, что конфедерація была распушена.

«Чарторыскіе не переставали увиваться около Репнина, выставляютъ свою преданность Россіи, просятъ о возвращеніи прежней милости и наговаривать на короля».

Показывая этимъ преданность императрицѣ, Чарторыскіе своимъ поведеніемъ обманули Репнина, который просилъ Панина ободрить ихъ ласкою. Посоль нашъ готовъ уже былъ вѣрить тому, что «успѣхъ диссидентскаго дѣла не въ силахъ ни короля, ни Чарторыскихъ».

Изъ Петербурга сообщили тогда Репнину, что для движенія впередъ дѣла о диссидентахъ есть средство составить конфедерацію между диссидентами, съ тѣмъ, чтобы они просили помощи Россіи. Чарторыскихъ спросили, будутъ ли они помогать диссидентскому дѣлу? и получивъ уклончивый отвѣтъ, рѣшили поднять противную имъ партію, мнѣніе которой по этому дѣлу ста-

рались разузнать черезъ короннаго рефендарія Подосскаго, вполнею преданнаго Репнину.

Подосскій доставилъ самыя удовлетворительныя отвѣты. Противники Чарторыскихъ соглашались просить покровительства императрицы и потомъ подъ протекцію ея образовать католическую конфедерацію.

Для составленія католической конфедераціи пригласили князя Радзивилла, эмигрировавшаго изъ Польши. Ему обѣщано покровительство и дозволеніе возвратиться въ отечество.

Радзивиллъ принялъ это предложеніе съ восторгомъ, обѣщаль исполнять всё приказанія безъ всякаго сопротивленія и содѣйствовать успѣху диссидентскаго дѣла, въ такихъ размѣрахъ, которые даны будутъ ему русскимъ дворомъ.

Въ мартѣ 1767 года образовались протестантскія конфедераціи въ Торнѣ подъ маршалствомъ графа фонъ-Гольца, въ Слудцѣ—генерала Грабовскаго. Конфедераціи потребовали, чтобы правительство признало ихъ законными и король принялъ ихъ пословъ. Чарторыскіе возставали противъ такого приѣма, хотя въ глаза льстили Репнину, — который настаивалъ на принятіи пословъ конфедераціи. Понятовскій уступилъ требованію нашего посла и 28 апрѣля новаго стиля допустилъ депутатовъ въ ругѣ, что было знакомъ признанія законности диссидентской конфедераціи.

Въ іюнѣ 1767 года, въ Литвѣ образовались 24 конфедераціи, маршалами которыхъ были друзья Радзивилла, а самъ онъ былъ сначала маршаломъ подляшской конфедераціи, а потомъ генеральнымъ маршаломъ соединенной польско-литовской конфедераціи, собравшейся въ Радомѣ.

Образовавшіяся столь быстро католическія конфедераціи не имѣли въ виду окончить диссидентское дѣло, а хлопотали о томъ, чтобы свергнуть короля и сдѣлать съ Чарторыскими тоже, что они сдѣлали съ своими противниками во время своего торжества.

«Начальные люди конфедераціи къ диссидентскому дѣлу были равнодушны, а толпа была одушевлена тою же нетерпимостію какъ и прежде; слѣдовательно, опять Репнинъ, чтобы преодолѣть это тупое сопротивленіе, долженъ былъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ къ—военной силѣ». Рядомъ, съ предложеніемъ о правахъ диссидентовъ шло предложеніе о томъ, *чтобы все постановленное на будущемъ сеймѣ было гарантировано Россіей.*

Краковскій епископъ Солтыкъ сталъ во главѣ религіознаго движенія противникомъ диссидентовъ и ярымъ защитникомъ католичества. День и ночь писалъ онъ свои пастырскія посланія,

подкрѣпленные явившимся въ Польшѣ письмомъ папы, противъ правъ диссидентовъ. Многіе изъ руководителей въ составленіи конфедерацій, обѣщавшіе хлопотать объ успѣхѣ диссидентскаго дѣла, перешли теперь на сторону католиковъ, «изволите видѣть—писалъ Репнинъ—съ сколь честными людьми я дѣло имѣю, и сколь пріятны должны быть мои обороты и поведеніе; истинно боюсь, чтобы самому, въ семъ ремеслѣ съ ними обращаюсь, мошенникомъ наконецъ не сдѣлаться ¹⁾».

Посолъ нашъ предвидѣлъ, что придется арестовать епископа краковскаго Солтыка, иначе на успѣхъ разсчитывать было нечего. Получивъ на это позволеніе изъ Петербурга, Репнинъ сталъ дѣйствовать рѣшительно. Онъ предупредилъ Солтыка, чтобы тотъ остерегался, что его могутъ взять и не выпустить.—«Не стану молчать, когда интересъ религіи требуетъ моей защиты», отвѣчалъ Солтыкъ.

Вполнѣ увѣренный, что только тотъ можетъ утишить бурю, кто поднялъ ее, король скоро согласился на предложеніе Репнина, чтобы конфедерація, въ опроверженіе криковъ противниковъ, объявила своимъ декретомъ русскія войска дружественными и помогающими народной вольности, и «что всѣ присяги, принесенныя на сеймикахъ земскими послами въ противность смысла акта конфедераціи и въ противность точныхъ правъ, уничтожаются».

Конфедераты отвергли оба эти декрета.

Сеймовое засѣданіе 1 (12) октября было весьма шумно. Открывшій рѣчь епископъ кievскій возставалъ противъ представленія правъ диссидентамъ и дошелъ до того, что вольность утвержденную закономъ называлъ дiавольскою, а не вольностію правовѣрныхъ. Солтыкъ въ выраженіяхъ еще болѣе рѣзкихъ проводилъ тоже самое. Засѣданіе сейма было отложено на три дня. Репнинъ приказалъ на слѣдующій день арестовать Солтыка, воеводу краковскаго Венцеслава Ржевускаго и епископа кievскаго Залусскаго, какъ лицъ одного образа мыслей съ Солтыкомъ. Всѣ они и были вслѣдъ затѣмъ отправлены въ Вильну.

Съ арестованіемъ этихъ лицъ поляки успокоились. «Назначена была коммисія для окончательнаго рѣшенія диссидентскаго дѣла, и 19 ноября постановила слѣдующее: всѣ диссиденты шляхетскаго происхожденія уравниваются съ католическою шляхтой во всѣхъ политическихъ правахъ; но королемъ можетъ быть только католикъ, и религія католическая остается господствующею. Бракъ между католиками и диссидентами дозволяется; изъ-

¹⁾ Соловьевъ, 59.

дѣтей рожденныхъ отъ этихъ браковъ, сыновья остаются въ религіи отца, дочери въ религіи матери, если только въ брачномъ договорѣ не будетъ на этотъ счетъ особенныхъ условій.

«Всѣ церковныя распри между католиками и диссидентами рѣшаются смѣшаннымъ судомъ, состоящимъ на половину изъ католиковъ и на половину изъ диссидентовъ. Диссиденты могутъ строить новыя церкви и заводить школы; они имѣютъ свои консисторіи и созываютъ синоды для дѣлъ церковныхъ; всякій, и не принадлежащій къ католическому исповѣданію, можетъ пріобрѣтать индигенатъ въ Польшѣ».

Конфедерація, какъ достигшая своей цѣли, распущена. Русскія войска готовы были выдти изъ Польши, какъ въ мартѣ 1768 года получены были свѣдѣнія о безпокойствахъ въ Подолиі.

Подкоморій розанскій Красинскій вмѣстѣ съ адвокатомъ Иосифомъ Пулавскимъ, захватили городъ Баръ, принадлежавшій князю Любомирскому, и приглашали окрестныхъ жителей къ составленію конфедераціи, *за вѣру и свободу*. Въ Галиціи образовалась другая конфедерація подъ предводительствомъ Іохима Потоцкаго; въ Люблинѣ подъ начальствомъ Ржевскаго. Русскихъ войскъ было не болѣе 16 т. человекъ, въ которыхъ чувствовался недостатокъ легкой кавалеріи, необходимой для преслѣдованія конфедератовъ.

«27 марта (1768 г.) состоялось сенатское рѣшеніе — просить императрицу всероссійскую, какъ ручательницу за свободу, законы и права республики, обратить свои войска, находившіяся въ Польшѣ, на укрощеніе мятежниковъ. Репнинъ двинулъ войска въ разныхъ направленіяхъ, и конфедераты нигдѣ не могли выдержать ихъ напора. Города, занятые конфедератами, Баръ, Бердичевъ, Краковъ, были у нихъ взяты; но трудно было угоняться за мелкими шайками конфедератовъ, которыя разсыпались по странѣ, захватывали казенныя деньги, грабили друга и недруга, католика и диссидента, духовнаго и свѣтскаго человекѣка. Награбивши денегъ, шайки эти убѣгали въ Венгрію или Силезію. Страшная смута и рознь господствовали повсюду, братъ не довѣрялъ брату; у cadaго были свои виды, свои интересы, свои интриги, никому не было дѣла до отечества, лишь бы страсть его была удовлетворена, лишь бы частныя его дѣла обдѣлялись; одинъ братъ писалъ громоносные манифесты противъ русскихъ и соединялся съ конфедератами, другой заключалъ контракты съ русскими, брался поставлять въ ихъ магазины хлѣбъ и овощи»¹⁾.

Польша опустошалась мелкими шайками, въ которыхъ при-

¹⁾ Соловьевъ, 77.

соединился бунтъ гайдамаковъ, возставшихъ такъ же за вѣру православную. Бунтъ гайдамаковъ повелъ къ разрыву Россіи съ Турціею. Ворвавшись въ мѣстечко Балту, на границѣ Турціи, гайдамаки разграбили ее, перерѣзали жидовъ и многихъ жителей. Порта обвиняла Россію въ нарушеніи границъ и объявила ей войну.

Чарторыскіе, видя затруднительность положенія Россіи, заговорили иначе; они находили нужнымъ посредничество иностранныхъ державъ и измѣненія постановленія о диссидентахъ и гарантіи. Король былъ такого же мнѣнія. Ему показалось, что въ барской конфедераціи высказалась другая сила польской національности, которой онъ и сталъ поклоняться. Король и Чарторыскіе полагали теперь возможнымъ предоставить диссидентамъ только свободу вѣроисповѣданія, но отнять доступъ въ судебныя мѣста и законодательство.

Польское правительство ожидало, какой оборотъ приметъ война Россіи съ Турціею. Въ совѣтѣ, бывшемъ у короля, успѣли убѣдить Понятовскаго о необходимости возвращенія отряда графа Браницкаго, направленнаго для дѣйствія противъ конфедератовъ. Они увѣряли, что русскіе подговорятъ его на свою сторону и тогда Порта заключитъ, что Польша дѣйствуетъ за одно съ Россіею.

По предложенію Замойскаго, польское правительство приняло такую систему дѣйствій: «не давать Россіи явныхъ отказовъ, но постоянно находить невозможности въ исполненіи ея требованій, льстить, но ничего не дѣлать; королю нисколько не вмѣшиваться въ настоящія волненія, нейти противъ націи, не вооружаться противу турокъ, но выжидать, какой оборотъ примутъ дѣла».

— Что, по вашему мнѣнію, для васъ выгоднѣе, спрашивалъ Репнинъ Чарторыскихъ, чтобы Россія или Порта взяла верхъ въ настоящей войнѣ? ибо отъ рѣшенія этого вопроса должно зависѣть все ваше поведеніе.

— Ни то, ни другое, отвѣчали Чарторыскіе. Выгода наша состоитъ въ томъ, чтобы не путаться нисколько въ это дѣло.

— Достоинство вашей короны страдаетъ отъ презрительныхъ отзывовъ Порты на вашъ счетъ.

— Гдѣ нѣтъ бытія, тамъ нѣтъ и достоинства, отвѣчали Чарторыскіе.

— Il vaut mieux ne rien faire, que de faire des riens, прибавилъ литовскій канцлеръ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, въ іюнѣ 1769 года, князь Репнинъ былъ отозванъ изъ Варшавы, а вмѣсто него назначенъ князь Михаилъ Никитичъ Волконскій.

IX.

Въ маѣ 1769 года, князь Волконскій прибылъ въ Варшаву, гдѣ нашель казенныхъ суммъ, назначенныхъ на чрезвычайные расходы, только 5 т. червонныхъ. Онъ просилъ о высылкѣ ему новаго количества денегъ, которыхъ вскорѣ и отпущено ему 99,500 руб. ¹⁾

Тотчасъ по прибытіи новаго русскаго посла въ столицу Польши, находившійся въ Петербургѣ польскій резидентъ, Псарскій, заявилъ гр. Панину, отъ имени своего двора, что кн. Волконскій, по пріѣздѣ въ Варшаву, не хотѣлъ сдѣлать первый никому визита, и отказался сообщить копію съ кредитивной грамоты коронному великому маршалу, какъ первому министру республики.

Дѣйствительно, пріѣхавъ въ Варшаву, князь Михаилъ Никитичъ послалъ, по обыкновенію, извѣстить о своемъ пріѣздѣ короннаго маршала и просилъ назначить день для аудіенціи съ польскимъ королемъ. Посоль говорилъ, что когда онъ получитъ отвѣтъ о днѣ аудіенціи, тогда сообщитъ маршалу копію съ кредитивной грамоты. Маршалъ требовалъ, чтобы Волконскій сдѣлалъ ему сначала визитъ и привезъ лично ту копію. Тотъ послалъ сказать маршалу, что ни графъ Кейзерлингъ, ни кн. Репнинъ, бывшій тогда еще въ Варшавѣ, и даже никто изъ чужестранныхъ пословъ никогда первыми визитовъ маршалу не дѣлали. Послѣдній потребовалъ тогда копію съ кредитивной грамоты, и когда Волконскій отправилъ ее, то маршалъ прислалъ сказать, что король польскій согласился, чтобы маршалъ первый сдѣлалъ визитъ послу, но съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы на будущее время подобныхъ недоразумѣній не встрѣчалось ²⁾. «Ея императорское величество—писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Панинъ ³⁾—изволить въ разсужденіи церемоніала между коронованными главами почитать совершенное равенство за непремѣнный базисъ ихъ между собою сношенія, почему съ одной стороны, не уступая никому, намѣрепа она съ другой и себѣ ничего сверхъ равенства присвоить. Вслѣдствіе сего генеральнаго и непремѣннаго правила, не отрывается конечно ея императорское величество отъ того, чтобы послы ея въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они находятся, повиновались обыкновенному этикету и общему

¹⁾ Волконскій Панину, 11 іюня 1769 г. № 8.

²⁾ Волконскій Панину, 22 іюля (2 августа) № 34.

³⁾ Волконскому, отъ 7 іюля 1769 г.

вездѣ установленію первой отъ посла визиты тому министру, черезъ котораго онъ аудіенціи себѣ требовать долженъ. Ваше сіятельство можете изъ того далѣе заключить, что и вы съ своей стороны не будете уже имѣть причины къ сумнѣнію въ учиненіи великому маршалу коронному первой визиты, яко посреднику между вами и королемъ, въ случаѣ испрошенія себѣ у него аудіенціи, если только правда, что обычаи и церемоніальные обряды республики формально ауторизуютъ его въ томъ посредствѣ, и если еще польскій дворъ, отнынѣ впредь для изыатія самаго корня къ недоразумѣнію, сдѣлаеть нынѣ же вамъ на письмѣ точную декларацію, что каждый министръ и посолъ посторонней державы имѣетъ по древнему обычаю, какъ нынѣ, такъ и впредь всегда по пріѣздѣ своемъ адресоваться къ великому маршалу, для истребованія себѣ черезъ него аудіенціи, а потому самому сдѣлать ему первую визиту и сообщить на оной копію съ кредитива своего.

«Когда польскій дворъ сдѣлаеть такую декларацію, въ такомъ случаѣ кончатся уже всѣ споры, и ваше сіятельство въ состояніи не компрометируя ни мало характера вашего отдать желаемую отъ васъ первую визиту».

Волконскій отвѣчалъ, что до него никто не дѣлалъ первымъ визита маршалу; что кн. Репнинъ не дѣлалъ этого бывшему маршалу Огинскому, но что новый маршалъ кн. Любомирскій, по своей гордости, хотѣлъ попытаться, не удастся ли ему «чѣмъ нибудь передъ нами возвыситься». Посолъ сообщалъ гр. Панину, что хотя маршалъ и считается старшимъ министромъ республики, но онъ не имѣетъ никакого дѣла до чужестранныхъ министровъ. Маршалъ никогда не имѣлъ объясненій съ послами, а исполнялъ при первой аудіенціи обязанность вводителя ихъ въ залу аудіенціи. Будучи же полицеймейстеромъ въ резиденціи короля, маршалъ «имѣетъ попеченіе, чтобы для чужестранныхъ министровъ, право народное во всякой строгости было наблюдаемо». О дѣлахъ же съ послами переговоры велись всегда черезъ канцлеровъ ¹⁾.

Неосновательная претензія кн. Любомирскаго повела однако же къ недоразумѣніямъ, происшедшимъ между посломъ и польскимъ правительствомъ. Недоразумѣнія эти, хотя и слѣдуетъ называть мелочными, но нельзя отрицать и того, чтобы они не отозвались на слѣдующихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, происходившихъ между посломъ и польскимъ правительствомъ.

Первою заботою Волконскаго, по пріѣздѣ въ Варшаву, было

¹⁾ Волконскій Панину, 22 іюля (2 августа) № 34.

добиться уступки въ наше распоряженіе Каменецъ-Подольской крѣпости. Для успѣшнаго хода военныхъ дѣйствій Россіи съ Турціею признавалось необходимымъ занять двѣ крѣпости, бывшія во владѣніяхъ Польши: Замосць и Каменецъ-Подольскъ. Воюя съ конфедератами, нашимъ войскамъ весьма опасно было оставлять въ тылу у себя такую значительную крѣпость, какъ Каменецъ-Подольскъ. Сдавъ ее туркамъ, конфедераты могли надѣлать намъ этимъ весьма много хлопотъ. Поэтому еще кн. Репнинъ домогался того, чтобы получить разрѣшеніе короля на уступку этой крѣпости, для временнаго занятія ея русскими войсками. Исканія кн. Репнина были неуспѣшны, и новый посоль, по прибытіи въ Варшаву, тотчасъ же поднялъ снова вопросъ объ уступкѣ Каменецъ-Подольска русскимъ войскамъ. Занятіе это было крайне необходимо въ виду того, что французскій посоль въ Константинополь домогался, чтобы турки какъ можно скорѣе овладѣли Каменецъ-Подольскомъ и тѣмъ утвердили себя въ Польшѣ. Петербургскій кабинетъ поручилъ сообщить королю, что если польское правительство не можетъ согласиться отдать эту крѣпость подъ защиту русскаго войска, то правило нейтралитета требуетъ, чтобы русскіе получили точное удостовѣреніе въ томъ, что Каменецъ-Подольскъ не будетъ отданъ въ руки непріятелю, а будетъ защищаемъ всѣми силами, за одно съ русскими войсками. «Теперь главное дѣло—писалъ гр. Панинъ ¹⁾—не въ томъ состоятъ должно, чтобы намъ имѣть на своей сторонѣ внѣшность польскаго правленія, когда мы до удобнѣйшаго уже времени рѣшительно положили, оставить его утѣшаться мнимымъ своимъ нейтралитетомъ: но чтобы быть надежно увѣреннымъ въ сопротивленіи и оборонѣ каменецкаго гарнизона, еслибъ турки на сію крѣпость покушеніе сдѣлать вознамѣрились, ибо тогда князь Александръ Михайловичъ (Голицынъ) собою бы уже всякое подкрѣпленіе ей дѣлать сталъ, безъ всякаго въ томъ съ республикою предварительнаго соглашенія, по однимъ собственной своей безопасности резонамъ».

Получивъ эти наставленія, Волконскій тотчасъ отправился къ королю. Понятовскій отвѣчалъ, что не имѣетъ вовсе намѣренія отдавать въ руки турокъ Каменецъ-Подольскую крѣпость, а напротивъ того, въ случаѣ нападенія турокъ, крѣпость эта будетъ защищаться. Король дѣйствительно еще въ январѣ этого года отправилъ повелѣніе каменецкому коменданту не впускать въ крѣпость никакихъ войскъ, и даже русскихъ ²⁾.

¹⁾ Панинъ Волконскому, 7 іюля 1769 г.

²⁾ Волконскій Панину, отъ 10-го (21-го) сентября, №363.

— Полагаясь на сіи слова, говорилъ Волконскій, я буду требовать отъ васъ и отъ министерства формальнаго въ томъ обнадеженія.

— Можете, отвѣчалъ король.

Волконскій составилъ проектъ ноты и сообщилъ ее великому канцлеру коронному, съ тѣмъ, чтобы, прежде подавія ея, условиться съ нимъ объ ихъ отвѣтѣ. Канцлеръ не соглашался на требованіе Волконскаго, чтобы въ отвѣтной нотѣ польскаго правительства было сказано, что Каменцу будетъ приказано обороняться отъ нападенія турокъ съ помощію нашихъ войскъ.

— Мы опасаемся націи, говорилъ канцлеръ, взять на себя, учинить такое обнадеженіе.

Волконскій писалъ Панину, и жаловался на несговорчивость польскаго правительства¹⁾.

Въ отвѣтъ на это онъ получилъ приказаніе обмѣняться взаимными нотами и ограничиться обѣщаніемъ, со стороны польскаго министерства, въ томъ, что Каменецъ-Подольская крѣпость будетъ защищаема, хотя бы и безъ содѣйствія русскихъ войскъ. Къ такой уступкѣ со стороны русскаго правительства побудило то обстоятельство, что русскихъ войскъ, находившихся въ Польшѣ, было весьма незначительное число, такъ что ихъ едва хватало на дѣйствіе противъ конфедератовъ, число которыхъ постепенно возрастало.

Х.

Два брата Пулавскіе, скрывавшіеся до сихъ поръ въ Молдавіи, успѣли составить конфедерацію въ Премислѣ, разоряли тотъ край и покушались напасть на Львовъ, но услыжавъ о приближеніи нашихъ войскъ отправленныхъ изъ отряда подполковника Древица, бѣжали въ разныя стороны. Одна изъ этихъ партій, подъ начальствомъ кіевскаго старосты Потоцкаго, была настигнута самимъ подполковникомъ Древицемъ и разбита подъ Христіанполемъ. Прочія партіи соединились вмѣстѣ, двинулись было къ Варшавѣ, по дорогѣ забрали безъ всякаго сопротивленія полкъ Скоржевскаго и 16-ть польскихъ знаменъ, принадлежавшихъ корпусу, региментаря Стемшковскаго, но не дойдя до столицы, поворотили въ Сендомирское воеводство.

Подойдя къ крѣпости Замосцю, конфедераты пытались взять ее, но не успѣвъ исполнить свои намѣренія; раздѣлились на двѣ части: одна пошла къ мѣстечку Пулавамъ и стала переправ-

¹⁾ Волконскій Панину, отъ 9-го (20-го) іюня, № 7.

латься черезъ Вислу, съ намѣреніемъ двинуться въ Варшавѣ. Другая же партія, забравъ въ м. Мезеричъ часть уланскаго татарскаго полка, вмѣстѣ съ командиромъ его Бѣлякомъ и нѣсколько человекъ изъ войскъ Радзивилла, пошла по направленію къ Брестъ-Литовску.

Съ дороги конфедераты отправили, въ м. Бялу, къ князю Радзивиллу требованіе, чтобы онъ приступилъ къ конфедераціи и отдалъ бы свои войска въ распоряженіе конфедератовъ, обѣщаясь, въ противномъ случаѣ, выжечь всѣ его деревни и присоединить къ себѣ его войска силою. Князь Радзивиллъ отвѣчалъ, что войска не дастъ, а будетъ драться съ ними какъ съ непріятелями.

Въ Варшавѣ находилось только 700 человекъ нашихъ солдатъ. Вблизи города хотя и стояли незначительные наши отряды, но сообщеніе съ ними было прервано, и князь Волконскій, не зная гдѣ они находятся и что дѣлаютъ, отправился къ королю для соглашенія о тѣхъ мѣрахъ, какія можно было принять въ настоящемъ критическомъ положеніи.

Не надѣясь однакоже на польскія войска, по большинству преданныхъ мятежникамъ, и не ожидая того, какія мѣры приметъ самъ король къ огражденію спокойствія столицы, Волконскій поручилъ генераль-поручику Веймарну отправить посланнаго въ Торунь и приказать стоявшему тамъ генераль-маіору Чарторыскому слѣдовать съ его отрядомъ въ Варшаву. Въ это время подполковникъ Древицъ прибылъ въ столицу, присоединивъ къ своему отряду отрядъ маіора Кноринга и два эскадрона пермскаго полка.

Такъ хорошо начавшій князь Радзивиллъ, получившій новыя угрозы конфедератовъ, струсиль. Къ князю Волконскому явился посланный Радзивилла, спрашивавшаго, что ему дѣлать и какъ поступать съ конфедератами. Волконскій ободрялъ его, просилъ продолжать также какъ началъ и обѣщалъ подать ему помощь русскими войсками ¹⁾. Отвѣтъ этотъ нѣсколько успокоилъ Радзивилла. Съ другой стороны, конфедераты, зная рѣшительный характеръ Радзивилла, и боясь, чтобы онъ не подтвердилъ словъ своихъ дѣломъ, обойдя Бялу направились прямо къ Брестъ-Литовску, предложили тамошнему дворянству приступить къ конфедераціи, но не успѣвъ и тутъ въ своихъ желаніяхъ, потянулись къ Гродно.

Въ окрестностяхъ Варшавы число мятежниковъ увеличивалось. Около Сохачева, въ 6-ти миляхъ отъ Варшавы, появилась шайка

¹⁾ Волконскій Панину, 3-го іюня 1769 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й.

въ тысячу человекъ. Король отправилъ противъ нихъ графа Браницкаго съ своими уланами. Разсѣявъ собравшихся конфедератовъ, Браницкій весьма скоро возвратился въ Варшаву.

Волконскій писалъ къ графу Апраксину, чтобы онъ поспѣшилъ съ своимъ отрядомъ изъ Познани въ Варшаву, а главнокомандующаго первой арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, князя Голицына, просилъ помочь малочисленности нашихъ войскъ бывшихъ въ Польшѣ и занять своимъ отрядомъ Львовъ. Сосредоточеніе войскъ въ Варшавѣ признавалось существенною необходимостію, для того чтобы, какъ доносилъ Волконскій ¹⁾, «черезъ таковое покушеніе мятежниковъ не упустить изъ рукъ короля и правительство».

Предмѣстникъ Волконскаго князь Репнинъ находился еще въ Варшавѣ. Конфедераты собирались преимущественно по тѣмъ дорогамъ, по которымъ онъ долженъ былъ возвращаться въ Петербургъ. Для сопровожденія его назначенъ конвой въ 400 человекъ. Князь Волконскій присоединилъ къ этому конвою отрядъ подполковника Древица и два эскадрона пермскаго полка. Проводивъ Репнина до Луцка, Древицъ долженъ былъ поворотить на Пинскъ, двинуться въ Литву, выгнать оттуда Пулавскаго и не дать распространиться возстанію.

Многіе изъ поляковъ, оставшихся спокойными, были въ сущности также нерасположены къ намъ, но опытнѣе своихъ шумящихъ собратьевъ. Они ожидали какой оборотъ приметъ война наша съ турками. Волконскій писалъ, что видитъ «диспозицію здѣшнихъ духовъ, которыя генерально всѣ заражены фанатизмомъ и притомъ отъ здѣшнихъ пустыхъ головъ всего ожидать можно ²⁾».

Оставалось принимать мѣры къ тому, чтобы и та часть населенія, которая до времени оставалась спокойною, не присоединилась къ конфедератамъ.

Пулавскіе находились въ Брестъ-Литовскомъ воеводствѣ и старались склонить жителей къ составленію конфедерации. Они писали универсалы, грабили тотъ край, собирали контрибуцію и особенно притѣсняли диссидентовъ. У великаго канцлера литовскаго, князя Чарторыскаго, въ его деревнѣ Волчижъ взяли 600 червонныхъ, 6-ть пушекъ, много пороха и лошадей; у воеводы Поморскаго, графа Флеминга, въ его мѣстечкѣ Терасполѣ, лежавшемъ на другомъ берегу рѣки противъ Брестъ-Литовска, они

¹⁾ Панину, 11-го (22-го) іюня № 9-й.

²⁾ Волконскій Панину, 11-го (22-го) іюня, № 10-й.

основали свою главную квартиру «а потому натурально, питаюсь въ ономъ и собирая деньги, совсѣмъ почти его разорили».

Для уничтоженія всѣхъ этихъ безпорядковъ и для разогнанія конфедератовъ, одновременно съ движеніемъ подполковника Древица въ Литву, былъ посланъ туда же изъ Варшавы другой отрядъ, числомъ до 600 человекъ, подъ начальствомъ подполковника Вахмейстера. Оба отряда имѣли назначеніе дѣйствовать одновременно и съ двухъ сторонъ.

Отправивъ изъ Варшавы отряды для дѣйствія противъ конфедератовъ, Волконскій получилъ свѣдѣнія о новыхъ волненіяхъ. Воевода виленскій, князь Радзивиллъ, писалъ примасу, что около Слуцка начинается мужицкій бунтъ. Радзивиллъ сообщалъ, что считаетъ необходимымъ свое присутствіе въ Слуцкѣ, какъ для укрошенія бунта, такъ и потому, что, живя въ своемъ имѣніи, подверженъ нападенію возмутителей. Князь Волконскій отправилъ повелѣніе начальнику нашего гарнизона въ Слуцкѣ, чтобы онъ «тѣхъ мужиковъ, кои всѣ греческаго исповѣданія, уговаривалъ и всячески склонялъ въ покоѣ оставаться», но если бы они на то не согласились, то употребилъ бы противъ нихъ силу оружія, но только въ крайнемъ случаѣ.

Между тѣмъ число конфедератовъ постоянно увеличивалось.

Одинъ изъ предводителей конфедератовъ Биржинскій, находившійся въ Сендомирскомъ воеводствѣ, прислалъ ко всѣмъ шефамъ полковъ приказаніе, чтобы они къ назначенному числу собрались подъ Ловичъ. Воевода русскій, коронный оберъ-камергеръ и графъ Бриль получили такое же приказаніе. Послѣдній находился въ Дрезденѣ, а потому на конвертѣ было написано: «за отсутствіемъ его, командующему на его мѣстѣ офицеру».

Офицеръ спрашивалъ войсковую комиссію что дѣлать? комиссія отвѣчала, что она можетъ зависѣть только отъ генеральной конфедерации, а какъ маршалъ такой конфедерации еще не избранъ, то и запрещаетъ офицеру исполнять требованіе Биржинскаго.

Такой отвѣтъ ясно указывалъ, что сама комиссія какъ бы давала совѣтъ и мысль объ избраніи маршала генеральной конфедерации, и обѣщала ему повиноваться, а между тѣмъ, чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ и нареканіямъ, она отвѣчала на запросъ офицера, не письменнно, а словесно, чтобы въ случаѣ пужды можно было отказаться отъ своихъ словъ.

— Поздравляю васъ съ новымъ командиромъ, говорилъ въ шутку Волконскій, показывая приказаніе воеводѣ русскому. Что вы намѣрены теперь дѣлать?

— Я считаю, отвѣчалъ тотъ, этотъ ордеръ безумнымъ, а самого командира глупымъ.

Безумные ордера и глупые командиры заставили однако же проснуться какъ короля, такъ и польское правительство. Въ Варшавѣ скоро узнали, что, налагаемыми на брестскихъ жителей контрибуціями и поборами, Пулавскіе довели ихъ до того, что тамъ составилаь конфедерація. Она усилилась еще уланскимъ полкомъ Корицкаго, захваченнымъ Пулавскими не подадеку отъ Брестъ-Литовска.

Великій канцлеръ литовскій и графъ Флемингъ увѣрили Волконскаго, что брестскіе жители составили конфедерацію по принужденію и готовы разойтись по своимъ домамъ, если не будутъ преслѣдуемы нашими войсками. Волконскій обѣщалъ не преслѣдовать ихъ, если подпишутъ условіе, что останутся въ повоѣ. Для выручки полка Корицкаго изъ рукъ конфедератовъ король отправилъ, 25 іюня (6 іюля), графа Браницкаго съ тремя полками, разрѣшивъ ему, въ случаѣ сопротивленія, употребить оружіе. Передъ отправленіемъ, Понятовскій просилъ Волконскаго, по крайнему недостатку денегъ, дать на экспедицію Браницкаго 3,000 червонныхъ.

«Я не хотѣлъ въ томъ отказать — писалъ Волконскій ¹⁾, — и оные ему даль, рассуждая, что не бесполезно короля втянуть въ явное содѣйствіе съ нами противъ возмутителей, которое симъ отправленіемъ Браницкаго нѣкоторымъ образомъ начинается: ибо онъ, конечно, не деньгами одними, ни ласками, къ себѣ полковниковъ Бѣляка и Корицкаго не переманить, хотя они и принужденно, — какъ сказываютъ, — Пулавскими взяты были, а надобно ему напередъ съ возмутителями для того драться».

Волконскій отправилъ также два отряда — одинъ Древица, какъ мы видѣли, на Пинскъ, а другой Вахмейстера прямо на Брестъ-Литовскъ. Соединенныя ихъ дѣйствія должны были очистить Литву отъ Пулавскихъ и ихъ шайки.

Биржинскій двинулся къ Люблину, а оттуда намѣренъ былъ пробраться въ Литву и соединиться съ Пулавскими. По дорогѣ онъ зашелъ въ м. Бялу, лежавшее не подалеку отъ Брестъ-Литовска. Владѣлецъ этого имѣнія князь Радзивилль принялъ Биржинскаго весьма ласково. Двое сутокъ они вмѣстѣ кутили и пили. Радзивилль передалъ Биржинскому свои войска, — которыхъ насчитывали до 600 человекъ, — и пушки, а самъ уѣхалъ въ Пруссію. Гусарь, составлявшихъ его конвой, Радзивилль отправилъ съ границы обратно съ приказаніемъ явиться къ Биржинскому.

¹⁾ Панину, 26 іюня (7 іюля), № 19.

Въ Варшавѣ рассказывали, что передъ отъѣздомъ своимъ онъ объявилъ все составленное послѣднею генеральною конфедераціею «подъ его маршалствомъ сочиненнымъ не законно»; что онъ принужденъ былъ къ тому силою и что онъ отрывается отъ прежняго своего поведенія. По полученіи свѣдѣній о поступкахъ Радзивилла, князь Волконскій приказалъ забрать всю его артиллерию, находившуюся въ Слуцкѣ и Несвижѣ и распредѣлить ее по нашимъ отрядамъ ¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ, для уничтоженія шайки, бывшей подъ начальствомъ Биржинскаго, отправленъ въ Люблинъ отрядъ изъ 800 человекъ, подъ начальствомъ князя Голицына.

Князь Голицынъ не засталъ Биржинскаго въ Люблинѣ, такъ какъ онъ повернулъ къ Брестъ-Литовску. Онъ преслѣдовалъ его, гналъ передъ собою до самаго Бѣлостока и тутъ разбилъ его. На обратномъ пути въ Варшаву князь Голицынъ успѣлъ разбить, при рѣкѣ Бугѣ, партію конфедератовъ числомъ до 150 человекъ.

Все шло, повидимому, удовлетворительно, какъ вдругъ король перемѣнилъ свой образъ дѣйствія. Графу Браницкому, отправленному противъ Пулавскихъ и не успѣвшему дойти до Брестъ-Литовска, послано повелѣніе возвратиться обратно. Канцлеръ литовскій князь Чарторыйскій и великій маршалъ коронный князь Любомирскій успѣли убѣдить короля, что экспедиція эта ничего не принесетъ ему кромѣ вреда; что она огорчитъ націю, возстановитъ ее противъ короля и докажетъ только, что самъ польскій король дѣйствуетъ съ русскими противъ своего народа. Испуганный Понятовскій послалъ тотчасъ же съ нарочнымъ приказаніе немедленно возвратиться въ Варшаву. Графъ Браницкій отвѣчалъ, что онъ распорядился уже своими дѣйствіями; что онъ согласился дѣйствовать вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ противъ Биржинскаго; что, остановивъ свои дѣйствія, онъ очень легко можетъ быть причиною неудачи князя Голицына. Король не хотѣлъ и слышать возраженій; онъ послалъ Браницкому вторичное приказаніе непременно и немедленно возвратиться въ Варшаву.

Графъ Браницкій возвратился въ столицу Польши и передалъ князю Волконскому 2,400 руб. денегъ, оставшихся неизрасходованными изъ тѣхъ 3,000 руб., которые были ему выданы Волконскимъ.

— Поступокъ этотъ вреденъ для васъ самихъ, говорилъ Волконскій при свиданіи съ королемъ. Онъ ясно доказываетъ, если не полное согласіе ваше съ возмутителями, то, по крайней мѣрѣ, нежеланіе намъ содѣйствовать.

¹⁾ Волконскій Панину, 9 (20) іюля, № 27.

Король извинялся, говорилъ, что очень сожалѣеть о томъ, но иначе поступать не можетъ, и причины тому также не объявить.

Поступокъ съ графомъ Браницкимъ хорошо рисовалъ постоянство поведенія польскаго правительства и то, какую надежду «можно полагать на всѣ клятвы и увѣренія, кои какъ вѣтеръ перемѣняются».

Это непостоянство поведенія было болѣе всего пригодно для конфедератовъ. Слабость правительства, его трусость давали средства конфедератамъ увеличить число своихъ послѣдователей. Тѣ изъ поляковъ, которые въ началѣ не хотѣли приступать къ конфедераціи, видя разореніе своихъ имѣній конфедератами и не надѣясь на защиту правительства, рѣшились дѣйствовать заодно съ возмутителями. Въ разныхъ мѣстахъ составлялись мелкія конфедераціи. По выходѣ графа Апраксина съ отрядомъ изъ Познани конфедераты грабили и разоряли жителей собираніемъ контрибуціи.

Они подошли къ Торуну, и окружили его съ цѣлю овладѣть городомъ. При содѣйствіи нашихъ войскъ, городъ рѣшился обороняться и въ первой попыткѣ имѣлъ удачу. Для ободренія жителей и поддержанія ихъ, отправленъ въ Торунъ значительный отрядъ нашихъ войскъ подъ начальствомъ генераль-маіора Чарторыскаго. Конфедераты, собравшіеся въ Великой Польшѣ и польской Пруссіи, узнавъ о сопротивленіи города Торуня, бросились туда, чтобы отомстить жителямъ.

Изъ Ченстохова получено свѣдѣніе, что гарнизонъ вступилъ въ городъ конфедератовъ, которые и были введены туда всендзами. Въ Ловичѣ собрались разныя мелкія конфедераціи, какъ-то: Сохачевская, Ленчицкая, Гостинская, Куявская, Вышегородская, Плоцкая и Равская. Отсюда многія изъ нихъ потянулись къ Вислѣ. Въ Люблинѣ, Замосцѣ, около Львова, шатались шайки конфедератовъ. Въ оставленной нашими войсками Великой Польшѣ конфедераты вербовали на свободѣ рекрутъ, обмундировывали, обучали ихъ и собирали денежные и рекрутскіе поборы¹⁾.

Волконскій былъ въ попыхахъ, онъ боялся, чтобы не составила генеральная конфедерація, и чтобы конфедераты не окружили совсѣмъ Варшавы, что тѣмъ болѣе было возможно, ибо сообщеніе по многимъ направленіямъ было уже прервано. Въ обезпеченіе себя онъ отправилъ повелѣніе Древицу и Вахмейстеру спѣшить въ Варшаву. Не будучи увѣренъ, что приказаніе его дойдетъ по своему назначенію, Волконскій отправилъ другое тре-

¹⁾ Волконскій Панину, 22 іюля (2 августа) № 35.

бованіе въ Минскѣ, къ генераль-поручику Нумерсу, прося его прислать немедленно въ Варшаву одинъ полкъ пѣхоты и четыре эскадрона драгунъ 1).

Подполковникъ Древиць получилъ это приказаніе на пути преслѣдованія конфедератовъ. Онъ нагналъ ихъ близъ прусской границы и разбилъ въ староствѣ Юрбургскомъ. Начальники конфедератовъ: Паць, староста Зиоловскій, князь Сапега, крайчій литовскій и воевода брестскій бѣжали за-границу, а прочіе конфедераты разсыпались по разнымъ направленіямъ. Въ началѣ августа Древиць прибылъ въ Варшаву 2). Отрядъ его былъ крайне изнуренъ отъ продолжительнаго похода.

Сборище конфедератовъ въ Литвѣ было уничтожено. Соединившіеся вмѣстѣ Пулавскій и Биржинскій, хотя и избѣжали отъ преслѣдованія нашихъ войскъ, но также спѣшили оставить Литву. Остановившись сначала у Остроленки и узнавъ, что Древиць вызванъ въ Варшаву, они двинулись-было опять къ Брестъ-Литовску, но услышавъ на пути о прибытіи въ Минскѣ генерала Нумерса, повернули къ Люблину и остановились въ м. Хелмѣ.

Получивъ въ Минскѣ просьбу Волконскаго о присылкѣ войскъ въ Варшаву, Нумерсъ отправилъ туда одинъ полкъ пѣхоты подъ начальствомъ бригадира Суворова, впоследствии знаменитаго князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго.

Суворовъ не дошелъ по назначенію. Обстоятельства измѣнились въ Варшавѣ. Съ приходомъ Древица не было надобности въ усиленіи варшавскаго гарнизона, а потому Суворову отправлено приказаніе князя Волконскаго остановиться въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ присутствіе нашихъ войскъ было также необходимо. Оставаясь въ Брестъ-Литовскѣ, Суворовъ связывалъ главныя силы съ отрядомъ, бывшимъ въ Варшавѣ, которому, въ случаѣ нужды, могъ легко подать помощь. Посланный съ приказаніемъ къ Суворову былъ направленъ въ Гродно, куда тотъ долженъ былъ прибыть. Узнавъ, что въ Брестѣ собрались конфедераты, Суворовъ не дошелъ до Гродно, повернулъ къ Бресту, разбилъ конфедератовъ и, не получивъ распоряженія Волконскаго, пришелъ въ Варшаву.

Энергическій бригадиръ узналъ, что ночью 22-го августа конфедераты въ значительномъ числѣ собрались въ Закрочимѣ. Не спрашивая ничьего разрѣшенія, Суворовъ выступилъ ту же ночь изъ Варшавы 3). Слухи оказались ложными, въ Закрочимѣ Су-

1) Волконскій Панину, отъ того же числа, за № 38.

2) Волконскій Панину, 11 (22) августа за № 44.

3) Волконскій Панину, 22-го августа (2 сентября) № 51.

воровъ не нашель никого, возвратился въ Варшаву и былъ отправленъ Волконскимъ сначала въ Брестъ-Литовскъ, а потомъ въ Люблинъ для поддержанія сообщенія съ главною арміею.

Между тѣмъ конфедераты не унимались. Нѣкто Орѣшко составилъ конфедерацію въ Пинскѣ и забралъ бывшій тамъ полкъ литовской арміи Грабовскаго. Въ Краковѣ конфедераты напали на наши войска, но были отражены и нѣкоторые попались въ плѣнъ. «Не худо бы,—писалъ Волконскій¹⁾,—сихъ злодѣевъ перевѣшать отъ здѣшняго земскаго суда, но нѣкто учинить того теперь не отважится, и ни одинъ дворянинъ, начиная отъ городского старосты, на судъ не поѣдетъ ни подъ какимъ видомъ».

Панинъ просилъ Волконскаго пойманныхъ заговорщиковъ, *«засадя въ крѣпкія желѣза»*, отправить съ достаточнымъ конвоемъ, отъ команды до команды, въ ближайшій нашъ пограничный городъ, «дабы сіи изверги рода человѣческаго достойную злодѣйству своему мзду получить могли, въ чемъ передъ поляками на страхъ другимъ никакого секрета дѣлать не надобно».

Въ Ловичѣ собралось до 1500 человекъ конфедератовъ, которые впрочемъ тотчасъ же разошлись, какъ только узнали о приближеніи отряда князя Голицына, высланнаго изъ Варшавы.

Пулавскій съ Биржинскимъ были въ Люблинѣ. Противъ нихъ шель снова Древицъ съ своимъ отрядомъ. Конфедераты, избѣгая встрѣчи съ преслѣдователями, раздѣлились на двѣ части. Пулавскій пошелъ къ Бресту, а Биржинскій къ Кракову. Первый натѣнулся на отрядъ полковника Рена, высланнаго изъ главной арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, и потерпѣлъ поражение. Полковникъ Рень остановился въ Люблинѣ и ожидалъ прибытія туда отряда бригадира Суворова. Древицъ, не встрѣтя конфедератовъ, возвратился опять въ Варшаву и былъ тотчасъ же посланъ въ подкрѣпленіе отряда генераль-маіора Чарторыскаго, находившагося въ Торунѣ.

Въ Великой Польшѣ возмутители продолжали разорять обывателей, вербовали людей и имѣли въ рядахъ своихъ много иностранныхъ офицеровъ и рядовыхъ. Аммуницію и ружья конфедераты получали изъ Силезіи.

Противодѣйствовать ихъ собранію Волконскій не находилъ возможнымъ, потому что, за разсылкою отрядовъ въ разные мѣста, въ самой Варшавѣ осталось не болѣе 1000 человекъ, которые, какъ писалъ Волконскій, «расположены частію у меня на дворѣ, а частію на Прагѣ; изъ прочихъ же сдѣлалъ двойной

¹⁾ Панину, 11 (22) августа № 44.

около всей Варшавы кордонъ, который въ respeitъ содержитъ не только самый городъ, но и окружности» ¹⁾).

Не смотря на этотъ страхъ и блокированіе Варшавы нашими войсками, положеніе Волконскаго было весьма затруднительно, потому что, какъ король такъ и правительство поставило себѣ цѣлю полнѣйшую бездѣятельность и, по выраженію Волконскаго, *со встѣмъ въ небытіи находится*. Императрица Екатерина II оставляла—какъ писалъ графъ Панинъ—«слабому польскому правительству утѣшаться мечтою его полного нейтралитета», и приказала только Волконскому главнымъ образомъ препятствовать нашимъ противникамъ составить генеральную конфедерацию, «дабы вся власть и сила республики вовсе похищена не была» ²⁾.

Сосредоточеніе войскъ въ Варшавѣ, которое одобряла Екатерина, по ея мнѣнію, давало Волконскому возможность воспрепятствовать составленію генеральной конфедерациі.

XI.

Природа надѣлила Станислава Понятовскаго многими добрыми качествами, но лишила его характера и силы воли, особенно необходимыхъ въ его тогдашнемъ положеніи. Волконскій нашелъ въ королѣ человека самаго слабого по характеру и нерѣшительнаго въ своихъ дѣйствіяхъ. «Онъ совсѣмъ зависитъ отъ своихъ дядей Чарторьскихъ и безъ нихъ ничего начать неосмѣливается—писалъ нашъ посоль—хотя впрочемъ и то правда, что онъ самъ собою ни малѣйшаго кредита не имѣетъ и можно сказать, что предпринять ничего не въ состояніи ³⁾».

Нельзя отрицать того, что Чарторьскіе были дѣйствительно люди умнѣйшіе изъ всѣхъ тогдашнихъ представителей «и одни только въ Польшѣ съ головами люди ⁴⁾».

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, Волконскій два раза имѣлъ свиданіе съ королемъ, и оба раза Станиславъ Понятовскій увѣрялъ его въ своей преданности къ императрицѣ. Король говорилъ нашему послу, что преданность эта никогда не измѣнится, но что волненія и безпорядки въ Польшѣ не могутъ быть усмирены безъ уступки въ гарантіи и въ диссидентскомъ дѣлѣ. По-

¹⁾ Волконскій Панину, 9-го (20) сентября № 55.

²⁾ Графъ Панинъ Волконскому, 7-го іюля.

³⁾ Волконскій Панину 11-го (22) іюня № 10.

⁴⁾ Волконскій Панину, 27-го сентября (8 октября) № 61.

Понятовскій ссылался на то, что ему необходимо менажировать націю, «которая огорчена и вся въ возмущеніи находится».

— Съ нашей стороны, уступки по первымъ двумъ пунктамъ не будетъ, отвѣчалъ Волконскій, и тщетно ласкали бы себя надеждою когда-либо получить ее. Поэтому и ненадобно полагать сіе за способъ къ успокоенію націи, которая, видя, что правительство остается въ небытіи и не предпринимаетъ никакихъ мѣръ къ предупрежденію несчастія, въ большую дерзость отъ того приходитъ.

— Я преданъ императрицѣ, отвѣчалъ на это король.

— Чтобы уничтожить замѣшательства, говорилъ король въ другой разъ Волконскому, не лучше ли будетъ, если трактатъ и вся послѣдняя конституція будутъ уничтожены, а взамѣнъ ихъ будутъ составлены новыя.....

— Мы никогда отъ трактата не отступимъ, отвѣчалъ Волконскій, ибо гарантія была требована у ея императорскаго величества самою республикою, черезъ торжественное посольство. На основаніи этой просьбы постановленъ и трактатъ.

— Все это было сдѣлано силою, замѣтилъ король.

— Не правда. Столь торжественное посольство не могло быть принужденное ¹⁾.

Понятовскій говорилъ это со словъ воеводы русскаго, который былъ того же мнѣнія, что безъ уступки невозможно успокоить Польшу. Чарторыскіе требовали отмѣны деклараціи и уступки въ диссидентскомъ дѣлѣ. Петербургскій кабинетъ не могъ согласиться на это потому, какъ писалъ Панинъ, чтобы старики Чарторыскіе не подумали, что съ переменною посольства, и съ назначеніемъ Волконскаго, вмѣсто Рейнина, переменялись политическіе виды и поведеніе нашего двора. «Впереніе такой мысли, по мнѣнію Панина, можетъ легкомысленныхъ поляковъ сдѣлать еще завязчивѣе».

Волконскому поручено объявить Чарторыскимъ, что императрица вовсе не намѣрена разстроивать дѣло собственныхъ своихъ рукъ; что слава и достоинство ея въ постановленіяхъ послѣдняго сейма, а особенно въ диссидентскомъ дѣлѣ, «столько интересованы», что она скорѣе рѣшится на всѣ крайности, чѣмъ на уступку. Польскому правительству сообщено, что императрица, вмѣстѣ съ тѣмъ, вовсе не думаетъ стѣснять независимость и самодержавную власть республики; что она готова сообразить принятую на себя гарантію въ предѣлахъ одной только пользы республики, а отнюдь не во вредъ ея. Настоящія замѣша-

¹⁾ Волконскій Панину, 27-го іюля (7-го августа) № 40.

тельства въ Польшѣ, по словамъ Панина, не поколебали образа мыслей Еватерины, потому что она весьма хорошо различаетъ корпусъ республики отъ зараженныхъ его членовъ. Будучи поставлена въ необходимость употреблять противу сихъ послѣднихъ силу оружія, императрица, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ къ самому корпусу истинную союзническую дружбу, и не только не желаетъ ему упадка, но напротивъ того готова всевозможными средствами способствовать къ приращенію его. Имѣя такой взглядъ и убѣжденія «при настоящихъ польскихъ несчастливыхъ обстоятельствахъ», императрица рѣшилась ожидать удобнѣйшаго времени, когда дѣла сами собою достигнутъ зрѣлости.

Таковы были наставленія, данныя Панинымъ Волконскому, которому поручено было убѣдить поляковъ, что тѣ изъ нихъ «во всемъ передъ свѣтомъ и потомками не правы останутся, кои имѣя способы въ рукахъ не пекутся о благѣ отечества, и изъ прихоти, не соотвѣтствуютъ человѣколюбивымъ ея императорскаго величества намѣреніямъ, льстясь можетъ быть тщетною надеждою найти въ продолженіи войны, способъ удовлетворить персональному своему честолюбію 1).»

Чарторыскимъ былъ сдѣланъ намекъ, что русскій дворъ быть можетъ не особенно сопротивлялся бы въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ деклараціи, согласно ихъ желанія, если бы они съ доброю вѣрою приняли за дѣло не касающаго диссидентовъ, потому что въ послѣднемъ дѣлѣ никакой уступки сдѣлано быть не можетъ 2).

— Безъ этого я не могу приняться за работу, говорилъ воевода Волконскому, ибо и остальной свой кредитъ совсѣмъ потеряю.

— Кредитъ вашъ ни къ чему не послужитъ, замѣтилъ Волконскій, и истребитъ, если лишены будете протекціи Россіи, а имѣнія ваши будутъ разорены возмутителями.

— Трудно и почти невозможно теперь ничего начать, отвѣчалъ воевода.

Примасъ Подоскій, какъ приверженецъ саксонскаго дома, открыто говорилъ, что Польша не можетъ быть счастлива подъ управленіемъ національнаго короля, и тѣмъ болѣе нынѣшняго, который ненавидимъ народомъ.

— Нѣтъ способовъ успокоить націю, говорилъ онъ Волконскому, не удовлетворивъ ея желанію въ этомъ случаѣ.

— Къ невозможнымъ способамъ и прибѣгать нечего, отвѣчалъ Волконскій. Мы не позволимъ никогда опровергнуть наше

1) Панинъ Волконскому, отъ 7-го іюля.

2) Ibid.

собственное дѣло. Надо поэтому прискивать другія средства къ прекращенію существующихъ замѣшательствъ, отъ которыхъ вы сами теперь терпите и въ конецъ разоритесь, если будете оставаться въ молчаніи.

— Я высказалъ только чистосердечное мое мнѣніе, отвѣчалъ Подоскій, а впрочемъ, прибавилъ онъ, все то исполню, что мнѣ приказано будетъ отъ ея императорскаго величества.

«Съ епископомъ виленскимъ, доносилъ князь Волконскій, я много разъ уже говорилъ, по поводу его проекта о присмирненіи націи, но онъ подъ разными претекстами отговаривался мнѣ оный показать, а когда услышалъ отъ меня, что мы отъ трактата, заключеннаго на послѣднемъ сеймѣ не отступимъ, то и совсѣмъ утихъ и не столь уже охотно о сей матеріи говорить»¹⁾.

Вообще польскіе магнаты выказывали нерѣшимость въ дѣйствіяхъ. Они ждали, какой оборотъ примутъ наши дѣйствія въ Турціи. Успѣхъ или неуспѣхъ нашъ долженъ былъ рѣшить: быть ли имъ съ нами или противу насъ. До рѣшенія же этого вопроса, дворъ и министерство чуждалось Волконскаго и старалось показать народу, что никакого сообщенія и согласія съ русскимъ министромъ не имѣетъ. Князю Волконскому они ничего не сообщали, ни о чемъ съ нимъ не сносились. Экспедиція, на примѣръ, графа Браницкаго противу конфедератовъ содержалась въ тщательномъ секретѣ, и Волконскій узналъ о ней стороною.

Переговоры князя Волконскаго съ Чарторьскими, примасомъ и Потоцкими не привели ни къ чему. Чарторьскіе находили возможность успокоенія только въ уступкѣ, а примасъ и Потоцкіе въ сверженіи короля съ престола.

«Съ другой стороны, писалъ Волконскій Панину, могу увѣрить, что какъ скоро случится какое несчастіе надъ арміею нашею отъ турковъ, или по обстоятельствамъ отдалится она изъ Польши къ нашимъ границамъ, а въ то время или еще прежде корпусъ турковъ или татаръ войдетъ въ Польшу, то тотчасъ сочинена будетъ генеральная конфедерація, къ которой всѣ головою и знатные пристанутъ; одни изъ фанатизма, другіе по недоброжелательству къ намъ, а генерально всѣ для того, чтобы избѣжать неминуемаго въ такомъ случаѣ разоренія деревень; да и за самого короля не осмѣлюсь я отвѣчать, чтобы онъ къ нимъ не присоединился или къ тому не былъ принужденъ»²⁾.

На Чарторьскихъ надѣяться теперь было нечего. Видя пе-

¹⁾ Волконскій Панину, 11 (22) іюня № 10.

²⁾ Волконскій Панину, 20 іюня (1 іюля) № 16.

редь собою бездну, они оставались спокойными и не старались вовсе отворотить угрожающей имъ опасности. Волконскій хотя и не имѣлъ ясныхъ доказательствъ, но утверждалъ, что Чарторыскіе находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ конфедератами и готовы, если представится къ тому удобный случай, стать нашими противниками.

«Канцлеръ литовскій и великій маршалъ коронный князь Любомирскій, зять воеводы русскаго, люди наполненные неумѣренною амбиціею, положили себѣ за систему, по своему высокоумію, привести Польшу въ активитетъ и поставить, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ другими державами, а къ достиженію сего конца быть инструментами и тѣмъ приобрѣсть себѣ безсмертную славу.»

Канцлеръ литовскій гораздо упорнѣе прежняго утверждалъ, что безъ уступки въ диссидентскомъ дѣлѣ и въ гарантіи, никогда и ничего въ Польшѣ сдѣлать нельзя.

— Это совсѣмъ изъ головы выбить надлежитъ, отвѣчалъ ему Волконскій, и не льстить себя ложными надеждами, чтобы когда-нибудь мы на то согласились.

— Возмутители, говорилъ Волконскій Чарторыскому, собираются въ Ловичѣ и около Варшавы...

— Можетъ быть они сочиняютъ генеральную конфедерацію, перебилъ его сухо Чарторыскій.

— Что же вы, Чарторыскіе, станете дѣлать въ этомъ случаѣ? спросилъ его Волконскій. Генеральная конфедерація будетъ противъ короля, слѣдовательно и противъ васъ самихъ, а Польша между тѣмъ черезъ оную разорится.

— Я не знаю, что съ нами будетъ, отвѣчалъ коротко литовскій канцлеръ, но Польша останется всегда Польшею.

— Какое вы сдѣлали распоряженіе съ находящимися здѣсь полками гвардіи? спрашивалъ Волконскій воеводу русскаго, присоединившагося къ разговаривающимъ.

— На наши полки надѣяться нельзя, отвѣтилъ тотъ. Они сами говорятъ, что драться съ возмутителями не станутъ.

Воевода русскій (князь Чарторыскій), хотя самъ по себѣ быть можетъ и готовъ бы былъ дѣйствовать, но боялся приняться за дѣло безъ согласія остальныхъ членовъ той же фамиліи, а имѣя притомъ огромныя богатства, опасался, чтобы ихъ не разорили конфедераты.

— У васъ такъ мало здѣсь войскъ, говорилъ онъ Волконскому, что еслибы дошло до дѣла, то даже нечѣмъ защитить пріятелей вашихъ.

Общая бездѣятельность поляковъ заставила князя Волкон-

скаго оставить Чарторыскихъ и искать другихъ лицъ такихъ, которыя бы приняли на себя инициативу успокоенія Польши. Таковыми лицами были епископъ виленскій Масальскій и воевода поморскій графъ Флемингъ. Послѣдній—человѣкъ твердаго характера, богатый и преданный Россіи, пользовался значительнымъ вліяніемъ въ Литвѣ — былъ передъ симъ великимъ подскарбіемъ литовскимъ.

Частыми свиданіями и совѣщаніями съ этими лицами Волконскій успѣлъ достигнуть того, что епископъ виленскій, съ согласія графа Флеминга, написалъ проектъ благонамѣренной конфедераціи.

Въ основаніе своей работы, Масальскій хотя и положилъ также уступку въ диссидентскомъ дѣлѣ и гарантіи, но способъ, которымъ онъ предполагалъ достигнуть этой уступки, казался исполнимымъ. Епископъ предполагалъ именемъ всей польской націи просить Екатерину объ этой уступкѣ, просить объ увеличеніи войскъ до 25-т. и ограничить власть короля, которому предполагали оставить только одно право раздавать чины. Волконскій ухватился за этотъ проектъ изъ боязни, что, въ случаѣ неудачныхъ дѣйствій нашихъ съ Турками, составится тотчасъ же генеральная конфедерація. Для воспрепятствованія къ составленію генеральной конфедераціи, онъ находилъ необходимымъ или дѣйствовать силою, или составить реконфедерацію, «а какъ войскъ здѣсь мало—доносилъ онъ—то реконфедерація была бы весьма полезна» 1).

Ограниченіе власти короля онъ считалъ не вреднымъ для насъ,—«понеже король меньше себѣ въ партію достать можетъ, а важется съ нашимъ интересомъ сходно, чтобы король не въ согласіи былъ съ своими подданными, а обѣ стороны насъ бы держались, одна другой не довѣряя» 2).

Императрица не раздѣляла взгляда Волконскаго. Она предвидѣла, что «сей затѣйливый прелать (Масальскій)» искалъ того, чтобы при нашей помощи, не рискуя своею особою, имѣть возможность играть роль, и оставаясь свободнымъ, дѣйствовать по усмотрѣнію и обстоятельствамъ. Человѣкъ легкомысленный, виленскій епископъ вмѣстѣ съ передачею своего проекта Волконскому, отправилъ въ Петербургъ двухъ своихъ агентовъ, французскаго аббата Бодо и полковника Сентъ-Ліо. Явившись въ Петербургъ, они хлопотали объ оказаніи виленскому епископу денежной помощи и о дозволеніи ему составить собственно въ Литвѣ особую

Волконскій Панину, 26 іюля (6 августа) № 39.

Волконскій Панину, 26 іюня (7 іюля) № 22.

конфедерацію, для защиты католическаго закона и вольности. Петербургскій кабинетъ отослалъ Сентъ-Люю къ князю Волконскому для соглашеній. Оставшійся одинъ аббатъ Бодо сдѣлалъ еще болѣе странное предложеніе, чтобы, при его посредствѣ и посредствѣ виленскаго епископа, войти въ сношеніе съ Франціею и «*распорядитъ* съ нею всѣ настоящія политическія дѣла и приведеніе ихъ къ возстановленію тишины.»

«Между тремя положеніями, — писалъ Панинъ, —¹⁾ на которыхъ виленскій епископъ основываетъ конфедерацію къ возстановленію спокойствія, первое и второе положеніе посольствъ къ намъ и къ тургамъ, упоминающихъ испраженіе Польши нашими войсками, отвлекая хотя стороною, но существенно всякое ближайшее Польши соединеніе съ нами въ настоящихъ дѣлахъ, обезпечиваетъ единственно партикулярное бытіе съ собственнымъ имѣніемъ его самого и его адгерентовъ, которыхъ число ласкаетъ онъ себя, безъ сомнѣнія, тогда ежедневно умножать надеждою каждому охраненія отъ обѣихъ въ настоящей войнѣ между собою дѣйствующихъ сторонъ; а черезъ то, повидимому, и можетъ онъ себѣ представлять ласкательную шимеру сдѣлаться наконецъ диктаторомъ своего отечества.»

«Но какъ всѣ его легкомысленные замыслы сами по себѣ въ одномъ вѣтрѣ остаются будутъ и когда онъ не получитъ отъ нашего правительства покровительства и поддержки, въ чемъ можетъ быть удостовѣренъ, то и оставитъ свой проэктъ.»

Панинъ совѣтовалъ Волконскому довести епископа до того, чтобы онъ, по ближайшему соглашенію съ другими преданными намъ патриотами, могъ дѣйствовать въ нашу пользу.

Сотоварищъ его графъ Флемингъ не имѣлъ, конечно, тѣхъ заднихъ мыслей, которыя имѣлъ епископъ. Человѣкъ недалекаго ума, старый, но твердаго характера, онъ былъ чистосердечно преданъ Россіи. Онъ и теперь соединился съ епископомъ изъ чистосердечнаго и простаго желанія видѣть спокойствіе въ своемъ отечествѣ. Графъ Флемингъ не принималъ непосредственнаго и фактическаго участія въ составленіи проекта епископа. Онъ хотѣлъ только спокойствія Польшѣ, и съ этимъ желаніемъ готовъ былъ пристать къ какой угодно партіи. Когда Волконскій далъ ему впослѣдствіи прочесть планъ Понинскаго, «*не называя ни автора, ни будущиxъ актеровъ*», то графъ Флемингъ нашелъ, что это гораздо лучше проекта виленскаго епископа.

За первыми двумя охотниками, принять на себя дѣло усмирненія Польши и приведенія дѣлъ къ концу, явились два другія

¹⁾ Кн. Волконскому, отъ 17 сентября 1769 года.

лица. Одинъ изъ нихъ, молодой графъ Браницкій, — человѣкъ предприимчивый и любимый войскомъ, среди котораго могъ быть употребленъ въ составленію конфедераціи. Другой — графъ Понинскій, — человѣкъ тоже молодой, намъ преданный, но не богатый. Они явились съ своими проектами касательно усмирения Польши и просили содержать въ секретѣ какъ планъ ими представленный, такъ и ихъ самихъ.

Оба они требовали уступки Польшѣ Молдавіи и Бессарабіи, въ томъ случаѣ, если мы завоюемъ ихъ отъ турокъ. Передавая планъ свой Волконскому, графъ Понинскій говорилъ ему, что если планъ этотъ будетъ одобренъ русскимъ правительствомъ, то успѣхъ въ дѣлѣ будетъ зависѣть отъ двухъ условій, безъ которыхъ они не возьмутся за дѣло: во-первыхъ, чтобы содержать все это въ тайнѣ, а во-вторыхъ, чтобы рѣшительный отвѣтъ былъ данъ не позже, какъ черезъ шесть недѣль, ибо въ этотъ срокъ конфедераты надѣялись составить генеральную конфедерацію, и тогда подобнаго дѣла начинать уже не стоило.

Петербургскій кабинетъ находилъ планъ этотъ болѣе удобнымъ. Оба составители были люди намъ преданные. Поддерживая ихъ въ составленіи благонамѣренной конфедераціи, русское правительство надѣялось обратить ее со временемъ въ настоящій сеймъ. При этомъ относительно диссидентовъ положено умалчивать о тѣхъ уступкахъ, которыя «иногда они сами между собою уступить согласятся для скорѣйшаго успокоенія и примиренія съ своими соотчичами».

«Для полученія тутъ большаго передъ свѣтомъ лица — писалъ Панинъ — надобно, чтобы сами диссиденты добровольно вошли въ точное разсмотрѣніе, стоитъ ли для нихъ собственно сохраненіе всѣхъ, на послѣднемъ сеймѣ пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, того, чтобы покупать оныя гражданскою въ отечествѣ войною и партикулярнымъ своимъ въ конецъ разореніемъ, которое, какъ теперь есть, такъ и впредь еще на долго останется цѣною сего полнаго сохраненія, или же не лучше ли и не полезнѣе ли, для всего ихъ общества, жертвовать добровольно частию выгодъ, для восстановленія общей тишины и для обезпеченія другой части тѣхъ самыхъ выгодъ».

Императрица, во избѣжаніе противорѣчія въ своемъ политическомъ поведеніи относительно Польши, не считала однако же нужнымъ самой наводить на эту мысль диссидентовъ, а надобно, говорила она, *чтобы они сами на то напали*, или были самымъ незамѣтнымъ образомъ наведены на то княземъ Волконскимъ.

Такимъ образомъ, чтобы согласить дѣло диссидентовъ съ предполагаемою конфедераціею, русское правительство старалось вести

свои дѣла такъ, чтобы диссиденты сами заявили королю и польскому правительству свое собственное и добровольное желаніе принести нѣкоторую часть своихъ преимуществъ въ жертву, для возстановленія въ ихъ отечествѣ внутренняго покоя. — «Такое представленіе—писалъ графъ Панинъ—завело бы мимо насъ новую негоціацію, которая бы однакожь въ существѣ отъ насъ зависѣла». Волконскому приказано не вмѣшиваться, если бы диссидентамъ пришлось для этого войти въ сношеніе съ королемъ или шефами проектируемой конфедераціи, и даже если бы необходимо было сдѣлать собраніе, но наблюдать только, чтобы собраніе это было «подъ какимъ ни есть пристойнымъ и для католиковъ не огорчительнымъ названіемъ».

По мнѣнію нашего правительства, присоединеніе Молдавіи къ Россіи не могло быть никогда намъ полезнымъ. Молдавія не могла себя защищать ни противъ кого, а отдаленіе ея отъ нашихъ границъ, къ которымъ она непосредственно не прилежала, могло обременить только нашу собственную защиту. Панинъ полагалъ, что возвращеніе ея по прежнему во владѣніе Польши «не только обяжетъ существеннымъ образомъ къ Россіи польскую республику, но и подастъ намъ еще вновь натуральный способъ наипаче утвердить и обезпечить въ пользу нашей инфлюенціи, уже независимо отъ диссидентовъ протестантскаго исповѣданія, одно наше единовѣріе, ибо Молдавія, составляя свой особенный корпусъ дворянства, при присоединеніи къ республикѣ польской, можетъ подъ нашимъ покровительствомъ тогда выговорить исключительно себѣ отъ республики участіе всѣхъ правъ и прерогативъ польскаго дворянства; въ чемъ надежно польскіе католики столько упорствовать не стануть, какъ въ диссидентскомъ дѣлѣ, и новое республики пріобрѣтеніе преодолѣетъ несумнѣнно ихъ фанатизмъ, а между тѣмъ сею приманкою, мы въ настоящей войнѣ (турецкой) много Польшею воспользоваться можемъ».

Трудно было однако же предположить, чтобы турки могли уступить Молдавію и Бессарабію безъ крайности, довести ихъ до которой намъ самимъ стоило бы гораздо болшихъ пожертвованій, чѣмъ та польза для насъ и для самой Польши, которую надѣялись получить съ ихъ пріобрѣтеніемъ. Предоставляя все будущимъ обстоятельствамъ и теченію дѣлъ, петербургскій кабинетъ рѣшилъ однако же довольствоваться теперь этою приманкою для ободренія поляковъ къ составленію генеральной конфедераціи и для вовлеченія Польши въ явныя съ нами обязательства и ополченія противъ турокъ. Хотя и извѣстно было, что силы Польши сами по себѣ весьма незначительны и маловажны; хотя поляки, по обыкновенному неустрой-

ству республики, во всѣхъ частяхъ ея правленія, даже и въ самое покойное для нихъ время, были не богаты военными силами, но намъ не столько нужны были военныя силы польской республики для поддержанія нашихъ армій, сколько естественныя выгоды земли, въ числѣ которыхъ—полученіе въ наши руки Каменецкой крѣпости, считалось за первѣйшую необходимость.

Волконскому вмѣнено въ обязанность поддерживать въ полякахъ надежду на возможность въ будущемъ присоединенія къ Польшѣ Молдавіи и Бессарабіи, но объявить, что степень вѣроятности присоединенія будетъ зависѣть отъ тѣснѣйшаго и дѣйствительнаго соединенія поляковъ съ нами противъ общаго непріятеля, турокъ. Преданнымъ намъ полякамъ внушалось, что русское правительство готово гарантировать имъ это присоединеніе, но только тогда, когда сама республика обратитъ къ тому всѣ свои силы и, содѣйствіемъ въ настоящей войнѣ, «захочетъ воспослѣдовать по точному съ нами согласію ¹⁾».

Одновременно съ этимъ Псарскій писалъ къ королю, что русскій дворъ согласится на нѣкоторую уступку въ диссидентскомъ дѣлѣ, если только сами диссиденты будутъ просить объ этомъ. Это извѣстіе обрадовало поляковъ. Литовскій канцлеръ тотчасъ же бросился къ Грабовскимъ, главнѣйшимъ лицамъ диссидентовъ и сталъ уговаривать ихъ составить и подать просьбу.

— Мы вполне зависимъ отъ русскаго двора, отвѣчали Грабовскіе, и безъ него ничего не предпримемъ.

Надѣясь черезъ графа Флеминга имѣть большое вліяніе въ Литвѣ, князь Волконскій обратился теперь къ нему же и черезъ него открылъ переговоры съ диссидентами.

Графъ Браницкій и Понинскій, хотя и были намъ преданы, любили свое отечество и готовы были употребить всѣ средства къ его успокоенію, но не пользовались значеніемъ среди народа. Поэтому, чтобы подвинуть дѣло на сколько-нибудь впередъ, поставить его на твердой ногѣ, необходимо было привлечь на нашу сторону кого-нибудь ихъ предводителей партіи, противной партіи Чарторыхскихъ. Волконскій съ Флемингомъ не находили для этого никого способнѣе бывшаго надворнаго маршала графа Мнишка. Въ Великой Польшѣ онъ былъ первый магнатъ по богатству и своему вліянію. Поляки не могли считать его намъ преданнымъ, потому что онъ былъ противникомъ партіи Чарторыхскихъ, которая до сихъ поръ считалась еще преданною Россіи. Черезъ кievскаго воеводу, Мнишекъ владѣлъ всею фамиліею Потоцкихъ. Слѣдовательно, склоненіе на нашу сторону Мнишка,

¹⁾ Панинь Волконскому, 7 сентября 1769 г.

съ его партіею, было весьма важно, въ томъ отношеніи, что тогда партія преданныхъ намъ дѣлалась гораздо сильнѣе партіи Чарторьскихъ. Мнишекъ ненавидѣлъ короля и желалъ его сверженія въ пользу саксонскаго курфюрста, которому былъ преданъ.

Волконскій писалъ ему письмо, звалъ его въ Варшаву и думалъ отвлечь его отъ саксонскаго дома обѣщаніемъ сдѣлать «шефомъ нашей партіи, а когда король съ Чарторьскими разлучится, то онъ Мнишекъ можетъ при немъ ихъ мѣсто занять и слѣдственно столько же силенъ быть, какъ и при саксонскомъ королѣ¹⁾».

Очевидно, что Мнишекъ могъ согласиться на такія предложенія, только съ совершеннымъ паденіемъ обоихъ стариковъ Чарторьскихъ и маршала короннаго князя Любомирскаго. Последняго Мнишекъ ненавидѣлъ, во-первыхъ, по родству съ Чарторьскими, а во-вторыхъ и потому, что Любомирскій былъ назначенъ великимъ маршаломъ помимо Мнишка, «коему, по всей справедливости, линія была получить его».

Для успѣха въ дѣлѣ составленія конфедерации въ нашу пользу, Волконскій просилъ прислать ему 300,000 руб., изъ коихъ онъ предназначалъ 100,000 на Литву, 100,000 на корону, а 100,000 оставлялъ для разныхъ расходовъ, безъ которыхъ обойтись было невозможно. Такъ, чтобы сконфедеровать войско, надобно было начать съ того, чтобы выдать ему прежде содержаніе²⁾.

Для поддержанія Понинскаго князь Волконскій выдалъ ему одновременно 2 тыс. руб. Графъ Флемингъ получилъ собственноручное письмо императрицы. Графъ Браницкій, Понинскій и Гилзень, воевода минскій — письма графа Панина, обѣщающія поддержку и покровительство. Понятовскій, узнавши о полученіи этихъ писемъ, требовалъ отъ графа Браницкаго, чтобы онъ прислалъ ему для прочтенія, обѣщаясь, въ противномъ случаѣ, лишить его своей милости³⁾. Браницкій былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе. Не смѣя отправить письмо, изъ боязни открыть предположенія нашего правительства, и въ то же время боясь ослушаться короля, Браницкій успѣлъ уговорить Понинскаго отправить королю письмо, полученное послѣднимъ отъ графа Панина, «ибо оно писано только въ генеральныхъ терминахъ, а не такъ ясно и обширно, какъ его собственное».

Старшій братъ короля, оберъ-камергеръ коронный, обратился также съ письмомъ къ императрицѣ, и просилъ помощи въ его

1) Волконскій Панину, 27 сентября (8 октября) № 62.

2) Ibid.

3) Волконскій Панину, 29-го октября (10-го ноября) № 73.

разоренномъ состояніи. Человѣкъ высокофрнй, онъ былъ врагомъ Чарторьскихъ, по проиствамъ которыхъ не допускался ни въ какіе совѣты и лишень былъ всякой довѣренности короля. Волконскому поручено обнадѣжить оберъ-камергера коронаго, въ тѣхъ видахъ, что несмотря на ничтожное вліяніе въ Польшѣ короля, склоненіе на нашу сторону его брата «дасть нѣкоторую, по крайней мѣрѣ наружную передъ свѣтомъ знатность новымъ нашимъ актерамъ, когда они его въ сообществѣ своемъ имѣть будутъ».

Для усиленія тѣхъ же «актеровъ» произнавалось необходимымъ отдѣлить короля отъ стариковъ Чарторьскихъ и стараться «обнажать» послѣднихъ передъ націею.

«Истинныя ихъ намѣренія, писалъ Панинъ, неоспоримо въ томъ состоять, чтобы ловя въ мутной водѣ рыбу и дѣлаясь отъ времени до времени мнимою своею твердостію больше важными, сдѣлаться напослѣдокъ въ отечествѣ своемъ сущими диктаторами, хотя бы то было съ самымъ доскональнымъ разореніемъ и разрушеніемъ».

Русское правительство рѣшилось теперь относительно Чарторьскихъ наблюдать только то, чтобы они не очень *владычествовали надъ духомъ короля, ихъ племянника*, и чтобы властолюбіе ихъ, прикрываемое маскою тишины и патріотизма, «не навлекло бы намъ изъ-подъ руки новыхъ и большихъ пакостей.»

Въ самомъ непродолжительномъ времени Чарторьскіе оправдали всѣ заключенія о нихъ графа Панина.

XII.

Великій канцлеръ коронный, Млодзиевскій, привезъ Волконскому проектъ универсала, который король хотѣлъ публиковать отъ своего имени народу.

Содержаніе универсала было совершенно противно нашимъ интересамъ. Король открыто возставалъ противъ русскаго правительства, приписывая начало несчастій Польши 1766 году, т. е. времени сдѣланной нами конфедераціи. Понятовскій писалъ, «что все теченіе правительства пресѣчено оружіемъ (ибо тогда теперешнихъ возмутителей конфедераціи еще не было), также объ вѣрѣ и независимости говоритъ въ такихъ терминахъ, какъ бы онѣя были атакованы, а напослѣдокъ заключеніе сего универсала, не что иное значить, какъ политическое преступленіе (самого) короля къ конфедераціи»¹⁾.

¹⁾ Волконскій Панину, 29 іюня (10 іюля), № 26,

Волконскій объявилъ Млодзиевскому, что публикованіе универсала, для успокоенія волнующихся, въ такомъ видѣ онъ не допуститъ; что универсалъ долженъ быть составленъ согласно съ нашими видами и безъ всякихъ двусмысленностей, «которыя могутъ толковаться и противу насъ и противъ возмутителей».

— Универсалъ этотъ ни мало не противенъ Россіи — говорилъ Млодзиевскій совѣтнику посольства Булгакову, посланному къ нему Волконскимъ для объясненій. — Тысяча семьсотъ шестьдесятъ шестой годъ влюченъ въ универсалъ потому, что нынѣшнія несчастія Польши суть слѣдствія тогдашнихъ дѣлъ. Пресѣченіе же правительства оружіемъ относится не къ тогдашнему, а къ настоящему состоянію Польши.

Дальнѣйшій разговоръ ясно показывалъ Булгакову, что великій канцлеръ не желаетъ входить въ подробности, изъ опасенія проговориться.

— Я, впрочемъ, обо всемъ этомъ донесу королю, проговорилъ онъ, желая прекратить объясненія.

— Мы вычеркнули годъ въ универсалѣ, говорилъ вслѣдъ за тѣмъ Волконскому великій канцлеръ литовскій, кн. Чарторыскій, съ полною увѣренностью въ томъ, что Волконскій удовольствуется этимъ и не станетъ болѣе сопротивляться.

— Этого недостаточно, отвѣчалъ нашъ посоль. Весь универсалъ наполненъ неприличными выраженіями, и потому мнѣ кажется лучше бы было совсѣмъ не публиковать его.

Король и великій канцлеръ не возражали, но въ тайнѣ печатали универсалъ. Провѣдавъ объ этомъ, и боясь, чтобы они не распустили въ публикѣ, что универсалъ публикуется съ согласія Волконскаго, послѣдній отправился къ королю. Онъ говорилъ Понятовскому, что выпускъ универсала будетъ имѣть весьма дурное и вредное вліяніе не только на отношенія его съ Россією, но и со стороны самихъ его неприятелей.

— Непріятели ваши, говорилъ кн. Волконскій, будутъ разсказывать, что, вида приближеніе сраженія русскихъ съ турками, вы струсили и задобривали заранѣе возмутителей. Лучше не выдавайте этого универсала.

Со слезами на глазахъ король увѣрялъ Волконскаго въ своей искренней преданности Россіи.

— Я вовсе не съ тѣмъ намѣреніемъ хочу выдать этотъ универсалъ, говорилъ онъ, какъ вы объясняете, но для того только, чтобы увѣрить націю, что хлопочу о ней и употребляю все возможное къ ея благополучію.

Волконскій снова просилъ короля не выдавать универсалъ.

Понятовский колебался, но не давалъ прямого обѣщанія исполнить его просьбу.

— Публика, зная уже о скоромъ выходѣ универсала, говорилъ онъ, сочтеть за трусость съ моей стороны такую перемену.

Боясь своихъ дядей, король не рѣшался обѣщать утвердительно. Волконскій видѣлъ это и, желая облегчить положеніе короля, отправился прямо отъ него къ Чарторыскимъ. Воевода русскій весьма скоро согласился съ доводами нашего посла, но канцлеръ литовскій упирался и былъ противнаго мнѣнія.

Спустя нѣсколько дней, король подослалъ къ Волконскому вице-канцлера литовскаго, Пржездецкаго, которому поручилъ вывѣдать, не переѣнилъ ли Волконскій своего взгляда на публикованіе универсала. Видя же, что посолъ нашъ упорно возстаетъ противъ него, Понятовскій рѣшился отложить до времени его публикованіе.

— Его величество, говорилъ Пржездецкій, присланный вторично къ Волконскому, намѣреваясь выдать универсалъ, дѣлалъ это съ единственнымъ убѣжденіемъ, что онъ можетъ быть полезенъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, но когда увидѣлъ, что вы на то не соглашаетесь, то и отмѣняетъ его публикованіе.

Король дѣйствительно приказалъ уничтожить напечатанные уже экземпляры универсала. Не смотря, однакоже, на то, партія Чарторыскихъ успѣла напечатать содержаніе универсала въ польскихъ газетахъ, и сдѣлала его такимъ образомъ извѣстнымъ публикѣ. Результатъ публикованія далеко, однакоже, не соответствовалъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя возлагались на благотворное дѣйствіе универсала, въ пользу короля и его дядей. Въмѣсто расположенія къ королю и одобренія его дѣйствій, публика встрѣтила универсалъ насмѣшками. Въ польскихъ газетахъ появилась статья, какъ бы служащая отвѣтомъ королю отъ имени всего народа. Отвѣтъ этотъ былъ направленъ какъ противъ самого короля, такъ противу императрицы Екатерины II и русскаго правительства. Прочтя статью, Понятовскій могъ бы открыть глаза и видѣть, какъ расположенъ къ нему народъ, не смотря на желаніе его *менажировать* возмутителей, которыхъ онъ назвалъ *оскорбленною націею*.

Прочтя и эту статью, король не переѣнилъ своего поведенія, а, напротивъ того, съ каждымъ днемъ отдалялся отъ русскаго правительства, рассчитывая на возможность дѣйствовать самостоятельно, тѣмъ болѣе, что, по внушеніямъ его дядей, обстоятельства благоприятствовали тому какъ нельзя болѣе.

Обратный переходъ черезъ Днѣстръ князя Александра Ми-

хайловича Голицына изъ-подъ Хотина, подалъ поводъ ко многимъ толкамъ въ Варшавѣ. Кастелянша Каминская показывала знакомымъ письма, полученныя ею изъ Замосцья. Письма говорили, что 1 августа, ночью, русская армія перешла обратно черезъ рѣку; что турки, увидавъ на разсвѣтѣ нашъ лагерь пустымъ, погнались за арміею, и какъ мостъ, по несчастію, разорвался, то арріергардъ нашъ, числомъ до 5 т. человекъ, былъ весь изрубленъ и забранъ въ плѣнъ, и, наконецъ, что турки успѣли захватить при этомъ 14 пушекъ.

Варшава обманывала сама себя, рассказывая, что значительный непріятельскій корпусъ, состоящій изъ турокъ и татаръ, вступилъ въ Польшу и, будто бы, мѣстечко Станиславовъ, лежащее отъ Львова въ 14, а отъ Варшавы въ 64 миляхъ, уже окружено непріателемъ. Поляки увѣряли, что въ непріятельскомъ лагерѣ находится и подчаснѣй Потоцкій, который, соединясь съ конфедератами,—коихъ теперь подъ ружьемъ и разсѣянныхъ по всей Польшѣ насчитывали до 12 т. чел.,—пойдетъ съ ними къ Варшавѣ. Магнаты и чернь радовались этимъ извѣстіямъ.

Появленіе турокъ въ Польшѣ было бы какъ нельзя болѣе встать конфедератамъ. Можно было быть увѣреннымъ, что къ подобному отряду присоединились бы всѣ конфедераты, какъ явно дѣйствовавшіе, такъ и тѣ, «кои въ домахъ своихъ тихо сидятъ». Литва, «гдѣ огонь подъ пепломъ только лежитъ», также приняла бы сторону турокъ.

«Всѣ здѣсь находящіеся знатные, доносили Волконскій, одни изъ злого намѣренія, другіе изъ страха, чтобы деревень ихъ не разорили, такожь народъ и разные польской арміи полки, въ случаѣ приближенія онаго (непріятеля), сюда, вмѣстѣ съ возмутителями были-бъ согласны».

Хотя Волконскій и не вѣрилъ слухамъ, пущеннымъ по Варшавѣ относительно вторженія турокъ въ Польшу, однакоже счелъ необходимымъ имѣть съ королемъ свиданіе.

— Хотя извѣстія эти и невѣроятны — говорилъ онъ Понатовскому—однако благоразуміе требуетъ принять на всякій случай мѣры. Необходимо собрать сенатскій совѣтъ (Senatus Consilium), который долженъ постановить, какой отпоръ сдѣлать возмутителямъ и туркамъ, если бы они сдѣлали покушеніе на Варшаву. Необходимо увѣриться въ вѣрности вашихъ войскъ, находящихся въ Варшавѣ, и назначить имъ командира, которому вмѣстѣ со мною и генераломъ Веймарномъ составить операціонный планъ.

— Я вполне надѣюсь на мои войска, отвѣчалъ король. Впрочемъ, посовѣтуюсь объ этомъ съ моими дядями.

Понятовскому нечего было совѣтоваться съ Чарторыскими. Послѣдніе, какъ мы видѣли, гораздо раньше объявили Волконскому, что на польскія войска рассчитывать нечего. Оно было такъ и на самомъ дѣлѣ. Въ Варшавѣ хотя и было національное войско, но оно скорѣе клонилось на сторону конфедератовъ, чѣмъ короля, и мало по малу переходило въ шайки конфедератовъ, «а какъ скоро — писалъ Волконскій — приходитъ терминъ къ платежу тѣмъ войскамъ, а у короля въ скарбовой комисіи нѣтъ денегъ ни полушки, то я и заключаю, что всѣ оныя войска разбѣгутся».

Положеніе это было настолько очевидно для всѣхъ, что самыя ярые защитники короля и его совѣтники не серывали состоянія дѣлъ.

— Я уже сказалъ вамъ, говорилъ воевода русскій кн. Волконскому, что намъ ничего нельзя дѣлать. Я чистосердечно отброюсь вамъ не какъ послу, а какъ моему старому другу, что это здѣсь будетъ сильнѣе, къ той партіи мы и будемъ принадлежать. Я отсюда изъ Варшавы не уѣду, а королю себя спасать надобно, потому что вы здѣсь не такъ сильны, чтобы могли насъ защитить.

Братъ его, канцлеръ, по выраженію Волконскаго, «*политическій педантъ*», толковалъ только о послѣднемъ трактатѣ, говоря, что онъ заключенъ принужденно.

— На сенатскомъ совѣтѣ — говорилъ онъ — мы хотимъ постановить объ отправленіи къ русскому двору депутата съ прошеніемъ, чтобы трактатъ этотъ, какъ учиненный силою отъ князя Решнина, былъ уничтоженъ.

— Трактатъ заключенъ торжественнымъ образомъ, отвѣчалъ на это Волконскій, и ратификованъ обѣими сторонами. Послѣ того, основываясь на вашихъ словахъ, никакой трактатъ устоять не можетъ, потому что о всякомъ трактатѣ, который захотятъ уничтожить, можно сказать, что онъ заключенъ принужденно. Я не совѣтую вамъ посылать подобной просьбы, потому что она приведетъ только въ гнѣвъ императрицу; лучше подумайте о настоящемъ злѣ, которое грозитъ вамъ отъ турокъ и возмутителей.

Коронный маршалъ Любомирскій, зять воеводы русскаго, поддерживалъ канцлера и говорилъ тоже самое.

— А не будетъ ли король въ опасности, когда придуть сюда возмутители? спросилъ Волконскій.

— Не думаю, отвѣчалъ сухо Любомирскій.

— Всѣ конфедераціи, составленныя на основаніи барской, направлены вѣдь противъ короля, замѣтилъ Волконскій.

Любомирскій молчалъ, не находя словъ для отвѣта.

Человѣкъ высокоумный и заносчивый, Любомирскій управлялъ стариками Чарторыскими, и былъ, какъ носились слухи даже и тогда, въ перепискѣ съ конфедератами, и, конечно, не думалъ о томъ, чтобы дѣйствовать противу нихъ. Партія Чарторыскихъ не оставляла своего намѣренія созвать сенатскій совѣтъ для исключительныхъ своихъ видовъ. Англійскій резидентъ сообщилъ князю Волконскому, что знаетъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, будто бы Любомирскій, вмѣстѣ съ Чарторыскими, намѣрены на сенатскомъ совѣтѣ составить постановленіе объ отправленіи просьбы не только къ русскому правительству, какъ предполагали прежде, но и къ другимъ европейскимъ дворамъ. Такая посылка и просьба могла подать поводъ французскому двору, оставивъ тайныя интриги, явно вмѣшаться въ дѣла Польши, что было съ руки Любомирскому, какъ человѣку преданному Франціи. Послѣдняя же сама искала случая къ подобному вмѣшательству.

При свиданіи съ королемъ, вн. Волконскій старался разъяснить ему вредъ, который можетъ принести подобная посылка. Онъ нашелъ Понятовскаго въ отличномъ расположеніи духа и чрезвычайно бодрымъ. Дяди успѣли убѣдить, что ему нечего бояться возмутителей, и король, какъ человѣкъ слабый, на котораго дѣйствуютъ послѣднія внушенія, который стоитъ упорно за послѣднія навязанныя ему мысли и дѣйствія, объяснялся теперь съ Волконскимъ *«неробко»*.

— Я подумаю объ этомъ, сказалъ король въ заключеніе, не смѣя отвѣчать положительно изъ боязни своихъ дядей-совѣтниковъ.

Получивъ отъ вн. Голицына свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи русской арміи, Волконскій распустилъ ихъ по Варшавѣ, въ опроверженіе ходившихъ слуховъ объ отступленіи нашихъ войскъ отъ Хотина и обратномъ переходѣ черезъ Днѣстръ. Копія съ письма Голицына была передана и королю. Полякамъ не нравились эти извѣстія.

— Я самъ не вѣрилъ ходившимъ слухамъ, отвѣчалъ король по прочтеніи письма.

Болконскій опять настаивалъ и просилъ короля не созывать сенатскій совѣтъ.

— Обѣщать вамъ не держать сенатскаго совѣта я не могу, отвѣчалъ Понятовскій, но могу отложить собраніе его на нѣсколько времени и соберу тогда, когда обстоятельства будутъ того требовать.

— Я нахожусь въ самомъ критическомъ положеніи, призна-

вался король, не имѣю денегъ ни на свое содержаніе, ни на содержаніе войска, которое хотя и удовольствовано по 1-е октября, но по прошествіи этого срока нечѣмъ будетъ кормить его.

Волконскій подтверждалъ справедливость словъ короля, прибавляя, что «состояніе его столь худо, что ему почти ѣсть нечего»¹⁾. «Король, писалъ онъ въ другомъ донесеніи, находится въ такой бѣдности, что не имѣетъ не токмо чѣмъ войска содержать, для охраненія своей персоны, но почти до послѣдняго куска хлѣба доходить».

Понятовскій просилъ дать ему въ займы 5 т. червонныхъ. Волконскій далъ эти деньги и взялъ съ короля росписку, хотя самъ признавался, что ссуда эта можетъ принести намъ пользу только на нѣкоторое время, «ибо Польша, оставаясь въ теперешнемъ положеніи и доходы королевскіе не входя въ казну, опять до того придетъ, что онъ принужденъ будетъ распустить войска, ибо намъ дорого бы стоило всегда его содержать»²⁾.

Распустивъ войско, король увеличилъ бы число конфедератовъ, тогда какъ оставляя и поддерживая войско Волконскій думалъ употребить въ дѣло при составленіи конфедерации, поэтому нашъ посолъ и просилъ, чтобы королю была оказана денежная помощь.

Самъ Понятовскій черезъ Псарскаго, своего резидента при петербургскомъ дворѣ, просилъ императрицу о томъ-же. Въ письмѣ, которое было написано Екатеринѣ II, король представлялъ, что «по расхищеніи всѣхъ его доходовъ, не находить онъ болѣе способа, ни себя, ни малое число войска своего содержать». Екатерина приказала выдать королю еще 5 т. червонныхъ, сверхъ отпущенныхъ Волконскимъ, съ объявленіемъ, что, при настоящихъ огромныхъ издержкахъ нашего двора, не можетъ оказать большей помощи и надѣется, что 10 т. червонныхъ, до болѣе благоприятнаго времени, будетъ достаточно «для сохраненія войска его отъ совершеннаго разсыпанія»³⁾.

Понятовскій взялъ деньги, поблагодарилъ и, положивъ въ карманъ, не перемѣнилъ своего поведенія. Онъ все еще не представлялъ мысли о созваніи сенатскаго совѣта. Волконскій получилъ наставленіе препятствовать созванію совѣта, на которомъ могли послѣдовать *предосудительныя резолюціи*, «ибо, писалъ гр. Панинъ, для насъ всемѣрно лучше, чтобы Польша вовсе въ безобразіи и въ небытіи оставалась, нежели чтобы бытіе ея сколько ни есть было вопреки интересамъ нашимъ»⁴⁾. Какое

¹⁾ Волконскій Панину, 22 августа (2 сентября) № 50.

²⁾ Волконскій Панину, 9 (20) сентяб. № 57.

³⁾ Панинъ Волконскому, 7 сентяб. 1769 г.

⁴⁾ Тамъ-же.

поведеніе приметъ польскій дворъ? спрашивалъ Панинъ, получивъ извѣстіе объ объявленіи войны турками Польшѣ. Неужели и теперь не оставитъ мечты о сохраненіи нейтралитета?

«Кажется, писалъ онъ, одинъ здравый разсудокъ долженъ господъ поляковъ убѣдить, что декларація Порты, не что иное есть какъ одно преддверіе общаго ея съ польскими мятежниками согласія отторгнуть себѣ отъ республики Подолію и приготовить себѣ заранѣе нѣкоторую прикрасу или покрывало сему своему незаконному умыслу». Хотя все это нѣсколько разъ и было объясняемо полякамъ и такъ сказать на пальцахъ показываемо было, тѣмъ не менѣе и на этотъ разъ Панинъ поручилъ Волконскому снова объяснить имъ эту истину.

XIII.

Успѣхи нашего оружія въ Турціи, взятіе Хотина и разбитіе верховнаго визиря, произвели большое впечатлѣніе въ Варшавѣ и были многими неприятели. Король и правительство по прежнему намѣрены были собрать сенатскій совѣтъ. Волконскій просилъ свиданія съ королемъ, но получилъ отказъ, подъ предлогомъ недосуга. Въ воскресенье, по обыкновенію, посолъ отправился во дворецъ, успѣлъ объясниться съ королемъ, но не получилъ отъ него никакого опредѣленнаго отвѣта. Пользуясь тѣмъ, что воевода русскій былъ боленъ, Волконскій отправился къ нему подъ предлогомъ навѣстить больного.

— Сенатскій совѣтъ необходимъ для нашего оправданія, говорилъ воевода. Конфедераты, считая насъ вашими адгерентами, разоряютъ наши деревни. Для избѣжанія этого необходимо созвать совѣтъ и на немъ принять мѣры къ успокоенію народа. Впрочемъ, объ этомъ вопросѣ ничего еще не рѣшено положительно.

— Вы раскаетесь, отвѣчалъ Волконскій, если слѣдствія совѣта будутъ намъ противны.

Чарторыскіе не обратили однако вниманія на замѣчанія Волконскаго. На другой день гр. Флемингъ привезъ Волконскому письменное предположеніе совѣта, разсланное ко всѣмъ сенаторамъ, находившимся въ Варшавѣ и направленное противу Россіи.

— Поступокъ этотъ направленъ явно противъ насъ, говорилъ Волконскій воеводѣ русскому, и доказываетъ только ваше согласіе съ возмутителями. Развѣ вы къ нимъ пристали и хотите сдѣлать генеральную конфедерацію?

— Мы дѣлаемъ это съ тою цѣлію, отвѣчалъ Чарторыскій,

чтобы оправдать себя передъ націею. Касательно генеральной конфедерации не только ее не составимъ, но если она и будетъ составлена, то я участвовать въ ней не буду, а уѣду въ Бреславль.

— Если въ совѣтъ будетъ хотя что малое неприятно нашему двору, замѣтилъ Волконскій, то вы, Чарторыскіе, будете отвѣчать за то всѣмъ своимъ имѣніемъ.

Король находился совершенно во власти Чарторыскихъ и не было никакой возможности «оттянуть» его отъ нихъ, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ обезсилены «и такъ связать кредитъ ихъ въ націи искорененъ не будетъ».

На всѣ представленія нашего посла король держалъ въ запасѣ всегда одинъ отвѣтъ.

— Я полякъ, говорилъ онъ, и долженъ всѣмъ жертвовать для націи.

— Меня ненавидитъ нація, говорилъ онъ при другомъ случаѣ Волконскому, единственно изъ-за васъ. Я открылъ противъ себя злодѣйскій умыселъ, знаю по именамъ заговорщиковъ, но называть ихъ не хочу.

— Мы можемъ избавить васъ отъ нихъ, отвѣчалъ кн. Волконскій.

— Я оставлю это до удобнѣйшаго времени, замѣтилъ король, но я долженъ однако же показать націи, что все отъ меня возможное въ пользу ея сдѣлано.

— Не только мнимая нація, коею вы называете конфедератовъ, но и никто не удержитъ васъ на престолѣ, если своимъ поведеніемъ принудите насъ оставить васъ.

— Я не надѣюсь этого отъ ея императорскаго величества. Но будучи полякъ, противу отчизны ничего предпринять не могу.

При помощи наговоровъ Чарторыскихъ, король всю вину сваливалъ на нашъ кабинетъ, и желая показать народу, что готовъ дѣйствовать самостоятельно, и даже противъ русскаго правительства, согласился на созваніе сенатскаго совѣта; Чарторыскіе же распростушили по Варшавѣ слухъ, что совѣтъ собирается съ согласія Волконскаго, «и какъ всѣ ихъ пріатели, доносили тотъ ¹⁾», меня чуждаются, то тѣмъ и были обмануты».

Не смотря на противодѣйствіе примаса, 19-го (30) сентября совѣтъ состоялся. Собраніе его отличалось шумомъ и множествомъ сказанныхъ рѣчей. Чарторыскіе выдвинули впередъ Ходкевича. Человѣкъ весьма ограниченный, но, по своей преданности фамилии Чарторыскихъ, успѣвшій сдѣлаться старостою и затемъ

¹⁾ Волконскій Панину, 1-го (12) октября, № 56.

находившагося въ Россіи воеводы краковскаго Ржевускаго, Ходкевичъ, выйдя первымъ на ораторскую трибуну, могъ говорить только чужую рѣчь, которая и была составлена прежнимъ канцлеромъ Замойскимъ, наперсникомъ Чарторьскихъ. Ходкевичъ возставалъ противъ дѣйствій русскаго правительства, хотя и не прямо, потому что рѣчь его выдержала предварительную цензуру Чарторьскихъ.

Боясь прямо и открыто возставать противъ дѣйствій русскаго кабинета, все собраніе кричало и возставало противъ поступковъ бывшаго посла князя Репнина, жалуясь, что онъ заключилъ трактатъ насиліемъ.

Постановленія совѣта долгое время содержались въ тайнѣ и состояли въ томъ, что рѣшено было отправить депутата къ нашему двору. Выборъ палъ на литовскаго мечника Огинскаго, человѣка недалекаго, мало значущаго, но приверженнаго Чарторьскимъ. Съ нимъ постановлено было отправить жалобу на дѣйствіе князя Репнина и объяснить, что онъ, при заключеніи трактата, употребилъ силу.

Поступки Чарторьскихъ въ созваніи совѣта не пользовались одобреніемъ ни конфедератовъ, ни народа. Конфедераты поздравили Огинскаго за принятіе на себя званія посланника тѣмъ, что разорили въ конецъ его деревни. Они доказали тѣмъ благодарность сенатскому совѣту, собранному, по словамъ короля, для пользы націи.

— Совѣтъ этотъ дѣлаетъ стыдъ полякамъ, говорилъ Волконскій. Промолчавши столько времени, поляки только теперь вздумали жаловаться на насилія князя Репнина. Отчего же тогда никто ничего не говорилъ, а напротивъ того, тотъ же сенатскій совѣтъ просилъ у насъ помощи на возставшихъ противъ учреждений послѣдняго сейма и даже для усмиренія ихъ употребляли собственные войска республики.

Въ понедѣльникъ, 28-го сентября (9 октября), послѣ обѣда король пригласилъ къ себѣ Волконскаго.

— Правда ли, спрашивалъ его король, что вы недовольны сенатскимъ совѣтомъ?

— Безполезно объ этомъ и спрашивать меня, отвѣчалъ тотъ, потому что я прежде о томъ говорилъ. Принимая же искреннее участіе во всемъ томъ, что касается вашего величества, не могу безъ сожалѣнія смотрѣть на поступки, къ которымъ приводятъ васъ князья Чарторьскіе и Любомирскій.

Король просилъ объяснить ему эти слова.

— Ваше величество не можете не признаться въ томъ, сколько вреденъ вамъ самимъ сенатскій совѣтъ, какъ для соб-

ственного вашего благополучія, такъ и для славы, которую вы теперь затмили, если бы захотѣли разсмотрѣть то безпристрастно своими, а не чужими глазами.

— Всему свѣту извѣстно, продолжалъ Волконскій, что вы короною своею обязаны единственно нашей всемилостивѣйшей государынѣ, которая, доставивъ вамъ ее, доставила и такіе авантажи, которые могутъ сдѣлать царствованіе ваше благополучнымъ. Для удержанія васъ на тронѣ ея императорское величество ведетъ теперь непріязненные дѣйствія противъ турокъ, которые объявили войну намъ единственно потому только, что вы король. Справедливость этого вы могли видѣть изъ ихъ манифестовъ, и объявленія отъ Порты войны Польшѣ. Турки обѣщали и дали протекцію возмутителямъ, которые стараются о вашемъ низверженіи; разорили часть областей ресублики, перерубили и побрали въ плѣнъ вашихъ подданныхъ, да и всей бы Польшѣ подобный жребій достался, еслибы оружіе ея императорскаго величества тому не воспротивилось. Съ помощію Божіею турки побиты и приведены въ такое состояніе, въ коемъ, конечно, вредить вамъ не могутъ. Точно такое же стараніе прилагается съ нашей стороны къ усмиренію мятежниковъ и успокоенію Польши. Нѣтъ сомнѣнія, мы успѣли бы и въ этомъ, если бы не препятствовали злонамѣренные лица, изъ коихъ главнѣйшія составляютъ вашъ совѣтъ, какъ напримѣръ: кромѣ Чарторыскихъ, бывшій канцлеръ Замойскій, вице-канцлеры: коронный Борзь и литовскій Преждецкій. Цѣлость и благополучіе выше зависитъ отъ Россіи, согласіе съ которою можетъ сдѣлать васъ счастливымъ, а несогласіе, къ которому вы приступаете, лишитъ васъ ея дружбы и слѣдовательно подвергнетъ лишенію короны и всѣмъ послѣдующимъ злополучіямъ. Не смотря на всѣ сіи уваженія, забывъ одолженіе Россіи, и вопреки моимъ представленіямъ, собрали вы совѣтъ, на которомъ опредѣлили послать министровъ въ Англію и Голландію, чтобы такъ сказать черезъ ихъ медиацию (посредство) испросить прощенія у Порты. Что же подумаетъ цѣлая Европа объ этомъ подломъ поступкѣ, и не потерпитъ ли отъ того собственная ваша слава, о приобрутеніи которой вы столько стараетесь?

— Я сдѣлалъ это, отвѣчалъ король, въ пользу націи и въ свое оправданіе о ненарушеніи карловицкаго трактата. Я не могъ болѣе упорствовать противъ тѣхъ лицъ, которые требовали сенатскаго совѣта и согласился на его созваніе.

— Не стыдно ли вашему величеству приписывать насилію князя Репнина все сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ, когда вы знаете, что все это апробовано ея императорскимъ величествомъ.

Да и за чѣмъ же вы сами съ сеймомъ ратификовали это дѣло? Пускай частныя лица боялись какого-либо противу себя насилія отъ князя Репнина, который, впрочемъ, не могъ бы на то поступить безъ повелѣнія его двора, но ваше величество чего боялись, вѣдь князь Репнинъ васъ не взялъ бы? Сверхъ того, зачѣмъ вы молчали до сихъ поръ, а теперь, когда должны вы были быть наиболѣе благодарнымъ Россіи, за избавленіе отъ турокъ и отъ своихъ національныхъ злодѣевъ, теперь вы вздумали начинать разрывъ съ Россіею. Жалобы на князя Репнина, я считаю только слабымъ предлогомъ къ разрыву съ нами дружбы, разрыву, къ которому приводятъ васъ совѣтники ваши. Вы идете противъ всего сдѣланнаго Россіею въ пользу вашей націи, требуя вывода войскъ, кои одни удерживаютъ васъ на тронѣ и посылая министровъ къ такимъ дворамъ, какъ напр. французскій, который всячески старается о вашей пагубѣ. Называя до сихъ поръ взволновавшихъ противъ васъ, подъ предлогомъ вѣры и вольности жителей польскихъ—фанатиками, теперь сами тѣхъ же мыслей, и употребляете тѣже мѣры, какъ бы вѣра и вольность ваша были атакованы. Предоставляю рассмотретьъ вашему величеству и рѣшить, какое остается сдѣлать нашему двору заключеніе изъ всего вашего поведенія и какіе могутъ произойти изъ этого слѣдствія? Я скажу только, что тѣ, которые ведутъ васъ въ эту бездну, не будутъ въ состояніи потомъ избавить васъ отъ несчастія, и вы раскаетесь, но раскаяніе можетъ быть уже поздно.

Король былъ крайне озадаченъ этими словами. Остолбенѣвъ, стоялъ онъ передъ Волконскимъ и не зналъ, что сказать.

— Я не думалъ сдѣлать что-либо непріятное ей, проговорилъ онъ послѣ увѣреній въ своей преданности императрицѣ, но, будучи полякъ—долженъ былъ показать націи свое попеченіе о ея благоденствіи.

Волконскій видѣлъ, что всѣ усилія его останутся напрасными и что король «безъ Чарторыхскихъ и Любомирскагодохнуть не смѣетъ».

— Впрочемъ, сказалъ Волконскій Чарторыхскимъ, если я найду въ инструкціи вашего посланника хотя одно слово, непріятное нашему правительству, и если вы объ ней не согласитесь со мною, то не только посланникъ не будетъ допущенъ на аудіенцію къ нашему двору, но я и паспорта ему не дамъ¹⁾.

Постановленія сенатскаго совѣта все еще содержались въ болъшомъ секретѣ и не были объявлены. Король отговаривался тѣмъ,

¹⁾ Волконскій Панину, 27 сент. (8 окт.), № 59.

что не всё члены подписали, и потому не публикуется. На самомъ же дѣлѣ, Чарторьскіе, боясь, что дѣйствительно Огинскаго могутъ не принять въ Петербургѣ, перекраивали постановленіе, и, сохранивъ общій смыслъ, значительно смягчали выраженія, касавшіяся Россіи. Въ такомъ новомъ костюмѣ оно и было впоследствии передано Волконскому. Передѣлка и перекраиваніе не укрыли, однакоже, намѣреній и видовъ Чарторьскихъ, твердо рѣшившихся хлопотать объ уничтоженіи трактата, не укрыли и того, что постановленіе совѣта служить первымъ въ тому шагомъ.

2 (13) октября было послѣднее засѣданіе сенатскаго совѣта, на которомъ прочтены и утверждены инструкціи посланникамъ, назначеннымъ для отправленія въ русскому двору, въ Англію и Голландію.

Инструкціи эти, какъ и всё тѣмныя дѣла Чарторьскихъ, сохранились въ секретѣ до такой степени, что запрещено было выдавать съ нихъ копіи даже и сенаторамъ. Волконскій могъ узнать содержаніе ихъ только изъ словъ графа Гуровскаго, который, при чтеніи, записывалъ вкратцѣ ихъ содержаніе.

«Съ Огинскимъ — писалъ Волконскій ¹⁾ — назначенъ дядькой королевскій секретарь Плауге, бывшій уже въ Россіи съ графомъ Ржевусскимъ, и вашему сіятельству извѣстный. Огинскій не хотѣлъ его брать прежде, говоря, что онъ не католикъ и Богу не будетъ угодно употреблять еретиковъ для защищенія вѣры, но какъ помянутый Плауге есть креатура великаго маршала коронаго и любовникъ его жены, то и Огинскій принужденъ его съ собою взять».

Король не только не унывалъ послѣ всѣхъ этихъ, по его мнѣнію, геройскихъ поступковъ, но былъ веселѣе прежняго и внутренно радъ всему происходившему. Понятовскій видѣлъ въ этомъ свою самостоятельность.

Замѣчаніе Волконскаго, что Чарторьскіе доведутъ его до гибели, что прусскій король совѣтуетъ ему держаться Россіи и, слѣдовательно, не можетъ быть доволенъ теперешнимъ его поведеніемъ, король выслушалъ, промолчалъ и, улыбнувшись, отошелъ отъ Волконскаго; такъ велико было его упоеніе въ геройскомъ поступкѣ.

Чарторьскіе не скрывали того, что они никогда не были на столь твердой ногѣ, какъ теперь.

— Россія не можетъ быть довольна поведеніемъ вашимъ, замѣчали имъ нѣкоторые, и, конечно, вамъ не уступить.

— Правда, отвѣчалъ на это воевода русскій, что первый

¹⁾ Панину, 2 (13) ноября, № 74.

ударъ, можетъ быть, очень чувствителенъ будетъ, но время все успокоить.

— Ничего не можетъ быть лучше и счастливѣе для Польши, проповѣдывалъ вице-канцлеръ Боркъ, какъ собраніе сенатскаго совѣта, — онъ есть залогъ спокойствія и національнаго благополучія.

Императрицѣ Екатеринѣ было крайне непріятно извѣстіе о созваніи сенатскаго совѣта. Она сожалѣла о «новомъ умноженіи и безъ того уже изъ всѣхъ предѣловъ выходящей конфузій, а особливо о толь явномъ и безразсудномъ возстаніи самаго короля противу общаго нашего дѣла» ¹⁾.

Прусскій резидентъ получилъ приказаніе отъ берлинскаго двора противиться созванію совѣта, но приказанія эти пришли поздно, и онъ долженъ былъ ограничиться однимъ заявленіемъ и внушеніемъ королю держаться Россіи.

— Я иначе поступать не могу и долженъ жертвовать всѣмъ для націи, проговорилъ ему король свой заученный отвѣтъ.

У короля ежедневно собирался тайный совѣтъ. Совѣтъ этотъ составляли дяди короля князья Чарторыскіе, вице-канцлеры: Боркъ и Преждецкій, и бывший канцлеръ Замойскій. Предметъ совѣщаній и самые результаты ихъ сохранялись въ большомъ секретѣ. По Варшавѣ распускали слухи, что если Огинскаго не примутъ въ Петербургѣ, то король отправитъ во Францію посломъ краковскаго воеводу Равскаго, «человѣка, хотя и противнаго о сю пору здѣшнему (польскому) двору, но преданнаго Франціи».

«Теперь всѣ ожидаютъ изъ Петербурга отвѣта на сенатскій совѣтъ— доносилъ Волконскій ²⁾— послѣ коего многіе ко мнѣ ласкаются, видя безобразіе сего поступка и дивясь поведенію короля и Чарторыскихъ, изъ коихъ о первомъ знаютъ, что безъ насъ недѣля не усидитъ на своемъ престолѣ, а о послѣднихъ сумнѣваются, чтобы вышли здоровы изъ сего дѣла».

При всемъ увлеченіи своимъ мнимымъ геройствомъ, Понятовскій понималъ шаткость своего положенія. Рѣшеніе сенатскаго совѣта и самое его созваніе заставили короля принять мѣры къ оправданію себя передъ русскимъ дворомъ. Понятовскій, въ которомъ, по словамъ Панина, «остается только одна тѣнь его собственнаго моральнаго бытія», отправилъ собственноручныя письма къ императрицѣ и къ графу Панину, въ которыхъ, оправдываясь въ своихъ поступкахъ, силился доказать

¹⁾ Панинъ Волконскому, 30 октября.

²⁾ Тамъ же.

всю необходимость въ созваніи сенатскаго совѣта. Онъ упрашивалъ принять отъ него посольство и признать необходимымъ все то, что постановлено въ сенатскомъ совѣтѣ.

Польскій резидентъ, Псарскій, получилъ также отъ короля длинную депешу, составленную «въ его легкомысленной польской риторикѣ» оправданія своего передъ русскимъ правительствомъ. Псарскій представилъ эту депешу въ оригиналѣ. Графъ Панинъ оставилъ его безъ всякаго вниманія¹⁾.

— По одному человечеству, сказалъ онъ польскому резиденту, надо сожалѣть о томъ, что когда влекутъ вашего короля въ доскональной погибели, онъ самъ еще своимъ краснорѣчіемъ силится затмить погибель передъ собою и передъ другими. Король забываетъ множество прошедшихъ и бывшихъ съ нимъ примѣровъ, что гдѣ только онъ располагалъ собою, по дудкѣ своихъ дядей, тамъ всегда и вездѣ происходили для него оскорбительные обороты.

Псарскій согласился съ мнѣніемъ графа.

— Истину эту чувствую я во всемъ пространствѣ, отвѣчалъ онъ Панину, и много сдѣлать не могу, какъ только ону оплакивать.

Екатерина II поручила графу Панину отвѣчать отъ своего имени на оба письма короля, не желая лично входить «въ раздробленіе многихъ королю польскому непріятныхъ и чувствительныхъ правдъ».

Панинъ уворялъ короля въ несообразности его поведенія, въ его легкомысліи, непостоянствѣ и безразсудности. Онъ писалъ, что слава короля и польза Польши зависятъ единственно отъ Россіи, что отклоненіе отъ нея вовлечетъ его въ пропасть «уже *растворенную*», и въ которую дяди его стараются втащить всѣми силами.

Изъ Петербурга сообщили, что «*нескладное польское*» посольство принято не будетъ. Волконскому приказано стараться воспрепятствовать отправленію посольствъ въ другимъ державамъ и не обѣщать полякамъ уступки Молдавіи, какъ страны завоеванной русскимъ оружіемъ, безъ ихъ участія.

«Доколѣ не узнаемъ мы чрезъ ваше сіятельство — писалъ графъ Панинъ — какое дѣйствіе произведутъ у короля новыя наши толь сильныя и толь ясныя изъясненія, а наипаче формальной ему отказъ, въ допущеніи сюда опредѣленнаго сенатомъ посольства, о чемъ вы и во всему министерству республики прямо и наотрѣзъ отозваться можете, до тѣхъ поръ, также

¹⁾ Панинъ Волконскому, 4 декабря 1769 г.

и до полученія отъ васъ плана благонамѣренной конфедераціи, къ поддѣржанію которой деньги уже готовы, не можемъ мы здѣсь ничего рѣшительнаго на мѣрѣ положить, дабы послѣ въ собственныхъ резолюціяхъ не повстрѣчать прекословія. Но между тѣмъ, на всякій случай долженъ я въ запасъ увѣдомить ваше сіятельство, по высочайшей волѣ, что ея императорское величество, для пользы дѣлъ и службы ея, въ составленіи благонамѣренной конфедераціи, и въ приобрѣтеніи къ оной и къ намъ опять короля, изволила сама за необходимо нужно признать, дабы старики Чарторыскіе, не только вовсе отъ дѣлъ исключены и удалены, но и чтобъ еще съ освобожденіемъ изъ порабощенія изъ его польскаго величества, весь ихъ кредитъ, въ націи, да и самыя средства къ возвращенію онаго себѣ въ другое время, единожды въ конецъ опровергнуты и истреблены были.

«Ничто къ доставленію сего вида свойственнѣе быть можетъ собственнаго вашего сіятельства принятаго намѣренія присоединить къ составляемой благонамѣренной конфедераціи фамиліи графа Мнишка и Потоцкихъ. Ея императорское величество изволить потому совершенно апробовать оное: но въ то же время и надѣется она, что вы, руководствуясь обыкновеннымъ вашимъ благоразуміемъ и приобрѣтеннымъ знаніемъ людей, нравовъ и мыслей ихъ, не оставите сами собою употреблять кстати и ко времени, всѣ нужныя и пристойныя осторожности въ разсужденіи замысловъ и коненсій сихъ фамилій, будучи довольно и предовольно извѣстны, что они желаютъ паче всего низверженія съ престола нынѣшняго короля польскаго, и возведенія на оной владѣтельнаго курфирста саксонскаго, чему напротивъ персональная слава государыни императрицы, достоинство ея короны и существительнѣйшіе интересы имперіи въ высшей степени опорствуютъ.

«Излишне было бы изображать здѣсь тѣ важныя статскія зоны, кои дѣлаютъ для Россіи необходимо нужными, съ одной стороны неустройство въ правленіи польсвомъ, а съ другой подтѣнію онаго приобрѣтеніе и сохраненіе превосходной въ ней инфлюенціи. Одно и другое способствуетъ сооруженію независимой нашей сѣверной системы, и находятся, натурально, въ неразрывной связи съ цѣлостію ея, которая одна доставляетъ намъ роль державы перваго класса, вмѣсто того, что Россія, при всемъ своемъ могуществѣ, не выходила изъ второго, до тѣхъ поръ, какъ мудрость и великость духа нынѣ царствующей Екваторины, даровали политикѣ ея новую жизнь и новое познаніе естественныхъ своихъ силъ и выгодъ.

«Когда сія истина ничѣмъ оспорена быть не можетъ, то нельзя равнобѣрно прекословить и основанному на оной политическому правилу, что въ Польшѣ король Піастъ для насъ способнѣе и полезнѣе, нежели король изъ сильныхъ владѣтельныхъ князей. Піастъ, какой бы фамиліи ни былъ, и сколько бы ни имѣлъ богатства, какъ партибулярный человекъ, не будетъ онимъ въ короляхъ богатъ, ни страшенъ націи, а еще менѣе кромѣ насъ однихъ, яко авторовъ возвышенія и цѣлости его, зависимъ отъ постороннихъ дворовъ, въ политикѣ своей, ибо она въ тѣсныхъ предѣлахъ собственной только безопасности ограничиваться должна будетъ, буде мы сами не дозволимъ ей когда пространнѣйшихъ, смотря по обстоятельствамъ и по собственнымъ нашимъ интересамъ.

«Напротивъ того, король изъ владѣтельныхъ принцовъ, имѣя собственныя земли, а съ ними и силы, можетъ скорѣе сдѣлаться властительнымъ, если только умѣть будетъ искусно пользоваться выгодами своими, а по крайней мѣрѣ особливими своими интересами заводить Польшу въ зависимость другихъ дворовъ.

«По всему тому весьма непременно высочайшее ея императорскаго величества намѣреніе имѣть въ Польшѣ короля Піаста, въ слѣдствіе чего, и въ случаѣ той крайности, когда-бъ нынѣшній король польской легкомысліемъ, непостоянствомъ и безразсудностію своею, довелъ себя напоследокъ до потерянія короны, необходимо надобно будетъ, чтобы сіе сдѣлалось не иначе, какъ собственнымъ же нашимъ подвигомъ, и чтобъ новый король, равнобѣрно изъ Піастовъ нами же одними возведенъ былъ, дабы Франція, коей заговоръ и ухищренія къ той одной цѣли безпрерывно стремятся, не могла показать свѣту, что первое и въ самомъ существѣ одною Россіею непосредственно сооруженное дѣло, не могло быть прочно и не могло устоять противу ея коварства, ухищренія и работы, за недостаткомъ внутреннихъ силъ самой Россіи.

«Весьма надобно желать, чтобъ не насталъ случай къ исполненію сего твердаго и непремѣннаго правила все милостивѣйшей государыни, къ чему ваше сіятельство, конечно, всѣ свои силы неутомленно напрягать будете, а оно само по себѣ тѣмъ меньше можетъ сносить какое-либо изытаніе, что основывается еще 1) на торжественныхъ обязательствахъ съ королемъ прусскимъ, которыя во всей своей силѣ ненарушимо настоять и составляютъ самой базисъ взаимнаго нашего союза, также и существительнаго бытія сѣверной независимости, а наипаче 2) на очевидной и въ прошлыя времена испытаніемъ подтвержденной опасности подчиненія инфлюенціи нашей въ Польшѣ, при воз-

веденіи на престоль курфирста Саксонскаго, постороннимъ, разнообразнымъ и часто перемѣняющимся интересамъ наслѣдственныхъ его земель, которыя, по критическому ихъ положенію между владѣніями вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, яко естественныхъ между собою соперниковъ, и по разнымъ еще конвенціямъ между сими и версальскимъ дворами, могутъ весьма часто переходить изъ связи въ связь, таща всегда за собою Польшу, въ ту или другую сторону, что отнюдь не можетъ согласовать съ началомъ и намѣреніемъ принятой ея императорскимъ величествомъ единожды навсегда независимой сѣверной системы, развѣ захотѣтъ вовсе оную оставить и жертвовать ею мелкимъ временнымъ неудобствомъ и уваженіемъ ¹⁾.)»

Письмо графа Панина было передано королю черезъ брата его, оберъ-камергера короннаго. Варшавскій дворъ пришелъ въ безпокойство. Братъ короля поѣхалъ для переговоровъ къ князю Волконскому, а самъ король, захвативъ письма, отправился затѣмъ же къ дядѣ своему, канцлеру литовскому. Послѣдній успѣлъ настроить короля такъ, что Понятовскій, вскорѣ послѣ того, встрѣтилъ Волконскаго въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Поступокъ мой не можетъ быть противенъ нашей всемирнолюбивѣйшей государынѣ, говорилъ Понятовскій, послѣ обычныхъ привѣтствій и клятвъ въ своей преданности русской императрицѣ.

Волконскій старался втолковать, сколько ослѣпленъ онъ, и сколько близка его погибель, если онъ не перемѣнитъ своего поведенія. Совѣты и убѣжденія оставались однакоже безъ дѣйствія. Король оставался непреклоненъ, будучи наэлектризованъ Чарторыскими.

— Я полякъ, отвѣчалъ онъ на всѣ доводы, и долженъ же доказать націи, что стараюсь объ ея избавленіи.

Волконскій уворялъ Понятовскаго въ исканіи покровительства у Франціи, тогда, когда самъ король хорошо знаетъ нерасположеніе ея и къ Польшѣ и къ Россіи.

— Правда-ли—какъ носятя слухи—что во Францію отправляется посоль? спросилъ Волконскій.

— Посольство во Францію, отвѣчалъ король, опредѣлено сенатскимъ совѣтомъ, но я не знаю еще, будетъ-ли оно отправлено.

Поведеніе короля не измѣнилось и тогда, когда представитель Пруссіи, именемъ своего короля, совѣтовалъ ему, если хочеть быть счастливымъ, сохранять согласіе съ Россією.

¹⁾ Панинъ Волконскому, отъ 30-го октября.

— Мнѣ нельзя поступать иначе, какъ теперь, такъ и на будущее время, говорилъ король представителямъ обѣихъ державъ. Мое званіе требовало показать націи попеченіе о ней; да впрочемъ, надобно же и мнѣ нажить хорошее имя въ свѣтѣ.

— Оставьте совѣтниковъ вашихъ, кои причиною всему злу, говорилъ Волконскій.

— Это невозможно: совѣтники мнѣ даны законами, отвѣчалъ король.

— Законы, учредивъ совѣтниковъ, не обязываютъ короля имѣть ихъ конфидентами, и слѣпо позволять имъ себя водить, какъ вы дѣлаете. Надѣетесь-ли вы остаться на тронѣ хотя недѣлю, если ея величество отниметъ отъ васъ свою руку?

Король не отвѣчалъ и только пожалъ плечами.

Тайныя совѣщанія у короля продолжались по прежнему. Понятовскій былъ окончательно усыпленъ своими совѣтниками и «не только не унылъ, но еще противъ ирежняго больше храбрится». Совѣтники его съ каждымъ днемъ прибрѣтали большую надъ королемъ власть и значеніе.

— Король отъ насъ никогда не отстанетъ, говорилъ открыто и во всеуслышаніе Боркъ, и Россіи не видать его въ своихъ рукахъ.

— Мы никогда въ лучшемъ состояніи не были и такую Польшу никогда не видали, говорили канцлеръ литовскій и маршалъ Любомирскій.

— Своимъ поведеніемъ, говорилъ Борку епископъ куявскій, вы губите себя, да и другихъ въ ту же погибель влечете, осмѣлясь возстать противу Россіи, отъ которой одной можно ожидать помощи, и въ особенности въ такое время, когда она осталась побѣдительницею турокъ.

— Намъ Россіи бояться нечего, отвѣчалъ Боркъ, ибо хотя она въ сей кампаніи и побѣдила турокъ, но въ будущую, конечно, отъ нихъ побита будетъ. Если бы даже и этого не случилось, то вся Европа, ревнуя возвышенію Россіи, вступится за Польшу, а особенно Австрія, которая вѣрно не будетъ смотрѣть, поджавъ руки, на превосходство Россіи надъ турками. Она вступится за Польшу для того только, чтобы перечить Россіи. Россія, хотя и имѣетъ силу въ рукахъ, но не смѣетъ однако же ни насъ лично, ни имѣній нашихъ тронуть, какъ-то по сю пору и видно. Вамъ и прочимъ совѣтую ничего не бояться.

«Его величество между тѣмъ, доносилъ Волконскій¹⁾, старается, кого примѣтитъ намъ преданнымъ, отвлекать и въ себѣ привязывать, обѣщая разныя награжденія. Публика здѣшняя, ко-

¹⁾ Панину, 18-го (29-го) ноября, № 76.

торая ожидала, что, по крайней мѣрѣ, король отъ насъ оставленъ будетъ и слѣдовательно корону потеряетъ, ждетъ теперь съ нетерпѣніемъ, какъ сіе кончится.»

На всѣ замѣчанія Волконскаго король вообще только отмалчивался и старался какъ можно рѣже видѣться съ представителями двухъ дворовъ, русскаго и прусскаго. При свиданіяхъ же и аудіенціяхъ онъ твердилъ только и повторялъ въ сотый разъ свои увѣренія въ преданности еѣ русской императрицѣ¹⁾.

— Я охотно все готовъ дѣлать, повторялъ король, что вы желаете, но совѣтниковъ своихъ по вашему требованію оставить не могу, ибо они мнѣ даны законами.

— Законы, повторялъ въ свою очередь Волконскій, не обязываютъ васъ имѣть конфидентами такихъ людей, кои влекутъ васъ еѣ погибели. По дѣламъ внутреннимъ, они могутъ отправлять свои должности и быть по онимъ въ вашемъ совѣтѣ, но въ матеріяхъ, касающихся до персональнаго благополучія вашего величества, и до происходящаго отъ того благоденствія республики, можете избрать въ совѣтники добрыхъ патріотовъ и людей безпристрастныхъ, какъ-то напр., графовъ Флеминга и Браницкаго. Они любятъ отечество, преданы вамъ, и фамилныхъ интересовъ не имѣютъ, подобно Чарторыскимъ, которые всѣ сіи замѣшательства имѣютъ причину умножать. Если бы и довели они до того, что ея императорское величество отняла отъ васъ свою руку помощи, и вы бы, слѣдовательно, лишились короны, то повѣрьте, они не мало не останоятся принести васъ въ жертву, въ пользу князя Адама и маршала Любомирскаго, если бы своимъ пронырствомъ имъ удалось найти еѣ тому дорогу.

— Чарторыскіе мнѣ родня, отвѣчалъ король, и отстать отъ нихъ я не могу, но буду поступать по вашему желанію.

— Вы будете поступать по нашему желанію съ ихъ совѣта? спросилъ Волконскій.

— Да, отвѣчалъ король.

— Ихъ совѣты и несогласія со мною по дѣламъ вамъ вредны; ваше величество не имѣете ни малѣйшей довѣренности ко мнѣ, какъ послу таковой монархини, отъ которой одной зависитъ все ваше благоденствіе....

— Неправда, перебилъ его король, не слѣдуетъ вѣрить всѣмъ слухамъ. И до меня доходили слухи, что вы противъ меня пишете своему двору, но я однако же тому не вѣрю.

— Я пишу вообще о всемъ томъ, о чемъ говорю съ вами, и если въ словахъ вашего величества находится что-либо про-

¹⁾ Волконскій Панину, 27-го ноября (8-го декабря), № 80.

тивное дружбѣ ея величества и, слѣдовательно, вашимъ интересамъ, то ни мало не умалчиваю, ибо вѣрность подданнаго того требуетъ, хотя и дѣлаю то съ сожалѣніемъ по личной моей къ вамъ привязанности и по дружбѣ, которую ваши родители, да и сами вы, съ самага малолѣтства ко мнѣ имѣли.

— Сколько отъ меня зависѣло, продолжалъ Волконскій, я старался отвращать вредные вамъ поступки, о которыхъ могъ провѣдать стороною, какъ напр., о публикаціи универсала и о первомъ намѣреніи собрать сенатскій совѣтъ. Вторично вы приняли столь тайныя мѣры къ его созванію, что я узналъ о томъ въ самый день его публикаціи. На кого же надѣетесь вы, если наша всемилостивѣйшая государыня отъ васъ отступится и повелитъ, согласно собственнаго вашего требованія, вывести отсюда свои войска, находящіяся для личнаго поддержанія вашей особы? Останетесь-ли вы тогда хотя недѣлю на тронѣ?

— Можетъ быть, отвѣчалъ король; но вы сами тогда висѣли на ниткѣ, прибавилъ онъ, какъ бы въ собственное оправданіе. Слава Богу, что война такъ благополучно переверотилась...

— Но спаслись-ли бы вы, перебилъ Волконскій короля, если бы турки одержали верхъ надъ нами, и какую бы пользу вамъ принесъ въ этомъ случаѣ совѣтъ, ибо извѣстно, что нація васъ ненавидитъ, и вы держитесь на престолѣ только одними нашими войсками.

— Польза отъ предпріятій не такъ скоро происходитъ. Предпочитая всему званіе патріота, я обязанъ былъ сдѣлать какой-либо поступокъ въ пользу націи.

— Кого вы подразумѣваете подъ словомъ *нація*? не тѣхъ ли, которые взбунтовались противу васъ подъ предлогомъ защиты вѣры и вольности, отъ которыхъ ея величество васъ защищаетъ, и въ которыхъ ни малой благодарности сей вашъ поступокъ не произвелъ. Да хотя бы то и воспослѣдовало, и та нація, т. е. возмутители, къ вамъ пристала, то неужели бы вы подняли вмѣстѣ съ ними оружіе противъ своей благодѣтельница?

— Оружія бы не поднялъ, отвѣчалъ король, а старался бы ихъ уговорить и склонить къ успокоенію. Я надѣюсь, что ничего противнаго нашей всемилостивѣйшей государыни не сдѣлалъ, а поступаю по долгу сына, любящаго свое отечество, сказалъ король при окончаніи разговора.

При такомъ упорствѣ короля, нашъ кабинетъ рѣшился на новую, болѣе рѣшительную мѣру, а именно на удаленіе Чарторскихъ отъ дѣлъ и на составленіе «благонамѣренной конфедераціи.» Такому плану могло много содѣйствовать и то обстоятельство, что въ Польшѣ многіе ненавидѣли Чарторскихъ, но

не только возстать, да и говорить открыто противу нихъ ниго не смѣлъ. По мнѣнію многихъ поляковъ, открытіе коронной конфедераціи было единственнымъ путемъ къ спасенію Польши.

«По представленію вашему, писала Екатерина II Волконскому ¹⁾, о потребныхъ деньгахъ на составленіе благонамѣренной конфедераціи, въ пользу нашихъ, руководству вашему ввѣренныхъ дѣлъ въ Польшѣ, повелѣли мы отправить къ вамъ при семь рескриптѣ разные вексели и кредитивное письмо, на двѣсти тысячъ рублей, кои вы по онымъ въ свое время и принять имѣете.

«Мы съ полною довѣренностію поручая дозволенной вашей вѣрности, искусству и осмотрительности употребленіе сей суммы встаети и ко времени, отнюдь не сомнѣваемся, что вы, соединяя тутъ пользу и поспѣшествованіе дѣлъ съ благоразумною экономіею, не будете съ одной стороны денегъ напрасно тратить, а съ другой, и сохраненіе ихъ предпочитать существительной нуждѣ, и случающейся по временамъ вѣроятности большихъ успѣховъ.

«Съ равною же довѣренностію даемъ мы вамъ по другому вашему представленію полную свободу открыть благонамѣренную конфедерацію, и до отправленія еще къ намъ на апробацію представляемаго вами на мѣрѣ плана оной, или же до полученія на него рѣшительныхъ нашихъ резолюцій, въ томъ случаѣ крайности, когда вы достовѣрно усмотрите и спознаете, что лукавые князья Чарторыскіе, проникнувъ намѣреніе наше, начнутъ вопреки онаго явно работать...

«Такимъ образомъ, въ семь случаѣ крайности имѣетъ оставаться долгомъ собственнаго вашего попеченія, опредѣлить въ обстоятельствахъ тотъ градусъ нужды, гдѣ открытіе благонамѣренной конфедераціи долженствуетъ предшествовать всѣмъ другимъ уваженіямъ; въ чемъ мы на благоразуміе и проицаніе ваше надежно полагаемъ, и отъ нихъ всего лучшаго ожидаемъ, пребываемъ вамъ впротчемъ» и проч.

Въ смыслѣ этого рескрипта и началъ дѣйствовать князь М. Н. Волконскій, когда 1769-ый годъ уже приближался совсѣмъ къ концу.

Н. Дувровинъ.

¹⁾ Въ рескриптѣ, отъ 31-го октября 1769 года.

ДАЧА НА РЕЙНѢ.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I*).

ПОДЗЕМНЫЕ ТОЛЕИ.

Красуется душистая земляника на зеленой полянѣ; и на глазъ-то ягода красивая, да и на языкѣ вкусна.

Еслибъ можно было проникнуть въ самую земную утробу и подслушать, что тамъ толкуется у самага корня растенія—мы навѣрное услышали бы, какъ аммоніакъ, вещество не особенно пріятнаго вида и запаха, самодовольно улыбаясь, хвалится: «Что бы тутъ было безъ меня?!»

Кали, напротивъ, вещество бѣлое, блестящее, съ пріятнымъ запахомъ, не имѣетъ нужды заявлять о своихъ заслугахъ. Одинъ видъ его уже самъ о себѣ свидѣтельствуется, и онъ можетъ говорить: «За меня весь ученый міръ!»

Кремневая кислота покоится, довольная собой, и восклицаетъ: «Я здѣшняя первобытная обитательница: чего домогаются мои недолговѣчные товарищи?! Творенье вчерашняго дня, они завтра исчезнутъ; но я уже многое пережила: на все мода!»

Личинка майскаго жука съ наслажденіемъ грызетъ корень,

*) См. выше, сентябрь, октябрь и ноябрь, 1868.

щурить свои глазенки и думаетъ: «Они-то тамъ радуются тому, что служить другимъ, а я, — я только ѣмъ!» Дождевой червь, сгибая свою спинку, и разгибаясь, пробирается на верхъ и гордится тѣмъ, что прорываетъ каналы и прокладываетъ дороги, съ помощью которыхъ тамъ внизу все движется и питается. Кротъ, гнѣздящійся неподалеку, подстерегаетъ минуту, когда личинка, насытившись, заснетъ, и въ свою очередь пожираетъ ее.

Точь-въ-точь, какъ внизу у корня, такъ и на верху, въ обширной людской на виллѣ Эдемъ, жизнь кипитъ и проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ.

Господинъ Зонненкамъ держится въ своемъ хозяйствѣ одного мудраго правила, которое многіе находятъ жестокимъ: въ число его слугъ не допускаются женатые. Онъ вообще хорошо людямъ платитъ, они ни въ чемъ не терпятъ нужды, но на семейную жизнь не должны посягать. Ни одинъ нищій никогда не проникаетъ въ его тщательно содержимый садъ, гдѣ онъ, чего добраго, могъ бы нарушить порядокъ. У входа кастелянъ обыкновенно подаетъ ему милостыню, и старая кухарка не рѣдко ворчитъ на то, что пропадаютъ даромъ остатки кушаньевъ, которые могли бы насытить многихъ и многихъ голодныхъ.

Полдень. Здѣсь обѣдаютъ задолго до того времени, когда наступаетъ пора накрывать столъ для господъ. Два конюха и третій кучеръ, на которыхъ лежитъ обязанность стеречь конюшни, обѣдаютъ отдѣльно и въ глубокомъ молчаніи; затѣмъ они идутъ освобождать отъ ихъ занятій остальныхъ слугъ, и тѣ, въ свою очередь, обѣдаютъ.

Первое лице здѣсь — главный поваръ, для краткости называемый шефомъ. Его высокая, дородная фигура одѣта вся въ бѣлое; лице у него безбородое съ крючковатымъ носомъ, какъ у копчика. Онъ тутъ разыгрываетъ роль маркиза. Говоритъ онъ на какомъ-то необыкновенномъ нарѣчій, что, однако, вовсе не мѣшаетъ ему ловко справляться съ подчиненными ему кухарками.

Два конюха и кучеръ отобѣдали. На длинномъ столѣ накрываютъ болѣе дюжины приборовъ, и въ комнату начинаютъ собираться слуги.

Прежде всего появляется, — или лучше сказать ему всѣ уступаютъ дорогу, — старшій кучеръ, Бертрамъ, человекъ гигантскаго роста и необычайной силы, съ рыжеватой бородой, раздѣленной на двѣ густыя пряди. На немъ длинный, спускающійся ниже бедръ, вязанный жилетъ и бѣлая съ голубымъ полосатая куртка, мало отличающаяся отъ тѣхъ, какія носятъ остальные кучера и конюхи.

Съ поклономъ всѣмъ присутствующимъ, Бертрамъ садится на

верхнемъ концѣ стола; по правую его руку помѣщается Іозефъ, а по лѣвую главный садовникъ. Рядомъ съ послѣднимъ занимаетъ мѣсто маленькій человѣкъ съ угловатымъ лицомъ и очень быстрыми глазками: это курьеръ Лутцъ. Остальные слуги размѣщаются сообразно съ отправляемыми ими должностями, а на самомъ концѣ стола сидятъ младшіе конюхи и садовники.

Первая кухарка, любимица фрейленъ Пэрини, строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы предъ обѣдомъ читалась молитва. Рослый кучеръ Бертрамъ, отъявленный вольнодумецъ, при этомъ всегда начинаетъ оправлять и обдергивать свой длинный вязанный жилетъ. Іозефъ складываетъ руки и шевелитъ губами; остальные молятся каждый про себя.

Лишь только сняли со стола супъ, и слуги взялись за вино, — имъ каждый день полагается за обѣдомъ вино, — Бертрамъ началъ разговоръ.

— Я все ожидаю, сказалъ онъ: — узнаетъ ли меня господинъ лейтенантъ Дорнэ? Я служилъ въ его баттареѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? радостно воскликнулъ Іозефъ: — его, конечно, всѣ тамъ любили?

Бертрамъ не счелъ нужнымъ прямо отвѣчать на этотъ вопросъ, но только замѣтилъ, что никакъ не полагалъ, чтобъ господинъ Дорнэ когда-нибудь пошелъ въ услуженіе.

— Въ услуженіе?

— Да, онъ такой же слуга, какъ и мы всѣ. Но онъ кое-чему научился въ книгахъ, вотъ его и сдѣлали гувернеромъ.

Іозефъ сострадательно улыбнулся и принялся объяснять обществу настоящее положеніе Эриха. Онъ прежде всего осыпалъ похвалами его именитаго отца, у котораго, по его словамъ, было не менѣе двадцати различныхъ орденовъ, а жена принадлежала къ высшей знати. Іозефъ радъ былъ закидать своихъ слушателей мудренными названіями наукъ, въ родѣ антропологии, зоологии, астрологии, археологии и петрофактологий. Капитанъ Дорнэ—говорилъ онъ—все это знаетъ, и одинъ заключаетъ въ себѣ цѣлый университетъ. Однако ему не удалось доказать, что Эрихъ не имѣетъ ничего общаго со слугами.

Главный садовникъ сказалъ съ прусскимъ акцентомъ:

— Во всякомъ случаѣ, онъ очень хорошъ собой и молодцомъ сидитъ на лошади, но за то ничего не смыслить въ садоводствѣ.

Лутцъ, курьеръ, замѣтилъ, что Эрихъ превосходно говоритъ по-французски и по-англійски. Что же касается до русскаго, турецкаго и польскаго языковъ, то ими господа ученые обыкновенно не занимаются. Онъ же, Лутцъ, въ качествѣ портного

подмастерья изъѣздившій весь свѣтъ, понималъ всевозможные языки. Въ послѣднее время, онъ сопровождалъ въ путешествіи бывшую фрейленъ Пранкенъ, нынѣшнюю графиню Вольфсгартенъ, а съ ней и еще двухъ англичанокъ. Теперь онъ служитъ бурьеромъ у господина Зонненкампа, то-есть, ѣздитъ съ нимъ, когда тотъ предпринимаетъ поѣздку. Остальное время онъ проводитъ въ праздности: нельзя же назвать работой того, что онъ принимаетъ письма и относитъ ихъ на станцію желѣзной дороги, да играетъ на цитрѣ, сопровождая свою игру свистомъ, — въ послѣднемъ онъ особенно искусенъ. Но у маленькаго человѣка есть, кромѣ того, еще одно таинственное назначеніе.

Между слугами какъ бы существовало соглашеніе никогда не возражать Лутцу на его замѣчанія за столомъ. Такъ и теперь, въ отвѣтъ на его слова только улыбнулась вторая кухарка, съ которой онъ находился въ нѣжныхъ, никому пока неизвѣстныхъ отношеніяхъ.

Мужчина съ сарматскимъ лицомъ, по выговору полякъ, утверждалъ, что вся честь введенія Эриха къ нимъ въ домъ, принадлежитъ Пранкену. Бертрамъ легонько толкнулъ Іозефа въ бокъ и началъ преувеличенно хвалить барона фонъ-Пранкена, а Іозефъ лукаво подмигнулъ, какъ бы желая сказать: Такъ и есть! полякъ опять себя выдалъ. Извѣстное дѣло, что онъ находится въ тайномъ услуженіи господина Пранкена.

Рѣчь зашла о томъ, останется ли Пранкенъ жить на виллѣ Эдемъ послѣ своего брака съ Манной. Слуги уже успѣли какъ-то провѣдать о его сватовствѣ.

Одинъ садовникъ, слегка заикаясь, сказалъ, что недавно слышалъ въ деревенской гостинницѣ толки о томъ, будто Зонненкамъ прежде занимался портняжнымъ ремесломъ. Всѣ засмѣялись и начали подстрекать къ дальнѣйшимъ разговорамъ заикъ, который служилъ посмѣшищемъ всему кружку слугъ. Бѣдняга, наконецъ, посинѣлъ отъ злобы и усилій говорить не заикаясь. Бертрамъ, ухватясь за обѣ половинки своей длинной бороды, воскликнулъ:

— Посмѣлъ бы мнѣ это кто-нибудь сказать! я живо далъ бы ему закусить собственными его зубами!

— Пусть люди говорятъ, что хотятъ! успокоительно произнесъ главный садовникъ, и самъ улыбнулся своей мудрости, прибавивъ: стоитъ только, чтобъ человѣку повезло, такъ и пойдетъ о немъ злая молва.

Одинъ изъ младшихъ конюховъ при этомъ разсказалъ о драбѣ, происшедшей недавно между слугами «виннаго графа» — и слугами Зонненкампа. Первые подсмѣивались надъ послѣдними, упрекая

ихъ, зачѣмъ они служатъ господину, о которомъ не знаютъ ни кто онъ, ни откуда. Одинъ смѣльчакъ даже утверждалъ, будто госпожа Зонненгампъ—купленная невольница.

Затѣмъ пошли не слишкомъ-то назидательные рассказы о тайныхъ дѣлахъ различныхъ семействъ, пока толстая кухарка не положила всему конецъ восхлицаніемъ:

— Полно вамъ болтать! не даромъ говорила моя матушка, что во всякомъ домѣ, великъ онъ или малъ, у каждой двери лежитъ по камню.

Второй садовникъ, худощавый мужчина съ островочечнымъ лицомъ, прозванный бѣлкой и извѣстный своей набожностію, не преминулъ при этомъ удобномъ случаѣ произнести умильную проповѣдь о злословіи. Онъ былъ сначала садовникомъ, а потомъ полицейскимъ служителемъ въ одномъ изъ главныхъ городовъ сѣверной Германіи. Тамъ встрѣтилъ его Зонненгампъ; возвративъ его къ первоначальнымъ занятіямъ, онъ еще сталъ его употреблять въ дѣлахъ, требовавшихъ особенной обдуманности и осмотрительности.

Старая, престарая судомойка, которая сидѣла на стулѣ бокомъ и держала тарелку съ кушаньемъ на колѣняхъ, вдругъ сказала:

— Говорите, что хотите, а вновь пріѣхавшій баринъ непременно женится на нашей барышнѣ. Когда это случится, вы вспомните мое слово. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жили въ одномъ замкѣ принцъ съ принцессой; принцъ переодѣлся слугою.... Смѣйтесь, смѣйтесь, я дѣло говорю!

Иозефъ и Бертрамъ обмѣнялись значительнымъ взглядомъ.

Со всѣхъ сторонъ посыпались шутки, и всѣ по очереди приставали къ Кетте, чтобъ она имъ предсказала ихъ судьбу. Одинъ Лутцъ подсмѣивался надъ суевѣріемъ своихъ товарищей. Однако смѣхъ его сдѣлался очень принужденнымъ, когда Бертрамъ сказалъ:

— Извѣстное дѣло, что всѣ портные люди свѣдущіе и не вѣрятъ въ адъ.

Смѣху не предвидѣлось конца. Вдругъ сверху раздался голосъ.

— Пусть Бертрамъ закладываетъ карету, а Иозефъ идетъ сюда!

Общество немедленно разошлось. Конюхи отправились на конюшни курить трубки, а садовники разбрелись по парку и теплицамъ. Иозефъ послѣшно передалъ еще двумъ лакеямъ приказаніе накрывать столъ, и въ подземномъ царствѣ возстановилась тишина. Только котлы да кострюли шипѣли на огнѣ, и шефъ

съ важнымъ видомъ наблюдать за успѣшнымъ ходомъ своихъ занятій.

Часъ спустя, Лутцъ принималъ письма, которыя ему надлежало отнести на станцію желѣзной дороги. Онъ при этомъ вскользь и какъ бы самымъ невиннымъ образомъ объявилъ, что новый учитель уже приобрѣлъ себѣ въ домѣ двухъ приверженцевъ. Одинъ изъ нихъ Бертрамъ, нѣкогда служившій въ его баттареѣ, а другой Иозефъ, который со времени пребыванія своего въ университетѣ считаетъ себя ему обязаннымъ. Никогда открыто не упоминалось о томъ, что Лутцъ былъ шпиономъ между слугами, но это само собою разумѣлось между нимъ и его господиномъ.

ГЛАВА II.

ВОСКРЕСНЫЙ ОВѢДЪ.

Когда Эрихъ ѣхалъ по лѣсу, гдѣ все пѣло, благоухало и сіяло, онъ собирался писать матери письмо о заколдованной странѣ, въ которой внезапно очутился. Съ тѣхъ поръ прошло всего нѣсколько дней, но ему казалось, что промчались цѣлые годы. Чего онъ только за это время не передумалъ и не испыталъ! Письмо теперь, конечно, будетъ написано совсѣмъ въ другомъ духѣ.

По воскресеньямъ весь порядокъ въ домѣ измѣнялся. Утромъ не было общаго завтрака. Эрихъ встрѣтился съ Зонненкампомъ въ саду, и этотъ у него спросилъ, поѣдетъ-ли онъ съ ними въ церковь. Эрихъ, не колеблясь, отвѣчалъ: нѣтъ, такъ какъ это было бы съ его стороны лицемѣрїемъ. Онъ, пожалуй, могъ бы сопровождать ихъ, чтобъ этимъ выразить свое уваженіе къ чуждому для него вѣроисповѣданію, но другіе не замедлили бы объяснить его поступокъ иначе.

Зонненкампъ съ изумленіемъ на него поглядѣлъ, но прамота Эриха, тѣмъ не менѣе, произвела свое дѣйствіе.

— Хорошо, сказала Зонненкампъ: — съ вами по крайней мѣрѣ знаешь чего держаться.

Онъ произнесъ эти слова тономъ, который можно было истолковать двояко, но Эрихъ понялъ его въ хорошую сторону.

Когда всѣ ушли въ церковь, Эрихъ сѣлъ за письмо къ матери. Онъ началъ сравненіемъ себя съ Одиссеемъ, котораго волны морскія выбросили на неизвѣстный островъ. Ему, правда, не угрожаютъ опасности, но мысли его въ такомъ хаосѣ, что ему становится страшно за себя...

Онъ вдругъ остановился: не въ этомъ тонѣ слѣдуетъ ему

писать матери. Онъ разорвалъ листокъ и началъ другой. Просто и коротко описалъ онъ свою встрѣчу съ Пранкеномъ, Клодвигомъ и Беллой и затѣмъ прибавилъ:—Герои Гомера находились подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ, — я въ этотъ день оказался еще счастливѣе ихъ: меня всюду сопровождало и охраняло воспоминаніе о незапятнанной репутаціи и о высокихъ заслугахъ моихъ родителей. Говоря о Роландѣ, онъ замѣтилъ, что богатство развиваетъ въ людяхъ самостоятельность и стремленіе прилагать къ дѣлу свои силы, причемъ упомянулъ и о намѣреніи мальчика поселить въ виноградномъ домикѣ близъ себя и мать своего наставника.

Въ деревнѣ гудѣли колокола, а Эрихъ писалъ о своемъ серьезномъ пониманіи обязанностей, выпадающихъ на долю того, кто беретъ вести по дорогѣ къ добру юношу, которому выпалъ въ удѣлъ всемогущій даръ богатства. Здѣсь вдругъ ему припомнилось евангельское сказаніе о богатомъ юношѣ. Онъ забылъ точныя выраженія вопроса юноши и отвѣта Христа и, желая освѣжить ихъ въ памяти, сталъ искать въ Роландовой библіотекѣ библію. Но ее тамъ не оказалось. Эрихъ, между тѣмъ, чувствовалъ себя не въ состояніи продолжать письмо, прежде чѣмъ удовлетворить своему желанію.

Онъ вышелъ въ садъ, встрѣтилъ тамъ садовника, прозваннаго бѣлкой, и обратился къ нему съ вопросомъ, нѣтъ-ли у него библіи? Тотъ отвѣчалъ утвердительно, живо сбѣгалъ за книгой и вручилъ ее Эриху съ назидательными словами.

Возвратясь въ свою комнату, Эрихъ больше не писалъ, но весь погрузился въ чтеніе, а потомъ долго сидѣлъ, поддерживая голову рукой и смотря вдаль. Между тѣмъ Роландъ вернулся изъ церкви, и зайдя къ нему въ комнату, положилъ на столъ молитвенникъ. Эрихъ взялъ его за руку. Ему сильно хотѣлось спросить Роланда: А ты будешь ли въ состояніи послѣдовать этому ученію, когда со временемъ....

Его мысли были прерваны замѣчаніемъ Роланда:

— Ты себѣ досталъ библію?

И мальчикъ рассказалъ, какъ эта книга проникла въ домъ и распространилась тамъ, благодаря садовнику. Эрихъ съ трудомъ удержался, чтобъ не высказать Роланду своего мнѣнія на счетъ книги, которую онъ глубоко уважалъ и считалъ первою въ мірѣ, хотя и не питалъ къ ней благоговѣйнаго чувства въ смыслѣ предписываемомъ и внушаемомъ церковью.

— Знакомо ли тебѣ это? спросилъ Эрихъ, указывая Роланду на страницу, гдѣ говорилось о богатомъ юношѣ.

Роландъ прочелъ и, на вопросъ Эриха, что онъ объ этомъ

думаетъ, съ удивленіемъ на него поглядѣлъ: онъ явно не понималъ смысла прочитаннаго. Эрихъ не хотѣлъ еще ему объяснять значенія притчи, предпочитая нѣсколько выждать. Сѣмя первое время лежитъ въ землѣ неподвижно, пока его не пробудятъ къ дѣятельности направленныя на него силы. Эрихъ зналъ, что такое сѣмя въ эту минуту запало въ сердце мальчика, и рѣшился спокойно ждать времени, когда оно взойдетъ и принесетъ плодъ.

Эрихъ охотно согласился на просьбу Роланда пойти съ нимъ на встрѣчу къ маіору, который каждое воскресенье у нихъ обѣдалъ. Они долго шли по аллеѣ, окаймленной орѣховыми деревьями, потомъ стали между виноградниками подниматься въ гору. У большого пространства, усаженнаго короткими тычинками, они наконецъ встрѣтили маіора, съ которымъ читатель уже познакомился въ Вольфсгартенѣ. Онъ былъ въ парадной формѣ и въ орденахъ.

Всѣ окрестные жители болѣе или менѣе держались въ сторонѣ отъ дома Зонненкамповъ, — маіоръ являлся въ ихъ домѣ единственнымъ представителемъ тамошняго дворянства. Церера особенно была счастлива тѣмъ, что ей оказывалъ большое вниманіе человекъ, имѣвшій такъ много орденовъ. Злые языки утверждали, будто маіоръ получаетъ, за свою любезность и за то, что по воскресеньямъ облачается въ орденъ, значительную прибавку къ своей довольно скудной пенсіи. Но это была чистая клевета: маіоръ, или лучше сказать фрейленъ Мильеъ, строго придерживался правила ни отъ кого не принимать подарковъ и ни подъ какимъ видомъ не ставить себя въ зависимое положеніе.

Маіоръ былъ очень радъ встрѣчѣ съ молодыми людьми.

— Вы уже здѣсь! сказала онъ Эриху. Держите построже этого молодца, не давайте ему выходить изъ повиновенія. А затѣмъ, указывая на гору, продолжалъ: — Черезъ годъ мы получимъ.... то-есть господинъ Зонненкамъ получитъ съ этихъ виноградниковъ первое вино. Пили вы когда-нибудь дѣвственное вино?

Эрихъ отвѣчалъ отрицательно и маіоръ объяснилъ ему, что такъ называется первое вино, добытое изъ вновь разведеннаго виноградника.

Походка маіора состояла изъ постоянныхъ стремленій упасть и усилій удержаться на ногахъ. Сдѣлавъ два шага впередъ, онъ неизмѣнно останавливался съ улыбкой и оглядывался кругомъ. Онъ улыбался всякому, кто попадался ему на встрѣчу. Изъ того, что онъ лишился нѣсколькихъ пальцевъ на ногахъ, еще не слѣдовало, чтобъ другіе люди испытывали его неудовольствіе. Зачѣмъ имъ постоянно видѣть передъ собой печальное лице? Маіоръ

пояснилъ Эриху, что во время похода въ Россію онъ отморозилъ на ногахъ пальцы, которые ему и принуждены были отнять.

— Правду гласить пословица, сказалъ онъ съ улыбкой: что всякій самъ лучше знаетъ, гдѣ ему жметъ бапшмакъ.

Онъ одобрительно кивнулъ Эриху головой, когда тотъ замѣтилъ, что эта пословица можетъ быть распространена и на многіе другіе случаи жизни.

Затѣмъ онъ освѣдомился у Роланда, встала ли его мать? Церера приносила съ своей стороны не малую жертву каждому воскресному дню. Она вставала утромъ уже въ девять часовъ и всего только часъ времени посвящала своему туалету, а потомъ со всѣмъ семействомъ шла въ церковь. За то передъ обѣдомъ она снова ложилась въ постель, съ избыткомъ вознаграждала себя за упущенный утромъ сонъ, а затѣмъ уже одѣвалась по праздничному.

Когда они сошли въ долину, къ нимъ присоединился архитекторъ, тоже отправлявшійся обѣдать на виллу. Они раздѣлились на двѣ партіи: Роландъ шедъ съ маіоромъ, а Эрихъ съ архитекторомъ. Прійдя домой, они всѣ поѣхали сначала Роландовыхъ собакъ и потомъ уже отправились въ галлерею, гдѣ нашли самого Зонненкампа съ докторомъ и патеромъ.

Едва успѣли Эриха представить вновь прибывшимъ гостямъ, какъ въ комнату вошла Церера въ великолѣпномъ нарядѣ. Маіоръ тотчасъ подалъ ей руку, слуги захлопнули за ней обѣ половинки дверей, и все общество, черезъ длинную амфиладу комнаты, направилось въ столовую.

По лѣвую руку Цереры помѣстился маіоръ, по правую — патерь, а возлѣ него, сѣла фрейленъ Пэрини. Далѣе сидѣли докторъ, самъ Зонненкампъ, архитекторъ, Роландъ и Эрихъ.

Патерь громко произнесъ молитву.

Разговоръ сначала былъ совершенно непонятенъ Эриху, такъ какъ преимущественно вертѣлся около личностей ему вовсе незнакомыхъ. Между прочимъ много говорилось объ одномъ виновомъ торговцѣ, который велъ обширныя дѣла, и съ сыномъ котораго Пранкенъ покупалъ лошадей. Шефъ пріобрѣлъ въ одномъ изъ его погребовъ, лежащихъ вверхъ по теченію рѣки, гдѣ и производилась окончательная распродажа, большой запасъ вина, которое всѣми было признано за отличное. Хозяинъ этого погреба намѣревался совсѣмъ покончить съ дѣлами и переселиться въ столицу, гдѣ, будто бы, надѣялся привлечь на себя вниманіе двора.

— Онъ, пожалуй, чего добраго, еще вздумаетъ и за дворянствомъ погнаться, замѣтилъ докторъ: — отъ него все стается!

Зонненкампъ въ эту минуту подносилъ ко рту кусокъ рыбы съ тонкой приправой и вдругъ до такой степени раскашлялся, что весь побагровѣлъ и не на шутку всѣхъ перепугалъ. Однако онъ вскорѣ оправился и объяснилъ, что подавился косточкой.

Маіоръ находилъ въ высшей степени неумѣстнымъ, что богатый торговецъ мѣтилъ попасть въ правительственные кандидаты для поступления въ палату депутатовъ. Это оказывалось тѣмъ неблаговиднѣе съ его стороны, что онъ въ настоящемъ случаѣ являлся соперникомъ такого человѣка, какъ Вейдеманъ. Вниманіе Эриха было возбуждено: всякій разъ, что рѣчь заходила о Вейдеманѣ, имя его произносилось не иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ. «Винный графъ», сказалъ докторъ, явно хочетъ только удовлетворить своему честолюбію и выставить себя въ благопріятномъ свѣтѣ передъ правительствомъ. Не можетъ же онъ не предвидѣть своего пораженія; всѣ его желанія, безъ сомнѣнія, тѣмъ и ограничиваются, чтобъ имя его появилось на столбцахъ газетъ въ числѣ сторонниковъ правительства.

— А вы что на это скажете, почтенный патеръ? внезапно спросилъ докторъ. Котораго изъ двухъ кандидатовъ намѣрено поддерживать духовенство?

Патеръ былъ высокъ ростомъ, худошавъ и совершенно сѣдъ. Отличительную черту его фізіономіи составляли чрезвычайно блестящіе глаза, которые наблюдательно, но въ то же время спокойно, выглядывали изъ-подъ густыхъ темнорусыхъ бровей. Въ обращеніи его было много достоинства, которое, однако, не исключало ни живости, ни своего рода развязности. Онъ гораздо охотнѣе оставилъ бы вопросъ доктора безъ отвѣта, но это оказывалось неудобнымъ. Приложивъ большой палецъ лѣвой руки въ указательному, и сдѣлавъ движеніе въ воздухѣ, онъ только замѣтилъ, что противъ гражданскихъ способностей Вейдемана нието ничего не можетъ сказать.

Доктору пришлось удовольствоваться этимъ уклончивымъ отвѣтомъ. Но маіоръ сталъ до небесъ превозносить благородство характера Вейдемана и предсказывать ему побѣду.

Маіоръ изъяснялся съ трудомъ и краснѣлъ до самаго корня своихъ сѣдыхъ волосъ всякій разъ, какъ ему приходилось говорить не съ однимъ только ближайшимъ сосѣдомъ по столу, но и выражать свое мнѣніе во всеуслышаніе.

— Вы говорите точь-въ-точь, какъ братья масоны, подразняли его докторъ.

Маіоръ строго на него взглянулъ, съ упрекомъ покачалъ головой, какъ бы говоря: «такими вещами не шутятъ», и замолчалъ.

Зонненкампъ объявилъ, что хотя онъ и считается здѣшнимъ гражданиномъ и платитъ подати, однако не участвуетъ въ выборахъ. Онъ привыкъ къ иному рода, болѣе обширной дѣятельности, да къ тому же смотреть на свое пребываніе здѣсь, какъ на временное: онъ и домашніе его только гостятъ въ Германіи.

Докторъ и Эрихъ переглянулись, и затѣмъ оба посмотрѣли на Роланда. Чего можно ожидать отъ мальчика, которому говорить: твое настоящее положеніе для тебя не годится?

Докторъ, разъ избравъ маіора цѣлью своихъ шутокъ, уже не оставлялъ его въ покоѣ. Извѣстный и всѣми любимый шутникъ, докторъ всегда уже съ утра бывалъ расположенъ посмѣяться и пошутить, какъ человѣкъ сытый и довольный судьбой. Обращеніе его, въ высшей степени живое, какъ нельзя болѣе противорѣчило неуклюжей мѣшковатости маіора, который, впрочемъ, охотно поддавался всякой шуткѣ. Оставаться пассивнымъ, когда его поддразнивали, послѣдній считалъ своей обязанностью. Вся фигура его тогда говорила: «смѣйтесь, дѣти, и забавляйтесь, хотя бы то было и на мой счетъ!»

Патеръ взялъ сторону притѣсняемаго маіора, но, повидимому, только для того, чтобъ давать новую пищу нападкамъ на него доктора. По крайней мѣрѣ маіоръ улыбался своему союзнику еще съ большимъ смущеніемъ, чѣмъ противнику. Сначала патеръ говорилъ сповойно, не выходя изъ важнаго, повѣствовательнаго тона, но потомъ, увлекшись потокомъ собственной рѣчи, началъ бросать во всѣ стороны стрѣлы, которыя постоянно метко попадали въ цѣль. Но при этомъ манеры его оставались неизмѣнно утонченными и любезными, и онъ ни на минуту не упускалъ изъ виду достоинства своего священническаго сана. Ему было, между прочимъ, свойственно одно очень пріятное движеніе тонкими, прекрасными руками, которое какъ-то успокоительно на всѣхъ дѣйствовало. Глаза фрейленъ Пэрини особенно широко раскрывались, когда она ихъ устремляла на патера. Она, казалось, не могла на него насмотрѣться и его послушаться. Однако, она не въ силахъ была скрыть непріятное чувство, которое овладѣло ею, когда патеръ, высморкавшись, по обычаю духовенства, въ синій холщевой платокъ, скомкалъ его и потомъ въ теченіи рѣчи часто имъ поманивалъ. Она вздохнула свободно, только когда ненавистный платокъ снова очутился въ карманѣ.

Въ отношеніи къ личности маленькаго, бездеремоннаго доктора, фрейленъ Пэрини держала себя съ большою важностью, а докторъ нѣкоторымъ образомъ смотрѣлъ на нее, какъ на товарища, потому что она имѣла кое-какія свѣдѣнія въ медицинѣ.

Онъ тѣмъ болѣе уважалъ ее, что она никогда не жаловалась ему на нездоровье и не прибѣгала къ нему за пособіемъ.

Она вообще вела очень умѣренный образъ жизни и принимала весьма мало участія, какъ въ большихъ пиршествахъ, такъ и въ ежедневныхъ обильныхъ обѣдахъ. Фрейленъ, повидимому, не ощущала никакихъ нуждъ и существовала единственно для удобства другихъ.

Докторъ Рихардъ, въ качествѣ уважаемаго врача, совѣтовъ котораго всѣ домогались, присвоилъ себѣ право самаго безцеремоннаго обращенія. Онъ былъ избалованнымъ и въ тоже время много-любимымъ тираномъ всей здѣшней мѣстности вообще, а дома Зонненкампа въ особенности. За обѣдомъ онъ бывалъ всегда очень словоохотливъ, чему не мало способствовало то, что онъ много пилъ и мало ѣлъ. Онъ хвалилъ вина, зналъ названіе каждаго изъ нихъ и опредѣлялъ степень его крѣпости и зрѣлости. Онъ попросилъ одного сорта, за приготовленіемъ котораго было много хлопотъ. Зонненкампъ приказалъ подать. Докторъ отвѣдалъ и нашелъ, что вино еще свѣжо, не перебродило и потому неприятно на вкусъ. Съ появленіемъ нѣкоторыхъ блюдъ, Зонненкампъ сомнительно взглядывалъ на доктора, но докторъ, спѣша предупредить словесный вопросъ, говорилъ:

— Кушайте, кушайте, это вамъ не сдѣлаетъ вреда!

— Пить, — вотъ самое приятное занятіе въ мірѣ! въ шутку сказалъ Зонненкампъ.

— Жаль, замѣтилъ докторъ, что вы не знавали Борша, этого славнаго малаго, который однажды произнесъ слѣдующее мудрое изрѣченіе: «Глупѣе всего на свѣтѣ то, что съѣстного нельзя пить».

Затѣмъ, обратясь къ Эриху, онъ продолжалъ:

— Вашъ другъ Пранкенъ не слишкомъ - то хорошо отзывается о нашихъ при-рейнскихъ странахъ, но это отъ того, что онъ еще не достаточно акклиматизировался. Здѣсь всякій непременно долженъ пройти черезъ катарръ. Надѣюсь, вы его терпѣливѣе перенесете и скорѣе отъ него отдѣляетесь. Видите ли вы эту бутылку? Всѣ ощущенія, какія возбуждаютъ въ васъ поэзія, драма и всякаго рода искусства, — всѣ заключаются въ ней. Пьющій изъ нея чувствуетъ, что онъ не просто только въичное животное, но еще и нѣчто иное. Ему, правда, не всегда понятно, сколько въ ней закупорево прекраснаго; да этого и не надо: достаточно, что онъ сознаетъ себя сильнымъ и счастливымъ.

— Еслибъ только не было поддѣльнаго вина! замѣтилъ архитекторъ.

— Да, отвѣчалъ докторъ, въ прежнія времена случаи бѣлой горячки были здѣсь очень рѣдки, теперь же они безпрестанно встрѣчаются, — и это не есть слѣдствіе самаго вина, а спирта, который въ немъ заключается.... Вы знатокъ въ винѣ? обратился онъ опять къ Эриху съ видомъ президента, который даетъ и отнимаетъ право голоса.

— Нѣтъ еще.

— А между тѣмъ вы, безъ сомнѣнія, уже писали въ честь вина стихи. Тамъ всегда восклицаютъ: наполняйте стаканы, будемъ ликовать, мы ликуемъ, мы ликовали. А на дѣлѣ-то, господа поэты послѣ первой же бутылки уже не стоятъ на ногахъ.

Нечаянно взглянувъ на Роланда, докторъ какъ-будто вспомнилъ, что въ присутствіи его не годится смѣяться и шутить надъ Эрихомъ. Онъ поспѣшилъ переменить разговоръ и, дружески называя Эриха своимъ «коллегой», вызвалъ его на занимательные рассказы изъ университетской и полковой жизни. Маіоръ былъ очень доволенъ тѣмъ, что его, наконецъ, оставили въ покоѣ, и онъ могъ, вслѣдствіе этого, безъ помѣхи заняться питьемъ и ѣдой. Прикрѣпивъ къ плечамъ салфетку, онъ, подъ ея прикрытіемъ, растегнулъ сюртукъ. «Хорошо, думалъ онъ, что фрейленъ Милькъ приготовила мнѣ сегодня такой красивый, бѣлый жилетъ: не бѣда, если его и увидятъ». Маіоръ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ со слугами. Стоило ему только мигнуть Іосифу и тотъ, при каждой переменѣ вина, непременно наполнялъ ему стаканъ его любимымъ бургундскимъ, которое сверкало въ дорогомъ хрустальномъ графинѣ.

Наконецъ и маіоръ пересталъ пить, заинтересованный оборотомъ, какой принялъ разговоръ. Эрихъ случайно упомянулъ о Женевской конвенціи для оказанія помощи раненымъ. То былъ весьма любопытный предметъ для патера, доктора и воина, и за столомъ поднялся громкій и оживленный говоръ.

Маіоръ, возвысивъ голосъ, заявилъ, что люди, которые не хотятъ, чтобы ихъ вслухъ называли, были первоначальными основателями этого учрежденія, равно какъ и многихъ другихъ, имѣющихъ въ виду благотворительную цѣль. Докторъ, непривычнымъ для него шопотомъ, замѣтилъ Эриху, что маіоръ все, что дѣлается на свѣтѣ хорошаго, неизмѣнно приписываетъ масонамъ, и потому, если Эрихъ желаетъ остаться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, долженъ всегда съ уваженіемъ отзываться объ ихъ братствѣ.

Все общество внимательно слушало Эриха, пока онъ говорилъ о томъ, какъ люди настоящаго вѣка вправѣ гордиться тѣмъ, что имѣютъ такіа прекрасныя благотворительныя учрежденія.

Христіанство, поселивъ въ мірѣ стремленіе къ самопожертвованію, на первомъ планѣ котораго стоитъ уходъ за больными, приобрѣло характеръ величія и чистоты, незнакомый предыдущимъ вѣкамъ и поколѣніямъ.

Патеръ одобрительно кивнулъ головой, а Роландъ былъ счастливъ тѣмъ, что слова Эриха произвели на всѣхъ пріятное впечатлѣніе.

Общество встало изъ-за стола въ прекрасномъ расположеніи духа. Патеръ тихо помолился; маіоръ крѣпко пожалъ Эриху руку.

— Смотрите-ка, нѣсколько дерзко замѣтилъ докторъ, волосы маіора стали еще бѣлѣе.

Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно казалось. Лицо маіора, разгоряченнаго виномъ и разговоромъ, сильно раскраснѣлось, и бѣлизна волосъ вслѣдствіе этого особенно рѣзко выдавалась.

— Волосы у маіора стали еще бѣлѣе! повторило все общество, и смущенная улыбка, игравшая на губахъ маіора, разразилась добродушнѣйшимъ смѣхомъ.

ГЛАВА III.

МІРЪ СНАРУЖИ.

Вскорѣ послѣ обѣда, доктору доложили, что его ожидаются многіе больные, которые, зная о его обыкновеніи по воскресеньямъ обѣдать на виллѣ, приходили къ нему за помощью и совѣтомъ. Живо попросивъ у Зонненкампа сигару, онъ повелительнымъ, не допускающимъ отказа, тономъ сказалъ Эриху, чтобы тотъ за нимъ слѣдовалъ.

Дорогой докторъ протянулъ Эриху руку и дружески сказалъ:

— Я ученикъ вашего дѣда и въ университетѣ былъ знакомъ съ вашимъ отцомъ.

— Мнѣ очень пріятно это знать, но почему вы до сихъ поръ объ этомъ ни слова не сказали?

Докторъ съ минуту на него пристально посмотрѣлъ, затѣмъ, положивъ ему на плечи руки и качая головой, сказалъ задумчивымъ тономъ:

— Я въ васъ ошибся. Я думалъ, что народа идеалистовъ вымерла; вы ученый, но не мудрецъ. Любезный капитанъ - докторъ, зачѣмъ имъ знать, въ какихъ я съ вами отношеніяхъ? Итакъ, вы намѣрены остаться жить у господина Зонненкампа?

— Почему бы и нѣтъ?

— Этотъ человекъ не умѣетъ плакать, а вы....

— А я?

— У васъ слѣзный мѣшечекъ наполняется при каждомъ движеніи души, говорите ли вы о своемъ отцѣ или объ уходѣ за больными.... У васъ необыкновенная склонность къ ипохондріи.

Эрихъ былъ изумленъ; обращеніе доктора казалось ему страннымъ, но прежде, чѣмъ онъ собрался ему отвѣчать, тотъ закричалъ крестьянамъ, ожидавшимъ его у входа въ домъ кастеляна:

— Иду, иду къ вамъ!... А вы, прибавилъ онъ, обращаясь къ Эриху, подождите меня здѣсь, — я скоро вернусь.

И онъ приблизился къ больнымъ, которые всѣ снимали шляпы и картузы. Онъ съ каждымъ поговорилъ, кому далъ словесныя наставленія, а кому, вырывая листки изъ памятной книжки, прописалъ рецепты на спинѣ широкоплечаго парня.

Эрихъ издали смотрѣлъ на эту сцену. Онъ самъ сознавалъ въ себѣ недостатокъ житейской мудрости, но это не мѣшало ему быть счастливымъ мыслью, что заслуги дѣда и отца доставили ему еще одного друга. Точно его всюду сопровождало наслѣдство дружбы и благодарности, оставленное ему дорогими умершими. Съ новымъ чувствомъ взглянулъ онъ на домъ богатаго помѣщика и подумалъ: «нѣтъ, я не бѣденъ!»

Докторъ вернулся и весело сказалъ:

— Ну, теперь я свободенъ. Графъ Клодвигъ мнѣ о васъ говорилъ, но я нахожу, что онъ невѣрно васъ изображаетъ. Старая пѣсня! Всякій, смотря на міръ съ своей точки зрѣнія, видитъ въ немъ только собственное отраженіе. Я, между прочимъ, хотѣлъ сказать тебѣ.... ахъ, извините, сказать вамъ, что все расположеніе, какое вы теперь встрѣчаете въ людяхъ, есть только воздаяніе вамъ за все добро, сдѣланное вашимъ дѣдомъ и отцомъ. Дайте-ка мнѣ еще разъ на васъ хорошенько посмотреть. Я васъ много лѣтъ тому назадъ видѣлъ съ принцемъ.

Онъ отступилъ шага на два и продолжалъ:

— Вы происходите отъ двухъ здоровыхъ корней. Отецъ — потомокъ гугенотовъ.... мать истая германка, бѣлокурая и утонченная.... правильное смѣшеніе національностей. Пойдемте сюда, въ бесѣдку. Позвольте вы мнѣ подвергнуть васъ вратвой діагностикѣ?

Эрихъ улыбнулся. Способъ, какимъ докторъ изучалъ и опредѣлялъ его свойства, былъ въ высшей степени оригиналенъ и невольно привлекалъ къ нему молодого человѣка.

Докторъ о вѣтку дерева стряхнулъ съ сигары пепель и спросилъ:

— Можете ли вы находиться въ ежедневныхъ сношеніяхъ

съ человѣкомъ, котораго вы не любите, или, по крайней мѣрѣ, не уважаете?

— Я до сихъ поръ еще этого не испыталъ, но думаю, что едва ли могъ бы. Такія столкновенія непремѣнно должны имѣть дурное вліяніе на душу.

— Я ожидалъ подобнаго отвѣта. Что до меня касается, то я придерживаюсь мнѣнія Лессинга: «Лучше жить съ дурными людьми, чѣмъ совсѣмъ безъ людей». Могу я продолжать вопросы?

И не дожидаясь отвѣта, онъ еще спросилъ:

— Не приходилось ли вамъ уже испытывать на себѣ неблагодарность?

— Мнѣ кажется, я еще ничего не сдѣлалъ, что заслуживало бы благодарности. Къ тому же едва ли рѣшенъ вопросъ, имѣемъ ли мы право требовать благодарности, такъ какъ все, что мы дѣлаемъ хорошаго другимъ, служить также и къ нашему удовлетворенію.

— Хорошо, хорошо.... я это знаю. Теперь далѣе. Вѣрите ли вы во зло, и если вѣрите, то давно ли?

— Если вы подъ зломъ разумѣете сознательное стремленіе вредить ближнимъ, то я не вѣрю въ него. Я убѣжденъ, что всякое злое дѣло есть явленіе неестественное; на него человѣкъ какъ бы уполномочивается чувствомъ самосохраненія и совершаетъ его всегда подъ вліяніемъ страсти. Да и самая вѣра во зло, можетъ быть, есть не что иное, какъ особый видъ страсти.

Докторъ быстро закивалъ головой и сказалъ:

— Ну, еще одинъ вопросъ. Обидчивы вы? Легко оскорбляетесь?

— Ваше дружеское испытаніе, которому вы подвергаете меня, можетъ служить доказательствомъ противнаго.

Докторъ бросилъ до половины выкуренную сигару и сказалъ:

— Извините, я ошибся: у меня есть для васъ еще одинъ вопросъ, но это уже дѣйствительно послѣдній. Удивляетъ ли васъ, когда вы подъ лоскомъ свѣтскаго образованія находите въ мужчинахъ и женщинахъ отъявленныхъ дуръ и глупцовъ? Думаете ли вы, что эти люди только глупцы и больше ничего, или предполагаете, что въ основаніи ихъ поступковъ и образа мыслей кроется причина дѣйствій другихъ людей?

Вопреки дружескому тону доктора, терпѣніе Эриха истощилось. Онъ не безъ досады замѣтилъ, что уже много странныхъ экзаменовъ выдержалъ въ этомъ домѣ, но настоящій превосходить своею оригинальностью всѣ предыдущіе.

— Послѣ вамъ, можетъ быть, многое разъяснится, сказалъ

докторъ и тайкомъ пожалъ Эриху руку; къ нимъ на встрѣчу шла фрейленъ Пэрини, и онъ къ ней присоединился.

Все общество снова встрѣтилось у фонтановъ, немного поболтало и разошлось. Патеръ и маіоръ пригласили Эриха ихъ навѣщать. Доктору предстояло еще ѣхать на практику, и онъ спросилъ у Зонненкампа, можетъ ли взять съ собой Роланда и Эриха. Зонненкампа, казалось, непріятно поразило это сближеніе именъ Роланда и Эриха, однако онъ отвѣчалъ утвердительно. Эрихъ сѣлъ съ докторомъ въ коляску, а Роландъ помѣстился на козлахъ близъ кучера, который уступилъ ему возжи.

День былъ необыкновенно хорошъ. Въ воздухѣ, пропитанномъ благоуханіемъ цвѣтовъ, вѣяла прохлада, гудѣли колокола и звучали пѣсни жаворонковъ.

Они вѣхали въ деревню, расположенную довольно далеко отъ рѣки. Изъ одного сада, гдѣ цвѣла сирень, неслись къ нимъ на встрѣчу звуки пѣсни, которую, казалось, пѣли четыре голоса; подъ липами, за оградой мальчишки занимались гимнастическими упражненіями.

— О наша чудная Германія! воскликнулъ Эрихъ, не будучи въ состояніи сдержать своего восторга. Вотъ она жизнь, наша германская жизнь! Освѣжая душу звуками пѣсенъ, укрѣпляя тѣло движеніемъ на открытомъ воздухѣ, народъ пріобрѣтаетъ силу и красоту физическую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бодрость духа, которая заставляегь его стремиться къ честн и свободѣ! Все прекрасное свойственно намъ не менѣе, чѣмъ народамъ классической древности.

Докторъ положилъ къ Эриху на колѣни руку и попросилъ его, въ случаѣ, если онъ здѣсь останется, предоставить ему, доктору, удовольствіе поближе познакомить его съ прирейнской жизнью, въ которой онъ, быть можетъ, найдетъ много и печальныхъ сторонъ.

— И если вамъ удастся.... продолжалъ докторъ, я думаю, вы одинъ въ состояніи это сдѣлать, если-жъ нѣтъ, то намъ уже прійдется отложить всякое попеченіе.... Повторяю: если вамъ удастся дать этому мальчику счастье, научивъ его наслаждаться не только тѣмъ, что у него есть, но и тѣмъ, чего онъ лишень, то-есть жизнью общественной и народной, то вы совершите дѣло достойное васъ, и надъ когорымъ стоило потрудиться. Главное, вы должны на это время мужественно отказаться отъ всѣхъ вашихъ личныхъ желаній, — тогда только на васъ и на ваше дѣло снизойдетъ благословеніе неба. Изреченіе: «Заботьтесь только о томъ, чтобъ обрѣсти царствіе Божіе», я понимаю такъ, что человѣку слѣдуетъ искать въ жизни единственно истины и любви, — все остальное

прійдетъ само собой.... Роландъ,—внезапно перебилъ себя докторъ — остановись тутъ!

Докторъ вышелъ и направился къ маленькому, но очень опрятному домику. Эрихъ и Роландъ приблизились къ мѣсту, гдѣ происходили гимнастическія игры. Сначала на нихъ смотрѣли робко и съ недовѣріемъ, но когда Эрихъ, сбросивъ пальто, показалъ одному мальчику, какъ слѣдуетъ дѣлать упражненіе, съ которымъ тотъ не могъ справиться, всѣ снова ободрились и повеселѣли. Роландъ тоже захотѣлъ попробовать свою ловкость, но она оказалась не велика. Тогда Эрихъ обѣщался съ нимъ дома позаняться гимнастикой, но пожалѣлъ только, что тамъ у Роланда не будетъ товарищей, которые возбуждали бы его соревнованіе.

Между тѣмъ явился посланный отъ доктора и попросилъ Эриха и Роланда пожаловать назадъ въ экипажу. Въ ту самую минуту, какъ докторъ выходилъ изъ домика, передъ которымъ они остановились, съ церковной башни ударили въ колоколь. Всѣ бывшіе тутъ сняли шляпы, не исключая и доктора, который сказалъ:

— Сію минуту на глазахъ моихъ скончался семидесятидвухлѣтній старикъ. Вчера, уже чувствуя приближеніе смерти, онъ утѣшался воспоминаніемъ одного добраго дѣла. Въ голодный 1817 годъ, старикъ, тогда юноша, путешествовалъ въ качествѣ бочарнаго подмастерья по Люнебургскимъ лѣсамъ. Въ то время не было правильныхъ дорогъ, и онъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы на удачу, набрелъ на бѣдную хижину, въ которой нашелъ дѣтей, плакавшихъ отъ голода. У бочарнаго подмастерья былъ въ свинцовой банкѣ копченый угорь и краюха хлѣба. Онъ и то и другое отдалъ дѣтямъ, которые не помнили себя отъ радости. Такъ вотъ вчера старикъ и говорилъ мнѣ: «Я до сихъ поръ не могу забыть того, какъ мнѣ удалось накормить голодныхъ дѣтей, а тѣ въ свою очередь съ благодарностью вспоминаютъ о незнакомцѣ, избавившемъ ихъ отъ голодной смерти.» Отраднo видѣть, какимъ утѣшеніемъ служить для человѣка въ его предсмертныя минуты мысль, что онъ хоть разъ въ жизни совершилъ доброе дѣло. Старикъ много страдалъ, и смерть была для него настоящимъ избавленіемъ. Да, молодой мой другъ, таковъ свѣтъ: въ одно и тоже время молодость поетъ и веселится, а бѣдный, престарѣлый страдалецъ отживаетъ свой вѣкъ.... Однако, чтожь это я? внезапно спохватился докторъ: — Не затѣмъ я васъ взялъ съ собой, чтобъ наводить на васъ грусть. Роландъ, поѣзжай черезъ всю деревню къ послѣдному домику. Обратясь къ Эриху онъ прибавилъ:—Я хочу вамъ теперь доставить пріятное

впечатлѣніе. Мы ѣдемъ къ людямъ, правда, терпящимъ нужду, но бѣдность которыхъ не вызоветъ въ васъ никакихъ горькихъ ощущеній. Бѣдный виноградарь и его семеро дѣтей, изъ которыхъ четыре сына и три дочери, не смотря на всѣ свои лишения,—самые веселые люди въ мірѣ. Особенно замѣчательнъ своимъ веселымъ нравомъ старикъ отецъ. Его настоящее имя Труба, но всѣ обыкновенно зовутъ его Семиствольной трубой или для краткости просто Семиствольникомъ, отъ того, что у всѣхъ семерыхъ его дѣтей отличные голоса, и онъ превосходно ихъ учитъ пѣть.

Экипажъ остановился у назначеннаго домика; дочери сидѣли на порогѣ при входѣ; сыновья были въ деревнѣ, гдѣ упражнялись съ другими молодыми людьми въ гимнастикѣ. Семиствольникъ немедленно за ними послалъ и, на вопросъ доктора, какъ онъ поживаетъ, отвѣчалъ:

— Ахъ, господинъ докторъ, все также. У моего младшаго сына по прежнему лучший голосъ во всемъ окологдѣ. Затѣмъ, обратясь къ Роланду, онъ продолжалъ: — Да, молодой баринъ, мои дѣти тоже богаты; каждый и каждая изъ нихъ получаютъ отъ меня въ приданое по сотнѣ и даже по двѣ пѣсенъ. Если они съ этимъ не счумѣютъ прожить свой вѣкъ, такъ они ни на что не годны.

Между тѣмъ пришли сыновья и началось пѣніе. Докторъ и Роландъ были въ восторгѣ, а Эрихъ, быстро схвативъ мелодію пѣсни, присоединился къ поющимъ. Старикъ одобрительно кивнулъ ему головой и, по окончаніи, сказалъ:

— Вотъ какъ, баринъ, и вы тоже умѣете пѣть!

Докторъ всегда возилъ съ собой въ экипажѣ погребецъ. Онъ велѣлъ его принести, и тогда всеобщему веселью не было границъ. Семиствольникъ объявилъ, преимущественно Роланду, что самый счастливый человекъ въ мірѣ тотъ, кто пользуется хорошимъ здоровьемъ и умѣетъ пѣть.

Докторъ между тѣмъ распростился и уѣхалъ. Когда настали сумерки, Эрихъ съ Роландомъ тоже оставили домикъ и, въ сопровожденіи двухъ старшихъ сыновей Семиствольника, направились въ рѣкѣ, гдѣ отцѣпили лодку и поплыли къ виллѣ.

Рѣка въ этотъ вечеръ была необыкновенно тиха и прозрачна; вечерняя заря бросала на нее пурпуровый отгѣнокъ. Эрихъ сидѣлъ молча; на его долю выпала одна изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда человекъ, ни о чемъ не думая, безотчетно наслаждается всѣмъ его окружающимъ. Роландъ и сыновья Семиствольника мѣрно ударяли веслами по водѣ, а потомъ совсѣмъ перестали грести, и лодка медленно и неслышно скользила по глад-

вой поверхности рѣки. Когда они причалили къ виллѣ, на небѣ уже загорались звѣзды.

ГЛАВА IV.

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ СЛОВО О БОГАТОМЪ ЮНОШѢ.

На слѣдующее утро пришелъ архитекторъ и отправился съ Роландомъ къ развалинамъ крѣпости, гдѣ мальчикъ подь его руководствомъ снималъ планы.

Зонненгампъ напомнилъ Эриху о его обѣщаніи навѣстить патера, и лишь только фрейленъ Пэрини вернулась отъ обѣдни, молодой человекъ съ своей стороны вышелъ изъ дому.

Жилище патера находилось въ совершенномъ затишьѣ, и еслибъ не рѣзкій звонъ колокольчика у дверей и не громкій лай двухъ бѣлыхъ павоковъ, можно было бы подумать, что здѣсь, посреди этой опрятной и уютной обстановки, никогда не раздается ни малѣйшаго шороха. Собаки вскорѣ успокоились, на лѣстницѣ показалась ключница и попросила Эриха войти. Его, повидимому, ожидали.

На верху Эрихъ нашелъ патера въ его буквально залитой солнцемъ комнатѣ, которая отличалась чрезвычайно простымъ убранствомъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и держалъ въ лѣвой рукѣ книгу, тогда какъ правая покоилась на глобусѣ, стоявшемъ передъ нимъ на низенькой подставкѣ.

— Вы застаете меня странствующимъ по свѣту, — сказалъ патерь, ласково привѣтствуя Эриха, и пригласилъ его сѣсть на диванъ, надъ которымъ висѣла плохая раскрашенная литографія съ изображеніемъ св. Варооломея. Въ этой комнатѣ царствовали невозмутимыя миръ и тишина; все въ ней говорило о скромныхъ вкусахъ хозяина, который, повидимому, ничего не желалъ, какъ проводить дни въ размысленіи и серьезныхъ занятіяхъ. Двѣ канарейки, каждая въ отдѣльной клеткѣ, нѣсколько оживляли комнату и, какъ шавки внизу встрѣтили гостя лаемъ, такъ онѣ здѣсь привѣтствовали его звонкимъ пѣніемъ. Патерь на нихъ махнулъ, онѣ мгновенно замолкли и только съ любопытствомъ поглядывали на Эриха.

Хозяинъ сказалъ, что онъ слѣдилъ на глобусѣ странствіе одного миссіонера, и при этомъ повернулъ глобусъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, не другъ миссіонерства? — спросилъ онъ.

— Я смотрю на него, — отвѣчалъ Эрихъ: — какъ на пер-

вую ступень въ цивилизаціи народовъ. Миссіонеры, распростра- няя всюду письменный языкъ посредствомъ священныхъ книгъ, которыя пользуются такимъ почетомъ въ мірѣ, совершаютъ вели- кое дѣло. Они этимъ самымъ до нѣкоторой степени содѣйствуютъ переходу каждаго національнаго языка отъ его неорганическаго состоянія въ органическому.

Патеръ отодвинулъ лежавшую передъ нимъ раскрытую книгу и скрестилъ руки на груди. Съ особеннаго рода покрови- тельственнымъ видомъ, который совершенно естественно происте- каль изъ его положенія, какъ лица духовнаго, онъ сказалъ Эриху, что слышалъ о немъ много хорошаго. Съ своей же сто- роны, онъ не можетъ отказать въ уваженіи человѣку, который по убѣжденію измѣняетъ весь ходъ своей жизни. Конечно, это бываетъ часто слѣдствіемъ легкомыслія и неустойчивости въ ха- рактерѣ, которая не допускаетъ находить удовлетворенія ни въ какомъ родѣ дѣятельности, но тамъ, гдѣ этого нѣтъ, можно безо- шибочно предполагать въ такомъ человѣкѣ большой запасъ ис- кренности и правдивости.

Эрихъ поблагодарилъ и прибавилъ, что не во внѣшнихъ пре- имуществaxъ того или другого званія заключается его достоин- ство, а въ тѣхъ чисто человѣческихъ сторонахъ, которыя не- премѣнно лежатъ въ основѣ каждаго званія.

— Весьма справедливо, — отвѣчалъ патеръ, дѣлая движеніе рукой, какъ бы онъ собирался благословлять: но въ моихъ глазахъ духовное званіе выше всѣхъ. Оно не представляетъ ни- какихъ выгодъ, не обѣщаетъ ни наградъ, ни славы, но покоится единственно на началахъ, которыя вы, не знаю почему, назвали общечеловѣческими, но которыя гораздо справедливѣе слѣдуетъ называть божественными.

Эрихомъ внезапно овладѣло чувство непривычнаго смиренія, которое удержало его возражать патеру. Слова послѣдняго дышали неподдѣльной кротостью. Въ комнатѣ опять водворилась тишина; ни малѣйшій звукъ не долеталъ въ нее извнѣ.

Изъ окна растиался видъ на паркъ и на виллу и далѣе на противоположный берегъ рѣки. Замѣтя, что Эрихъ любовался прелестнымъ ландшафтомъ, патеръ сказалъ:

— Да, господинъ Зонненкампъ устроилъ все это для себя, но красота его жилища служить и для нашего удовольствія. Признаюсь, я не люблю выходить изъ дому, когда того не тре- буютъ мои обязанности.

— И вамъ не скучно въ этомъ сельскомъ уединеніи?

— О нѣтъ! Я живу въ Богѣ и въ самомъ себѣ. Я здѣсь

имѣю все то, что имѣлъ бы и въ большомъ городѣ: прихожанъ, церковь и домъ; остальное для меня не существуетъ.

Изъ глубины души Эриха поднялось воспоминаніе о его ранней молодости, и онъ разсказалъ патеру, какъ посреди веселой жизни гарнизона, его не рѣдко посѣщало желаніе вступить въ духовное званіе. Но, не чувствуя въ себѣ вѣры въ божественное откровеніе, онъ не рѣшался посвятить себя церкви.

— И вы совершенно правы. Вѣры никто не можетъ самъ себѣ дать, но смиреніе всякій можетъ и долженъ въ себѣ выработать, а съ нимъ вмѣстѣ нисходитъ на человѣка и благодать вѣры.

Патеръ произнесъ эти слова какъ математическую истину; Эрихъ почтительно возразилъ:

— Родной языкъ посредствомъ внѣшнихъ звуковъ вводитъ человѣка въ извѣстный кругъ мыслей и ощущеній. Нельзя ли сказать, что и у души есть тоже своего рода языкъ, и что онъ, даже и безъ внѣшнихъ звуковъ образуетъ въ немъ религиозное настроеніе и привычку, которыхъ никто не долженъ оспаривать и которыя, если искренни, не могутъ быть уничтожены, такъ какъ въ ихъ основной причинѣ почва и корень составляютъ одно.

— Вы изучали мистиковъ? — спросилъ патеръ.

— Отчасти. Я только хотѣлъ изо всего этого вывести то заключеніе, что всѣ честные противники должны, по возможности, приходить къ соглашенію тамъ, гдѣ дѣло идетъ о неприкосновенномъ и недоказанномъ.

Опять настало молчаніе. Эрихъ и патеръ оба, каждый по своему, стремились къ истинѣ и искренно желали ей служить.

— Вы въ возрастѣ, такъ началъ патеръ, когда молодые люди обыкновенно помышляютъ о женитьбѣ. Согласно съ нравами нынѣшняго вѣка они стараются взять за себя дѣвушку съ деньгами... съ большими деньгами... съ очень большими деньгами. У васъ такой честный, открытый взглядъ, что я, если бы и умѣлъ, не сталъ бы хитрить съ вами. Я прямо поставлю вопросъ: правда ли, что вы сватаетесь за фрейленъ Зонненкампъ?

— Я? — въ изумленіи воскликнулъ Эрихъ: — Я!

— Да, вы.

— Благодарю васъ, — сказалъ Эрихъ, когда прошла первая минута удивленія: — благодарю васъ за вашъ прямой вопросъ. Вамъ извѣстно, что я не принадлежу къ вашей церкви...

— А фрейленъ Зонненкампъ принадлежитъ, и было бы трудно...

— Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать, — перебилъ его Эрихъ: — странно, право, черезъ сколько испытаній мнѣ привелось здѣсь пройти. Меня по очереди допрашивали гордый наѣздникъ,

знатный баринъ, воинъ, докторъ, а теперь хотять еще пропустить сквозь духовное рѣшето.

— Я васъ не понимаю.

— Пусть такъ, — продолжалъ Эрихъ: — я согласенъ исповѣдаться въ вашемъ кроткомъ, священномъ присутствіи, и объявляю, что если католичество предписываетъ вамъ безбрачіе, то я нахожу его равно необходимымъ для всякаго, кто хочетъ жить для идеи. Художникъ, ученый, священникъ не должны создавать семьи. Отрекаясь отъ семейныхъ радостей, они могутъ полнѣе отдаваться служенію мысли и тѣмъ самымъ удовлетворительнѣе выполнять свое назначеніе.

— *Divisus est! divisus est!* — сказалъ ему патеръ. — Св. апостолъ Павелъ говоритъ, что мысли женатаго не принадлежать уже одному Богу, но дѣлятся между нимъ и женой. Онѣ еще болѣе раздѣляются, когда судьба его дѣтей становится его собственной. У священника нѣтъ судьбы.

Улыбка мелькнула на лицѣ патера, когда онъ продолжалъ:

— Представьте себѣ, что я женатъ на сварливой женщинѣ... Конечно, бываютъ и кроткія, самоотверженныя женщины, но нельзя же отрицать, что существуютъ и злыя. Мнѣ, священнику, предстоитъ съ каеэды проповѣдывать о мирѣ, согласіи и любви, а не далѣе, какъ часъ тому назадъ, я самъ ссорился и бранился...

Вдругъ онъ приложилъ палецъ къ губамъ и остановился, замѣтивъ, что слишкѣмъ далеко ушелъ отъ цѣли. Фрейленъ Пэрини уже успѣла сообщить ему, что Эрихъ, до пріѣзда своего сюда, былъ въ монастырѣ. Съ удивленіемъ на него взглянувъ, патеръ спрашивалъ теперь самъ себя: случайно или умышленно далъ молодой человекъ такой неожиданный оборотъ ихъ разговору? Какъ бы то ни было, онъ все-таки не терялъ надежды, тѣмъ или другимъ способомъ, добиться отъ Эриха прямого отвѣта. Зорко наблюдая за нимъ, онъ, какъ бы невзначай, спросилъ, дѣйствительно ли Эрихъ сознаетъ въ себѣ достаточно силъ для того, чтобъ воспитать сообразно съ своими убѣжденіями юношу, подобнаго Роланду?

Эрихъ отвѣчалъ утвердительно, и патеръ еще спросилъ:

— Чтò вы намѣрены ему прежде всего внушить?

— Могу отвѣчать въ двухъ словахъ, я хотѣлъ бы развить въ Роландѣ, — сказалъ Эрихъ: — любовь къ міру и людямъ. Полюбивъ ихъ, онъ совершенно естественно захочетъ дѣлать имъ добро. Если же, напротивъ, я научу его презирать свѣтъ и мало цѣнить жизнь, то онъ, пожалуй, станетъ во зло употреблять дарованныя ему силы.

— Мнѣ очень жаль, — кратко замѣтилъ патеръ: — что

вы невѣрующій. Вы на пути ко спасенію, но добровольно съ него сворачиваете. Знаете ли вы, что такое богатство? Я вамъ скажу: богатство — это величайшее испытаніе нашего времени, одна изъ самыхъ необузданныхъ силъ природы, съ которой совладать можетъ одинъ всемогущій Господь. Оно превосходитъ всякую другую матеріальную силу. Животное ищетъ себѣ, и ищетъ только необходимаго; одинъ человѣкъ собираетъ то, чего ни самъ не можетъ сѣсть, ни дѣти его. Тотъ, кто такъ много получаетъ отъ жизни, неизбѣжно подвергается опасности свою душу. Я пробовалъ привести этого мальчика и всѣхъ его домашнихъ къ тому, чтобы они, по крайней мѣрѣ, разъ въ день, передъ каждымъ обѣдомъ, вспоминали, откуда имъ ниспосланы всѣ эти блага, которыми они такъ легкомысленно пользуются. Не думаете ли вы, что возможно въ богатыхъ людяхъ пробудить чувство нравственности иначе, какъ посредствомъ религіи? Молитва, произносимая передъ обѣдомъ, заставляетъ человѣка одумываться: она напоминаетъ ему, что есть кто-то, кого ему слѣдуетъ благодарить за все, чѣмъ онъ владѣетъ. Подобная мысль непремѣнно сбиваетъ съ него часть гордости и самодовольства, и, вмѣстѣ со смиреніемъ, возбуждаетъ въ немъ желаніе дѣлиться съ ближними. Только тамъ, гдѣ есть господень страхъ, — да, именно страхъ, — возможно и успокоительное сознаніе, что пользуешься его всемогущимъ покровительствомъ. На обѣденномъ столѣ этихъ богачей ежедневно красуется роскошный букетъ. За скудной трапезой бѣднѣйшихъ изъ деревенскихъ обывателей благоухаетъ гораздо болѣе роскошный букетъ изъ цвѣтовъ небесной благодати, нисходящей на нихъ вмѣстѣ со словами молитвы. Душа наполняется спокойствіемъ, и пища принимается тѣломъ съ болѣею пользою. Тамъ, на верхнемъ Рейнѣ, они говорятъ: «движимое имущество», движимость. И они правы: всѣ богатства нынѣшняго вѣка, не что иное, какъ движимыя имущества. Они переходятъ изъ рукъ въ руки и исчезаютъ. Вѣрьте мнѣ! — воскликнулъ патеръ и взялъ Эриха за руку: — вѣрьте мнѣ, главное зло нашего времени заключается въ государственныхъ бумагахъ.

— Въ государственныхъ бумагахъ? Какъ такъ? Я не понимаю!

— Да это и не легко понять. Кому можно отдавать въ займы милліоны? Одному государству. Безъ государственныхъ бумагъ не существовала бы и возможность занимать такія большія суммы. Въ прежнія времена не было богачей, подобныхъ нынѣшнимъ; людямъ не куда было помѣщать на проценты свои милліоны. Теперь же, благодаря государственнымъ бумагамъ,

весь міръ живетъ на проценты, хотя это и запрещаютъ каноническіе законы. Въ былое время, люди, видите ли, владѣли большими недвижимоствами, какъ-то: полями, лѣсами. Они, такимъ образомъ, зависѣли отъ божьяго солнышка. Если жатва ихъ созрѣвала въ-время и приносила обильные плоды, они, собирая ихъ въ глазахъ всѣхъ, жертвовали церкви десятую часть своего дохода. Теперь же богатства хранятся въ негораемыхъ, недоступныхъ для воровъ сундукахъ; ни солнце, ни вѣтеръ, ни дурная погода не имѣютъ на нихъ вліянія; они никому не видимы, и отъ доходовъ съ нихъ нигде не жертвуется десятая часть; развѣ только на долю банкира выпадаетъ небольшой лажъ. Жатва владѣтеля государственныхъ бумагъ заключается въ стрижекѣ купоновъ; изъ нихъ онъ вяжетъ свои снопы. Еслибъ Господь нашъ снова явился на землѣ, ему уже не пришлось бы болѣе выгонять изъ храма мѣняль и торговцевъ. Они выстроили теперь свои собственные храмы. Да, нынѣшній градъ Сіонъ, въ который стремятся всѣ богачи и короли нашего времени, подъ защиту котораго всѣ прибѣгаютъ, — это англійскій банкъ! Думали ли вы когда-нибудь о томъ, что станетъ съ человѣчествомъ, если государственные долги все будутъ расти и умножаться? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Весь міръ будетъ заложень и перезаложень, а кто станетъ его выкупать? Дающіе въ займы требуютъ наконецъ себѣ уплаты. Вспыхнетъ всеобщій пожаръ, передъ которымъ не устоятъ и негораемые сундуки; настанетъ потопъ, который уничтожитъ милліоны и милліоны государственныхъ бумагъ. Въ Америкѣ обыкновенно говорятъ, что тотъ или другой человѣкъ стодитъ столько-то долларовъ, — и только такимъ образомъ оцѣниваютъ людей. Я не радуюсь чужимъ бѣдамъ, но признаюсь вамъ, хотѣлъ бы дожить до банкротства англійскаго банка. Вообразите себѣ: ночью приходитъ извѣстіе, что все погубило! Тысячи мужчинъ и женщинъ, лишенные того, что придавало имъ блескъ, внезапно увидятъ себя на голой землѣ и узнаютъ все свое ничтожество.

Эрихъ улыбнулся. У него мелькнуло въ головѣ, что всякій человѣкъ, поставленный, какъ патеръ, въ одинокое положеніе и имѣющій мало или никакого общенія съ людьми, ему равными по уму и образованію, невольно долженъ впасть въ отвлеченности.

— Конечно, сказалъ Эрихъ, допустивъ возможность существованія покупщика для земли, увидишь, что она обременена долгами, превышающими ея стоимость. За то личное достояніе человѣка, въ свою очередь, далеко превосходитъ ея стоимость, такъ какъ оно, главнымъ образомъ, заключается въ его нравственномъ бытіи и въ рабочей силѣ. Имущество въ прежнія времена состояло все въ

глыбахъ земли; на долю нашего вѣка выпала задача возвысить цѣнность нравственнаго и движимаго имущества людей.

Онъ хотѣлъ еще прибавить, что у римлянъ, даже во времена республики, существовало такое же несоразмѣрное распределение богатствъ между отдѣльными личностями, но патерь былъ до такой степени занятъ собственными мыслями, что едва его слушалъ. Онъ всталъ, подошелъ къ шкапу съ книгами, взялъ большую библію, раскрылъ ее и, подавая Эриху, сказалъ:

— Возьмите прочтите: вотъ единственный способъ, каковымъ Роландъ можетъ быть воспитанъ. Читайте!

Эрихъ повиновался и прочелъ:

«Когда выходилъ Онъ въ путь, подбѣжалъ нѣкто, паль передъ нимъ на колѣни и спросилъ его: Учитель благій! что мнѣ дѣлать, чтобы наследовать жизнь вѣчную? Исусъ сказалъ ему: что ты называешь меня благимъ? Никто не благъ, какъ только одинъ Богъ. Знаешь заповѣди: не прелюбодѣйствуй, не убивай, не вкрадъ, не лжесвидѣтельствуй, не обижай, почитай отца своего и мать. Онъ же сказалъ ему въ отвѣтъ: Учитель! все это сохранилъ я отъ юности моей. Исусъ, взглянувъ на него, полюбилъ его и сказалъ ему: одного тебѣ не достаетъ; поиди, все, что имѣешь, продай и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, послѣдуй за мною, взявъ крестъ. Онъ же, смутившись отъ сего слова, отошелъ съ печалію; потому что у него было большое имѣніе. И посмотрѣвъ вокругъ, Исусъ говоритъ ученикамъ своимъ: какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе! Ученики ужаснулись отъ словъ его. Но Исусъ опять говоритъ имъ въ отвѣтъ: дѣти! какъ трудно надѣющимся на богатство войти въ царствіе Божіе! Удобнѣе верблюду пройти сѣвось игольныхъ ушъ, нежели богатому войти въ царствіе Божіе!»

— А теперь встаньте, сказалъ Эриху патерь, и скажите, — онъ говорилъ взволнованнымъ голосомъ: — скажите честно, развѣ это не единственный способъ?

— Говоря по чести: нѣтъ! Того, о комъ здѣсь идетъ рѣчь, я люблю и уважаю можетъ быть болѣе, нежели многіе вѣрующіе. Но самое ученіе возникло въ то время, когда всякое дѣйствительное могущество, государство, богатство, всѣ преходящія блага презирались и отвергались, какъ не имѣющія никакого значенія въ сравненіи съ чистой идеей. Такое ученіе должно было, во времена рабства и иноземнаго владычества, поддерживать въ добрѣ людей съ высокими понятіями о нравственности, и благотворно дѣйствовать на сердца, которыя, видя, какъ исчезаютъ сила и слава сего міра, искали въ новыхъ учрежденіяхъ торжества

чистой идеи. Но если всё, безъ исключенія, станутъ отрекаться отъ своихъ имуществъ, гдѣ же будутъ тѣ, въ чью пользу станутъ отрекаться? И почему слова, проповѣдующія отречение, не были возведены церковью въ законъ?

— Мнѣ нравится, отвѣчалъ патерь, что вы такъ прямо идете къ цѣли. Наша церковь имѣетъ, кромѣ общихъ законовъ, еще законы частные, которые она предлагаетъ желающимъ достигнуть совершенства. Таковы законы о цѣломудрїи и добровольной бѣдности: имъ подчиняются только тѣ, которые стремятся быть совершенными.

— Я спрашиваю себя, снова началъ Эрихъ: ученіе объ отреченїи, которое разсматриваетъ всё явленія чисто нравственнаго свойства, распространяется ли оно также и на вопросы мірскіе? Человѣчество развивается, и съ теченіемъ времени не возникаютъ-ли въ мірѣ новыя общественныя условія, подобно тому, какъ въ природѣ выдвигаются новыя силы, въ родѣ пара или электричества?

— Человѣкъ, отвѣчалъ патерь: съ искони вѣковъ одинъ и тотъ же, измѣняется только гражданинъ. Я не требую... богатый юноша самъ отъ себя не требовалъ совершенства, и потому онъ не подходитъ подъ законъ о добровольной бѣдности. Я только хотѣлъ вамъ доказать, что вы никогда не будете въ состоянїи воспитать этого мальчика, если не внушите ему положительныхъ религіозныхъ вѣрованій. Животное смѣетъ все, что можетъ; у него не можетъ быть и рѣчи о воздержанїи. Иное дѣло человѣкъ: онъ не смѣетъ дѣлать всего, чтò въ его власти. Дѣлать только то, на чтò у насъ есть силы, или лучше сказать, къ чему мы имѣемъ склонность, и во всѣхъ поступкахъ руководствоваться единственно этой склонностью, не значить еще быть человѣкомъ. Человѣческое достоинство начинается тамъ, гдѣ эти склонности попираются ногами, и человѣкъ начинаетъ дѣлать то, чтò ему предписываетъ законъ божескій. Еслибъ всякій въ своихъ поступкахъ сообразовался только со своими склонностями, то за безопасность человѣчества нельзя бы было поручиться даже въ теченїи одного дня. Его цѣльность обезпечивается, и оно поддерживается въ добрѣ только закономъ Божиимъ, за чертой котораго начинается грѣхопаденіе, но съ этимъ не соглашаются господа естествоиспытатели. Побужденія у животныхъ очень сильны, но человѣкъ можетъ свои побужденія по произволу усиливать, возбуждать и разнообразить: гдѣ тутъ границы, если ихъ не воздвигнетъ законъ Божій? Но во всемъ этомъ я еще не касался вопроса о церкви. Сколько мнѣ извѣстно, вы особенно много занимались изученіемъ исторїи?

— Занимался, но не очень много.

— Во всякомъ случаѣ, вамъ извѣстно, что ни одинъ народъ, ни одно государство не могутъ достигнуть свободы, если во главѣ ихъ не стоитъ церковь, учрежденіе неизмѣнное и непоколебимое. Вы хотите, сколько мнѣ кажется, сдѣлать изъ этого мальчика человѣка свободнаго. Мы тоже любимъ людей свободныхъ, желаемъ ихъ побольше, но они не возможны безъ религіи, безъ строгаго повиновенія ея законамъ. Величайшій результатъ, какового можно достигнуть путемъ воспитанія, заключается въ томъ, чтобъ даровать человѣку душевное спокойствіе... понимаете-ли вы?... душевное спокойствіе. Въ состоянн-ли ваша свѣтская мудрость создать это спокойствіе, это всегда ровное настроеніе духа, эту готовность къ самопожертвованію?... вѣдь вся наша жизнь есть не что иное, какъ рядъ самопожертвованій! Если вы все это можете дать человѣку наравнѣ съ религіей, то права ваши одинаковы съ нашими. Но я сильно въ томъ сомнѣваюсь. Мое мнѣніе подтверждается опытами тысячелѣтій и фактами, ежедневно совершающимися на нашихъ глазахъ, а вамъ еще предстоитъ доказать противное.

— Для насъ, возразилъ Эрихъ, религія составляетъ не все воспитаніе, а только часть его, и этимъ мы отличаемся отъ духовенства. За тѣмъ уже не наша вина, если религія находится въ противорѣчнн съ наукой.

— Наука, сказалъ патерь, ничего не значить въ отношеніи къ вѣчности. Существуютъ или нѣтъ электрическіе телеграфы и швейныя машины, это не касается вѣчной жизни. Она дала намъ только одно откровеніе, содержаніе котораго останется неизмѣннымъ, сколько бы еще новыхъ изобрѣтеній ни сдѣлали люди въ теченіи своего земнаго существованія.

— А у церкви могутъ быть имущества? не безъ робости спросилъ Эрихъ.

— Церковь ничего не имѣетъ, она только всѣмъ управляетъ, рѣзко отвѣчалъ патерь.

— Мнѣ кажется, мы слишкомъ далеко зашли въ нашихъ разсужденіяхъ, поспѣшилъ связать Эрихъ, и прибавилъ:

— Нельзя ожидать, чтобъ господинъ Зонненкамъ и его сынъ отказались отъ своихъ богатствъ, и намъ остается только искать, какою за тѣмъ лучшей способъ вести Роланда къ добру?

— Совершенно справедливо! воскликнулъ патерь и, внезапно вставъ со своего мѣста, быстро зашагалъ по комнатѣ:— совершенно справедливо! Мы теперь опять на прямой дорогѣ. Выслушайте меня внимательно. Въ мірѣ, видите-ли, появилась новая сила, которая еще не успѣла приобрѣсти себѣ мѣста въ высшей

сферѣ нравственнаго порядка вещей. Это, такъ-называемая *haute finance*. Вы съ удивленіемъ на меня смотрите?

— Не съ удивленіемъ, а съ вопросомъ.

— Такъ. Эта *haute finance* колеблется между высшимъ и низшимъ слоемъ общества: я спрашиваю, въ которому изъ двухъ она применеть? Не долженъ-ли такой богатый, «мѣщанскій» юноша, какъ Роландъ, разъ очутившись въ водоворотѣ жизни, непременно пойти ко дну.

— Отчего же вы полагаете, спросилъ Эрихъ, что съ нимъ это можетъ случиться легче и скорѣе, чѣмъ съ юношей благороднаго происхожденія, носящаго военный или гражданскій мундиръ? Или вы думаете, что послѣдняго спасеть религія?

— Нѣтъ, не религія, а другое столь же положительное учрежденіе, а именно дворянство, на долю котораго выпало то преимущество, что для него годы шаловливой юности проходятъ съ наименьшимъ вредомъ для будущаго. Дворянинъ въ зрѣломъ возрастѣ возвращается въ свое помѣстье, дѣлается добрымъ семьяниномъ и съ достоинствомъ поддерживаетъ свое положеніе въ свѣтѣ. Но даже и въ большомъ городѣ, посреди всякаго рода сумасбродствъ, его удерживаетъ въ извѣстныхъ границахъ сознаніе, что онъ членъ высшаго общества и двора. Но что подобнаго имѣетъ богатый юноша изъ мѣщанъ? У него нѣтъ ни словной чести, ни общественныхъ обязанностей, по крайней мѣрѣ въ строгомъ смыслѣ этого слова.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Эрихъ, для Роланда, быть можетъ, было бы величайшимъ счастьемъ, еслибъ его отцу удалось получить дворянство?

— Не знаю, отвѣчалъ патеръ, недовольный тѣмъ, что запларѣчь о предметѣ, о которомъ онъ недавно имѣлъ интимный разговоръ съ самимъ Зонненкампомъ.

— Не знаю, повторилъ онъ и продолжалъ:—Еслибъ вмѣстѣ съ дворянскимъ дипломомъ можно было получить и семнадцать поколѣній предковъ, это, пожалуй, было бы хорошо, но новое дворянство.... Мы лучше оставимъ это. Я хочу сказать, что у дворянства есть честь, историческія, наслѣдственныя обязанности; оно создало себѣ законы, которые стремится оправдывать на дѣлѣ: *noblesse oblige*, дворянство обязываетъ, говоритъ оно. А богатство, какими законами руководствуется? Самыми грубыми, чисто животными. Знаете-ли вы, что гласить главный изъ нихъ?

— Я не вижу, куда вы мѣтите.

— Законъ, ставящій приобрѣтеніе выше всего въ мірѣ, говоритъ: «самъ себѣ помогай». Но это дѣлаетъ и животное: оно также само себѣ помогаетъ. Итакъ, богатство стоитъ между

дворянствомъ и народомъ, и не имѣть ни нравственныхъ началъ, ни обязанностей. Подъ словомъ народъ, я здѣсь разумю не одно только сословіе, работающее руками, но и всѣхъ людей науки, искусства и даже церкви. У народа есть трудъ; — *haute finance* не имѣть чести, а о трудѣ знаетъ не болѣе, какъ сколько нужно для того, чтобъ заставлять трудиться другихъ и извлекать себѣ изъ ихъ труда пользу. Что же у нея есть? Деньги... Чего она отъ нихъ требуетъ? Наслаженія!... Кто доставляетъ ей на это обезпеченіе? Государство!... А что она дѣлаетъ для государства? Вотъ вопросъ! Знаете-ли вы на него отвѣтъ?

Эрихъ, слегка дрожащимъ голосомъ, сказалъ:

— Если дворянство чувствуетъ за собой право и обязанность... ну, скажемъ хоть для того, чтобы предводительствовать войсками на войнѣ, то пусть богатые юноши возьмутъ на себя обязанность безвозмездно служить въ рядахъ войска мира. Пусть они поставятъ себѣ въ законъ дѣятельность, направленную къ улучшенію общественнаго быта вообще и дойдутъ до полного самоотверженія въ дѣлахъ благотворительности.

— Послѣднее принадлежитъ однимъ намъ, перебилъ его пaterъ: вы же никогда этого не достигнете безъ религіи. Вы никогда не дойдете до того, чтобъ люди, движимые только состраданіемъ, да своимъ, какъ вы его называете, чисто-человѣческимъ чувствомъ, согласились выходить изъ роскоши и, подобно намъ, посѣщать хижины бѣдныхъ, беззащитныхъ, больныхъ и умирающихъ.

Между тѣмъ, какъ пaterъ произносилъ эти слова, явился кистеръ съ извѣстіемъ, что одинъ старый умирающій виноградарь проситъ совершить надъ нимъ таинство соборованія. Пaterъ въ ту же минуту былъ готовъ за нимъ слѣдовать. Эрихъ удался.

Когда онъ очутился на улицѣ и вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ, ему на мгновеніе показалось, будто онъ вышелъ изъ атмосферы, пропитанной запахомъ ладана. Но нѣтъ, подумалъ онъ вслѣдъ за тѣмъ: это нѣчто иное, тутъ чувствуется сила, которая лицомъ къ лицу становится съ великой загадкой человѣческаго существованія. Эрихъ шелъ въ глубокомъ раздумьи. У него опять промелькнуло въ умѣ, насколько болѣе его могутъ давать другимъ тѣ, которые имѣютъ твердыя, догматическія правила, не выработанныя ими самими въ себѣ, а скорѣе ими только прочувствованныя. Что же до него касается, то онъ все долженъ почерпать въ самомъ себѣ, въ собственномъ разумѣ.

— Но можетъ-ли то, что выходитъ изъ моего разума, годиться для разума другого человѣка? внезапно задалъ онъ себѣ вопросъ.

Эрихъ остановился. Краска бросилась ему въ лице при мысли, что, воспитывая другого, онъ въ тоже время воспитываетъ и, самого себя. Пусть же, думалъ онъ, мальчикъ тоже самъ изъ себя почерпаетъ свое знаніе и пониманіе вещей. Чтò за воспитаніе, которое предлагаетъ одно готовое? Оно не должно ограничиваться тѣмъ, чтобы постоянно протягивать юношѣ руку и водить его, предоставляя ему самому только передвигаться съ мѣста на мѣсто.

Эрихъ стоялъ на половинѣ горы, на дорогѣ, которая вела къ маіору. Онъ взглянулъ внизъ на виллу, носившую гордое названіе Эдема, и ему припомнилось библейское слово: въ саду Эдема стоятъ два дерева, дерево жизни и дерево познанія добра и зла; для того, кто вкусить плодовъ отъ дерева познанія, настаетъ конецъ блаженной жизни... Неужели это всегда такъ?

Вдругъ онъ точно прозрѣлъ; человѣку даны на землѣ три вещи: наслажденіе, отреченіе отъ земныхъ благъ и знаніе.

Тамъ, Зонненкампъ желаетъ для своего сына наслажденія. Весь міръ въ его глазахъ есть не что иное, какъ накрытый столъ; учиться надо настолько, чтобъ найти прямой путь къ наслажденію и настоящую его мѣру. Земля есть увеселительное мѣсто; она производитъ растенія для нашего удовольствія. У насъ въ жизни нѣтъ другого назначенія, какъ гулять, ѣсть, пить, спать и опять гулять.... и для этого должно свѣтить солнце?

Чего хочетъ патеръ? Отреченія отъ земныхъ благъ? На семь свѣтѣ нѣтъ ничего, достойнаго любви; его радости не болѣе какъ обманчивыя мечты, и потому лучше отъ нихъ отвернуться.

А чего хотимъ мы, и чего желаютъ тѣ, на которыхъ стремимся походить? Знанія. Жизнь не раздѣляется только на наслажденіе и на отреченіе: знаніе заключаетъ ихъ обоихъ въ себѣ; оно изъ нихъ двухъ дѣлаетъ одно. Наука, это мать долга и прекрасныхъ дѣлъ.

Въ древнія времена войны получали изъ рукъ боговъ щитъ, который ограждалъ ихъ отъ всякой опасности. Эрихъ ни отъ кого не получилъ щита, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя защищеннымъ и укрытымъ отъ всѣхъ бѣдъ. Онъ былъ такъ счастливъ самъ въ себѣ, что болѣе ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждался; знаніе давало ему все.

Онъ пошелъ далѣе и, успокоенный и довольный, вступилъ въ домъ маіора, жившаго въ ближайшей деревнѣ. Онъ зналъ, что здѣсь не ожидалъ его никакой экзаменъ.

ГЛАВА V.

ДОВРЫЙ ТОВАРИЩЪ.

Маіоръ жилъ на горѣ, посреди виноградниковъ, въ домикѣ богатаго винооторговца, который былъ членомъ одного съ нимъ братства. Масонство играло въ жизни маіора важную роль. Около него преимущественно вертѣлись всѣ его мысли; онъ относился къ нему, какъ къ святыни, и когда видѣлъ людей, недоумѣвающихъ передъ той или другой жизненной загадкой, на лицѣ его появлялось выраженіе, говорившее: «для меня не существуетъ тайнъ; мнѣ все ясно. Прійдите къ намъ, у насъ есть на все отвѣтъ.»

Одна сторона дома, во флигелѣ котораго жилъ маіоръ, выходила на большую дорогу, а другая смотрѣла окнами на рѣку съ горами на противоположномъ берегу. Маіоръ строго держался въ границахъ своего домика и маленькаго садика съ бесѣдкой, который былъ отведенъ исключительно для его употребленія. Главная часть зданія находилась подъ его надзоромъ, но онъ не жилъ въ ней, и втеченіи многихъ мѣсяцевъ, когда большой домъ и садъ оставались пустыми, онъ ни разу въ нихъ не заглядывалъ.

Эрихъ засталъ маіора въ его собственномъ садикѣ. Онъ читалъ газету и курилъ длинную трубку, а передъ нимъ стояла чашка холоднаго кофе. Противъ него сидѣла пожилая женщина, въ высшей степени опрятно одѣтая, съ большимъ бѣлымъ чепчикомъ на головѣ. Она штопала чулки, но съ приходомъ Эриха встала, собираясь уйдти. Маіоръ коснулся рукой своей военной фуражки и вынулъ изо рта длинную трубку.

— Фрейленъ Милькъ, сказалъ онъ: — это мой камрадъ, господинъ докторъ Дорнэ, капитанъ въ отставкѣ.

Фрейленъ Милькъ присѣла, взяла корзинку съ чулками и скрылась въ домикѣ.

— Она умна и добра, всегда всѣмъ довольна и весела. Вамъ надо съ ней поближе познакомиться, сказалъ ей вслѣдъ маіоръ. — А какой она знатокъ человѣческаго сердца! Во всемъ мірѣ не найдется другого ей подобнаго. Она видитъ людей насквозь.... Садитесь же, товарищъ, вы пришли въ мой самый лучший часъ. Вотъ видите: я такъ и живу.... Мнѣ, собственно говоря, нечего дѣлать, но я все-таки рано встаю.... это удлиняетъ жизнь.... къ тому же я этимъ способомъ ежедневно одерживаю побѣду надъ своей лѣнливой натурой. Я встаю, моюсь холодной

водой и иду гулять.... часто противъ воли, но иду, потому что долженъ. Возвратясь, я сажусь здѣсь.... передо мной столъ съ бѣлой скатертью, на немъ въ красивомъ приборѣ кофе, густыя сливки, булки.... масла я не употребляю. Я наливаю кофе, обмакиваю въ него булку.... она приятно хруститъ.... у меня зубы еще цѣлы, благодаря фрейленъ Мильеъ, которая содержитъ ихъ въ порядкѣ.... за второй чашкой я беру трубку, курю и думаю.... курю и знакоплюсь съ исторіей въ томъ видѣ, въ какомъ мнѣ ее ежедневно предлагаетъ газета.... Глаза у меня еще крѣпкіе, я читаю безъ очковъ, стрѣляя, попадаю въ цѣль, и слышу хорошо, и спина у меня здоровая.... держусь прямо, какъ рекрутъ.... Не правъ ли я, товарищъ, что со всѣмъ этимъ считаю себя богатѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ?... За обѣдомъ у меня бываетъ отличный супъ.... никто въ мірѣ не умѣетъ варить такого супа, какъ она.... кусокъ превосходнаго жаркаго, кружка вина, кофе.... она изъ четырехъ кофеинокъ сваритъ вамъ такого кофе, какого другая не сумѣетъ приготовить изъ цѣлаго фунта.... И что же, не смотря на все это, мнѣ не разъ приходилось читать наставленія вашему покорному слугѣ. Ты самый неблагодарный человѣкъ въ мірѣ, говорилъ я самъ себѣ, если можешь по временамъ бывать злымъ и желать того, чего не имѣешь. Смотри, какъ около тебя все мило: хорошій хлѣбъ, покойный стулъ, добрая трубка.... вокругъ миръ и тишина.... Развѣ ты не счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, оттого что всѣмъ этимъ владѣешь?... Да, добрый товарищъ! Вы.... вы чертовски учены.... извините.... я хочу сказать вы очень учены.... Я же, видите ли, ничего не знаю, ничему не учился.... Я былъ барабанщикомъ.... ужъ я вамъ это расскажу.... Да, товарищъ.... что я хотѣлъ сказать?... а, вспомнилъ! Вы знаете въ тысячу разъ больше моего, но, не смотря на это, все-таки можете кое-чему у меня научиться. Вамъ надо еще приноровиться къ жизни; *настоящее* должно составлять все; въ *настоящемъ* ищите наслажденія и будьте счастливы *настоящимъ*. Настоящій часъ, разъ что онъ пробилъ, уже болѣе не вернется. О завтрашнемъ днѣ никогда не слѣдуетъ думать!... Вздохните поглубже, товарищъ.... Что за чудный воздухъ! Есть ли гдѣ-нибудь другой, лучшій?... Къ тому же мы имѣемъ теплую, чистую одежду!... Ахъ! станемъ благодарить Творца вселенной!... Да, мой другъ, еслибъ мнѣ въ моей молодости кто-нибудь говорилъ все то, что я вамъ теперь говорю.... Однако, что это я?... Извините, я старый болтунъ.... Какъ мило съ вашей стороны прійдти навѣстить меня!... Ну, что ваши дѣла? Вы дѣйствительно намѣреваетесь воспитывать этого юношу? Мнѣ кажется, вы настоящій для того человѣкъ.... вы сформируете его.... Вамъ, то-

варищъ, конечно извѣстно, что такое значить сформировать чело-
вѣка?... Это можетъ сдѣлать только военный.... Одни военные
могутъ воспитывать людей.... строгая дисциплина необходима для
этого.... Но я вамъ за мальчика ручаюсь.... изъ него выйдетъ
хорошій чело-вѣкъ.... непременно выйдетъ.... фрейленъ Милькъ
говорить, что выйдетъ, если только онъ попадетъ въ хорошія
руки. Школьные учителя никуда не годятся. Учитель Кнопфъ
былъ отличный малый, добрый и дѣльный, но слишкомъ слабъ
и не умѣлъ натянуть поводья. Но, благодареніе Творцу вселенной,
теперь нашелся настоящій для него чело-вѣкъ.... Спасибо вамъ
за то, что ко мнѣ пришли. Если я могу вамъ быть чѣмъ-ни-
будь полезенъ, то не забывайте, что мы товарищи. Какое счастье,
что вы были военнымъ! Я всегда желалъ для него военного....
фрейленъ Милькъ въ томъ свидѣтельница.... я ей сотни разъ по-
вторялъ: только бы намъ добыть военного чело-вѣка!... Теперь
мы сдѣлаемъ изъ Роланда воина, настоящаго воина; у него
много мужества и недостаетъ только выправки.

— Я желалъ бы, началъ Эрихъ: — и если дѣйствительно
поступлю на это мѣсто....

— Какъ, если дѣйствительно поступлю? Въ этомъ нѣтъ ни
малѣйшаго сомнѣнія,—я вамъ это говорю.... А мы тоже что-ни-
будь да значимъ! Однако, извините, я больше ни слова не ска-
жу.... Итакъ, товарищъ, вы говорите....

— Я хочу сказать, что намъ не надо готовить Роланда
исключительно къ тому или другому званію. Пусть онъ прежде
всего будетъ образованнымъ, разсудительнымъ и добрымъ чело-
вѣкомъ, а если тогда явится призваніе....

— Совершенно справедливо... въ высшей степени умно ска-
зано... такъ... хорошо... Судьба этого мальчика меня сильно оза-
бочивала! Какъ глупы, однако, люди, желающіе себѣ милліоновъ!
Вѣдь больше желудка чело-вѣку нельзя съѣсть; больше восьми ча-
совъ никто не въ состояніи спать. Главное — торжественно
произнесъ маіоръ, понизивъ голосъ и поднявъ къ верху руку —
главное, онъ долженъ вернуться къ природѣ... въ этомъ все...
да, онъ долженъ вернуться къ природѣ!

Къ счастью, Эрихъ не полюбоствовалъ узнать, что под-
разумѣваетъ маіоръ подъ словами: «вернуться къ природѣ.» Ма-
іору не легко было бы ему это объяснить, такъ какъ онъ самъ
не зналъ, что хотѣлъ этимъ сказать. Тѣмъ не менѣе онъ очень
любилъ эту фразу, повторялъ ее при каждомъ удобномъ случаѣ,
а затѣмъ предоставлялъ всякому самому доискиваться до ея
смысла.

— Вернуться къ природѣ — этимъ все связано, повторилъ онъ минуту спустя и продолжалъ:

— Что я еще хотѣлъ у васъ спросить?... Да! Вѣдь вы не дворянскаго происхожденія, и вамъ, безъ сомнѣнія, тоже пришлось не мало вынести въ военной жизни?

Эрихъ отвѣчалъ отрицательно, и маіоръ нерѣшительно продолжалъ:

— Такъ... такъ... Вамъ, въ качествѣ образованнаго, ученаго человѣка, привелось меньше моего терпѣть... Я наконецъ принужденъ былъ подать въ отставку. Когда-нибудь ужъ я вамъ это расскажу.

Эрихъ сообщилъ, что онъ только-что былъ у патера, и маіоръ замѣтилъ:

— Онъ честный человѣкъ, но я не имѣю ничего общаго съ духовенствомъ. Вы знаете — я принадлежу къ обществу масоновъ.

Эрихъ кивнулъ головой, а маіоръ продолжалъ:

— Все, что есть во мнѣ хорошаго, все отъ масоновъ. Мы съ вами еще объ этомъ поговоримъ... я хочу быть вашимъ воспріемникомъ. Какъ радъ будетъ съ вами познакомиться Вейдеманъ!

Опять имя Вейдемана было произнесено тономъ, каимъ человѣкъ выражаетъ свой восторгъ, любуясь съ вершины горы прелестнымъ ландшафтомъ.

— Вы упомянули о духовенствѣ... снова началъ маіоръ: видите ли — и онъ придвинулъ свой стулъ поближе къ Эриху: видите ли вся сила барабана внутри... Я, видите ли, былъ барабанщикомъ... нѣтъ, вы не смѣйтесь.... всѣ говорятъ, что барабанъ производитъ только шумъ, а я вамъ скажу, что въ немъ заключается прекраснѣйшая музыка.... Я ни къ кому близко не подхожу.... видите ли, я вамъ скажу... будьте внимательны... Я съ вами не спорю, говорю я, что вы слышите одинъ шумъ, не спорьте же и вы, когда я утверждаю, что слышу тамъ нѣчто иное.... Я, видите ли, много размышлялъ: люди такъ умны, они на все выдумаютъ машины, но подать сигналъ барабаномъ или трубой не въ состояніи никакая машина: для этого необходимы человѣческія руки и человѣческій ротъ.... Я именно былъ барабанщикомъ.... ужъ я вамъ это расскажу.... Такъ, видите ли, когда забьютъ въ барабанъ, я по этому узнаю, какое у кого сердце. Тамъ, гдѣ ты, братецъ мой, слышишь одинъ бессмысленный шумъ, я различаю музыку, исполненную смысла и значенія. И потому, ради Бога, не станемъ спорить о религіи. Спо-

ры ни къ чему не ведутъ, они пустыя звуки; все дѣло въ томъ, какое сердце сидитъ у человѣка въ груди.

Оригинальное обращеніе и еще болѣе оригинальный разговоръ маіора, въ словахъ котораго, однако, звучала неподдѣльная искренность, и какая-то своеобразная смѣлость, сильно понравились Эриху.

Маіоръ поставилъ трубку около себя и спросилъ:

— Есть ли у васъ такой человѣкъ, котораго вы ненавидите всѣми силами вашей души, при видѣ котораго у васъ сердце поворачивается?

Эрихъ сказалъ, что нѣтъ, и при этомъ упомянулъ о томъ, какъ отецъ его часто говаривалъ ему, что ничто въ мірѣ не набрасываетъ на душу человѣка такую мрачную тѣнь, какъ скрываема въ немъ ненависть. Уже, ради самого себя, не слѣдуетъ давать воли такому вредному чувству.

— Вотъ человѣкъ, такъ человѣкъ! воскликнулъ маіоръ:— Теперь мы съ вами друзья! Кто имѣлъ такого отца, тотъ самъ долженъ быть хорошимъ человѣкомъ.

И онъ началъ рассказывать, что въ сосѣднемъ городѣ живетъ одинъ контролеръ сбора податей, котораго онъ, маіоръ, отъ всей души ненавидитъ. Человѣкъ этотъ постоянно носитъ медаль св. Елены, которою новый Наполеонъ награждалъ ветерановъ за геройство, съ какимъ они сражались въ рядахъ при-тѣснителей своего отечества.

— Представьте себѣ, продолжалъ маіоръ:— онъ велѣлъ сдѣлать свой портретъ съ этой медалью на груди и повѣсилъ его у себя въ парадной комнатѣ на той же самой стѣнкѣ, гдѣ у него уже красовался въ вычурной рамкѣ дипломъ, дарованный ему французскимъ министромъ на ношеніе медали. Я не кланяюсь этому человѣку, не отвѣчаю на его поклоны и никогда не сажусь съ нимъ за одинъ столъ; онъ исповѣдуетъ другую честь, чѣмъ я. Скажите, развѣ мы не вправѣ наказывать дурныхъ людей? А чѣмъ другимъ могу я его наказывать, какъ не выказывая ему мое презрѣніе?... Мнѣ это тяжело, но я себя считаю къ тому обязаннымъ.

Эрихъ возразилъ, что этотъ человѣкъ все же заслуживаетъ нѣкотораго снисхожденія. Съ тщеславіемъ трудно бороться, да и къ тому же многія правительства благопріятно смотрятъ на чиновниковъ, имѣющихъ медаль св. Елены. Контролеръ находится на государственной службѣ, и это самое можетъ его до нѣкоторой степени оправдывать.

— Что правда, то правда! воскликнулъ маіоръ и быстро закивалъ головой:— Да вы, какъ я вижу, воспитатель въ полномъ

смыслѣ этого слова.... Я дожилъ до семидесяти лѣтъ.... то-есть мнѣ пошелъ уже семьдесятъ третій годъ... я зналъ многихъ людей и ни одного безусловно дурного человѣка. Подъ вліяніемъ страсти и гордости, въ припадкѣ глупости люди часто поступаютъ не хорошо... но, Господи Боже мой! Остается только благодарить небеснаго Отца, за то, что ничего подобнаго не чувствуешь за собой... вѣдь и я могъ бы быть такимъ же.... Я вамъ очень обязанъ.... много, премного обязанъ.... вы у меня сняли врага съ шеи.... именно съ шеи. Онъ у меня всегда тутъ сидѣлъ и давилъ своей тяжестью.... Ахъ, да вотъ онъ самъ идетъ!

Дѣйствительно, контролеръ шелъ мимо садика. Маіоръ поспѣшилъ къ забору, кивая головой и махая рукой. Онъ, можетъ быть, надѣялся, что контролеръ первый ему поклонится, но этого не случилось. Тогда маіоръ закричалъ такъ громко, какъ будто выпалилъ: «Добраго утра, господинъ контролеръ!» Тотъ учтиво отвѣчалъ и прошелъ мимо. Но старый маіоръ былъ несказанно счастливъ. Онъ гладилъ себя рукой по сердцу, какъ бы радуясь, что съ него вдругъ свалился камень.

Фрейленъ Милькъ выглянула изъ окна; маіоръ попросилъ ее сойдти внизъ: онъ имѣлъ ей сообщить нѣчто пріятное. Она повиновалась; видъ у нея былъ чуть ли еще не опрятнѣе прежняго; на завязкахъ ея бѣлаго съ тальей передника ясно виднѣлись слѣды утюга. Маіоръ объявилъ ей, что контролеръ ни въ чемъ не виноватъ, такъ какъ носить медаль св. Елены изъ повиновенія правительству.

Затѣмъ они всѣ пошли въ домъ. Маіоръ показалъ своему гостю комнату, гдѣ все было до крайности просто и чисто. Самъ онъ взглянулъ на барометръ и кивнувъ головой, проговорилъ: «Стоитъ на хорошей погодѣ!» Потомъ посмотрѣлъ на привинченный къ окну градусникъ и обтеръ лобъ, какъ бы сейчасъ только замѣтивъ, что на дворѣ было жарко.

Издали донесся выстрѣлъ. Маіоръ, указывая Эриху по направлению, откуда онъ раздался, сказалъ:

— Это ученіе въ крѣпости. Я нахожу, что у гладкоствольныхъ орудій такой же точно звукъ, какъ и у нарѣзныхъ. Товарищъ, вамъ предстоитъ учить меня новому военному искусству. Я въ немъ теперь ничего не смыслю, но когда слышу стрѣльбу, во мнѣ опять воскресаетъ солдатъ.

Маіоръ попросилъ фрейленъ Милькъ подать бутылку лучшаго вина. Она, повидимому этого ожидала и немедленно принесла вино и стаканы, при чемъ бросила на маіора значительный взглядъ. Тотъ понялъ и сказалъ:

— Будьте покойны: я знаю, что мнѣ утромъ не слѣдуетъ много пить. Капитанъ, дайте мнѣ вашъ штопоръ. Я васъ считаю за порядочнаго человѣка, а всякій порядочный человѣкъ непременно носить въ карманѣ штопоръ.

Эрихъ со смѣхомъ подалъ ему ножикъ, который былъ снабженъ штопоромъ. Откупоривая бутылку, маіоръ еще сказалъ:

— Кромѣ того, порядочный человѣкъ долженъ умѣть свистать. Товарищъ, будьте такъ добры, посвистите!

Эрихъ отъ смѣху едва могъ сложить губы для свиста. Между тѣмъ бутылка была откупорена, и оба дружески выпили.

— Можетъ быть, сказалъ маіоръ: — намъ съ вами теперь здѣсь гораздо лучше, чѣмъ Зонненкампу на его великолѣпной виллѣ. Но, капитанъ, повторяю: слонъ счастливъ, и муха счастлива; только у слона хоботь длиннѣе, чѣмъ у мухи.

Маіоръ засмѣялся, обрадованный своимъ удачнымъ сравненіемъ. Эрихъ послѣдовалъ его примѣру, и оба долго и весело смѣялись. Смѣхъ ихъ утихалъ и опять возобновлялся всякій разъ, что они другъ на друга взглядывали.

— Вы мнѣ поясняете пословицу, сказалъ Эрихъ: — что комара можно принять за слона. И дѣйствительно: не объемъ, не мѣра, а организмъ составляютъ жизнь.

— Такъ.... такъ точно! воскликнулъ маіоръ: фрейленъ Милькъ, прійдите пожалуйста сюда!

Фрейленъ Милькъ явилась на призывъ, и маіоръ продолжалъ:

— Прошу васъ, капитанъ, повторите еще разъ, что вы сказали объ организмѣ. Фрейленъ Милькъ очень рада будетъ слышать. Она, видите ли, занимается учеными предметами гораздо больше, чѣмъ это можно предположить. Пожалуйста товарищъ, повторите объ организмѣ, я не сумѣю такъ хорошо передать.

Эрихъ повторилъ, и всѣ опять засмѣялись.

Фрейленъ Милькъ рекомендовала Эриху школьнаго учителя, какъ отличнаго каллиграфа, на что маіоръ со смѣхомъ воскликнулъ:

— Да, товарищъ, фрейленъ Милькъ живая табель о рангахъ. Если вы захотите получить свѣдѣнія о комъ-нибудь изъ здѣшнихъ обывателей, обратитесь только къ ней. Да еще, ради Бога, не пользуйтесь лекарствами отъ графини Вольфсгартенъ... фрейленъ Милькъ все это гораздо лучше знаетъ.... А пивки никто въ мірѣ не сумѣетъ поставить такъ ловко, какъ она.

Добрая старушка сконфузилась, и Эрихъ, замѣтя это, поспѣшилъ расхвалить цвѣты и растенія, украшавшія наружную сторону окна. Маіоръ сталъ увѣрять, что она въ садоводствѣ свѣ-

душѣ, можетъ быть, самого Зонненкампа. И еслибъ, прибавилъ онъ, было извѣстно, съ какими ничтожными средствами она садитъ и разводитъ цвѣты, то безъ сомнѣнія, ей на выставкѣ присудили бы первый призъ преимущественно передъ владѣтелями хорошо устроенныхъ теплицъ.

Желая положить конецъ похваламъ себѣ, фрейленъ Милькъ сказала Эриху, что главное несчастье Роланда заключается въ томъ, что этотъ богатый юноша не имѣетъ никакого настоящаго удовольствія.

— Не имѣетъ никакого настоящаго удовольствія, повторилъ маіоръ: — Ужъ вы только послушайте ее!

— Да, повторила фрейленъ Милькъ и кивнула головой, при чемъ у ней на головѣ запрыгали банты и оборки отъ чепца:— У него, пожалуй, и много удовольствій, но все это удовольствія, купленные за деньги и потому самому не настоящія. Кто живетъ на свѣтѣ прогуливаясь, да безъ занятій, тотъ напрасно ищетъ удовольствія.

Эрихъ ласково взглянулъ на добрую старушку, и съ этой минуты между нимъ и фрейленъ Милькъ навсегда установились отношенія, исполненныя взаимнаго довѣрія и полного пониманія другъ друга.

Эрихъ, въ сопровожденіи ея и маіора, вышелъ изъ дому. Къ нимъ на встрѣчу бросилась бѣлая съ коричневыми пятнами лягавая собака.

— Откуда ты? воскликнулъ маіоръ, ласково ей выговаривая:— гдѣ ты опять шаталась, безпутная, бродяга! А теперь развѣ ты не видишь, что у насъ гость? Дожила до старости, а все не научилась ни порядочности, ни приличію! Стыдно.... право стыдно!...

Такъ усовѣщевалъ маіоръ свою собаку, хорошо извѣстную въ окрестности подъ именемъ Леди. Онъ держалъ у себя суку, а не кобеля, на томъ основаніи, что будто бы собаки въ деревнѣ обращались съ ней вѣжливѣе и никогда не затѣвали съ ней драки.

Выйдя съ Эрихомъ за садовую калитку, маіоръ сказалъ:

— Видите ли вы эти два подстриженные дуба? Втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ я замѣчалъ, что тотъ, который стоитъ на лѣво отъ насъ, постоянно десятью или одиннадцатью днями ранѣе своего товарища начиналъ покрываться листьями. Однажды, совершенно неожиданно, вернулся морозъ. Листья на этомъ деревѣ поблекли, оно все лѣто прохирѣло и съ тѣхъ поръ сдѣлалось осторожнѣе: оно распускается уже послѣ того, какъ появляются листья на противоположномъ ему дубѣ. Поневолѣ до-

пустишь, что у деревьевъ есть разсудокъ. Да, любезный товарищъ, въ мірѣ устроено все гораздо лучше, чѣмъ намъ кажется. Вотъ я живу пансіономъ, ничѣмъ не занятъ, а все же часто нахожу, что день коротокъ: такъ много есть надъ чѣмъ наблюдать и о чемъ подумать.... Ну, прощайте и не забывайте, что мы всегда рады будемъ васъ видѣть.

Эрихъ на прощаньи протянулъ руку, и пожимая ее, майоръ еще сказалъ:

— Благодарю васъ. Теперь у меня еще однимъ человѣкомъ увеличилось число тѣхъ, кого я люблю. Развѣ это не настоящее счастье? Оно поддерживаетъ въ человѣкѣ молодость и здоровье.

Эрихъ уже отошелъ на нѣсколько шаговъ, когда майоръ окликнулъ его и, подойдя къ нему, сказалъ:

— Еще одно слово о господинѣ Зонненкампѣ.... Вы не заблуждайтесь на его счетъ, товарищъ. Люди, обыкновенно, или дѣлаютъ себѣ идоловъ изъ счастливецъ и богачей, или разрываютъ ихъ на части. У господина Зонненкампа кожа не много шероховатая, но зерно хорошее. А что касается до его прошлого, то какой человѣкъ можетъ безусловно похвастаться своимъ прошлымъ? Не я, по крайней мѣрѣ, и никто изъ тѣхъ, кого я знаю. Я не всегда жилъ такъ, какъ могъ бы теперь того пожелать.... Но, довольно, вы гораздо умнѣ меня.

— Мнѣ это вполне понятно, отвѣчалъ Эрихъ. Въ Америкѣ люди безъ отдыха работаютъ и стремятся единственно къ одному — къ приобрѣтенію. Когда человѣкъ втѣченіи многихъ десятковъ лѣтъ ничего, кромѣ этого, не имѣлъ въ виду, его нравственныя способности совершенно естественно притупляются. Онъ твердитъ себѣ, что когда приобрѣтетъ достаточно денегъ, тогда вернется къ чести и къ добру. Но когда настанетъ это «достаточно»? Да и не будетъ ли тогда ужъ поздно? Признаюсь вамъ, я удивляюсь господину Зонненкампу!

— Такъ.... такъ, подтвердилъ майоръ: онъ, въ качествѣ золотоискателя, принужденъ былъ сталкиваться съ разнаго рода людьми, пока не составилъ себѣ состоянія.... Да, да, я спокоенъ.... Вы умнѣ меня.... Но я чуть не забылъ главнаго.... Посмотрите мнѣ прямо въ глаза и скажите откровенно: правда ли, что вы были въ монастырѣ у фрейленъ Манны?

— Я былъ въ монастырѣ и видѣлъ фрейленъ Манну, но не зналъ, кто она такая, и не говорилъ съ ней ни слова.

— Такъ вы не затѣмъ пріѣхали сюда и помѣстились въ господину Зонненкампу, чтобъ жениться на его дочери.

Эрихъ съ улыбкой выразилъ удивленіе на счетъ того, что ему со всѣхъ сторонъ дѣлаютъ этотъ вопросъ.

— Видите ли, товарищъ, вамъ лучше выкинуть изъ головы эту дѣвушку: она уже почти просватана за барона фонъ-Прангена. Я охотнѣе бы вамъ ее отдалъ, но тутъ ничего не подѣлаешь.

Наконецъ, Эриху удалось уйти. У него было легко на душѣ. Онъ видѣлъ, что около Роланда собирались благотворныя силы, достаточныя для того, чтобъ постоянно держать его въ извѣстномъ настроеніи духа, необходимомъ для его будущаго благосостоянія.

Онъ остановился передъ орѣховымъ деревомъ, вѣтви котораго широко раскинулись во всѣ стороны.

— Зонненкампъ правъ, сказала онъ: — успѣхъ при разведеніи растеній зависитъ отъ вліянія на нихъ окружающихъ высотъ и отъ теченія воздуха. Есть нѣжныя деревья, которыя погибаютъ на свозномъ вѣтрѣ,—другія крѣпко пускаютъ въ землю корни только тамъ, гдѣ ихъ сильно колеблетъ вѣтромъ. Человѣческая жизнь не есть ли такое же растеніе, и люди, какими она обставляется, не образуютъ ли вокругъ нея климатъ?

Эриху все болѣе и болѣе уяснились обстоятельства, которыя до сихъ поръ содѣйствовали или препятствовали развитію его воспитанника.

Какъ міръ разнообразенъ! Тамъ на верху, въ замкѣ, близъ молодой супруги, въ атмосферѣ, созданной собственными мыслями, отдыхаетъ графъ отъ жизни, богатой трудами и событіями,—здѣсь майоръ доканчиваетъ дни въ обществѣ престарѣлой экономки. Какъ вздернула бы свой носикъ Белла, еслибъ узнала, что ее сравниваютъ съ экономкой, а между тѣмъ....

Вдругъ Эрихъ услышалъ, какъ изъ проѣзжавшей мимо кареты его окликнули два голоса, мужской и женскій.

ГЛАВА VI.

ТРЕТІЙ.

Въ тотъ самый день, какъ Эрихъ оставилъ Вольфсгартенъ, туда явился другой гость въ лицѣ сына богатаго виноторговца, прозваннаго «виннымъ графомъ». Онъ постоянно разъ въ недѣлю посѣщалъ замокъ, чтобъ играть съ Клодвигомъ въ шахматы. То былъ человѣкъ еще молодой, но уже изношенный, который, по видимому, не зналъ, что ему дѣлать съ жизнью. Занятіе отца ему не нравилось; денегъ у него было много; онъ кое-чему учился, зналъ нѣсколько музыки, рисовалъ, обладалъ многими

талантами, но ни одного не развилъ въ себѣ основательно. Ему все надоѣло, онъ всѣмъ скучалъ. Избрать себѣ какой-нибудь трудъ и зарабатывать деньги, онъ считалъ лишнимъ. Членъ совѣта управленія различныхъ желѣзныхъ дорогъ, онъ сначала находилъ удовольствіе въ томъ, чтобъ распоряжаться, отдавать приказанія и получать низкіе, почтительные поклоны отъ подчиненныхъ. Но вскорѣ и это ему опротивѣло. Путешествіе успѣло также утратить для него всю прелесть: куда ни поѣдешь, говорилъ онъ, всюду приходится таскать за собой тяжелый грузъ свуки. Онъ какъ то-вяло и тоскливо смотрѣлъ въ глаза свѣту: ему нечего было въ немъ дѣлать и нечего было отъ него ожидать. Одну только способность къ шахматной игрѣ развилъ онъ въ себѣ съ большой тщательностью. Клодвигъ, съ своей стороны, тоже любилъ иногда провести часъ-другой за шахматами, и молодой человѣкъ неизмѣнно приходилъ въ недѣлю разъ составлять партію графа. Это придавало ему нѣкоторый вѣсъ, какъ въ глазахъ другихъ, такъ и въ своихъ собственныхъ.

Онъ, между прочимъ, втайнѣ пользовался большой популярностью въ средѣ окрестной молодежи, подобно ему, славившейся своей беспорядочной жизнью. У него была весьма богатая и разнообразная коллекція картинъ самаго легкаго, игриваго содержанія, но ее видѣть сполна допускался только тотъ, кто находился съ нимъ въ очень близкихъ отношеніяхъ. Въ глазахъ свѣта «винный графъ», конечно, слылъ человѣкомъ порядочнымъ. Никто никогда не видалъ его пьянымъ. Въ обществѣ недворянъ, онъ держалъ себя снисходительно, съ видомъ человѣка скучающаго, который только изъ доброты душевной поддерживаетъ сношенія съ такими ничтожными людьми: онъ дѣлаетъ это ради своего прежняго съ ними товарищества. Матери предостерегали своихъ дочерей на счетъ «виннаго графа», какъ дѣтей, которыхъ пугаютъ волкомъ, рыскающимъ по полямъ. Но это не мѣшало имъ самими чувствовать нѣкоторое удовольствіе, когда онъ бросалъ на нихъ томные взгляды и шепотомъ имъ что-нибудь рассказывалъ.

Лина, дочь мирового судьи, была далеко не такая простушка, какъ полагала ее мать. Она утверждала, что «кавалеръ бутылки» есть именно тотъ человѣкъ, который, по словамъ сказки, скитается по свѣту, отыскивая сильныхъ ощущеній, чтобъ испытать какъ это морозъ по кожѣ подираетъ?

Каждый годъ, «кавалеръ бутылки» проводилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, для того, чтобъ освѣжить свой туалетъ, пополнить запасъ анекдотовъ и вполне просвѣтиться въ требованіяхъ, какъ внѣшней, такъ и внутренней моды. Онъ не говорилъ, подобно отцу, о своемъ другѣ посланникѣ, министрѣ или герцогѣ такомъ-

то, но давалъ понять, что находится въ самой тѣсной связи съ наиболѣе извѣстными членами жюкей-клуба.

Онъ еще находилъ маленькое удовольствіе въ томъ, чтобы оказывать добродѣтельной графинѣ Беллѣ самое любезное вниманіе. Но въ этотъ день она его рѣшительно не замѣчала и вовсе не слыхала его рѣчей. Графъ тоже былъ разсѣянъ, быстро проигрывалъ одну партію за другой и, по временамъ, задумчиво поглядывалъ на своего партнёра, сидѣвшаго на любимомъ мѣстѣ Эриха.

«Кавалеру бутылки» вскорѣ явилось подрѣпленіе, но и оно на этотъ разъ оказалось безсильнымъ. Въ комнату вошелъ полный, весьма тщательно одѣтый мужчина. То былъ въ свое время знаменитый пѣвецъ, женившійся на богатой вдовѣ изъ сосѣдняго торговаго города и поселившійся въ здѣшней красивой мѣстности. Белла всегда его радушно принимала и любила слушать, какъ онъ пѣлъ остатками своего все еще пріятнаго голоса. За мѣтивъ, что его сегодня встрѣтили холоднѣе обыкновеннаго, онъ поспѣшилъ сказать, что заѣхалъ въ Вольфсгартенъ случайно, такъ какъ находился по сосѣдству. Это еще болѣе раздосадовало Беллу: она не хотѣла, чтобы Вольфсгартенъ посѣщали только мимоѣздомъ. Наконецъ, оба гостя ушли, и Клодвигъ съ Беллой вздохнули свободнѣе.

Клодвигъ удалился въ кабинетъ, гдѣ находилось у него собраніе древностей. Но тамъ все показалось ему измѣнившимся. Различныя урны, чаши, мечи, ожерелья, барельефы, все точно потускнѣло, а половинка лица воина, добытая изъ окаменѣлой лавы, какъ-то особенно угрюмо смотрѣла. На все налегла печать унынія, и каждая изъ этихъ вещей, выведенныхъ изъ нѣдръ земли на свѣтъ Божій, казалось, говорила: зачѣмъ мы тутъ? У всѣхъ у насъ чего-нибудь да недостаетъ. На сердцѣ у Клодвига было не лучше: тамъ тоже какъ будто остались одни обломки. Со времени отъѣзда Эриха ему все чего-то не доставало.

Съ сжатыми губами и безпокойнымъ взоромъ бродилъ онъ цѣлый день по замку и по саду безъ всякой цѣли. Наконецъ, Беллѣ удалось заставить его разговориться. Онъ сказалъ ей, что видитъ, какъ готовъ осуществиться одинъ изъ его идеаловъ въ жизни, и что онъ, при этомъ, чувствуетъ какую-то странную тревогу. Впервые пожаловался онъ на малодушіе и безсиліе старости. Затѣмъ онъ остановился, въ надеждѣ, что Белла поспѣшитъ уяснить ему, чего онъ желаетъ, и тѣмъ облегчитъ ему признаніе, но та молчала.— Мы окружаемъ себя предметами роскоши, прибавилъ онъ тогда, но это не та роскошь, какой ищетъ наше сердце. Наконецъ, видя, что околичности ни къ чему не

ведутъ, Клодвигъ прямо сознался, что упрекаетъ себя въ томъ, зачѣмъ отпустилъ Эриха. Такого именно человѣка онъ всегда желалъ себѣ въ товарищи. И во всему этому онъ осмѣливался думать, что съ своей стороны могъ бы быть полезенъ молодому ученому, одаренному наружностью Аполлона, тѣмъ, что содѣйствовалъ бы его возвышенію въ свѣтѣ.

Верхняя губа Беллы слегка дрогнула.

— Капитанъ.... начала она, и чуть не сказала: капитанъ изъ «Wahlverwandschaft» Гёте, но запнулась и продолжала:— Капитанъ.... то - есть докторъ, конечно, счелъ бы себя счастливымъ, но.... будемъ говорить откровенно.... Моя репутація оставалась до сихъ поръ незапятнанной.... мы не думаемъ, что скажутъ о насъ....

— Говори смѣлѣе, ободрилъ ее Клодвигъ, а самъ обтеръ себѣ платкомъ лице.

— Не думаешь ли ты, что этотъ молодой человѣкъ.... насъ иногда.... какъ бы это сказать.....

— Будетъ стѣснятъ? докончилъ Клодвигъ. Белла кивнула головой. Но Клодвигъ уже объ этомъ думалъ и опровергъ ея мнѣніе, сказавъ, что то было бы постыднымъ порабощеніемъ честнаго человѣка, еслибъ онъ сталъ отказываться отъ добраго дѣла потому только, что дурные люди часто, подъ обманчивой наружностью, дѣйствительно скрываютъ дурной поступокъ.

Тогда Белла посовѣтовала мужу поскорѣй отправить къ Эриху посланнаго съ предостереженіемъ, не заключать съ Зонненкампомъ никакихъ окончательныхъ условій. Клодвигъ пожалъ ей руку и бодрыми шагами пошелъ къ себѣ въ комнату. Тамъ онъ сѣлъ за письмо къ Эриху, но вскорѣ оставилъ его и, вернувшись къ Беллѣ, сказалъ, что не можетъ писать.— Не проще ли, прибавилъ онъ, велѣть заложить карету и самимъ съѣздить на виллу Эдемъ?

Клодвигъ обыкновенно избѣгалъ непосредственныхъ сношеній съ Зонненкампомъ и его домомъ, насколько то позволяла дружба, которую велъ съ ними его шуринъ. Но сегодня объ этомъ не могло быть и рѣчи, и вскорѣ онъ весело туда отправился.

Белла то и дѣло опускала и поднимала свой вуаль и вообще была очень безпокойна. Различныя мысли бродили у ней въ головѣ и сердце ея сильно билось. Вдругъ она схватила мужа за руку и воскликнула:

— О, какъ ты добръ и великодушенъ, другъ мой! Мнѣ постоянно приходится открывать въ тебѣ новыя совершенства!

Она этими словами какъ бы хотѣла заглушить въ себѣ что-то, что начинало въ ней говорить, но въ чемъ она не хотѣла

даже себѣ самой сознаться. То былъ какой-то непонятный капризь, игра.... но не страсть, нѣтъ.... могла ли Белла предположить въ себѣ что-либо подобное? Вѣрнѣе всего, то было дьявольское навожденіе. Этотъ молодой человѣкъ долженъ обладать сверхъестественной, чудесной силой. Белла ненавидѣла его; онъ лишилъ покоя ея мужа и встревожилъ ее саму. Ему предстоитъ за это поплатиться. Она ободрилась и гордо выпрямилась: рѣшеніе ея было принято. Она своимъ присутствіемъ разрушить нелѣпный планъ мужа. Если-жъ Эрихъ не захочетъ понять ея намековъ, она прямо ему выскажетъ свое неудовольствіе и заставить уклониться отъ приглашенія графа.

Она сдѣлалась спокойнѣе и веселѣе. Клодвигъ замѣтилъ это и началъ толковать о томъ, какую комнату отдать Эриху и какія перемѣны съ его переселеніемъ къ нимъ должны произойти въ ихъ домашнемъ быту. У Беллы тоже будетъ новая подруга; ей предстоитъ посѣщеніе матери Эриха, которую они непременно пригласятъ. Какъ пріятно, что Белла уже знаетъ ее и глубоко уважаетъ. Клодвигъ говорилъ, что фамилія Дорнэ принадлежитъ къ старинному дворянскому роду Дорнэ де-Сентъ-Моръ. Члены этой фамиліи, выѣхавъ изъ Франціи во время преслѣдованія гугенотовъ, сами отказались отъ своего званія. Теперь же Клодвигъ постарается возвратить Эриху дворянство посредствомъ выгоднаго брака.... да, онъ сдѣлаетъ для него это и, можетъ быть, еще многое другое.

Белла въ шутку замѣтила, ужъ не намѣренъ ли онъ его со всѣмъ усновить, и Клодвигъ объявилъ, что онъ вовсе отъ этого не прочь. Повидимому веселая, но въ сущности горькая улыбка мелькнула на губахъ Беллы, когда она сказала, какъ странно ей будетъ имѣть сына, всего не многими годами моложе ея.

Передъ глазами Клодвига запрыгала и завертѣлась его коллегія древностей. Беллѣ опять стало не по себѣ; ее всегда неприятно поражало то, что мужъ ея всякую бездѣлицу такъ горячо принималъ къ сердцу. Она не притворялась, когда въ зиму, предшествовавшую его сватовству, выказывала склонность къ искусствамъ классической древности, къ наукамъ и вообще ко всѣмъ высшимъ стремленіямъ въ жизни. Она была увѣрена, что все это составляетъ только предметъ разговора для людей, когда они сходятся, но что, въ сущности, никто не считаетъ этого чѣмъ-нибудь важнымъ. Въ толкахъ объ исторіи умственнаго развитія народовъ она видѣла только простое препровожденіе времени.

Каково же было ея удивленіе и даже испугъ, когда она сдѣлала открытіе, что наука и вообще высшіе интересы жизни дѣйствительно составляютъ часть существованія Клодвига, что онъ

радуется или печалится всякому общественному событію, какъ происшедшему въ собственной семьѣ, и что онъ, наконецъ, — да, Белла могла въ этомъ убѣдиться, — глубоко религіозенъ. Онъ правда, не упоминалъ, подобно ей, безпрестанно о Богѣ, но съ чувствомъ искренняго благоговѣнія относился ко всему, что свидѣтельствовало о Его могуществѣ и благодати. Кромѣ того онъ былъ до крайности чужокъ къ малѣйшему противорѣчію въ словахъ и поступкахъ, ко всему, что отзывалось двусмысленностью.

Белла даже и себѣ самой не сознавалась въ томъ, что все это ей казалось въ высшей степени педантическимъ, натянутымъ и нравоучительнымъ. Она никакъ не ожидала, выходя замужъ за челоуѣка свѣтскаго, найти въ немъ профессора. Но, сознавайся она въ томъ или нѣтъ, а участіе и стремленіе къ высшимъ интересамъ жизни до крайности ей наскучили. Въ глазахъ ея всякій игралъ въ жизни какую-нибудь роль. Серьезно на нее смотрѣть, пожалуй, могли бѣдняги ученые, но никакъ не люди съ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ. А теперь еще оказывалось, что Клодвигъ хотѣлъ возмутить потокъ ихъ скучной, однообразной, но спокойной и благоустроенной жизни введеніемъ въ нее третьяго лица.

Было бы чистой клеветой обвинять Беллу въ томъ, что она выходила за графа съ надеждой, остаться вскорѣ богатой и красивой вдовой. Престарѣлый оберъ-шталмейстеръ позаботился записать на ея имя порядочный капиталъ и кромѣ того изъ доходовъ съ имѣнія ежегодно откладывалъ значительныя суммы, которыя, по смерти его, могли и не переходить къ наслѣднику маюратства. Было бы, повторяемъ, клеветой утверждать, что Белла, произнося передъ алтаремъ клятву, питала въ душѣ надежду на скорое освобожденіе, но тѣмъ не менѣе она не безъ тайнаго ужаса слѣдила за измѣненіями, какія производили въ ней года, проводимыя близъ мужа, который, по лѣтамъ, могъ бы быть ея отцомъ.

И кто знаетъ, сколько денегъ способенъ потратить Клодвигъ на этого ненавистнаго Дорнэ, который не могъ удержаться ни въ одномъ званіи, и къ тому же находился въ немилости при дворѣ? А всего хуже то, что онъ совсѣмъ отвлечетъ отъ нея вниманіе мужа. Они будутъ вмѣстѣ заниматься, откапывать древности, а ей, между тѣмъ, придется сидѣть одной, — ей, которая съ такимъ самоотверженіемъ, такъ великодушно принесла себя въ жертву старику!

Белла была зла на Эриха за то, что онъ возбуждалъ въ ней дурныя мысли. Взглянувъ печально на мужа, она воскликнула:

— Боже мой, какія у тебя блѣдныя губы! Что съ тобой?

Ужь не оказываютъ ли своего дѣйствія на него ея дурныя мысли?

— Это ничего, отвѣчалъ Клодвигъ. Смотри, вонъ онъ тамъ стоитъ, погруженный въ размышленія. Что за прекрасное у него лице! Какое благородство въ осанкѣ!

Карета быстро подвигалась впередъ. Эрихъ услышалъ шумъ колесъ и съ удивленіемъ оглянулся на горячія привѣтствія графа и его супруги. Онъ принужденъ былъ сѣсть съ ними въ карету. Взглядъ, брошенный Клодвигомъ на Беллу, ясно выражалъ его восторгъ.

На вопросъ, вступилъ ли онъ окончательно въ свою новую должность, Эрихъ отвѣчалъ отрицательно, и Клодвигъ, пожимая ему руку, воскликнулъ:

— Очень радъ, очень радъ!

Разговоръ ихъ долженъ былъ на этомъ остановиться, такъ какъ къ нимъ подъѣхалъ Зонненкампъ, верхомъ, на своемъ вооруженномъ конѣ. Онъ съ радостью привѣтствовалъ дорогихъ гостей и не безъ удивленія замѣтилъ, въ какихъ короткихъ съ ними отношеніяхъ находился Эрихъ. Зонненкампъ поѣхалъ за каретой къ себѣ домой и по пріѣздѣ на виллу принялъ гостей очень радушно.

Едва успѣли они выйти изъ экипажа, какъ на дворъ вѣхала еще карета, а въ ней докторъ.

ГЛАВА VII.

ПЕРВАЯ РОЗА НА ОТКРЫТОМЪ ВОЗДУХЪ.

Посѣщеніе Клодвига и Беллы придадо Эриху совершенно новое значеніе. Зонненкампъ при нихъ въ первый разъ назвалъ его: «другъ мой».

Господинъ Зонненкампъ подалъ Беллѣ руку. Та приняла ее неохотно, слегка отвернувшись: пусть-моль Клодвигъ видитъ, чему она, ради него, подвергается.

Слегка опираясь на руку хозяина дома, Белла вошла въ садъ и вдругъ остановилась въ изумленіи: передъ ней на розовомъ кустѣ сіяла, не смотря на раннее время года, роскошно-распустившаяся роза. Зонненкампъ сорвалъ ее и поднесъ ей съ нѣсколькими любезными словами. Белла милостиво поблагодарила, но сдѣлала видъ, что не замѣтила, когда онъ снова подалъ ей руку. Они пошли далѣе въ оранжереи. Иозефъ, который имѣлъ способность всегда попадаться на глаза именно въ ту минуту, когда въ немъ оказывалась надобность, получилъ отъ Зоннен-

кампа приказаніе увѣдомить о пріѣздѣ гостей хозяйку Цереру и фрейленъ Пэрини.

Докторъ, между тѣмъ, былъ позванъ къ госпожѣ Церерѣ, но лишь только послѣдняя узнала о прібытіи графа и графини, какъ немедленно объявила о своемъ намѣреніи быть въ этотъ день здоровой. Однако у ней хватило находчивости сказать доктору, что уже одно его присутствіе вылечиваетъ ее отъ всякой боли. Докторъ Рихардъ понялъ и ушелъ.

Въ это же время Клодвигъ говорилъ Эриху:

— Вы здѣсь не останетесь. Мы васъ съ собой возьмемъ. Я за вами пріѣхалъ.

Онъ произнесъ эти слова отрывисто и поспѣшно, какъ будто они были у него давно заготовлены и теперь вырвались сами собой.

На горѣ показался Роландъ со складнымъ стуломъ и принадлежностями для рисованія въ рукахъ. Едва завидя его, Белла закричала ему дружески: «здравствуйте».

— Какъ онъ прекрасенъ, сказала она окружающимъ:— Дать бы ему въ руки, вмѣсто складного стула и портфѣля, щитъ и копьѣ, и вышла бы прелестная картина изъ греческой жизни.

Белла замѣтила, что похвала ея Роланду была пріятна Эриху.

— Да, господинъ Дорнэ, продолжала она:— Я однажды заказала одному художнику изобразить сцену, въ которой мнѣ случилось видѣть Роланда. На большой дорогѣ, на кучѣ камней сидѣлъ нищій; Роландъ положилъ ему въ шапку монету и бросился отъ него бѣгомъ. Фигура его была до такой степени изящна, а лицо его сіяло такой радостью отъ сознанія совершеннаго имъ добраго дѣла, что я до сихъ поръ не могу забыть впечатлѣнія, какое онъ на меня тогда произвелъ.

Клодвигъ потупился: Белла, безъ сомнѣнія, упустила изъ виду, что собственно не она, а мужъ ея присутствовалъ при описанной ею сценѣ, и что онъ же подаль художнику мысль изобразить ее въ картинѣ.

Роландъ былъ удивленъ, найдя дома такого рода гостей, а еще болѣе пріему, какой они ему оказали. Белла сказала мужу: «Клодвигъ, поцѣлуй его за меня!» И Клодвигъ обнялъ мальчика, который въ недоумѣніи поглядывалъ на Эриха.

— Когда капитанъ у насъ поселится, вы должны его почаще навѣщать, милый Роландъ, — сказала Белла.

Зонненкампъ не понялъ, что она хотѣла этимъ дать понять, а Роландъ, встревожась при одной мысли, что можетъ лишиться Эриха, съ мольбой поглядѣлъ на него. Теперь только стало

Эриху ясно, что хотѣли они ему сказать въ каретѣ, когда подъѣхалъ Зонненкампъ.

Въ оранжереяхъ оставались недолго. Белла объявила, что когда на воздухѣ все зеленѣеть и цвѣтеть, теплицы производятъ на нее тяжелое впечатлѣніе.

Вскорѣ явилась фрейленъ Пэрини въ качествѣ посланной отъ Цереры, чтобъ объявить гостямъ о намѣреніи послѣдней быть сегодня здоровой.

Белла и фрейленъ Пэрини отдѣлились отъ общества мужчинъ; имъ о многомъ хотѣлось поговорить другъ съ другомъ, и больше всего объ Эрихѣ. Белла не могла достаточно выразить своего удивленія по тому поводу, что фрейленъ Пэрини такъ скоро угадала въ немъ необыкновеннаго человѣка, какимъ онъ дѣйствительно былъ. А между тѣмъ фрейленъ Пэрини ей еще ни слова о немъ не говорила. Но Белла надѣялась этимъ способомъ скорѣй вывѣдать все, что ей хотѣлось знать. Фрейленъ Пэрини сказала, что не можетъ достаточно надивиться на нѣмецкихъ ученыхъ, въ число которыхъ она включаетъ и Беллу.

Графиня отклонила отъ себя этотъ нѣсколько двусмысленный комплиментъ и серьезно замѣтила, что имѣетъ весьма мало общаго съ нынѣшней молодежью, которую она не вполне понимаетъ. Ни одна изъ дамъ не хотѣла первая произнести своего мнѣнія, но каждая, казалось, предполагала въ другой тайную склонность къ Эриху.

— Извѣстно ли вамъ, сказала Белла, рассматривая розу, подаренную ей Зонненкампомъ: — что этотъ молодой человѣкъ съ двойнымъ званіемъ военнаго и ученаго, весьма низкаго мнѣнія о женщинахъ?

— Нѣтъ, я этого не знала, но это, можетъ быть, согласно съ мнѣніемъ барона фонъ-Пранкена, составляетъ часть ереси, которую онъ такъ смѣло и самонадѣянно исповѣдуетъ.

— Но какого вы сами мнѣнія о господинѣ Дорнэ?

— Никакого.

— Почему?

— Потому, что я не могу судить о немъ безпристрастно: онъ не принадлежитъ къ нашей церкви. Какъ станете вы его рассматривать? Самоувѣренность, какую онъ высказываетъ на каждомъ шагу, невозможна въ человѣкѣ, признающемъ надъ собою власть божію. Онъ похожъ на принца крови, путешествующаго инкогнито. А баронъ фонъ-Пранкенъ говоритъ, что онъ разѣзжаетъ по свѣту на невидимой каеедрѣ, съ которой постоянно читаетъ проповѣди.

Обѣ дамы засмѣялись. Белла достаточно узнала. Она только

еще очень осторожно постаралась укрѣпить фрейленъ Пэрини въ мнѣніи, что не слѣдуетъ допускать въ домъ человѣка, такъ далеко зашедшаго въ невѣріи. Фрейленъ Пэрини, играя крестикомъ отъ четокъ, лукаво поглядывала на Беллу. Итакъ, графиня не желаетъ, чтобъ Эрихъ здѣсь оставался. Ужъ не затѣваетъ ли она интригу противъ мужа, съ цѣлью ввести молодого человѣка въ собственный домъ? Фрейленъ Пэрини, въ отвѣтъ на ея внушенія, колко замѣтила, что господинъ фонъ-Пранкенъ поднялъ всю эту исторію, и ему же предстоитъ теперь привести ее къ удовлетворительному концу. Белла дала понять, что Эриха еще и по другой причинѣ неудобно держать въ домѣ, и здѣсь въ третій разъ онъ былъ названъ опаснымъ человѣкомъ. Этотъ разговоръ произнесла фрейленъ Пэрини, намекая на одну отсутствующую особу и на другую присутствующую. Отъ нея не могло скрыться возбужденное состояніе Беллы.

Затѣмъ, какъ бы желая нѣсколько сгладить рѣзкость своего замѣчанія, она поспѣшила прибавить, что такой человѣкъ, какъ Отто фонъ-Пранкенъ не долженъ опасаться ничего соперничества. И она съ участіемъ распространилась о путешествіи Пранкена. Оно, пожалуй, говорила она, можетъ быть сочтено за неосторожность, но въ концѣ концовъ все-таки молодое сердце должно быть взято не иначе, какъ приступомъ. Смѣлыя, рѣшительныя мѣры часто оказываются дѣйствительнѣе самыхъ обдуманыхъ и скорѣе приводятъ къ желаемому результату. Фрейленъ Пэрини говорила очень серьезно и не менѣе серьезно возразила ей Белла, что, хотя она и не имѣетъ ничего противъ поступка Пранкена, который на этотъ разъ пошелъ противъ установленныхъ свѣтомъ правилъ, однако же она не можетъ отрицать и того, что болѣе скромныя средства и мѣры тоже не рѣдко помогаютъ достигать цѣли.

Разговоръ снова коснулся Эриха, и теперь Белла отозвалась о немъ гораздо благосклоннѣе. Она изъявила сожалѣніе къ матери молодого человѣка и утверждала, что его самонадѣянный видъ чисто напускной и есть слѣдствіе сознанія своего невольнаго положенія. Онъ гордостью хочетъ прикрыть зависимость, въ какую его поставили обстоятельства. Фрейленъ Пэрини слегка повела глазами въ знакъ того, что чувствуетъ себя обиженной такимъ неумѣстнымъ замѣчаніемъ. Белла спохватилась и поспѣшила прибавить, что только кроткія, благочестивыя натуры способны легко переносить зависимость. Ихъ благочестіе возвышаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ и ставитъ на равную ногу со всѣми.

Фрейленъ Пэрини улыбулась. Она знала настоящую цѣну

милостивому обращенію съ ней Беллы и ея дружескимъ пожатіямъ рукъ.

Между тѣмъ къ нимъ подошелъ слуга и доложилъ, что госпожа Церера желаетъ видѣть графиню и просить ее пожаловать въ парадную залу. Сама она не можетъ къ ней придти, потому что докторъ запретилъ ей выходить на воздухъ.

Фрейленъ Пэрини проводила Беллу до крыльца, а тамъ учтиво съ ней простилась. Белла схватила ее за руки и, горячо пожимая ихъ, сказала, какъ счастлива была бы она, еслибъ могла постоянно имѣть при себѣ подругу, подобную фрейленъ Пэрини. Впрочемъ, она надѣялась, что та не замедлитъ оказать ей честь своимъ посѣщеніемъ.

Белла удалилась, шелестя шелковымъ платьемъ, а фрейленъ Пэрини сдѣлала своими миниатюрными ручками движеніе, какое дѣлають кошки, когда имъ удастся наконецъ поймать добычу, которую онѣ долго подстерегали. Насмѣшливо сверкнули ея обыкновенно кроткіе глазки и маленькій ротикъ едва слышно произнесъ: — всѣ вы обмануты!

Госпожа Церера жаловалась на свои постоянныя страданія, а Белла утѣшала ее тѣмъ, что у ней ни въ чемъ нѣтъ недостатка, даже въ прелестныхъ дѣтяхъ. Она не знала, чему отдать предпочтеніе, чудной ли красотѣ Роланда или кроткой прелести Манны?

Белла рѣдко посѣщала домъ Зонненкампа, но всякій разъ, что она тамъ бывала, ею овладѣвала страсть, можетъ быть исключительно свойственная женщинамъ. Въ своемъ замкѣ въ Вольфсгартенѣ она жила въ довольствѣ, которое, казалось, ничего не оставляло желать, но лишь только переступала она черезъ порогъ виллы Эдемъ, въ нея вселялся демонъ зависти. Она не могла равнодушно смотрѣть на эту свѣжую, вновь возникшую здѣсь жизнь, въ которой не было ничего дряблага, ничего сколько-нибудь напоминающаго о разрушеніи. Всякій разъ, что ей приходила на умъ госпожа Церера, у ней рябило въ глазахъ: она являлась ея воображенію не иначе, какъ украшенная великолѣпнымъ брильянтовымъ уборомъ, подобнымъ которому едва ли владѣють многія принцессы.

Сегодня она была особенно снисходительна и покровительственна съ госпожей Церерой и радовалась тому, что въ ея власти съ ней такъ обращаться. Эти люди все могутъ купить себѣ, исключая древняго, съ исторической извѣстностью имени. Если бы даже удалось намѣренію Отто жениться на Маннѣ, то и это не много пользы принесло бы имъ. Фамилія ихъ только покрылась бы легкимъ слоемъ лака, — такимъ легкимъ, что онъ по-

стоянно какъ бы говорилъ: — не тронь меня, а не то я исчезну!

Конечно, здѣсь опять главнымъ предметомъ разговора былъ Эрихъ. Белла, приложивъ къ губамъ розу, едва скрыла улыбку, вызванную словами Цереры:

— Я хотѣла бы, — сказала она — имѣть капитана для себя.

— Для себя?

— Да. Только, я думаю, мнѣ ужъ ничему теперь не учиться, я слишкомъ стара, слишкомъ глупа... А прежде онъ не позволялъ мнѣ учиться!

Белла съ жаромъ начала оспаривать это скромное о себѣ мнѣніе хозяйки дома. — Госпожа Церера, говорила она, еще молодая и прекрасная; ее можно принять скорѣе за сестру, нежели за мать Роланда. Кто скажетъ, что она не умна или не умѣетъ себя держать? Госпожа Церера улыбнулась, принимая все это за чистую монету. Затѣмъ Белла изъявила намѣреніе удалиться, боясь болѣе продолжительной бесѣдой утомить госпожу Зонненкампъ, нѣжная и слабая организація которой требовала большихъ предосторожностей.

Церера отвѣчала ей смущеннымъ взглядомъ, не зная, за что принять эти слова: за похвалу или за порицаніе? Белла, прощаясь, поцѣловала Цереру въ лобъ.

Зонненкампъ оставилъ графа съ Эрихомъ, а самъ пошелъ сдѣлать кое-какія распоряженія въ домѣ. Кромѣ того онъ получилъ письмо и депеши, изъ которыхъ многія требовали немедленнаго отвѣта. Онъ послалъ маіору приглашеніе къ обѣду и велѣлъ посланному, если онъ его не застанетъ дома, отправиться за нимъ въ крѣпость.

Клодвигъ, въ сопровожденіи Роланда и Эриха, пошелъ въ комнату послѣдняго. Между учеными вскорѣ завязался интересный для обоихъ разговоръ, и они совсѣмъ забыли о присутствіи Роланда. Мальчикъ сидѣлъ молча и смотрѣлъ то на того, то на другого. Онъ не понималъ всего, о чемъ они говорили, но инстинктивно угадывалъ, какъ пріятна была для нихъ эта бесѣда. Когда Клодвигъ наконецъ удалился въ свою комнату, Роландъ схватилъ Эриха за руку и воскликнулъ:

— Я тоже хочу все знать и буду учиться всему, чему ты прикажешь. Я хочу быть такимъ, какъ ты и Клодвигъ!

Эрихъ ласково на него взглянулъ. Предложеніе Клодвига приходилось ему, какъ нельзя болѣе по сердцу, но тутъ его ожидала серьезная обязанность. Онъ уже разъ рѣшилъ, и теперь ему не приходилось измѣнять своего рѣшенія.

ГЛАВА VIII.

Я СЛУЖУ!

Маіоръ явился въ то самое время, когда садились за столъ. Онъ былъ очеь радъ встрѣтить Клодвигу и Беллу. Всякій добрый поступокъ, всякая ласка, оказанная однимъ человѣкомъ другому несказанно радовали маіора. Они подтверждали его высокое мнѣніе о людяхъ и давали ему въ руки новое оружіе противъ шутниковъ и хулителей рода человѣческаго. Онъ былъ благодаренъ Клодвигу и Беллѣ, какъ будто они лично ему оказали услугу. Съ Эрихомъ онъ поздоровался, какъ отецъ съ сыномъ, и при этомъ пожаловался, что испортилъ себѣ аппетитъ. Онъ былъ въ крѣпости и хотѣлъ попробовать, хорошо ли тамъ кормятъ рабочихъ. Кушанья ихъ оказались такъ вкусны, что онъ, самъ того не замѣчая, до-сыта наѣлся. Эрихъ сказалъ ему въ утѣшеніе, что для тонкихъ яствъ, подаваемыхъ за столомъ Зонненкампа, немного понадобится мѣста.

Маіоръ, обратясь къ Іозефу, произнесъ:—Налей! Іозефъ понялъ. На одномъ изъ боковыхъ столовъ стоялъ графинъ, окруженный рюмками, онъ налилъ изъ него и далъ маіору, который залпомъ выпилъ рюмку возбуждающаго аппетитъ напитка.

— Это расчищаетъ дорогу, сказалъ онъ Эриху и засмѣялся.

— Да, духъ приказываетъ разступиться толпѣ, возразилъ тотъ.

Церера не пришла къ столу. Лишь только всѣ заняли свои мѣста, доктора потребовали къ больному. Онъ немедленно всталъ. Зонненкампъ упрашивалъ его остаться, но Клодвигъ посоветовалъ лучше его отпустить. Стоитъ только встать на мѣсто тѣхъ, которые теперь ожидаютъ доктора, чтобъ почувствовать, какъ было бы жестоко его здѣсь удержать единственно для своего удовольствія.

— Вотъ истинно добрый человѣкъ! шепнулъ маіоръ Эриху. Слова эти долетѣли до слуха Роланда, и лице его омрачилось. Значитъ, отецъ его, просившій доктора остаться, не добрый человѣкъ.

Эрихъ понялъ, что происходило въ мальчикѣ, и сказалъ маіору такъ, чтобы и Роландъ могъ слышать:

— Господинъ Зонненкампъ хотѣлъ только этимъ выразить свое предположеніе, что деревенскіе жители часто преувеличиваютъ опасность и по-напрасну тревожатъ доктора.

— Правда, правда. Я ошибся.... Спасибо, товарищъ!

У Роланда отлегло отъ сердца; онъ весело улыбнулся Эриху и охотно расцѣловаль бы его.

Пріятное настроеніе духа, въ какомъ до сихъ поръ находилось общество, казалось, было нарушено. Докторъ велъ оживленный разговоръ, который послѣ его ухода тщетно всѣ старались поддержать. Мысль о бѣдныхъ и страждущихъ, къ которымъ онъ былъ отозванъ, невольно омрачила всеобщее веселье.

Эрихъ по справедливости могъ принять визитъ Клодвига и Беллы на свой счетъ. Онъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность оживить разговоръ и возратить обществу хорошее расположеніе духа. Но пока онъ еще раздумывалъ, съ чего начать, къ нему явился на помощь маіоръ, который имѣлъ въ запасѣ новость и выbralъ именно эту минуту, чтобъ ее рассказать.

— Господишъ Зонненкампъ, началъ онъ и, по обыкновенію, весь покраснѣлъ: господинъ Зонненкампъ, въ газетахъ сказано, что къ вамъ скоро будутъ гости... много гостей.

— Ко мнѣ? Въ газетахъ сказано?

— Да. То-есть тамъ не именно такъ сказано, но похоже на это. Газеты, видите ли, объявляютъ, что вслѣдствіе дороговизны жизни въ Америкѣ, предпринимаются тамошними жителями новое переселеніе. Многія семейства перебираются изъ Новаго Свѣта къ намъ въ Европу, гдѣ они находятъ жизнь дешевле и пріятнѣе.

Маіоръ, полагая, что очень ловко пополнилъ пробѣлъ, происшедшій въ разговорѣ, поспѣшилъ себя вознаградить за находчивость и залпомъ выпилъ стаканъ своего любимаго бургундскаго.

Зонненкампъ замѣтилъ, что вслѣдствіе этого, противъ американцевъ можетъ возникнуть такое же точно предубѣжденіе, какое существуетъ противъ путешествующихъ англичанъ.

Но никто болѣе не продолжалъ этого разговора. Всѣ оставляли рѣчь за Клодвигомъ, но тотъ молчалъ, сознавая всю неловкость своего положенія. Его тревожила мысль, что онъ явился въ домъ и пользовался гостепріимствомъ хозяевъ, все время замышляя противъ нихъ злое дѣло. Но Эрихъ иначе понялъ его молчаніе и поспѣшилъ дать разговору занимательный для него оборотъ. Воспользовавшись стихотвореніемъ Гете, въ которомъ тотъ восхваляетъ Америку за то, что въ ней нѣтъ развалинъ крѣпостей и городовъ, онъ упомянулъ о пристрастіи Клодвига къ древностямъ и Зонненкампа къ садоводству и провелъ между ними параллель. Эрихъ говорилъ много и хорошо, зная, что

избранная имъ тема должна возбудить въ слушателяхъ живой интересъ. А между тѣмъ тутъ же, рядомъ съ удовольствіемъ, какое онъ при этомъ ощущалъ, вдругъ поднялся какъ бы укоръ совѣсти. До сихъ поръ Эриху случалось говорить не иначе, какъ отвѣчая на вопросы или повѣряя свои задушевные мысли и стремленія людямъ, съ которыми онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Теперь же онъ впервые говорилъ съ цѣлью, или по крайней мѣрѣ съ желаніемъ, блеснуть, и ни на минуту не упуская изъ виду дѣйствія, какое производятъ его слова на другихъ. Подмѣтя въ себѣ это совершенно новое настроеніе, онъ нѣсколько смутился, но тутъ же нашелъ себѣ и оправданіе въ томъ, что до нѣкоторой степени обязанъ исполнять роль хозяина въ отношеніи гостей, пріѣхавшихъ собственно къ нему. Какъ бы то ни было, оживленіе его оказалось заразительнымъ и расшевелило Зонненкампа и Клодвигъ.

Графиня Белла всякій разъ, что не она давала главное направленіе разговору, имѣла обыкновеніе выказывать полное равнодушіе, какъ къ тому, кто говорилъ, такъ и къ предмету, о которомъ шла рѣчь. Въ этихъ случаяхъ, она всегда очень ловко завязывала отдѣльный разговоръ съ своимъ ближайшимъ сосѣдомъ или сосѣдкой, не дозволяя имъ, даже еслибъ они того и хотѣли, принять участіе въ общей бесѣдѣ. На этотъ разъ она все свое вниманіе посвятила фрейленъ Пэрини и безъ умолку говорила съ ней по-италіянски.

Равнодушіе Беллы къ его словамъ сначала огорчило Эриха, но потомъ онъ забылся и, въ свою очередь, пересталъ обращать на нее вниманіе.

Зонненкампъ былъ очень доволенъ своимъ домашнимъ учителемъ. Эрихъ, наведя разговоръ на хорошо знакомый ему предметъ, доставилъ ему возможность съ честью высказать себя передъ гостями. Съ другой стороны, Эрихъ составлялъ какъ бы украшеніе его дома и привлекъ къ его столу первыхъ людей въ странѣ. Клодвигъ попросилъ, чтобъ немедленно доводили до его свѣдѣнія о всякомъ новомъ слѣдѣ древнихъ временъ, на который нападутъ при работахъ, производимыхъ по случаю возстановленія крѣпости. Зонненкампъ любезно общался и замѣтилъ при этомъ, какіе разнообразныя толки возбудила эта постройка. Многие приписывали ему желаніе попасть въ книгу для путешественниковъ, такъ чтобъ имя его произносилось англичанами, которые въ прекрасные лѣтніе дни, плавая по Рейну съ указателемъ въ рукахъ, разсматриваютъ и изучаютъ малѣйшія подробности его береговъ. А между тѣмъ имъ руководило единственно чувство изящнаго и, возстановленіемъ древнихъ разва-

линъ, онъ хотѣлъ только пополнить видъ, разстилавшійся изъ оконъ его кабинета. Но онъ очень радъ, что можетъ въ тоже время содѣйствовать украшенію своего германскаго отечества.

Всякій разъ, что Зонненкамъ произносилъ слова: «германское отечество,» тонъ его какъ-то странно звучалъ, не то презрительно, не то жалобно. Зная, что Клодвигъ съ головы до ногъ патриотъ, онъ охотно коснулся этой струны. Эрихъ взглянулъ на Роланда: не поразить ли мальчика эта явная лесть? Недалѣе еще какъ въ воскресенье, Зонненкамъ, по поводу выборовъ, очень рѣзко отозвался о Германіи. Но лице Роланда оставалось спокойно. Это юношеское легкомысліе, не допускавшее мальчика замѣчать противорѣчія тамъ, гдѣ оно встрѣчалось, съ одной стороны утѣшало Эриха, но съ другой усложняло его задачу воспитателя, такъ какъ показывало недостатокъ сообразительности. Онъ болѣе всего желалъ развить и укрѣпить въ Роландѣ послѣдовательность въ мысляхъ и поступкахъ.

Зонненкамъ продолжалъ распространяться о странностяхъ, какія ему еще приписывали, — въ сущности же ему ихъ никто не приписывалъ, а онъ самъ, вмѣстѣ съ Пранкеномъ, распускалъ о себѣ разные слухи. Между прочимъ поговаривали о его намѣреніи перевести на себя имя семейства, нѣкогда владѣвшаго возстановленнымъ имъ замкомъ. Родъ этотъ, по имени Рейхенбергъ, весь вымеръ, и о гербѣ его, которымъ намѣревались снова украсить ворота замка, сохранилось весьма неточное воспоминаніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ Зонненкамъ. Но Клодвигъ, который, не смотря на свой либеральный образъ мыслей, нѣсколько тщеславился своими знаніями по части генеалогіи и геральдики, возразилъ, что гербъ Рейхенберговъ очень хорошо извѣстенъ. Онъ раздѣляется на двѣ половины; съ лѣвой стороны на немъ изображена на голубомъ полѣ голова мавра, а на правой вѣсы. Рейхенберги, безъ сомнѣнія, первоначально обратили на себя вниманіе во время крестовыхъ походовъ, а затѣмъ уже заняли важныя должности въ государствахъ.

Зонненкамъ съ любезной, почти заискивающей улыбкой попросилъ графа какъ можно скорѣе доставить ему рисунокъ герба. Разговоръ долго еще вертѣлся около этого предмета. Каждый изъ присутствующихъ по-очереди приводилъ разные девизы извѣстныхъ ему гербовъ, и всѣ при этомъ находили, что они или точно выражаютъ характеръ своихъ владѣтелей, или составляютъ забавную съ нимъ противоположность.

— Какой девизъ избрали бы вы для себя? спросилъ Зонненкамъ Эриха.

— Я служу! отвѣчалъ тотъ.

ГЛАВА IX.

ДВОЙНОЕ СПАСЕНІЕ.

Беллѣ, наконецъ, удалось поговорить съ Эрихомъ наединѣ. Они вмѣстѣ прогуливались, и графиня осторожно приступила къ выполненію своего плана. Она прежде всего не могла надивиться тому, какъ хорошо понималъ Эрихъ ея добраго мужа. Это тѣмъ болѣе удивляло ее, что съ Клодвигомъ вообще не такъ легко было ужиться, какъ то казалось съ перваго взгляда. Тонъ ея былъ мягокъ и выражалъ скорѣе похвалу, чѣмъ упрекъ.

Эрихъ отвѣчалъ:

— Тѣмъ болѣе заслуживаете вы благодарности, графиня, за то, что для него сдѣлали: онъ нашелъ въ васъ вторую молодость.

Белла улыбнулась. Начало было хорошо; Эрихъ какъ разъ понялъ то, что она желала ему внушить, и вполне оцѣнилъ ея жертву. Она продолжала съ нѣжностью говорить о Клодвигѣ и о томъ, какъ она счастлива, что можетъ содѣйствовать успокоенію его чистой души. Какое прекрасное назначеніе, говорила она, служить ему безвозмездно и въ тиши и уединеніи приносить себя ему въ жертву! Но совсѣмъ тѣмъ, однако, не легко было справиться съ человѣкомъ, подобнымъ Клодвигу, хотя онъ по наружности и казался такимъ уступчивымъ и невзыскательнымъ. Въ заключеніе, она убѣдительно просила Эриха не оставлять ихъ и помочь ей сдѣлать счастливымъ закатъ жизни престарѣлаго графа. Въ словахъ ея звучала неподдѣльная искренность и теплота.

Эрихъ выразилъ свое сомнѣніе на счетъ того, благоразумно ли третьему лицу возмущать потокъ ихъ тихаго, мирнаго существованія. А вдобавокъ онъ чувствовалъ себя еще такъ мало готовымъ къ жизни: въ немъ еще ничто не установилось и не улеглось.

— При вашей правдивости, скромность совершенно излишня, возразила Белла и пытливо на него поглядѣла. У нея упаль вѣрѣ, и когда Эрихъ его поднялъ, она въ благодарность подала ему руку.

Ловко, почти кокетливо, хотя не безъ чувства, о чемъ свидѣтельствовало ея прерывистое дыханіе, навела она рѣчь на то, какъ счастлива она, имѣя вѣрнаго, благороднаго друга, къ которому можетъ всегда обратиться за совѣтомъ, и который, она знаетъ, ее вполне пойметъ.

Эрихъ былъ въ недоумѣннн, къ кому относились эти слова: къ Клодвигу или къ нему.

— Вонъ онъ идетъ! внезапно воскликнула Белла: онъ ни за что не хочетъ ходить съ палкой, а между тѣмъ, вы сами видите, какъ онъ нуждается въ опорѣ.

Она пошла на встрѣчу къ мужу и подала ему руку. Дойдя до роскошнаго кедра, подъ тѣнью котораго были разставлены красивые стулья, Клодвигъ сѣлъ; Эрихъ и Белла остановились передъ нимъ. Тогда графъ изложилъ свой планъ на счетъ переселенія Эриха въ Вольфсгартенъ и говорилъ съ такимъ жаромъ, что вызвалъ краску на лице молодого человѣка. Возволнованнымъ голосомъ высказалъ Эрихъ свою признательность, но въ тоже время и отказъ.

Белла оперлась одной рукой о стулъ, на которомъ сидѣлъ Клодвигъ, а Эрихъ продолжалъ. Съ одной стороны, говорилъ онъ, передъ нимъ заманчивое предложеніе, съ другой—суровая обязанность. Первое несказанно его радуеть, но долгъ и сердце предписываютъ ему избрать вторую. Въ дѣлѣ воспитанія Роланда онъ видитъ трудную, но привлекательную задачу, которой твердо рѣшилъ себя посвятить.

Клодвигъ опустилъ глаза въ землю, но когда Эрихъ заговорилъ объ успѣвшей уже возникнуть въ немъ любви къ мальчику и о томъ, какъ все въ немъ, даже самые недостатки имѣли для него неотразимую прелесть, графъ выпрямился и на лицѣ его мелькнула улыбка. Во влеченіи Эриха къ Роланду онъ узнавалъ собственное влеченіе къ молодому ученому. Да, то была непрерывная цѣпь однихъ и тѣхъ же ощущеній. Тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ отказаться отъ Эриха, не сдѣлавъ еще новой попытки склонить его на свою сторону. Въ дѣлѣ воспитанія Роланда, сказалъ онъ, Эриха не допустить дѣйствовать вполне самостоятельно и его ожидаетъ борьба съ разнородными элементами, которые врядъ ли ему удастся побѣдить.

— Ахъ, вонъ идетъ докторъ! внезапно перебилъ себя графъ: Изберемъ его въ третейскіе судьи, и пусть онъ рѣшитъ чему быть.

— Здѣсь никто не можетъ рѣшить за меня, возразилъ Эрихъ: впрочемъ, я охотно довѣрюсь нашему другу.

Къ удивленію обоихъ, рѣшеніе доктора не было въ пользу ни того, ни другого. Онъ выразилъ только желаніе, чтобъ кто-нибудь доставилъ Эриху возможность посѣтить Италію и Грецію. Клодвигъ хотѣлъ отвѣчать, но Эрихъ предупредилъ его, объявивъ, что прежде всего хочетъ имѣть занятіе, которое помогло бы ему существовать самому и содержать мать.

Медленно приподнимаясь со студа, Клодвигъ сказалъ:

— Молодой другъ мой, дайте мнѣ вашу руку.

И тяжело опираясь на Эриха, онъ пошелъ къ дому.

— Я не узнаю самого себя, сказалъ онъ дорѳгой. Трудно повѣрить, чтобъ я уже многое испыталъ къ жизни, такъ горекъ показался мнѣ сегодняшній опытъ. Или это уже знаешь старости, что намъ становится такъ трудно отказать себѣ въ исполненіи желаній? А казалось бы, пора мнѣ этому научиться! Видно, мы съ лѣтами впадаемъ въ дѣтство... дѣти ни въ чемъ не умѣютъ себѣ отказывать.

Онъ еще крѣпче оперся на Эриха, который былъ глубоко тронутъ безпомощнымъ состояніемъ добраго старика.

— Не понимаю, что со мной, продолжалъ Клодвигъ. Я не чувствую подъ собой ногъ. Не находите вы, что очень жарко?

— Нѣтъ. Вы бы сѣли отдохнуть.

Съ усиліемъ высвободивъ свою руку изъ руки Эриха, графъ медленно провелъ ею по лицу и сказалъ:

— Молодой другъ мой, когда я буду умирать...

И съ этимъ словомъ онъ тяжело упалъ. Эрихъ едва успѣлъ его поддержать. Сзади раздался крикъ Беллы; докторъ, шедшій возлѣ нея, поспѣшилъ на помощь къ Эриху, но тотъ уже взялъ графа на руки, какъ ребенка, и быстро понесъ его по направленію къ дому.

Клодвигъ положили на диванъ въ большой залѣ. Белла рыдала, докторъ утѣшалъ ее, говоря, что у него есть средство, которое не замедлитъ привести ея мужа въ чувство. И дѣйствительно, Клодвигъ вскорѣ произнесъ нѣсколько словъ. Тогда докторъ попросилъ всѣхъ удалиться. Лишь только вышли они изъ залы, Белла со слезами бросилась къ Эриху на грудь. Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ молодого человѣка, когда онъ почувствовалъ на себѣ дыханіе молодой женщины.

— Вы нашъ спаситель! воскликнула она видѣ себя:— О другъ мой! другъ мой!

Мимо прошелъ Зонненкампъ; Белла мгновенно оправилась и съ удивительнымъ самообладаніемъ обратилась къ нему:

— Господинъ Зонненкампъ! нашъ общій другъ, капитанъ Дорнэ, оказался спасителемъ моего мужа. Онъ съ изумительной силой поднялъ его и принесъ въ домъ. Поблагодарите его вмѣстѣ со мной.

Эрихъ былъ пораженъ такимъ необыкновеннымъ умѣньемъ владѣть собой.

Въ дверяхъ залы показался докторъ. Зонненкампъ съ участіемъ спросилъ:

— Что графъ?

Докторъ объявилъ его внѣ опасности. Съ нимъ былъ легкій ударъ, отъ котораго нечего бояться дурныхъ послѣдствій. А теперь Клодвигъ просить къ нему прійти Эриха.

Молодой человѣкъ вошелъ въ залу и засталъ графа сидящимъ. Тотъ подаль ему руку и сказалъ улыбаясь:

— Я теперь докончу свою фразу: когда я буду умирать, ты долженъ при мнѣ находиться, мой молодой другъ. Но, успокойся, это еще не скоро будетъ. А теперь садись тутъ, возлѣ меня. Гдѣ моя жена?

Эрихъ пошелъ за Беллой, и она явилась въ сопровожденіи доктора и Зонненкампа. Докторъ не только позволилъ, но настоятельно требовалъ, чтобъ Клодвигъ и Белла немедленно отправилась въ Вольфсгартенъ. Зонненкампъ любезно старался ихъ удержать, и твердилъ, что отдаетъ весь свой домъ въ распоряженіе дорогихъ гостей.

— Вы позволите господину Дорнэ съ нами поѣхать? сказала Клодвигъ.

Зонненкампъ былъ неіріятно пораженъ, однако нашелся и сказалъ:

— Я не имѣю права что-либо позволять или запрещать капитану Дорнэ. Но если вы рѣшились ѣхать, то я, напротивъ, прошу его васъ сопровождать, взявъ съ него однако обѣщаніе, что онъ возвратится къ намъ.

— И вы съ нами поѣдете? спросила Белла доктора. Тотъ отвѣчалъ утвердительно.

Такимъ образомъ, они отправились въ четверомъ. Дордгой было мало говорено, только разъ Клодвигъ, взявъ Эриха за руку, сказалъ:

— Вы очень сильны.

Эрихъ и докторъ ночевали въ Вольфсгартенѣ. Когда на слѣдующее утро докторъ уже собирался ѣхать, Эрихъ еще спалъ вѣрѣпкимъ сномъ. Докторъ разбудилъ его и сказалъ:

— Капитанъ, сегодняшній день вы еще можете здѣсь остаться, но никакъ не долѣе.

Эрихъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Вы меня поняли? спросилъ докторъ.

— Да.

— Ну, такъ прощайте.

Снова Эрихъ провелъ въ Вольфсгартенѣ цѣлый день. Къ Клодвигу вернулось его обычное расположеніе духа, но въ обращеніи Беллы съ Эрихомъ проглядывала какая-то робость.

Вечеромъ пріѣхали Зонненкампъ и Роландъ, и Эрихъ вмѣ-

стѣ съ ними возвратился на виллу Эдемъ. Зонненкампъ былъ очень веселъ и на обратномъ пути вдругъ сконфузилъ Эриха неожиданнымъ замѣчаніемъ:

— Графиня Белла будетъ прелестная вдова.

Слова его сопровождались пристальнымъ взглядомъ, отъ котораго вся кровь бросилась въ лицо молодому человѣку.

На слѣдующій день, подѣ вечеръ, докторъ опять посѣтилъ виллу Эдемъ. Онъ пріѣхалъ туда прямо изъ Вольфсгартена и привезъ хорошія извѣстія.

Немного спустя, онъ отвелъ Эриха въ сторону и сказалъ:

— Вы мнѣ говорили, что еще ожидаете окончательнаго рѣшенія господина Зонненкампа на счетъ вашего вступленія къ нему въ домъ. Мое мнѣніе, что вамъ удобнѣе объясниться съ нимъ письменно: вдали другъ отъ друга вы лучше увидите, что вамъ дѣлать. Итакъ, мой совѣтъ вамъ: немедленно отсюда уѣзжайте. Всякій лишній часъ, что вы остаетесь въ этомъ домѣ, подготавливаетъ вашу гибель.

— Мою гибель?

— Да, вашу гибель. Вы здѣсь точно на выставкѣ, и это натянутое положеніе, которое длится вотъ уже скоро недѣлю, имѣетъ на васъ дурное вліяніе.

Эрихъ смутился. Нѣчто подобное онъ уже и самъ себѣ говорилъ.

— Ни одинъ человѣкъ, продолжалъ докторъ, не въ состояніи выдержать такого положенія безъ вреда для себя. Вамъ необходимо уѣхать, иначе вы превратитесь въ актера или въ проповѣдника, а не то, такъ и въ обоихъ вмѣстѣ. Вы говорите съ цѣлью произвести впечатлѣніе, и повторяете заученное... Скорѣй, скорѣй прочь отсюда! вы испытали другихъ и другіе испытали васъ, теперь вамъ ничего болѣе не остается, какъ уѣхать. Я возьму васъ съ собой, вы у меня переночуете, а завтра отправитесь обратно къ вашей матушкѣ, гдѣ спокойно будете ожидать окончанія этого дѣла.

— Но Роландъ! сказалъ Эрихъ. Я не могу оставить мальчика. Я душой и сердцемъ къ нему привязался, и онъ тоже любилъ меня.

— Тѣмъ лучше. Пусть онъ ждетъ и стремится къ вамъ. Ему не лишнее узнать, что есть многое, чего нельзя достать за деньги. Уже если вамъ суждено съ ними жить, то пусть они этого домогаются. Вы, такимъ образомъ, пріобрѣтете болѣе значенія въ домѣ и упрочите за собой ваше вліяніе надъ мальчикомъ. Предоставьте мнѣ теперь за васъ дѣйствовать. Я сдѣлаю

только то, въ благоразуміи чего вы сами убѣдитесь не позже, можетъ быть, какъ завтра.

— Вотъ вамъ моя рука, я ѣду съ вами! воскликнулъ Эрихъ.

Всѣ въ домѣ не могли прійти въ себя отъ удивленія по случаю внезапнаго отъѣзда Эриха. Не прошло и часа, какъ онъ уже вмѣстѣ съ докторомъ сѣлся въ экипажъ...

Эрихъ былъ радъ, что прощаніе его съ Роландомъ не долго длилось. Мальчикъ былъ пораженъ и не могъ говорить отъ волненія. Уже когда Эрихъ сѣлъ въ каретѣ, онъ подошелъ къ нему съ щенкомъ въ рукахъ и положилъ щенка ему на колѣни. Но докторъ возвратилъ Роланду собаку, говоря, что она еще слишкомъ молода, и не можетъ обойтись безъ матери. Пусть она подрастетъ, и тогда онъ самъ позаботится о томъ, чтобы она досталась Эриху.

Роландъ смотрѣлъ въ слѣдъ экипажу, пока тотъ не скрылся изъ виду. На душѣ у мальчика было тяжело, и мысли его перепутались. Эрихъ ни разу не обернулся, чтобы взглянуть на него. Съ его удаленіемъ Роландъ вдругъ почувствовалъ себя осиротѣлымъ въ родительскомъ домѣ. Онъ схватилъ собачку и хотѣлъ ее съ досадою отъ себя швырнуть, но та жалобно завизжала, и мальчикъ внезапно прижалъ ее къ груди.

— Будь спокойна, сказалъ онъ ей: я тебѣ не сдѣлаю вреда. Мнѣ тоже больно, но я не собака и не визжу,—замолчи же и ты теперь. Онъ насъ обоихъ бросилъ.

Роландъ возвратилъ щенка матери, которая приняла его съ большою радостью.

— Я тоже пойду къ маменькѣ, сказалъ Роландъ, но прежде пошлю ей о себѣ доложить.

Первымъ его дѣломъ, увидя мать, было пожаловаться на отъѣздъ Эриха.

— Онъ хорошо сдѣлалъ, отвѣчала она: я сама ему это соувѣтовала.

— Ты?... Зачѣмъ?

— Ахъ, отстань пожалуста съ твоими глупыми «зачѣмъ»! Нельзя же тебѣ всегда все объяснять!

Роландъ замолчалъ, но сердце его болѣзненно ждалось, и поцѣлуй матери былъ ему почти непріятенъ.

Онъ хотѣлъ пойти къ отцу, но тотъ ушелъ съ маіоромъ въ вѣрность. Одинокій и унылый бродилъ мальчикъ по двору, заглянулъ къ собакамъ, заставилъ ихъ продѣлать всѣ штуки, а затѣмъ отправился на конюшню. Охвативъ за шею свою лошадь, онъ долго стоялъ, прислонясь головой. Въ умѣ его мельнула

странная мысль: «Лошадь, собаки — мои, думалось ему: только то, за что заплачены деньги, можно вполне назвать своимъ.»

И въ душѣ Роланда внезапно пробудилось сознание, что человѣка съ человѣкомъ прочно связываетъ одна любовь. Онъ не привыкъ къ размышленію, и теперь у него разболѣлась голова отъ этого необыкновеннаго наплыва мыслей. Онъ приказалъ осѣдлать лошадь и поѣхалъ по той же самой дорогѣ, по которой недавно отправились Эрихъ и докторъ.

ГЛАВА X.

ПРАКТИЧЕСКАЯ НАТУРА.

Эрихъ молча сидѣлъ въ углу кареты, погруженный въ собственные мысли. Докторъ, не желая ему мѣшать, тоже молчалъ. Эриху казалось, что онъ носится на бурныхъ волнахъ моря, и что противный вѣтеръ мѣшаетъ ему попасть въ пристань. Онъ, въ теченіи послѣдней недѣли, занялъ важное мѣсто въ существованіи нѣсколькихъ людей и чувствовалъ, что судьба его отнынѣ должна быть тѣсно связана съ ними. Но какъ онъ ни старался заглянуть въ будущее, ему тамъ представлялось одно неизвѣстное.

— Итакъ, вы вѣрите въ воспитаніе? спросилъ наконецъ докторъ.

— Я васъ не понимаю.

— Что до меня касается, то я не придаю воспитанію ровно никакого значенія. Люди получаютъ отъ самой природы то, что называютъ въ нихъ направленіемъ, и оно не измѣняется ни при какихъ условіяхъ. Какимъ человѣка положить въ колыбель, такимъ зарокуютъ его и въ могилу. Способности, конечно, могутъ быть отчасти развиваемы, но это уже второстепенное дѣло, а главное, — то, что составляетъ сущность человѣка, ему даетъ природа.

Эрихъ усталъ и не чувствовалъ себя расположеннымъ вступать въ новыя пренія съ докторомъ, который продолжалъ:

— Сказать правду, меня просто беретъ зависть, смотря на этихъ богачей. Ну, не досадно-ли, что они за деньги хотятъ покупать плоды и ароматы высшаго образованія! Одно утѣшаетъ меня, это слова Того, кто, стоя въ центрѣ нравственнаго и умственнаго міра, сказалъ: ни одинъ богачъ не войдетъ въ царствіе небесное. У богатыхъ людей грузъ слишкомъ великъ. Живя вдали отъ нужды и отъ горькихъ дѣйствительностей жизни, они, такъ сказать, перехитрили самую природу. Времена года не

имѣютъ на нихъ никакого вліянія, всѣ климаты въ ихъ услугахъ, и они, какъ ласточки, перелетая изъ края въ край, вездѣ находятъ себѣ готовыя гнѣзда. Было бы вопіющею несправедливостію со стороны судьбы, еслибъ она даровала имъ еще наслажденіе высшими благами, которыя должны принадлежать исключительно намъ.

— Въ геометріи не существуетъ особенныхъ путей для великихъ міра сего, гласить Эвклидова поговорка, сказалъ Эрихъ: знаніе пріобрѣтается только посредствомъ труда; то, что я желаю прежде всего развить въ Роландѣ, можетъ быть выражено однимъ словомъ: самодѣятельность.

— Такъ, такъ, — возразилъ докторъ: — Но вотъ что составляетъ наше преимущество передъ богатыми. Мы принадлежимъ самимъ себѣ. Богачу неизвѣстна благотворная сила уединенія; ему нѣкогда сосредоточиться, уйдти въ себя и жить своей собственной, внутренней жизнью. Слова Библіи: Что въ томъ, если ты весь міръ обрящешь, а душу свою погубишь, — я толкую по своему и говорю: что въ томъ, если ты богатъ, но никогда не можешь быть наединѣ съ самимъ собой? Кому негдѣ головы преклонить, тотъ носитъ ее высоко и свободно. Вы видите, для меня не пропали даромъ два года, которые я посвящалъ изученію богословія, пока не пришелъ къ убѣжденію, что врачуя тѣло, хотя и не многимъ, но все-таки болѣе можно принести пользы, чѣмъ врачуя духъ.

Докторъ засмѣялся и продолжалъ:

— Главный вопросъ теперь въ томъ: на сколько избытокъ житейскихъ благъ оставляетъ въ человѣкѣ способности къ воспріимчивости? И вся ваша задача съ Роландомъ должна ограничиться тѣмъ, чтобы какъ можно болѣе развить въ немъ эту воспріимчивость. А ученіе его вамъ придется начать съизнова. По степени знанія свѣта, онъ еще ребенокъ, но по тому, чего онъ требуетъ отъ свѣта, — человѣкъ совершенно взрослый.

Эрихъ многое бы могъ на это возражать, но не хотѣлъ. Докторъ справедливо упрекалъ его за то, что онъ слишкомъ много говоритъ: «пустъ же онъ теперь узнаетъ: что я умѣю также и молчать», думалъ про себя молодой человѣкъ.

— Если вы дѣйствительно поступите на это мѣсто, снова началъ докторъ: то я могу вамъ быть полезенъ совѣтами. Къ сожалѣнію, вы не врачъ, а по моему мнѣнію одни врачи могутъ быть хорошими воспитателями. Не знаю, замѣтили-ли вы, что у Роланда желудокъ плохо варитъ? А мальчики его лѣтъ обыкновенно чуть-ли не камни перевариваютъ. Я, впрочемъ, не требую, чтобы его кормили болѣе простой пищей. Богатые люди ѣдятъ безъ голода и пьютъ безъ жажды. Мальчикъ этотъ все

можетъ имѣть, исключая одного — наивныхъ радостей дѣтства. Вотъ вамъ незначительный, но тѣмъ не менѣе поразительный примѣръ: Роланда не радуется новое платье. А между тѣмъ, вспомните, какую важную роль играло оно въ вашей собственной юности. Я и по-сю пору всегда съ удовольствіемъ надѣваю новое платье и люблю, чтобъ оно на мнѣ хорошо сидѣло.... Чему вы смѣетесь? внезапно спросилъ онъ.

— Я вспомнилъ, отвѣчалъ Эрихъ, объ одномъ другѣ, тщательно изучающемъ богословіе. Представляю себѣ теперь его изумленіе, еслибъ ему кто-нибудь сказалъ, что грѣхопаденіе, впервые пробудившее въ человѣкѣ сознаніе наготы, сдѣлалось потомъ источникомъ такихъ великихъ радостей!

Докторъ тоже засмѣялся, но не отступилъ отъ своего предмета.

— Пища и одежда, продолжалъ онъ, занимаютъ чуть ли не важнѣйшее мѣсто въ существованіи человѣка. Къ этому, впрочемъ, надо присоединить еще третье — сонъ. Воздухъ, пища и сонъ составляютъ основныя начала растительной жизни. Я думаю, капитанъ, что за это время успѣлъ васъ нѣсколько узнать, однако, полное мое сужденіе о васъ произнесу не прежде, какъ когда увижу васъ спящимъ. Нашъ девятнадцатый вѣкъ плохо спитъ. Воспитаніе, трудовую и государственную жизнь нашихъ современниковъ слѣдовало бы направить такъ, чтобъ возвратитъ имъ способность сна. Желалъ бы я обладать достаточными свѣдѣніями для того чтобы написать исторію сна, прослѣдивъ его въ разныя времена у различныхъ народовъ. Это бросило бы совершенно новый свѣтъ на ходъ умственного развитія человѣчества.... Но, опять возвращаюсь къ Роланду, онъ представляетъ странное смѣшеніе темпераментовъ своего отца и матери.

И докторъ распространился о богатырскомъ сложеніи Зонненкампа, который находится въ непрерывной борьбѣ съ влеченіями своей природы. Кротость, проявляемая имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, есть чисто сознательная и служитъ только новымъ доказательствомъ его ничѣмъ несокрушимой силы. Онъ удивительно ловкій кулачный боецъ, и кулакъ его, по собственному признанію, бьетъ какъ желѣзный молотъ. Такой необычайной физической силой должны были обладать древніе германцы, которые безоружными руками давили и ломали закованныхъ въ латы римлянъ.

Докторъ со смѣхомъ рассказалъ, какъ онъ, въ первый разъ увидя Зонненкампа, все искалъ палицы, которую этотъ человѣкъ, по его мнѣнію, непременно долженъ былъ имѣть при себѣ. Когда Зонненкампъ съ вѣмъ-нибудь дружески обращался,

то вся его фигура точно говорила: «не бойся, я тебѣ ничего не сдѣлаю!» Но онъ въ то же время страдалъ болѣзнию сердца и долженъ былъ избѣгать всякихъ сильныхъ ощущеній.

Затѣмъ докторъ посовѣтовалъ Эриху не быть слишкомъ стоворчивымъ съ Зонненкампомъ, который иначе вовсе перестанетъ съ нимъ церемониться.

— Патеры, видите ли, сказалъ онъ, служатъ обѣдню. а доктора прописываютъ рецепты по-латыни. Кто изъ моихъ пациентовъ согласился бы глотать сѣрную кислоту, еслибъ увидѣлъ ее прописанную на понятномъ ему языкѣ? Пріймите же въ свѣдѣнію, что вамъ слѣдуетъ держать себя въ отношеніи къ Зонненкампу съ нѣкоторымъ достоинствомъ, а не то онъ васъ скорехонько заткнетъ за поясъ.

Потомъ докторъ перешелъ къ описанію сонливой жизни хозяйки Цереры, которую остроумная, а еще болѣе завистливая графиня Вольфсгартенъ прозвала крокодилкомъ. И дѣйствительно, госпожа Зонненкамъ имѣла нѣкоторое сходство съ этимъ чудовищемъ, когда оно выходитъ на берегъ и грѣется на солнцѣ. Если для самого Зонненкампа не существовало никакой слишкомъ утомительной дѣятельности, то Церерѣ, напротивъ того, всякое самомалѣйшее движеніе стоило неимоверныхъ усилій. Ей весьма извинительно было переодѣваться три раза въ день, безъ цѣли бродить по комнатамъ, по цѣлымъ часамъ смотрѣться въ зеркало, кормить попугая, раскладывать пасіансъ и чистить ногти. У бѣдняжки не было другого занятія и развлеченія, какъ постоянно любоваться прекрасными видами, а этому не въ состояніи исключить себя посвятить люди и поумнѣе ея. Церера страдала разслабленіемъ членовъ, была капризна и немного зла.

Эрихъ колебался, не рассказать ли ему доктору о своемъ свиданіи съ Церерой, но тотъ не далъ ему на это времени.

— Съ годъ тому назадъ, сказалъ онъ, у Зонненкамповъ произошло нѣчто въ высшей степени странное. Меня пригласили на виллу, и я, пріѣхавъ, нашелъ дочь Зонненкампа въ положеніи, которое никакъ не могъ себѣ объяснить. Фрейленъ Пэрини рассказала мнѣ, что у молодой дѣвушки были такъ крѣпко сжаты руки, что она едва-едва разняла ихъ съ помощью двухъ лапеевъ. Когда я пріѣхалъ, то еще засталъ руки ея скорченными и какъ бы окованными. Только въ высшей степени сильное нравственное потрясеніе могло довести до такихъ физическихъ послѣдствій. На разпросы мои мнѣ не было дано никакого удовлетворительнаго отвѣта. Я только и добился, что господинъ Зонненкамъ отказалъ своей женѣ въ какомъ-то желаніи, а та въ отмщеніе рассказала дочери, страстно любившей отца, какой-то о немъ

фактъ, который и повергъ ее въ это ужасное состояніе. Молодая дѣвушка выздоровѣла, но постоянно грустила, пока ее не отправили въ монастырь, гдѣ она, говорятъ, совсѣмъ ожила.

Эрихъ спросилъ, откуда у Зонненкампа столько недоброжелателей, которые распускаютъ о немъ такъ много неблагоприятныхъ слуховъ? Докторъ смотрѣлъ на это очень легко и объяснялъ тѣмъ, что все голодное дворянство радо воспользоваться малѣйшимъ пятнышкомъ на репутаціи человѣка, обладающаго несмѣтными богатствами, и роскошный образъ жизни котораго они считаютъ личнымъ для себя оскорбленіемъ. Одинъ только Пранкенъ былъ хорошо расположенъ къ Зонненкампу, и это не потому только, что собирался жениться на его дочери и взять за ней богатое приданое, но и потому еще, что между нимъ и Зонненкампомъ существовала взаимная склонность. Зонненкампъ сильно интересуется всѣмъ, что касается до него самого, а Пранкенъ одинаково обманываетъ какъ ближнихъ, такъ и самого себя.

— А теперь, другъ мой, сказалъ въ заключеніе докторъ, вы сами можете судить, есть ли какая-нибудь возможность ужиться вамъ въ этомъ домѣ.

— Докторъ, у меня есть до васъ просьба, началъ Эрихъ. Скажите пожалуйста, какъ вы, послѣ моего отъѣзда, станете говорить обо мнѣ тому или другому изъ вашихъ друзей?

— Весьма охотно: ваша просьба какъ нельзя болѣе кстати! Вы идеалистъ. Какъ не легко возиться людямъ съ идеалами! Вы, идеалисты, думающіе, трудящіеся и чувствующіе за другихъ, сильно смахиваете на хозяина, построившаго себѣ гостиницу въ живописной мѣстности. Онъ заготовилъ у себя всякой всячины, да и молится Богу: дай, Господи, хорошей погоды! Пошли, Господи, побольше путешественниковъ! Но онъ не можетъ принудить ни путешественниковъ къ себѣ идти, ни погоду быть хорошей. А по моему, не заводи хозяинъ-идеалистъ гостиницы! Ышь самъ себѣ на здоровье, а о другихъ не заботься. Они, если не захотятъ терпѣть голодь и жажду, сами принесутъ свою порцію съ собой въ дорожномъ мѣшкѣ. Я убѣдился, что въ жизни есть только два рода людей: или недовольные свѣтомъ, или недовольные собой. Но нынѣшняя молодежь умудрилась создать еще третій родъ недовольныхъ, а именно — недовольныхъ и свѣтомъ, и собой.

— Къ сожалѣнію, я принадлежу къ послѣднимъ.

— Вотъ почему, подхватилъ докторъ и, снявъ перчатку, положилъ руку на плечо Эриха, вотъ почему я и желалъ бы, чтобъ вы иначе устроили свою судьбу.... Какимъ образомъ — не знаю и тщетно стараюсь придумать.

Къ нимъ навстрѣчу ѣхаль цѣлый рядъ возовъ, нагруженныхъ бѣловыми вѣтвями. Докторъ мимоходомъ объяснилъ, что изъ этихъ вѣтвей уже извлечены различныя химическія вещества, и что теперь ихъ везуть на пороховой заводъ. Эрихъ отвѣчалъ, что это ему извѣстно, такъ какъ онъ одно время, находясь еще въ военной службѣ, состоялъ при пороховыхъ заводахъ въ горахъ.

Докторъ замолчалъ и задумчиво отвѣчалъ на поклоны прохожихъ. Вдали показалась коляска, запряженная парой прекрасныхъ лошадей въ яблокахъ. Въ ней сидѣлъ и самъ правилъ молодой человѣкъ, который, завидѣвъ доктора, уже издали началъ ему кланяться. Поравнявшись, оба экипажа остановились.

— Здравствуйте! закричалъ докторъ молодому человѣку, и они подали одинъ другому руки.

— Что Луиза и дѣти? спросилъ докторъ.

— Всѣ здоровы.

— Вы были у матушки?

— Да.

— А какъ здоровье вашихъ?

— Слава Богу, хорошо.

Докторъ представилъ молодого человѣка Эриху и откомендовалъ его своимъ зятемъ, Генрихомъ Вейдеманомъ.

— Вы сынъ того господина Вейдемана, о которомъ я такъ много слышался?

— Точно такъ.

— А гдѣ теперь вашъ отецъ? спросилъ докторъ.

— Въ деревнѣ, внизу. У нихъ тамъ идутъ толки объ устройствѣ паровой мельницы.

Доктора внезапно поразила какая-то мысль, онъ быстро обернулся къ Эриху, бѣгло на него взглянулъ, но ни слова не сказалъ. Вейдеманъ извинился, что очень торопится на желѣзную дорогу и сталъ прощаться. Онъ, между прочимъ, сказалъ Эриху, что еще надѣется съ нимъ видѣться, и что отецъ его тоже будетъ очень радъ съ нимъ познакомиться.

Кареты тронулись, и каждая поѣхала по своему направленію.

Докторъ объяснилъ Эриху, что зять его занимается практической химіей. «Понадобился козырь и явился козырь!» пробормоталъ онъ вслѣдъ затѣмъ къ недоумѣнію Эриха. Эрихъ только вспомнилъ, какъ Пранкенъ точилъ зубы насчетъ сыновей Вейдемана, и не могъ удержаться отъ улыбки.

Подѣзжая къ ближайшему мѣстечку, они увидѣли, что туда причаливалъ пароходъ, плывшій съ верхней части Рейна. Докторъ приказалъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣе, чтобы еще застать пароходъ у пристани. Лошади помчались во весь опоръ,

а докторъ восклицалъ: «Нашель! нашель!» и крѣпко сжалъ Эриху руку.

Они поспѣли во-время. Карета подкатила къ пристани въ ту самую минуту, какъ съ парохода перекидывали на берегъ доску. Докторъ быстро выскочилъ изъ экипажа, приказалъ кучеру сказать женѣ, чтобъ она не ждала его ранѣе вечера, и потащилъ Эриха на палубу. Эрихъ спросилъ, куда они ѣдутъ? вѣроятно къ какому-нибудь больному? Докторъ утвердительно кивнулъ головой: онъ и дѣйствительно полагалъ, что имѣеть дѣло съ больнымъ, котораго намѣревался радикально вылечить.

На пароходѣ докторъ встрѣтилъ много знакомыхъ. Небольшое общество, расположась вокругъ стола, пило майтрангъ и пригласило доктора и Эриха принять участіе въ его угощеніи. Докторъ подсѣлъ къ нему, но объявилъ, что никогда не пьетъ никакихъ искусственныхъ винъ. Общество было очень весело. Находившійся на пароходѣ бѣдный калѣка игралъ на гармоніи, нѣкоторые изъ пассажировъ пѣли. Нѣсколько въ сторонѣ, за маленькимъ столикомъ, на которомъ въ вазѣ со льдомъ стояла бутылка шампанскаго, сидѣлъ «кавалеръ бутылки», а противъ него очень красивая молодая женщина, со множествомъ фальшивыхъ волосъ. И тотъ и другая курили сигаретки, и весело болтали по-французски. «Кавалеръ бутылки» избѣгалъ встрѣчаться съ докторомъ взглядами, на что тотъ одобрительно кивнулъ головой и проговорилъ: «Дѣло, въ немъ еще не совсѣмъ пропалъ стыдъ!»

Когда пароходъ очутился въ виду деревни, куда они ѣхали, докторъ объявилъ Эриху, что онъ его везетъ къ Вейдеману; этотъ человекъ, сказалъ онъ, сумѣетъ дать хорошій совѣтъ, и Эрихъ можетъ вполнѣ ему довѣриться. Съ минуту Эрихъ былъ въ недоумѣніи, потомъ сообразилъ, что его вѣроятно хотятъ подвергать еще новому испытанію.

Онъ, вмѣстѣ съ докторомъ, сѣлъ въ лодку, которая должна была доставить ихъ на берегъ. Оставшіеся на пароходѣ пассажиры, со стаканами въ рукахъ, еще долго имъ кланялись, пока наконецъ не скрылись изъ виду. Лодочникъ, хорошо знавшій доктора, сказалъ ему:

— Вы найдете господина Вейдемана въ саду.

Они вышли на берегъ. Эрихъ былъ представленъ Вейдеману и увидалъ высокаго, худоцаваго мужчину съ умнымъ, спокойнымъ лицомъ, въ глазахъ котораго было еще много жизни и огня. Въ первую минуту, обращеніе Вейдемана поражало своей сухостью. Онъ сидѣлъ за столомъ, гдѣ были разбросаны бумаги и стояло нѣсколько бутылокъ и стакановъ. Дружески кивнувъ головой вновь пришедшимъ, онъ опять обратился къ своимъ собесѣдникамъ.

ГЛАВА XI.

ИЩИ СПОСОБА ДОБЫВАТЬ ДЕНЬГИ.

Разочарованіе непременно овладѣваетъ вами, когда вы наконецъ встрѣчаетесь съ человѣкомъ, о которомъ вамъ до того привелось слышать очень много хорошаго. Такъ и Эрихъ, очутясь лицомъ къ лицу съ Вейдеманомъ, недоумѣвалъ, почему онъ пользовался такой громкой репутаціей, и ему показалось просто невѣроятнымъ, чтобъ этотъ человѣкъ могъ играть роль въ его собственной жизни. Доктора отозвали къ хозяину гостинницы, который наканунѣ захворалъ и считалъ за особенное счастье его теперешній прїѣздъ. Эрихъ пошелъ къ рѣкѣ и долго ходилъ тамъ взадъ и впередъ. Все въ его судьбѣ принимало такой странный оборотъ: его точно куда-то влекла невѣдомая ему сверхъестественная сила. Какъ недавно еще былъ онъ съ Роландомъ и проѣзжалъ по этой самой деревнѣ, которая тогда не имѣла въ его глазахъ рѣшительно никакого значенія. А теперь въ ней можетъ быть суждено рѣшиться его участи, и имя деревни займетъ важное мѣсто въ его дальнѣйшемъ существованіи.

— Господинъ капитанъ! внезапно окликнулъ его лодочникъ: господинъ Вейдеманъ проситъ васъ пожаловать въ садъ.

Эрихъ пошелъ туда и былъ встрѣченъ Вейдеманомъ, который принялъ его чрезвычайно ласково, говоря, что теперь только настоящимъ образомъ привѣтствуетъ его, потому что прежде былъ слишкомъ поглощенъ своимъ занятіемъ. Вскорѣ пришелъ и докторъ, и они втроемъ усѣлись вокругъ столика въ одномъ изъ уголковъ сада, откуда разстилался обширный видъ на окрестную мѣстность. Вейдеманъ началъ подшучивать надъ докторомъ, забавно упрекая его въ мнимомъ пристрастіи къ слишкомъ сильнымъ средствамъ. Эрихъ присоединился къ Вейдеману, но въ ихъ шуточныхъ нападкахъ на доктора проглядывало искреннее къ нему уваженіе, и оба не замедлили сдѣлаться отличными друзьями.

Эрихъ уже догадывался, что докторъ намѣревается навязать ему управленіе пороховымъ заводомъ. Но Вейдеманъ сказалъ, что дѣло это обставлено слишкомъ большими трудностями. Правительство на каждомъ шагу воздвигаетъ новыя препятствія и они, наконецъ, рѣшились открыть главный сбытъ своего производства въ Новый Свѣтъ. За то, прибавилъ онъ, у нихъ имѣется въ виду нѣчто совершенно новое. Они напали на слой бурого желѣзняка и теперь устриваютъ общество для разработки

его. Человѣкъ, съ нѣкоторымъ навыкомъ въ труду, легко можетъ втянуться въ это дѣло, и онъ, Вейдеманъ, не прочь поручить его Эриху.

Молодой человѣкъ учтиво отклонилъ отъ себя это предложеніе, говоря, что не намѣренъ болѣе измѣнять своего призванія. Докторъ поспѣшилъ вмѣшаться и началъ восхвалять настоящее время, которое дозволяетъ людямъ съ основательнымъ знаніемъ посвящать себя дѣятельности, открывающей имъ путь къ пріобрѣтенію. Они такимъ образомъ создаютъ среднее сословіе, подобнаго которому нельзя встрѣтить ни въ одномъ историческомъ періодѣ.

— Настоящій вѣкъ принадлежитъ исключительно намъ, людямъ средняго сословія, сказала докторъ въ заключеніе: согласны вы съ этимъ?

— Вполнѣ.

— Въ такомъ случаѣ идите и дѣлайте тоже. И онъ прибавилъ, что семейство Вейдемановъ, безъ сомнѣнія, охотно приметъ Эриха въ свой кругъ.

Эрихъ отвѣчалъ съ улыбкой, что, къ сожалѣнію своему, долженъ отказаться отъ ихъ дружескаго содѣйствія. Онъ уважаетъ свободу, доставляемую богатствомъ, но считаетъ себя неспособнымъ къ жизни, направленной исключительно къ пріобрѣтенію.

— Вотъ какъ! съ досадою воскликнулъ докторъ:—А знакомы ли вамъ девизъ нашего времени? Эксплуатировать или быть эксплуатированнымъ: вотъ онъ что гласить. Зачѣмъ же вы хотите, чтобъ васъ эксплуатировалъ Зонненкампъ?

— А неужели вы предпочли бы, чтобъ я эксплуатировалъ другихъ и присвоивалъ себѣ плоды чужихъ рабочихъ силъ?

— Не годится, вмѣшался Вейдеманъ, чисто личному вопросу давать такое общее значеніе. Я вижу... я ожидалъ, что различіе между богатыми и бѣдными васъ сильно занимаетъ. Я думаю, и нашъ другъ, докторъ, безъ сомнѣнія, подтвердитъ это, что такъ-называемыя общественныя болѣзни имѣютъ много сходства съ физическими. Мы, въ настоящее время, благодаря успѣхамъ медицины, лучше нашихъ предшественниковъ понимаемъ ту или другую болѣзнь, хотя еще и не нашли способа ее лечить. Обыкновенно надо долго знакомиться съ болѣзью, пока откроешь для нея лекарство, а до тѣхъ поръ приходится довольствоваться настоящимъ положеніемъ вещей.

— Вы никогда не желали быть богатымъ? спросилъ у Эриха докторъ, который казался раздраженнымъ.

— Нелѣпо было бы съ моей стороны желать того, чего я не въ состояніи себѣ доставить собственными силами.

Вейдеманъ пристально поглядѣлъ на Эриха. Тотъ почувствовалъ на себѣ его взглядъ, и ему показалось, что, онъ въ эту минуту, не колеблясь, простымъ движеніемъ руки отвергъ бы всѣ богатства въ мірѣ. Но тутъ же ему пришло на мысль: а какъ хорошо было бы, избавясь отъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, посвятить себя исключительно умственной дѣятельности и не имѣть надобности ни въ чемъ отказывать матери и теткѣ.

Но нѣтъ: первое желаніе его матери заключается въ томъ, чтобы онъ остался вѣренъ самому себѣ. И чѣмъ настоятельнѣе его уговаривали — тамъ Клодвигъ, здѣсь докторъ, измѣнить своему призванію, — тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ, не только то, что не долженъ выходить изъ сферы избраннаго имъ труда, но еще и то, что на немъ уже лежитъ нравственная обязанность въ отношеніи къ Роланду.

Вейдеманъ рассказалъ, что недавно получилъ изъ Нью-Йорка письмо отъ своего племянника, доктора Фрица, который уведомлялъ его объ отъѣздѣ своей маленькой дочери въ Германію, гдѣ онъ желалъ, чтобы она получила воспитаніе. Затѣмъ разговоръ перешелъ на личности и на предметы, незнакомые Эриху.

Вскорѣ пришелъ лодочникъ и объявилъ, что вдали на Рейнѣ уже показался послѣдній пароходъ. На прощанье, Вейдеманъ крѣпко пожалъ Эриху руку и просилъ его, въ случаѣ нужды, обратиться къ нему за помощью и за совѣтомъ: онъ всегда радъ будетъ оказать ему услугу.

Докторъ и Эрихъ сѣли въ лодку и поплыли къ пароходу. Въ теченіи всей дороги они ни слова не сказали другъ другу.

Сойдя съ парохода въ городкѣ, гдѣ жилъ докторъ, они встрѣтили въ липовой аллеѣ вдоль берега много мужчинъ и женщинъ. Прибытіе послѣдняго парохода, который здѣсь останавливался на ночь, считалось событіемъ и встрѣчать его обыкновенно выходила большая часть жителей маленькаго городка. Жена доктора тоже тутъ была, и вмѣстѣ съ мужемъ и Эрихомъ отправилась домой. Она была очень ласкова съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ уже познакомилась въ Вольфсгартенѣ. Эрихъ ее почти совсѣмъ не помнилъ. Она была скромная, молчаливая женщина, и онъ тогда не обратилъ на нее никакого вниманія.

У доктора на дому дождалось много больныхъ. Эрихъ побывалъ въ своей комнатѣ, а затѣмъ отправился въ бібліотеку. Къ удовольствію своему, онъ нашелъ тамъ слѣды ученыхъ занятій доктора и убѣдился, что тотъ внимательно слѣдитъ за всѣми успѣхами медицины. Это было ему тѣмъ пріятнѣе, что онъ надѣялся съ помощью доктора пополнить нѣкоторые пробѣлы въ собственномъ знаніи.

Настали сумерки. Эрихъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ и думалъ; вдругъ раздался лошадиный топотъ, и онъ, какъ бы невольно, подошелъ къ окну. Ему показалось, что онъ въ проѣхавшемъ мимо всадникѣ узналъ Роланда, но потомъ приписалъ это дѣйствию воображенія, которое рисовало ему то, что наиболѣе занимало его.

Въ докторскомъ домѣ все было въ высшей степени уютно и свидѣтельствовало о довольствѣ. Самого хозяина изъ-за ужина опять позвали къ больному изъ сосѣдней деревни. Эрихъ съ его женой вышли погулять и направились вдолъ чистой улицы къ берегу рѣки. Докторша, между прочимъ, замѣтила, что желала бы для своего мужа постоянного товарища, подобнаго Эриху, образъ мыслей котораго ему сильно приходился по душѣ. Онъ иногда чувствуетъ себя одинокимъ въ городѣ, гдѣ не имѣетъ почти никого себѣ равнаго по уму и развитію.

Эриху было очень пріятно это слышать. Въ словахъ докторши онъ видѣлъ не только дружескую оцѣнку самого себя, но и выраженіе умной, любящей женщины, которая желала своему мужу разумнаго и прочнаго счастья.

ГЛАВА XII.

ВЪ ВЕСЕЛОМЪ ГОРОДКѢ.

Въ городѣ господствовали самыя дружескія и простыя отношенія между сосѣдями. Проходящіе по улицамъ и стоящіе у оконъ и на балконахъ весело обмѣнивались поклонами, болтали, шутили и смѣялись. Во многихъ домахъ слышались игра на фортепіано и пѣніе.

Эрихъ съ докторшей встрѣтили судьшу и дочь ея Лину, которая тоже вышла подышать свѣжимъ воздухомъ. Онѣ изъяснили удивленіе по случаю внезапнаго отъѣзда Эриха, такъ какъ вступленіе его въ домъ Зонненкампа считалось дѣломъ уже совершенно оконченнымъ. Отъ нихъ же Эрихъ узналъ, что Роландъ дѣйствительно былъ сегодня въ городкѣ. Онъ нѣсколько разъ проѣзжалъ мимо докторскаго дома и, наконецъ, такъ сильно прищипорилъ лошадь, что та взвилась на дыбы; на него просто было страшно смотрѣть.

Лина сгорала отъ желанія поговорить съ Эрихомъ, и это ей удалось, когда мать ея и докторша, встрѣтась съ директоромъ училища и его женой, завели съ ними рѣчь о лѣсничихъ, которая жила съ ними въ одномъ домѣ и только-что родила. Лина

пошла съ Эрихомъ впередъ и поспѣшно съ нимъ заговорила.

— Знаете вы, спросила она — что у вашего воспитанника Роланда есть сестра?

— Да, я о ней слышала.

— Только слышали? Нѣтъ, вы и видѣли ее. Она та самая дѣвушка, которую мы съ вами встрѣтили въ монастырѣ, на лѣстницѣ, въ сумерки. У ней еще была на лбу звѣзда, а за плечами крылья.

— Вотъ какъ! Въ самомъ дѣлѣ?

— Вотъ какъ! Въ самомъ дѣлѣ? передразнила его Лина. — Ахъ, какъ несносны эти мужчины! А я думала, что вы....

Она остановилась.

— Чтѣ я? спросилъ Эрихъ.

— Ахъ, маленька права, когда бранить меня за неосторожность и глупость: я болтаю все, чтѣ мнѣ взбредетъ на умъ. Но, вѣдь вы меня не обманете....

— Конечно, нѣтъ. Говорить неправду вообще грѣхъ, а въ отношеніи къ вамъ двойной.

— Ну, хорошо, сказала она и сняла шляпку:— Сознайтесь, Манна произвела на васъ впечатлѣніе? Только, смотрите, скажите правду, тогда и я вамъ кое-что скажу.

— Если вы полагаете, что я вамъ скажу: нѣтъ, то вы лишите меня возможности быть правдивымъ.

— Ну, такъ слушайте же, я вамъ скажу.... только, пожалуйста, вы никому не говорите. Манна у меня спросила, кто вы такой, а это отъ нея очень много! Ахъ, какая ужасная вещь богатство! Вдругъ являються люди и хотятъ на васъ жениться, потому что у васъ много денегъ.... нѣтъ, я не то хотѣла сказать.... Сдѣлайте такъ, чтобъ Манна не пошла въ монахини.

— Я долженъ этому помѣшать?

— Видѣли вы триповыя сандалиі монахинь? Можетъ ли быть что-нибудь отвратительнѣе? Такія сандалиі и Манна должна будетъ носить, а между тѣмъ у нея самая красивая нога въ мірѣ.

— Но почему же ей не сдѣлаться монахиней, если она того желаетъ.

Лина смутилась: она не ожидала такого отвѣта и къ тому же вспомнила, что сама хорошая католичка.

— Ахъ!... сказала она: — я думала.... вотъ видите ли какой я глупой ребенокъ!... Когда-то, уже давно, въ одинъ замокъ пріѣхалъ рыцарь, переодѣтый оруженосцемъ.... ну, вотъ мнѣ и пришло на умъ, что въ теперешнее время оруженосца долженъ замѣнить домашній учитель.

Она не успѣла докончить своей мысли. Къ нимъ подошла мать, которая, увидя дочь разговаривающую съ постороннимъ мужчиной, испугалась, чтобъ та не наговорила глупостей.

— Смию спросить, о чемъ вы толкуете? спросила судейша.

Лина тяжело вздохнула и стала кусать резиновую ленточку своей соломенной шляпки. Мать ей это запрещала дѣлать, но она, вѣроятно, забыла. Эрихъ между тѣмъ отвѣчалъ совершенно просто:

— Ваша дочь напомнила мнѣ о нашей первой встрѣчѣ въ монастырѣ. Я тогда былъ не совсѣмъ къ вамъ внимателенъ и сегодня прошу васъ меня за это простить. Возможность передъ вами теперь оправдаться снимаетъ съ моей совѣсти тяжелый упрекъ, и я васъ умоляю передать мои извиненія также и вашему супругу. Въ путешествіи встрѣчаешь столько чванныхъ, непріятныхъ людей, что и самъ подъ-часъ становишься неучтивымъ, чѣмъ и наносишь себѣ вредъ. Еслибъ я не имѣлъ счастья опять съ вами встрѣтиться, вы сохранили бы обо мнѣ, а я о васъ не совсѣмъ пріятное воспоминаніе. Но въ этотъ прекрасный вечеръ, на берегу вашей чудной рѣки, гдѣ люди такъ привѣтливы и веселы, невольно чувствуешь желаніе быть со всѣми ласковымъ, и такъ и хочется всякому встрѣчному сказать: — Радуйся, товарищъ, и давай вмѣстѣ наслаждаться тѣмъ короткимъ временемъ счастья, которое называется жизнью.

Эрихъ говорилъ съ одушевленіемъ и произвелъ на судейшу весьма выгодное впечатлѣніе. Вообще эта вечерняя прогулка всѣмъ показалась очень пріятной. Лина вскорѣ оставила мать одну съ Эрихомъ, а сама пошла рядомъ съ докторшей. Они еще долго такимъ образомъ гуляли. Вдругъ вдали послышался шумъ колесъ, и докторша тотчасъ узнала, что это экипажъ ея мужа.

И дѣйствительно, къ нимъ вскорѣ подѣхалъ докторъ, къ которому уже успѣло возвратиться веселое расположеніе духа.

— Меня призывали, сказалъ онъ — чтобъ передо мной исповѣдаться. Умеръ одинъ мой должникъ.

И докторъ разсказалъ, что въ сосѣдней деревнѣ жилъ человекъ, котораго онъ не могъ равнодушно видѣть. Человекъ этотъ произнесъ ложную клятву, съ цѣлью отпереться отъ долга въ сто гульденовъ, которыми ссудилъ его докторъ. Такой поступокъ невольно заставилъ послѣдняго повѣрить низости человѣческой природы. Но вотъ, должникъ передъ смертью раскаялся, возвратилъ долгъ, и докторъ внезапно увидѣлъ себя сотней гульденовъ богаче и однимъ вѣрованіемъ бѣднѣе. Какъ ему теперь смѣяться надъ людьми, которыхъ онъ потерялъ возможность презирать?

— Чтò вы сдѣлаете съ этими деньгами? спросила Лина.

— А ты что сдѣлала бы?

— Не знаю.

— Капитанъ, на чтò употребили бы вы ихъ? внезапно обратился довторъ къ Эриху: — куда дѣвали бы вы миллионъ, еслибъ онъ у васъ былъ?

— Я? спросилъ озадаченный Эрихъ, не понимая къ чему клонится этотъ вопросъ.

— Да, вы?

— Я объ этомъ никогда не думалъ, но полагаю, что скорѣе всего учредилъ бы во всѣхъ германскихъ университетахъ стипендіи. Богатый человѣкъ обязанъ заботиться объ обезпеченіи людей, посвящающихъ себя наукѣ.

— Хорошо, сказалъ докторъ: всякій думаетъ о томъ, что ему ближе къ сердцу. Вотъ мой маленький другъ Лина, будь у нея въ распоряженіи миллионъ, накупила бы голубой кисеи и одѣла бы въ нее весь свѣтъ. Не правда ли, Мусселина?

Лина молчала.

— Отвѣтъ какой-нибудь шуткой, Лина, сказала судейша: — или ты не умѣешь?

Но Лина, казалось, дѣйствительно не умѣла, хотя вообще между ней и довторомъ существовали самыя дружескія отношенія, и они часто другъ съ другомъ шутили и смѣялись.

Распростившись съ судейшей и ея дочерью, довторъ съ Эрихомъ отправились домой.

— Вы здѣсь можете видѣть совершенно новый родъ воспитанія, — сказалъ докторъ дордогой. — Судейша во что бы то ни стало хочетъ сдѣлать изъ своей дочери бойкую, свѣтскую барышню, но, къ счастью, дѣвочка отъ природы проста, умна, искренна, и когда съ ней говоришь наединѣ, выказываетъ много живости и неподдѣльной веселости, такъ что дѣйствительно заслуживаетъ названіе Мусселины.

Докторъ былъ особенно ласковъ съ Эрихомъ. Онъ сознавалъ, что слишкомъ рѣзко вмѣшался въ судьбу молодого человѣка, и хотѣлъ, не имѣя на то права, произвести въ ней переворотъ. Онъ сожалѣлъ, что первое впечатлѣніе, произведенное на Эриха Вейдеманомъ, было не вполне благопріятно послѣднему. И дѣйствительно, прибавилъ докторъ, сегодня Вейдеманъ былъ какъ-то особенно сдержанъ; съ нимъ, вѣроятно, чтò-нибудь случилось и потому Эрихъ хорошо сдѣлаетъ, если повременить составить себѣ о немъ окончательное мнѣніе. Эрихъ отвѣчалъ, что никакъ не позволитъ себѣ судить о какомъ-нибудь прекрасномъ видѣ на Рейнѣ, по тому, какимъ онъ ему представится въ дожд-

ливую или туманную погоду. Докторъ улыбнулся. Онъ явно во время своей поѣздки много думалъ объ Эрихѣ и теперь звалъ его не иначе какъ капитаномъ, чему впрочемъ не замедлилъ высказать причину.

— Вы первый человѣкъ изъ военнаго званія, съ которымъ я чувствую себя привольно. До сихъ поръ, въ сношеніяхъ съ офицерами, я всегда испытывалъ... не то, чтобы страхъ, а какое-то ощущеніе робости, свойственное безоружному, когда возлѣ него находится человѣкъ вооруженный. Въ васъ много воинской смѣлости, но въ тоже время и спокойствія. Я беру назадъ мое слово и говорю, что воинъ въ сущности можетъ быть лучшимъ воспитателемъ, чѣмъ врачъ. Ну, а теперь, прощайте! Спокойной ночи!

Въ уединеніи своей комнаты Эрихъ забылъ все, что прожилъ и переживалъ въ этотъ день. Роландъ занялъ всѣ его мысли и онъ тщетно старался себѣ представить, что теперь могло происходить въ душѣ мальчика, который поѣхалъ вслѣдъ за нимъ, чтобы еще разъ на него взглянуть. Роландъ негодовалъ на Эриха за то, что тотъ могъ покинуть его, — его, который такъ искренно и съ такой довѣрчивостью полюбилъ своего новаго наставника. Мальчику казалось, будто его ограбили, и онъ съ тоской въ сердцѣ ѣздилъ взадъ и впередъ по улицамъ городка въ надеждѣ встрѣтить Эриха или увидеть его въ окнѣ. Но ожиданіе его не сбылось, и онъ со слезами досады отправился въ обратный путь.

Мальчику, котораго ожидало впереди несмѣтное богатство, міръ казался чуждымъ и негостепріимнымъ; — Эриху, все достоиніе котораго заключалось въ собственныхъ мысляхъ, онъ являлся исполненнымъ всевозможныхъ благъ и радостей. Онъ въ тишинѣ ночной припоминалъ дружескій пріемъ, оказанный ему въ Вольфсгартенѣ Клодвигомъ, а здѣсь докторомъ; и гостепріимство получало въ его глазахъ размѣры высокой добродѣтели. Въ древнія времена люди принимали у себя боговъ и ангеловъ, — нынѣ человѣкъ, давая пріютъ страннику, о существованіи котораго онъ еще вчера не имѣлъ понятія, проявляетъ въ себѣ ту же свою божественную природу.

Тамъ, на верху, въ Вольфсгартенѣ, ему было оказано отеческое расположеніе, возникшее вслѣдствіе сходства во вкусахъ и мнѣніяхъ. Здѣсь у доктора, не смотря на существенное различіе во взглядахъ на вещи, онъ встрѣтилъ не менѣе искреннюю и теплую дружбу. Тамъ онъ видѣлъ Беллу, которая все любитъ обращать въ собственную пользу. Здѣсь онъ нашелъ докторшу, которая для себя лично ничего не желаетъ, но въ простотѣ души

хочетъ только, чтобъ мужъ ея могъ имѣть въ Эрихѣ постояннаго товарища для бесѣды объ ученыхъ предметахъ. А кромѣ того, сколько еще другихъ личностей встрѣтилъ онъ... неужели это все только мимолетныя встрѣчи, которыя имѣютъ значеніе обыкновенныхъ путевыхъ впечатлѣній и которыя, разъ исчезнувъ, останутся для него безъ всякихъ послѣдствій?

ГЛАВА XIII.

О П Я Т ь О Д И Н ь .

— Утромъ я себя всегда чувствую точь-въ-точь какъ вымытый трубочистъ, — говаривалъ про себя докторъ. Онъ обыкновенно, зимой и лѣтомъ, вставалъ въ пять часовъ и принимался за работу, которую прерывалъ только въ случаѣ, если за нимъ присылалъ дѣйствительно опасно больной. Онъ такимъ образомъ работалъ нѣсколько часовъ сряду, и это не только знакоило его съ новѣйшими открытіями въ медицинѣ, но еще, по его собственному выраженію, освѣжало его подобно ключевой водѣ, въ которой онъ каждое утро купался. Что-бы затѣмъ ни случилось въ теченіи дня, онъ неизмѣнно чувствовалъ себя бодрымъ и веселымъ, потому что успѣлъ подкрѣпить себя умственной пищей. Однажды, въ бесѣдѣ съ пріятелемъ, онъ назвалъ эти утренніе часы, посвященные серьезному труду, верблюжьими: онъ, какъ верблюдъ, въ теченіи ихъ запасался живительной влагой, которой снова и снова освѣжалъ себя въ продолженіи дня всякій разъ, что утомлялся, бродя по безотрадной пустынѣ. Нельзя сказать, однако, чтобъ жизнь вообще казалась ему пустыней. Онъ обладалъ необыкновеннымъ спокойствіемъ духа и большимъ запасомъ веселости, съ помощью которыхъ бодро смотрѣлъ на міръ и побѣждалъ всѣ трудности, какія встрѣчалъ на своемъ пути. Эту веселость и это спокойствіе онъ приписывалъ исключительно своему здоровому желудку.

Когда, на другое утро послѣ своего отъѣзда изъ виллы Эдемъ, Эрихъ проснулся, докторъ, кабинетъ котораго находился противъ его комнаты, послалъ ему сказать, что черезъ часъ времени будетъ ожидать его къ завтраку. Въ столовую докторъ явился такимъ свѣжимъ, какъ будто только-что всталъ. Жена его вскорѣ ушла хлопотать по хозяйству, а вѣрнѣе для того, чтобъ не мѣшать ему говорить съ Эрихомъ объ ученыхъ предметахъ, о которыхъ на этотъ разъ, впрочемъ, не было и помину.

Въ столовой висѣли портреты родителей доктора, а также

его дѣда и бабушки. Это послужило ему поводомъ разсказать кое-что изъ своей собственной жизни. Дѣдъ и отецъ доктора были шкиперами. Онъ помнилъ, какъ тотъ и другой праздновали свою золотую свадьбу, и съ своей стороны надѣялся до того же дожить. Затѣмъ докторъ освѣдомился, въ какомъ положеніи находились дѣла матери Эриха, и какія имѣли они средства къ существованію.

Эрихъ откровенно ему все разсказалъ. У матери его были знатные и богатые друзья, на которыхъ она возлагала кое-какія надежды, но онъ рѣшительно ничего отъ нихъ не ожидалъ, да если говорить правду, то и предпочиталъ обойтись безъ ихъ помощи. Докторъ подтвердилъ его въ этомъ мнѣніи и выразилъ при этомъ свой, какъ онъ самъ называлъ, еретическій взглядъ на благотворительность. Онъ особенно возставалъ противъ благодѣяній, разсыпаемыхъ понемножку на всѣ стороны, и находилъ, что гораздо лучше и дѣйствительнѣе оказывать ихъ въ болѣе узкомъ кругу, устраивая вполне судьбу одного человѣка или семейства, которые потомъ, съ своей стороны, могли бы дѣлать добро и оказывать пользу ближнимъ. Докторъ не разъ пытался приложить свою теорію къ практикѣ, но съ Зонненкампомъ ему это не удалось. Тотъ рѣшительно отказывался имѣть что-либо общее съ людьми, которымъ бросалъ милостыню.

Рѣчь такимъ образомъ снова зашла о Зонненкампѣ, и докторъ взялъ съ Эриха слово, что онъ самымъ точнымъ образомъ уговорится съ Зонненкампомъ на счетъ вознагражденія за свои труды по воспитанію его сына.

— А затѣмъ вамъ нечего больше и думать объ этомъ человѣкѣ, — сказалъ докторъ, разбивая яйцо: — Свѣтъ, видите ли, держится на обмѣнѣ веществъ. Мы съ большимъ аппетитомъ ѣдимъ яйца, а курица добываетъ себѣ пищу изъ навозной кучи.

Эриху чувствовалось очень пріятно въ обществѣ этого умнаго, дѣятельнаго человѣка. Онъ выразилъ свое удовольствіе по случаю того, что нашелъ въ такомъ маленькомъ городѣ столько замѣчательныхъ людей, которые должны придавать особенную прелесть общественной жизни. Докторъ сталъ оспаривать это мнѣніе. — Необходимость, въ какую вы здѣсь поставлены вести знакомство съ вашими сосѣдями, говорилъ онъ, и невозможность, какъ въ большомъ городѣ, самому выбирать своихъ пріятелей, дѣлаютъ васъ мелочнымъ, раздражительнымъ и развиваютъ наклонность къ сплетнямъ. Кругъ вашихъ знакомыхъ въ большомъ городѣ, пожалуй, и не будетъ обширнѣе того, въ которомъ вы здѣсь вращаетесь по необходимости, — но эта необходимость, лишая васъ свободы, дѣлаетъ общественную жизнь натянутой.

— Впрочемъ, насъ здѣсь, — сказали онъ въ заключеніе, — всего на всего столько, что мы всегда можемъ составить партію виста.

Настало время отъѣзда, и Эрихъ разстался со своими друзьями подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ. Докторъ проводилъ его до первой станціи по желѣзной дорогѣ, а тамъ простился съ нимъ, крѣпко пожимая ему руку и повторяя, что желалъ бы съ нимъ вмѣстѣ жить.

Поѣздъ простоялъ на станціи долѣе обыкновеннаго, поджидая другой, съ нижней части Рейна, который ѣхалъ къ нему на встрѣчу и немного запоздалъ. Толпа молодыхъ людей, въ сопровожденіи нѣсколькихъ пожилыхъ, раскланявшись съ докторомъ, сѣла въ вагонъ, гдѣ находился Эрихъ. Докторъ объяснилъ ему, что они всѣ ѣдутъ на пробу вина, назначенную сегодня по случаю распродажи, въ одномъ изъ погребовъ «виннаго графа». Онъ между прочимъ указалъ на одного человѣка, который имѣлъ репутацію самаго тонкаго знатока вина во всей странѣ. Эрихъ замѣтилъ, что онъ тоже возвращается съ «пробы вина». Онъ отвѣдалъ въ здѣшней мѣстности много различныхъ винъ, хоть это и были вина духовныя.

Докторъ громко засмѣялся.

— Дѣйствительно, — сказалъ онъ: — графъ Вольфсгартенъ, Пранкенъ, Белла, Зонненкампъ, собачникъ, Семиствольникъ, Мусселина, Вейдеманъ, фрейленъ Пэрини, маіоръ, патеръ, я и Роландъ... какая разнообразная карта винъ! Смотрите, чтобъ вамъ теперь, по выходѣ изъ погреба, не опьянѣть.

Потомъ, перемѣнивъ тонъ, онъ вдругъ воскликнулъ:

— Вы, право, способны довести меня до того, что я еще, пожалуй, возьму, да и напечатаю что-нибудь. Я не раздѣляю того мнѣнія, что будто бы должны существовать такіе потребители, которые въ свою очередь ничего не производятъ. У насъ въ Германіи врядъ ли найдется человѣкъ, получившій ученую степень и не написавшій хоть одной книги; это, я полагаю, облегчаетъ самое ученіе. Когда вы здѣсь поселитесь, я почти увѣренъ, что займусь сочиненіемъ исторіи сна.

Ожидаемый съ Нижняго Рейна поѣздъ пріѣхалъ. Докторъ еще разъ схватилъ Эриха за руку и воскликнулъ:

— Мы друзья, не правда ли? Тотъ изъ насъ, кто первый измѣнитъ другому, обязанъ предупредить его объ этомъ за восемь дней. Прощайте!

Послѣднія слова были заглушены свистомъ локомотива, и Эрихъ помчался домой.

Онъ сидѣлъ потупившись, вдругъ кто-то сказалъ: — Вонъ ѣдетъ молодой Зонненкампъ! — Эрихъ выглянулъ въ окно и еще

разъ увидѣлъ Роланда, который вскорѣ скрылся за небольшой насыпью.

Эрихъ не слышалъ ни оживленнаго говора, ни веселаго смѣха своихъ спутниковъ. Погруженный въ самого себя, онъ перебиралъ въ умѣ событія послѣднихъ дней и старался угадать, что ожидаетъ его впереди. Онъ радъ былъ, когда на слѣдующей станціи его спутники вышли, и онъ остался одинъ въ вагонѣ. На мгновеніе имъ овладѣло раскаяніе въ томъ, что онъ ничѣмъ не порѣшилъ съ Зонненкампомъ: честно ли это и разумно ли? — задавалъ онъ себѣ вопросъ. Но мысль эта не долго его тревожила, и онъ опять ободрился.

Физически насъ уносить впередъ паровая сила. А нравственно?!.. Насколько можемъ мы сами устраивать свою собственную судьбу?..

На многихъ станціяхъ въ вагонъ къ Эриху садились мальчики съ сумками черезъ плечо. Оказалось, что то были дѣти родителей, жившихъ на отдѣльныхъ дачахъ и въ деревняхъ. Ихъ каждый день посылали въ уѣздный городъ въ школу, откуда они возвращались вечеромъ. Эриху пришло на умъ, какая молодежь выйдетъ изъ этихъ дѣтей, которые съ утра попадаютъ въ суматоху поѣздовъ, собираются для ученія и снова по желѣзной дорогѣ возвращаются домой? Эта юность не будетъ похожа на нынѣшнюю; она съизмала научится охранять свою внутреннюю жизнь отъ натиска безпокойнаго современнаго ей времени. Эрихъ видѣлъ въ будущемъ, какъ большіе города перестанутъ непомерно расти: Люди начнутъ селиться среди зелени полей, по берегамъ рѣкъ, на широкомъ пространствѣ, гдѣ на нихъ будетъ привѣтливо смотрѣть голубое небо. И при всемъ этомъ они не будутъ лишены возможности усвоивать себѣ элементы образованія, которымъ пользуются люди тѣсно сбитые въ кучи по большимъ городамъ. А освѣжительный воздухъ полей навѣтетъ на душу новыя силы.

Между тѣмъ, какъ Эрихъ съ докторомъ спѣшили на желѣзную дорогу, судейша съ мужемъ и дочерью садились за утренній кофе. Рѣчь, конечно, зашла о вчерашней прогулкѣ, и судейша передала мужу извиненія Эриха.

— Хорошо... хорошо... сказалъ судья: — Этотъ молодой человекъ любезенъ и ловокъ, а все-таки не дурно, что онъ убрался: онъ опасный человекъ!

Б. АУЭРВАХЪ.

(Конецъ первой части.)

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ НАРОДОВЪ.

Исторія первоначально есть *наука народнаго самопознанія*. Но самый лучший способъ для народа познать самого себя—это познать другіе народы и сравнить себя съ ними; познать же другіе народы можно только посредствомъ познанія ихъ исторіи. Познаніе это тѣмъ обширнѣе и яснѣе, чѣмъ большее число народовъ становится предметомъ познанаія,—и естественно рождается потребность достигнуть полноты знанія, изучить исторію всѣхъ народовъ, сошедшихъ съ исторической сцены и продолжающихъ на ней дѣйствовать, изучить исторію всего человѣчества, и такимъ образомъ исторія становится наукою самопознанія для цѣлаго человѣчества. Изученіе исторіи отдѣльнаго народа и цѣлаго человѣчества, или такъ-называемой всеобщей исторіи, представляетъ одинавіа общія трудности. Внѣшній, окружающій насъ міръ легко поддается нашему изученію: вооруженныя могущественными орудіями, мы проникаемъ и въ небо, и въ море и въ нѣдра земли, посредствомъ телескопа приближаемъ къ себѣ тѣла, отстоящія отъ насъ на громадное разстояніе, посредствомъ микроскопа наблюдаемъ за жизнію существъ, невидимыхъ простымъ глазомъ; но существо человѣка для насъ темно, завѣса, скрывающая тайны его жизни, едва приподнята, а исторія имѣетъ дѣло съ человекомъ, съ его жизнію во всѣхъ ея проявленіяхъ. Притомъ въ исторіи мы не можемъ наблюдать явленій непосредственно; мы смотримъ здѣсь чужими глазами, слушаемъ чужими ушами. Вни-

мателное изученіе внѣшней природы уяснило для насъ многое относительно вліянія этой природы на жизнь человѣка, на жизнь человѣческихъ обществъ; но это только одна сторона дѣла, ограничиваться которою и увлекаться ею опасно для науки. Другая причина трудности при изученіи исторіи заключается въ близости ея къ нашимъ существеннымъ интересамъ. Не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ сознанія, что исторія есть объяснительница настоящаго и потому наставница жизни (*magistra vitae*), человѣкъ однако хлопочетъ часто изо всѣхъ силъ, чтобъ высвободиться изъ-подъ руководства этой наставницы. Покорствуя интересамъ настоящей минуты, онъ старается исказить историческія явленія, затемнить, извратить законы ихъ. Понимая важность исторіи, онъ хочетъ ея указаніями освятить свои мнѣнія, свои стремленія, и потому видитъ, ищетъ въ исторіи только того, что ему нужно, не обращая вниманія на многое другое: отсюда односторонность взгляда, часто ненамѣренная; но когда ему указываютъ на другую сторону дѣла, непріятную для него, онъ начинаетъ всѣми силами отвергать или, по крайней мѣрѣ, ослаблять ее: здѣсь уже искаженіе истины намѣренное. Исторія—это свидѣтель, отъ котораго зависитъ рѣшеніе дѣла, и понятно стремленіе подкупить этого свидѣтеля, заставить его говорить только то, что намъ нужно. Такимъ образомъ, изъ самого стремленія исказить исторію всего яснѣе видна ея важность, необходимость; но отъ этого наукѣ не легче.

Первый вопросъ въ исторіи каждаго народа: гдѣ живетъ народъ? Сильное вліяніе мѣстности, ея природныхъ условій на жизнь народа безспорно, но мы уже сказали, что здѣсь должно избѣгать односторонности. Если народъ, особенно во время своего младенчества, сильно подчиняется природнымъ условіямъ обитаемой имъ мѣстности, то, съ постепеннымъ развитіемъ его духовныхъ силъ замѣчается обратное дѣйствіе, измѣненіе природныхъ условій подъ вліяніемъ народной дѣятельности: мѣста непроходимыя являются проходимыми, пути неудобныя удобными, пространства сокращаются, иссушаются болота, рѣдѣютъ лѣса, являются повья растенія, животныя, прежнія исчезаютъ, климатъ измѣняется, природныя условія продолжаютъ дѣйствовать, но это уже другія природныя условія, на которыя воздѣйствовалъ человѣкъ. Народный характеръ, нравы, обычаи, занятія народа мы не усумнились бы разсматривать какъ произведеніе вліянія природныхъ условій, еслибъ имѣли основаніе считать каждый народъ автохтонами; но если бы мы даже предположили не одного, а нѣсколько родоначальниковъ для человѣчества, то и тогда движеніе и переселеніе родоначальниковъ народныхъ и цѣлыхъ народовъ долж-

ны заставить насъ взглянуть на дѣло съ другой стороны. Если въ установившихся уже и развитыхъ обществахъ человѣкъ избираетъ себѣ дѣятельность по своимъ личнымъ наклонностямъ, по условіямъ своей личной природы, то это же самое должно было быть и во времена отдаленныя, времена расселенія племенъ и народовъ: не извѣстная мѣстность своими природными условіями первоначально создала характеръ ея жителей; но люди выбрали извѣстную страну мѣстомъ своего жительства по своимъ наклонностямъ, по своему характеру. Народъ, принужденный двинуться изъ прежняго мѣста жительства, вступаетъ въ степи, приглашающія его къ кочевому быту; но онъ останется въ степи и предастся кочевому быту только въ томъ случаѣ, если чувствуетъ внутреннее влеченіе къ нему; въ противномъ случаѣ онъ пройдетъ степь и устремится на исканіе другихъ странъ, именно соотвѣтствующихъ его природнымъ наклонностямъ. Живетъ одинъ народъ у моря, и море не оказываетъ на него никакого вліянія, не тянетъ его къ торговой дѣятельности; другой народъ пользуется близостью моря и стремится на открытіе новыхъ земель, новыхъ рынковъ, — для себя. Слѣдовательно, народъ носитъ въ самомъ себѣ способность подчиняться и не подчиняться природнымъ вліяніямъ, и отношенія потому измѣняются, являются болѣе свободными.

Но откуда въ народѣ эти внутреннія условія, вслѣдствіе которыхъ онъ подчиняется или не подчиняется вліянію природы, и подчиняется въ той или другой мѣрѣ, ранѣе или позднѣе выходитъ изъ своего подчиненія и начинаетъ бороться и преодолевать условія обитаемой имъ страны? Мы отличаемъ племена, мы говоримъ, что извѣстный народъ принадлежитъ къ племени, болѣе даровитому, болѣе способному къ развитію, другой къ менѣе способному; но откуда такое различіе въ племенахъ? Для рѣшенія этого вопроса справимся съ преданіями народовъ о ихъ происхожденіи и первоначальномъ бытѣ, съ преданіями, которыя, кромѣ всякаго другого авторитета, находятъ подтвержденіе въ ежедневномъ опытѣ. У патриарха Исаака двое сыновей; они близнецы, и не смотря на то съ противоположными характерами; между ними возникла борьба, вмѣстѣ они жить не могутъ, расходятся и становятся родоначальниками двухъ разныхъ народовъ. Въ еврейскомъ народѣ, въ его характерѣ, стремленіяхъ, историческомъ значеніи нельзя не признать потомства Авраама, Исаака и Іакова. Народъ похожъ на своего родоначальника не вслѣдствіе одного физическаго происхожденія отъ него: народъ воспитывается въ преданіяхъ, которыя идутъ отъ этого родоначальника и въ которыхъ отразилась его личная природа, его

взгляды и отношенія; эти преданія составляютъ святыню, которой вѣрять, которую хранить считаютъ главною обязанностью. Такъ составляется народный образъ; природа страны, гдѣ народъ основываетъ свое пребываніе, и многія другія условія обнаруживаютъ болѣе или менѣе сильное участіе при этомъ составленіи; но вліяніе природы, родоначальника и преданія, отъ него идущія и отражающія эту природу, необходимо должны быть предполагаемы, если не могутъ быть указаны. Что справедливо относительно народовъ, то должно быть справедливо и относительно цѣлыхъ племенъ. При нашей мнѳоманіи, при нашей дурной привычкѣ заставлять народы все жить ложью, мы говоримъ, что они создаютъ образъ своего родоначальника по себѣ, приписываютъ ему тѣ качества, которыя сознаютъ въ себѣ; но при этомъ забывается наслѣдственность качествъ, переходъ ихъ отъ предка къ потомству.

Мы сказали, что кромѣ вліянія личной природы родоначальника и природы страны, многія другія условія обнаруживаютъ болѣе или менѣе сильное вліяніе при составленіи народного образа. Здѣсь важное мѣсто занимаетъ движеніе народа, начинается ли народъ свою историческую роль послѣ сильнаго движенія, или исторія застаётъ его долго сидящимъ въ извѣстной странѣ, безъ особенныхъ побужденій къ движенію. Движеніе развиваетъ силы народа преодолѣніемъ опасностей и препятствій, вселяетъ отвагу, расширяетъ его горизонтъ, производитъ именно такое же вліяніе, какое производитъ путешествіе на отдѣльнаго человѣка, развивая его умственные силы знакомствомъ съ разнообразіемъ странъ и народовъ; но, разумѣется, здѣсь надобно обращать вниманіе на причину движенія, потомъ на то, какъ происходитъ оно, въ какія страны направлено, съ какими народами сталкивается извѣстный народъ, и какія слѣдствія этого столкновенія.

Причины движенія народа могутъ быть внѣшнія и внутреннія. Причины внѣшнія — натискъ другого народа, недостатокъ средствъ къ жизни въ извѣстной странѣ могутъ заставить цѣлый народъ или часть его выселиться изъ своей земли и искать другихъ жилищъ. Но иногда причины внутреннія, внутренній разладъ и борьба, вслѣдствіе его происшедшая, заставляютъ часть народа, меньшинство покинуть родину. Въ какой формѣ происходило движеніе, переселеніе — это особенно важно для историческаго наблюденія.

Успѣхъ въ изученіи исторіи зависитъ именно отъ внимательности этихъ наблюденій, отъ многосторонности взгляда; ошибки происходятъ не отъ неправильности только взгляда вообще, но отъ того, что мы глядимъ на одну сторону явленія и спѣшимъ

изъ этого разсматриванія вывести наше заключеніе, вывести общіе законы, объявляя другіе взгляды, т. е. взгляды на другія стороны явленія, ложными. Взглядъ вполне правильный есть взглядъ всесторонній; разумѣется, онъ можетъ принадлежать существу совершенному, божеству; человѣкъ не можетъ имѣть притязаній на всесторонность взгляда, но долженъ стремиться къ возможному для него совершенству, къ многосторонности изученія. Иногда идетъ долговременная и ожесточенная борьба между учеными, между цѣлыми школами, идетъ борьба не отъ того, что одни смотрятъ правильно, а другіе неправильно на явленіе, а отъ того, что одни смотрятъ на одну, а другіе на другую сторону явленія, и не догадаются соединить свои взгляды, дополнить одинъ другимъ. Многостороннее наблюденіе, разумѣется, легче относительно явленій вѣшной природы, къ которымъ мы относимся непосредственно; оно крайне трудно относительно историческихъ явленій, къ которымъ непосредственно мы относиться не можемъ, а должны ограничиваться чужими наблюденіями; но отъ труднаго до невозможнаго еще далеко.

До какой степени, при изученіи исторіи, мы не привыкли къ внимательному, многостороннему наблюденію, показываетъ всего лучше книга Бокля: «Исторія англійской цивилизаціи». Авторъ оплачиваетъ судьбу исторической науки, жалѣетъ, что «исторію писали люди вовсе неспособные къ рѣшенію своей великой задачи, что до сихъ поръ мало собрано нужныхъ матеріаловъ. вмѣсто того, чтобъ говорить намъ о предметахъ, которые одни имѣютъ значеніе, вмѣсто того, чтобы излагать намъ успѣхи знаній, и путь, на который вступаетъ человѣчество при распространеніи знаній, — вмѣсто этого, большая часть историковъ наполняютъ свои сочиненія самыми пустыми подробностями, анекдотами о государяхъ, о дворахъ, безконечными извѣстіями о томъ, что было сказано однимъ министромъ, что думалъ другой и, что всего хуже, длинными извѣстіями о войнахъ, сраженіяхъ, осадахъ, вовсе бесполезными для насъ, потому что они не сообщаютъ новыхъ истинъ и не даютъ средствъ къ открытію ихъ. Наши политическіе компиляторы занимаютъ слишкомъ много отдѣльными лицами и слишкомъ мало характеромъ времени, въ которое эти люди живутъ; эти писатели не понимаютъ, что исторія каждой цивилизованной страны есть исторія интеллектуальнаго развитія, которое государи, государственные люди и законодатели болѣе замедляютъ, чѣмъ ускоряютъ, потому что, какъ бы ни было велико ихъ могущество, все же они случайные и не полные представители духа своего времени».

Прежде всего замѣтимъ, что іереміады автора написаны зад-

нимъ числомъ, что исторія интеллектуальнаго развитія въ народѣ уже давно занимаетъ достойное ея мѣсто въ историческихъ сочиненіяхъ. Замѣтимъ встаети: Бокль не зналъ, что дѣлалось въ этомъ отношеніи у насъ въ Россіи. Здѣсь очень долго утверждали, что русская исторія начинается только съ Петра Великаго, потому что съ этихъ поръ только начинается исторія русскаго просвѣщенія, исторія интеллектуальнаго развитія, и что исторія до Петра не представляетъ никакого интереса. Эта крайность вызвала, какъ обыкновенно бываетъ, другую крайность; но какъ бы то ни было, вѣрно одно, что очень за-долго до Бокля въ одной странѣ громко проповѣдовались его положенія.

Исторія цивилизованной страны есть исторія интеллектуальнаго развитія, которое правительства болѣе замедляютъ, чѣмъ ускоряютъ: вотъ основное положеніе Бокля. Но прежде, чѣмъ слѣдить за интеллектуальнымъ развитіемъ въ странѣ, надобно уяснить, что сдѣлало эту страну способною къ интеллектуальному развитію? какія условія приготовили извѣстную почву для интеллектуальнаго развитія, вслѣдствіе чего интеллектуальное развитіе приняло то или другое направленіе? Такъ, на примѣръ, у насъ интеллектуальное развитіе начинается съ Петра Великаго; но почему оно начинается такъ поздно и именно съ этого времени? почему оно принимаетъ такія формы при Петрѣ и его преемникахъ? почему Россія теперь находится на извѣстной степени интеллектуальнаго, государственнаго и общественнаго развитія? Все это останется для насъ тайною и поведетъ къ безчисленнымъ ошибкамъ въ теоріи и практикѣ, если мы не изучимъ подробно нашей древней, до-петровской исторіи. Но оставимъ Россію и посмотримъ, какъ Бокль обращается съ исторіею своихъ западныхъ государствъ, съ исторіею своей Англіи, въ цивилизации которой видитъ самое правильное развитіе. Въ исторіи Англіи онъ точно также отзывается о времени до XVI вѣка, какъ у насъ еще недавно отзывались о до-петровскомъ времени, именно какъ о времени варварства, мрака, господства слѣпой, безусловной вѣры, какъ о времени, въ которое еще не рождалось сомнѣніе, а пока нѣтъ сомнѣнія — прогрессъ невозможенъ, по мнѣнію Бокля; слѣдовательно, что же такое была исторія Англіи до XVI вѣка? А между тѣмъ, до XVI вѣка здѣсь положено было крѣпкое основаніе тому, что составляетъ отличительную черту англійской исторіи, англійскаго государственнаго и народнаго быта, тому, что условило и развитіе интеллектуальное. Самъ Бокль, желая объяснить застой Испаніи, начинаетъ сначала, съ V-го вѣка. Значить, исторія цивилизованнаго народа имѣетъ важное значеніе и тогда, когда интеллектуальное развитіе еще не

начиналось, когда еще не рождалось сомнѣнiе; значить, важное значенiе имѣютъ извѣстныя отношенiя и безъ интеллектуальнаго развитiя; значить и послѣ появленiя интеллектуальнаго развитiя эти отношенiя не могутъ утратить своей важности; интеллектуальное развитiе приходитъ къ нимъ, какъ новая сила, съ могущественнымъ влiянiемъ на всѣ другiя отношенiя, но, какъ обыкновенно бываетъ въ исторiи, и само подчиняется влiянiю другихъ отношенiй.

Обратимся къ другому вопросу: что такое правительство? Правительство, въ той или другой формѣ своей, есть произведенiе исторической жизни извѣстнаго народа, есть самая лучшая повѣрка этой жизни. Какъ скоро извѣстная форма правительственная не удовлетворяетъ болѣе потребностямъ народной жизни въ извѣстное время, она измѣняется съ болѣшимъ или меньшимъ потрясенiемъ всего организма народнаго. Въ иномъ народѣ, повидимому, возбуждено сильное неудовольствiе противъ правительства, противъ его формы; но если, не смотря на это, правительство держится, то это значить, что народъ, въ своей исторiи, выработалъ извѣстныя условiя, которыя требуютъ именно такой формы правительственной. Правительство, какава бы ни была его форма, представляетъ свой народъ; въ немъ народъ олицетворяется, и потому оно было, есть и будетъ всегда на первомъ планѣ для историка. Исторiя имѣетъ дѣло только съ тѣмъ, что движется, видно дѣйствуетъ, заявляетъ о себѣ, и потому для исторiи нѣтъ возможности имѣть дѣло съ народными массами, она имѣетъ дѣло только съ представителями народа, въ какой бы формѣ ни выражалось это представительство; даже и тогда, когда народныя массы приходятъ въ движенiе, и тогда на первомъ планѣ являются вожди, направители этого движенiя, съ которыми исторiя преимущественно и должна имѣть дѣло. Дѣйствiя этихъ лицъ, а въ спокойное время распоряженiя правильнаго правительства, его удачныя мѣры или ошибки могущественно дѣйствуютъ на народъ, содѣйствуютъ развитiю народной жизни или препятствуютъ ему, приносятъ благоденствiе большинству или меньшинству, или навлекаютъ на нихъ бѣдствiя. Вотъ почему характеры правительственныхъ лицъ такъ важны для историка, такъ внимательно имъ изучаются, будь то неограниченный монархъ, будь то любимецъ этого монарха, будь то ораторы, вожди партiй въ представительныхъ собранiяхъ, министры, поставленные во главѣ управленiя перевѣсомъ той или другой партiи въ народномъ представительствѣ, будь то президентъ республики. Вотъ почему подробности, анекдоты о государяхъ, о дворахъ, извѣстiя о томъ, что было сказано однимъ министромъ, что ду-

ЕСТЬ ДРУГОЙ СЛУЧАЙ...
 ЭТИХ СЛОВ...
 И ОЧЕНЬ ЧАСТО...
 ЧТО НЕ ДОЛЖНО...
 СВЯЩАЕТЬ БОЛ...
 ФРАНЦУЗСКАЯ...
 СТВЕННОЕ...
 РАЗВИТИЕ...
 ВОРЬЧЕ...
 ШЕЛЬНИЧЕС...
 ИТОГО...
 ПОРАЖАЕТ...

Бол...

ЗАКОНОДАТЕ...
 СВОЕГО...
 НЕДОСТАТ...
 СМЫСЛ...
 СЯЕТСЯ...
 ЕГО НАРО...
 НИ НАРО...
 ДОЛЖНО...
 НИМИ УСЛО...
 ОЧЕРЕД...
 ЧАЙНЬ...
 РОДА ЗАВ...
 ТЬМИ...
 ТРЕННИ...
 ШАЮТСЯ...
 ОТНОСИ...
 НИХИ ЧА...
 ПОКОРЕН...
 ИСНЕНИЯ...
 ШЛО ИЗ...
 ЗАВОЕВА...
 НОСТИ?

Характер...

НИХЪ, СЛУЖ...
 РАДЪ, СЛ...

1-
 ть.
 0,
 не-
 Но
 це-
 низ-
 обще-
 обна-
 ностя
 рь че-
 на ха-
 обще-
 между
 ния ихъ
 вать пре-
 устанавли-
 му что въ
 ихъ народы
 ни, вынесен-
 ни, съ своими
 ихъ зависить
 ойна или миръ.
 льныхъ и нрав-
 народной имѣеть
 Толкуя о народѣ,
 внимательнѣе, что
 о прошедшемъ, не
 бь помогаетъ obja-
 авь мы теперь вол-
 бь важныя внутрення
 и этого страшнаго во-
 стный ходъ англійской
 ния страны, дающаго ей
 тельно съ государствами
 не дадимъ важнаго зна-
 цають, или возбуждаютъ
 ажное мѣсто, занимаемое
 ни ему даютъ его, распи-
 счиваютъ ходъ его исторіи!
 дѣйствій: онѣ не должны
 и всѣхъ народовъ, онѣ со-
 военной исторіи, и могутъ

одномъ народѣ, инымъ образомъ въ другомъ, бываетъ совершенно невозможна въ третьемъ; внутреннія условія народной жизни, въ извѣстное время, отливаютъ форму для дѣятельности правительственнаго лица, какъ всякаго историческаго дѣятеля вообще, во всѣхъ сферахъ: слѣдовательно, эта форма служитъ самою лучшею провѣркою народной жизни. Здѣсь уже случайность явленія исчезаетъ. Такимъ образомъ опять выходитъ, что мы должны изучать дѣятельность правительственныхъ лицъ, ибо въ ней находится самый лучшій, самый богатый матеріалъ для изученія народной жизни, и правительственныя лица являются представителями народа вовсе не случайными. Съ другой стороны, дѣятельность правительственныхъ лицъ, условливаясь извѣстнымъ состояніемъ общества, производитъ могущественное вліяніе на дальнѣйшее развитіе жизни этого общества, и потому должна обращать на себя особенное вниманіе историка. Какая возможность изучить характеръ времени, не изучивъ дѣятельности лицъ, выдающихся на первый планъ, и прежде всего, лицъ правительственныхъ? Не Цезарь разрушилъ римскую республику; эта республика, во времена Цезаря, заключала въ себѣ такія условія народной жизни, при которыхъ Цезарю возможно было сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Но какъ мы изучимъ эти условія, какъ поймемъ характеръ времени, не изучивъ дѣятельности Цезаря; его отношеній къ лицамъ, учрежденіямъ, различнымъ частямъ народонаселенія? Какъ мы изучимъ характеръ первыхъ временъ римской имперіи, не изучивъ характера отношеній первыхъ императоровъ къ сенату?

Бокль жалуется на историковъ также за то, что они наполняютъ свои сочиненія длинными извѣстіями о войнахъ, сраженіяхъ, осадахъ, вовсе бесполезными для насъ, потому что они не сообщаютъ намъ новыхъ истинъ и не даютъ средствъ къ открытію новыхъ истинъ. Мы думаемъ, что исторія должна открыть намъ истину о жизни одного или нѣсколькихъ народовъ. Впрочемъ, по поводу вопроса о значеніи исторіи войнъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о значеніи такъ-называемой внѣшней исторіи вообще, ибо нѣкоторые унижаютъ это значеніе передъ значеніемъ исторіи внутренней. Въ жизни отдѣльнаго человѣка мы различаемъ жизнь домашнюю и жизнь общественную; мы знаемъ хорошо, что человѣкъ немислимъ безъ общества, что только при столкновеніи съ другими людьми, въ общей дѣятельности, опредѣляются его понятія, развиваются его умственныя и нравственныя силы. Тоже самое и въ жизни цѣлыхъ народовъ: они также живутъ жизнью домашнею, или внутреннею, и жизнью общественною. Извѣстно, что такое народъ, живущій внѣ

общества другихъ народовъ. Застой—удѣлъ народовъ, особо живущихъ; только въ обществѣ другихъ народовъ народъ можетъ развивать свои силы, можетъ познать самого себя. Извѣстно, что европейскіе народы обязаны своимъ великимъ значеніемъ именно тому, что живутъ одною общею жизнію. Но послѣ этого какъ же можно отнимать значеніе у этой общественной жизни народа въ пользу внутренней или домашней жизни, которая подчиняется такому сильному вліянію жизни общественной? И внутренняя жизнь народа, въ свою очередь, обнаруживаетъ сильное вліяніе на степень и характеръ его участія въ общей жизни народовъ, точно такъ, какъ домашній кругъ человѣка, его домашнее воспитаніе имѣетъ важное вліяніе на характеръ, съ какимъ онъ является въ общество, на его общественную дѣятельность: но изъ признанія тѣсной связи между внѣшнею и внутреннею жизнію народа и взаимнаго вліянія ихъ другъ на друга не слѣдуетъ, что одной надобно отдавать преимущество передъ другою. Историкъ не можетъ не останавливаться долго на дипломатическихъ сношеніяхъ, потому что въ нихъ выражается общественная жизнь народа, въ нихъ народы являются передъ нами каждый съ своими интересами, вынесенными изъ исторіи, съ своими историческими правами, съ своими особенностями; наконецъ, отъ характера веденія ихъ зависитъ усиленіе или упадокъ значенія народа, зависитъ война или миръ. А война? Это мѣрило силъ народныхъ, матеріальныхъ и нравственныхъ. Вспомнимъ, какое значеніе въ жизни народной имѣетъ та или другая степень внѣшней безопасности. Толкуя о народѣ, не будемъ удаляться отъ него, но взглянемъ внимательнѣе, что значить для него война или миръ. Толкуя о прошедшемъ, не будемъ забывать настоящаго, которое такъ помогаетъ объясненію прошедшаго, не будемъ забывать, какъ мы теперь волнуемся вопросомъ о войнѣ или мирѣ, какъ важныя внутреннія дѣла останавливаются въ ожиданіи рѣшенія этого страшнаго вопроса внѣшняго. Повторяютъ, что извѣстный ходъ англійской исторіи зависитъ отъ островнаго положенія страны, дающаго ей большую внѣшнюю безопасность, сравнительно съ государствами континентальными. И послѣ этого мы не дадимъ важнаго значенія исторіи войнъ, которыя или истощаютъ, или возбуждаютъ народныя силы, отнимаютъ у народа важное мѣсто, занимаемое имъ въ обществѣ другихъ народовъ, или ему даютъ его, расширяютъ сферу его дѣятельности, поворачиваютъ ходъ его исторіи! Другое дѣло подробности военныхъ дѣйствій: онѣ не должны входить въ общую исторію одного или всѣхъ народовъ, онѣ составляютъ содержаніе спеціальной военной исторіи, и могутъ

быть доступны, полезны и занимательны только для специалистовъ.

Незаконный разводъ народа съ государствомъ, происшедшій въ головахъ нѣкоторыхъ нашихъ историческихъ писателей и преподавателей, породилъ довольно недоразумѣній. Забывъ, что государство есть необходимая форма для народа, который немислимы безъ государства, объявляли, что не стануть останавливаться на какомъ-нибудь громкомъ государственномъ событїи болѣе того, сколько требовать этого будетъ уразумѣніе воздѣйствія его на народный бытъ и воспитаніе; что не стануть преклоняться предъ біографіею лицъ, выходящихъ изъ массы; что эти лица будутъ важны единственно потому, что они принесли съ собою изъ массы, и что сообщили массѣ ихъ дарованія; что не будетъ важенъ никакой законъ, никакое учрежденіе сами по себѣ, а только по приложенію ихъ къ народному быту; что не будутъ останавливаться ни на какомъ литературномъ памятникѣ, если не будутъ видѣть въ немъ ни выраженія народной мысли, ни той силы, которая пробуждаетъ эту мысль; въ такомъ случаѣ, гораздо важнѣе будетъ народная пѣсня, даже полная анахронизмовъ въ изложеніи внѣшняго событїа; предметомъ первой важности будутъ повѣствованія лѣтописцевъ о неурожаяхъ, наводненїяхъ, пожарахъ и разныхъ бѣдствїяхъ, заставлявшихъ народъ страдать, о затмѣнїяхъ и кометахъ, пугавшихъ его воображеніе явленїяхъ, которыя для историка, имѣющаго на первомъ планѣ государственную жизнь, составляютъ неважныя черты.

Въ приведенныхъ мнѣнїяхъ видно непониманіе тѣсной связи между государствомъ и народомъ, связи формы съ содержанїемъ. Что значить, напримѣръ, разсматривать громкое государственное событїе со стороны воздѣйствія его на народный бытъ и воспитаніе? Но почему же это событїе громко? Историкъ, при встрѣчѣ съ такимъ событїемъ, прежде всего долженъ показать, какъ оно возникло въ жизни известнаго народа, разумѣя подъ жизнь народа жизнь внутреннюю и внѣшнюю. Что касается до значенія лицъ, выходящихъ изъ массы, то понятно, что всякій оцѣниваетъ ихъ по степени того добра, какое оказали они своимъ общественнымъ служенїемъ: объ этомъ никто никогда не спорилъ. Но здѣсь должно замѣтить, что историкъ не имѣетъ возможности непосредственно сноситься съ массою, онъ сносится съ нею посредствомъ ея представителей, историческихъ дѣятелей, ибо масса сама ничего о себѣ не скажетъ; и въ то время, когда она движется, волнуется, на первомъ планѣ ея вожди, представители, они говорятъ и дѣйствуютъ, и этимъ самымъ становятся доступны для историка. Если известны законъ или учреж-

деніе, каковы бы ни были сами по себѣ, не имѣютъ приложенія къ народному быту, то во всякомъ случаѣ они заслуживаютъ вниманія: если законъ или учрежденіе дѣйствуютъ и въ тоже время неприложимы къ народному быту, то они причиняютъ вредъ, затрудненія, неудобства въ отправленіяхъ народной жизни; это очень важно, и историкъ обязанъ вникнуть въ причины такого явленія, ибо здѣсь повѣрка народной жизни. Историкъ обязанъ останавливаться на важныхъ литературныхъ памятникахъ, ибо такіе памятники не могутъ пройти безслѣдно для жизни общества. Историкъ, имѣющій на первомъ планѣ государственную жизнь, на томъ же планѣ имѣетъ и народную жизнь, ибо отдѣлять ихъ нельзя: народныя бѣдствія не могутъ быть для него неважными чертами уже и потому, что они имѣютъ рѣшительное вліяніе на государственныя отправленія, затрудняютъ ихъ, бываютъ причинами разстройствъ въ государственной машинѣ, что вреднымъ образомъ дѣйствуетъ на народную жизнь. Но конечно историкъ, уважающій народъ, не поставитъ на ряду съ народными бѣдствіями затмѣній и кометъ, пугавшихъ народное воображеніе, хотя и не оставитъ ихъ безъ вниманія, когда будетъ говорить, какъ народъ, въ извѣстное время, представлялъ себѣ извѣстныя явленія.

Сдѣлавши эти предварительныя замѣчанія, мы приступимъ къ наблюденіямъ надъ историческою жизнію народовъ, и для правильности этихъ наблюденій начнемъ съ начала, начнемъ съ того, съ чего обыкновенно начинаютъ.

I.

ВОСТОКЪ.

I.

КИТАЙ.

Передъ нами одна изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ богатыхъ странъ въ мірѣ, страна чайнаго дерева и шелкового червя, страна, которая съ незапамятныхъ поръ составляетъ одно государство, самое обильное трудолюбивымъ и промышленнымъ народонаселеніемъ, долго славившимся своими шелковыми, хлопчатобумажными и фарфоровыми издѣліями, знавшимъ, какъ говорятъ, порохъ, компасъ и книгопечатаніе прежде свропейцевъ; но это государство съ незапамятныхъ поръ не имѣетъ исторіи; Китай и неподвижность сдѣлались понятія неразрывно связанными другъ

съ другомъ. Съ неподвижностію, страхомъ передъ новымъ соединена замкнутость, страхъ предъ чужимъ. Причины этихъ явлений находятъ, во 1-хъ, въ природныхъ условіяхъ; во 2-хъ, въ характерѣ монгольскаго племени, къ которому принадлежитъ народъ китайскій. Будемъ наблюдать надъ дѣйствіями этихъ условій.

Указываютъ, что замкнутость Китая происходитъ отъ того, что онъ окруженъ высочайшими горами и бурными, туманными, имѣющими много мелей морями; съ другой стороны, указываютъ на необыкновенное плодоносіе и роскошь страны, вполне удовлетворяющей народонаселеніе и отнимающей у него охоту къ движенію, исканію новаго, чужого. Говорятъ также, что свойства монгольскаго племени условили остановку китайцевъ въ развитіи; въ китайской цивилизаціи монгольское племя достигло высшей степени развитія, къ какой только оно могло быть способно.

Мы, разумѣется, не будемъ отвергать вліянія ни одного изъ означенныхъ условій, хотя приговоръ относительно племени намъ кажется слишкомъ рѣзокъ: если мы видимъ, что племя остановилось на извѣстной степени развитія подъ вліяніемъ такихъ-то могущественныхъ условій, то естественно рождается вопросъ: остановилось ли бы оно на этой степени при другихъ условіяхъ? Что же касается до вліянія природы, то имѣемъ право спросить: такіе же ли оказались бы результаты, если бы Китай, бывъ рѣзко отдѣленъ съ сухого пути, представлялъ такую же плодоносную страну, и простирался небольшою узкою полоскою по берегу моря? Признавая всю законность этого вопроса, мы считаемъ себя въ правѣ выставить новое условіе, именно обширность страны, въ которой, въ продолженіе многихъ вѣковъ, народонаселеніе могло расширяться и устраиваться безъ столкновенія съ другими народами, безъ внѣшней дѣятельности, безъ подвига, съ одною только внутреннею дѣятельностію. Всѣ силы народа, особенно съ быстрымъ его увеличеніемъ при благоприятныхъ условіяхъ, ушли въ это необычайное трудолюбіе, отличающее китайцевъ; но одно трудолюбіе при однообразной будничной жизни не разовьетъ народа; для развитія необходимо не трудъ только, но подвигъ, сильное, широкое движеніе, которое условливается внѣшними столкновеніями. Въ Китаѣ всего лучше можно видѣть вліяніе на народъ исключительно внутренней жизни, какъ бы она сильно развита ни была, вліяніе труда безъ подвига, необходимаго для вскрытія и упражненія высшихъ способностей человѣка; въ китайцахъ мы видимъ людей, въ высшей степени способныхъ къ труду и нѣсколько неспособныхъ къ подвигу, трусливыхъ, легко подлежащихъ внѣшнему натиску.

Преобладаніе внутренней жизни ведетъ къ тому, что государство становится похожимъ на муравейникъ или на пчелиный улей: трудолюбія очень много въ муравьяхъ и пчелахъ.

Какъ устроилъ китайскій народъ свое государство? Вопросъ этотъ связанъ съ вопросомъ: какъ устроиваетъ свое государство всякій большой народъ, живущій въ обширной странѣ безъ внѣшнихъ столеновеній? Первоначальный родовой бытъ можетъ держаться во всей чистотѣ только при малочисленности народонаселенія и обширности страны, когда каждый родъ можетъ жить отдѣльно, не сталкиваясь съ другими, когда и усобицы, возникающія въ отдѣльномъ родѣ, легко погасаютъ чрезъ удаленіе недовольныхъ, притѣсненныхъ членовъ рода. Но когда народонаселеніе увеличивается, когда отдѣльные роды необходимо приближаются другъ къ другу, то естественно происходятъ между ними столкновения, ведущія къ устройству новаго порядка вещей. Или одинъ родъ, благодаря личности своихъ членовъ и другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, усиливается на счетъ другихъ, и старшина его дѣлается старшиною ихъ всѣхъ; или когда столкновения, войны между родами не оканчиваются такимъ образомъ и сильно наскучиваютъ осѣдлому, земледѣльческому народонаселенію, то оно добровольно подчиняется одному человеку, чтобъ чрезъ это подчиненіе избыть отъ внутреннихъ войнъ; иногда это дѣлается, чтобы получить вождя для дружнаго отбитія внѣшняго непріятеля. Подчиненіе это могло быть временное и пожизненное; пожизненное пользованіе властію легко могло превратиться въ наслѣдственное. Въ Китаѣ первоначально были владѣльцы, или, какъ мы привыкли называть ихъ, богдыханы, пожизненные, а съ императора Ю (2205 до Р. Х.) наслѣдственные (первой династіи Гіа). Власть этихъ первыхъ государей естественно неограниченная, добыта ли она силою или избраніемъ. Ея неограниченность обуславливается потребностію новаго народа получить крѣпкую связь; новый государь долженъ быть вождемъ на войнѣ противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и судьбою верховнымъ: въ томъ и другомъ случаѣ ограниченіе его власти неудобно для народа, создающаго у себя гражданскій порядокъ; мы знаемъ, что и въ послѣдующія времена усиленіе монархической власти является послѣ сильныхъ движеній, которыя истомляютъ народъ и заставляютъ его искать успокоенія въ диктатурѣ. «Гдѣ нѣтъ царя, говорится въ одной древней поэмѣ ¹⁾, тамъ нѣтъ ни у кого собственности, люди пожираютъ другъ друга какъ рыбы, не строятся дома, не воздвигаются храмы, не приносятся

¹⁾ Въ Рамайягѣ.

жертвы, никто не пляшетъ на празднествахъ, никто не слушаетъ пѣвца, земледѣлецъ и пастухъ не могутъ спать при открытыхъ дверяхъ, купцамъ нѣтъ безопасной дороги.» Образца власти нѣтъ никакого другого, кромѣ власти естественной—отца надъ дѣтьми, и потомъ власти господина надъ рабами. Обратимся къ сознанию древнихъ о господствовавшихъ у нихъ формахъ правленія: «Каждый домъ, говоритъ Аристотель, управляется старшимъ: поэтому и народы управляются царями, ибо составились изъ управляемыхъ (т. е. изъ домовъ, семействъ); монархія есть домашняя форма правленія, ибо домъ управляется монархически».

Мы не можемъ не принять объясненія Аристотеля, хотя не можемъ ограничиться имъ, тѣмъ болѣе, что знаменитый философъ, противопоставляя народъ, составившійся изъ семействъ или домовъ и потому управляемый монархически, — городу, состоящему изъ людей свободныхъ и равныхъ и управляемому политически, не объясняетъ, откуда произошла эта противоположность. Здѣсь мы должны обратить вниманіе на то, что въ народѣ многочисленномъ, на большомъ пространствѣ живущемъ и преданномъ земледѣлію, мирному труду, не можетъ возникнуть начало, способное ограничивать царскую власть. Собраніе всего многочисленнаго народа, на обширныхъ пространствахъ живущаго, для совѣщанія о дѣлахъ невозможно; посылка избранныхъ представителей дѣло тяжелое и невозможное въ первыя времена безъ другого представительства, образуемаго какой-нибудь выдающеюся частью народонаселенія, имѣющаго особенное положеніе, особыя права; происхожденіе такой части народонаселенія условливается сильнымъ и продолжительнымъ воинственнымъ движеніемъ, и то, какъ увидимъ, въ дружинной формѣ совершающимся; въ народѣ же невоинственномъ, преданномъ мирнымъ земледѣльческимъ и промышленнымъ занятіямъ, этого быть не можетъ. Народонаселеніе города, гдѣ живетъ владыка народа, можетъ оказывать на него вліяніе, ограничивать его власть своими собраніями, вѣчами; но для этого нужно особенно сильное развитіе торговое въ извѣстномъ мѣстѣ, особенная подвижность народонаселенія вслѣдствіе торговой дѣятельности, развивавшей силы человѣка наравнѣ съ воинскою дѣятельностію, особенно въ первобытныя времена, когда купецъ, по отсутствію безопасности путей, долженъ былъ превращаться въ воина. Если такого условія нѣтъ, если мы имѣемъ дѣло съ народомъ многочисленнымъ, занимающимъ обширное пространство въ странѣ уединенной и своими произведеніями удовлетворяющей народъ, который потому преданъ мирнымъ занятіямъ; если при умноженіи своего числа, ведущемъ къ уничтоженію родовой особенности, народъ

хочетъ обезпечить свои занятія установленіемъ единой и крѣпкой власти, способной защитить отъ враговъ внѣшнихъ и прекратить усобицы внутреннія, — то въ такомъ народѣ мы имѣемъ право ожидать сильной, неограниченной верховной власти. Пройдутъ вѣка и укоренится привычка, извѣстныя отношенія войдутъ въ народное умоначертаніе, получаютъ освященіе свыше и лягутъ такимъ образомъ препятствіемъ къ образованію условій, могущихъ повести къ перемѣнѣ.

Такія отношенія мы видимъ у китайцевъ, которыхъ природа оградила отъ внѣшнихъ вліяній и дала на любопытное и поучительное зрѣлище, какъ улей подъ стекломъ для наблюденій естествоиспытателя. Мы можемъ здѣсь понять, до чего можетъ достигнуть уединенный народъ земледѣльцевъ, работниковъ, поставленный въ выгодныя условія для работы, народъ трудолюбивый, понятливый, расчетливый, благоразумный, но съ крайне узкимъ горизонтомъ, народъ, весь преданный «зlobъ дня», заботамъ о хлѣбѣ насущномъ, ничѣмъ не развлекаемый въ этихъ заботахъ и не терпящій быть развлекаемымъ. Всѣ отношенія, разумѣется, должны имѣть связь съ этимъ главнымъ стремленіемъ. Китайцы признаютъ надъ собою неограниченную власть своего богдыхана, потому что эта власть обезпечиваетъ имъ ихъ работу; отношеніе основывается на расчетѣ, никакой другой религіозной, нравственной, исторической связи нѣтъ. Хотя богдыханъ и называется сыномъ неба, но это только титулъ; хотя ему и воздаются божескія почести, но это церемоніи, необходимыя для обозначенія ранга. Богдыханъ долженъ быть хорошій правитель, добродѣтельный человекъ, иначе онъ не обезпечиваетъ, для народа, спокойствія и порядка: какъ же быть въ противномъ случаѣ? Другого средства нѣтъ, кромѣ возстанія противъ дурного лица, противъ испортившейся династіи, и китайская исторія не бѣдна такими движеніями, нисколько впрочемъ не уничтожающими ея однообразія. Какъ скоро перемѣна лица произошла и оказалась удовлетворительною, все пошло по прежнему, улей зашумѣлъ въ обычной работѣ.

Чтобъ работа была обезпечена, нуженъ самый строгій порядокъ, нужно, чтобъ все было опредѣлено съ необыкновенною точностію, чтобъ никто не позволялъ себѣ ни въ чемъ ни малѣйшаго произвола, ни малѣйшей перемѣны, чтобъ все происходило одинаково, какъ разъ заведено: китайское законодательство отличается точностію, обстоятельностью опредѣленій всего, относящагося къ поведенію человека, къ его нравственнымъ дѣйствіямъ и отношеніямъ, къ формамъ общественныхъ приличій, къ покрою одежды и стрижкѣ волосъ. Законъ соблюдается строго, произвола

нѣтъ. Демократическое начало господствуетъ; всѣ витайцы равны другъ передъ другомъ, наслѣдственныхъ сословій нѣтъ; подняться на высшія мѣста, мѣста надзирателей за рабочими, блюстителей установленнаго порядка на этой громадной фабрикѣ, называемой Китаемъ, можно только посредствомъ испытаннаго знанія, приобретаемаго тяжелымъ трудомъ. Цѣль управленія сознана ясно: «Хорошее управленіе должно доставить народу необходимыя для жизни вещи: воду, огонь, металлы, дерево и хлѣбъ; потомъ должно сдѣлать его добродѣтельнымъ и научить полезному употребленію всѣхъ этихъ вещей, должно остеречь его отъ всего того, что можетъ повредить его здоровью и жизни».

И больше ничего не нужно для китайца. Громадная фабрика, наполненная трудолюбивыми работниками, идетъ вѣка по разъ заведенному порядку, подъ строгимъ надзоромъ знающихъ дѣло людей. Все, что можетъ нарушить этотъ порядокъ, необходимый для спокойной и потому богатой результатами работы, отстранено: рабочій не развлеченъ ничѣмъ; мысль его съ малолѣтства приучена вращаться въ тѣсномъ кругу однихъ и тѣхъ же предметовъ и направляться къ одной цѣли—исканію удовлетворенія матеріальныхъ потребностямъ; всякій выходъ отдѣльнаго лица изъ очерченнаго круга, всякое проявленіе личности, личной самостоятельности, новой мысли и взгляда не позволено, невозможно. Полицейскій порядокъ развитъ былъ въ Китаѣ тысячи лѣтъ назадъ; тысячи лѣтъ назадъ ни одинъ китаецъ не могъ выйти безъ паспорта за городскія ворота. Правительственная система, которая недавно проповѣдывалась въ Европѣ нѣкоторыми государственными людьми, и которая нравилась многимъ, измученнымъ революціонною качкою,—система ограниченія народа заботами о насущномъ хлѣбѣ, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ потребностей, съ удаленіемъ отъ него всего, что могло бы развлечь его вниманіе, возбудить мысль, нарушить спокойствіе и порядокъ обычныхъ занятій, эта система, непримѣнимая въ Европѣ, осуществлена съ незапамятныхъ поръ въ Китаѣ, не выдумана здѣсь какимъ-нибудь богдыханомъ или мандариномъ, но вытекла изъ условій жизни народа, принята и усвоена имъ; народъ воспитался, образовался по ней, она вошла въ его существо, и можетъ-ли онъ когда-нибудь жить безъ нея—неизвѣстно.

Мы видѣли, что Китай испытывалъ потрясенія, нарушенія спокойствія и установленнаго порядка вслѣдствіе слабости и недостаточности богдыхановъ. Но эти потрясенія, не могшія, по характеру своему, повести ни къ какимъ живительнымъ преобразованіямъ, не могшія расширить горизонтъ народной жизни, возбуждали только въ народѣ желаніе возвратиться какъ можно ско-

рѣе къ спокойной и потому счастливой старинѣ, возстановитъ все какъ прежде было. Отсюда понятно, что имя человека, особенно потрудившагося надъ такимъ возстановленіемъ старины въ области мысли, знанія и самопознанія народа, будетъ особенно популярно. Таково знаменитое имя Конфуція (жившаго отъ 550 — 479 г. до Р. Х.), собравшаго и приведшаго въ порядокъ древнія народныя преданія. «Мое ученіе, говорилъ Конфуцій, есть ученіе, преданное намъ предками; я ничего не прибавилъ и не убавилъ, но передаю ихъ ученіе въ первобытной чистотѣ». Изъ этихъ преданій старины для насъ важны религіозныя представленія по связи ихъ съ религіозными представленіями другихъ языческихъ народовъ. Въ религіозныхъ представленіяхъ языческихъ народовъ, извѣстныхъ въ исторіи, мы замѣчаемъ слѣдующія общія основныя черты: во-первыхъ, дуализмъ, и притомъ двойной, именно, обоготвореніе двухъ началъ — мужскаго и женскаго, и потомъ, обоготвореніе двухъ началъ — добраго и злого; во-вторыхъ, поклоненіе душамъ умершихъ предковъ. Въ различныхъ отношеніяхъ того или другого народа къ этимъ основнымъ представленіямъ выражается характеръ народа и его историческое значеніе. Въ китайской религіи мы находимъ первый дуализмъ, поклоненіе мужескому началу, первоначальной силѣ — небу, и женскому началу, первоначальной матеріи — землѣ. Подлѣ этого поклоненія существуетъ поклоненіе душамъ умершихъ предковъ. Но, говоря о религіозномъ поклоненіи китайцевъ, мы не должны представлять себѣ формъ поклоненія, встрѣчаемыхъ у другихъ народовъ: у китайцевъ нѣтъ ни храмовъ, ни жрецовъ, ни праздничныхъ дней въ недѣлѣ. Китаецъ — работникъ, погруженный весь въ заботы о матеріальномъ существованіи; онъ не чувствуетъ потребности въ освѣщеніи, возстановленіи силъ праздникомъ, духовнымъ занятіемъ; праздникъ нарушаетъ порядокъ, и потому неполезенъ. Для китайца, «небо не говоритъ, но заявляетъ свою волю только черезъ народъ или чрезъ людей!» Впрочемъ въ религіозной жизни китайцевъ не обошлось безъ протеста противъ этого пренебреженія духовными потребностями. Самостоятельно, или подъ вліяніемъ ученія, занесеннаго какъ-нибудь съ юга, изъ Индіи — все равно, только протестъ явился въ такъ-называемомъ ученіи Тао, основанномъ Лао - Тзе, который подчинилъ физическій дуализмъ неба и земли высшему началу Тао (разума); протестуя противъ полного погруженія въ заботы о матеріальномъ благосостояніи и въ чувственныя наслажденія, господствовавшаго въ Китаѣ, Лао-Тзе требовалъ освобожденія отъ страстей и духовной созерцательной жизни въ удаленіи отъ общества и его волненій, указывая на цѣль такой жизни — воз-

вращеніе въ лоно первоначальнаго существа, изъ котораго вышелъ человѣкъ. Мы еще возвратимся къ этимъ представленіямъ, въ которыхъ выказалась реакція чувственнымъ стремленіямъ народовъ въ различныхъ странахъ Востока. Здѣсь же замѣтимъ, что въ Китаѣ ученіе Лао-Тзе явилось сектою и не могло сильно противодѣйствовать господствующему направленію жизни; гораздо сильнѣе распространился искаженный буддизмъ, удовлетворявшій потребности народа во внѣшнемъ богослуженіи.

Трудолюбивѣйшій народъ не могъ предохранить себя отъ рабства. На это важное явленіе, какъ оно существовало въ древнемъ мірѣ, мы должны обратить особенное вниманіе. Происхожденіе рабства, происхожденіе разныхъ видовъ частной зависимости человѣка можно прослѣдить въ преданіяхъ народовъ. Конечно, война должна была доставить значительное число рабовъ; побѣдитель имѣлъ право или убить побѣжденнаго или подарить ему жизнь и, въ послѣднемъ случаѣ, побѣжденный дѣлался рабомъ, собственностію побѣдителя. Экономическая неразвитость первоначальныхъ обществъ содѣйствовала сильно къ распространенію рабства: для человѣка было чрезвычайно удобно имѣть разумное орудіе, разумную животную силу для работъ всякаго рода при невозможности вольнонаемнаго труда. Скоро оцѣнили выгоду охотиться за человѣкомъ, добывать его съ оружіемъ въ рукахъ и торговать имъ. Но кромѣ захвата и купли число рабовъ увеличивалось и другимъ способомъ: обѣдненіе отъ голода или другого физическаго бѣдствія, лишеніе семьи или рода, *безсемейность и безродность*, страшное бѣдствіе въ древнемъ обществѣ, гдѣ человѣкъ могъ держаться самостоятельно только съ помощію первоначальнаго кровнаго союза, — всѣ эти бѣдствія должны были принуждать человѣка просить принятія въ чужую семью или родъ для полученія средствъ къ существованію; но единственное условіе, при которомъ онъ могъ быть принятъ, это — работа, рабство; молодой человѣкъ, для полученія руки дѣвушки, долженъ былъ работать будущему тестю нѣсколько лѣтъ, какъ мы это видимъ въ исторіи патриарха Иакова.

Рабство продолжалось и въ новомъ, христіанскомъ мірѣ; мы съ нимъ хорошо знакомы; но все же въ христіанствѣ, поднявшемъ личное значеніе человѣка, какъ храма Духа св., существа, искупленнаго кровію Спасителя, мы все болѣе и болѣе отвыкали отъ представленія о рабѣ, господствовавшаго въ языческой древности. Въ древности мы видимъ, на примѣръ, такое явленіе: жена даетъ въ наложницы мужу рабу свою, и когда раба родитъ ребенка, то госпожа въ восторгѣ принимаетъ его на колѣни, и говоритъ, что Богъ далъ ей сына. Поймемъ-ли мы теперь это яв-

леніе? Оно объясняется только такимъ представленіемъ, что рабъ не имѣеть совершенно никакой личности, и составляетъ часть господина, имѣеть съ нимъ совершенно одно существованіе. Знаменитый наблюдатель надъ общественными явленіями древняго міра, Аристотель приходитъ къ намъ на помощь; онъ говоритъ: «Рабъ есть одушевленная собственность и какъ бы органъ. Собственность есть какъ бы часть, ибо часть есть не только часть другого, но имѣеть съ нимъ одно существованіе. Подобно тому и собственность; поэтому рабъ не только есть рабъ своего господина, но и имѣеть съ нимъ одно существованіе». Это уясненіе представленія древности о рабѣ поможетъ намъ объяснить и нѣкоторыя другія явленія древней жизни. Если человѣкъ, сдѣлавшійся собственностью, считался частью, имѣвшею одно существованіе съ цѣлымъ, съ господиномъ, то, при отсутствіи правъ личности, дѣти, обязанныя существованіемъ родителямъ, естественно составляли ихъ собственность, часть, не могли имѣть никакихъ правъ, находились къ родителямъ совершенно въ отношеніи рабовъ. Между китайцами, какъ народомъ мирнымъ и земледѣльческимъ, сначала не было рабства, но оно явилось, когда, вслѣдствіе тяжкихъ бѣдствій, родителямъ позволено было продавать дѣтей своихъ.

II.

ЕГИПЕТЪ.

Мы переходимъ въ Африку; здѣсь, на сѣверовостоѣ, по берегамъ большой рѣки Нила находимъ государство, подобное китайскому, таковой же пчелиный улей или муравейникъ, но имѣющее нѣкоторыя замѣчательныя особенности. Египетъ съ двухъ сторонъ окруженъ моремъ, и одно изъ этихъ морей—Средиземное, историческое море древности по преимуществу; не смотря на то, египтяне питаютъ отвращеніе къ морю, страна ихъ долго остается замкнутою, подобно Китаю. Народонаселеніе припало къ своей рѣкѣ Нилу, дающему своимъ разливомъ необыкновенное плодородіе странѣ, припало какъ ребенокъ къ груди матери, и ожирѣло, остановилось въ своемъ развитіи. Ниль, заботы, съ цѣлю воспользоваться богатыми слѣдствіями его разлива, поглотили все вниманіе народа. Опять, какъ въ Китаѣ, мы имѣемъ дѣло съ народомъ земледѣльческимъ, рабочимъ по преимуществу, народомъ, который славился своею мудростію. Было время, когда и Китай славился въ Европѣ мудростію своихъ учреждений и ставился въ образецъ; отцамъ-иезуитамъ особенно нравился ви-

тайскій бытъ, какъ соотвѣтствующій ихъ общественному идеалу, правилась огромная фабрика подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, толпа людей, преданныхъ въ тишинѣ матеріальной работѣ, не разсуждающихъ; правился народъ, похожій на трупъ или на палку въ рукахъ старика, и отцы-іезуиты прославили Китай въ Европѣ. Хотя заблужденіе насчетъ превосходства китайскаго быта и не было продолжительно въ Европѣ, однако и теперь еще есть люди, которымъ нравится кое-что китайское, которые, видя въ китайскихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ условіе отсутствія религіознаго принужденія, восклицаютъ: «сколько времени, сколько фазъ развитія было необходимо, чтобы народъ могъ достигнуть до такого состоянія, до такой терпимости!» Эти господа забываютъ, что для человѣка и народа, живущаго не о единомъ хлѣбѣ, сильно принимающаго къ сердцу нравственные интересы, готоваго на всѣ пожертвованія для проведенія своихъ убѣжденій, надобно долго жить и пройти много фазъ развитія, чтобы достигнуть убѣжденія въ необходимости свободы для чужихъ убѣжденій; но человѣку, или народу, думающему только о хлѣбѣ, равнодушному къ нравственнымъ интересамъ, можно очень легко и скоро достигнуть религіозной терпимости; да ему и не для чего достигать ее, онъ съ нею родится. Развѣ вы замѣчаете въ ребенкѣ религіозную нетерпимость? но попробуйте не накормить его во время! Народъ, который остановился на этой ступени, и будетъ отличаться религіозною терпимостію.

Но если заблужденіе насчетъ китайской мудрости было не продолжительно въ новой Европѣ; если вмѣсто мудраго старца въ Китаѣ увидали едва лепечущаго ребенка; то что же удивительнаго, что въ древности сохранялось уваженіе къ египетской мудрости. Древность народа, древность его муравьиной или пчелиной цивилизаціи, громадныя постройки, исчерченныя какими-то таинственными, никому непонятными знаками, фокусничество жрецовъ, все это воспламеняло воображеніе, заставляло видѣть и предполагать чудеса.

Чудесъ не было; но все же Египетъ представляетъ любопытное явленіе. Прежде всего мы не видимъ здѣсь китайскаго равенства, не того равенства, котораго достигаетъ живой народъ, прошедшій строгую политическую школу, выдержавшій долгую борьбу, ознаменовавшій себя гражданскими подвигами, но равенства младенческаго, господствующаго въ первоначальномъ обществѣ, не знающемъ движенія, подвига. Въ египетской исторіи мы должны предположить движеніе, подвигъ, поведшій къ выдѣлу изъ массы лучшихъ людей, болѣе способныхъ къ подвигу; иначе мы не можемъ объяснить происхожденія кастъ; притомъ же памят-

ники указываютъ намъ на различіе племень, господствующаго и подчиненныхъ. Произошло движеніе, произошло развитіе, выдѣлъ различныхъ органовъ изъ сплошной прежде массы, и вотъ уже работа для историка — узнать, въ какомъ отношеніи находились эти органы между собою. Мы упомянули слово: *касты*, подъ которымъ разумѣются части народонаселенія, живущія въ совершенной отчужденности другъ отъ друга, при невозможности перехода для членовъ ихъ изъ одной въ другую. Различіе племень и завоеваніе одного другимъ объясняютъ намъ происхожденіе высшихъ и низшихъ кастъ; но не объясняютъ происхожденіе высшихъ кастъ, жрецовъ и воиновъ, принадлежавшихъ къ одному господствующему племени. Здѣсь, разумѣется, прежде всего мы должны обратить вниманіе на экономическое положеніе частей народонаселенія, являющихся намъ въ видѣ кастъ. Высшія касты, жрецовъ и воиновъ, по самому характеру своему, должны получать содержаніе, обезпечивающее ихъ въ исполненіи ихъ обязанностей. Въ государствѣ первоначальномъ, земледѣльческомъ онѣ должны быть надѣлены земельными участками. И дѣйствительно, въ Египтѣ мы видимъ этотъ надѣлъ для воиновъ и жрецовъ; они были помѣщиками на этихъ участкахъ, которые такимъ образомъ были тѣсно соединены съ исполненіемъ извѣстныхъ обязанностей; переходъ изъ одной землевладѣльческой части народонаселенія въ другую произвелъ бы смуту въ землевладѣніи, и потому не могъ быть допущенъ. Этому содѣйствовало религиозное уваженіе къ разъ установившемуся, къ старинѣ, господствовавшее въ древней жизни; для древняго человѣка идеаль былъ назади, въ далекомъ прошедшемъ, которое было ближе къ царству боговъ и богоподобныхъ людей; въ Египтѣ сначала царствовали боги: отсюда нарушеніе старыхъ, установившихся отношеній было дѣломъ грѣховнымъ. Такое религиозное освященіе и неподвижность установившихся отношеній, разумѣется, болѣе всего зависѣли отъ жрецовъ, а жрецы находили въ нихъ свою выгоду, потому что въ ихъ рукахъ находилась большая часть земельной собственности, чѣмъ у воиновъ.

Когда народонаселеніе раздроблено на такія рѣзко-отдѣленные другъ отъ друга части или касты, то понятно, что для достиженія государственныхъ цѣлей, для общаго направленія дѣятельности оно нуждается въ объединяющей силѣ; такимъ образомъ, касты необходимо уже предполагаютъ большую власть въ рукахъ царя. Дѣйствительно, египетскій царь, или, какъ мы привыкли называть его, фараонъ (фра — солнце), имѣлъ въ рукахъ своихъ обширную власть, которая основывалась на землевладѣніи: ему принадлежала третья часть всей земли; двѣ трети

ея были подѣлены въ неровной, какъ мы видѣли, мѣрѣ, между жрецами и воинами. Фараонъ не упустилъ случая усилить свои средства насчетъ землевладѣльческой касты воиновъ. «Иосифъ собралъ все серебро, какое было въ землѣ египетской, за хлѣбъ, который покупали, и внесъ Иосифъ серебро въ домъ фараоновъ. И серебро истощилось въ землѣ египетской, и пригнали они къ Иосифу скотъ свой. И пришли къ нему на другой годъ и сказали ему: ничего не осталось у насъ, кромѣ тѣлъ нашихъ: купи насъ и земли наши за хлѣбъ. И купилъ Иосифъ всю землю египетскую для фараона, только земли жрецовъ не купилъ. И сказалъ Иосифъ народу: Я купилъ теперь для фараона васъ и землю вашу; вотъ вамъ сѣмена, и засѣвайте землю. Когда будетъ жатва, давайте пятую часть фараону». Вліяніе касты воиновъ сдерживалось вліяніемъ другой, высшей касты, жреческой; пользуясь соперничествомъ этихъ землевладѣльческихъ кастъ, фараону легко было усиливать свою власть. Жрецы, представители нравственной силы, желая охранить себя и взять перевѣсъ надъ представителями силы матеріальной, воинами, должны были соединить свои интересы съ интересами фараона, давши его власти религіозное значеніе; какъ намѣстникъ боговъ, фараонъ, естественно, сдѣлался охранителемъ интересовъ служителей религіи; изъ ихъ касты назначались правители и судьи. Съ торжествомъ жреческой касты и съ упадкомъ касты воиновъ соединенъ упадокъ внѣшняго блеска и могущества Египта; встрѣчаемъ любопытное извѣстіе о фараонѣ Сетосѣ изъ касты жрецовъ, который обнаружилъ свою вражду къ воинамъ тѣмъ, что отнялъ у нихъ земельные участки, и когда ассирійскій царь Санхерибъ приблизился къ границамъ Египта съ завоевательными намѣреніями, то воины отказались выступить въ походъ противъ непріателя, и Сетосъ долженъ былъ набирать войско изъ людей низшихъ кастъ. Встрѣчаемъ также извѣстіе о покореніи Египта эіопскими царями, по изгнаніи которыхъ Египетъ является раздѣленнымъ на 12 отдѣльныхъ владѣній. Одинъ изъ 12 государей, Псамметихъ, покоряетъ остальныхъ и восстанавливаетъ единовластіе, но онъ это дѣлаетъ посредствомъ иностранныхъ наемныхъ войскъ (іонійскихъ и карійскихъ) и возбуждаетъ неудовольствіе въ кастѣ воиновъ, которые въ огромномъ числѣ удаляются въ Эіопію. Правнукъ Псамметиха, Меропта, лишился престола и жизни вслѣдствіе возстанія воиновъ, разбившихъ его въ недоброжелательствѣ къ своей кастѣ и заподозрившихъ царемъ Амазиса. Но и Амазисъ былъ вѣренъ своему роду и предшественниковъ, которая состояла въ недовѣствіи своихъ кастъ къ воинамъ: онъ образовалъ себѣ гвардію изъ

іонійскихъ и карійскихъ наемниковъ. При сынѣ Амазиса, Псамменитѣ, Египетъ былъ покоренъ персами.

Такимъ образомъ, не смотря на скудость и мутность исторіи египетской исторіи, нельзя не усмотрѣть въ ней этого внутренняго движенія, бывшаго слѣдствіемъ столкновенія интересовъ фараона и двухъ высшихъ землевладѣльческихъ кастъ, жрецовъ и воиновъ, при чемъ именно земельное владѣніе, имѣвшее такое важное значеніе въ Египтѣ, играли главную роль. Египетъ, по физическимъ условіямъ, былъ государствомъ земледѣльческимъ по преимуществу; все вниманіе народа было обращено внутрь страны, на своего добраго кормильца, плодоносный Нилъ, къ которому необходимо явилось религиозное отношеніе; обращать вниманіе за предѣлы священной земли Нила было непростительно, грѣховно; отсюда торговля и городская промышленность не могли развиваться и не могла подняться часть народонаселенія, которая основывала бы свое значеніе на богатствѣ движимомъ, не говоря уже о томъ, что по характеру племени, къ которому принадлежатъ низшія касты Египта, они и не могли быть способны къ широкой торговой предприимчивости. Благодаря этимъ условіямъ, произошла замкнутость Египта и ожирѣніе его народонаселенія, привыкшаго хорошо ѣсть и пить и получавшаго возможность къ этому внутри страны. Возможность движенія, подвига, столкновенія съ другими народами лежала въ кастѣ воиновъ, и дѣйствительно, эта каста давала средства фараонамъ предпринимать походы, дѣлать завоеванія; но это явленіе было какою-то случайностію въ исторіи Египта, случайностію, остававшеюся безъ послѣдствій: продолжительные и отдаленные походы фараоновъ въ Азію не доставляли имъ болѣе или менѣе прочныхъ завоеваній, такъ что воинственное движеніе государей ослѣдлаго и цивилизованнаго народа совершенно сходно съ опустошительными и безплодными движеніями номадовъ. Можно подумать, что фараоны, охотники занимать и утомлять излишекъ народонаселенія огромными постройками, *египетскими работами*, придумавшіе умерщвлять новорожденныхъ младенцевъ мужескаго пола, въ случаѣ опаснаго размноженія подданныхъ—можно подумать, что фараоны предпринимали походы съ единственною цѣлію занять и утомить касту воиновъ, уменьшить ея опасное число. Но воинственные фараоны — рѣдкое явленіе въ египетской исторіи; кастѣ воиновъ рѣдко дается возможность развить свои силы, приобрести важное значеніе посредствомъ движенія, подвига. Жреческая каста сдерживаетъ силы опасныхъ воиновъ. Наконецъ, Египетъ, благодаря Псамметиху и послѣдующимъ фараонамъ, выходитъ изъ прежней замкнутости, сближается съ иностран-

цами; но здѣсь не происходитъ никакого важнаго переворота въ египетской жизни; прежній порядокъ вещей остается ненарушимымъ, вся новизна направлена противъ касты воиновъ, которые принуждены выселяться, и это обстоятельство, разумѣется, должно было болѣе всего содѣйствовать паденію Египта.

Жреческая каста явно беретъ преимущество передъ кастою воиновъ: воины въ презрѣніи, у воиновъ отнимаютъ земли, воины должны выселиться изъ Египта; относительно жрецовъ не встрѣчается подобныхъ извѣстій, жрецы до конца сохраняютъ свое важное значеніе. Жрецы славились своею мудростію, своими обширными познаніями, но свою мудрость они берегли для себя, своихъ познаній они не распространяли въ народъ, и не спасли государства отъ паденія. Но какиимъ же божествамъ служили жрецы египетскіе! Въ Египтѣ мы встрѣчаемъ множество именъ божествъ; это множество происходитъ отъ того, что одно и то же божество въ разныхъ мѣстностяхъ чествовалось подъ разными именами. Изъ египетскихъ мѣстовъ, наиболѣе извѣстныхъ, оказывается, что и здѣсь было поклоненіе началамъ мужескому и женскому, въ Озирисъ и Изидѣ, и началамъ доброму и злему въ Озирисъ и Тифонѣ. Мы имѣемъ полное право успокоиться на извѣстїи Геродота, что изъ всѣхъ божествъ только Изиды и Озирисъ пользовались одинакимъ поклоненіемъ во всемъ Египтѣ, тогда какъ о другихъ божествахъ сказать этого нельзя. Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что существуетъ великое несогласіе въ именахъ египетскихъ божествъ: одно и то же божество называется Изидою, Церерою, Тесмофорою, Луною, Юноною, а нѣкоторые величаютъ ее всѣми этими именами вмѣстѣ. Озирисъ одно и то же, что Сераписъ, Вакхъ, Плутонъ, Аммонъ, Юпитеръ, Панъ. Но изъ словъ самого же Діодора оказывается, что великое несогласіе разрѣшается въ согласіе, когда подъ разными именами является одно и то же божество. Для насъ важно извѣстїе Геродота, что женское божество, Изиды, почиталось въ Египтѣ болѣе всѣхъ другихъ божествъ. Въ связи съ этимъ находится извѣстїе, что женщины пользовались въ Египтѣ особенно выгоднымъ положеніемъ, даже преимуществомъ передъ мужчинами.

Не смотря на успѣхи, какіе, повидимому, сдѣланы въ изученіи древняго Египта, мы знаемъ объ немъ немного болѣе прежняго; разногласіе, противоположность во мнѣніяхъ ученыхъ о Египтѣ, о его историческомъ значеніи, всего лучше показываютъ, на какой шаткой почвѣ находимся мы здѣсь. Великіе историческіе народы не проживаютъ молча, тайкомъ отъ другихъ, не оставляютъ въ своихъ памятникахъ загадокъ для потомства.

и предмета для ученыхъ споровъ. Не смотря на наше убѣжденіе, что дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ, громадность всегда сохраняетъ способность поражать воображеніе; такъ поражаютъ воображеніе рукотворныя горы Египта, пирамиды, переживающія тысячелѣтія, и вселяютъ невольное уваженіе къ цивилизаціи, высказавшейся въ такихъ памятникахъ. Но Египетъ внушалъ уваженіе не одними своими громадными, безсмертными могилами; греки, которые такъ хвастались обыкновенно своею цивилизаціею, преклонялись предъ мудростію жрецовъ египетскихъ. Посмотримъ же, что такое египетскіе жрецы, скрывавшіе свои знанія отъ своего народа, сообщали изъ нихъ чужимъ, грекамъ. Мы не будемъ отвергать преданія о египетскихъ колоніяхъ въ Греціи и о томъ, что эти колонисты сообщили свѣдѣнія о разныхъ полезныхъ вещахъ дикому еще тогда народонаселенію Греціи. Но дѣло идетъ о другого рода заимствованіяхъ, именно о заимствованіяхъ въ области религіи и философіи. Мы не отвергнемъ и этихъ заимствованій, только позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ насчетъ осторожности, какую историкъ долженъ соблюдать въ вопросахъ о заимствованіи. Мы привыкли разсматривать племена и народы въ ихъ отдѣльности, и дѣйствительно мы должны обращать особенное вниманіе на ихъ особенности, различія другъ отъ друга; но при этомъ мы не должны упускать изъ виду общечеловѣческаго, не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который повсюду, въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, смотритъ на извѣстныя явленія и дѣйствуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ одинаково, выражаетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, одинаковыя нравственныя требованія. Отъ этого мы необходимо должны встрѣчать у различныхъ народовъ одинаковыя представленія; должны встрѣчать одинаковыя рассказы въ произведеніяхъ фантазіи, одинаковыя извѣстія въ памятникахъ историческихъ. На какомъ же основаніи мы, встрѣтивъ у двухъ различныхъ народовъ два одинаковые рассказа, извѣстія, возрѣнія, предполагаемъ сейчасъ же заимствованіе, предполагаемъ, слѣдовательно, что самое простое, естественное отношеніе могло разъ произойти только у извѣстнаго народа, и никакъ не могло произойти у другого; если же встрѣчаемъ извѣстіе о немъ у другого, то это будетъ непременно заимствованіе? Но этого мало; если мы встрѣчаемъ у разныхъ народовъ и въ разные времена извѣстія объ одинаковомъ явленіи, то вмѣсто того, чтобъ увѣриться въ возможности этого явленія, мы немедленно отвергаемъ эту возможность, изъ дѣйствительности переносимъ явленіе въ область вымысловъ, и здѣсь заставляемъ одинъ народъ непременно списывать у другого; та-

вѣмъ образомъ, выходить, что если одинъ только свидѣтель говорить намъ о явленіи, то мы признаемъ возможность этого явленія; но стоитъ только явиться нѣсколькимъ свидѣтелямъ, которые скажутъ намъ, что явленіе повторилось въ разныя времена, у разныхъ народовъ, какъ мы сейчасъ же начнемъ отрицать возможность явленія и передадимъ его въ область вымысловъ.

Хотятъ, чтобъ греки заимствовали у египтянъ вѣрованіе въ безсмертіе души, потому только, что греческій мифъ о Миносѣ, судѣ мертвыхъ, сходенъ съ египетскимъ мифомъ объ Озирисѣ, исправляющемъ ту же должность! Отнять у грековъ вѣрованіе въ безсмертіе души было бы слишкомъ странно; но какъ скоро допускается вѣрованіе въ безсмертіе души, то естественно рождается представленіе объ отчетѣ, который должны отдать души по разлученіи съ тѣломъ, о судѣ; отъ суда необходимъ переходъ къ судьямъ: почему же такое движеніе мысли, возможное у одного народа, было невозможно у другого? Хотятъ, чтобъ и перевозчикъ душъ, Харонъ, съ его лодкой были заимствованы греками у египтянъ, потому что мифъ носить отпечатокъ мѣстности Египта, изрѣзанной каналами: но извѣстно, что представленіе о рѣкѣ, какъ пути для душъ въ нѣдра земли и обратно, есть представленіе общее, встрѣчающееся у народовъ, не имѣвшихъ никакого соприкосновенія съ египтянами. Геродотъ пустилъ въ ходъ мысль, что все заимствовано у египтянъ. Громадность египетскихъ памятниковъ произвела на воспримчиваго грека самое сильное впечатлѣніе: «Ни одна страна не заключаетъ въ себѣ столько чудесъ! ни въ одной другой странѣ нельзя найти такихъ удивительныхъ памятниковъ!» Всмотриваясь внимательно, онъ находить сходное съ своимъ: не можетъ же это сходство быть случайнымъ — рассуждалъ онъ — и такъ какъ египетское государство древнѣе всѣхъ государствъ, слѣдовательно, все заимствовано изъ Египта. Жрецы ловко берутся за дѣло: «Все, все занято у насъ, всѣ ваши поэты и мудрецы были у насъ и у насъ выучились всему». Жрецы ни передъ чѣмъ не останавливались въ развитіи своего основнаго положенія: упомянетъ имъ грекъ о древнемъ аѳинскомъ устройствѣ: «Да это все взято у насъ, говорятъ они: эвпатриды — да это наша каста жрецовъ!»¹⁾ Геродотъ не уступаетъ жрецамъ и серьезно утверждаетъ, что египтяне первые установили праздники, религиозныя процессіи и всѣ богослужебныя приемы, и греки все это заимствовали у нихъ.

¹⁾ Объ этомъ любопытномъ сближеніи, сдѣланномъ жрецами, говорить Диодоръ Сицилійскій.

Утверждаютъ, что ученіе о переселеніи душъ Пифагоръ и Платонъ заимствовали у египетскихъ жрецовъ; но этого предмета мы еще коснемся въ наблюденіяхъ надъ историческою жизнію грековъ.

III.

АССИРІЯ И ВАВИЛОНЪ.

Въ Китаѣ мы видѣли народъ, тихо, незамѣтно въ продолженіе вѣковъ наполнившій огромное пространство земли, удаленный отъ сообщенія съ другими народами; въ Египтѣ мы видѣли завоеваніе съ поселеніемъ побѣдителей среди побѣжденныхъ, отчего произошло раздѣленіе на касты; но физическія условія страны препятствовали дальнѣйшему воинственному движенію египтянъ: съ одной стороны, все вниманіе народонаселенія было обращено внутрь страны къ кормильцу-Нилу; потомъ съ сѣвера море, съ востока и запада пустыня защищали Египетъ и давали его жителямъ возможность сосредоточивать свое вниманіе внутри страны. Исторія Китая и Египта похожи тѣмъ другъ на друга, что обѣ страны, имѣющія въ сосѣдствѣ пустыни, подвергаются иногда нашествію и даже игу дивихъ жителей пустыни; но это нашествіе, это иго не измѣняетъ ничего въ бытѣ обѣихъ странъ. Теперь съ береговъ Нила перейдемъ на берега Евфрата и Тигра, и здѣсь уже встрѣтимъ другое явленіе. Здѣсь на относительно небольшихъ пространствахъ сталкиваются два сильные народа семитическаго племени, ассиріане и вавилоняне, развившіеся, благодаря выгоднымъ физическимъ условіямъ, ибо плодоносная область двухъ великихъ рѣкъ рано пригласила народонаселеніе въ дѣятельности. Но жители береговъ Евфрата и Тигра не могли, подобно жителямъ Нильской области, ограничиться одною внутреннею дѣятельностью, ибо, какъ уже было сказано, здѣсь одинъ подлѣ другого жили два сильные народа, не могшіе не вступить въ борьбу другъ съ другомъ. Борьба требовала сосредоточенія силъ народныхъ, требовала вождя, царя съ большою, неограниченною властію, храбраго человека, который бы умѣлъ защищаться отъ непріятеля, дать побѣду, и есть извѣстіе, что первый вождь вавилонянъ былъ богатырь-ловецъ Немвродъ. Борьба у ассиріанъ и вавилонянъ шла съ переменнымъ счастіемъ: сперва одно государство брало верхъ, благодаря преимущественно личности своего царя, и подчиняло себѣ другое. Здѣсь было покореніе не народа народомъ, при чемъ побѣдители, оставившіе почему-либо свою сто-

рону, селились между побѣжденными; здѣсь было покореніе одного государства другимъ, завоеванное государство превращалось въ провинцію государства покорившаго. Царь направлялъ движеніе, набиралъ войско изъ цѣлаго народа и распускалъ его по минованіи нужды, здѣсь слѣдовательно не могло образоваться васты воиновъ. Покореніе одного государства другимъ, разумѣется, увеличивало силы царя-поборителя: онъ располагалъ теперь средствами двухъ государствъ, что давало ему возможность покорять другія государства, присоединять ихъ въ видѣ провинцій къ своему.

Но то самое обстоятельство, что покорялся не дикій народъ цивилизованному, а покорялось одно цивилизованное государство другимъ цивилизованнымъ, это самое обстоятельство вело къ тому, что покореніе не могло быть прочно: при первомъ удобномъ случаѣ покоренное государство возвращало себѣ независимость и, усилившись, въ свою очередь подчиняло себѣ государство прежде господствовавшее. Сначала поднимается Ассирія; ея цари подчиняютъ себѣ Вавилонъ и широко распространяютъ свои завоеванія вокругъ, присоединяя къ своимъ владѣніямъ въ видѣ провинцій болѣе или менѣе цивилизованныя государства. По истеченіи извѣстнаго времени, Вавилонъ возвращаетъ себѣ независимость, и снова теряетъ ее; потомъ опять возстаетъ вмѣстѣ съ мидянами и снова принужденъ покориться; наконецъ, Вавилонъ возстаетъ въ третій разъ: Мидія, Вавилонъ и Киликія вступаютъ въ союзъ противъ Ассиріи, это государство падаетъ, великолѣпная столица его Ниневія разрушена. Чередъ усиливаться пришелъ Вавилону, Навуходоносоръ своими завоеваніями основываетъ обширную монархію.

Такимъ образомъ изъ области Евфрата и Тигра произошло движеніе, произведшее сильную историческую жизнь и во всѣхъ окрестныхъ областяхъ къ сѣверу, востоку и западу. Здѣсь нѣсколько государствъ начинаютъ жить общею жизнію, хотя эта жизнь и обнаруживается преимущественно въ борьбѣ; не смотря на покореніе одного государства другимъ, не смотря на образованіе обширныхъ монархій, народности не исчезаютъ, но стремятся, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, возвратитъ себѣ независимость; съ этою цѣлію заключаются союзы между народами, какъ на примѣръ союзъ мидянъ, вавилонянъ и киликійцевъ противъ ассиріянъ; даже привыкшій къ одинокой жизни Египетъ въ послѣднее время втягивается въ эту общую жизнь народовъ: противъ союза мидянъ, вавилонянъ и киликійцевъ ассирійскій царь Сарданапалъ ищетъ союза египетскаго фараона

Нехо но тотъ, задержанный борьбою съ народами, находившимися на дорогѣ, не успѣлъ во время на защиту Ниневіи.

Свидѣтельства о цивилизаціи Ассиріи и Вавилона, цивилизаціи болѣе живой и человѣчной, чѣмъ цивилизація Египта, остались въ развалинахъ громадныхъ и великолѣпныхъ памятниковъ. Что касается до религіи, то и здѣсь мы видимъ поклоненіе мужескому производящему началу, которое обоготворялось въ Белѣ, господинѣ неба и свѣта, и женскому, воспринимающему и рождающему, которое обоготворялось въ *Милиттѣ*. Извѣстно, что въ Вавилонѣ былъ обычай, по которому каждая женщина, разъ въ жизни, должна была отправиться въ храмъ Милитты, чтобъ тамъ отдать себя иностранцу, который броситъ ей деньги, призывая имя Милитты. Въ этомъ обычаѣ нельзя не видѣть средства религіозной пропаганды: вавилонянка, раба Милитты, вступающая въ связь съ иностранцемъ, этимъ самымъ дѣлала и его рабомъ своей богини, заставляла его приносить ей жертву; она допускала иностранца не прежде, какъ онъ призоветъ имя Милитты; простымъ стремленіемъ приносить въ жертву богинѣ любви самое драгоценное благо, — цѣломудріе, объяснить явленіе нельзя, потому что именно требовался иностранецъ. Что религіозная пропаганда шла посредствомъ женщинъ, это ясно видно изъ исторіи евреевъ: «И приглашали онѣ (моавитянки) народъ (израильскій) къ жертвамъ боговъ своихъ, и кланялся народъ богамъ ихъ. И вотъ, нѣкто изъ сыновъ израильскихъ пришелъ и привелъ къ братьямъ своимъ мадіанитянку... Финеесъ, сынъ Елеазара, пронзилъ обѣихъ ихъ... Имя убитой мадіанитянки Хазва... И сказалъ Господь Моисею: Враждуйте съ мадіанитянами и поражайте ихъ. Ибо они враждебно поступали съ вами въ коварствѣ своемъ, прельстивъ васъ Фегоромъ (божествомъ) и Хазвою, дочерью начальника мадіамскаго.»

IV.

ФИНІКІЯ.

До сихъ поръ мы видѣли двѣ формы жизни у разсмотрѣнныхъ нами народовъ: или народы живутъ замкнутою жизнію, исключительно, или преимущественно жизнію внутреннею, избѣгая сообществъ другихъ народовъ, таковы китайцы и египтяне; или нѣсколько равносильныхъ по физическимъ и нравственнымъ средствамъ народовъ живутъ вмѣстѣ, сталкиваются, вступаютъ въ борьбу, то одинъ, то другой беретъ верхъ, является завоеваніе, образованіе обширныхъ государствъ, возстанія государствъ

покоренныхъ, союзы ихъ для освобожденія себя отъ чужой зависимости. Эти явленія представляетъ намъ западная часть Азіи, гдѣ два народа семитическаго племени, ассиріяне и вавилоняне, играютъ главную роль, смѣняя другъ друга въ господствѣ надъ окрестными государствами. Теперь переходимъ мы къ третьей формѣ, представляемой исторіею народа также семитическаго племени, финикіянь. Загнанные, припертые къ морю, въ странѣ безплодной, рано, не успѣвши еще образовать изъ себя государственнаго тѣла, живя еще отдѣльными родами, финикіяне должны были заняться торговлею и промышленностью. Явились богатые города, изъ которыхъ каждый съ своимъ округомъ составилъ отдѣльное владѣніе. Происходятъ явленія, обыкновенныя во всѣхъ подобныхъ малыхъ владѣніяхъ, состоявшихъ преимущественно изъ одного богатаго торговаго города: сильная торговля и промышленность ведутъ къ рѣзкому различію между богатыми и бѣдными, образуются партіи съ противоположными интересами, аристократическая и демократическая, и вступаютъ въ борьбу другъ съ другомъ. Одинъ изъ богачей - вельможъ усиливается и приобретаетъ верховную власть, становится царемъ, но власть этого царя не можетъ быть такъ неограниченна, какъ власть царя у большихъ земледѣльческихъ народовъ; здѣсь уже прежде выработалась сильная аристократія, которая и ограничиваетъ власть царя. Борьба между аристократическимъ и демократическимъ элементами въ городахъ вела къ усобицамъ въ царскихъ семействахъ. Такъ, по смерти извѣстнаго тирскаго царя Хирама, современника и друга Соломонова, сынъ его былъ умерщвленъ родственниками, которые овладѣли верховною властью, опираясь на низшіе классы народонаселенія. Подобныя событія, низложеніе той или другой стороны вело къ выселенію побѣжденныхъ въ отдаленныя страны, къ основанію колоній, что было возможно, благодаря обширному мореплаванію финикіянь, знакомству ихъ съ далекими землями: такъ основана была знаменитая финикійская колонія Картегенъ, благодаря усобицѣ и низложенію аристократической партіи въ Тирѣ.

Мы обыкновенно говоримъ, что горы и степи раздѣляютъ народы, а моря соединяютъ ихъ; но къ этому надобно прибавить, что горы и степи не удержатъ народы, движущіеся по сильнымъ побужденіямъ внутреннимъ или внѣшнимъ, равно какъ моря соединяютъ только тѣ народы, которые сами стремятся къ соединенію, и притомъ первоначально только нужда могла заставить народъ пуститься въ море. Финикіяне должны были сдѣлать это, и Средиземное море стало ихъ областью. Благодаря имъ, Средиземное море впервые получило то важное зна-

ченіе, какое оно удерживало за собою такъ долго, значеніе историческаго моря по преимуществу. Не смотря однако на важное значеніе дѣятельности финикіянь, мы видимъ въ ней одно-стороннее направленіе, направленіе изначала исключительно торговое и промышленное; и здѣсь мы видимъ хотя сильное и широкое движеніе, но безъ подвига, не видимъ движенія, совершающагося по высшимъ побужденіямъ и совершающагося совокупными силами народа или его представителей, лучшихъ людей. Исключительная торговая и промышленная дѣятельность дробна и мелка, а потому не можетъ вести къ высокой степени человѣческаго развитія. Финикія—это Голландія древняго міра.

Религія финикіянь представляетъ тоже поклоненіе началамъ: во-первыхъ, мужескому и женскому (Вааль и Апера); во вторыхъ, доброму и злему: Ваалу, божеству производящему, зиждительному противопоставалось божество злое, разрушительное, Молохъ, имѣвшій соотвѣтствующее ему женское божество, Астарту. Служеніе мужскому и женскому началамъ и здѣсь, какъ вездѣ, по самой сущности своей, отличалось чувственностію, и финикіянки заставляли иностранцевъ служить своей богинѣ тѣми же средствами какъ и вавилонянки. Служеніе противоположному божеству, Астартѣ, божеству разрушительному, должно было, разумѣется, сопровождаться противоположными дѣйствіями: если служеніе одному божеству требовало усиленія жизни, усиленія производительности, то служеніе другому, разрушительному, уничтожающему жизнь, требовало именно уничтоженія средствъ производительности, и Астартѣ служили оскотленіемъ, Молоху человѣческими жертвами. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ чистымъ, полнымъ дуализмомъ: начало или божество злое, разрушительное стоитъ рядомъ съ божествомъ добрымъ, зиждительнымъ, на совершенно равныхъ правахъ; человѣкъ одинаково служить имъ обоимъ, и нисколько еще не сознаетъ своей обязанности служить исключительно доброму началу и, подъ его знаменемъ, ратовать противъ злого, какъ мы это увидимъ въ религіозномъ ученіи арійскаго племени, въ наблюденіямъ надъ историческою жизнію¹⁾ котораго мы теперь и переходимъ.

С. Соловьевъ.

¹⁾ Наблюденія надъ историческою жизнію евреевъ слѣдуютъ ниже, когда будетъ рѣчь о началѣ христіанства.

РОССИЙСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

IV *).

Личное настроеніе императора Александра. — Дѣйствія Шишкова: новое изданіе книги Станевича; прекращеніе библейскихъ «Извѣстій»; нападенія на Катикизисъ Филарета. — Доносы Шишкова на самое Общество. — Положеніе дѣлъ Общества за это время: прекращеніе работъ; донесенія митр. Серафима о необходимости его закрытія. — Секта «духосоцевъ». — Мѣры противъ вредныхъ книгъ. — Окончательное закрытіе Общества, 12 апрѣля 1826. — Сводъ обвиненій противъ Библейскаго Общества: «Записка о крамолахъ враговъ Россіи». — Письмо Невзорова къ митрополиту Серафиму.

Время, наступившее съ удаленіемъ кн. Голицына (15 мая 1824), представляетъ собой нѣчто чрезвычайно странное.... Стала господствовать партія, добившаяся пораженія Голицына и того направленія, которое имъ держалось; но мы напрасно стали бы ожидать, что воздухъ очистится. Напротивъ.

Но что же случилось теперь съ настроеніемъ самого императора Александра, именемъ котораго сначала держалось библейское направленіе, а теперь совершался крутой поворотъ въ другую сторону? Библейское Общество несомнѣнно было однимъ изъ любимыхъ дѣлъ императора Александра: мистическія тенденціи Общества соотвѣтствовали его собственнымъ влеченіямъ въ этотъ періодъ его жизни; онъ самъ лично интересовался тѣми людьми, которые содѣйствовали развитію піэтистическихъ стремленій въ русскомъ обществѣ, онъ оказывалъ имъ вниманіе и поддерживалъ

*) См. выше, т. IV, стр. 639—712; т. V, 231—297, и т. VI, стр. 222—285.

ихъ,—ему казалось, что распространеніе библейской религіозности будетъ могущественнымъ средствомъ основать то христіанское воспитаніе, на которомъ утверждается спокойствіе и счастье народовъ.

Что же означалъ этотъ поворотъ, произведенный отъ его имени, и неужели, удаляя Голицына, онъ принималъ тѣ понятія, которыя внушалъ доносъ Фотія или страхи Серафима и Шишкова? Надѣлѣ эти понятія получили, къ сожалѣнію, господство, но лично императоръ едва ли соглашался съ ними. Принятая, или вѣрнѣе, кажется, позволенная имъ мѣры были однимъ изъ примѣровъ того нерѣшительнаго колебанія, въ которомъ прошли всѣ послѣдніе годы его жизни, когда прежніе идеалы боролись въ немъ съ опасеніемъ революцій, стремленіе къ просвѣщенію и нравственному освобожденію народа—съ ужасомъ передъ тайными обществами и заговорами. Этимъ послѣднимъ его давно пугали и въ Европѣ и дома, дипломаты меттерниховской школы и доморощенные Фуше¹⁾; но императоръ Александръ до самаго конца не понималъ настоящаго значенія того, что выдавали ему за тайныя общества въ Россіи. Онъ «медилъ карать», и скорѣе дѣйствительно по внушеніямъ великодушія, а не по сознанію ничтожества дѣла; между тѣмъ, онъ пріобрѣталъ увѣренность въ существованіи опасности, и оставляя въ покоѣ лица, онъ однако допускалъ притѣснительныя мѣры, напр., въ родѣ тѣхъ, какими Голицына, а потомъ и Шишкова преслѣдовали и заподозривали проявленія общественной мысли. Фантомъ какого-то тайнаго громаднаго заговора, охватывающаго всю Европу и проникшаго въ Россію, носился въ его воображеніи и, при мистическомъ настроеніи ума, могъ принимать тѣмъ большіе размѣры. Но это былъ фантомъ очень туманный: онъ могъ представляться въ весьма различныхъ формахъ. Прежде ему казалось, что это — крайнія политическія теоріи и замыслы, и религіозное невѣріе, которыя онъ, какъ и многіе въ то время, считалъ прямымъ наслѣдіемъ и продолженіемъ французской революціи,—то революціонное «иллюминатство», противъ котораго онъ хотѣлъ поставить Священный Союзъ и противъ котораго направляли свою программу и библейскіе дѣятели. Теперь передъ нимъ стали утверждать, что и сами библейскіе дѣятели — тѣже переодѣтые революціонеры, только болѣе хитрые, тѣже «иллюминаты», закрывающіе свои цѣли медленнымъ под-

¹⁾ Записки Вигеля III, VII, стр. 5: «Милорадовичъ чуть ли не каждый вечеръ представлялъ государю цѣлыя тетради доносовъ, по большей части неосновательныхъ. Спасеніемъ угрожаемыхъ было сердце Александра: онъ медилъ карать, и скоро оказывалась безвѣнность обвиняемыхъ».

капываніемъ религіи. Фотій, котораго онъ нѣсколько разъ удостоилъ своего вниманія и бесѣды, утверждалъ это положительно; тоже говорилъ Серафимъ, Шишковъ и, конечно, еще много другихъ людей той же партіи и тѣхъ же мнѣній. Когда люди, составившіе союзъ противъ Голицына, стали одинъ за другимъ дѣлать свои мрачныя открытія и зловѣщія предсказанія, и указывать опасности, грозившія вѣрѣ и престолу, и когда человѣкъ, по своему званію, повидимому компетентный представитель интересовъ православія, подтверждалъ опасное положеніе церкви подъ прежнимъ управленіемъ,—императоръ Александръ могъ наконецъ потеряться въ этой массѣ устрашеній, особенно подъ вліяніемъ Аракчеева, и предоставить дѣйствовать тѣмъ людямъ, которые обѣщали все «поправить».

Есть не мало примѣровъ, показывающихъ, что самъ лично императоръ былъ способенъ мириться съ людьми, въ которыхъ онъ предполагалъ либеральныя тенденціи, казавшіяся ему опасными, и даже оказывать имъ великодушную благосклонность, но у него не доставало энергіи распутать хаосъ противорѣчащихъ элементовъ, и онъ оставилъ управлять ими Аракчееву. И теперь онъ сохранилъ расположеніе къ Голицыну. Однако же усердіе новаго министра очевидно тяготило его; наивный министръ съ огорченіемъ отмѣчалъ въ своихъ запискахъ «холодность» императора, и никакъ не могъ ея постигнуть....

Шишковъ понималъ свою министерскую задачу какъ нѣчто въ родѣ торжества православія. Это, собственно говоря, не могло бы составлять прямыхъ его обязанностей, но онъ стремился именно къ этой цѣли — искоренить ереси и возстановить подкапываемую, по его мнѣнію, религію. Мы упомянемъ вѣрагѣкъ объ этихъ работахъ Шишкова, потому что онѣ тѣснымъ образомъ, прямо или косвенно, связаны съ Библейскимъ Обществомъ.

Уже вскорѣ по назначеніи Шишкова вспомнили о запрещенной книгѣ Станевича. Статсъ-секретарь Кикинъ, въ свое время, какъ мы видѣли, стоявшій за Иннокентія и Станевича, прислалъ Шишкову «Бесѣду на гробѣ младенца», чтобы онъ, по разсмотрѣніи ея, доложилъ о ней государю. Шишковъ, само собою разумѣется, съ жаромъ взялся за это дѣло, потому книга запрещена была именно за ревнованіе противъ мистиковъ. Онъ сдѣлалъ о ней самый похвальный докладъ императору и, объяснивъ ему, что прежде онъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно ея содержанія, просилъ разрѣшенія послать ее для новаго разсмотрѣнія къ какому-нибудь духовному лицу или въ Синодъ. Получивъ это разрѣшеніе, Шишковъ обратился къ Серафиму, который поручилъ разборъ книги двумъ «знающимъ» священникамъ. По по-

лученіи отъ нихъ разбора, Серафимъ прислалъ Шишкову свой отзывъ — какъ и слѣдовало ожидать, совершенно благопріятный для книги Станевича. Тогда Шишковъ составилъ проектъ указа, который и былъ изданъ (съ нѣкоторыми перемѣнами противъ проекта), 17-го ноября 1824.

— Въ указѣ сказано было, что въ послѣдніе годы въ противность прежнимъ указамъ часто печатались безъ всякаго синодскаго разсмотрѣнія книги, содержащія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о священномъ писаніи толкованія, а напротивъ книги, писанныя въ духѣ православной церкви, подвергались строгому запрещенію. Такъ была запрещена «Бесѣда на гробѣ младенца». Вслѣдствіе того министру повелѣвалось «войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ *изданныхъ*, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по училищамъ наукъ ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось»; министръ обязывался «истреблять и обличать всякія, разсѣяныя въ книгахъ, или иначе внушаемыя, лжеученія». Самая книга «Бесѣда на гробѣ младенца» дозволялась вновь къ напечатанію ¹⁾).

Въ напечатанной формѣ указа исключены нѣкоторыя фразы и выраженія, которыми Шишкову хотѣлось рѣзче выразить осужденіе правительствомъ прежнихъ тенденцій. Напр., гдѣ говорилось о прежнемъ печатаніи книгъ, противныхъ православію, исключены были фразы, находившіяся въ проектѣ: «*Правительствующій Синодъ, вопреки обязанности своей и данныхъ ему предписаній, не обратилъ на то своего вниманія и умолчалъ о семъ*»; о книгѣ Станевича — что она была запрещена «*по несправедливому о ней донесенію*»; вмѣсто: «*повелѣваемъ вновь на казенный счетъ напечатать*» — въ печатномъ: «повелѣваемъ дозволить печатать и продавать», — хотя впрочемъ на самой книгѣ было означено, что она печаталась по Высочайшему повелѣнію ²⁾).

Въ тоже время Шишковъ упорно возсталъ противъ того, что

¹⁾ Зал. Шик., стр. 18—19, 53—59. Самый указъ напечатанъ также въ «Чтеніяхъ», 1861, № 2. Смѣсь, стр. 201—202: «Дозволеніе одной запрещенной книги».

²⁾ Изданіе вышло въ слѣдующемъ году, въ такомъ видѣ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, тогда токмо утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи вѣры и церкви. Сочиненіе Елстафія Станевича. Второе изданіе. По Высочайшему повелѣнію». Спб. Печатано въ тип. имп. рос. Академіи. 1825. На оборотѣ дозволеніе пензурнаго комитета на первое изданіе книги, подписанное 3 сентября 1818 ректоромъ семинаріи арх. Иннокентіемъ, и позволеніе на перепечатку, подписанное 5 іюня 1825, ректоромъ семинаріи, арх. Іоанномъ. 313 стр.; на трехъ нумер. стр. «примѣчанія, сдѣланныя при новомъ изданіи сей книги», — поэтому текстъ, вѣроятно, остался безъ перемѣнъ.

Онъ называлъ *перекладкой св. писанія съ высокаго и важнаго языка на простонародное нарѣчіе*, что, вмѣстѣ съ собраніями библейскихъ обществъ, онъ считалъ «сильнѣйшимъ орудіемъ революціонныхъ замысловъ». На первый разъ онъ вооружился противъ издававшихся Библ. Обществомъ «Извѣстій» (1824) и особенно противъ Филаретова «Краткаго Катихизиса», гдѣ, «не разсуждая уже о нѣкоторыхъ введенныхъ въ книгу *не совсѣмъ согласныхъ* съ ученіемъ нашей церкви правилахъ», были «переложены на простой языкъ» такія «молитвы» какъ «Отче нашъ», «Вѣрую» и «Заповѣди»¹⁾. Съ этими соображеніями Шишковъ опять обратился къ графу Алексѣю Андреевичу, который такимъ образомъ оказывался самымъ компетентнымъ человѣкомъ въ этихъ вещахъ. Въ письмѣ къ Аракчееву Шишковъ заявлялъ, что ожидаетъ въ отвѣтъ или разрѣшенія удалить эти книги изъ училищъ или увольненія отъ должности, потому что иначе видѣлъ бы себя содѣйствующимъ тому, что, по его понятіямъ можетъ принести вредъ благочестію, нравамъ, и слѣдовательно государству и человѣчеству.

Письмо писано было 2 ноября; 4 ноября, по волѣ императора Александра, Шишковъ отправился съ Аракчеевымъ къ митрополиту, чтобы объясниться о библейскихъ «Извѣстіяхъ» и о Катихизисѣ.

«Извѣстія» еще продолжали издаваться и наполнялись обычными свѣдѣніями о библейскомъ дѣлѣ въ Россіи и у другихъ народовъ; этого было довольно, чтобы приводить Шишкова въ крайнее негодованіе. Во внѣшнемъ видѣ «Извѣстій» была теперь та разница противъ прежняго, что, начиная съ іюньской книжки (гдѣ былъ помѣщенъ рескриптъ объ удаленіи Голицына изъ Общества и о назначеніи президентомъ его митр. Серафима), вмѣсто свѣтскаго цензора Бирукова книжки стали подписываться духовнымъ цензоромъ, ректоромъ семинаріи, архим. Поликарпомъ²⁾. Ко времени совѣщанія Шишкова и Аракчеева съ митрополитомъ, вышла 10-я книжка, подписанная архим. Поликарпомъ 23 октября. Это была и послѣдняя книжка «Извѣстій».

Прибывши къ митрополиту, Шишковъ началъ говорить, что «хотя никакихъ гласныхъ повелѣній о прекращеніи Библейскихъ Обществъ не дано, однакожъ съ самой перемѣны министерства

¹⁾ «Молитвы, въ которыхъ каждая буква должна казаться намъ неприкосновенною и священною, молитвы таковыя, какъ *Отче нашъ* и *Вѣрую во единого Бога*, также и *заповѣди Господни*», и проч. Зап. стр. 50.

²⁾ Вѣроятно тотъ же архим. Поликарпъ былъ въ числѣ директоровъ петербургскаго комитета еще съ 1818 года. — Бируковъ тогда судился по дѣлу Госнера.

намѣреніе склонилось уже къ тому, чтобъ нигдѣ объ нихъ не упоминать», — между тѣмъ «Извѣстія» продолжаютъ издаваться и превозносить похвалами дѣятельность Общества. Митрополитъ и на этотъ разъ не вдругъ отступилъ отъ библейскаго дѣла и пробовалъ возражать. На слова Шишкова онъ сказалъ, что такъ какъ подписка на «Извѣстія» уже собрана за годъ, то онъ хотѣлъ довести изданіе до конца года, а съ будущаго января оно прекратится. Шишковъ отвѣчалъ, что о деньгахъ нечего заботиться, когда дѣло идетъ о превращеніи вреда; между тѣмъ теперь въ продолженіи изданія является торжество для тѣхъ, которые всячески стараются поддержать старое. Относительно Катихизиса, митрополитъ, по словамъ Шишкова, защищалъ въ немъ переводъ *молитвъ* «и вообще всѣ переводы св. писанія съ славенскаго (какъ всѣ незнающіе языка своего *журналисты* говорятъ) на русскій языкъ, утверждая, что многіе славянскаго языка не разумѣютъ»¹⁾. «Тутъ не могъ я сохранить своего хладнокровія, — рассказываетъ Шишковъ. Какъ! сказалъ я съ жаромъ, кто изъ насъ не разумѣетъ церковной службы? Развѣ тотъ одинъ, кто отрехшись отъ отечества своего забылъ и языкъ свой? Можно ли съ разсудкомъ повѣрить, что *вѣрую во единого Бога* мы не понимаемъ, а *вѣрую въ одного Бога* понимаемъ? Что *Отче нашъ, иже еси на небесахъ* есть чуждый намъ славенскій, а *Отче нашъ, сущій на небесахъ* — собственный нашъ русскій языкъ? И нужно ли на семь, да позволено сказать, толь неосновательномъ мнѣніи основывать надобность раздѣленія языка церкви съ языкомъ народнымъ? И можетъ ли мнимая надобность сія, уронивъ важность священныхъ писаній, произвести иное, какъ не ереси и расколы? Митрополитъ подтверждалъ еще мнѣніе свое слѣдующими словами: да куда жъ дѣваться намъ съ такимъ множествомъ напечатанныхъ книгъ? Тутъ едва удержался я въ предѣлахъ должнаго къ священному сану уваженія. Графъ Аракчеевъ тоже не вытерпѣлъ и сказалъ: не о деньгахъ дѣло идетъ, пусть ихъ пропадаютъ, лишь бы остановить и сколько можно отвратить сдѣланное зло»²⁾. Наконецъ послѣ долгихъ споровъ рѣшено было Библейскія Общества прекратить, переводовъ св. писанія на «простое нарѣчіе» не выпускать и Катихизисъ остановить.

Такимъ образомъ, адмиралъ и генералъ отъ артиллеріи разрѣшали и библейскій вопросъ и вопросъ о Катихизисѣ. Если

¹⁾ Итакъ, митрополитъ, подписавшій переводъ Н. Завѣта и теперь его защищавшій, также попалъ въ число «журналистовъ, не знающихъ языка своего»!

²⁾ Зап., стр. 49—52; также стр. 59—63.

Шишковъ жаловался, что достоинство духовной власти было унижаемо въ прежнее управленіе, то самъ онъ унижалъ это достоинство точно также. Мы указывали выше, что Катихизисъ Филарета не только былъ утвержденъ святѣйшимъ синодомъ, но что Филаретъ получилъ и особую награду «за назидательные труды въ ноученіе паствы и начертаніе по духу православной Восточной церкви и въ разумѣ Евангельской истины катихизиса». Еще можно было бы извинить ревность Шихкова, если бы въ самомъ дѣлѣ было что-нибудь доказательное въ его возраженіяхъ; но его возраженія совершенно ребяческія. Онъ перенесъ сюда свои филологическія фантазіи, и въ библейскому вопросу примѣнялъ теорію стараго слога, «толь неосновательную» и далеко непризнанную въ литературѣ, гдѣ она была только предметомъ глумленія. Это не былъ даже добросовѣстный способъ дѣйствій. Что касается до вмѣшательства въ вѣроученіе, оно также было неудачно. Адмиралъ и здѣсь попалъ въ очень грубую ошибку, на которой его тотчасъ же и поймали.

Филаретъ, услышавъ, что указомъ синода типографской конторѣ предписано остановить печатаніе и продажу Катихизиса, написалъ митр. Серафиму письмо, въ которомъ напомнилъ ему исторію Катихизиса, разсмотрѣннаго, исправленнаго, утвержденаго и самимъ Серафимомъ и синодомъ, справедливо указывалъ ему, что такая остановка Катихизиса, только вслѣдствіе мнѣнія министра народнаго просвѣщенія, можетъ послужить соблазномъ для церкви. «Если сомнительно православіе Катихизиса, — говорилъ онъ, — столь торжественно утвержденаго св. синодомъ, то не сомнительно ли будетъ православіе самого св. синода»? Онъ напоминалъ Серафиму, что судъ надъ дѣяніемъ синода, *по правиламъ церкви*, принадлежитъ только помѣстному или вселенскому собору, и затѣмъ выражаетъ недоумѣніе, какимъ образомъ въ отношеніи г. *министра народнаго просвѣщенія*, которое прописано въ указѣ св. синода, символъ вѣры названъ не символомъ или исповѣданіемъ вѣры, а *молитвою*. «Не знаю, кому приписать должно обнаруженное здѣсь, столь сбивчивое понятіе о дѣлахъ церковныхъ?—пишетъ дальше Филаретъ.... И съ такимъ понятіемъ неизвѣстные дѣйствователи возьмутъ судъ себѣ надъ святѣйшимъ синодомъ!»¹⁾

Въ это же время пошли толки о запрещеніи одной проповѣди Филарета, на день Благовѣщенія, на томъ основаніи, что про-

¹⁾ См. это письмо (отъ 8 декабря 1824) въ Зап. о жизни Филарета, прилож., стр. 49—51; тоже письмо и самый указъ синода въ московскую синод. типогр. контору отъ 26 ноября въ Журн. Мин. нар. пр. 1863, I, стр. 22—25.

повѣдникъ утверждаетъ, что Іосифъ не зналъ о тайнѣ Богородицы до явленія ангела. Доносъ или указаніе на это сдѣланъ былъ тѣмъ же Степаномъ Смирновымъ, о которомъ мы упоминали выше; въ это время, какъ говорятъ, онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ клеветовъ Шишкова. Филаретъ, во второмъ письмѣ къ Серафиму, оправдывая православіе своихъ словъ въ проповѣди, опять напоминаетъ Серафиму, что онъ самъ называлъ эту проповѣдь «лучшей изъ всѣхъ проповѣдей Филарета», и предостерегаетъ его: «должно ли допускать, чтобы подкапывали твердость и довѣренность церковнаго правительства, чтобы возмущали миръ церкви» ¹⁾?

Серафимъ отвѣчалъ Филарету успокоительными увѣреніями, что о православіи его Катихизиса нѣтъ и рѣчи (мы видѣли, однако, что Шишковъ указывалъ въ немъ правила «не совѣсть согласныя съ ученіемъ нашей церкви», — какія неизвѣстно); но затѣмъ, относительно вопроса: почему русскій языкъ не можетъ имѣть мѣста въ Катихизисѣ, особенно кратко, предназначенномъ для дѣтей, вовсе незнакомыхъ съ славянскимъ языкомъ, — Серафимъ просто отказывается говорить: «на сей и на другіе многіе вопросы, которые по сему случаю сдѣлать можно, я удовлетворительно отвѣтствовать вамъ никакъ не могу. Надѣюсь, что время объяснить вамъ то, что теперь намъ кажется темно. А время сіе скоро, по моему мнѣнію, настанетъ». Въ заключеніи Серафимъ еще разъ увѣрялъ Филарета въ своемъ расположеніи и рекомендовалъ ему терпѣніе: — «терпѣніе не посрамить; оно доставитъ вамъ опытность, которая въ послѣдствіи времени крайне полезна вамъ будетъ, что я имѣлъ случай и самъ надъ собою дознать» ²⁾.

Терпѣніе и уклончивость, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ чрезвычайно полезны.... Время, которое, по мнѣнію Серафима, скоро должно было настать, означало, безъ сомнѣнія, ожидаемое имъ окончательное закрытіе Библейскаго Общества. Мы увидимъ дальше, что въ *это самое время* Серафимъ съ большой ревностью самъ устраивалъ это окончательное закрытіе въ угоду Аракчееву и Шишкову.

Нападенія Шишкова на Филарета этимъ не ограничивались. Филаретъ игралъ слишкомъ важную роль въ Библейскомъ Обществѣ, и слѣд. долженъ былъ тѣмъ больше навлекать на себя вражду Шишкова. Конечно, не безъ цѣли лишній разъ кольнуть

¹⁾ Это письмо (отъ 14 дек. 1824) у Сущ., прилож. стр. 51—52; Журн. Мин. вѣд., стр. 26—28; о Смирновѣ у Сущ., стр. 145.

²⁾ Письмо у Сущ., прилож. 52—53.

Филарета, Шишковъ сдѣлалъ новый докладъ императору Александру по поводу известной книги «О должностяхъ чловѣка и гражданина» (1783), которая въ 1819 г. была отобрана изъ училищъ по предложенію Филарета, бывшаго тогда членомъ главнаго правленія училищъ, — на томъ основаніи, что «изложена по философскимъ началамъ, всегда слабымъ». Шишковъ взялъ здѣсь «философію» подъ свою защиту и просилъ о введеніи вновь этой книги въ народныхъ училищахъ¹⁾. Считая московскаго архіепископа не совсѣмъ православнымъ, Шишковъ, по всей вѣроятности, раздѣлялъ, относительно его, мнѣнія арх. Фотія: во всѣхъ взглядахъ этихъ дѣятелей на Библейское Общество и его приверженцевъ господствуетъ замѣчательное согласіе, и въ отзывахъ нерѣдко буквальное сходство, — потому въ отзывахъ Фотія о Филаретѣ можно положительно видѣть отголосокъ мнѣній если не всѣхъ, то многихъ людей этой партіи.

Фотій въ своихъ запискахъ объясняетъ, что на Филарета «смотрѣли какъ на друга А. Н. Голицына, соучастника и покровителя тайныхъ обществъ» — это и было главнымъ основаніемъ вражды. Фотій также, какъ Шишковъ, осуждаетъ Филарета, что онъ съ своими учениками «новоторилъ» переводъ св. писанія, и въ Катихизисѣ символъ вѣры и проч. изложилъ на «простонародномъ» языкѣ. Фотій не усумнился сказать, что «книжицу: Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ, Филаретъ написалъ въ духѣ неправославномъ», и наконецъ утверждалъ слѣдующее: «Какъ писаніями своими, такъ и словомъ и дѣломъ, Филаретъ московскій не сдѣлалъ православной церкви и вѣрѣ никакой пользы, кромѣ услугъ нововведеніямъ и неправославію и всему, что угодно было тайному обществу²⁾, въ коемъ онъ и самъ себя почелъ за нужное имѣть членомъ, и писалъ письмо въ нѣкоему начальнику секты, дабы его включили и считали въ лошъ его (?). Все сіе достославное дѣло (1824—1825) Филаретъ, будучи въ Москвѣ, не только не обратился въ пользу церкви что нибудь сдѣлать, но и скорбѣлъ весьма, когда дѣло доходило до него и до осужденія его Катихизиса». Фотій зналъ объ упомянутой перепискѣ Филарета съ Серафимомъ, и замѣчаетъ о ней: «Изъ писемъ Филарета не видно, чтобы онъ дорожилъ вѣрою, церковію, православіемъ, но только своею личностію и честію»³⁾.

¹⁾ Зап., стр. 85—86.

²⁾ Слнч. у Сушкова, стр. 106. Голицына они представляли злымъ мартинистомъ.

³⁾ Зап. Фотія, *ibid.*, стр. 265. Итакъ, самъ Фотій не считалъ нужнымъ дорожить честію. Содержаніе писемъ Филарета къ митр. Серафиму мы указывали, и читатель могъ видѣть, справедливъ ли отзывъ Фотія; Филаретъ во всякомъ случаѣ не меньше

Наконецъ, адмиралъ началъ дѣйствовать противъ самого Библейскаго Общества. Здѣсь онъ опять идетъ рядомъ съ Фотиємъ, до того, что нѣкоторыя обвиненія противъ Общества повторяются у обоихъ буквально. Предполагая, что спасаетъ вѣру и престоль, Шишковъ сыплетъ озлобленными обвиненіями противъ Общества, взводитъ на него всевозможныя государственныя преступленія, и конечно не беретъ на себя труда внимательно изслѣдовать факты; напротивъ все смѣшивается въ одну нескладную путаницу инкриминацій: цѣлому Обществу приписывается невозможная и небывалая солидарность; отдѣльныя частности ставятся въ укоръ цѣлому, какъ слѣдствіе преднамѣреннаго плана или даже заговора. Словомъ, въ этихъ обвиненіяхъ Шишковъ нисколько не уступаетъ самимъ библейскимъ обскурантамъ прежняго времени (гнуснѣйшій изъ нихъ, Магницкій, былъ теперь его другомъ).

Мы видѣли прежде, что Библейское Общество имѣло, при нѣкоторыхъ хорошихъ намѣреніяхъ, много слабыхъ сторонъ, происходившихъ въ значительной мѣрѣ отъ самой неприготовленности людей къ подобнаго рода общественной дѣятельности: оно дѣйствовало слишкомъ грубо-чиновническими средствами, порождало не мало ханжества и лицемѣрія, привело своихъ коноводовъ къ дикому обскурантизму. Отсутствие общественной критики, давнишнее свойство русской жизни, усиленное и самими этими коноводами Общества, сдѣлало то, что недостатки Общества, не удержанные никакимъ возраженіемъ, только выростали, и наконецъ дали противъ него такое оружіе, подъ которымъ оно упало. Въ обвиненіяхъ Шишкова, мы, поэтому, иногда встрѣтимъ и замѣчанія нѣсколько справедливыя, потому что онъ попадалъ и на дѣйствительные его недостатки; но, тѣмъ не менѣе, онъ перешелъ въ своихъ обвиненіяхъ всякую мѣру и его филиппики неприятно поражаютъ, съ одной стороны, чрезмѣрнымъ озлобленіемъ, съ другой—невѣжествомъ. Шишковъ, которому было тогда подъ восемьдесятъ лѣтъ, былъ буквально остаткомъ стараго вѣка, и могъ служить вмѣстѣ наилучшимъ представителемъ ультра-консервативныхъ мнѣній Александровскаго времени, какъ въ другомъ словѣ общества представлялъ ихъ Фотій. И тотъ и другой имѣли за собою много послѣдователей въ людяхъ того разряда, которые не задаютъ себѣ никакихъ головоломныхъ вопросовъ, жи-

здѣсь заботился о чести православнаго синода, особенно чести самого Серафима, члѣнъ о своей.

вуть привычками и преданіями, ненавидятъ всякое вольнодумство, а за вольнодумство считаютъ всякую новую мысль, которая имъ самимъ не приходила никогда въ голову. Въ нашемъ обществѣ такіе люди тѣмъ многочисленнѣе и упорнѣе, что недостатокъ образованія мѣшаетъ имъ понимать самое элементарное критическое отношеніе къ существующей дѣйствительности и мнѣніямъ: кто не принимаетъ чего-нибудь изъ дѣдовскихъ понятій—тотъ, въ ихъ глазахъ, покушается на существующій порядокъ вещей; если нѣсколько разныхъ людей сходятся въ какомъ-нибудь подобномъ мнѣніи — значить они составили комплотъ или секту, на нихъ призывается строгость законовъ. Въ царствованіе импер. Александра, приемы этого рода могли развиться въ особенности. Въ тѣ времена было очень распространено убѣжденіе, что большая французская революція была слѣдствіемъ громаднаго заговора философовъ, якобинцевъ и иллюминатовъ; дважды изданная у насъ книга Баррюэля систематически довазывала это во многихъ томахъ; книги противъ Наполеона постоянно изображали его изчадіемъ этого адскаго общества. Впослѣдствіи, революціонныя событія 20-хъ годовъ, возстанія, вызванныя реставраціей, даже болѣе образованными людьми считались не результатомъ самой же реакціи (чѣмъ они были на дѣлѣ), а только произведеніемъ одной партіи злонамѣренныхъ заговорщиковъ, поставившихъ себѣ цѣлью низверженіе всѣхъ престоловъ. Дѣйствительное существованіе тайныхъ обществъ — стараго масонства, новаго тугендбунда, карбонарства, гетэриі — въ глазахъ многихъ, мало знакомыхъ съ истиннымъ положеніемъ вещей, давало этому понятію убѣдительность факта. Темная молва о «Союзѣ Благоденствія» подтверждала, что громадный заговоръ имѣетъ своихъ агентовъ и въ Россіи. Самъ императоръ Александръ вѣрилъ въ существованіе подобнаго заговора, имѣющаго свои развѣтвленія чуть не во всей Европѣ, и во всякомъ случаѣ въ Россіи; но, какъ говорятъ, свойства характера внушали ему великодушную осторожность, — онъ не преслѣдовалъ людей, которыхъ передъ нимъ обвиняли, думая, что когда они не нарушаютъ закона, они могутъ имѣть какой угодно либеральный образъ мыслей¹⁾.

Шишковъ эту осторожность считалъ излишней; ему напротивъ ничего не стоило говорить о «*лотъишемъ* заговорѣ», «злѣдѣйскомъ планѣ» и подгонять къ «заговору» и «плану» все, что ему приходило въ голову. Таковы вообще обвиненія его противъ Библейскаго Общества, къ которымъ мы теперь переходимъ.

¹⁾ La Russie et les Russes, I, 169—170.

Закрытіе Общества стало цѣлью Шишкова съ самаго вступленія его въ министерство. Онъ желалъ для этого, чтобы императоръ, при самомъ началѣ, заявилъ особымъ рескриптомъ намѣреніе правительства противодѣйствовать духу безвѣрія и революціи, и даже заготовилъ проектъ такого охранительнаго рескрипта, но «бумага сія—по словамъ его—осталась безъ всякаго употребленія» ¹⁾. Императоръ соглашался на отдѣльныя предлагаемыя имъ мѣры, но Шишковъ все-таки не добился полномочія, какого хотѣлось ему для совершеннаго истребленія безвѣрія и революціи, распространяемыхъ Обществомъ.

Въ октябрѣ или ноябрѣ 1824, онъ опять представлялъ императору Александру нѣсколько бумагъ, съ особенно настойчивыми обличеніями тенденцій Библейскаго Общества, и съ предложеніями объ его закрытіи, хотя покамѣстъ все еще непрямими.

Во-первыхъ, онъ систематически возсталъ противъ *перевода св. писанія*. Аргументація его состоитъ въ слѣдующемъ ²⁾. Эти переводы, подъ предлогомъ лучшаго разумнѣя церковныхъ книгъ, придуманы именно для уменьшенія ихъ важности и колебанія вѣры. Благоговѣніе къ Богу и древность «запечатлѣли въ умѣ и въ сердцѣ нашемъ каждое слово» въ св. писаніяхъ, и если древнія дѣла рукъ человѣческихъ, какъ одежды и сосуды, сохраняются неприкосновенными для соблюденія ихъ достоинства, то «какъ дерзнуть на перемѣну словъ, почитаемыхъ изшедшими изъ устъ Божіихъ?» Притомъ, перемѣна и не нужна. Если говорятъ, что многія слова древняго языка вышли изъ употребленія, такъ это неправда: «они употребляются въ св. писаніяхъ, въ церковной службѣ, во всѣхъ высокыхъ свѣтскихъ твореніяхъ, въ лѣтописяхъ и законахъ. Не знать ихъ, есть утверждать отпаденіе свое отъ вѣры, отъ языка и отъ наукъ»: тогда придется и церковную службу перевести на «простонародный» языкъ. «Можно ли о такомъ преступномъ намѣреніи... подумать безъ ужаса?» Наконецъ, славянскій и русскій языкъ одинъ и тотъ же, и различаются только на высокій и простой. «Высокимъ написаны священныя книги, простымъ мы говоримъ между собою и пишемъ свѣтскія сочиненія, *комедіи, романы* и проч.». «Сколько смѣшно въ простыхъ разговорахъ говорить высокимъ славянскимъ слогомъ, столько же странно и дико употреблять простой языкъ въ св. писаніи. Не всякъ ли, бы по неволѣ разсмѣялся, еслибы въ псалтырѣ вмѣсто: *Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ, нѣтъ Бога*, стали говорить: *дуракъ говоритъ—нѣтъ Бога*. Между

¹⁾ Зап., стр. 17.

²⁾ Стр. 59—63.

тѣмъ смыслъ въ сихъ двухъ выраженіяхъ есть одинъ и тотъ же». Какъ странно въ 1-й заповѣди сказать: *я Богъ твой*, также странно сказать: *азъ ѣду отъ гости*, и т. п. Въ переводѣ заповѣдей Шишковъ привязывается къ тому, что слова: «да не будутъ тебѣ бози иніи *развѣ мене*», переданы: «да не будетъ у тебя другихъ боговъ *предъ лицомъ моимъ*». «Гордость какого-нибудь *монаха* или хвастуна ученаго скажетъ: такъ по-еврейски, — замѣчаетъ Шишковъ: — да кто меня увѣритъ, что онъ знаетъ всю силу еврейскаго *толь мало извѣстнаго* (?) языка, на которомъ писано сіе въ толь отдаленные вѣки? Кто меня увѣритъ, что онъ такой знатокъ, какого не бывало?» и проч. Шишковъ заключалъ свое разсужденіе тѣмъ, что причина этихъ переводовъ «очевидно» состоитъ въ томъ, чтобы «согласно съ намѣреніемъ Библейскихъ Обществъ исказить и привести въ неуваженіе священныя книги, измѣняя въ нихъ языкъ церкви въ *языкъ театра*». Онъ увѣрялъ, что когда ни случалось ему слушать чтеніе этого перевода, онъ самыхъ набожныхъ людей вмѣсто благоговѣнія «преклонялъ въ смѣху». «Вотъ плоды, и могутъ ли они быть полезны вѣрѣ и нравственности.»

Понятно, что съ Шишковымъ бесполезно было бы спорить объ этомъ предметѣ: переводъ св. писанія былъ для него немислимъ.

Въ другой бумагѣ, которую онъ читалъ императору, онъ разбиралъ нѣкоторыя мистическія книги и приходилъ въ ужасъ: «Сколько таковыхъ книгъ переведено, напечатано и распушено! *Если бы* извлечь изъ нихъ всѣ въ разныхъ видахъ и смыслахъ разсѣянные лжеученія и привести ихъ въ совокупность, то какой *пагубный* ядъ, миссіонерами, сектами и разными средствами распространяемый, *открылся бы* въ нихъ!»¹⁾ Онъ отдавалъ справедливость русскому народу (почти поголовно безграмотному), что эти книги не могли его поколебать!

Въ третьей бумагѣ онъ докладываетъ императору объ одной открывшейся финской сектѣ, и опять сворачиваетъ на вѣчную свою заботу: «Впрочемъ, секта сія не одна въ сей столицѣ. Присылаемые сюда иностранные миссіонеры, или попросту сказать *зажигатели* (!), а особливо англійскіе, стараются всячески ихъ умножить». Упомянувъ при этомъ какого-то шведскаго пастора, неизбѣжнаго Госнера, Понова, Татаринову, онъ продолжаетъ: «Отвсюду слышу, что Библейскія Общества, въ послѣдніе три или четыре года, *умножили* въ разныхъ губерніяхъ, а особливо въ Саратовской, до ста тысячъ самыхъ *злыхъ раскольни-*

¹⁾ Стр. 66.

жовъ, называемыхъ молоканами, которыхъ секта состоитъ въ томъ, чтобъ не имѣть никакой вѣры, и не признавать никакой власти». По словамъ его, нѣкоторые «весьма добрые» помѣщики, желавшіе остановить своихъ крестьянъ, дѣлавшихся раскольниками, получали отъ нихъ такой отвѣтъ: «баринъ не можетъ намъ запрещать и еще долженъ насъ похвалить за то, что мы по внушеніямъ правительства собираемся и читаемъ Библию». Нѣкто, по словамъ его, справедливо сказалъ въ письмѣ къ пріятелю: «здѣшнимъ жителямъ доставленъ способъ за дешевую цѣну *можавать криво Библию*». На это необходимо было обратить наконецъ вниманіе, «ибо могущее изъ сего родиться зло *ужаснѣе всякаго пожара и потона*».

Императоръ отвѣчалъ Шишкову на все это, что переводъ Библии на русскій языкъ приказалъ сдѣлать онъ самъ ¹⁾.

Шишковъ не успокоился, и ему представился наконецъ случай болѣе рѣшительнымъ образомъ выставить необходимость закрытія Библейскаго Общества. Черезъ нѣсколько времени послѣ представленія изложенныхъ выше бумагъ, Шишковъ (кажется, 16 ноября) доложилъ императору, что къ нему пріѣхалъ митр. Серафимъ и, послѣ многихъ разговоровъ, нашелъ нужнымъ представить на усмотрѣніе императора слѣдующіе четыре пункта (въ которыхъ Шишковъ совершенно съ нимъ согласился):

1) «Изъ изслѣдованія всѣхъ дѣйствій Библейскихъ Обществъ (входя въ однѣ гласныя и не упоминая о тѣхъ, которыя могутъ быть сокрыты въ таинствѣ) ясно и несомнѣнно открывается, что чтеніе священныхъ книгъ состоитъ въ томъ (*sic*), чтобъ истребить правовѣріе, возмутить отечество и произвести въ немъ междоусобія и бунты» (!!). «Хитрый и злодѣйскій» планъ этотъ должно разрушить немедленно, иначе нельзя отвѣчать за страшныя послѣдствія. «Всѣ чувствуютъ сію опасность, *ужаснѣйшую всякаго пожара и потона*» (опять), но немногіе осмѣливаются объ этомъ говорить, «по причинѣ пребывающаго въ цѣлости плана сего, и видя, что сіе змѣиное жало прикрито благовидными цвѣтами» (!!). Поэтому необходимо тотчасъ же закрыть всѣ Библейскія Общества, или подъ другимъ названіемъ масонскія ложи, и всѣ ихъ дѣла запечатать и переслать для храненія въ синодъ.

2) Переводы св. писаній на «простое нарѣчіе» составляютъ одно изъ средствъ, придуманныхъ въ Библейскихъ Обществахъ, для поколебанія вѣры. Поэтому Шишковъ и митр. Серафимъ находили нужнымъ остановить ихъ, и «скромными мѣрами» уменьшить число выпущенныхъ книгъ...

¹⁾ Стр. 68.

3) По причинѣ сильнаго распространенія этихъ «заразительныхъ правилъ» и въ свѣтскихъ, и въ духовныхъ училищахъ, нужно «обратить ихъ къ истиннымъ и правовѣрнымъ началамъ»; а для этого Серафимъ считалъ нужнымъ, въ помощь себѣ, вызвать кіевскаго митрополита Евгенія.

4) Такъ какъ синодъ большей частью состоитъ изъ лицъ, «участвовавшихъ въ прежнемъ духѣ и направленіи», то митр. Серафимъ находилъ нужнымъ замѣнить другими двухъ архіереевъ: тверскаго (Іону) и кишиневскаго (Дмитрія Сулиму)¹⁾; эти два архіерея «были избраны по совѣту архимандрита Теофила, того самаго, который нынѣ удаленъ изъ одесскаго лица и противъ котораго весь тамошній край вопіетъ» — (и того самаго, наконецъ, о которомъ мы имѣли случай упоминать по поводу дѣтскаго товарищества въ ришельевскомъ лицѣ).

Митр. Серафимъ желалъ и даже просилъ, чтобы Шишковъ представилъ обо всемъ этомъ императору²⁾. Императоръ отклонилъ сущность этого представленія, сказавши, что правительству слѣдуетъ быть твердымъ въ своихъ постановленіяхъ и не показывать слабости безпрестанной ихъ переменѣй.

Шишковъ возревновалъ еще сильнѣе. Въ отвѣтъ на возраженіе императора, онъ отправилъ ему цѣлое длинное посланіе, посвященное уже вполне и прямо Библейскому Обществу и еще разъ повторявшее: *delenda Carthago!* Онъ сначала убѣждаетъ императора, что похвальная твердость правительства состоитъ не въ поддержаніи ошибокъ, а въ ихъ исправленіи, когда онѣ замѣчены, и что императору Александру также слѣдуетъ сознать свою *прежнюю ошибку*, и самолюбіемъ пожертвовать народному благу, тѣмъ больше, — говорилъ Шишковъ, — что «всѣ и безъ объявленія Твоего знаютъ сію ошибку, а потому упорное пребываніе Твое въ оной не закроетъ ее отъ глазъ людскихъ, но только покажетъ, что Ты любишь себя больше, нежели общее благо». Онъ указываетъ славные примѣры такого признанія своей ошибки изъ собственныхъ дѣйствій импер. Александра, изъ исторіи Петра Великаго и Генриха IV. Императоръ могъ въ началѣ покровительствовать Библейскимъ Обществамъ, когда могъ видѣть въ нихъ богобоязненность и челоуѣколюбіе; но теперь уже раскрылись подробности «дютѣйнаго заговора», которыя императору надо наконецъ узнать, потому что прежде никто не осмѣливался сказать ему объ этомъ правды, чтобы не навлечь на себя гоненія. Теперь же, когда дѣло стало обнаруживаться,

¹⁾ Поправка этого мѣста въ Зап. Шинк. сдѣлана въ Р. Арх. 1868, ст. 942.

²⁾ Стр. 68—70.

то всё планы Общества можно прочесть въ напечатанныхъ книгахъ и увидѣть смыслъ его дѣйствій и намѣреній.

Затѣмъ Шишковъ переходитъ къ самому дѣлу. Въ его обращеніи къ императору было, очевидно, искреннее чувство и убѣжденіе, но, къ сожалѣнію, и слишкомъ большая щедрость на уголовныя обвиненія, которыя въ дѣйствительности ему очень трудно или совершенно невозможно было бы доказывать. Въ возраженіяхъ его противъ Общества, приводимыхъ ниже, мы найдемъ не столько справедливаго указанія недостатковъ Общества, сколько ребяческаго старовѣрства, непониманія или непозволительныхъ уголовныхъ извѣтовъ.

«1) Отколѣ сии Общества водворились къ намъ? — спрашиваетъ Шишковъ. Отъ англійскихъ методистовъ! Могутъ ли сии люди, не токмо иновѣрцы, но и *никакой вѣры не имющіе*, учить насъ христіанству? Развѣ мы какіе нибудь *дикіе народы*, безъ ихъ ученій обойтись не можемъ? 2) Не странны ли, даже смѣю сказать, не смѣшны ли въ Библейскихъ Обществахъ наши митрополиты и архіереи, засѣдающіе, въ противность апостольскихъ постановленій, вмѣстѣ съ лютеранами, католиками, кальвинами, квакерами, словомъ со всѣми иновѣрцами? Они съ сѣдою головою, въ своихъ рясахъ и клобукахъ, сидятъ съ мірянами всѣхъ націй, и имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе! (Божіе по названію, но въ самомъ дѣлѣ *не такое*). Гдѣ жъ приличіе, гдѣ важность священнослуженія? гдѣ церковь? 3) Они собираются въ домахъ, гдѣ часто на стѣнахъ висятъ картины языческихъ боговъ, или сладострастныя *изображенія любовниковъ*, и сии собранія свои, безъ всякаго богослуженія, безъ чтенія молитвъ и Евангелія, сидя какъ бы въ театрѣ, безъ малѣйшаго благоговѣнія, равняютъ съ церковною службою, и домъ безпрестольный, не освященный, гдѣ въ прочіе дни пируютъ и пляшутъ, называютъ храмомъ Божіимъ? Не похоже ли это на *Содомъ и Гоморъ*?

«При столь непристойныхъ наружностяхъ, взглянемъ на дѣятельность Библейскихъ Обществъ, посмотримъ, въ чемъ онѣ состоятъ: 1) Въ намѣреніи составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то [общую республику (!) и общую религію —] мнѣніе мечтательное, безразсудное, породившееся въ головахъ или обманщиковъ или суемудрыхъ людей. Оно сперва скрывалось подъ именами тайныхъ обществъ (!), масонскихъ ложъ, новой философіи, а потомъ обнаруженное (?) укрывалось подъ другія благовиднѣйшія имена либеральности, филантропіи, мистики, и тому подобныя; заразило многихъ, поработало царство наше чужеземцамъ и угрожаетъ тѣми же бѣдствіями, какія нѣкогда

въ ихъ земляхъ свирѣпствовали. 2) Въ напечатаніи столько Библій, чтобъ каждый въ государствѣ человѣкъ могъ ее имѣть (такъ сказано въ отчетахъ). Чтожъ изъ этого послѣдуетъ? Употребится страшный капиталъ на то, чтобъ Евангеліе, выносимое съ такою торжественностію, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось подъ лавками, служило оберткою какихъ-нибудь домашнихъ вещей и не дѣйствовало болѣе ни надъ умами, ни надъ сердцами человѣческими. 3) Въ переводѣ Библій на всѣ языки, на турецкій, татарскій и проч. *На что это?* Кто поручится за вѣрность сихъ переводовъ и кто будетъ ихъ читать? 4) Въ размноженіи обществъ, состоящихъ изъ членовъ, которые, *смыловательно* (?), отдѣляются отъ прочихъ христіанъ, ибо какая нужда христіанину, который по самому званію сему есть членъ церкви, быть членомъ Библейскаго Общества? Не *знакъ ли* это, что онъ отпадаетъ отъ той церкви, на которой основана вѣра, и предается другой, признавая ее за лучшую? Сверхъ сего, къ чему иному поведутъ сіи размноженныя Общества, какъ не къ тому, чтобъ собирающаяся, гдѣ и какъ хочетъ, толпа простыхъ и безграмотныхъ людей толковала Библию по внушеніямъ какого-нибудь еретика или плута, *подкупленнаго и посланнаго къ нимъ нарочно*, чтобъ, объясняя св. писаніе криво и превратно, посѣять въ легковѣрныя сердца ихъ развратъ и неистовства, удобнѣе сдѣлать ихъ хуже и свирѣпѣе всякаго дикаря и язычника? Если обратить вниманіе на дѣйствія Библейскихъ Обществъ и на всѣхъ агентовъ ихъ, то сіи произведенныя ими пагубныя плоды, сія уготовляемая ими вокругъ насъ зараза окажутся, можетъ быть, страшнѣе и опаснѣе всякихъ непріятельскихъ нашествій».

Шашковъ еще на нѣсколькихъ страницахъ развиваетъ всю эту тему. О чемъ заботятся Библейскія Общества—объ утверженіи православной вѣры или напротивъ? «Если намѣреніе ихъ состоитъ въ преподаваніи христіанскихъ ученій, то развѣ церковь наша не преподаетъ намъ оныхъ? развѣ мы до Библейскихъ Обществъ не были христіане? и какъ же они учатъ насъ тому? Призываютъ учителей-иновѣрцевъ и распускаютъ книги, противныя христіанству! вмѣстѣ съ Библиями рассылаютъ *воззванія* ко всеобщему бунту!»¹⁾ Библейскія Общества старались о распространеніи такихъ книгъ, «содержащихъ въ себѣ умствованія, совершенно противныя всякой христіанской вѣрѣ и вся-

¹⁾ Подъ этимъ послѣднимъ Шашковъ разумѣетъ книгу: «Воззваніе къ челоуѣкамъ о посѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», перев. И. Ястребова, Спб., 1826 г., о которой упоминаютъ въ приложеніи къ нашей предѣд. статьѣ.

тому правительству», — и это стараніе издавать подобныя книги вмѣстѣ съ Библиями, обнаруживаетъ «очевидное желаніе превратными толкованіями уронить Св. Писаніе и дать свободу страстямъ и своевольству». Плоды этого Шишковъ уже указывалъ въ размноженіи раскольниковъ, а теперь въ особенности ссылается на одного *есаула*, особенно отличавшагося еретичествомъ (нѣкоего Котельникова, о которомъ мы упомянемъ дальше). Для отвращенія страшной опасности для вѣры и государства необходимо немедленно закрыть Библейскія Общества, и если хотятъ придать этому нѣкоторую «благовидность», то Шишковъ предлагалъ поступить такъ: «предоставить синоду донести о необходимости болѣе оныхъ, или безъ сего донесенія дать указъ, что какъ уже напечатано достаточное количество Библий, то, почитая дальнѣйшее попеченіе о томъ болѣе ненужнымъ, всѣ Библейскія Общества закрыть и всѣ въ оныхъ дѣла препроводить для храненія въ св. синодъ, которому впредь, по мѣрѣ надобности, издавать Библию на прежнемъ основаніи, какое было до введенія Библейскихъ Обществъ». (Такъ и было впоследствии сдѣлано.) Тогда вѣра и престоль опять утвердятся, и императоръ спасетъ народъ свой отъ «адскаго духа, устремляющагося искоренить въ немъ вѣру и всѣ добродѣтели»¹⁾.

Императоръ Александръ не давалъ на это Шишкову никакого отвѣта. Онъ могъ не довѣрять тому, что ему говорили теперь о Библейскихъ Обществахъ, въ которыхъ столь многое дѣлалось по его собственной инициативѣ; ему самому знакомы были мистическія тенденціи, въ которыхъ ему указывали теперь столько губительнаго, не только для вѣры, но и для безопасности государства; однажды онъ уже замѣтилъ Шишкову, что переводъ св. писанія былъ сдѣланъ по его собственной волѣ. Чѣмъ ужаснѣе былъ доносъ, тѣмъ онъ становился невѣроятнѣе: князь Голицынъ, на котораго прежде всего должны были падать всѣ эти ужасныя обвиненія, оставался однимъ изъ ближайшихъ людей къ императору, и все краснорѣчіе Шишкова, убѣждавшаго императора признать свои заблужденія, было пока напрасно.... Шишковъ началъ замѣчать «нѣкоторую холодность и молчаливость» со стороны императора, которая очень его огорчала. Онъ приписывалъ это дѣйствіямъ противной партіи и не думалъ, что его настоянія могли быть неприяты самымъ отсутствіемъ всякой мѣры и смысла въ обвиненіяхъ. Черезъ нѣсколько времени, однако, императоръ, при отъѣздѣ въ Варшаву, прощаясь съ Шишовымъ, сказалъ ему: «поступай какъ ты началъ», — по-

¹⁾ Зап., стр. 74—83.

видимому, не желая давать никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій ¹⁾).

Проволочка госнеровскаго дѣла и неутѣшительный его ходъ вызвали новые доклады и письма Шишкова къ императору. Мы приведемъ изъ нихъ еще одну послѣднюю цитату, гдѣ Шишковъ началъ приписывать Библейскому Обществу даже воровства, грабежи и убійства:

«Плоды распущенныхъ во множествѣ книгъ, — говоритъ онъ, — въ которыхъ приводимые изъ Библии тексты толкуются превратно, вездѣ оказываются въ есаульскихъ и солдатскихъ посланіяхъ. Чрезвычайное въ краткое время умноженіе самыхъ опаснѣйшихъ расколовъ, есть несомнѣнное отъ сего послѣдствіе. Сему нечестію начинаютъ соотвѣтствовать подобныя же дѣянія, таковыя, какъ частыя *воровства* и *грабежи*, даже нерѣдко *смертоубійства*, также *слухи*, распускаемые къ уничиженію священства, о попахъ съ козлиными рогами (!), подающіе, *сверхъ того*, поводъ народу по ночамъ скопдяться ²⁾. Вѣроятно, есть и другія подобныя происшествія, о которыхъ полиція больше меня свѣдуща. Судъ надъ профессорами, преподававшими въ томъ же духѣ (!) свои ученія, и возникавшія неоднократно такія же мысли въ университетахъ и училищахъ, часто свидѣтельствовали *тъ же самыя замыслы*. Во многихъ свѣтскихъ сочиненіяхъ появляются таковыя же порывы. Сколь ни трудно для меня имѣть особое и неусыпное за симъ наблюденіе, однакожь я велѣлъ цензорамъ, при малѣйшемъ сомнѣніи, относиться ко мнѣ. Многое останавливалъ».... ³⁾.

Это обвиненіе достаточно говорить за себя само. Замѣтимъ же ему только, что, упоминая о «судѣ надъ профессорами», т. е., судѣ надъ профессорами петербургскаго университета, обвиненными въ вольнодумствѣ, Шишковъ страннымъ образомъ приписываетъ Библейскому Обществу тотъ «духъ», противъ ко-

¹⁾ Зап., стр. 88.

²⁾ Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Шишковъ рассказываетъ: «Извѣстно, что въ это время происходили въ Петербургѣ многія по домамъ покражи и сверхъ того учинены нѣкоторыя смертоубійства, изъ коихъ нѣныя по обстоятельству казались такими, что не корысть побудила на оныя, но, вѣроятно, опасеніе, чтобъ челоуѣкъ сей не открылъ вѣренной ему тайны. Также распущенъ былъ слухъ, будто бы какой-то поповъ, для содѣланія нѣкоего нечестиваго, нарядился въ *козью съ рогами кожу*, которая тотчасъ къ нему приросла, и что будто бы въ семь видѣ поведутъ его ночью на казнь. Нелѣпная сказка сія такъ распространилась, что дни три сряду народъ скопдился во множествѣ смотрѣть на сего чудеснаго преступника и, что *всего страннѣе*, сказка сія не въ одномъ здѣшнемъ, но и въ другихъ городахъ разглашена была» (!!).

³⁾ Зап., стр. 104—109.

торого оно именно тогда и свирѣпствовало въ лицѣ извѣстныхъ клеветовъ Магницкаго и Голицына. Теперь на Общество сваливалось и это вольнодумство!

Понятно, что императоръ сталъ *уклоняться* отъ исполненія желаній Шишкова и показывать холодность и молчаливость ¹⁾. Вспомнимъ, что и въ публикѣ дѣйствія этой партіи по дѣлу Госнера производили «изумленіе и негодованіе».

Что же дѣлалось тѣмъ временемъ въ самомъ Библейскомъ Обществѣ?

Въ первомъ засѣданіи библ. комитета, послѣ удаленія кн. Голицына (29 мая), читались, по прежнему, отчеты о текущихъ дѣлахъ Общества ²⁾, какъ-будто дѣло должно было идти по прежнему. Между тѣмъ, уже начинались явные скандалы. Какъ только Голицынъ былъ удаленъ, и Шишковъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, а Серафимъ президентомъ Библейскаго Общества, Магницкій велѣлъ *выкинуть портретъ* кн. Голицына изъ конференцъ-залы казанскаго университета ³⁾, и *отрекся* отъ Библейскаго Общества, во имя котораго онъ такъ недавно совершалъ свои подвиги.

Эту послѣднюю выходку онъ подготовилъ еще заранѣе. Перекинувшись на сторону враговъ кн. Голицына, еще до его удаленія изъ Общества, Магницкій, въ одномъ изъ засѣданій библейскаго комитета, возсталъ противъ посылки въ Персію персидскаго перевода Н. Завѣта, на томъ основаніи, что въ этомъ переводѣ было, по его словамъ, какое-то богохульное выраженіе, и сдѣлалъ сцену, заявивъ, что не хочетъ больше участвовать въ занятіяхъ комитета. Тогда не поняли, что случилось съ этимъ, до тѣхъ поръ ревностнымъ, членомъ Общества. Вскорѣ это объяс-

¹⁾ Шишковъ жалуется, стр. 93, что противная сторона называла его дѣйствія «инквизиціею» (1825 г.). Онъ негодуетъ на это. Но на стр. 121 онъ рассказываетъ, что полиція отырла тайныя сходбища учениковъ Госнера; назначена была комиссия изъ графа Милорадовича, барона Ребиндера, еп. Сигнеуса и его, Шишкова. «При всѣхъ кроткихъ увѣщаніяхъ, человекъ до *семидесяти* остались упорными въ намѣреніяхъ своихъ, не хотѣли даже обѣщать, чтобъ не дѣлать болѣе тайныхъ сборищъ, такъ что, по причинѣ сего ни чѣмъ непреодолимаго упорства, принуждены мы были осудить ихъ къ *разосланію и заточенію по разнымъ крѣпостямъ*».

²⁾ Мнтр. Серафимъ пока заявилъ только свое мнѣніе, чтобы для удобнѣйшаго и усилнѣйшаго приведенія въ употребленіе книгъ св. писанія, переведенныхъ для нехристіанъ, были употреблены *мѣстные священники*, и чтобы они руководимы были при этомъ своими *епархіальными архіереями*. Мнѣніе, конечно, было комитетомъ принято. «Извѣстія» 1824 г., июнь, стр. 281.

³⁾ Зап. Панаева, *ibid.*, стр. 107.

нилось, потому что онъ вступилъ въ открытый союзъ съ Фотіемъ и сталъ пресмыкаться передъ Аракчеевымъ. Когда Магницкій явился въ первый разъ въ этомъ обществѣ (кажется, у графини Орловой), Фотій, любившій оригинальничать, встрѣтилъ его здѣсь какимъ-то торжественно-юродивымъ способомъ, и съ тѣхъ поръ они стали союзниками¹⁾. Оказавъ услугу новымъ союзникамъ своими стараніями выкрасть изъ типографіи книгу Госнера, и когда Голицынъ уже не былъ министромъ, Магницкій устроилъ свое отреченіе отъ Общества. Въ бумагахъ къ митр. Серафиму, отъ 24 мая 1824 г., онъ, сославшись на упомянутыя богохульные выраженія въ *персидскомъ* переводѣ, просилъ митрополита: «принять торжественное мое отреченіе отъ всѣхъ богопротивныхъ, по моему разумѣнію, дѣйствій Библейскаго Общества, и благоволить исходатайствовать мнѣ совершенное отъ онаго увольненіе»²⁾.

Но «Извѣстія» Библейскаго Общества еще продолжались пока правильно, и въ газетахъ этого года, по прежнему, помѣщались свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Общества. Такъ, въ августѣ 1824 г., въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатана была выписка изъ журнала засѣданія московскаго комитета, гдѣ предсѣдательствовали вице-президентъ Общества, Филаретъ. Выписка говорила объ успѣхахъ библейской дѣятельности: корреспонденты московскаго комитета разослали по селеніямъ этой губерніи пятьсотъ книжекъ «воззванія» отъ комитета Общества, и успѣхъ этого воззванія превзошелъ всѣ ожиданія: всѣ книги св. писанія, бывшія въ запасѣ въ тѣхъ мѣстахъ, были раскуплены. Въ этой же выпискѣ находилось и упомянутое нами прежде извѣстіе объ успѣхѣхъ библейскаго дѣла между *старообрядцами*: Богородскій корреспондентъ увѣдомлялъ, что экземпляры Новаго Завѣта, на русскомъ языкѣ, раскупаются старообрядцами, которые «съ великимъ вниманіемъ и радостію читаютъ сію божественную и душеспасительную книгу на *природномъ своемъ языкѣ*». Затѣмъ объявлялось о продажѣ книгъ св. писанія въ книжной лавкѣ Библейскаго Общества³⁾.

¹⁾ «Встрѣтилъ его у дверей гостининой Фотій, держа восковыя свѣчи въ рукахъ, и съ нѣмною торжественностію провожалъ его до приготовленныхъ креселъ. Кругомъ сидѣли почетныя дамы, къ томъ числѣ графиня Орлова. Фотій сѣлъ возлѣ Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ; потомъ ухватился за колокольчикъ, стоявшій на столѣ и сталъ звонить сколько было у него силы, не проговаривая, впрочемъ, ни одного слова (!?). Видно, Магницкій и онъ помѣнялись взорами въ залогъ взаимнаго согласія, и негласный союзъ между ними былъ заключенъ». Изъ Зап. Современника, А. Стурдза, 1849 г., въ Р. Арх. 1866 г., ст. 932.

²⁾ Чтенія М. Общ. 1861 г., № 4, стр. 162—163.

³⁾ «Моск. Вѣд.» 1824 г., № 69, 27 авг. Та же статья явилась потомъ и въ Пе-

Шишковъ пришелъ въ негодованіе, прочитавши это извѣстіе, и обратился опять съ письмомъ къ своему приближенцу, графу Алексѣю Андреевичу. Эти извѣстія явно доказывали — говорилъ Шишковъ — что зло, которое хотять остановить, распространяется по прежнему: извѣстіе о томъ, что старообрядцы читають съ радостію Новый Заветъ на русскомъ, ихъ *природномъ*, языкѣ, противно, по словамъ его, всякому понятію о старообрядцахъ, не терпящихъ никакого измѣненія въ библейскихъ текстахъ, и «таковая, преимущественная предъ настоящими христіанами, похвала *старообрядцамъ*, то есть, раскольникамъ, и увѣреніе, что русскій языкъ имъ особенно природенъ ¹⁾, есть явная и совершенная ложь, очевидно, для того только проповѣдываемая, чтобы возвысить расколы и уничтожить тотъ языкъ, на которомъ въ церквахъ производится служба и читается Евангеліе» ²⁾. Шишковъ жаловался, что не имѣетъ способовъ къ потушенію этого тлѣющаго огня, и выражалъ опасеніе, что можетъ своимъ бездѣйствіемъ лишиться и того добраго имени, какое приобрѣлъ долговременностью своей службы ³⁾.

Шишковъ жаловался при этомъ и на московскаго архіепископа, которому нельзя-де было не знать, что въ Петербургѣ уже ничего не упоминается о Библейскихъ Обществахъ, и который не могъ «безъ особаго намѣренія допускать до подобнаго обнародованія статей, прежній духъ и прежнее стремленіе къ потрясенію общаго спокойствія обнаруживающихъ».

16 сентября (1824), Серафимъ писалъ Филарету (по-латыни), совѣтуя ему быть осторожнымъ въ библейскомъ дѣлѣ и не печатать ничего объ этомъ въ газетахъ, какъ онъ сдѣлалъ недавно ⁴⁾. Серафимъ извѣщалъ его, что Библейское Общество обвиняють въ поощреніи раскола, и что этого мнѣнія держатся не только люди невѣжественные и суевѣрные, но и многіе «образованные и благочестивые».

19 сентября, корреспондентъ Филарета въ Петербургѣ, Гри-

тербургъ, въ «Извѣстіяхъ Библ. Общ.», сентябрь, стр. 360—361. (Цензурная помѣтка сентябрьской книжки октября 3; послѣдняя, октябрьская, помѣчена 23 октября).

¹⁾ Это вздорная придирка: въ самомъ извѣстіи вовсе не говорится, чтобы русскій языкъ былъ имъ особенно природенъ, а сказано просто вообще, какъ о природномъ для нихъ выстѣ со всѣми другими русскими.

²⁾ Шишковъ опять забылъ, что, по его собственнымъ словамъ, раскольники не терпятъ никакого измѣненія въ библейскихъ текстахъ, — следовательно, какое же «возвышеніе» раскола было въ томъ, что онъ былъ будто бы похваленъ за измѣну своимъ старымъ раскольничьимъ преданіямъ?

³⁾ Письмо къ Аракчееву, отъ 13 сент. 1824 г. Зап., стр. 23—26.

⁴⁾ Серафимъ разумѣлъ статью въ «Моск. Вѣд.»

горій, епископъ ревельскій, передавалъ ему мнѣніе Серафима, что Библейскія Общества крайне вредны; потому что раздача Библий есть самое вѣрное средство къ введенію реформаци; что онъ не будетъ больше дѣлать собраній, и что Общество не уничтожается теперь только потому, чтобы не сдѣлать шума, что Шишковъ, кажется, послалъ въ университетскую типографію (въ Москвѣ, печатавшую «Моск. Вѣдомости») приказъ не печатать того, что было бы прислано изъ Библейскаго Общества.

Между тѣмъ, въ сентябрьской книжкѣ «Извѣстій» (вышедшей въ октябрѣ) была опять напечатана та статья, которая была въ августѣ помѣщена въ «Моск. Вѣдомостяхъ». Эта перепечатка едва ли не сдѣлана редакторами «Извѣстій» съ намѣреніемъ, на зло Шишкову.

15 октября, тотъ же Григорій писалъ Филарету, между прочимъ: «Перевода Библии продолжать не велить (т. е. Серафимъ), но мы, однакожь, *будемъ продолжать*.... У насъ все еще идетъ броженіе, и подозрѣнія не перестаютъ».

7-го ноября онъ же пишетъ: «Перевода Библии дѣлать не велѣлъ. Не знаю, что будетъ дальше,» — и извѣщаетъ, что Катихизисъ «критикуютъ»...

12 декабря, около того времени, когда дѣло шло о Катихизисѣ, Филаретъ, епископъ калужскій, въ письмѣ къ Филарету московскому, проситъ его «побережь себя для святой церкви», говоритъ, что прилежная молитва «всѣхъ истинныхъ сыновъ церкви» дойдетъ до Господа, и Онъ «скоро прогонитъ мрагъ и изведетъ истину во свѣтъ». Авторъ письма молилъ Бога дать Филарету силы перенести искушеніе его вѣры и любви къ Богу. «Ибо не впадаютъ, что творятъ»¹⁾.

Наконецъ самъ президентъ Библейскаго Общества, — который уже съ 1814 года, второго года существованія Общества, когда въ библейскомъ комитетѣ въ первый разъ явились представители православной іерархіи, былъ въ числѣ его вице-президентовъ; котораго имя, вмѣстѣ съ именами митрополита Михаила и архіепископа Филарета, стояло подъ «Возглашеніемъ къ Христолюбивымъ читателямъ» при первомъ изданіи Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ, этомъ лучшимъ дѣлѣ Библейскаго Общества, — митрополитъ Серафимъ въ письмахъ къ императору Александру отъ 11 и 28 декабря 1824 г. просилъ о «скорыхъ мѣрахъ къ огражденію православія и природной намъ преданности къ законному правленію», просилъ прекращенія дѣйствій Общества,

¹⁾ Эти письма см. въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1868, I, 18—20, 25—26.

какъ «благодѣянiя къ уврачеванiю ранъ, нанесенныхъ святой нашей Вѣрѣ»¹⁾).

Поводомъ къ первому письму была секта *Духоносцевъ*, которую враги Библейскаго Общества выдавали за прямое его произведенiе и изъ которой они дѣлали одно изъ важнѣйшихъ обвиненiй противъ Общества: Фотiй и Шишковъ говорили объ ней съ благочестивымъ ужасомъ. Къ сожалѣнiю, эта секта до сихъ поръ извѣстна очень мало, — и именно только изъ этихъ обвиненiй²⁾. Изъ сличенiя извѣстныхъ данныхъ видно, что основателемъ этой секты былъ донской есаулъ Евлампiй Котельниковъ. Онъ училъ, что Антихристъ уже пришелъ, и что въ нашей церкви уже видна мерзость запустѣнiя, прореченная прор. Данииломъ; эта церковь, какъ царство Антихристова, разрушена будетъ Александромъ I, и при немъ распространится религiя духоносцевъ, или единовѣрiе. Въ императорѣ родился духовно I. Христосъ, и онъ есть мужъ новой церкви. Въ своихъ собранiяхъ духоносцы читали Библию; кромѣ того они читали книгу Лопухина «Черты внутренней церкви» и упомянутое прежде «Воззванiе къ человѣкамъ о послѣдованiи внутреннему влеченiю духа Христова», которыя признавали пророческими. Котельниковъ изложилъ наконецъ положенiя этой секты въ книгѣ подъ названiемъ «Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ» (?), основанной, какъ говорятъ, на ученiяхъ того же «Воззванiя». Мѣстное начальство будто бы много разъ доносило объ этой сектѣ министерству духовныхъ дѣлъ, но «агенты иллюминатства» отвращали вниманiе министерства отъ донесенiй донскаго начальства и отъ рукописей Котельникова. Наконецъ (вѣроятно, уже послѣ паденiя кн. Голицына), Котельниковъ былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ. Призванный къ Аракчееву, въ присутствii Серафима и Фотiя, онъ держалъ себя дерзко, презиралъ всякiя угрозы, и напротивъ угрожалъ самъ, говоря, что радъ погибнуть, потому что знаетъ, что своей погибелью умножить ревность и число своихъ послѣдователей. Аракчеевъ и Серафимъ хотѣли запереть его въ крѣпость; но Фотiй просилъ, чтобъ ему предоставили сдѣлать надъ Котельниковымъ опытъ своихъ увѣщанiй. Фотiй дѣйствительно довелъ его до раскаянiя, и Котельниковъ письменно предалъ свою книгу проклятiю. Его велѣно было освободить, дать ему тысячу рублей и отпустить на родину. Но тамъ, — рассказываетъ Шишковъ, — онъ «сочинилъ

¹⁾ Письма изданы въ Р. Арх. 1868, ст. 940—944.

²⁾ Зап. Шишкова, стр. 80—81, прим. Зап. Фотiя (въ Читенiяхъ), стр. 263—264; Записка о крамолахъ враговъ Россii, въ Р. Арх. 1868, ст. 1345—1349.

еще злѣйшую прежней книгу, въ которой насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили притворному его обращенію въ православную вѣру и отреченію отъ своей». Онъ продолжалъ распространять свою ересь, и его вторично взяли въ Петербургъ: но Фотій не хотѣлъ уже обращать его, а поручено это было одному монаху, «который, вмѣсто обращенія его, самъ отъ него заразился тою же ересью и объявилъ о томъ письменно». Наконецъ, Котельникова заключили въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ умеръ въ 50-хъ годахъ, какъ говорили, «святымъ челоуѣкомъ»¹⁾.

Повидимому, это было нѣчто въ родѣ духоборчества или молоканства, принявшаго нѣкоторые элементы изъ тѣхъ религіозныхъ понятій, какія излагала новая мистика.

Митрополиту Серафиму было, кажется, поручено разсмотрѣніе этой секты, и онъ совершилъ его съ той точки зрѣнія, какую мы уже видѣли у Шишкова. Онъ называетъ секту «важною по обширнымъ своимъ замысламъ и приманчивой по свободѣ дѣйствовать согласно съ желаніями и страстями»; удивляется, до какой степени даже въ простомъ народѣ распространилось «явное противленіе церкви»; не сомнѣвается, что «зловредный расколъ сей, какъ новая отрасль маонства²⁾, одолженъ началомъ своимъ не Россіи, но *привезенъ къ намъ со-всѣмъ обдуманнѣй и приуроченнѣй во всѣхъ отношеніяхъ (!)* въ свойствамъ, обычаямъ и понятіямъ народа Русскаго»³⁾. Митрополитъ находилъ, что всеобщее обращеніе Библии «безъ другихъ средствъ къ поспѣванію въ народъ благочестія», могло содѣйствовать этому расколу⁴⁾. Наконецъ, «Библейскія Общества имѣютъ съ нимъ связь», какъ заключаетъ Серафимъ изъ един-

¹⁾ Въ отрывкахъ изъ Зап. Фотія упоминается еще о какихъ-то письмахъ Котельникова къ вологодскому епископу Онисфору и къ Филарету, но свѣдѣнія слишкомъ кратки и неясны, чтобы извлечь изъ нихъ что-нибудь положительное.

²⁾ Припомнимъ, что Серафимъ былъ воспитанникомъ Дружескаго Общества, какъ и Михаилъ Десницкій; но у него не осталось, кажется, потомъ слѣдовъ этого воспитанія.

³⁾ Какой же удивительный челоуѣкъ *не въ Россіи* былъ въ состояніи сдѣлать такую мудреную вещь, когда и самимъ русскимъ, не принадлежащимъ прямо къ самому народу, это бываетъ такъ трудно? Объ этомъ обвинители не помышляли. На все былъ готовый отвѣтъ: «алюминаты».

⁴⁾ Замѣчательное и очень справедливое признаніе; но на комъ же лежала обязанность позаботиться объ этихъ другихъ средствахъ? Въ этомъ вопросѣ и заключается вся сущность дѣла. Если Библейскія Общества, главнымъ образомъ свѣтскія и неконфессіональныя по принципу, дѣлали свое дѣло, распространяя Библию, кто и смѣлъ тѣмъ, на комъ должна была лежать обязанность позаботиться о «другихъ средствахъ», — исполнять и свое дѣло?

ства ихъ основаній всеобщей религіи, и изъ согласія новаго ученія съ содержаніемъ такъ-называемыхъ духовно-нравственныхъ книгъ, которыя явились вмѣстѣ съ Библейскими Обществами,—особенно съ содержаніемъ «Воззванія къ человѣкамъ» etc. — Наконецъ, митрополитъ жалуется, что съ введеніемъ Библейскихъ Обществъ не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ училищахъ появился «духъ своеволія и мистическаго мудрованія»; «какихъ же должно ожидать послѣдствій, *еще сои земли, обуяетъ?*» — т. е. тѣмъ же духомъ заразится готовящееся духовенство.

Вслѣдствіе того онъ проситъ «скорыхъ мѣръ», и для успѣшнаго ихъ примѣненія проситъ, чтобы въ помощь ему призванъ былъ кievскій митрополитъ Евгеній...

Во второмъ письмѣ, митрополитъ Серафимъ говоритъ, что углубившись въ разысканія о Библейскомъ Обществѣ, онъ все больше убѣждался въ невозможности соединить мѣсто первенствующаго члена синода съ предсѣдательствомъ въ Библейскомъ Обществѣ. Въ «сокрытомъ направленіи *всплх дѣйствій*» этого Общества онъ увидѣлъ «нарушеніе *самыхъ священныхъ обязанностей* покорности церкви и преданности Государю», и потому просилъ низойти благосклоннымъ вниманіемъ на приносимое имъ «моленіе цѣлой церкви». Императоръ объявилъ ему прежде, что по дѣлу Россійскаго Библейскаго Общества составится комитетъ изъ преданныхъ престолу и церкви людей; и митрополитъ просилъ, чтобы императоръ теперь же велѣлъ прекратить дѣйствія библейскихъ комитетовъ и закрыть ихъ по всей Россіи, и желалъ, чтобы этотъ (1824) годъ, «только важный для православія», увѣнчался въ своемъ исходѣ этимъ знакомъ промышленности императора о подданныхъ и о вѣрѣ отцовъ.

Эти отзывы о Библейскомъ Обществѣ были, конечно, очень странны отъ человѣка, который съ самаго начала, въ теченіи десяти лѣтъ, былъ однимъ изъ его вице-президентовъ: когда преступленія Общества были такъ чрезвычайны, то какъ было не видѣть ихъ и еще прежде не поднять противъ нихъ своего голоса, если не прямымъ обличеніемъ, которое могло быть по обстоятельствамъ трудно, то по крайней мѣрѣ удаленіемъ отъ зла? И еслибъ началось настоящее разысканіе о *всплх дѣйствіяхъ* Общества, не пришлось ли бы этому разысканію привлечь къ отвѣтственности людей, все время стоявшихъ въ его главѣ?...

Императоръ Александръ согласился на вызовъ митр. Евгенія, но не далъ ожидаемаго повелѣнія о закрытіи Общества... L

Такимъ образомъ дѣло Библейскаго Общества долго оставалось въ этомъ неопредѣленномъ положеніи. Но фактически оно

конечно уже не существовало. Къ концу 1824 года работы вѣроятно прекратились окончательно: «Извѣстія» остановились, — да имъ и не о чемъ было больше извѣщать, — и остановились на серединѣ — въ послѣдней 10-й книжкѣ ихъ ничего не сказано о прекращеніи изданія. Переводъ Библии остановился. Изданіе русской Библии прервалось на книгѣ Руевъ.

Главные виновники этого результата должны были радоваться; вѣроятно, радъ былъ Аракчеевъ и Серафимъ; Фотій еще въ половинѣ 1824 года писалъ торжествующія письма къ своему другу, симоновскому архимандриту Герасиму: «Порадуйся, старче преподобный, — писалъ онъ ему въ своемъ полу-церковномъ, безсвязномъ стилѣ: — нечестіе пресѣлось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ, общества всѣ богопротивныя, якоже адъ, сокрушились. Министръ нашъ одинъ Господь І. Христосъ во славу Бога Отца, аминь.... PS. Молиси объ А. А. Аракчеевѣ; онъ явился рабъ Божій за св. церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносець. Спаси его Господи» 1).

Въ январѣ 1825 г. Серафимъ просилъ Аракчеева въ уваженіе оказанныхъ архим. Фотіемъ отличныхъ заслугъ исходатайствовать ему панагію, «для полноты торжества православія». Панагія была препровождена къ Серафиму для доставленія Фотію, черезъ нѣсколько же дней 2).

Но этого было еще мало ревнителямъ, въ особенности Шишкову. Ихъ озлобленіе противъ Библейскаго Общества все еще не было удовлетворено. Закрыть его совсѣмъ имъ не удавалось; въ теченіе 1825 года библейская дѣятельность еще подавала нѣкоторые признаки жизни (потому что официальнаго прекращенія его дѣйствій не было), и Шишковъ заботливо трудился заглушать ихъ. Когда въ Петербургѣ президентъ Общества прекратилъ всякія собранія, здѣшніе члены должны были знать, что дѣлать уже нечего, но комитеты провинціальныя еще бывали иногда въ недоумѣніи, и обращались по прежнему въ столицы. Это приводило Шишкова въ крайнее негодованіе.

Около мая 1825, Шишковъ получилъ три бумаги: одна была отъ попечителя московскаго университета, Оболенскаго, который сообщалъ ему отношеніе улицкаго и архангельскаго библейскихъ сотовариществъ о напечатаніи ихъ отчетовъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ; въ другой, комитетъ правленія академіи наукъ относился къ нему о напечатаніи списка членовъ петербургскаго Библейскаго Общества для адресъ-календаря; въ третьей

1) Р. Арх. 1868, ст. 916—917.

2) Письма Серафима и Аракчеева о панагіи, тамъ же, ст. 947—950.

митрополитъ Серафимъ сообщалъ ему письмо о библейскихъ дѣлахъ отъ епископа слободско-украинскаго Павла... Шишковъ возмутился, — все это доказывало, что Библейскія Общества не смотря ни на что «идутъ *смѣлыми* (!) шагами», и въ горѣ обратился опять къ графу Алексѣю Андреевичу. Письмо епископа Павла уже одно, по словамъ его, показываетъ, какое колебаніе происходитъ отъ неизвѣстности, чему слѣдовать и чего держаться. «Онъ спрашиваетъ разрѣшенія, *какъ поступать и дѣйствовать ли по прежнему?* Повидимому зараженный самъ, не знаю, ложными ли понятіями, или инымъ какимъ побужденіемъ, *выхваляя* сія Общества, признается однакожь, что *всѣ сословія свѣтскаго состоянія терпятъ изъ не могутъ*, и что *сборъ денегъ и продажъ книгъ* производится по всей епархіи, *по его распоряженію, посредствомъ одного духовенства* и то *по принужденію*. Изъ сихъ краткихъ словъ его довольно уже явствуетъ, какимъ образомъ дѣлается и какую пользу приноситъ такъ-называемое ими распространеніе слова Божія: благое названіе, данное злomu дѣянію» и пр. ¹⁾ Что касается запроса академіи, Шишковъ видѣлъ, что напечатать списокъ Библейскаго Общества значило бы показать, что «перемѣна министерства ничего не значила», но запретить этого не могъ, и потому придумалъ слѣдующее махіавелическое средство: «я велѣлъ, излагая сей списокъ, припечатать къ нему *прошедшій 1824, а не нынѣшній годъ*, дабы сколько-нибудь дать почувствовать, что есть нѣкоторое помышленіе о принятіи мѣръ къ оставленію прежняго буйственнаго духа»... Графъ Аракчеевъ былъ съ этимъ совершенно согласенъ, и совѣтовалъ ни Оболенскому, ни епископу Павлу ничего не отвѣчать: этимъ отмѣнится само собой печатаніе библейскихъ отчетовъ, и Павелъ долженъ будетъ понять, что ему слѣдуетъ дѣлать ²⁾.

Такими и подобными мѣрами Библейское Общество, если не по праву, то на дѣлѣ было совершенно подавлено еще въ теченіи 1824 — 25 года.

Въ томъ же 1825 году приняты были наконецъ формальныя мѣры противъ *вредныхъ книгъ*, которыя, какъ мы видѣли, считались однимъ изъ средствъ, употреблявшихся Библейскимъ Обществомъ для низложенія вѣры и престола ³⁾.

¹⁾ Если цитата у Шихова дѣйствительно вѣрна, то авторъ письма, очевидно, былъ очень скупъ, потому что изображаетъ въ неблаговидномъ свѣтѣ и свои собственные распоряженія, которымъ могъ бы и не давать формы «принужденія». — Это опять одинъ изъ тѣхъ нелѣпныхъ образчиковъ пропаганды, принимавшей свойства «почвы», на какіе мы уже не разъ указывали.

²⁾ См. письмо Шихова отъ 16-го мая 1825, и отвѣтъ Аракчеева, въ Зап., стр. 89 — 92.

³⁾ Мы не останавливаемся здѣсь на разборѣ этихъ книгъ отчасти потому, что
Томъ VI. — Декабрь, 1868.

Въ обличеніи этихъ книгъ усердно трудились и Шишковъ, и Фотій, и Серафимъ. Шишковъ лично представлялъ уже императору Александру свои опыты въ теологіи — разборы нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ: сначала ему поручень былъ разборъ книги Госнера; потомъ онъ отъ себя взялся за Филаретовъ Катихизисъ и написалъ ещё разборъ книгъ: «Краткій и легчайшій способъ молиться» (1822) и «Божественной философіи» Дютуа (1818); далѣе онъ представлялъ разборъ книги: «Воззваніе къ человѣкамъ» и проч., который сдѣланъ былъ двумя духовными особами, избранными митрополитомъ Серафимомъ.

Фотій говоритъ въ своихъ запискахъ, что, между прочимъ, онъ представлялъ разборъ этого же «Воззванія», которое вообще возбуждало въ защитникахъ вѣры и престола особенное озлобленіе и негодованіе.

Филаретъ черниговскій въ своемъ «Обзорѣ» указываетъ цѣлый рядъ мистическихъ книгъ этого времени, которыя подвергались критикѣ Фотія, и о нѣкоторыхъ приводитъ «краткія замѣтки» Фотія. Для примѣра мы выпишемъ нѣсколько этихъ указаній съ «краткими замѣтками» Фотія.

«Як. Бема: Путь ко Христу, 1815 — *бѣсовская*.

«Письма къ другу объ орденѣ с(вободныхъ) к(аменщиковъ), 1816, — *бѣсовская*.

«Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова, 1820, — *антихристіанская*.

«Экквартсгаузена, Важнѣйшіе іероглифы человѣческаго сердца, 1803, — *бѣсовская*.

«(Его же) Ключъ къ тайнствамъ природы, 1804, 1810, 1821, — *бѣсовская*.

«(Его же) Наука числъ, 1815, — *худая, масонская*.

«Наставленіе мудраго, 1813, — *худая, масонская*.

«Путешествіе младаго Костиса, 1801, 1815, — *еретическая*.

«Омаровы путешествія, 1819, — *бѣсовская*.

«Юнга Штилинга, Побѣдная повѣсть, 1815, — *революціонная, злая*.

«(Его же) Тоска по отчизнѣ, 1816, — *бѣсовская*.

«(Его же) Приключенія по смерти, 1817, — *бѣсовская*.

«Нравственныя правила, 1818, — *революціонная*», и т. д.

Кромѣ того, онъ разбиралъ еще много другихъ книгъ, Сіонскій Вѣстникъ, Лабзина, сочиненія г-жи Гюйонъ, и друг. ¹⁾ —

они имѣютъ только косвенное отношеніе къ исторіи Библейскаго Общества, отчасти потому, что имѣемъ въ виду подробнѣе говорить послѣдствіи о мистической литературѣ XVIII-го вѣка и александровскаго времени.

¹⁾ «Обзоръ русской духовной литературы», кн. 2-я. Черниг. 1863, стр. 233—235.

не знаемъ, по порученію или по собственной ревности. Какого рода была критика Фотія, можно довольно судить и по «братскимъ замѣткамъ».

Далѣе, нѣсколько книгъ этого рода (именно: Побѣдная повѣсть, Ю. Штиллинга, Избранныя творенія г-жи Гюйонъ, Воззваніе къ человѣкамъ, и пр., Тайнство Креста Христова, о Евангелии отъ Матѳея, Госнера) рассмотрѣно въ упомянутой выше «Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи», составленной безъ сомнѣнія лицомъ, близкимъ къ дѣлу о Библейскомъ Обществѣ, въ томъ самомъ духѣ, какимъ отличаются мнѣнія Шишкова, — быть можетъ кн. Ширинскимъ - Шихматовымъ, служившимъ тогда у Шишкова, какъ съ вѣроятностью предполагаетъ г. Морошкинъ.

Наконецъ, постановлено было и формальное преслѣдованіе вредныхъ книгъ. Митрополитъ Серафимъ вошелъ объ этомъ съ представленіемъ въ синодъ и предлагалъ отобрать зловредныя книги изъ училищъ духовнаго вѣдомства, какъ это уже было учинено по министерству народнаго просвѣщенія (вслѣдствіе упомянутого выше указа 17-го ноября 1824 г., по поводу книги Станевича), и въ предупрежденіе дальнѣйшаго вреда отъ книгъ, оказывающихся противными вѣрѣ и правительству, предлагалъ приступить немедленно къ подробному рассмотрѣнію ихъ содержанія. Вслѣдствіе того, послѣдовалъ, 14-го мая 1825, синодскій указъ, предписывавшій всѣмъ духовнымъ властямъ и вѣдомствамъ отбраніе зловредныхъ книгъ, списовъ которыхъ помѣщенъ въ указѣ, и митрополиту Серафиму кромѣ того предоставлено поручить надежнымъ духовнымъ лицамъ рассмотрѣніе вредныхъ книгъ, «закрывающихъ, подъ видомъ таинственнаго истолкованія св. писанія, развратныя и возмутительныя лжеученія, противныя гражданскому благоустройству, догматамъ и преданіямъ нашей церкви, и напечатанныхъ въ частныхъ типографіяхъ безъ разрѣшенія св. синода». Названныя въ указѣ книги были тѣже, какія мы сейчасъ упоминали: Воззваніе, Тайнство креста, разныя сочиненія Бема, Ю. Штиллинга, Экартсгаузена, г-жи Гюйонъ, Дютюа, Сіонскій Вѣстникъ ¹⁾.

Во исполненіе указа, при конференціи духовной академіи учрежденъ былъ временный комитетъ для рассмотрѣнія вредныхъ книгъ. Комитетъ составилъ подъ предсѣдательствомъ ректора академіи того же Григорія, епископа ревельскаго (впослѣдствіи митр. новгородскій и с.-петербургскій), изъ довѣреннѣйшихъ лицъ петербургскаго духовенства, избранныхъ академической конференціей и утвержденныхъ митрополитомъ Серафимомъ. Въ руковод-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. т. XL, № 30343.

ство членамъ комитета дана была, по словамъ историка академіи, «инструкція, обнимающая всѣ стороны ихъ труда, ограждающая ихъ занятія отъ вторженія любопытства, и устанавливающая правильное и безпрепятственное производство дѣлъ по комитету». Кромѣ этого разбора книгъ, присланныхъ изъ синода, комитету даны были и дальнѣйшія порученія: 1) открывать и доносить о другихъ книгахъ, вредныхъ для православія и благонравія, 2) наблюдать, не выплали какая изъ вышеозначенныхъ книгъ за одною подписью цензора двумя или нѣсколькими изданіями подъ однимъ годомъ, и безъ упоминанія о новомъ изданіи¹⁾. Наконецъ, «въ видѣ генеральнаго отчета» о всѣхъ дѣлахъ, комитету поручено было — «составить систематическое обзорѣніе того, какимъ образомъ вредное ученіе, содержащееся въ рассмотрѣнныхъ имъ книгахъ, начиналось, постепенно распространялось, раскрывалось, прояснялось въ своемъ изложеніи и какіе принесло плоды»²⁾. Дѣйствія комитета продолжались болѣе 15-ти лѣтъ, конечно, съ измѣнявшимся личнымъ составомъ; но какой былъ результатъ его дѣятельности, и была ли составлена имъ въ видѣ генеральнаго отчета систематическая исторія вреднаго ученія, мы не знаемъ, — а эта исторія могла бы быть очень любопытна...

Итакъ, императоръ Александръ, до самаго конца своей жизни и царствованія, не уступилъ назойливымъ настояніямъ враговъ Библейскаго Общества. При его смерти, Общество *de jure* продолжало существовать.

Наступило новое царствованіе и 14-е декабря.

«Когда императоръ Николай вступилъ на престолъ, — рассказываетъ Пинкертонъ, — ужасные и злонамѣренные планы враговъ общественнаго порядка обнаружались и по благодати Провидѣнія были счастливо уничтожены мужествомъ и благоразумными мѣрами молодого императора; тогда стала также очевидной невинность Библейскаго Общества; и когда императоръ возобновилъ въ пользу Общества свое ежегодное пожертвованіе, которое онъ привыкъ дѣлать еще великимъ княземъ, друзья Общества стали надѣяться, что оно выстояло противъ бури. Въ этомъ, впрочемъ, они обманулись»³⁾...

Шишовъ не терялъ первыхъ минутъ новаго царствованія. 15-го января 1826 года, онъ уже обращался къ императору Николаю

¹⁾ Такіе случаи бывали; между прочимъ, такъ былъ, кажется, перепечатанъ одинъ томъ Сіонскаго Вѣстника 1806 года.

²⁾ Исторія Спб. дух. Академіи, Ил. Чистовича, Спб. 1857, стр. 420—421.

³⁾ Russia, стр. 389—390.

съ письмомъ, въ которомъ предварялъ его о несчастномъ дѣлѣ Госнера и Попова (оно должно было теперь поступить изъ государственнаго совѣта на высочайшее усмотрѣніе), и при этомъ удобномъ случаѣ началъ свои прежнія іереміады и доносы. «*Вотъ что Госнеръ!*» восклицалъ онъ, изложивъ, что Госнеръ хотѣлъ не иного чего, какъ распространенія безвѣрія и возмущенія, — «ибо всѣ секты къ одной цѣли, т. е. къ низверженію вѣры и престола стремятся» (!). Шишковъ не сомнѣвался, что возмущеніе 14-го декабря въ Петербургѣ и въ южной арміи были прямымъ слѣдствіемъ лжеученій, которыя распространялъ Госнеръ (и Библейское Общество), и смѣло утверждалъ это передъ новымъ императоромъ. «Два бывшія возмущенія — писалъ онъ — и открытіе столькихъ, больше или меньше участвовавшихъ въ томъ молодыхъ людей и писателей, не явно ли показываютъ, до какой степени распространеніемъ подобныхъ (т. е. мистическихъ) сочиненій потрясена была вѣра! Ибо *всѣ сии* лжеумствованія о такъ-называемой внутренней церкви, т. е. никакой, — о народной свободѣ и равенствѣ состояній, о конституціяхъ, объ истребленіи царей, о пролитіи рѣками крови человѣческой, яко бы для будущаго ихъ блага (!), — *всѣ сии* адскія мысли суть плоды самолюбія и гордости, порождаемые безвѣріемъ и отступленіемъ отъ Бога» ¹⁾. Онъ имѣлъ недобросовѣстность мѣшать въ одну кучу и внутреннюю церковь, и литературу, и истребленіе царей, и пролитіе рѣками крови человѣческой. Имя Библейскаго Общества здѣсь не названо, но мы достаточно видѣли взглядъ Шишкова на вещи и, конечно, должны принять, что, по его мнѣнію, Библейское Общество именно и было виной 14-го декабря. Быть можетъ, онъ дѣлалъ и прямо это открытіе.

Въ то же время митрополиты Серафимъ и Евгеній также дѣлали свои представленія, и результатомъ ихъ былъ, наконецъ, именной указъ отъ 12-го апрѣля, на имя митрополита Серафима. Императоръ принималъ во вниманіе представленія митрополитовъ Серафима и Евгенія относительно затрудненій, представляющихся для успѣха дѣлъ Россійскаго Библейскаго Общества, и проистекающихъ отсюда неблагопріятныхъ послѣдствій, для отвращенія которыхъ нужно значительное время, чтобы зрѣло и благоразумно обсудить всѣ обстоятельства, и находя основательнымъ мнѣніе двухъ митрополитовъ, повелѣвалъ Серафиму какъ

¹⁾ Письмо къ императору Николаю, въ Запискахъ, стр. 118—123. Впослѣдствіи въ другомъ письмѣ, въ концѣ 1826 г., по поводу цензуры, Шишковъ, вспомянувъ опять о 14-мъ декабря, говоритъ: «*все сіе какъ во Франціи, такъ и у насъ, породилось отъ распространенія мистическихъ, безнравственныхъ книгъ и журналовъ*», и проч. Стр. 130.

президенту Общества прекратить, до дальнѣйшаго разрѣшенія, всѣ дѣйствія Общества безъ исключенія: Серафимъ получилъ полномочіе распространить это повелѣніе на всѣ библейскіе комитеты, отдѣленія и сотоварищества, и вмѣстѣ съ тѣмъ, собрать подробныя свѣдѣнія о всемъ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ Общества, какое можетъ оказаться въ домахъ, земляхъ, книгахъ, матеріалахъ и деньгахъ. Впрочемъ, продажа книгъ св. писанія, изданныхъ Обществомъ на славянскомъ, русскомъ и другихъ языкахъ, разрѣшалась.

Получивъ указъ, митрополитъ Серафимъ прекратилъ дѣйствія всѣхъ 289 частныхъ отдѣловъ Общества, остановилъ печатавшіяся тогда различныя изданія св. писанія и не выпустилъ въ продажу даже нѣкоторыя, уже совершенно готовыя¹⁾. Не увидѣло свѣта и изданіе, въ 10,000 экземпляровъ, первыхъ восьми книгъ Ветхаго Заветъа на русскомъ языкѣ, также готовое²⁾.

Когда въ исполненіе того же указа митр. Серафимъ представилъ императору Николаю собранныя имъ свѣдѣнія, черезъ три мѣсяца, 15-го іюля 1826, вышелъ новый именной указъ, данный на имя митр. Серафима, — послѣдній правительственный актъ, оканчивавшій совершенно существованіе Общества. Императоръ Николай, рассмотрѣвъ свѣдѣнія, представленныя митрополитомъ Серафимомъ о тогдашнемъ наличномъ имуществѣ Россійскаго Библейскаго Общества въ денежныхъ капиталахъ, въ домахъ, въ книгахъ и прочемъ, простиравшемся по оцѣнкѣ до 2,000,000 рублей, и желая облегчить личное попеченіе о немъ митрополита, повелѣвалъ — вѣдѣніе и распоряженіе этимъ имуществомъ и вообще всемъ тѣмъ, что касалось до Россійскаго Библейскаго Общества, возложить на св. синодъ, въ томъ точно видѣ и порядкѣ, въ которомъ его вѣдѣнію и распоряженію принадлежать всѣ духовныя дѣла, на основаніи общихъ учрежденій³⁾.

Эта ликвидація представляла слѣдующія цифры. Имущество, оцѣненное въ 2,000,000 рублей, заключалось:

а) въ наличныхъ, деньгахъ:	асс.	104,381	р.	99	к.
			сер.	1,025	» » »
б) въ бумагахъ на		57,053	»	50	» асс.
в) въ книгахъ св. писанія на .		612,954	»	53 ¹ / ₂	» »

¹⁾ По указаніямъ Пинкертона, Russia, 391, которому мы здѣсь слѣдуемъ, отпечатанный тогда Н. Заветъа на сербскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, не смотря на разрѣшеніе указа, не былъ совсѣмъ выпущенъ въ продажу.

²⁾ Оно было выпущено въ продажу только въ недавнее время.

³⁾ Полн. Собр. Зак.; Второе собр. т. 1, № 475.

(Въ томъ числѣ подмоченныхъ въ петербургское наводненіе 1824 г., на 63,441 р. 40 в.).

г) въ матрицахъ, стереотипныхъ доскахъ и книгопечатныхъ станкахъ съ принадлежностями, по цѣнамъ, заплаченнымъ во время приобрѣтенія ихъ, на 226,407 р. 53 к. асс.

д) въ книгахъ, находившихся въ бібліотекѣ Общества, на 4,750 р. асс.

(Эти книги были переданы въ вѣдѣніе петербургской академіи и семинаріи).

е) домъ въ Петербургѣ, и

ж) домъ въ Москвѣ ¹⁾).

Впослѣдствіи, Пинкертонъ замѣчаетъ въ своей книгѣ: «пріятно узнать, что, по заботливости императора Николая, напечатано уже полное собраніе всѣхъ старыхъ и новыхъ законовъ или указовъ имперіи, — *тѣми станками и шрифтами*, которые служили прежде для печатанія св. писанія закрытымъ Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ» ²⁾).

Общую цифру изданій Общества за двѣнадцать лѣтъ его существованія, Пинкертонъ приводитъ въ такомъ видѣ: Общество напечатало на разныхъ языкахъ, —

208,068 экз. Библии

400,266 Новаго Завѣта, и

267,772 Псалтыри, Четвероевангелія и другихъ частей писанія,

всего: 876,106 экзempl. Библии и разныхъ ея частей ³⁾).

Какъ подѣйствовало это закрытіе Общества на русскихъ его членовъ, мы легко можемъ себѣ представить. Истинные, убѣжденные приверженцы библейскаго дѣла должны были скрывать всѣ свои помышленія объ этомъ предметѣ; высказать ихъ было бы преступленіемъ, потому что библейское дѣло стало вещью запрещенною, и слѣд. злонамѣренною. Ревность исполнителей, какъ обыкновенно бываетъ, заходила дальше, чѣмъ требовалось. Въ литературѣ выраженіе сочувствія къ павшему библейскому дѣлу было бы и невозможно: Библейское Общество и дѣйствительно на цѣлые десятки лѣтъ кануло въ неизвѣстность.

Британскіе друзья библейскаго дѣла съ большой печалью говорили объ этомъ исходѣ его въ Россіи. Черезъ семь лѣтъ по

¹⁾ Библиогр. Зап. 1859, стр. 121.

²⁾ Russia, стр. 345.

³⁾ Ibid., стр. 381 — 384.

закрытіи Общества, Пинкертонъ издавалъ свою книгу о Россіи: рассказавъ объ этомъ событіи и упомянувъ объ основаніи въ 1832 г. въ Россіи *нѣмецкаго* Библейскаго Общества, подъ предсѣдательствомъ князя К. А. Ливена, одного изъ вице-президентовъ бывшаго русскаго Общества, а въ то время министра народнаго просвѣщенія, Пинкертонъ спрашиваетъ: «Неужели нельзя ничего сдѣлать для милліоновъ самихъ русскихъ, и дать имъ св. писаніе на ихъ собственномъ языкѣ? Выраженія указа заставляли друзей этого дѣла предполагать, что закрытіе будетъ только временное; но прошло уже почти семь лѣтъ, и о возстановленіи *Россійскаго* Библейскаго Общества нѣтъ и помину».

Любопытно остановиться на мысляхъ, которыя высказываетъ по этому поводу одинъ изъ ревностѣйшихъ друзей русскаго Библейскаго Общества въ числѣ британскихъ агентовъ, одинъ изъ тѣхъ «миссіонеровъ», которымъ Шишковъ, Фотій и компанія приписывали зажигательскіе умыслы на погибель Россіи. Британскіе приверженцы Библии, которыхъ представляетъ собой Пинкертонъ, сохранили всю теплоту своего первоначальнаго чувства, принесеннаго ими на дѣятельность въ Россіи. Передъ нимъ носился все тотъ же идеаль христіанской библейской цивилизаціи: по его мнѣнію, Британія была обязана своимъ величіемъ, Библии, — *такого же величія*, какъ своей родинѣ, онъ желалъ и Россіи. Его крайне огорчало настоящее плачевное положеніе библейскаго дѣла въ Россіи, но онъ еще питалъ надежду.

«Было ли это по христіански, — по человѣчески, — политически, — отечески, допустить, чтобы 10,000 экземпляровъ первой части Библии на новомъ русскомъ языкѣ гнили и уничтожались во мракѣ, и покинуты въ пренебреженіи остальной переводъ»? Онъ надѣялся, что настоящій императоръ (Николай) положить конецъ этой прискорбной остановкѣ дѣла такой безконечной важности; онъ ожидалъ, что императоръ, сдѣлавшій наставникомъ при своихъ дѣтяхъ достойнаго священника Павскаго, переводчика В. Завѣта съ еврейскаго на русскій, обратитъ свою заботливость и на все юношество въ своей имперіи. Онъ надѣялся, что императоръ «скоро сниметъ свое запрещеніе съ исполненія этого любимѣйшаго, христіанскаго и благороднаго плана, составленнаго его покойнымъ братомъ, чтобы одарить (bless) русскую націю полнымъ кодексомъ божественной истины на родномъ языкѣ, — той книгой, которая, съ такой простотой и священнымъ авторитетомъ, научаетъ подданнаго истинной законности и повиновенію власти, и которая такъ неизбѣжно необходима всякому, князю или поселянину, дѣлая ихъ способными исполнять обязанности этой жизни и вполнѣ уразу-

мѣвать путь къ вѣчной жизни въ будущемъ мірѣ; — книгой, которая одна можетъ *обезпечить русскимъ всю преимущества той цивилизаціи*, къ которой они стремятся такъ быстро, и предохранить ихъ отъ безчисленныхъ бѣдствій, происходящихъ тогда, когда умственные успѣхи отдѣляются отъ подлинныхъ началъ писанія; — книгой, которая лежитъ въ основѣ *величія Британіи*, потому что начала этой книги, прямо или косвенно, проникли въ законы Британіи, въ ея общественныя учрежденія и въ различныя отношенія частной жизни; и которая обезпечиваетъ всѣмъ имъ прочность, даже среди волненій и бурь, какія происходятъ отъ началъ иного рода, чѣмъ начала этой священной книги, и какія въ новѣйшее время низвергли столько другихъ государствъ» 1)!

Здѣсь не мѣсто критиковать нравственно-политическія понятія, принимаемыя авторомъ; мы хотѣли только показать, что и при концѣ Общества, какъ при первомъ его началѣ, иностранные агенты Британскаго Общества, дѣйствовавшіе въ Россіи, были проникнуты однимъ — конечно заслуживающимъ всякаго уваженія — глубокимъ и безкорыстнымъ стремленіемъ служить христіанской цивилизаціи, и въ этомъ стремленіи желали для Россіи тѣхъ же благъ и того же величія, какими гордились за свое собственное отечество. Приведенныя слова Пинкертона, намъ кажется, достаточно указываютъ истинный смыслъ той роли, которую играли въ Россіи дѣятели Британскаго Общества, и дѣлаютъ ненужнымъ какое-нибудь оправданіе этой роли.

Что же поставили теперь на мѣсто Библ. Общества и его дѣятельности Шишковъ, Серафимъ и Фотій? Ровно ничего, кромѣ разосланія людей по крѣпостямъ и кромѣ комиссіи для разсмотрѣнія вредныхъ книгъ. Книги, конечно, исчезли изъ обращенія, тѣ части отобранныя отчасти запрятанныя. Для возстановленія вѣры Шишковъ придумалъ еще только перепечатать «Бесѣды» Станевича и рекомендовать императору Александру духовное стихотворство кн. Шихматова. На мѣсто обскурантизма Библейскаго Общества сталъ только другой обскурантизмъ въ архаическомъ стилѣ — заподозриваніе всякой человѣческой мысли, не похожей на канцелярское выраженіе благонамѣренныхъ чувствъ, во вкусѣ шишковско-державинской «Бесѣды», и поощреніе деревянной литературы. По министерству, Шишковъ при Александрѣ попалъ въ руки Магницкаго, которому оказалось очень легко завладѣть

1) Russia, 392 — 393.

этой простотой. Магницкій ни на минуту не затруднился своей ролью въ новыхъ условіяхъ: вывинувши на первый разъ изъ университетской залы портретъ кн. Голицына и отрекшись отъ Библейскаго Общества, онъ дѣйствовалъ такъ и дальше, — прежде онъ былъ приверженцемъ ланкастерскихъ шволь и требовалъ ихъ распространенія до Камчатки, теперь донесъ, что это никуда негодная выдумка и что ихъ слѣдуетъ закрыть; въ казанскомъ университетѣ при Голицынѣ вводилъ іезуитское ханжество, теперь, когда такое ханжество не требовалось, профессора могли пить воду сколько угодно и прежніе затворники-студенты спокойно танцовали на балахъ ¹⁾. Прежнія средства пріобрѣтать себѣ постыдное вліяніе — доносъ и пресмыкательство передъ людьми сильными — остались и теперь его главнымъ оружіемъ. Овладевши разъ Шишковымъ и, главное, предполагая покровительство себѣ отъ Аракчеева, которому грубо льстилъ въ извѣстномъ «Снѣ въ Грузинѣ», Магницкій скоро сталъ даже позволять себѣ наглости относительно Шишкова, который, думая, что раскрылъ всѣ ковы противъ вѣры и государства, не разумѣлъ, какіе пошлые ковы Магницкій устроилъ съ нимъ самимъ. Читатель припомнитъ изъ записокъ Панаева, на чемъ наконецъ Магницкій оборвался. На немъ исполнилась пословица о кувшинѣ, повадившемся ходить по воду. Онъ сдѣлалъ доносъ императору Александру, что великій князь Николай Павловичъ поощряетъ «вредныхъ профессоровъ, изгоняемыхъ правительствомъ», давши мѣсто Арсеньеву. Кн. Голицынъ, которому императоръ Николай при вступленіи на престолъ поручилъ разобрать бумаги импер. Александра, представилъ ему этотъ доносъ Магницкаго: Магницкій былъ высланъ тотчасъ же изъ Петербурга ²⁾, а ревизія казанскаго университета довершила остальное. Ему уже никогда не удалось подняться отъ этого удара.

Для людей сколько-нибудь разсудительныхъ, одно присутствіе Магницкаго при Шишковѣ, мѣшало уважать этого послѣдняго. Да и его собственныя воззрѣнія едва ли внушали это уваженіе. Министръ народнаго просвѣщенія такъ мало понималъ положеніе вещей, что мѣшалъ мистиковъ и приверженцевъ Библии съ декабристами, такъ что низвергателемъ престоловъ выходилъ кн. Голицынъ, подкапывателемъ алтарей — Филаретъ, однимъ изъ опаснѣйшихъ карбонаровъ — несчастный Поповъ, думавшій только о своихъ хлыстовскихъ радѣніяхъ и ни о чемъ больше, какъ доказала его послѣдующая жизнь. Спасителемъ вѣры во вкусѣ

¹⁾ См. Зап. Панаева, *ibid.*, стр. 102, 107.

²⁾ Зап. Панаева, стр. 102, 112.

самого Шишкова являлся очумѣлый отъ фанатизма и невѣжества Фотій!.. Роль и вліяніе литературы Шишковъ понималъ, какъ «книжную заразу», для университетовъ наилучшимъ казалось ему преподаваніе «по *извѣстнымъ книгамъ*, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ коихъ профессеры часто обучаютъ учениковъ не общимъ, но собственнымъ своимъ правиламъ и мыслямъ», такъ что собственныхъ мыслей имъ не полагалось вовсе, и т. п. При отсутствіи всякаго серьезнаго пониманія дѣла, Шишковъ не навредилъ просвѣщенію больше только потому, что былъ уже слишкомъ слабъ по старости лѣтъ...

Итакъ, Библейское Общество кончило свое существованіе. Но партія, возставшая противъ него, не могла похвалиться полнымъ успѣхомъ. Не смотря на всѣ ея настоянія и всевозможные доносы, императоръ Александръ въ теченіе почти двухъ лѣтъ передъ концомъ своей жизни не допускалъ закрытія Общества или такого рѣзкаго отреченія отъ дѣятельности Общества, какового отъ него желали. Теперь, хотя Общество было закрыто, но дѣло Госнера, ставшее *idéе fixe* у Шишкова, разрѣшилось оправданіемъ Попова и благоволеніемъ къ его защитнику Муравьеву-Апостолу; кн. А. Н. Голицынъ, въ глазахъ враждебной партіи олицетвореніе всѣхъ злостныхъ плановъ и главный ихъ покровитель, съ самаго начала получилъ особенное довѣріе и милости новаго императора. Когда Шишкову хотѣлось доказать тождество декабристовъ съ библейскими дѣятелями, императоръ назначилъ Голицына членомъ комиссіи о злоумышленныхъ обществахъ и въ томъ же 1826 г. Голицынъ получилъ ордена Владиміра 1-й степени и Андрея Первозваннаго. Архіепископъ Филаретъ въ томъ же году «за заслуги, оказанныя церкви, и отличное служеніе» сдѣланъ митрополитомъ московскимъ и получилъ бѣлый влобукъ съ крестомъ изъ драгоценныхъ камней. И то, и другое должно было конечно крайне огорчить Шишкова и разозлить Фотія. Въ томъ же 1826 г. графъ Ливенъ получилъ, по назначенію императора, мѣсто въ особомъ комитетѣ, который долженъ былъ дѣйствовать въ самомъ министерствѣ Шишкова ¹⁾. Напротивъ, графу Алексѣю Андреевичу, какъ извѣстно, совсѣмъ не посчастливилось въ новое царствованіе.

Въ заключеніе, возвратимся еще разъ къ обвиненіямъ, которыя эта партія взводила на Библейское Общество съ своей точки зрѣнія. Они систематически сведены въ упомянутой выше «Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи», которая несомнѣнно была выраженіемъ мнѣній этой партіи, потому что содержаніе ея

¹⁾ Ист. - статист. Обзорѣніе и прѣч. Воронска, Спб. 1849, стр. 272.

отличается тѣмъ же общимъ характеромъ, какой мы видѣли до сихъ поръ въ обвиненіяхъ вожаковъ этой партіи, и отдѣльныя указанія «Записки» положительно повторяются у Шишкова, Фотія и Серафима.

Эта «Записка», написанная или законченная уже при императорѣ Николаѣ, составляетъ цѣлый послѣдовательный трактатъ, въ своемъ родѣ чрезвычайно любопытный. Кто желаетъ знать, какъ смотрѣли на движеніе русскаго общества со временъ Петра В. крайніе консерваторы 1820-хъ годовъ, тотъ найдетъ здѣсь самыя характеристическія данныя. Онъ найдетъ здѣсь и отголоски старой Россіи, возставшей на нововведенія Петра, и предисловіе къ тѣмъ осужденіямъ гнѣющаго Запада, которыя изрекали нѣсколько позднѣ славянофилы, и начало той системы доноса, которая уже съ этихъ поръ стала представлять всякія попытки умственного развитія, появившіяся въ обществѣ, какъ участіе въ адскомъ заговорѣ, имѣющемъ свой очагъ въ какомъ-то, неизвѣстномъ до сихъ поръ, мѣстѣ злонамѣренной Европы.

Авторъ «Записки» выставляетъ прежде всего «основаніе могущества Россіи», состоящее въ твердомъ пребываніи въ вѣрѣ православной и въ безпредѣльной покорности своимъ самодержавнымъ государямъ: пока она будетъ соблюдать это основаніе, до тѣхъ поръ она будетъ страхомъ для народовъ Европы, «шаткихъ въ своихъ вѣрованіяхъ въ Бога, буйныхъ и дерзкихъ противъ своихъ государей». Народы Европы замѣтили это и, еще со временъ Петра В., начали свои «покушенія» противъ Россіи, съ цѣлью ослабить ея могущество. Съ Петра до Екатерины II враги Россіи старались распространять въ ней чужевѣріе. Въ царствованіе Екатерины, «народы Европы, постепенно приходя отъ вольномыслія къ безбожію», стремились разрушить до основанія христіанскую церковь, «изгнать самаго Бога изъ вселенной и поставить въ предметъ всеобщаго поклоненія и благоговѣнія *натуру*»; таковы были «адскія» предпріятія Вейсгаупта и его соумышленниковъ, *иллюминатовъ* и *масоновъ*, Вольтера и его единомышленниковъ, «извѣстныхъ подъ именемъ *софистовъ нечестія*». При Екатеринѣ II «Записка» отмѣчаетъ и объясняетъ: «Покушенія масоновъ распространить между русскими свой образъ мыслей» и «Покушенія софистовъ нечестія развратить русскихъ своими книгами». Имп. Екатерина уже принимала мѣры противъ первыхъ; при Павлѣ эти мѣры были особенно строги, и «голосъ нечестія, безбожія и вольнодумства совершенно затихъ». «Коварство враговъ Россіи» заключалось въ *поддержаніи раскольническихъ сектъ* (!): видя ихъ гибельность для Россіи, эти враги «подъ благовиднымъ предлогомъ вѣротерпимости»

старались испрашивать имъ свободу вѣроисповѣданія и тѣмъ способствовать ихъ необычайному распространенію; и съ другой стороны, это коварство враговъ Россіи заключалось въ *распространеніи между русскими заблужденій чужеземныхъ*: эти «чужестранныя заблужденія» были тѣмъ больше опасны, что они «прикрыты мнимою духовностію», — къ этому разряду авторъ причисляетъ духоборцевъ, перекрещиванцевъ, молоканъ и пр., и даже скопцовъ (!!). Въ числѣ ужасныхъ плодовъ коварства враговъ Россіи авторъ считаетъ участіе раскольниковъ въ бунтѣ Пугачева!

Но всего ужаснѣе были крамолы враговъ Россіи въ царствованіе Александра: это были — «ковы, въ устройствѣ которыхъ они истощили всю свою хитрость, *на удивленіе самому аду*». Авторъ напоминаетъ, какимъ образомъ послѣ войны 1812 года благочестіе императора Александра спасло Европу и какъ народы, зачумленные прежде вольномысліемъ и безбожіемъ, «перекрестились» и «откинули прочь безумныя произведенія Вольтера, Даламберта и всей ихъ нечестивой шайки», возстановили храмы и «возчувствовали всю важность и пользу правительства». «Враги Россіи воспользовались такими благопріятными обстоятельствами, и съ *адскою* хитростію, съ *сатанинскимъ* лукавствомъ, устроили обширный и многосложный планъ къ погубленію Россіи». Затѣмъ, въ особой рубрикѣ излагается: «Планъ ихъ къ погубленію Россіи».

Планъ состоялъ въ томъ, что враги Россіи, воспользовавшись обращеніемъ народовъ къ религіи, старались распространить между легковѣрными при дворѣ и въ народѣ мысль, что императору Александру, спасшему Европу отъ Наполеона, суждено также спасти народы отъ ига разномыслія въ вѣрѣ и соединить всѣ христіанскія церкви въ одну. «За надежное къ тому средство (?) признано: поддержать, усилить и умножить въ Россіи домашніе ея расколы и секты, ввести и распространить въ ней секты и заблужденія иностранныя, умножить въ ней число масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ; распространить между русскими свѣдѣнія о всѣхъ иностранныхъ вѣроученіяхъ»... Для этого стали печатать книги, заключающія всякія частныя мнѣнія о религіи, толкованія на Библию и проч.; употребили для этого покровительство ослѣпленныхъ людей, сильныхъ и близкихъ къ трону, и издавали книги съ разрѣшенія одной свѣтской цензуры, въ противность указу императрицы Еватеринны. «Для той же цѣли» (?) старались распространить въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ духъ *нечестія и вольномыслія*, а въ народѣ распространить Библию, для чего открыли

библейскія общества, въ которыя, кромѣ сильныхъ и богатыхъ людей, старались привлечь и русское духовенство. Этими средствами надѣялись ослабить въ народѣ «отвращеніе къ чужимъ вѣрамъ, убѣдить, что во всякомъ вѣроисповѣданіи есть стороны хорошія» и этимъ охладить къ православію; а распространеніе Библіи должно было уменьшить уваженіе къ ней и открыть путь къ произвольнымъ толкованіямъ вѣры.

Въ доказательство этому приводится упомянутая выше ересь духоносцевъ, основанная есауломъ Котельниковымъ, и проводится солидарность между квакерами (?), поселенными тогда около Петербурга, скопцами, Татариновой, Линдлемъ и Госнеромъ.

Далѣе, особая рубрика: «Умноженіе масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ», — которыя приписаны той же крамолѣ враговъ Россіи. «Эти ужасныя мины подъ фундаментъ русской крѣпости стали подводить враги Россіи, которые къ гибели ея употребляли всѣ мѣры. Здѣсь дерзкіе умы стали замышлять о преобразованіи Россіи во всею ея составъ»...

Далѣе: «Распространеніе вредныхъ книгъ». Въ доказательство вредности и ядовитости ихъ дѣлается подробный разборъ нѣсколькихъ книгъ изъ числа наиболѣе тогда обвиняемыхъ.

Новая рубрика: «Преподаваніе вольномыслія въ университетахъ». «Самыми лучшими проповѣдниками и распространителями разврата (!), нечестія и вольнодумства по Россіи были, въ это время (?), російскіе университеты и другія высшія заведенія, состоящія подъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія». Профессора часто выписывались изъ-за границы; «но большею частію для приготовленія наставниковъ на всѣ высшія каѳедры, *лучшіе* изъ воспитанниковъ педагогическаго института были посылаемы за границу, особенно въ Германію, для слушанія уроковъ у *знаменитѣйшихъ* германскихъ ученыхъ. *Пренапитанные* ядомъ германскаго вольномыслія и надменной учености, они... чѣмъ были сами заражены, тѣмъ же заражали своихъ слушателей... Они тѣмъ смѣлѣе проповѣдывали свои заблужденія, что не боялись никакого взысканія». Въ примѣръ вольномыслія приводится Куницынъ, — а затѣмъ подразумеваются конечно Арсеньевъ, Германъ, Галичъ и другіе. Одинъ только членъ главнаго правленія училищъ (т. е. Магницкій) глубоко понималъ это гибельное направленіе умовъ и всѣми силами старался искоренить его: «этотъ членъ *умолялъ* министерство народнаго просвѣщенія всѣмъ, что есть свято, рѣшительно поразить сіе страшное чудовище, спокойно подрывающее у насъ алтарь и тронъ отертымъ проповѣдываніемъ иллюминатскихъ началъ», — но ми-

нистерство не только не обращало на это вниманія, но давало этимъ профессорамъ награды ¹⁾).

Подъ рубрикой: «Библейскія Общества», авторъ возвращается къ болѣе подробному изображенію этого злоумышленія враговъ Россіи. Библейскія общества распространились по всей Россіи и имѣли членовъ изъ высшихъ чиновниковъ, почетнаго купечества, «даже архіереи и чиновныя духовныя лица за честь себѣ вмѣняли принять названіе члена Библейскаго Общества». «Конечно,—замѣчаетъ однако «Записка»,—ни изъ свѣтскихъ, ни изъ духовныхъ членовъ сихъ обществъ *никто* не проникалъ въ тайныя злонамѣренія оныхъ» (!). А злонамѣреній было два — уничтожить священную книгу и ввести въ Россіи реформацію. Первое доказывается слѣдующимъ образомъ: «Экземпляры Библии вскорѣ начали продаваться по самой дешевой цѣнѣ, Библию можно было видѣть и въ лавкахъ книгопродавцевъ, и на толкучемъ рынкѣ, и на ларяхъ, и на прилавкахъ, и въ корзинахъ, и въ мѣшкахъ букинистовъ, и въ переднихъ боярскихъ, и въ кухняхъ, и подъ банками ваксы, и подъ сальными подсвѣчниками. Божественная книга уничтожена до послѣдней степени. Врагамъ вѣры *этого-то и хотѣлось*» (!). Второе доказывается рѣчью нѣкоего Ричарда Ватсона ²⁾, методиста, говоренной въ собраніи Общества въ 1817, «въ домѣ Франкъ-масоновъ ³⁾». Ричардъ Ватсонъ

¹⁾ Мы видѣли выше, что и Шишковъ, точно также навязываетъ самому Библейскому Обществу то полюдство, которое преслѣдовали въ петербургскомъ университетѣ обскуранты Библ. Общества, Магницкій, Руничъ и проч. На какомъ основаніи дѣлался еще этотъ странный подлогъ въ обвиненіяхъ на Общество, мы не совсемъ понимаемъ.

²⁾ Записка совершенно вздорнымъ образомъ называетъ его «президентомъ» Брит. и иностраннаго Библейскаго Общества, чѣмъ онъ вовсе не былъ, и «главой методистовъ», чѣмъ онъ также не былъ. Фотій въ Запискахъ (стр. 263) называетъ его «Министромъ секты методистовъ». Въ Зап. Шишкова эта рѣчь приведена во французскомъ текстѣ (стр. 98—99, прим.), и Ватсонъ названъ здѣсь: «ministre de la secte methodeiste» т. е. духовное лицо или священникъ методистской секты,—не больше. Рѣчь онъ произнесъ, какъ сказано въ извѣстіи, «après différentes lectures et quelques discours, sur les progrès et l'utilité de la Société Biblique»—и однимъ словомъ это была одна изъ тѣхъ рѣчей, которыхъ множество произносилось библейскими ревнителями въ собраніяхъ англійскаго Общества, и которыя были выраженіемъ личныхъ мнѣній и вовсе не могутъ считаться прямымъ заявленіемъ мнѣній и намѣреній самого Общества. Наши несчастные невѣжды, не имѣя понятія объ этихъ порядкахъ, приняли Ватсона за президента, за министра, рѣчь его за настоящую программу дѣйствій Британскаго Общества въ Россіи! — Ничего другого о Брит. Обществѣ онѣ кажется и не знали.

³⁾ Англійское Общество собралось на общія собранія въ залѣ масоновъ, Freemasons-hall, потому, что не имѣло своей большой залы. Наши политики извлекли изъ этого новое доказательство тождества масонства съ библейской дѣятельностью въ самой Англіи. У насъ связь такого рода до извѣстной степени была, но это конечно

говорилъ въ этой рѣчи, что успѣхъ библейскаго дѣла въ Россіи подастъ надежду, что въ Россіи «возстановится религія во всей ея чистотѣ» и что всеобщее обращеніе Библии можетъ «возстановить греческую церковь и исторгнуть ее изъ того упадка, въ которомъ она теперь находится». Онъ вспоминаетъ, что распространеніе св. писанія дало имъ, англичанамъ, «достопавное преобразование» (т. е. реформацію) и протестантизмъ; и тогда какъ въ Европѣ это преобразование стоило великихъ раздоровъ и бѣдствій,—въ Россіи, напротивъ, можно ожидать, что «столь великое и нужное измѣненіе совершится безъ малѣйшаго потрясенія». *«Предполагаемая въ сей имперіи реформація уподобится восходящему солнцу¹⁾, озаряющему равнымъ свѣтомъ какъ хижину сибиряка, такъ и чертоги царей, гдѣ мудрѣйшій и могущественнѣйшій изъ государей земныхъ помышляетъ нынѣ о сей великой и святой реформѣ».*

Наконецъ, подъ рубрикой: «Мѣры враговъ къ совершенію плана ихъ на пагубу Россіи», перечисляются еще разъ средства, употребленныя для того, чтобы «истребить въ Россіи всякое благоговѣніе къ святынѣ, твердость въ православной вѣрѣ отцевъ своихъ и въ безпредѣльномъ уваженіи къ преержавшей власти», и называются между прочимъ самыя враги;—это *«совѣтъ иллюминатовъ»*. Гдѣ и какъ придумалъ все это совѣтъ иллюминатовъ, изъ кого наконецъ онъ состоялъ, — конечно нечего и спрашивать: это—миръ, на которомъ упорно стояли эти ревнители, и въ которомъ ихъ не было, конечно, возможности разувѣрить. Этотъ-то «совѣтъ иллюминатовъ» рѣшалъ употребить для исполненія своихъ упомянутыхъ плановъ слѣдующія средства: 1) Дозволеніе безпредѣльной свободы всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, способствующей умноженію сектъ и расколовъ; 2) Распространеніе въ Россіи книгъ, направленныхъ противъ церкви, вѣры, нравственности и правительства; 3) Преподаваніе зловреднаго ученія въ университетахъ и во всѣхъ высшихъ училищахъ; и наконецъ, 4) Умноженіе библейскихъ обществъ и чрезъ нихъ умноженіе экземпляровъ Библии, свободное оной чтеніе и самопроизвольное оной толкованіе, способствующее умноженію расколовъ и сектъ». Все это было устроено «съ непостижимою хитростію» (!). Эта хитрость, между прочимъ, обна-

совѣтъ не зависѣло отъ того, что Британское Общество брало для своихъ большихъ собраній Freemasons-hall. Наши библейскіе дѣятели, приводя рѣчи, читанныя въ Брит. Обществѣ, избѣгали называть эту залу,—какъ намъ случилось замѣтить въ «Отчетахъ». Они конечно опасались лишней инериминаціи,—которая здѣсь именно и дѣлается.

¹⁾ Въ подлинникѣ: *La réformation pour cet Empire prédestiné sera semblable au beau soleil levant, etc.*

ружилась въ выборѣ «главы, покровителя и споспѣшника всѣхъ этихъ мѣръ»,—потому что выборъ кн. Голицына сдѣланъ былъ именно совѣтомъ иллюминатовъ. Авторъ не рѣшается сказать, по внушенію ли иллюминатовъ онъ сдѣланъ былъ оберъ-прокуроромъ Синода; «по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что чрезъ ихъ происки онъ сдѣланъ министромъ народнаго просвѣщенія, министромъ духовныхъ дѣлъ, президентомъ библейскихъ обществъ, и ему же поручено главное начальство надъ почтовымъ департаментомъ.» Кн. Голицынъ описывается какъ «тонкій царедворецъ, ближайшій наперсникъ и другъ юности императора, — человекъ мягкій по сердцу, добрый по душѣ, легкій по духу, гибкій по характеру, человекъ, который былъ способенъ увлекаться всякою мечтою хитросоставленною, котораго въ злоумышленіяхъ противъ церкви и отечества никто и подозрѣвать не могъ.» Описавъ затѣмъ обширное вліяніе и господство кн. Голицына по его указаннымъ отношеніямъ, авторъ заключаетъ: «Пользуясь такими благопріятными со всѣхъ сторонъ обстоятельствами, враги Россіи руками своихъ споспѣшниковъ ископали *глубокій ровъ* между алтаремъ и трономъ Россіи; уже только ожидали благопріятнаго времени, чтобы *вдругъ повернуть въ оный и алтарь православія и тронъ самодержавія*» (!!).

Но этому помѣшали: «Орудія промысла Божія ко спасенію Россіи отъ козней вражійхъ», т. е. Серафимъ и Шишковъ. «Записка о крамолахъ» оканчивается восхваленіемъ ихъ подвига въ уничтоженіи этихъ козней.

Излишне было бы, конечно, разбирать много всѣ эти обвиненія: они любопытны только, какъ образчикъ мнѣній консервативной массы общества Александровскихъ временъ. Мы не имѣемъ никакого основанія считать изложенную сейчасъ «Записку» какимъ-нибудь намѣреннымъ извращеніемъ фактовъ и понятій; напротивъ, она очевидно написана искренно, какъ писаны были и подобныя обвиненія Шишковымъ: поэтому мы и имѣемъ возможность принимать ее за характеристическій образчикъ мнѣній извѣстнаго круга людей того времени. Степень развитія, на которой возможны были такія фантастическія обвиненія, такое странное пониманіе вещей, была очевидно весьма невысокая, и это была безъ сомнѣнія степень, на которой стояло огромное большинство общества.

Но въ параллель къ этимъ обвиненіямъ, мы считаемъ однако не лишнимъ прибавить нѣсколько другихъ подробностей; онѣ отчасти дополняютъ представленіе о дѣлѣ, котораго не могли въ свое время разъяснить сами обвиненные, не имѣвшие возможности отвѣчать на эти обвиненія.

До какой степени нелѣпо было приписывать *иностранцам* (вообще) спеціальныя планы губить Россію тѣми способами, какіе указываются въ обвиненіи, — объ этомъ нечего говорить. Насколько иностранныя вліянія обнаруживались въ этомъ религіозномъ движеніи и въ учрежденіи Библейскаго Общества, — мы достаточно указывали выше. Мистическіе писатели, которыхъ у насъ переводили, писали, разумѣется, не для Россіи: не для нея же въ самомъ дѣлѣ писалъ Бѣмъ, Дютуа, Юнгъ-Штилингъ и проч.; имъ, конечно, не было никакого дѣла до Россіи, — съ нихъ довольно было и своей непосредственной публики. Основаніе Библейскаго Общества въ Англіи конечно устроено было опять не для Россіи... Вообразить противное могло только очень дикое невѣжество. Это невѣжество очень ясно и обнаружилось въ тѣхъ понятіяхъ, какія имѣли обвинители объ англійскомъ Библейскомъ Обществѣ: мы видѣли, какимъ образомъ одну изъ случайныхъ постороннихъ рѣчей, которыхъ массы произносились обыкновенно въ собраніяхъ Британскаго Общества, именно рѣчь какаго-то методиста, они приняли за программу и планъ дѣйствій самого Общества, а этого посторонняго методиста приняли за какаго-то министра или даже президента общества. Съ какимъ чувствомъ относились къ Россіи британскіе агенты, дѣйствовавшіе у насъ, объ этомъ мы также довольно говорили. Прибавимъ еще, что они вовсе не имѣли въ русскомъ Библейскомъ Обществѣ никакой силы, кромѣ своего личнаго достоинства, и конечно не вмѣшивались самовольно въ дѣйствія русскаго комитета. Изъ оставленныхъ ими книгъ о Россіи видно, что они относились къ ней съ великимъ сочувствіемъ, интересовались ей какъ любознательные и образованные путешественники: въ этомъ смыслѣ они вступали въ бесѣды съ духовенствомъ, о которыхъ и записали въ своихъ мемуарахъ. У нихъ не только не было никакихъ злокозненныхъ плановъ «къ погубленію Россіи», но они (какъ бы удивительно это не показалось Шишкову) даже старались предостерегать своихъ русскихъ друзей отъ вліяній, которыя могли бы быть неблагопріятны для православія. Въ книгѣ Пинкертона мы находимъ, въ этомъ отношеніи, очень любопытную замѣтку; — говоря о духовныхъ училищахъ въ Россіи, академіяхъ и семинаріяхъ, онъ замѣчаетъ:

«Профессора ихъ, вышедшіе изъ Невской академіи, когда она была подъ управленіемъ Филарета, очень склонны къ библейскому критицизму (*are fond of biblical criticism*), и хорошо знакомы съ лучшими писателями этого рода. Я часто *предостерегалъ* ихъ отъ сочиненій новѣйшихъ нѣмецкихъ *неологистовъ*, съ которыми иныя изъ нихъ уже знакомы. Какъ было

бы жаль, если бы эти семинаріи, которыя должны доставлять священниковъ и діаконовъ больше чѣмъ для 26,000 церквей— и которыя теперь, мы надѣмся, отряхаютъ съ себя невѣжество и суевѣрія, покрывавшія ихъ столько вѣковъ — впадутъ въ противоположную крайность раціонализма и невѣрія»¹⁾.

Обвиненіе общества въ *умноженіи расколовъ* опять очень странно, особливо въ той формѣ, какъ оно дѣлается въ «Запискѣ о крамолахъ», гдѣ вліяніямъ Общества навязывается даже скопчество. Правда, что библейскіе дѣятели, посѣщавшіе Татаринову, и въ томъ числѣ вн. Голицынъ, давали достаточный поводъ къ обвиненію въ расколичьихъ наклонностяхъ, — но обвиненіе этимъ бы и должно было ограничиться, потому что посѣщенія Татариновскихъ сходбищъ и плясокъ были только ихъ личнымъ вкусомъ. Что же касается до болѣе мирнаго отношенія къ расколу, — отношенія, которое дѣйствительно было въ это время и въ которомъ обвинители именно и видѣли желаніе поощрить расколъ, — то до сихъ поръ неизвѣстно даныхъ, которыя бы могли оправдать подобное перетолкованіе. Было бы очень странно въ самомъ дѣлѣ думать, что Общество, т. е. большинство его сознательно поступавшихъ членовъ, желали *поощрять* или *распространять* старовѣрство, духоборчество и т. п., какъ напр. Шишкову хотѣлось обвинить въ этомъ Филарета, по поводу приведенной выше статьи въ «Моск. Вѣдомостяхъ» 1824 г. Въ дѣйствительности, это мнимое поощреніе ограничивалось тѣмъ, что въ понятіяхъ библейскихъ дѣятелей начинало впервые появляться сомнѣніе въ нравственномъ достоинствѣ полицейскихъ и уголовныхъ преслѣдованій за религиозныя убѣжденія, мысль о терпимости, и вѣроятно ожиданіе, что въ отношеніи къ расколу больше можно сдѣлать снисходительностью, чѣмъ уголовной строгостью. Въ этомъ именно смыслѣ московскій библейскій комитетъ съ интересомъ смотрѣлъ на тотъ фактъ, что переводъ Н. Завѣта привлекалъ между прочимъ вниманіе старообрядцевъ.

Обвинители, вѣроятно, оказались бы въ большемъ затрудненіи, если бы отъ нихъ потребовали какаго-нибудь *фактическаго* доказательства, что Общество, какъ Общество, поощряетъ и распространяетъ расколы. Они могли бы сослаться только развѣ на то, что самое распространеніе Библии (независимо отъ какихъ-нибудь намѣреній Общества) способствуетъ расколамъ, вслѣдствіе неправильныхъ толкованій, — слѣдовательно, должны бы были оставить въ сторонѣ Общество и говорить прямо противъ

¹⁾ Russia, стр. 253.

чтенія Библии. Они дѣйствительно говорили и это, — они считали прямо вреднымъ распространеніе Библии, и, вѣроятно, сами не подозрѣвали, что проповѣдуютъ этимъ католическо-іезуитское правило: не давать Библии народу вообще, а на языкѣ народномъ въ особенности. — Случай былъ обоюдоострый.

Затрудненія этого рода оказывались уже и раньше. Представлялись случаи, что дѣйствительно обращеніе Библии въ невѣжественныхъ массахъ (не нашедшихъ достаточнаго наставленія отъ тѣхъ, кто бы долженъ былъ здѣсь исполнять обязанность наставника) вовлекало иныхъ въ печальныя заблужденія; но тогда еще не было нужно «спасать православія», и тѣ самые люди, которые дѣлали теперь изъ подобныхъ заблужденій уголовное обвиненіе противъ Общества, смотрѣли на дѣло гораздо проще и естественнѣе. Въ книгѣ Пинкертона мы опять находимъ любопытное свидѣтельство. Описывая свое посѣщеніе тюрьмы въ Орлѣ, гдѣ онъ видѣлъ, между прочимъ, скопца, Пинкертономъ разсказываетъ:

«Я помню, что незадолго передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ 1823 году, митрополитъ Серафимъ разсказывалъ мнѣ, что въ одномъ изъ полковъ, получившихъ экземпляры русскаго Н. Завѣта, семнадцать человѣкъ солдатъ оскотились, приводя въ основаніе Матѣ. XIX, 12, и что генералъ, въ своемъ донесеніи императору объ этомъ случаѣ, предлагалъ отобрать у нихъ всѣ экземпляры. Его величество передалъ дѣло митрополиту; и его преосвященство говорилъ мнѣ, что какъ онъ ни сожалѣлъ о томъ, что произошло отъ невѣжества этихъ людей и, вѣроятно, отъ зараженія скопческой ересью, или отъ желанія солдатъ избавиться отъ службы, искалѣчивъ себя (обыкновеніе, нерѣдкое между ними), но онъ *никакъ не соглашался* (could not on account agree) съ этимъ предложеніемъ генерала. «Если они не поняли мысли Спасителя, то Н. Завѣтъ нуженъ имъ теперь больше чѣмъ прежде, чтобы привести ихъ въ лучшему пониманію: и вообще, паша обязанность — дѣлать благое дѣло, предоставляя послѣдствія Богу; за нихъ мы *отвѣчать не можемъ*»¹⁾.

Такимъ образомъ, на обвиненія противъ Общества въ умноженіи расколовъ, можно было бы отвѣтить собственными, еще недавно сказанными словами самого митр. Серафима. Что у миссіонеровъ иностранныхъ, которыхъ Шишковъ честилъ, ни больше, ни меньше, какъ зажигателями, не было и не могло быть иного отношенія къ нашему расколу, кромѣ любопытства, объ этомъ не-

¹⁾ Russia, стр. 264.

чего и говорить. Кромѣ того, обвинители и здѣсь опять забывали, что первые примѣры терпимости были показаны самимъ императоромъ Александромъ, еще при самомъ началѣ его царствованія, когда не было никакихъ иностранныхъ вліяній, и когда Библейскаго Общества не существовало и въ самой Англій 1), по тому только основанію, что суровыя принудительныя мѣры, въ дѣлахъ вѣры, не могутъ соответствовать «просвѣщенному христіанскому правительству».

Эти обвиненія вообще характеристично отражали обычное понятіе о расколѣ. Людямъ тѣхъ мнѣній, какихъ держались обвинители Библейскаго Общества, всегда представлялось и представляется, что расколъ, или вообще какое бы то ни было движеніе мнѣній въ обществѣ, бываетъ только слѣдствіемъ произвольнаго злонамѣренія какого-нибудь отдѣльнаго лица, которое въ одно прекрасное утро выдумываетъ зловредную вещь и собираетъ себѣ прозелитовъ. Имъ никогда не приходитъ въ голову подумать, что появленіе новыхъ мнѣній бываетъ слѣдствіемъ общаго настроенія умовъ, что онѣ вообще выражаютъ только то, къ чему масса уже приготовлена всѣми условіями внѣшней жизни и своего умственнаго развитія. Такіе люди никогда не видятъ и не понимаютъ этихъ *общихъ* причинъ, въ числѣ которыхъ, относительно раскола, очень важное мѣсто занималъ издавна именно недостатокъ въ здоровомъ религіозномъ, и всякомъ другомъ образованіи народной массы, которое прежде всего должно бы быть обязанностью самихъ обвинителей. Теперь, они придумали найти виновниковъ раскола въ Библейскомъ Обществѣ, какъ будто бы старообрядцы, молокане, скопцы и все неизчислимое количество русскихъ сектъ, не были собственнымъ, и главное, очень давнишнимъ произведеніемъ русской жизни: Библейское Общество было здѣсь совершенно не при чемъ.

Обвинители забывали съ другой стороны, что тотъ же недостатокъ религіознаго образованія, и въ самой православной массѣ, — поддерживавшій много столь же прискорбныхъ суевѣрій, предразсудковъ и заблужденій, — и наконецъ недостатки самого духовенства, какъ религіознаго руководителя, могли вызвать въ другой, образованной сферѣ общества, потребность въ иныхъ удовлетвореніяхъ религіознаго чувства, чѣмъ какія давала обычная жизнь, и производить напр. тѣ увлеченія мистицизмомъ, въ которыхъ обвиняли съ такимъ озлобленіемъ библейскихъ дѣятелей. Обвинители замѣчали, что мистики какъ будто не любятъ духовенства, и хотя этого нельзя было сказать вообще,

1) Напримѣръ, терпимость къ тѣмъ же духоборцамъ, начиная съ 1802 г.

потому что мистики поддерживали съ духовенствомъ очень тѣсныя связи, но дѣйствительно они больше симпатизировали съ той частью его, въ которой встрѣчали интересъ къ новому религиозному движению, мистицизму и рационализму, и менѣе дружелюбно, или враждебно относились къ той, которая представляла собой чистую неподвижность.

Наконецъ, едва ли надо еще говорить, что обвиненія Библейскаго Общества въ томъ, что оно, черезъ министерство просвѣщенія, распространяло вольнодумство въ университетахъ, совершенно ложны. Преслѣдованіе профессоровъ петербургскаго университета, планъ «разрушить» казанскій университетъ — слишкомъ знаменитые подвиги голицынскаго министерства, чтобы противъ него можно было выставить обвиненіе въ поощреніи вольнодумства. То преподаваніе, на которое здѣсь опрокинулось министерство Голицына, было не его дѣломъ, — это былъ результатъ общественнаго настроенія и правительственныхъ мѣръ первой половины царствованія императора Александра.

Мы замѣтили выше, что сами обвиненные не имѣли возможности отвѣчать на обвиненія: какъ прежде противники библейскаго мистицизма должны были молчать, потому что власть была въ рукахъ кн. Голицына, такъ теперь приверженцы Библейскаго Общества должны были молчать, потому что власть была у Шишкова и митр. Серафима. Они и не сказали ничего открыто, — но митр. Серафимъ встрѣтилъ однако довольно сильное возраженіе на свои дѣйствія изъ этого лагеря. Это возраженіе заключалось въ письмѣ стараго питомца Новиковской школы, извѣстнаго Максима Невзорова, издателя «Друга Юношества». Этимъ возраженіемъ мы можемъ закончить рассказъ о борьбѣ и полемикѣ по поводу библейскаго дѣла.

Начавъ письмо съ приличныхъ обстоятельствамъ времени ветхозавѣтныхъ пророчествъ, Невзоровъ обращается къ упомянутымъ выше указамъ, осуждавшимъ мистическія книги, «подъ видомъ таинственнаго толкованія искажающія святость книгъ божественныхъ откровеній», и — «движимъ будучи ревностію къ распространенію евангельскаго просвѣщенія и свѣдаемъ жалостію дома Божія», онъ представляетъ митр. Серафиму свои мысли объ этомъ дѣлѣ. Во-первыхъ, его крайне соблазняло то, что митр. Серафимъ не дѣлалъ противъ этихъ книгъ никакихъ представленій тогда, *когда онѣ выходили изъ печати* въ началѣ: если эти книги дѣйствительно таковы, какъ ихъ теперь описываютъ, то подобный вредъ лучше было бы остановить при самомъ началѣ: «Ваше высочайшее священство могли сіе дѣлать при началѣ, имѣя по духовнымъ дѣламъ всегда сильный голосъ, ко-

торый, соединяя съ ревностію, *нынѣ вами обнаруженною*, всегда могъ имѣть свою цѣну и вѣсь.» Во-вторыхъ, замѣтивъ, что «цѣна вещи познается по плодамъ и слѣдствіямъ» ея, онъ напоминаетъ митр. Серафиму о членахъ «бывшаго нѣкогда въ Москвѣ ученаго Дружескаго Общества»: «Вы, конечно, не почтете за стыдъ признаться, что вы много имъ одолжены и нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ, и многими съ помощію ихъ приобретенными познаніями». Члены этого Дружескаго Общества были въ особенности издателями подобныхъ книгъ, и авторъ письма просить митр. Серафима припомнить, не учили ли они своихъ воспитанниковъ быть истинными гражданами, истинными христианами и приверженными къ церкви,—и указываетъ примѣръ ихъ воспитанія въ «Свѣтильниѣхъ церкви», его предмѣстникѣ, митр. Михаилѣ. Въ-третьихъ, авторъ письма останавливается на самыхъ книгахъ, запрещенныхъ упомянутыми указами по представленіямъ Шишова и митр. Серафима, и оправдываетъ ихъ содержаніе отъ обвиненій, на нихъ взведенныхъ, сообщая при этомъ не мало подробностей, весьма рисующихъ столкновеніе понятій, объ этихъ и другихъ сложныхъ предметахъ. Можно думать, что митр. Серафимъ затруднился бы отвѣчать на нѣкоторые пункты этого письма, написаннаго съ упрямой увѣренностью и не безъ желчи. Мы предоставляемъ читателю самому познакомиться съ этими частностями письма Невзорова, которое мы приводимъ въ приложеніи какъ историческій документъ, до сихъ поръ оставшійся неизвѣстнымъ. Въ этомъ документѣ читатель увидитъ вообще образчикъ мнѣній мистической школы, на которыя мы имѣли случай указывать; вмѣстѣ съ тѣмъ это отчасти и апологія мистической школы съ ея точки зрѣнія ¹⁾.

Такъ окончилось существованіе Россійскаго Библейскаго Общества.

Исторія его оставляетъ по себѣ обоюдное впечатлѣніе, въ которомъ, конечно, отражается и его дѣйствительный характеръ, столь же обоюдный. Представляя собой—въ большой степени—осуществленіе личныхъ идей императора Александра, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ и стремленія значительной части общества. Теперь, когда мы для этой исторіи имѣли еще слишкомъ скудные матеріалы, трудно рѣшать положительно, между кѣмъ и въ какой мѣрѣ должны быть раздѣлены его достоинства и недостатки, — но читатель, вѣроятно, замѣтилъ свойства европей-

¹⁾ См. ниже, Приложенія.

скихъ вліяній, шедшихъ отъ Британскаго Общества, характеръ ихъ примѣненія на русскую почвѣ и наконецъ, свойства ультраконсервативной оппозиціи, уничтожившей русское Общество ¹⁾).

Въ судьбѣ русскаго Общества, его быстромъ распространеніи и потомъ его паденіи выказалось столько различныхъ свойствъ русской общественной жизни, что его исторія является чрезвычайно характеристическимъ выраженіемъ своего времени. При всѣхъ своихъ непривлекательныхъ недостаткахъ и многихъ постыдныхъ и жалкихъ воспоминаніяхъ, Общество имѣло свои сочувственныя и прогрессивныя стороны, когда поднимало религиозно-общественный вопросъ. Его закрытіе, прекративъ его вредныя вліянія, имѣло свой, въ сущности гораздо большій вредъ: оно не уничтожало обскурантизма, а только произвело его въ новой формѣ, и совпадая съ другими событіями того времени, нанесло ударъ самой общественной инициативѣ и больше прежняго усилило лѣнливый индифферентизмъ русской общественной жизни.

А. Пыпинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(Стр. 757)

I.

ПИСЬМО МАКС. ИВ. НЕВЗОРОВА, КЪ МИТРОПОЛИТУ СЕРАФИМУ.

(Съ современной копіи).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Милостивѣйшій Архипастыръ!

Третьей книги Эздры, главы 13-й въ стихахъ: 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, пишется слѣдующее: «Се дніе грядуть, егда Вышній начнетъ избавляти сихъ, иже на земли суть, и приидеть ужась ума на тѣхъ, иже обитають на земли. И иніи иныхъ помыслить воевати, градъ на градъ, и мѣсто на мѣсто, и языкъ на языкъ, и царство на царство. И будетъ, егда будутъ сія, и случатся знаменія, яже прежде показахъ ти, и тогда отвернется Сынъ мой, Его же видѣлъ еси, яко Мужа восходяща. И будетъ, егда услышатъ вси языцы гласъ Его, и оставитъ единъ кійждо въ странѣ своей брань свою, юже имуть другъ на друга, и соберется во едино собраніе множество безчисленно, якоже хотяще пріити, и

¹⁾ Филаретъ Черниговскій, въ «Ист. русской церкви», говоритъ о Библ. Обществѣ: «Сему благому дѣлу *всего больше* повредило и остановило его то, что тогда въ изданіи слова Божія и распространеніи его принимали живое участіе члены англійскаго библейскаго общества». (Періодъ пятый. М. 1859, стр. 46). Мы, кажется, достаточно видѣли, что безъ нихъ русское Общество едва ли бы даже существовало.

ополчится на него, тойже станетъ на верху горы Сиона, Сионъ же придетъ, и явится всѣмъ уготаванъ и созданъ, якоже видѣлъ еси гору изваяну безъ рукъ. Той же Сынъ мой обличитъ, яже обрѣтоша язицы, нечестія ихъ та, яже къ бури приближишася ради лукавыхъ помышлений ихъ и мученій, ими же начнутъ мучитися, яже подобна суть пламени, и погубитъ ихъ безъ трудности, по закону, яже огню подобенъ естъ». Знаменія, о которыхъ здѣсь упоминается, описаны той же Книги, въ главѣ пятой, въ стихахъ 1, 2, 3, 4, и такъ далѣе, суть слѣдующія: «Се днѣ грядутъ, въ нихъ же живущій на земли обременены будутъ даньми многими, и скрывается путь правды и будетъ вселенна неплодна отъ вѣры, и умножится неправда паче сія, юже ты видиши, и паче тоя, о нейже слышалъ еси издревле. И будетъ земля, въ поже вшедъ нынѣ видиши царствующую и узрять ю опустену: аще же тебѣ дастъ Великій живу быти, узриши по третіей трубѣ, и возсіяетъ внезапно солнце въ ноци, и луна трижды въ день; и воскалетъ кровь отъ древа, и камень дастъ гласъ свой и поколеблется люде; и Той будетъ царствовать, Его же не надѣются живущіи на земли, и придутъ пницы отъ мѣста своего, и море Содомское изринетъ рыбы, и дастъ гласъ ноцію, его же мнози не знаша: и вси услышатъ гласъ его, и смятеніе будетъ на мѣстѣхъ многихъ, и огонь часто низпустится; и звѣрии польстїи преселятся, и жены боязливы породятъ чуда, и въ сладкихъ водахъ сланы обрячутся, и друзїи вси сами на ся ополчатся, и скрывается тогда умъ, и разумъ отлучится въ хранилище свое; и възщется отъ многихъ, и не обрящется: неправда же и невоздержаніе умножится на земли и вопроситъ страна ближнюю свою, и речетъ: Не преїде ли ко тебѣ правда Праведнаго творящая? и сего отречется. И будетъ въ то время, и уповати будутъ человѣци и не воспримутъ. Трудитися будутъ и не управятъ путіе ихъ». Нѣмецкіе богословы, а имъ послѣдую, и наши, по какимъ-то ученнымъ и никакого основанія неимѣющимъ расчетамъ и догадкамъ Книгу сію Эздры почитаютъ подложною: но умъ и сердце, озаренныя свыше, во всей книгѣ сей видятъ помазаніе и откровеніе Духа Святаго, который не можетъ быть подложенъ. Большимъ же доказательствомъ справедливости приведенныхъ выше мѣстъ изъ Эздры служитъ подобное предсказаніе о томъ же пророка Іеремїа, описанное имъ, главы 1-й, въ стихахъ 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, и которые суть слѣдующіе: «Бысть Слово Господне вторицею ко мнѣ (и т. д., сокращаемъ текстъ). Нынѣ сбываются сіи пророчества.

Въ Имянномъ Высочайшемъ Указѣ, послѣдовавшемъ на имя Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 17 день ноября протекшаго 1824 г., между прочимъ пишется слѣдующее: Государь Императоръ, изъ донесенія Вашего Высокопреосвященства, усмотрѣвъ, что многіи и до Вѣры относящіяся книги, содержащія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о Священномъ писанїи толкованія, печатались въ частныхъ типографїяхъ, безъ всякаго Синодскаго разсмотрѣнїя. Къ числу таковыхъ книгъ принадлежащими названы означенныя въ приложенномъ спискѣ, какъ при Указѣ—въ силу предложенія Вашего Высокопреосвященства, разосланнымъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода по подвѣдомнымъ ему мѣстамъ, такъ и въ циркулярномъ предложенїи Г. Министра Народнаго Просвѣщенія сказано, что въ оныхъ книгахъ, подъ видомъ таинственнаго толкованія Священнаго писанія и примѣненія разныхъ мѣстъ содержанія онаго къ нравственному ученію, искажена святость книгъ Божественныхъ откровеній и разсѣяны явныя и лже-учительныя ученія, совершенно противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленїямъ, и потому мѣстамъ, подвѣдомнымъ Синоду и Министерству Народнаго Просвѣщенія, предписано, чтобы оныя книги изъяты были изъ книгохранилища, отобраны отъ всякаго употребленія и хранились, запечатанныя, до особливаго о нихъ повелѣнїя.

Движимъ будучи ревностію къ распространенію Евангельскаго просвѣщенія

и сѣдаемъ жалостію дома Божія, я осмѣливаюсь, по примѣру всегда бывшихъ ревнителей истинной Церкви, представить разсмотрѣнію Вашего Высокопреосвященства слѣдующія истины:

Первое. Меня крайне соблазняетъ то, что Ваше Высокопреосвященство не дѣлали никакихъ представленій противъ сихъ книгъ, когда онѣ выходили изъ печати при началѣ; ежели онѣ въ самомъ дѣлѣ таковы, что въ нихъ искажена святость Божественнаго откровенія и разсѣяны явныя и лже-учительныя ученія, совершенно противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ: то лучше останавливать такой вредъ при первомъ его появленіи, нежели дать ему разпространяться чрезъ многіе годы, и Ваше Высокопреосвященство могли сіе дѣлать при началѣ, имѣя по духовнымъ дѣламъ всегда сильный голосъ, который соединяя съ ревностію, нынѣ вами обнаруженною, всегда могъ имѣть свою цѣну и вѣсъ.

Второе. Цѣна вещи познается по плодамъ и слѣдствіямъ, отъ употребленія ея происходящимъ. Я сколько, по своимъ опытамъ, ни вижу людей, любящихъ читать книги, о которыхъ здѣсь дѣло идетъ, всегда нахожу ихъ лучшими и болѣе приверженными къ Церкви Христовой, нежели тѣхъ, которые встаютъ противъ сихъ книгъ. Я осмѣливаюсь теперь напомнить Вашему Высокопреосвященству о членахъ бывшаго нѣкогда въ Москвѣ ученаго Дружескаго Общества. Вы, конечно, не почтете за стыдъ признаться, что вы много имъ обязаны и нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ, и многими, съ помощію ихъ, приобрѣтенными познаніями. Они были любители и, болѣею частью, издатели таковыхъ книгъ. Пусть внутренней голосъ вашей совѣсти скажетъ Вашему Высокопреосвященству: когда вы у нихъ учились,—то учили-ль они васъ искажать святость книгъ Божественнаго откровенія и преподавали-ль вамъ явныя и возмутительныя лже-ученія, противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ? Напротивъ того, не всегда ли они учили воспитанниковъ своихъ быть честными гражданами Общества, добрыми сынами Отечества, вѣрными подданными Высочайшей власти, истинными Христіанами и приверженными къ Церкви? Не они ли произвели Свѣтильника церкви, предѣстника вашего, преосвященнѣйшаго Михаила; покойнаго добродѣтельнаго прото-пресвитера Андрея Николаевича Колоколова, котораго память городъ Осташковъ съ благодарностію воспоминаетъ, и другихъ подобныхъ имъ? Не они ли поставили крѣпкую преграду разливавшемуся лже-вредному Вольтеровскому просвѣщенію, распространивши, съ пожертвованіемъ собственности, истинный свѣтъ Евангельскаго ученія изданіемъ Богодуховенныхъ книгъ, которыми о сію пору съ чувствомъ внутренней признательности пользуются ищущіи единого на потребу.

Третье. Я долгомъ поставляю взойти въ краткое разсмотрѣніе книгъ, означенныхъ въ спискѣ приложенномъ при Указѣ Святѣйшаго Синода и предложеніи Министра Народнаго Просвѣщенія.

1) *Воззваніе къ челоѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова.* Одно названіе книги сей должно заставить любить сію книгу; ибо какая должна быть въ сей нашей жизни, какъ не искать духа Христова? Книга сія сильно возстаетъ противъ наружныхъ и буквальныхъ школьныхъ Богослововъ. Но не говорить-ли Апостолъ Павелъ, что *письма убиваютъ, а духъ животворитъ*? По моему мнѣнію. Буквалисты, читая сію книгу, должны послѣдовать Пророку Давиду, когда пришелъ къ нему Пророкъ Нафанъ съ обличеніемъ, и пасть на землю предъ Богомъ съ поклоненіемъ и просить его, чтобъ онъ изгналъ изъ умовъ и сердецъ ихъ школьную дрянь и просвѣтилъ ихъ внутреннимъ сіяніемъ Духа Святаго Христова. Говорятъ, что книгу сію писалъ Парацельсъ. Не зная въ точности, правда-ли это, скажу, что Парацельсъ былъ великій духовный челоѣкъ; онъ есть первый Ангелъ, излившій фіалъ свой на землю.

Описываемые, Апокалипсиса, главы 16-й, въ стихѣ 2-мъ, Ангелы, изліявшіе фіалы свои, описываемые въ сей 16-й главѣ, были посланники Божіи, обличавшіе злыхъ людей всякаго состоянія и угрожавшіе имъ гнѣвомъ Божіимъ. Парацельсъ былъ великій обличитель, особливо, рано называющихъ себя учителями Церкви и отверженныхъ къ земнымъ благамъ, а о Небесныхъ невѣдущихъ и не радящихъ.

2) *Таинство Креста*. Книга сія есть истинное золото для христіанина, послѣдователя Христа распятаго. Я долгомъ почитаю Вашему Высокопреосвященству здѣсь разсказать бывшее со мною, относительно сей книги, происшествіе. Будучи въ чужихъ краяхъ, въ Геттингенѣ сдѣлался я болѣнъ, и болѣе духовно, нежели тѣлесно. Ибо угодно было Богу, поиславши меня, на безпутномъ бѣгу свѣтской моеи жизни, подвергнуть тайному своему внутреннему суду, которому суду рано или поздно, въ сей или будущей жизни будетъ всякъ подверженъ. Свѣтскія книги всѣхъ факультетовъ мнѣ тогда не помогали: но большіимъ глѣкарствомъ мнѣ послужила книга, бывшая у меня тогда на французскомъ языкѣ: *Таинство Креста*; особливо 6-я глава о внутреннихъ крестахъ, которую я совѣту всякому прилѣжнѣе читать во время боренія съ собою. Во время внутренняго сего крестнаго страданія перевелъ я нѣсколько главъ изъ сей книги, начавши съ шестой главы о внутреннихъ крестахъ; переводу сего было у меня восемь тетрадей двухъ-листовыхъ. По приѣздѣ въ Россію съ покойнымъ товарищемъ моимъ Василиемъ Яковлевичемъ Колокольниковымъ, въ Ригѣ мы были остановлены въ февралѣ мѣсяцѣ 1792 года. Бумаги у меня всѣ были отобраны, и мы въ мартѣ мѣсяцѣ привезены были въ Петербургъ. Означенный переводъ мой отданъ былъ въ цензуру покойному преосвященнѣйшему, Митрополиту Гавріилу. Покойный Степанъ Ивановичъ Шишковскій, между прочими допросами, допрашивалъ меня и о семъ переводѣ, что у меня найдена какая-то книга, противная Религіи, о крестахъ. Я отвѣчалъ ему на сіе, что я дѣлалъ переводъ сей для внутренняго утѣшенія своего въ болѣзни; что я не почитаю книгу сію противною Христіанской Религіи и готовъ въ томъ спорить съ цѣлымъ Святѣйшимъ Синодомъ. Степанъ Ивановичъ Шишковскій мнѣ возразилъ на сіе, что преосвященнѣйшій Гавріилъ читалъ ее и находитъ ее противною Религіи. Преосвященный Гавріилъ, говорилъ я, какъ угодно, такъ и судить; а я не почитаю ее таковою. Но преосвященнѣйшій Гавріилъ, возразилъ мнѣ Степанъ Ивановичъ, эти дѣла лучше тебя знаетъ? Когда такъ, отвѣтствовалъ я, то я осмѣлюсь доложить слѣдующее: ежели на томъ свѣтѣ доведется мнѣ послану быть въ Адъ, а преосвященнѣйшій Гавріилъ отъ этого меня избавить и вмѣсто меня пойдетъ во Адъ самъ: тогда можетъ быть соглашусь думать такъ, какъ думаетъ Его Преосвященство. Но ежели во Адъ мнѣ должно будетъ самому итти, а преосвященнѣйшій Гавріилъ итти за меня туда откажется: въ такомъ случаѣ, чтобъ мнѣ позволено было думать по своему! Степанъ Ивановичъ Шишковскій замолчалъ¹⁾. И подлинно, я не могу вообразить, что худаго находятъ въ книгѣ сей, — особливо тѣ, которые еще хотятъ учить Христіанству? Сочинитель сей книги есть истинный седмій Ангелъ, изліявшій фіаль свой на воздухъ, описываемый Апокалипсиса, главы 16-й, въ стихахъ 17, 18, 19, 20, 21. Ибо все, что провозглашено въ означенныхъ стихахъ симъ Ангеломъ, въ книгѣ «Таинство Креста» описывается въ 12-й главѣ. Въ началѣ сей главы не выгодно сочинитель отзывается о Духовенствѣ, о Синодахъ и Соборахъ: но онъ отзывается о нехорошемъ Духовенствѣ, о нехорошихъ Синодахъ и о нехорошихъ Соборахъ, каковы, напри- мѣръ, были: Флорентинской, Константской и подобныя имъ. Ежели книгу вредною называть потому, что въ ней дурное духовенство не называется хорошимъ:

¹⁾ Эта исторія разсказана также въ письмѣ Невзорова къ О. И. Поздѣву, напечатанномъ въ Вибліогр. Запискахъ, 1858, № 17.

то и Евангеліе Христово должно быть не хорошо; потому что въ 23-й главѣ Маттея, Христосъ духовныхъ учителей дурныхъ крайне порицаетъ. Впрочемъ, я осмѣливаюсь Вашему Высокопреосвященству объяснить, что Апостолъ Павелъ сказалъ: ежели кто проповѣдуетъ другое, а не то, что Апостолъ проповѣдывалъ, то да будетъ анаема. Сіе относится къ мѣстамъ и лицамъ, проповѣдующимъ противное Евангелію Христову.

3) *Путь ко Христу, Бема.* Бема есть истинный Ангель, описываемый Апокалипсиса, главы 14-й, въ стихахъ 6-мъ, 7-мъ. Онъ точно парилъ посреди Церкви Христовой и проповѣдывалъ Евангеліе вѣчное и общее всѣмъ истиннымъ всякаго племени и колѣна поклонникамъ Бога и Христа; во всѣхъ сочиненіяхъ внушалъ страхъ Божій, угрожая судомъ Божиимъ, училъ истинному поклоненію Творцу неба и земли, и Путь его ко Христу есть истинный путь христіанина. Онъ точно все писалъ по одному вдохновенію Духа Святаго; ибо онъ никогда ничему не учился, кромѣ какъ писать и читать и изъ бѣднаго сапожника сдѣлался великимъ орудіемъ Евангелія Христова и истинной Церкви Его.

4) *Побѣдная повѣсть Вѣры Христіанской, Штиллина.* Книга сія есть великаго послѣдняго нѣмецкаго проповѣдника; много свѣта открываетъ ищущимъ истинны. Въ Апокалипсисѣ открывается исторія Христіанства отъ временъ Апостольскихъ до послѣдней эпохи его. Штилингъ, будучи вдохновенъ Богомъ, много открылъ, относительно къ сему, новыхъ понятій, за которыя благодарить его должно. Всѣ его сочиненія, какъ на примѣръ: «Угрозы Свѣтостокровъ», «Пріключенія по смерти, Тоска по отчизнѣ и другія, дышать одною любовію къ человечеству и ведутъ къ познанію Искупителя. Онъ имѣлъ великій даръ пророческій, что особенно видно изъ толкованія его въ Побѣдной Повѣсти на 15 и 16 стихахъ главы 16-й Апокалипсиса, на страницѣ въ русскомъ переводѣ 236, гдѣ онъ пишетъ слѣдующее: (Когда мы услышимъ о всеобщемъ союзѣ Царей, въ собраніи войскъ ихъ въ Армагеддонѣ: то бы стояли на стражѣ, бдѣли и молились, и не солекали бы съ себя ризъ оправданія Христова; ибо бѣдныя лохмоты добродѣтелей нашихъ не закроютъ наготы нашей и срамоты ея; сей же столь долго ожидаемый Великій Гость придетъ внезапно, яко тать, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща. Для видящихъ открытыми глазами смыслъ Штилингова текста сего буквально сбывается. (Когда Государи Европейскіе собрались на Вѣнскій Конгрессъ: тогда Наполеонъ ушелъ съ острова Эльбы, и отъ того крови много пролилось! Когда собрались на Ахенскій Конгрессъ: тогда взбунтовалась Испанская Америка, а послѣ уже сама Испанія, Неаполь и Португалія. Когда собрались въ Верону: тогда Греція взбунтовалась! Еврейское слово Армагеддонъ значитъ посѣченіе, убіеніе; пророчески же, по толкованію, находящемуся въ Каталогѣ Виблейскихъ словъ, при концѣ Вибли, большаго формата въ листъ, называется мѣсто, на которомъ имѣеть быть событіе брани, плачевное Царямъ, на Церковь Христову возставшимъ. Толкованіе Штилинга и на 18 и 19 стихахъ той же главы Апокалипсиса, русскаго перевода, на страницѣ 238-й, также удивительно. Онъ пишетъ въ ней слѣдующее: Никогда неслыханное землетрясеніе разумѣть должно слѣдующимъ образомъ: по изліянію седьмой чаши, яростный революціонный духъ войдетъ вездѣ на крайнюю стѣну бытства, всѣ узы гражданскаго союза расторгнутся; никто не будетъ безопасенъ ни въ чести, ни въ имѣніи, ни въ жизни своей, и нигдѣ не найдетъ пребывающаго себѣ града. Земли, т. е., государственные постановленія вездѣ потрясутся; и какъ человѣки нигдѣ покойны не будутъ: то отъ горести и отчаянія стануть скрежетать зубами и не будутъ знать, что дѣлать. Образчикъ сего потрясенія показала намъ Революція во Франціи. Какъ вѣрно сіе толкованіе Штилингова и подтверждается многими опытами! Толкованіе его въ 8-й и 9-й книжкѣ «Угрозы Свѣтостокровъ», видѣнія, во свѣ Навуходонороу показаннаго и во 2-й главѣ

Давила описаннаго, заслуживаетъ тоже всякаго вниманія. Черезъ двѣ ночи статуи, видѣнныя Навуходносоромъ, по толкованію святыхъ мужей, разумѣются двѣ Имперіи, на которыя раздѣлилась Римская Имперія, то есть, Восточная и Западная, изъ которыхъ нынѣ первую составляетъ Турція, а вторую Европа. Камень, въ сновидѣніи Навуходносора, отвалившійся (оторвавшійся) отъ невидимой горы, точно ударилъ нынѣ въ ноги оной статуи; чему служатъ доказательствомъ на Западѣ французская и другія послѣдовавшія за нею въ Европѣ, и на Востокѣ—греческая Революція. Штидлингъ точно есть Ангелъ, описываемый Апокалипсиса, главы 18-й, въ стихахъ 21, 22, 23 и 24. Вотъ что говорится въ Апокалипсисѣ о семъ Ангелѣ: «И взять единъ Ангелъ крѣпко камень, великъ якоже жерновъ, и верже въ море глаголя: Тако стремленіемъ верженъ будетъ Вавилонъ, градъ великій, не имать обрѣстися къ тому и гласъ чуденъ и пискателей и мусикии не имать слышатися къ тому въ тебѣ, и всякъ хитрецъ всякія хитрости не обратится къ тому въ тебѣ, и свѣтъ свѣтильника не имать свѣтлости въ тебѣ къ тому, и голосъ жениха и невѣсты не имать слышанъ быти въ тебѣ въ тому, яко купцы твои быша вельможи земстїи; яко волхвованіи твоими прельщени быша вси языцы, и въ немъ кровь пророческа и святыхъ обрѣтеса и всѣхъ избѣенныхъ на земли». Штидлингъ, въ 18-й книжкѣ «Свѣтовостоковъ», содержащейся въ пятой части русскаго перевода, на страницахъ 132 и 133, пишетъ тоже самое слѣдующимъ образомъ: «Замѣтьте, любезный другъ, что я тебѣ скажу и, еще повторяю, замѣтьте! дабы къ чести имени Божія объявить всѣмъ твоимъ читателямъ, что настанетъ время и оно уже недалеко, что мальчики и дѣвочки и юноши и дѣвцы перестанутъ помышлять о романахъ, театрахъ и балахъ, и будутъ думать о хлѣбѣ и водѣ, будутъ въздыхать о пристанищѣ и покровѣ: война, мечь и голодъ и изва вездѣ преслѣдовать ихъ будутъ; севодни скажетъ невѣста: завтра я буду женою любезнаго: но завтра женихъ ея очутится подъ ружьемъ, чтобы быть иногда убійцею и своихъ соотчичей! Храмы Божїи залустѣютъ и не будетъ въ нихъ проповѣдующаго: валаста погонять въ оныя жаждушихъ слова Божїя: но совы въ оныхъ возглашать будутъ казни Божїи, и филины възвѣщать близкую смерть; враны повѣютъ гнѣзда на стѣнахъ храмовъ; и духъ проповѣдникъ, коихъ проповѣди гонять нынѣ слушателей вонъ изъ церкви, бѣгая къ олтарямъ и взмѣщиваясь на каѳедры, будутъ искать себѣ покоя и отрады тамъ, гдѣ грѣшили, а не найдутъ въ нихъ! Отецъ и сынъ изыдутъ искать куска хлѣба и проходя мимо разваливъ разрушеннаго зданія, сынъ спроситъ отца, что за развалины это? Это былъ театръ, скажетъ отецъ, и сынъ, не разумѣя, спроситъ еще: а что то былъ за домъ? Все сіе ты объяви читателямъ твоимъ! Многіе изъ нихъ стануть надъ тобою смѣяться, браниться и ругать тебя: но ты не устрашишься сего. Такова была издревле участь свидѣтелей истинны, равно какъ участь наказуемыхъ гнѣвомъ Божїимъ равно всегда была та, что они при ожесточенныхъ сердцахъ не внимали никакимъ увѣщаніямъ и въ бѣшенствѣ нападали на свидѣтелей истинны, проповѣдовавшихъ имъ покаяніе».

5) *Письмо къ другу объ Ордень свободныхъ Каменьщиковъ.* Я держу неутралятегъ относительно къ сей книгѣ: при всемъ томъ однако удивляюсь, чѣмъ заслужила сія книга такую строгость. Въ книгѣ сей отецъ даетъ наставленіе сыну, чтобы онъ избѣгалъ ложныхъ, тайныхъ и часто соблазнительныхъ обществъ, а держался бы правилъ искать добродѣтели и быть исполнителемъ ея. При множествѣ полвившихся въ послѣднія времена подъ разными именами тайныхъ обществъ, часто разными взорами занимающихся, кажется Правительству съ своей стороны въ предостереженіе неопытныхъ людей должно бы сію книгу рекомендовать. Къ стати я нахожу здѣсь замѣтить, что истинно-свободный каменьщикъ есть тоже, что истинный Христіанинъ, и камень, котораго онъ ищетъ,

есть Христосъ. Въ книгѣ подъ названіемъ: «Наставленіе ищущимъ премудрости или Пастырское посланіе къ свободнымъ Каменьщикамъ», весьма ясно и убѣдительно сіе изложено. Книга сія должна цѣниться дорого и служить карманною книгою не только для свободныхъ каменьщиковъ, но и для всѣхъ вообще ищущихъ истинной христіанской мудрости.

6) *Сіонскій Вѣстникъ*. Издатель Сіонскаго Вѣстника, какъ изданіемъ сего журнала, такъ и другихъ многихъ преполезныхъ и богодуховенныхъ книгъ заслужилъ всеобщую отъ добрыхъ людей всякаго состоянія благодарность. Государь Императоръ, признавая, и чувствуя цѣну его заслугъ и пользу, отъ книгъ его происходящую, не только удостоилъ включить себя въ число пронумерованныхъ на сей журналъ: но и издателя его пожаловалъ кавалеромъ ордена св. и равноапостольнаго князя Владиміра второй степени большаго креста, и въ грамотѣ на сей орденъ именно сказалъ, что онъ дается за издавіе полезныхъ духовныхъ книгъ. Многіе боголюбивые Христіане желали бы....¹⁾ продолженіе сего журнала.

7) *Краткое разсужденіе о важнѣйшихъ предметахъ жизни Христіанской*. Признаюсь, что я не могу надивиться, почему такія книги почитаются вредными. Въ сей книгѣ нѣтъ ничего больше, какъ о внутренней жизни Христіанской и о возрожденіи духовномъ, которое всегда было и будетъ предметомъ истинныхъ служителей Божіихъ и послѣдователей Христовыхъ. У насъ нынѣ смѣются и гонятъ Мистицизмъ или Таинственность! Но что такое значать церковныя пѣсни: Иже херувими тайно образующе; Святымъ духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается, свѣтлѣется тройческимъ единствомъ священиотайнѣ,—и подобныя имъ? Для чего онѣ поются?—Въ Сіонскомъ Вѣстникѣ въ разсужденіи о Мистикѣ говорится, что Мистика состоитъ въ переработываніи, при содѣйствіи Духа Святаго, чувственного и плотскаго человѣка въ духовнаго. Кажется тутъ нѣтъ ничего худаго, и Мистику порицать нѣтъ причины!

8) *Сочиненія г-жи Гіонъ*. Чѣмъ заслужила порицаніе сія великая въ женахъ, которая ничего не проповѣдывала, кромѣ истиннаго Христіанства? Что есть Христіанство? Оно есть послѣдованіе Христу. Въ чемъ состоитъ послѣдованіе Христу? Христосъ самъ сіе объяснилъ — сказавши: «Иже хочетъ по мнѣ итти, да отвержется себѣ и возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядеть». Великая Гіонъ въ сочиненіяхъ своихъ ничего болѣе не проповѣдывала, какъ токмо самоотверженіе. За что же мы, называющіеся Христіанами, будемъ не любить и гнать сію великую жену? Да она женщина, говорятъ многіе! а женщина не должна будто бы учить и проповѣдывать! Мудреное мужчины приписываютъ себѣ единоторжіе! Апостолъ Павелъ говоритъ, что жены должны молчать въ церквахъ, то есть въ собраніяхъ церковныхъ; а чтобъ имъ нигдѣ не проповѣдывать слова Божія, этого нигдѣ нѣтъ! Мы сами прославляемъ въ церквахъ святую равноапостольную Феоду, св. великомученицъ Екатерину, Варвару и другихъ, которыя за то и пострадали, что проповѣдывали Христіанство! Въ Грузіи съ благоговѣніемъ почитаютъ святую Нину, которую почитаютъ насадительницею тамъ Христіанской вѣры. Неужели Грузію должно обратить опять въ язычество за то, что она обращена въ Христіанство женщиною? О бѣдность ума нашего! Духъ, идеже хочетъ, дышетъ!.. Государь Императоръ, чувствуя пользу отъ сочиненій г-жи Гіонъ, издателю ихъ на печатаніе пожаловалъ 15 тысячъ рублей. Госпожа Гіонъ есть истинный Ангелъ, описываемый Апокалипсиса, главы 18-й, въ стихахъ 1, 2, 3.

9) *Краткій и легчайшій способъ молиться*. Г-жа Гіонъ за первую сію книгу пострадала во Франціи. За что? За то, что она учить поклоняться Богу Духу ду-

¹⁾ Въ текстѣ описка.

хоть и истинною. Стало быть внутреннее поклонение не годится, а оно состоит только въ наружныхъ крестахъ и поклонахъ, да въ большихъ кружкахъ? Прости насъ, Господи! не вѣдаемъ, что творимъ!

10) *Божественная философія*. Сочиненіе Дютуа. Книга сія заключаетъ въ себѣ много новыхъ понятій: но такихъ, которыя основаніемъ своимъ имѣютъ вдохновеніе. Она есть подлинно Божественная философія; ибо школьная философія не можетъ достигнуть такихъ понятій, которыя открываются младенцамъ, а отъ премудрыхъ міра утаиваются. Я имѣлъ случай знать людей, имѣвшихъ связь съ сочинителемъ сей книги, и они рассказывали объ немъ, что онъ одною Христіанскою любовію жилъ и дышалъ: но онъ не былъ внѣшній школьникъ, — въ томъ-то видно вся и бѣда его!

Вотъ десять наименованій книгъ, которыя Ваше Преосвященство почитаете вредными для Христіанства! Напротивъ того, вы къ подкрѣпленію православія служащему почитаете книгу подъ названіемъ: *Бесѣда на гробъ младенца*, какъ видно изъ Высочайшаго Указа, даннаго па имя г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 17-й день ноября 1824 года. Я не читалъ сей книги, но видѣлъ маленькій отрывокъ изъ нея, къ которомъ сочинитель крайне ругаетъ Христіанскую философію. Для меня уже крайне худая рекомендація сей книги, и я заключаю изъ того, что сочинитель не только не можетъ быть защитникомъ Христіанства, но не имѣетъ никакого понятія о Христіанствѣ.

Не будетъ-ли мнѣ причтено въ вину, что я многихъ изъ сочинителей выше означенныхъ книгъ, почитаю и называю Апокалипсическими Ангелами; а они не принадлежатъ къ наружной церкви?—Я осмѣливаюсь на сіе представить Вашему Высокопреосвященству, что Богъ, представля въ видѣніяхъ Іоанну Богослову будущія приключенія церкви Христіанской, показывалъ ему людей въ образѣ Ангеловъ, имѣющихъ прославиться заслугами церкви, не въ одеждѣ наружной разнообразной состоящими, но въ истинномъ житіи и добродѣтеляхъ внутреннихъ, въ проповѣди истиннаго Евангельскаго просвѣщенія и любленія Христа распятаго во всѣхъ наружныхъ исповѣданіяхъ Христіанства. Эта язва у насъ преподается и много дѣлаетъ вреда и поношенія истинной церкви Христовой, что будто бы никто изъ не принадлежащихъ къ наружной греческой церкви, не можетъ быть спасенъ, и не можетъ ни хорошо разсуждать, ни писать о духовныхъ матеріяхъ, ни имѣть откровенія и вдохновенія! А между тѣмъ по какому-то странному и непонятному противорѣчію большею частью наши богословы пользуются въ преподаваніи книгами нѣмецкихъ школьныхъ богослововъ. Я самъ учился въ Рязанской семинаріи по нѣмецкому автору Карповію; да и Ваше Высокопреосвященство въ Московской Академіи, помнится мнѣ, учился по нѣмецкому автору Миллеру. Я не вѣрю, чтобы Ваше Высокопреосвященство поставляли сущность Христіанства въ наружныхъ обрядахъ, что доказали вы будучи въ Москвѣ архипастыремъ; ибо вы освящали тогда старо-обрядческую церковь по ихъ книгамъ и съ употребленіемъ ихъ крестовъ, каждений и поклоновъ, которые въ господствующей гречко-россійской церкви неупотребительны. Церковь сія благословенною названа потому, что въ ней священниковъ принимаютъ отъ епархіальныхъ архіереевъ и ихъ въ служеніи поминаютъ; а заблужденія раскольническія у нихъ остались тѣже, безъ чего они считались отпадшими еретиками. Павелъ Апостоль не велитъ Христіанамъ называться ни Аполлосовыми, ни Петровыми, ни Павловыми: но только Христовыми.

Въ Евангеліи Христосъ говорить, что истинной Его церкви врата адовы не одолѣютъ. Конечно, здѣсь не та церковь разумѣется, которая хвалится огромными зданіями и мраморами, жемчугами и золотомъ; ибо сей церкви возвѣщается горе и гибель, Апокалипсиса, главы 18-й, въ стихахъ 4, 5, 6 и до 20. Но

здѣсь разумѣется та церковь, которая основана на камени истиннаго исповѣданія Христа, Сына Бога живаго, которой основаніе положилъ верховный Начальникъ съ 12-ю бѣдниками своими въ чужой заемной горницѣ, на горѣ Елеонской и на Голгоѣѣ, и которой члены разсыяны по всему шару земному, и вездѣ въ темницахъ, въ вертепахъ, въ ущелинахъ и подземельяхъ и подъ разными формами и разными языками повлаиваются и служатъ единому Иисусу, любя въ единого Иисуса, крестомъ его хвалятся и признаютъ его Искупителемъ.

Одно внутреннее поклоненіе Богу непремѣнно; а наружность премѣняется, что мы видимъ въ различіи Ветхаго и Новаго завѣтовъ. Одною наружностію хвалящіяся вводятъ въ нее многія злоупотребленія и Самимъ Спасителемъ нашимъ порицаемую торговлю. Въ Исторіи церковной и гражданской Георгія Кедрина, печатанной на российскомъ языкѣ въ синодальной типографіи, описывается нѣкоторая любопытная повѣсть о нѣкоторой церковной наружности. Нѣкто Апокватъ въ Константинополѣ въ послѣднія времена греческихъ царей ¹⁾ захватилъ себѣ въ руки насильственнымъ образомъ, по подобію Годунова или Орепьева, верховную власть въ предосужденіе законныхъ наслѣдниковъ. На сей разъ былъ съ нимъ въ союзѣ греческій патріархъ, который однакожь въ теченіе времени началъ охладѣвать къ нему. Апокватъ, замѣтивъ сіе, всѣхъ родственниковъ его произвелъ въ чины и набогатилъ съ избыткомъ. Для патріарха же установилъ новаго рода отличія, состоящія въ наружныхъ украшеніяхъ, по примѣру царской одежды, который имѣлъ слабость ихъ принять, общааясь быть вѣчно благодаренъ. Георгія Кедр. часть 3, листъ 91, 92. Не савось-ли это архіерейской? Ибо древніе архіереи имѣли ризы священническія, а отличіемъ ихъ былъ только омофоръ. Это у насъ называется благодѣніемъ cereви! Неужели мы должны имѣть больше уваженія къ сему Апокватовскому подарку, нежели къ Богодухновеннымъ прозведеніямъ Фомы Кемпійскаго, Іоанна Аридта и другихъ подобныхъ имъ свѣтильниковъ архіерейства? ²⁾.

Разсмотримъ еще нѣкоторые соблазны, царствующіе въ нашей наружной cereви и—для примѣра—посмотримъ на наши монастыри! Что такое есть монастырь? Монастыри завелись такимъ образомъ: нѣкоторые избранные мужи, по внутреннему внушенію Духа Божія, всего отрехшись, уходили въ пустыни для внутренней молитвы и богомыслія и умерщвленія плоти своей разными трудами и подвигами. Въ теченіе времени Богу угодно было ихъ прославить и къ нимъ многіе приходили учиться и оставались при нихъ жить, чтобъ слѣдовать ихъ примѣру, и они вмѣстѣ жили своими трудами, не обременя ничѣмъ общества. Изъ Церковной Исторіи мы видимъ, что въ древнія времена, когда придутъ посѣтители въ какой особливо прославленный монастырь: тогда имъ свазываютъ, что у нихъ такой-то затворникъ трудится столько-то лѣтъ; такой-то отецъ изнуряетъ себя постомъ и воздержаніемъ до такого-то степеня; такой-то послушникъ удивляетъ всѣхъ многіе годы молчаніемъ своимъ и другіе другими подвигами. Чтожь дѣлаютъ нынѣ, когда придутъ посѣтители въ монастырь? Имъ показываютъ богатія и огромныя зданія, множество серебра и золота, парчей, жемчуговъ и драгоценныхъ камней! А монахи всѣ выглажены, выражены, съ кудрявыми длинными волосами, съ искусствомъ по плечамъ разположенными, сыты, статны, молодны, однимъ словомъ: прелесть на вкусъ многихъ! Но если надобно смотрѣть золото, серебро и драгоценности: то

¹⁾ Въ рукоп. «цервей».

²⁾ Невзоровъ продолжаетъ говорить подобнымъ образомъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ въ церковныхъ дѣлахъ.

можно для сего итти въ серебряный рядъ, къ богатымъ мастерамъ золотыхъ дѣлъ, купцамъ и ювелирамъ,—и чтобъ видѣть наряженную, выглаженную и расприсыканную человѣческую фигуру: то можно итти на Кузнецкой мостъ въ Москвѣ и тамъ смотрѣть разряженныхъ французскихъ мадамъ и мамзелей, чѣмъ въ какую-нибудь лавру смотрѣть разряженныхъ монаховъ? А что дѣлается въ женскихъ монастыряхъ? Я еще помню, что монахини имѣли скромныя клобуки, подобныя мужескимъ съ крыльями; а нынѣ все сіе забыто, и монахини вмѣсто клобуковъ распускаютъ длинный флеръ до самыхъ пятъ. Многія изъ нихъ шпурются; мантии начали носить съ широкими воротниками и бархатными передниками, чего прежде никогда не бывало. Послушницы же и влирошанки прежде сего ходили въ черныхъ рясахъ съ широкими рукавами и въ черныхъ скромныхъ повязкахъ; а нынѣ онѣ одѣваются въ женскіе черныя капоты съ модными лифами, узкими рукавичками и прелестными на грудяхъ выкройками. И такъ и монастыри щеголяютъ модами! Игуменя лишь только придетъ въ церковь: то все служеніе пройдетъ въ томъ, что всѣ монастырки подходятъ къ ней, пренизко кланяются и цѣлуютъ у нея руку. Неужели это служитъ къ какому назиданію, а не къ гордости относится? Для меня это крайній соблазнъ! Изъ исторіи монастырской видно, что настоятели становились позади всѣхъ на нѣкоторыя возвышенныя мѣста не для того, чтобъ къ нимъ подходили кланяться и руки цѣловать; а для того, чтобъ имъ видны были въ церкви всѣ братія и они смотрѣли за ихъ благочиніемъ; впрочемъ они первые всегда показывали примѣръ кротости и смиренія, а не чванства и отвратительнаго властолюбія.

Высокопресвященнѣйшій Владыко! Кто имѣетъ ревность и силу къ соблюденію чистоты церкви Христовой: то лучше не допускать быть таковымъ злоупотребленіямъ и соблазнамъ и вкравшіяся истреблять, нежели останавливать источникъ воды живыя, льющейся изъ книгъ богодухновенныхъ, каковы суть напримѣръ: Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова; Таинство Креста; Путь ко Христу, и подобныя имъ. Что сказать о вѣншемъ служеніи въ большей части церквей, о чтеніи въ два или три голоса и еще съ пропускомъ многого, о служеніи молебновъ скорѣе, чѣмъ эстафетъ ѣдетъ, и подобныхъ соблазнахъ?

Теперь остается разсмотрѣть, что означенныя книги печатались безъ синодскаго разсмотрѣнія. Извѣстно однако же, что онѣ печатались съ вѣдѣнія и Высочайшей воли Государя Императора, что доказывается пожалованіемъ издателю Сіонскаго Вѣстника ордена второй степени св. равноапостольнаго князя Владиміра, издателю сочиненій г-жи Гонъ на печатаніе 15 тысячъ руб. (А имѣетъ ли право пекущійся о благѣ своихъ подданныхъ Государь Императоръ дозволить сіе и повелѣтъ, зная особливо и видя пользу отъ сихъ книгъ проистекающую; и въ то время, когда обязанные сіе дѣлать не только не дѣлаютъ сего: но еще препятствуютъ и не даютъ выходить въ свѣтъ даже восточнымъ отцамъ, каковъ, напримѣръ, Исаакъ Сиринъ ¹⁾—то пусть благоволятъ рѣшить сіе Ваше Высокопресвященство. А я съ своей стороны осмѣлюсь только Вашему Высокопресвященству донести, что насталъ нынѣ день горящій, яко пещь, описываемый Малахіи пророка въ главѣ 1-й, и что всадникъ на бѣломъ конѣ, описываемый главы 19-й въ стихахъ 11, 12, 13, 14, 15, 16, переть нынѣ точило вина ярости и гнѣва Божія Вседержителя.—Богъ для пророка Іліи съелъ трижды съ небеси огонь и рукою сильною своею праведно погубилъ Вааловыхъ и дубравныхъ жре-

¹⁾ Исаакъ Сиринъ въ нѣкоторыхъ возбуждалъ тогда недовѣріе своимъ мистическимъ характеромъ. Ср. то, что говорится объ этомъ предметѣ въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ», 1817 г., ч. VI, стр. 7—8.

цовъ, какъ пишется въ Книгѣ Царствъ. А я смѣю увѣрить, что Богъ, бывшій во дни Иліи, есть и нынѣ, и есть тотъ же и таковъ же, и Онъ, по пророчеству Штилинга, не попуститъ Антихристу укоренить въ Россіи царство свое. Представляя все сіе въ духѣ вѣры Христовой безпристрастному разсмотрѣнію Вашего Высокопреосвященства, съ должнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Ваше высокопреосвященство!

Милостивый архипастырь!

Вашего высокопреосвященства

Покорѣйшій слуга...

Іюля 23-го дня 1825 года.

Москва.

II.

ПИСЬМО ЕГО ЖЕ КЪ КН. АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ГОЛИЦЫНУ.

Сіятельныйшій Князь!

Милостивый Государь!

Имѣю честь приложить при семъ волю съ посланнаго мною на нынѣшней же почтѣ письма къ преосвященнѣйшему митрополиту Серафиму. Богу угодно было двинуть душею моею, и умомъ и сердцемъ; и я написалъ сіе письмо. Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ! Трудно было вообразить, чтобы въ наши времена случились въ Россіи два такіа противныя Богу дѣйствія. *Первое*, что Дубовицкій и Гаганъ (?) посланы въ монастыри на заточеніе за то токмо, что они, будучи свѣтскіе люди, бесѣдовали съ собратіями своими о Христѣ и христіанствѣ. *Второе*, что начали гнать Христа правительственнымъ образомъ, истребленіемъ книгъ, проповѣдующихъ Евангеліе Его. Но видно сіе Богъ попустилъ для того, чтобы мы, при изліяніи Его гнѣва на насъ, не могли сказать никакого оправданія предъ Нимъ. Покойный преосвященный рязанскій Сергій гораздо лучше рѣшилъ дѣло Дубовицаго и точно такъ, какъ должно христіанскому архипастырю. Когда священникъ Конюшенной волости села Горлово, гдѣ случилось сіе прозшествіе, пріѣхалъ доносить къ нему, что подполковникъ Дубовицкій проѣздомъ чрезъ его приходъ имѣетъ бесѣды съ его прихожанами о вещахъ духовныхъ: то преосвященный спросилъ его: что же, не дѣлаются ли хуже отъ того твои прихожане? Нѣтъ! отвѣчалъ священникъ. Не перестали-ль они ходить въ церковь? спросилъ пастырь. Напротивъ того, отвѣчалъ священникъ, они прежде рѣдко ходили, а теперь гораздо чаще. Не перестали-ли приобщаться, спросилъ опять преосвященный. Нѣтъ! говорилъ священникъ, прежде они мало приобщались, а теперь по нѣскольку разъ въ годъ. Такъ стало быть, сказалъ пастырь, и доносить не о чемъ, тутъ нѣтъ ничего худаго; и такимъ образомъ окончилъ сіе дѣло. Но Богъ свидѣтелей истинны повергаетъ въ горнило искушенія, чтобы послѣ удостоить ихъ своихъ радостей! Не будемъ гасить свѣтильниковъ своихъ, чтобы изыти въ срѣтеніе Ей, грядущему нынѣ, если уже не приедшему именно къ намъ жениху.

Желаю Вашему Сіятельству всякой милости Божіей и помощи, съ должнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть,—и проч.

ПОКИНУТЫЙ ДОМЪ.

Домъ стоитъ близъ Мойки, — вензеля въ коронкахъ
Скрасили балконъ.
Въ домѣ роскошь — мраморъ, — хоры на колонкахъ —
Расписной плафонъ.

Шумно было въ домѣ: гости прѣзжали —
Вечера, — балы, —
Вдругъ все стало тихо — даже перестали
Натирать полы.

Няня въ кухнѣ плачетъ, поваръ снялъ передникъ,
Перевязъ — швейцаръ:
Заболѣлъ внезапно маленький наслѣдникъ —
Судороги, жаръ...

Вотъ, передъ кіотой огонекъ лампы...
И хозяйка-мать
Приложила ухо къ пологу кровати —
Стонъ не слышать.

— «Боже мой! ужели?!.. Кажется, что дышетъ...»
Но, на этотъ разъ,
Мнимое дыханье только сердце слышитъ —
Сынъ ея погасъ.

— «Боже милосердый! Я ли не молилась
 «За родную кровь!
 «Я ли не любила! Чѣмъ же отплатилась
 «Мнѣ моя любовь!

«Боже! страшный Боже! Гдѣ-жь твои щедроты?
 «Коли отнял ты
 «У отца — надежду, у моей заботы
 «Лучшія мечты!»

И отъ взрыва горя въ ней изсякли слезы, —
 Жалобы напѣвъ
 Перешелъ въ упреки, въ дикія угрозы,
 Въ богохульный гнѣвъ.

Вдругъ остановилась, дрогнула отъ страха,
 Крестится, глядитъ:
 Видитъ — промелькнула бѣлая рубаха,
 Чтó-то шелеститъ.

И мужикъ косматый, точно изъ берлоги
 Вылѣзъ на просторъ,
 Съѣлъ на табуретѣ и босыя ноги
 Свѣсилъ на коверъ.

И вздохнулъ, и молвилъ: «Ты ужъ за ребенка
 «Лучше помолись;
 «Это я, голубка, глупый мужиченко —
 «На меня гнѣвись...»

Въ ужасѣ хозяйка—жмурится, читаетъ:
 «Да воскреснетъ Богъ!»
 «Няня, няня! Люди! — Кто ты? вопрошаетъ:
 «Какъ войти ты могъ?»

— «А сѣвозъ щель, голубка! вѣдь твое жилище
 «На моихъ костяхъ,
 «Новый домъ твой давитъ старое кладбище —
 «Нашъ отпѣтый прахъ.

«Помнишь — это было при Петрѣ Великомъ —
 «Къ намъ пришелъ указъ:
 «Взвыли наши бабы и ребята крикомъ
 «Проводили насъ —

«И, крестясь, мы вышли. Съ родиной проститься
 «Жалко было тожь —
 «Подрастали дѣтки, да и колоситься
 «Начинала рожь...

«За спиной-то пилы, топоры несли мы:
 «Шель не я одинъ —
 «Къ Петрову, голубка, подъ Москву пришли мы,
 «А сюда въ Ильинъ.

«Истопталъ я лапти, началась работа,
 «Пѣчали спѣшить:
 «Лѣсъ валить дремучій, засыпать болота,
 «Сваи колотить —

«Годикъ былъ тяжелый. За Невою, въ лѣто,
 «Выросъ городоць!
 «Прихватила осень, — я шубенку гдѣ-то
 «Заложилъ въ шинокъ.

«Къ зимѣ-то пригнали новыхъ на подмогу;
 «А я слегъ въ шалашъ;
 «Къ утру, подъ рогожей, отморозилъ ногу,
 «Умеръ и — шабашъ!

«Вотъ, на этомъ самомъ мѣстѣ и зарыли, —
 «Барыня, повѣрь,
 «Въ тѣ поры тутъ ночью только волеи были —
 То ли, что теперь!

«Поглазѣть на Питерь долго на свободу
 «Выйди я не могъ:
 «Изъ подвальной ямы выкачали воду —
 «И — прошелъ мой вздохъ.

«Ты меня не бойся — что я? мужичёню!
«Грязень, бѣдень, сгниль,
«Только вздохъ мой тяжкій твоего ребенка
Словно придушилъ...»

Онъ исчезъ — хозяйку около кровати
На полу нашли;
Появленье духа въ нервной лихорадкѣ,
Къ бреду отнесли.

Но съ тѣхъ поръ хозяйка въ сѣверной столицѣ
Что-то не живётъ;
Вѣчно то въ деревнѣ, то на югѣ, въ Ниццѣ....
Домъ свой продаётъ —

И пустой стоитъ онъ, — только дождь стучится
Въ запертой подъѣздъ.
Да въ окошкахъ темныхъ по ночамъ слезится
Отраженье звѣздъ.

Я. П. Полонскій.

ТУРЕЦКІЯ РЕФОРМЫ

И

БЮРОКРАТІЯ.

I.

La Turquie sous le règne d'Abdul-Aziz (1862—1867), par *Frederick Millingen* (Osman-Seify-Bey). Paris, 1868.

Военно-Статистическій Сборникъ на 1868 годъ. Выпускъ II. Составленъ подъ редакціею Гл. Шт. ген.-маіора *Н. Н. Обручева*. Спб. 1868.

Въ 1861 году, странныя извѣстія изъ Константинополя распространились въ Европѣ. Прошелъ слухъ, что новый султанъ, Абд-уль-Азизъ, младшій сынъ Махмуда, затѣваетъ нѣчто въ родѣ полного преобразованія Оттоманской имперіи. Султанъ Абд-уль-Азизъ — говорили — не похожъ на своего предшественника, изнѣженнаго, ничтожнаго Меджида. Абд-уль-Азизъ, при жизни брата, по обычаю азіатскихъ правительствъ, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ не открытая борьба мнѣній, а личныя интриги, борьба между личными интересами придворныхъ, жилъ въ уединеніи, почти въ изгнаніи, и умъ его озлобленъ противъ всѣхъ стоящихъ на высшихъ степеняхъ управленія въ Турціи и противъ всего порядка этого управленія; онъ не похожъ на брата: дѣятеленъ, правителенъ, и рѣшителенъ. Онъ изъявилъ твердую рѣшимость править страной самъ, произвести большія сбереженія, и уже началъ съ того, что распустилъ свой гаремъ.

По всѣмъ подобнымъ слухамъ, европейская публика стала ожидать, что въ Турціи произойдетъ вскорѣ въ своемъ родѣ

петровская реформа. Австрійскіе, французскіе и, въ особенности, англійскіе журналы, въ силу того страннаго логическаго приѣма, который состоитъ въ прославленіи возрожденія Турціи для того именно, чтобъ поддержать въ ней *statu quo*, — провозгласили, на этотъ разъ съ особенною увѣренностью и торжественностью, что новая эра для Оттоманской имперіи положительно наступила.

Но недолго продержались эти ожиданія, не оправдалась увѣренность оптимистовъ. Мало-по-малу, энергія Абд-уль-Азиза ослабла, сокращенія въ бюджетѣ уступили мѣсто иностраннымъ займамъ; вновь возникъ гаремъ, начались и перестройки дворцовъ, и недоплата войску жалованья.

Какимъ образомъ произошла такая перемѣна? Сколько есть правды въ турецкихъ реформахъ, и каковою, за ними, является въ дѣйствительности нынѣшняя организація Оттоманской имперіи? Неуспѣхъ Абд-уль-Азиза въ его реформистскихъ планахъ на широкую ногу было ли это явленіе только случайное, зависѣвшее отъ причинъ личныхъ и временныхъ, такъ что обновленіе Турціи все еще можно считать не безусловно невозможнымъ въ будущемъ, или же въ этомъ неуспѣхѣ отразились коренныя, неустранимыя причины, и неуспѣхъ этотъ слѣдуетъ понимать какъ свидѣтельство въ «неизлечимости больного»?

Вопросы эти интересны и для историка-физиолога государственныхъ организмовъ, и для политика, ищущаго вѣрныхъ данныхъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ на юго-востокѣ. По этимъ вопросамъ было немало писано и пишется ежедневно въ противоположныхъ смыслахъ, оптимистскомъ и пессимистскомъ, и нельзя не признать, что факты, слѣдующіе одинъ за другимъ, склоняются болѣе на сторону пессимистовъ.

Особенную цѣну для рѣшенія этого вопроса можетъ имѣть свидѣтельство такого человѣка, который самъ началъ съ убѣжденія въ возможности и даже несомнѣнности возрожденія Турціи при нынѣшнемъ султанѣ, явился самъ, хотя и скромнымъ, работникомъ этого возрожденія, — и, наконецъ, неотразимымъ краснорѣчіемъ фактовъ былъ доведенъ до полнаго разочарованія. Такой человѣкъ, на самомъ себѣ испытавшій характеръ новой турецкой эры и нынѣшнія условія внутренней жизни этой имперіи, во всякомъ случаѣ — компетентный свидѣтель. Хотя показанія его, именно, по личнымъ его отношеніямъ къ предмету, могутъ быть не вполне безпристрастны, но они имѣютъ большое значеніе.

Въ такихъ условіяхъ является авторъ книги, на которой мы хотимъ остановить вниманіе читателя въ настоящей статьѣ.

Авторъ этой книги г. Миллингенъ (Османъ-Сейфи-бей) ан-

гличанинъ по происхожденію, но родившійся въ Константинополь и связанный родствомъ съ одною знатною турецкою фамиліей, служилъ въ турецкомъ войскѣ, въ крымскую кампанію въ Малой Азіи, и въ нѣсколькихъ походахъ противъ черногорцевъ. Въ турецкую службу онъ вступилъ именно съ полнымъ убѣжденіемъ, что Турція, наконецъ, обновляется, что ей нужны дѣятели молодые и образованные для содѣйствія этому обновленію, на всѣхъ степеняхъ администраціи, и что она сумѣетъ оцѣнить ихъ. Невозможность реформы прежде всего въ самыхъ нравахъ турецкой администраціи сказалась на самомъ авторѣ. Преслѣдованія взяточниковъ, направленные противъ него, заставили его искать защиты у высшаго правительства, но и тамъ онъ не нашелъ ее и потому оставилъ турецкую службу. Такъ какъ администрація, вообще, имѣетъ обыкновеніе возражать на взводимыя на нее обвиненія выставляя въ черномъ видѣ личность обвинителя, то Миллингенъ, съ чисто-англійскою практичностью, приложилъ къ своему сочиненію рекомендаціи, данныя ему отъ начальника французской военной миссіи и отъ повѣреннаго въ дѣлахъ Соединенныхъ-Штатовъ въ Константинополь. Миллингенъ намѣревался поступить въ американскую армію; успѣлъ-ли онъ въ томъ — изъ книги не видно.

Абд-уль-Азизу было всего десять лѣтъ, когда старшій братъ его, Абд-уль-Меджидъ вступилъ на престолъ, по смерти отца ихъ, султана Махмуда, въ 1839 году. Онъ выросъ въ уединеніи и вдали отъ той разслабляющей атмосферы, которую высокіе сановники Порты умышленно поддерживаютъ въ Стамбулѣ, вокругъ султана. Уединеніемъ этимъ Абд-уль-Азизъ воспользовался если не для образованія ума, то для укрѣпленія тѣла. Умственное образованіе его не пошло дальше изученія арабской грамматики. Но онъ сдѣлался отличнымъ всадникомъ и стрѣлкомъ, неутомимымъ охотникомъ. Когда онъ не былъ въ полѣ, то находился на фермѣ въ Курбали-дере, на которой онъ разводилъ овецъ.

То, что доходило до него изъ фактовъ стамбульской придворной жизни, вызвало въ немъ ненависть и презрѣніе къ ея участникамъ. Въ Абд-уль-Азизѣ готовился наслѣдникъ престола дѣятельный, смѣлый и энергическій, а вмѣстѣ съ тѣмъ крайне-недовѣрчивый, ревнивый къ независимости своей власти, упрямый и довольно ограниченный. Когда онъ наслѣдовалъ брату, ему было 32 года.

Судьба брата его была незавидная, способная внушить на-

слѣднѣму престола самую твердую рѣшимость — во что бы то ни стало не подчиняться никому.

Власть султана, обыкновенно, представляютъ себѣ всеильною. Но власть, которая совершенно отчуждена отъ народа, совершенно разобщена съ нимъ, не можетъ все-таки быть безусловною. Ее стѣсняють также, только не народныя потребности и стремленія, а тѣ непроницаемыя паутины, которыя успѣваетъ развѣсить между народомъ и верховной властью въ дѣйствительности — всеильная бюрократія. Султанъ, конечно, можетъ, по временамъ, взмахомъ своей сабли разрубить существующую въ данный моментъ ткань этой паутины; но онъ не можетъ предупредить, чтобы она не образовалась вновь. Въ личныхъ попыткахъ султановъ разорвать эту цѣпь, надо видѣть борьбу, которой общій исходъ непременно въ рукахъ бюрократіи, а не султановъ; попытки султановъ не что иное, какъ усилія отдѣльныхъ людей, вспышки личной страсти; между тѣмъ, какъ дѣло бюрократіи есть неизбѣжный результатъ разобщенности власти, и какъ неизбѣжный результатъ появится вновь, сколько бы разъ его ни уничтожали. Сабля, наконецъ, заржавѣетъ, рука, державшая ее, устанетъ; а паутина возобновится и протянется прежнимъ непроницаемымъ слоемъ, даже безъ всякихъ особенныхъ усилій со стороны пауковъ, просто силою вещей.

Въ прежнее время, въ Турціи вліяніе бюрократіи не такъ было сильно, какъ вліяніе улемы и янычаръ. Но, со времени истребленія орды янычаръ, и по мѣрѣ усложненія всей внутренней организаціи, все усиливалось и усиливалось вліяніе такъ называемой «Порты».

Высокая Порта — выраженіе, которымъ обозначаютъ обыкновенно турецкое правительство, а иногда и Турцію, какъ державу. Но выраженіе это имѣетъ еще иной смыслъ, и означаетъ именно всю совокупность министерствъ, все сосредоточенное въ Константинополѣ высшее управление, со всѣми присутственными мѣстами, его составляющими, и со всѣми «*киатибами*» (слово *киатибъ* значитъ собственно писарь, но примѣняется вообще къ чиновникамъ, въ нихъ засѣдающимъ). Улема — духовное сословіе, сильное нѣкогда и своимъ вліяніемъ на народъ, и обладаніемъ судебной властью, — и та должна была подчиниться въ послѣднія два царствованія *киатибамъ*. Эта бюрократія приставляетъ своихъ членовъ и къ войсковымъ штабамъ и къ судебнымъ мѣстамъ. *Киагибы*, впродолженіи двухъ послѣднихъ царствованій, рѣшительно поворили себѣ Турцію.

Мы настаиваемъ на этой части свидѣтельствъ Миллингена, потому что у него доселѣ существуетъ убѣжденіе, что господ-

ствующая сила въ Турціи — сословіе улемовъ, и что тамъ невозможно искреннее исполненіе обѣщаній, даваемыхъ христіанамъ потому именно, что это противно корану, а коранъ, въ лицѣ своихъ представителей—членовъ улемы, управляетъ государствомъ. Такая мысль проводится даже въ новѣйшемъ сочиненіи о Турціи, явившемся въ нашей литературѣ, именно въ статьѣ, помѣщенной въ Военно-статистическомъ сборникѣ (вып. II). Мы возвратимся еще къ этому вопросу, а теперь констатируемъ только, что свидѣтельство Миллингена согласно съ самою природою вещей.

По мѣрѣ того, какъ управленіе усложнялось возрастающимъ вмѣшательствомъ европейскихъ державъ въ дѣла Турціи, разными хартіями, которыя были результатомъ этого вліянія и самостоятельностью нѣкоторыхъ христіанскихъ областей имперіи, и сверхъ того разными экономическими потребностями, какъ-то: заключеніемъ займовъ, постройкою желѣзныхъ дорогъ, наконецъ, реформами всего управленія въ смыслѣ однообразія (преобразование арміи, организація виллетовъ), — власть законниковъ, писцовъ, агентовъ администраціи, разумѣется должна была усилиться, и улема съ ея кораномъ скорѣе стала въ положеніе оппозиціонное, чѣмъ сохранила положеніе господствующей въ государствѣ силы. Вотъ почему и самое неисполненіе обѣщаній, данныхъ христіанамъ, слѣдуетъ приписывать вовсе не несомвѣстности ихъ гражданской равноправности съ противорѣчивыми текстами корана, а именно причинамъ политическимъ. Турецкое государство въ Европѣ основано на эксплуатаціи большинства меньшинствомъ. Дѣйствительное осуществленіе равноправности христіанъ противорѣчитъ не корану, а основному политическому принципу государства.

Султана Абд-уль-Меджида Порты, т. е. бюрократія совершенно подчинила себѣ; ему очень скоро самому надоѣли собственные реформы, тѣмъ болѣе, что окружающая бюрократія не упускала случая чернить ихъ. Высшіе кіатибы, главы Порты употребили для подчиненія себѣ султана два могущественныя оружія: развратъ придворной обстановки и вліяніе иностранныхъ державъ. Султанъ могъ льстить себя надеждою одержать верхъ надъ своею бюрократіею, но никакъ не могъ надѣяться на освобожденіе изъ - подъ вліянія иностранныхъ посольствъ, особенно англійскаго. На каждомъ шагу, онъ долженъ былъ встрѣчаться съ этою силой и не могъ не подчиниться наконецъ разочарованію; здѣсь-то его и ожидало другое оружіе Порты — развратъ. Такъ, Абд-уль-Меджидъ и зачахъ, въ совершенномъ безсиліи, въ полномъ ничтожествѣ.

Преемникъ его, какъ мы сказали, былъ человѣкъ энергическій и заранѣе предупрежденный противъ вліянія Порты. Одолѣть его было, поэтому, труднѣе чѣмъ одолѣть его брата. Почувствительна исторія этой борьбы, какъ ее излагаетъ Миллингенъ.

Съ самаго своего вступленія на престолъ, Абд-уль-Азисъ заявилъ безусловность своей власти именно тѣми перемѣнами, которыя въ Европѣ были привѣтствованы, какъ наступленіе для Турціи новой эры. Первые два великіе визиря, бывшіе при новомъ султанѣ, именно: Кибрисли - Мегемедъ-паша и Али-паша положительно не смогли прибрать его къ рукамъ. Первый изъ нихъ былъ неспособенъ, второй былъ робокъ. Вышіе кіатибы видѣли, что власть въ самомъ дѣлѣ ускользаетъ изъ рукъ Порты, а между тѣмъ, они уже такъ привыкли къ ея всемогуществу, что отмысли такого порядка представлялась имъ какою-то анархіею, чѣмъ-то чудовищнымъ.

Люди, стоящіе вокругъ власти и привыкшіе пользоваться ею для себя, признаютъ ея священное значеніе только до тѣхъ поръ, пока она не нарушаетъ ихъ интересовъ. Какъ только власть становится въ разрѣзъ съ ихъ выгодами, они первые «кощунствуютъ». Константинопольскіе кіатибы открыто чернили характеръ новаго султана и выражали даже сомнѣнія въ его здравомысліи. «Неужели никто не сдумаетъ возвратитъ его величество къ благоразумію?» говорили они.

Кіатибы, наконецъ, нашли такого человѣка, который былъ способенъ возвратитъ султана «къ благоразумію». Для исполненія этой задачи, нуженъ былъ человѣкъ прежде всего тонкій, который шолъ бы не на проломъ, а окольными, но вѣрными путями. Такой человѣкъ былъ на лицо; это былъ — Фуадъ-паша, нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ. Среди Порты составилъ заговоръ съ цѣлью всячески превозносить способности и успѣхи Фуада, чтобы навязать его султану путемъ «общественнаго мнѣнія». Въ то время, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ сирійскій; вопросъ объ устройствѣ участи маронитовъ и о выведеніи французскаго войска. Малѣйшіе успѣхи Фуада по этому дѣлу были выставляемы въ Стамбулѣ обширнымъ заговоромъ, какъ дѣянія истинно-геніальныя. Заговоръ употребилъ въ дѣло и печать. Это было счастливое примѣненіе къ политикѣ системы театральныхъ хлопальщиковъ, клакъровъ. Непосредственной цѣлью, какою при этомъ имѣлась въ виду, было назначеніе Фуада-паши великимъ визиремъ (великому визирю подчинено все управленіе, онъ носитъ титулъ высочества и получаетъ жалованье 100 т. піастровъ въ мѣсяцъ).

Но султанъ инстинктивно предугадывалъ опасность и рѣши-

тельно упорствовалъ. Тогда фуадисты вступили въ соглашеніе съ англійскимъ правительствомъ, общая, взаимнѣ назначенія Фуада великимъ визиремъ, полную покорность Порты исключительно британской политикѣ. Англійское правительство пошло на эту сдѣлку тѣмъ охотнѣе, что удаленіе французовъ изъ Сиріи соответствовало его видамъ, и султанъ, увидѣвъ въ назначеніи Фуада великимъ визиремъ самое вѣрное средство достигнуть этого результата, подписалъ назначеніе.

Но Фуадъ въ первый разъ недолго продержался на мѣстѣ, потому именно, что ошибся въ оцѣнкѣ факта своего назначенія: онъ счелъ его за окончательную побѣду Порты надъ султаномъ и сталъ, не очень церемонно, предписывать побѣжденному свои законы. А когда онъ встрѣтилъ со стороны Абд-уль-Азиза отпоръ, то прибѣгнувъ къ очень употребительному въ такихъ случаяхъ приему, именно подаль, со всѣми министрами, въ отставку, полагая испугать султана. Но Абд-уль-Азизъ принялъ прошеніе визиря и его товарищей и попробовалъ образовать кабинетъ изъ преданныхъ себѣ придворныхъ, подъ предводительствомъ Невреза-паши.

Партія бюрократіи успѣла поселить раздоры между кандидатами въ министры, склонила нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону, и кабинетъ Невреза-паши состояться не могъ, а между тѣмъ, нашелся подставной человекъ, въ лицѣ Кіамяля-паши, который, разыгрывая роль сторонника двора, былъ въ дѣйствительности приверженцемъ Порты. Султанъ, одержавъ, повидимому, верхъ въ главномъ пунктѣ, согласился на вступленіе въ новый кабинетъ Фуада-паши, въ качествѣ военнаго министра. Фуадъ вовсе не военный, но Porta имѣла свои цѣли при доставленіи ему этого мѣста: если Фуадъ не могъ быть главою кабинета, то пусть же онъ подчинитъ вліянію Порты армію и вмѣстѣ съ тѣмъ остается вблизи верховной власти, такъ, чтобы при первомъ случаѣ, схватить ее. Кіамиль-паша, человекъ богатый и лѣнливый, видѣлъ въ должности визиря не власть, а почетное мѣсто, которое ему желательно было занимать хоть разъ въ жизни. Достигнувъ своей цѣли, онъ, разумѣется, не особенно крѣпко держался за это мѣсто, а между тѣмъ партія бюрократовъ придумывала вѣрный способъ къ достиженію своей собственной цѣли.

Султану подали мысль посѣтить Египетъ. Ему объяснили, что населеніе Египта, не видя своего верховнаго владыки, утратило надлежащее сознаніе его надъ собою господства и видитъ въ вице-королѣ полновластнаго своего повелителя; что, поэтому, появленіе въ Египтѣ самого главы правовѣрныхъ принесетъ существенную пользу въ смыслѣ укрѣпленія связи Египта съ импе-

ріею. Между тѣмъ, истинная цѣль, какая тутъ имѣлась въ виду, состояла въ томъ, чтобы отдалить султана на время отъ его фаворитовъ, отъ близкихъ къ нему людей, отъ придворной партіи и воспользоваться этимъ, смотря по обстоятельствамъ.

Извѣстно, что Абд-уль-Азизъ охотникъ до путешествій; онъ съ восторгомъ усвоилъ себѣ внушенную ему мысль, отправился въ Египетъ, въ сопровожденіи Фуада, какъ военнаго министра, присутствіе котораго было необходимо при осмотрѣ войскъ, и такимъ образомъ Фуаду представился широкій просторъ, чтобы гибостью своею разубѣдить султана на счетъ его подозрѣній, а личными услугами втереться въ его милость.

Маневръ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: по возвращеніи изъ поѣздки, султанъ, плѣненный Фуадомъ, уволилъ Кіамія-пашу и назначилъ на его мѣсто великимъ визиремъ Фуада, который, съ того времени, а именно съ 10 мая 1862 года, цѣлые четыре года властвовалъ въ Турціи почти неограниченно, будучи вмѣстѣ и великимъ визиремъ, и военнымъ министромъ.

Турція, въ извѣстномъ смыслѣ, — демократическая страна. Дѣло въ томъ, что даже высія достоинства имперіи тамъ не составляютъ достоянія привилегированной наслѣдственной касты. Что демократизмъ такого рода не имѣетъ ничего общаго съ истинною демократіею, которая немислима безъ свободы—едва ли стоитъ доказывать. Вѣдь и папы бывали пастухи, но изъ этого едва ли слѣдуетъ, что папство — демократическое учрежденіе.

Въ Турціи, во всѣ періоды, было не малое число государственныхъ людей, вышедшихъ изъ ничтожества. О Фуадѣ нельзя сказать этого. Правда, онъ не изъ знатнаго рода, но отецъ его, Иззетъ-Молла, пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ при Махмудѣ и, какъ духовное лицо, былъ участникомъ клерикальной оппозиціи противъ реформъ этого султана. Онъ умеръ въ изгнаніи, почти въ бѣдности, прославившись какъ поэтъ. Фуадъ, единственный сынъ его (фамилія его, по отцу: Кіечеджи-Задэ), родился въ 1808 году и воспитывался въ медицинскомъ училищѣ. Онъ вышелъ оттуда только фельдшеромъ, но для дальнѣйшей карьеры его было важно то, что онъ изучилъ турецкую литературу и приобрѣлъ знакомство съ англійскимъ и французскимъ языками.

На службу онъ поступилъ сперва въ качествѣ фельдшера, но впослѣдствіи ему удалось, какъ знающему языки, попасть въ отдѣленіе переводчиковъ, существующее при высокой Портѣ. Онъ счумѣлъ понравиться могущественному Решиду-пашѣ, министру иностранныхъ дѣлъ при Махмудѣ. Решидъ сдѣлалъ его своимъ секретаремъ, и въ концѣ тридцатыхъ годовъ бралъ его два раза

за-границу, когда отправлялся, какъ посоль, въ Парижъ и въ Лондонъ.

Гибкость характера Фуада понравилась Решиду и была причиною возвышенія молодого переводчика. Но она же вскорѣ повредила ему: приблизивъ его къ себѣ, Решидъ-паша открылъ, что въ гибкости Фуада заключалась и неблагонадежность. Онъ было совсѣмъ устранилъ Фуада, но вслѣдствіе всякихъ завѣреній Фуада въ преданности и, благодаря какой-то протекціи, оставилъ Фуада на прежнемъ мѣстѣ. Но Фуадъ никогда не забылъ этой минуты униженія, и впослѣдствіи, ставъ самъ могущественнымъ, постоянно преслѣдовалъ своего благодѣтеля ¹⁾.

Дебютомъ Фуада на дипломатическомъ поприщѣ было посольство его въ Испанію, для принесенія поздравленій бывшей королевѣ Изабеллѣ, по случаю восшествія ея на престолъ. Фуаду-эффенди было поручено произвести раздѣлъ между сыновьями египетскаго вице-короля, Ибрагима-паши. Здѣсь искусный дипломатъ примѣнилъ во всей полнотѣ политическое правило Порты: поселить раздоръ между вассалами и въ собственномъ ихъ семействѣ. Трое сыновей Ибрагима: Ахмедъ, Измаиль (нынѣ царствующій) и Мустафа, перессорились между собою на-смерть при этомъ случаѣ. Впослѣдствіи, Ахмедъ былъ утопленъ въ Нилѣ, а Мустафа поднималъ бунтъ противъ Измаила. Фуадъ-паша и лично остался не въ проигрышѣ отъ такого соперничества братьевъ, такъ какъ каждый изъ нихъ, само собою разумѣется, старался перетянуть его на свою сторону.

Въ 1848 году, когда на Дунаѣ произошла революція, Фуадъ былъ посланъ въ княжества, какъ комиссаръ Порты, чтобы условиться съ представителемъ покровительствующей державы, Россіи, барономъ Будбергомъ, насчетъ возникшихъ вопросовъ. Само собою разумѣется, что усилія Россіи клонились къ дарованію княжествамъ большей степени самостоятельности, а усилія Порты были направлены къ цѣли противоположной. Здѣсь Фуадъ-эффенди, если вѣрить Миллингену, «сыгралъ штуку» нашему дипломату: выказалъ ему готовность уступить, *подъ извѣстными условіями*, а когда условія эти, по отношенію къ нему, были исполнены, то онъ вдругъ сбросилъ маску и положительно отрезалъ отъ бывшаго соглашенія ²⁾.

¹⁾ Миллингенъ говоритъ, что смерть Решиды сопровождалась таинственными обстоятельствами: онъ умеръ внезапно, врачъ, пользовавшій его, черезъ три мѣсяца умеръ самъ, отъ колотья, а около того же времени могущественнѣйшій изъ сыновей Решиды, зять султана «утопулъ» въ Босфорѣ. Впрочемъ, намекъ Миллингена не слѣдуетъ принимать на вѣру, по личнымъ отношеніямъ его къ Фуаду-пашѣ.

²⁾ Миллингенъ говоритъ, что въ это время Фуадъ купилъ свое имѣніе Конладжу.

Дѣло это оставалось тайною до событій, предшествовавшихъ восточной войнѣ. Тогда оно открылось такимъ образомъ: князь Меншиковъ, приѣхавъ въ Константинополь, отправился къ Портѣ и пожелалъ видѣть прямо великаго визиря, между тѣмъ, какъ этикетъ требуетъ, чтобы иностранные послы обращались сперва къ министру иностранныхъ дѣлъ, который вводитъ ихъ въ визирю. Когда же чиновники Порты думали остановить князя, на его пути къ визирю, вѣжливымъ напоминаніемъ этикета, и совѣтовали ему обратиться къ Фуаду, министру иностранныхъ дѣлъ, то, по словамъ Миллингена, князь отвѣчалъ: «Вы, къ сожалѣнію, заставляете меня сказать, что ни достоинство моего государя, ни личное мое достоинство, не дозволяютъ мнѣ имѣть дѣло съ министромъ-обманщикомъ» (*un ministre fallacieux*). Это заявленіе русскаго посла имѣло два послѣдствія: во-первыхъ, Фуадъ былъ смѣщенъ, и портфель иностранныхъ дѣлъ порученъ Рифаату-пашѣ, который и началъ переговоры съ кн. Меншиковымъ; во-вторыхъ, въ константинопольскомъ свѣтѣ сдѣлалась извѣстною продѣлка Фуада, во время переговоровъ съ бар. Будбергомъ. Порта дала Фуаду, въ вознагражденіе за эту смѣну, порученіе усмирить возстаніе въ Фессаліи, и такъ какъ приливъ греческихъ волонтеровъ въ Фессалію былъ остановленъ занятіемъ греческаго королевства союзными войсками, Фуаду легко было исполнить данное ему порученіе. Такъ рассказываетъ Миллингенъ.

Фуадъ-паша, какъ извѣстно, участвовалъ въ парижскомъ конгрессѣ 1856 года. Въ 1860 году, онъ же былъ посланъ, въ качествѣ чрезвычайнаго комиссара, на Ливанъ и принялъ тамъ мѣры очень энергическія. Вотъ во что, по словамъ Миллингена, обошлось Турціи ливанское дѣло: казнено 166 мусульманъ, въ томъ числѣ полный генералъ, Ахмедъ-паша, который былъ разстрѣлянъ; издержано на вознагражденіе пострадавшихъ до 200 милліоновъ піастровъ (около 40 милл. рублей), сумма, которая была отдана въ безконтрольное распоряженіе Фуада.

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній о томъ человѣкѣ, посредствомъ котораго Порта побѣдила султана-реформатора, расскажемъ, по Миллингену, какимъ образомъ осуществилась самая эта побѣда; читатели будутъ имѣть, такимъ образомъ, очеркъ царствованія Абд-уль-Азиза.

Первое правило политики Порты состоитъ въ томъ, чтобы принцевъ царствующаго дома держать въ полномъ незнаніи

Миллингенъ, повторяетъ, озлобленъ противъ Фуада, и показаніе его надо принимать съ осторожностью; но отвергать безусловно подобныя показанія человѣка, жившаго въ турецкомъ «большомъ свѣтѣ», оставлять ихъ безъ вниманія—нельзя.

всего, что происходит въ государствѣ. Это состояніе невольной праздности и уединенія, на которое обречены принцы, имѣетъ даже особое названіе на турецкомъ языкѣ; оно называется «кафессъ» (буквально — клѣтка). Принцы «Шахзадегьянъ-джеахн-бахты» (т. е. «князья—блаженство вселенной») сидятъ въ клѣткѣ. Въ послѣднее время, Порта, внявъ представленію западныхъ державъ, согласилась давать этимъ принцамъ нѣкоторое образованіе. Но это дѣлается только для виду, и главное руководство воспитаніемъ принцевъ поручено нарочно Сулейману-бею, бывшему рабу, а нынѣ полковнику генеральнаго штаба, человѣку, который самъ не имѣетъ никакого образованія. По той же причинѣ, Порта очень неблагоклонно смотритъ на всякія попытки къ отлученію принцевъ и самого султана изъ Константинополя, развѣ когда имѣетъ притомъ какую-нибудь особенную цѣль. Такъ и путешествіе Абд-уль-Азиза въ Парижъ и Лондонъ встрѣтило сильное сопротивленіе и осуществилось только подъ сильнымъ давленіемъ императора Наполеона и, сверхъ того, финансовыхъ затрудненій.

Абд-уль-Азизъ воспитывался такъ, какъ воспитываются всѣ принцы Османова рода, то-есть въ полномъ отчужденіи отъ свѣта и его дѣлъ. Въ силу своего личнаго характера, султанъ могъ желать реформъ и сдѣлать даже нѣкоторыя попытки въ этомъ смыслѣ, но незнакомый съ положеніемъ имперіи, не зная, какъ эти реформы могутъ осуществиться, онъ не могъ долго настаивать на пути реформатора. Фуадъ скоро убѣдилъ его, что уже все сдѣлано, что положеніе Турціи вовсе не такъ дурно, какъ утверждаютъ ея недоброжелатели, и что, во всякомъ случаѣ, у нея есть такая опора, которая не допуститъ ее до упадка ни въ какомъ отношеніи, именно — западныя державы, которыя уже принесли столько жертвъ въ ея пользу, и которыхъ интересъ заставитъ вѣчно продолжать свою помощь ей во всѣхъ отношеніяхъ.

Но главное было, конечно, войти въ милость у султана, отстранить его предубѣжденія противъ навязаннаго ему министра. Какъ скоро Фуаду удалось это, остальное сдѣлать было не трудно. Не трудно было убѣдить человѣка, совершенно-разобщеннаго съ дѣйствительностью, что предпринятая имъ реформы уже осчастливили государство, что за Абд-уль-Азизомъ останется слава величайшаго реформатора Турціи, что послѣ великихъ дѣлъ, совершенныхъ имъ, онъ имѣетъ право и отдохнуть, и что, вводя улучшенія на манеръ европейскій — улучшенія, которыхъ Фуадъ, разумѣется, прикинулъ жаркимъ сторонникомъ — султанъ не долженъ забывать и особенностей своего положенія,

преданій калифовъ и султановъ, которые величіе своей власти поддерживали въ глазахъ народа необходимымъ блескомъ.

Все это не трудно было сдѣлать Фуаду послѣ того, какъ ему удалось войти въ милость. Прикидываясь сторонникомъ преобразованій, онъ старался направить реформистскія стремленія султана преимущественно на армію; здѣсь онѣ не могли такъ существенно касаться всего зданія Порты, какъ на полѣ гражданскомъ. Фуадъ льстилъ военнымъ вкусамъ султана, самъ надѣлъ подъ старость сапоги со шпорами, исходатайствовалъ себѣ званіе адъютанта и сталъ придумывать вмѣстѣ съ султаномъ по возможности красивые и даже театральные мундиры для его гвардіи. На этомъ пунктѣ и сосредоточилась реформаторская дѣятельность Абд-уль-Азиза.

Для «необходимаго реформатору» отдыха, мало-по-малу возстановилась прежняя роскошь. Миллингенъ знакомитъ насъ съ интересными подробностями султанскаго хозяйства.

При началѣ своего царствованія, Абд-уль-Азизъ заявилъ намѣреніе имѣть только одну жену и обойтись безъ гарема. Но послѣ совершенія своихъ великихъ дѣлъ, онъ взялъ еще двухъ женъ ¹⁾ и завелъ себѣ гаремъ изъ 900 женщинъ.

Въ трехъ императорскихъ сераяхъ и въ кіоскахъ, сервируется каждый день около *пятисотъ* столовъ, а такъ какъ на каждый столъ подается по 12 блюдъ, то число блюдъ ежедневно сервируемыхъ при султанскомъ дворѣ, доходитъ до *шести тысячъ!*

При началѣ своего царствованія султанъ отказался, въ пользу государственнаго казначейства, отъ 10 тысячъ кошельковъ изъ своего придворнаго бюджета. Но когда возстановленіе роскоши потребовало новыхъ расходовъ, то онъ отнесъ на государственное казначейство уплату всѣхъ пенсій, обязательствъ и жалованій, которыя прежде удовлетворялись изъ придворнаго бюджета, что составляетъ, по словамъ Миллингена, громадную сумму 275 тысячъ рублей *въ мѣсяцъ*.

Новый исходъ реформаторской дѣятельности султана былъ данъ въ постройкѣ и перестройкѣ дворцовъ и кіосковъ. Вступивъ на престолъ, Абд-уль-Азизъ захотѣлъ поставить маленький кіоскъ вблизи садовъ, расположенныхъ по берегу Босфора; дворца онъ строить не хотѣлъ потому именно, что принималъ во вниманіе плохое положеніе финансовъ. Кіоскъ рѣшено было построить на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ дворецъ Чера-

¹⁾ Вотъ имена женъ султана: Дурневъ («новый перлъ»), Хайрани-Диль («чудо сердца») и Эда-Диль («изящность сердца»).

ганъ. Кіоскъ уже былъ на половину построенъ, когда архитекторъ, подученный Фуадомъ, поднесъ султану планъ великолѣпнаго дворца. Султанъ отклонилъ эту мысль; тогда Фуадъ выступилъ на сцену, какъ будто мысль шла не отъ него, и убѣдилъ Абд-уль-Азиза, что султанское достоинство требуетъ постройки новаго дворца, такъ какъ дворъ и зиму и лѣто живетъ въ одномъ. Кіоскъ сломали и стали строить новый чераганскій дворецъ.

Это не помѣшало построить еще пять кіосковъ, изъ которыхъ одинъ, бейлербейсей, стоитъ дворца. Этотъ кіоскъ былъ отдѣланъ съ необыкновенной роскошью; обои, выписанные изъ Ліона, обошлись казѣ въ 250 франковъ за футъ (!). И вотъ, этотъ-то кіоскъ султанъ, въ прошломъ году, по возвращеніи своемъ изъ путешествія въ Европу, приказалъ сломать; на мѣстѣ его строится теперь новый дворецъ!

Такія постройки и вездѣ обошлись бы не дешево, но можно себѣ представить, что онѣ стоятъ при тѣхъ порядкахъ придворнаго управленія, какіе существуютъ въ Турціи. Поставщики, разумѣется, дѣлятся съ вѣмъ слѣдуетъ. Миллингенъ указываетъ, для примѣра, какъ на извѣстный фактъ, что левантскій торговый домъ Эвзерджи предоставляетъ, кому слѣдуетъ, 30% съ подрядовъ. Вдобавокъ къ постройкамъ придворнымъ возведено много зданій для помѣщенія разныхъ управленій. Однѣ эти постройки обошлись въ 33 милліона франковъ.

Не безъ колебаній, конечно, или по крайней мѣрѣ не безъ раздумья, пошелъ Абд-уль-Азизъ по тому пути, на который увлекъ его Фуадъ-паша. Но визирь принялъ свои мѣры: онъ оставилъ султана исключительно преданными себѣ людьми. Однажды, именно зимою 1864 года, Абд-уль-Азизъ, разговаривая съ главнымъ придворнымъ имамомъ, свелъ рѣчь на постройки и высказалъ ему открыто свои опасенія, что онѣ обременятъ казну. Имамъ, разумѣется, поспѣшилъ увѣрить повелителя правовѣрныхъ, что опасаться нечего, пока у него будетъ визиремъ преданный ему рабъ Фуадъ, столь искусный въ открытіи средствъ, что «онъ кажется и изъ камня можетъ извлечь деньги, а если изъ камня не сможетъ, то достанетъ, навѣрное, отъ европейцовъ». Между тѣмъ, свой разговоръ съ султаномъ имамъ не преминулъ передать Фуаду-пашѣ, и черезъ три дня получилъ табакерку украшенную алмазами, цѣнностью въ 17 тысячъ франковъ.

Чтобы легче управлять султаномъ, Фуадъ-паша поссорилъ его съ зятемъ — Мегеметомъ-Али-пашею, который былъ очень близокъ къ Абд-уль-Азизу и постоянно поддерживалъ его въ

борьбѣ противъ Порты. Поссорить ихъ было тѣмъ легче, что Мегеметь-Али—человѣкъ столь же вспыльчивый, какъ и султанъ. Мегеметь-Али былъ смѣненъ съ должности морского министра и ему было запрещено выходить изъ дому. Впослѣдствіи, однако, опала была снята съ него.

Фуаду удалось также удалить отъ султана Мегемета-Рушди-пашу, который былъ военнымъ министромъ, потому что это былъ человѣкъ независимый, выслужившійся изъ солдатъ. Фуадъ сохранилъ надолго въ своихъ собственныхъ рукахъ важный портфель военнаго управленія, а въ помощники себѣ избралъ Гуссейна-пашу. Этотъ Гуссейнъ-паша — фаворитъ Фуада. Какую власть Фуадъ успѣлъ приобрѣсть надъ султаномъ, лучше всего видно изъ одного случая, бывшаго съ Гуссейномъ-пашею. Этотъ человѣкъ, который сдѣлалъ быструю карьеру благодаря Фуаду, до того ослѣпился своимъ успѣхомъ, что позволилъ себѣ свободное обращеніе съ одной изъ дамъ султанскаго гарема и только потому не былъ умерщвленъ черною стражею, что въ немъ узнали фаворита всемогущаго Фуада. Однако, дѣло это открылось, благодаря одной изъ тѣхъ интригъ, которыя составляютъ сущность всей высшей политической жизни въ Турціи. Муширъ Дервишъ-паша, командиръ 4-го корпуса, пріѣхалъ въ Константинополь съ тайнымъ намѣреніемъ сдѣлаться военнымъ министромъ. Узнавъ объ исторіи съ Гуссейномъ, онъ склонилъ одного изъ камергеровъ султана рассказать ее своему повелителю ¹⁾. Султанъ, когда ему рассказали о дерзости Гуссейна, вышелъ изъ себя. Онъ призвалъ Фуада, упрекнулъ его за покровительство «такимъ людямъ», приказалъ ему немедленно «выгнать» Гуссейна изъ министерства, и объявилъ, въ припадѣкъ независимости, что назначаетъ военнымъ министромъ Дервиша-пашу, тѣмъ болѣе, что онъ тутъ же на лицо, въ Константинополѣ.

Бываютъ случаи, когда сила состоитъ въ томъ, чтобы уступить. Фуадъ-паша преклонился передъ слишкомъ ясной волею государя, и Гуссейнъ былъ уволенъ даже безъ пенсіи. Но, оставая на жертву своего любимца, Фуадъ тутъ же оговорился насчетъ Дервиша-паши, такъ какъ понялъ откуда вышла буря: Дервишъ такой-де опытный генераль, что его нельзя удовлетворительно замѣнить въ арміи, тѣмъ болѣе, что корпусъ его стоялъ въ Сиріи, которая все еще не была спокойна. Поэтому, визирь осмѣливается предложить въ управляющіе военнымъ ми-

¹⁾ Миллингенъ прямо говорить, что это стоило 3,000 лиръ. Замѣтимъ одну изъ особенностей константинопольской жизни: тамъ все уздается.

нистерствомъ Галиля-пашу. Султанъ, которому хотѣлось только наказать Гуссейпа, согласился, и такимъ образомъ Дервишъ-паша остался ни причемъ. А Гуссейну Фуадъ скоро исходатайствовалъ пенсію въ 2,500 фр., къ которымъ прибавилъ отъ себя 1,250 фр. Но этого мало: въ февралѣ нынѣшняго года, Фуадъ достигъ-таки того, что Гуссейну было дано вомандованіе войсками на Кандіи! Это тотъ самый Гуссейнъ, который отличался тамъ, послѣ отъѣзда Омера-паши. На пути Фуада къ единовластію встрѣтился однажды противникъ: это былъ Мустафа-Фазли-паша, братъ Измаила египетскаго и законный наслѣдникъ его престола. Политика Фуада относительно Египта и то употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ египетскаго вопроса, представляютъ едва ли не самую интересную страницу въ новейшей исторіи Турціи. Постоянные читатели газетъ должны имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ; но свѣдѣнія являлись въ газетахъ отрывочно и всегда были довольно-смутны, что объясняется отчасти вліяніемъ Фуада и на европейскую печать. Тѣ свѣдѣнія по этому предмету, какія намъ удавалось найти въ газетахъ, мы дополнимъ болѣе опредѣленными данными, которыя сообщаетъ Миллингенъ, и представимъ все въ связномъ разказѣ.

Мы упоминали выше о томъ, какъ Фуадъ-паша, при раздѣлѣ наслѣдства между сыновьями Ибрагима-паши (сына знаменитаго Мегемета-Али) успѣлъ перессорить ихъ и извлечь изъ этого выгоду для себя. Но на этомъ дѣло не окончилось. Одинъ изъ братьевъ, какъ мы уже сказали, погибъ въ Нилѣ, другой—Мустафа-Фазли спасся въ Константинополь, гдѣ султанъ, конечно, изъ политическихъ расчетовъ, обласкалъ его и далъ ему постъ въ управленіе, именно поручилъ ему предсѣдательство въ совѣтѣ финансовъ. Мустафа-Фазли, понятно, не могъ быть расположенъ въ пользу Фуада уже по прежнимъ къ нему отношеніямъ, а сверхъ того, и потому, что, будучи принцомъ, наслѣдникомъ царствующаго владѣтеля, не хотѣлъ превлониться предъ визиремъ падишаха. Гибкій Фуадъ попробовалъ перетянуть его на свою сторону, но это ему не удалось, и вотъ онъ поставилъ Мустафу-Фазли въ непріятное положеніе правительственнаго лица, котораго проекты постоянно отвергаются.

Мустафа-Фазли подалъ въ отставку, но, вслѣдъ затѣмъ, представилъ султану правдивый отчетъ о финансовомъ положеніи Турціи, отчетъ, далеко не согласный съ видами Фуада. Это, однакоже, не подѣйствовало. Султанъ слишкомъ былъ увѣренъ въ своемъ визирѣ, и Мустафа-Фазли уѣхалъ за-границу и поселился въ Парижѣ. Но Фуадъ не былъ доволенъ такимъ паде-

ніемъ своего противника. Съ одной стороны, ему близки были интересы Измаила-паши египетскаго, съ другой — ему хотѣлось отмстить болѣе существеннымъ образомъ тому, кто смѣлъ стать ему поперегъ дороги. Предсѣдателемъ совѣта финансовъ, между тѣмъ, былъ назначенъ Кіани-паша, орудіе Фуада.

Со времени своей поѣздки въ Египетъ, въ 1862 году, султанъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ къ своему вассалу. Измаиль-паша славится богатствомъ, Турція постоянно нуждается въ деньгахъ. Измаиль-паша, частью изъ ненависти къ брату, частью изъ семейнаго эгоизма измѣнилъ законъ о престолонаслѣдіи въ Египтѣ. Извѣстно, что въ Египтѣ, какъ и въ Турціи, престоль переходитъ по праву первородства, а не въ нисходящей линіи. Наслѣдникъ престола — старшій въ родѣ. Такъ Абд-уль-Азизъ наслѣдовалъ своему брату, такъ наслѣдовалъ Измаиль-паша своему дядѣ Саиду-пашѣ, и такъ ему долженъ былъ наслѣдовать Мустафа.

Но и Измаилу и самому Абд-уль-Азизу не могла не нравиться мысль объ измѣненіи такого порядка престолонаслѣдія въ томъ смыслѣ, чтобы престоль оставался въ семействѣ нынѣшняго владѣтеля, переходя къ старшему сыну.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, Фуадъ-паша соткалъ грандіозную интригу. Онъ задумалъ держать и султана, и вице-короля въ своей власти проектомъ объ измѣненіи престолонаслѣдія и въ Египтѣ, и въ Турціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, извлечь для себя огромныя выгоды за содѣйствіе богатому вице-королю, да еще отмстить, мимоходомъ, своему врагу — Мустафѣ, лишивъ его надежды на египетскій престоль. Для этого, онъ внушилъ султану мысль, что утвержденіе прямого наслѣдованія въ Египтѣ — совершенно въ интересахъ султана; во-первыхъ, за это можно было взять съ Измаила богатый выкупъ, во-вторыхъ, послѣ измѣненія порядка престолонаслѣдія въ Египтѣ легко будетъ сдѣлать тоже самое и въ Турціи; нарушеніе мусульманскаго принципа наслѣдованія уже не будетъ такъ удивительно послѣ перваго примѣра. Въ жертву при этомъ приносился Мустафа-Фазли. Измаиль, уже во время поѣздки султана въ Египетъ, въ переговорахъ съ Фуадомъ, принималъ всѣ тягостныя денежныя условія, какія ему были предложены.

Но султанъ, повидимому, колебался. Надо было пріискать удобный случай, чтобы подвинуть его на первый шагъ. Для этого лучше всего было раздражить его противъ Мустафы - Фазли, и тогда вдругъ подсунуть ему проектъ измѣненія порядка наслѣдованія престола въ Египтѣ. Отъѣздъ Мустафы за границу отстранялъ возможность такого случая. Вотъ почему Фуадъ упо-

требилъ всё усилія, чтобы привлечь его назадъ въ Константинополь. Онъ увѣрилъ Мустафу, что убѣдился въ справедливости его финансовыхъ предложеній и вообще его либеральной программы, и только ждетъ его возвращенія въ Константинополь, чтобы приняться за ея осуществленіе; онъ доказывалъ ему, что безъ человѣка, которому принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ, ничего нельзя сдѣлать. Въ тоже время, Фуадъ старался и чрезъ тюльерійскій кабинетъ выжить Мустафу изъ Парижа, для восстановленія «дипломатическаго приличія», которое страдало оттого, что принцъ, подчиненный султану, жилъ какъ бы эмигрантомъ у союзника султана, императора французовъ. Увѣщаемый такимъ образомъ съ двухъ сторонъ, да еще обязанный французскому правительству тѣмъ, что былъ остановленъ секвестръ его имущества, котораго домогался вице-король, Мустафа-Фазиль не могъ отказаться, и поѣхалъ въ Константинополь.

Здѣсь онъ тотчасъ попался въ сѣти, разставленныя Фуадомъ. Его назначили предсѣдателемъ особой коммисіи государственнаго контроля, подъ названіемъ Хазаинъ-Меджлисси. На эту коммисію было возложено трудное и щекотливое дѣло сокращенія бюджета. Само собою разумѣется, что коммисія не достигла той цѣли, съ которою, повидимому, была учреждена. Но та цѣль, которую имѣлъ въ виду Фуадъ, не могла не быть достигнута, какъ бы остороженъ ни былъ Мустафа. Дѣло въ томъ, что во время своего «эмигрантства» Мустафа-Фазли прослылъ вождемъ партіи «молодой Турціи». Великій визирь не преминулъ и по возвращеніи принца въ Константинополь выставить его передъ султаномъ какъ вождя этой партіи, и тѣмъ раздражать противъ него Абд-уль-Азиза. Понятно, что теперь, въ случаѣ, если бы принцу опять пришлось, въ отчаяніи отъ встрѣчаемыхъ имъ препятствій, отказаться отъ должности и явиться передъ султаномъ обличителемъ всей системы управленія, то слова его уже были бы приняты не какъ мнѣніе недовольнаго человѣка, а какъ протестъ вождя партіи, какъ демонстрація опаснаго «коновода» революціонеровъ, желающаго выставить себя на счетъ правительства. Разсчетъ былъ совершенно вѣренъ, и онъ удался.

Когда Мустафа-Фазли убѣдился, что онъ ничего сдѣлать не можетъ, то явился снова къ султану съ откровеніями относительно положенія дѣлъ Турціи. Но султанъ, на этотъ разъ, принялъ такое заявленіе уже какъ дерзкую выходку, какъ покушеніе на свою власть, и приказалъ принцу въ 24 часа выѣхать изъ Константинополя.

Этого только и ждалъ Фуадъ: онъ тотчасъ явился къ султану съ напоминаніемъ, что этотъ опасный человѣкъ со време-

немъ возсядетъ на египетскій престолъ, если не будутъ приняты «надлежащія мѣры». Результатомъ этого доклада было приглашеніе Измаилу-пашѣ немедленно пріѣхать въ Константинополь для переговоровъ объ окончательномъ рѣшеніи «вопроса» о престолонаслѣдіи.

Переговоры эти скоро привели къ соглашенію. Вице-король получилъ фирманъ, которымъ Мустафа-паша и всѣ члены боковыхъ линій устраняются отъ наслѣдованія, въ пользу Измаила-паша и его потомства, въ прямой, нисходящей линіи. Сверхъ того, султанъ уступилъ вице-королю нѣкоторыя свои непосредственныя владѣнія на африканскомъ берегу Чермнаго моря. Вотъ что, по показанію Миллингена, сдѣлка эта между сюзереномъ, визиремъ и вассаломъ стоила самому Египту: 1) единовременная уплата султану милліона турецкихъ лиръ, т. е. около 23 милл. франковъ; 2) возвышеніе ежегодной дани, платимой Египтомъ султану на 10 милл. франковъ, то-есть удвоеніе дани; 3) единовременное пожертвованіе 10 милл. франковъ въ пользу *составителей* и переписчиковъ (!) фирмана; 4) отправленіе и содержаніе на войнѣ египетскаго войска въ 12 т. человекъ, посланныхъ на Кандію.

Устроивъ это дѣло и опираясь на поддержку британскаго правительства, Фуадъ думалъ, что навсегда упрочилъ свою власть. Ему оставалось только, по примѣру Египта, измѣнить порядокъ престолонаслѣдія и въ Турціи. Абд-уль-Азизъ до такой степени былъ покоренъ имъ, что далъ ему почетный титулъ «отца», и въ Константинополѣ ожидали, что Фуадъ будетъ назначенъ пожизненнымъ великимъ визиремъ.

Но мраморъ этихъ восточныхъ придворныхъ половъ еще болѣе скользокъ, чѣмъ дипломатическій паркетъ въ Европѣ. Гдѣ все зависитъ отъ произвола, тамъ достаточно одной минуты, чтобы разрушить зданіе, возведенное годами усилій.

И Фуадъ палъ. Главная причина его паденія заключалась въ потерѣ той помощи, которая подала ему руку для достиженія всемогущества — помощи Англій. Уже Пальмерстонъ предвидѣлъ необходимость подвергнуть нѣкоторому измѣненію политику Англій на юговостокахъ Европы. По смерти Пальмерстона, какъ извѣстно, вся политика Англій на континентѣ подчинилась коренной идеѣ — невмѣшательства. Но пока британскимъ посломъ въ Константинополѣ былъ сэръ Генри Болверъ, Фуадъ имѣлъ надежную опору, къ которой могъ прибѣгать въ крайнихъ случаяхъ. Сэръ Генри былъ отозванъ, и на его мѣсто былъ посланъ лордъ Лайонсъ, которому была дана иная программа.

Тогда противъ Фуада составилаь сильная партія, изъ близкихъ къ султану людей, какъ напр. Мехметъ-Али-паша, Рушди-паша, и др. Опираясь на фабрикованное «общественное мнѣніе», они представили султану ошибку Фуада въ истинномъ, и все положеніе дѣлъ, особенно финансовъ, въ самомъ черномъ свѣтѣ — и этого было достаточно. Фуада постигла опала. Враги его постарались, чтобы опала эта была для него сюрпризомъ. Мехметъ-Али, зять султана, котораго, какъ рассказано выше, Фуадъ поссорилъ съ Абд-уль-Азизомъ, пригласилъ визиря къ себѣ въ гости. Во дворецъ Мехмета-Али собрались участники уже удавагося заговора, который для визиря все еще былъ тайною. Вдругъ, въ компанію является султанскій камергеръ и, подойдя къ Фуаду, вручаетъ ему рескриптъ, которымъ онъ увольняется отъ должности, и государственная печать требуется отъ него обратно. Фуадъ послѣшно удалился, среди общаго наслажденія его удивленіемъ. Онъ заперся въ своемъ имѣніи, Конлиджѣ, и не показывался никому. Въ довершеніе его униженія, къ нему было послано требованіе возвратить разныя драгоценныя вещи, принадлежавшія казнѣ.

Это случилось лѣтомъ 1866 года. Великимъ визиремъ былъ назначенъ глава заговора — Рушди-паша. Онъ составилъ новый кабинетъ. Впрочемъ, вотъ какъ Миллингенъ описываетъ измѣненія состава министерствъ въ Турціи: «Охота за портфелями — говоритъ онъ — производится исключительно какими-нибудь пятью, шестью человекъ. Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ въ рукахъ этихъ немногихъ акціонеровъ остается монополія правленія. Когда общественное мнѣніе взволнуется какимъ-нибудь вопросомъ, или просто сочтется нужнымъ перемѣнить министерство, вотъ и составляютъ новый кабинетъ, съ Мехметомъ во главѣ и съ Али на хвостѣ; затѣмъ, когда оказывается, что этотъ кабинетъ не годится, Али сажаютъ во главу, а Мехмета переводятъ на хвостъ».

Такъ какъ новый кабинетъ возникъ именно вслѣдствіе того, что Англія отказывалась отъ системы постояннаго вмѣшательства, то, разумѣется, кабинетъ этотъ составился подъ вліяніемъ французскимъ. Прежде всего надо было устранить самыя вопіющія финансовыя затрудненія. Рушди-паша обезпечилъ уплату въ сроки по купонамъ государственныхъ займовъ чрезъ посредство оттоманскаго банка, предоставивъ банку въ видѣ залога доходы съ нѣсколькихъ областей.

Французская дипломатія внушила программу, которой Порты слѣдовала при визирствѣ Рушди по отношенію къ вассальнымъ христіанскимъ княжествамъ. Программа эта состояла въ томъ,

чтобы постепенно дѣлать христіанамъ уступки, но всею силою подавлять всякія попытки къ возстанію. Эта программа, съ одной стороны, вызвала признаніе Портою Карла Гогенцоллерна румынскимъ княземъ, выведеніе турецкихъ войскъ изъ Бѣлграда и нѣкоторые уступки черногорцамъ, а съ другой — привела къ кризису на Кандіи. Если бы Порта, въ самомъ началѣ безпокойства на островѣ, сдѣлала уступки (какъ то бывало прежде) дѣло, навѣрное, не дошло бы до столь важнаго кризиса. Но, уступая съ одной стороны добровольно, на сѣверѣ, Порта рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобы подавить тѣ требованія, которыя на югѣ представлялись мятежомъ.

Возстаніе въ Кандіи было вызвано тяжестью налоговъ, умноженныхъ при Фуадѣ. Миллингенъ отзываясь съ величайшею похвалою о качествахъ кандіотовъ, которые, по его словамъ, отличаются образованностью, патриотизмомъ, храбростью и умѣньемъ дѣйствовать дружно. Этими качествами кандіотовъ, а сверхъ того особенностями географическаго положенія Кандіи, онъ объясняетъ тотъ фактъ, что имъ удалось сдѣлать такое возстаніе, «которое потрясаетъ турецкую имперію въ самыхъ ея основаніяхъ.»

Возстаніе началось сходками и отправленіемъ адреса къ султану съ жалобами на тогдашняго губернатора Кандіи Измаила-пашу. На прошеніе послѣдовала резолюція, что тѣ, кто впредь «не будетъ нарушать спокойствія» прощаются, а тѣ, кто будетъ продолжать участвовать въ сходкахъ, будутъ сочтены за бунтовщиковъ. Между тѣмъ, на островъ прибывали турецкія подрѣбленія. Порядокъ не былъ нарушаемъ, только въ долині Омоло держались народные митинги. Когда на островъ прибыли 6,000 египетскихъ солдатъ, таеъ что турецкія силы на Кандіи дошли до цифры 22 тысячъ человекъ, тогда, именно 1 августа 1866 года, обнародовано было отвѣтное извѣщеніе на адресъ, посланный къ султану. Этотъ отвѣтъ былъ письмо великаго вѣзиря, въ которомъ заключались увѣщанія и вмѣстѣ неопредѣленные обѣщанія улучшеній.

Тогда народное собраніе, провозгласивъ себя представительствомъ критскаго народа, 2 сентября приняло постановленіе о низверженіи власти султана надъ островомъ и о присоединеніи Кандіи къ греческому королевству.

Первыя схватки были успѣшны для инсургентовъ; они отѣснили туземныхъ мусульманъ къ городамъ Канеѣ и Кандіи; они одержали верхъ даже надъ турецкими регулярными войсками; рассыпавшись на мелкіе отряды, они прервали всѣ сообщенія между отдѣльными частями войскъ, и одна колонна, подѣ

предводительствомъ самого Измаила-паши, была окружена при Апокоронѣ и принуждена сдаться, чтобы избѣгнуть рѣшительнаго истребленія. Другая колонна, окруженная при Селино, успѣла пробиться подъ защиту укрѣпленія Кандіи, но послѣ значительныхъ потерь.

Порта приведена была въ сильное раздраженіе такимъ оборотомъ дѣлъ. Со всѣхъ сторонъ войска были направлены въ Кандію, такъ что, къ 15 сентября, тамъ было подъ ружьемъ уже 40 т. чел. вмѣстѣ съ тѣмъ, по совѣту Франціи и Англіи, Порта рѣшилась, наконецъ, послать на островъ полномочнаго комиссара. Порученіе это было возложено на Киритли-Мустафа-пашу, который прежде былъ губернаторомъ на Кандіи. Выборъ палъ на него потому, что онъ былъ знакомъ съ мѣстными обстоятельствами, но выборъ былъ неудаченъ потому, что и кандіоты, съ своей стороны, слишкомъ хорошо были знакомы съ личностью этого человѣка, который, на ихъ счетъ, составилъ себѣ огромное богатство, скѣпилъ почти треть всей территоріи острова.

Киритли, пріѣхавъ въ Канею 17 сентября, издалъ прокламацію, въ которой опять содержались обѣщанія и угрозы. Прокламація осталась безъ успѣха. Въ періодъ кровопролитной войны, который послѣдовалъ затѣмъ, и ознаменовался, между иными подвигами, геройскимъ паденіемъ монастыря Аркадіона, турки, въ двухъ походахъ, лишились цѣлой половины своихъ войскъ, и Киритли-Мустафа убѣдился въ совершенной невозможности примиренія. Онъ былъ отозванъ.

Тогда на островъ былъ посланъ Омеръ-паша, прославившійся покореніемъ Черногоріи и участіемъ въ крымской войнѣ. Съ нимъ были посланы новыя подрѣпленія.

Между тѣмъ, эти событія тяжело отзывались въ Константинополѣ. Министерство Рушди, какъ мы видѣли, приняло власть среди величайшихъ финансовыхъ затрудненій, а тутъ вдругъ потребовались непредвидѣнные, очень большіе расходы на войну въ Кандіи. Сверхъ того, по характеру своихъ дипломатическихъ отношеній къ Россіи, Порта признавала нужнымъ еще сосредоточить войска на сѣверной границѣ; наконецъ, въ Эпирѣ и Македоніи необходимо было тоже усилить постоянное число войскъ, чтобы тамъ не вздумали послѣдовать примѣру Кандіи. Правительство сдѣлало попытки заключить заемъ въ Парижѣ или Лондонѣ, но безъ успѣха. Правительство принуждено было возвратиться къ старой турецкой системѣ—занимать деньги на наиболѣе неотложные расходы небольшими суммами и на краткіе сроки у банкировъ живущихъ въ Галатѣ, хотя это и нарушало

обязательства, принятыя на себя правительствомъ по отношенію къ оттоманскому банку.

Что было дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Обратиться къ Фуаду, просить его спасти Турцію? Но султанъ не хотѣлъ и слышать о немъ. Однако, кабинетъ Рушди, 11 февраля 1867 года, весь подалъ въ отставку. Тогда партія бюрократіи принудила-таки султана согласиться на назначеніе Фуада министромъ. Но чтобы прикрыть это «возстановленіе» Фуада, великимъ визиремъ сдѣлали Али-пашу, а Фуада — министромъ иностранныхъ дѣлъ. Оба они были назначены не на тѣ мѣста, которыя имъ нравились. Честолюбивый Фуадъ считалъ своимъ законнымъ достоинствомъ мѣсто великаго визиря, а Али, наоборотъ, не хотѣлъ быть визиремъ, находя болѣе «существенною» власть министра иностранныхъ дѣлъ. Такъ какъ Турція находится въ полной зависимости отъ иностранныхъ державъ, то понятно, что посредникъ между ними и правительствомъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, даже въ глазахъ самихъ турокъ — главный членъ кабинета. Али постоянно предпочиталъ этотъ постъ, держался на немъ всякими ухищреніями и визиремъ его сдѣлали насильно. Принимая это званіе, онъ поставилъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы должность министра иностранныхъ дѣлъ была поручена Фуаду. Новый кабинетъ вступилъ въ управленіе въ мартѣ 1867 года.

Война на Кандіи продолжалась. Омеръ-паша придумалъ новую систему, чтобы одолѣть возстаніе: заключить его въ тѣсныя предѣлы, заставляя инсургентовъ группироваться въ большіе отряды и окружать ихъ со всѣхъ сторонъ, чтобы задушить возстаніе, если не оружіемъ, то голодомъ. Но отчаянный патріотизмъ кандіотовъ сдѣлалъ исполненіе этого плана затруднительнымъ, такъ какъ они рѣшились разстаться со своими семействами, и съ тѣхъ поръ началась перевозка женщинъ и дѣтей съ Кандіи въ Грецію на военныхъ судахъ разныхъ націй.

Извѣстно, что во время поѣздки нашего государя въ Крымъ, Фуадъ-паша былъ посланъ въ Ялту, съ привѣтствіемъ отъ султана. Извѣстно также, что тѣ переговоры, какіе могли быть при этомъ, не измѣнили образа дѣйствій турецкаго правительства по отношенію къ кандіотамъ. Но Миллингенъ полагаетъ, что исходъ этихъ переговоровъ побудилъ Порту согласиться на поѣздку султана въ Европу, не смотря на все естественное нерасположеніе Порты выпускать султана изъ-подъ ея опеки, въ особенности для ознакомленія съ иными порядками.

Поѣздка султана въ Европу осталась безъ вліянія на политику французскаго правительства (которая, впрочемъ, какъ из-

вѣстно, измѣнилась вслѣдствіе поѣздки императора Наполеона въ Вѣну); но въ Англіи султанъ былъ принятъ съ большимъ сочувствіемъ, и торійское министерство обѣщало ему возможную помощь противъ кандіотовъ, вслѣдствіе чего англійскій капитанъ Гоббартъ былъ посланъ командовать турецкимъ флотомъ. Денежныя дѣла тоже поправились на время, вслѣдствіе путешествія султана. Французскій «Движимый кредитъ» далъ Турціи въ долгъ 53 милліона франковъ.

По возвращеніи султана въ Константинополь, Порта признала нужнымъ представить Европѣ свидѣтельство, что путешествіе оказало на него благое вліяніе, только укрѣпивъ султана въ его реформаторскихъ предпріятіяхъ. Съ этой цѣлью, учрежденъ былъ государственный совѣтъ, состоящій на половину изъ мусульманъ и изъ христіанъ. Такъ какъ нѣкоторые западно-европейскіе публицисты отнеслись къ этому «новому шагу Турціи на пути прогресса» столь сочувственно, что выставляли его даже какъ начало введенія въ Турціи представительнаго правленія, то необходимо остановиться нѣсколько на этомъ предметѣ и объяснить подробнѣе, что такое новый государственный совѣтъ, учрежденный 1-го мая 1868 года.

Государственный совѣтъ существовалъ въ Турціи и до того времени и занимался приготовленіемъ законодательныхъ мѣръ, обсужденіемъ реформъ. Но онъ былъ соединенъ съ совѣтомъ юстиціи, такъ что былъ не только законодательнымъ, но и высшимъ судебнымъ мѣстомъ, которому спеціально подлежали преступленія государственныя, злоупотребленія высшихъ правительственныхъ лицъ и разсмотрѣніе смертныхъ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ всякаго рода. Членами его были бывшіе министры.

Новое учрежденіе государственнаго совѣта отдѣлило его отъ верховнаго суда, который получилъ отдѣльное образованіе, и дало государственному совѣту иное распредѣленіе и иной составъ. Государственный совѣтъ, въ его новомъ видѣ, называется Хевре-Девлетъ и имѣетъ слѣдующія обязанности: приготовленіе и обсужденіе всѣхъ законодательныхъ проектовъ, рѣшеніе споровъ, возникающихъ между разными управленіями и недоразумѣній между властями административною и судебною (contentieux), разсмотрѣніе представленій, поступающихъ отъ генеральныхъ совѣтовъ вилетовъ (генераль-губернаторствъ), наконецъ обсужденіе всѣхъ вопросовъ, которые вносятся въ государственный совѣтъ, по особымъ султанскимъ указамъ.

Государственный совѣтъ раздѣляется на пять отдѣленій: 1) внутреннее и военное, 2) финансовое и духовныхъ имѣній,

3) гражданскаго, уголовного и торговаго законодательства; оно же рѣшаетъ и недоразумѣнія между администраціею и судами, 4) общественныхъ работъ, торговли и земледѣлія; оно рѣшаетъ и дѣла по комиссіямъ; 5) народнаго просвѣщенія. Каждое отдѣленіе состоитъ изъ предсѣдателя, 5—10 государственныхъ совѣтниковъ.

До какой степени этотъ новый государственный совѣтъ не имѣетъ ничего общаго съ какимъ-нибудь парламентомъ, видно уже изъ того, что онъ относится къ великому визирю не иначе, какъ рапортами. Главное право всякаго парламента — право опредѣлять бюджетъ — не принадлежитъ Хевре-Девлету. Для участія въ разсмотрѣніи бюджета только приглашаютъ президентовъ отдѣленій государственнаго совѣта и по одному члену изъ cadaго отдѣленія.

Итакъ, новый государственный совѣтъ въ Турціи не есть парламентъ. Но въ какой мѣрѣ можно признать его за представительство населеній турецкой имперіи? Отвѣтъ на это даетъ самый составъ совѣта: на 40—50 государственныхъ членовъ совѣта, назначено только 13 не-мусульманъ, именно: 4 армянъ-католиковъ, 4 грека, 1 армянинъ-григоріанецъ, 1 маронитъ, 1 болгаринъ и 2 еврея. Разумѣется и эти «не-мусульмане» избраны преимущественно изъ банкировъ и подрядчиковъ, служащихъ Портѣ ¹⁾.

Учрежденіе государственнаго совѣта, въ который допущены христіане, должно было засвидѣтельствовать передъ Европою, что нравственное возрожденіе Турціи продолжается. Выдача нѣсколькихъ концессій желѣзныхъ дорогъ, должна была засвидѣтельствовать, что Турція вступила также и на путь экономическаго возрожденія.

Между тѣмъ, дѣла на Кандіи не поправлялись. Сердарь Омеръ-паша одержалъ нѣсколько дорого-стоившихъ успѣховъ, но такъ какъ блокада продолжала быть неуспѣшною, то инсургенты по прежнему держались малыми отрядами. Когда четыре державы сдѣлали Портѣ коллективное представленіе, Порта все-таки отклонила мысль о назначеніи международной комиссіи для изслѣдованія положенія дѣлъ на Кандіи и послала туда, въ качествѣ чрезвычайнаго комиссара, самого визиря Али-пашу.

Миллингенъ высказываетъ догадку, что въ то время, какъ по наружности Али-паша готовилъ реформы и совѣщался съ почетными лицами острова, существенная сторона его дѣятельности состояла въ попыткахъ избавиться отъ вождей возстанія,

¹⁾ Воен. Стат. сборн. Вып. II. Турція, стр. 244.

въ особенности отъ Хаджи-Михали посредствомъ подкуповъ, приче́мъ сдѣланы были даже попытки устранить ихъ не только изъ возстанія, но и изъ списка живыхъ. Какъ бы то ни было, извѣстно, что попытки эти не удались. Поѣздка Али-паши на Кандію только увеличила затрудненія Порты. Видя свой неуспѣхъ, и вовсе не желая слишкомъ долго оставаться вдали отъ Константинополя, Али-паша высказалъ свое убѣжденіе въ невозможности достигнуть какого-либо результата примирительными мѣрами, и часть неуспѣха всей своей миссіи взвалилъ на Омера. — Сердарь, писалъ онъ, невѣрно доносилъ Портѣ о положеніи дѣлъ на островѣ; его донесенія представляли это положеніе въ успокоительномъ видѣ, а въ дѣйствительности оно было таково, что о примиреніи не могло быть и рѣчи.

Зато Омеръ-паша былъ очень доволенъ пріѣздомъ Али, который давалъ ему возможность, въ свою очередь, часть своей отвѣтственности возложить на визиря. — Все уже было готово, писалъ онъ, чтобы нанести возстанію послѣдній ударъ, инсургенты были разбиты, окружены и изнурены, какъ вдругъ было предписано шестинедѣльное прекращеніе военныхъ дѣйствій, которое потомъ было еще продолжено, и явился Али-паша съ предложеніями уступокъ, которыя только ободрили инсургентовъ, показавъ имъ, что ихъ боятся.

Кто былъ правъ — Али или Омеръ? Нѣтъ сомнѣній, что были правы они оба, по крайней мѣрѣ во взаимной критикѣ своихъ дѣйствій. Дѣло кончилось отозваніемъ обоихъ. Предлогомъ къ этому послужили «опасности», будто бы возникшія на Дунаѣ. Сперва былъ отозванъ Омеръ; на его мѣсто былъ посланъ Гуссейнъ-паша, и Фуаду, такимъ образомъ, удалось создать опять «положеніе» своему любимцу. За нимъ, въ началѣ текущаго года, возвратился въ Константинополь и великій визирь.

Извѣстно, что кандіотское возстаніе, предоставленное самому себѣ, послѣ того, какъ французское правительство, сблизившись съ Австріею, отказалось отъ дальнѣйшихъ представленій совмѣстно съ Россіею, Пруссіею и Италіею, и даже само обнадежило Порту не опасаться вмѣшательства, — мало-по-малу заглохло отъ изнуренія инсургентовъ, особенно послѣ того, какъ туркамъ удалось уничтожить знаменитый пароходъ «Аркадіонъ», и волонтеры изъ Греціи перестали прибывать на островъ. Трагическая судьба Кандіи, покрытая развалинами, облитой кровью, съ населеніемъ, разореннымъ на долгое время, такъ какъ турки выжгли виноградники и множество селеній — останется чернымъ пятномъ на нашемъ историческомъ періодѣ. Въ то время, когда для одного изгнанія датскаго языка изъ голштин-

скихъ и шлезвигскихъ школъ предпринята была кровопролитная война, въ то время, когда для прославленія принципа національности, и въ сущности просто для усиленія Пруссіи ведена была въ центрѣ Европы война громадная, наконецъ, въ то время, когда сама Великобританія издержала нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей для освобожденія, будто бы, нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, — Кандія, на почвѣ которой самымъ вопіющимъ образомъ были нарушены не только «принципъ національности», но самыя элементарныя понятія человѣчности, Кандія осталась въ цѣпяхъ, только омочивъ ихъ еще лишній разъ своею кровью. Примѣръ Кандіи, сопоставленный съ другими указанными примѣрами, въ которыхъ провозглашался принципъ національности, не доказываетъ-ли, что Европа говоритъ неправду, что недалеко ушло впередъ ея политическое сознаніе, что судьбою ея управляютъ и нынѣ вовсе не новые принципы — какъ она льститъ себѣ — а все тѣже правила политическаго ветхаго завѣта?

Въ виду такого многозначительнаго факта есть-ли возможность истинно упрекать саму Турцію въ томъ, что возрожденіе ея — пустое слово? Турція еще не есть вполнѣ аномальный фактъ среди европейскаго комплекса, такъ какъ онъ существуетъ до сихъ поръ. Нужна большая доля самохвальства со стороны Европы или преднамѣренная, безстыдная «подогрѣтость», чтобы возмущаться существованіемъ Турціи среди тѣхъ нравовъ, какіе еще преобладаютъ въ европейской политикѣ. Пока рѣшеніе вопросовъ о судьбѣ человѣчества предоставлено результату столновенія Дрейзе съ Минье, и Круппа съ Армстронгомъ, почему же можетъ быть такъ удивительна турецкая процедура рѣшенія всякихъ вопросовъ?

Возмущаться «спеціально» по турецкому вопросу мы рѣшительно не можемъ. Но мы предполагаемъ разницу въ будущемъ: мы вѣримъ или хотимъ вѣрить, что политическая Европа можетъ обновить свои нравы, возродиться къ новой, раціональной и гуманной жизни, и въ тоже время убѣждены, что Турція *не можетъ* имѣть никакой будущности. Эта невозможность, какъ мы покажемъ далѣе, зависитъ вовсе не отъ корана, какъ обыкновенно утверждаютъ именно публицисты съ «подогрѣтымъ», «спеціальнымъ» негодованіемъ на зло въ одной Турціи. Но прежде мы хотимъ представить читателю краткій обзоръ составныхъ элементовъ мнимаго турецкаго «возрожденія», то-есть новѣйшихъ турецкихъ реформъ.

Права христіанскихъ населеній Турціи обезпечиваются гатишерифомъ 1839 года (такъ-называемымъ гюльханскимъ) и гатигумаюномъ 1856 года. Происхожденіе и содержаніе этихъ ак-

товъ слишкомъ извѣстны, и мы не станемъ говорить о нихъ. Едва-ли нужно также доказывать, что обѣщанія эти или не были исполнены или, если и были исполнены частію, то подали скорѣе поводъ къ обремененію христіанъ новыми поборами, чѣмъ къ дѣйствительному улучшенію ихъ быта. Предметъ этотъ слишкомъ извѣстенъ.

О важнѣйшей и новѣйшей реформѣ въ организаціи высшаго управленія, именно учрежденіи государственнаго совѣта мы уже говорили. Теперь вотъ въ какомъ видѣ представляется, послѣ этого учрежденія, все высшее или центральное управленіе турецкой имперіи. Во главѣ его стоитъ великій визирь. Это не только первый министръ, но и намѣстникъ, alter ego султана. Наравнѣ съ нимъ, по закону, стоитъ шейх-уль-исламъ, глава улемы, высшее духовное лицо. Не надо, впрочемъ, забывать, что такъ какъ султанъ самъ—намѣстникъ пророка, то шейх-уль-исламъ не можетъ имѣть полной независимости, не можетъ громить самого султана во имя религіи. Шейх-уль-исламъ носить также, какъ великій визирь, титулъ высочества, но Фуадъ-паша, будучи великимъ визиремъ, показалъ, что въ странѣ, гдѣ въ рукахъ главы государства сосредоточивается всякая власть, никто не можетъ имѣть притязаніе на равное положеніе съ довѣреннымъ лицомъ властелина: онъ смѣнилъ шейха-уль-ислама, которому имѣлъ причины не довѣрять, и замѣнилъ его своею крестурой.

Высшая административная власть сосредоточена въ диванѣ или тайномъ совѣтѣ; онъ составленъ изъ всѣхъ министровъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей управленія; сверхъ того, въ немъ засѣдаютъ нѣкоторые члены безъ портфелей. Визирь—предсѣдатель его; шейх-уль-исламъ—членъ. Распределеніе министерствъ въ Турціи не совсѣмъ согласно съ обще-европейскимъ. Такъ, рядомъ съ министерствомъ финансовъ есть независимыя управленія таможенныхъ сборовъ, прямыхъ налоговъ и государственнаго долга (они сосредоточены теперь въ однѣхъ рукахъ). Рядомъ съ министерствомъ султанскаго двора, есть еще независимое управленіе секретной казны султана и монетнаго двора; есть главное управленіе духовныхъ земель. Министерство военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, полиціи, внутреннихъ дѣлъ и проч., существуютъ въ томъ же смыслѣ какъ въ Европѣ, но отношенія между ними не такъ ясно и прочно опредѣлены.

Названіе «дивана» и «Порты» слѣдуетъ понимать такимъ образомъ: диванъ есть собственно совокупность всѣхъ лицъ, которымъ поручены министерства или главныя управленія; такъ какъ это именно лица и составляютъ тайный совѣтъ, то тайному совѣту дается названіе дивана. Его называютъ также и Портой,

въ смыслѣ высшаго управленія, но Порты — тамъ, гдѣ великій визирь; Порты означаетъ высшее правительство, а такъ какъ великій визирь предсѣдательствуетъ въ тайномъ совѣтѣ, то это смѣшеніе понятій естественно.

Въ каждомъ министерствѣ есть свой совѣтъ, кромѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Военно-медицинское управленіе (санитарная коллегія и медицинскій совѣтъ) подчинены военному министру.

За диваномъ слѣдуетъ государственный совѣтъ. Мы уже видѣли, что онъ ничего общаго съ парламентомъ не имѣетъ. По положенію же своему, въ ряду другихъ центральныхъ учреждений, онъ равенъ министерствамъ; онъ также подчиненъ великому визирю, и предсѣдатель его — членъ тайнаго совѣта, какъ всѣ министры.

Власть шейха-уль-ислама не ограничивается управленіемъ духовнымъ вѣдомствомъ; онъ въ то же время — глава мусульманскаго суда. Въ Турціи есть двойная судебная власть: мусульманская, основанная на коранѣ и обычаяхъ (шаріатѣ), и свѣтская, основанная на смѣшанномъ законодательствѣ. Глава первой — шейх-уль-исламъ. Мусульманская судебная часть (которой вѣдѣнію подлежатъ и дѣла семейныя мусульманъ) заключаетъ въ себѣ высшее судилище Арз-Одассы, областныя суды мехкемэ, и низшіе суды, наибовъ и кадиевъ. Свѣтская или смѣшанная судебная часть состоитъ изъ высшаго суда Ахкіами-Адліе и низшихъ судовъ торговыхъ и полицейскихъ. Это свѣтское судопроизводство руководствуется французскими кодексами. Въ высшемъ свѣтскомъ судѣ засѣдаютъ сверхъ мусульманскихъ членовъ и 5 не-мусульманъ.

Прежде, чѣмъ говорить о новомъ областномъ устройствѣ Турціи, упомянемъ о положеніи ея финансовъ и ея арміи. Основною намъ будутъ служить цифры «Военно-Статистическаго Сборника», а рассказы Миллингена дадутъ къ нимъ иллюстраціи.

Доходы Турціи на 1866 — 67 годъ были исчислены въ 88 милл. рублей, съ небольшимъ; расходы — около 93½ милл. рублей. Итакъ, есть дефицитъ, но только 5½ милл. съ небольшимъ. Но, съ того времени, чрезвычайныя издержки, какихъ потребовала война на Кандіи, должны были значительно увеличить этотъ дефицитъ. Къ суммѣ дефицитовъ, разумѣется, слѣдуетъ причислить займы, которые правительство дѣлаетъ по мѣрѣ возможности, то есть, какъ только можетъ заключить заемъ, такъ и заключаетъ.

При сравненіи цифръ доходовъ и расходовъ оказывается, что дефициты въ прежніе года бывали и большіе, чѣмъ какой былъ исчисленъ на 1866—1867. Такъ въ 1861—1862 дефицитъ былъ почти въ 11 милл. руб. Это, конечно, зависѣло отъ войны съ

черногорцами, и это даетъ намъ право думать, что война на Канди — на которую потребовались гораздо большія издержки, чѣмъ на черногорскую, сдѣлали дефицитъ за 1866—67 совсѣмъ не похожимъ на тотъ, какой былъ исчисленъ. Но бывали и такіе годы, въ которые былъ значительный излишекъ доходовъ передъ расходами. Такъ, 1862—1863 годъ далъ болѣе 9½ милл. рублей излишка.

Главные источники дохода въ Турціи: аширь, верги и таможенный сборъ. Аширь есть сборъ десятины съ произведеній земли и скотоводства. Замѣчательно, что опредѣляется онъ до жатвы, такъ что исчисленіе его зависитъ отъ произвола. Верги, это—подоходный налогъ, который за отсутствіемъ кадастра разлагается просто на дворы или семьи, при чемъ, конечно, не соблюдается справедливое отношеніе къ дѣйствительнымъ средствамъ мусульманъ и райевъ. Аширь (по подробному бюджету, который имѣется послѣдній за 1864—65 годъ) доставилъ 24 милл. 797 тыс. рублей; верги—17 милл. 153½ тыс. рублей; таможенный сборъ — 12 милл. 52½ тыс. рублей. Прежняя поголовная подать съ не-мусульманъ, хараджъ, какъ извѣстно, отмѣнена, но на дѣлѣ она только перемѣнила названіе, именно называется нынѣ «беделъ» и взимается съ не-мусульманъ поголовно. Хараджъ, какъ «дань невѣрныхъ правовѣрнымъ за оставленную имъ изъ милости жизнь», былъ наконецъ признанъ унижительнымъ, и отмѣненъ. Въ то же время провозглашено было (въ гати-гумаюнѣ) обѣщаніе допустить не-мусульманъ къ военной службѣ. Но здѣсь-то, между прочимъ, прямо отозвалась главная причина невозможности возрожденія Турціи вообще: правительство, не смотря на всѣ свои обѣщанія, очевидно, не можетъ допустить, чтобы большая часть или хоть половина турецкой арміи состояла изъ христіанъ. Введеніе истиннаго начала уравненія въ то зданіе, которое построено на коренной лжи: на преобладаніи меньшинства мусульманъ надъ христіанскимъ большинствомъ въ Европѣ, было бы равносильно самоуничтоженію Оттоманской имперіи.

Вотъ почему, на практикѣ, турецкое правительство не могло не признать, что «христіане выказываютъ нерасположеніе къ военной службѣ»¹⁾. А потому прежній хараджъ продолжалъ взиматься въ видѣ выкупа отъ военной повинности, подъ именемъ бедела. Замѣняя хараджъ беделемъ, правительство опредѣлило, что послѣдній будетъ взиматься со всѣхъ не-мусульманъ въ возрастѣ 14—60-ти лѣтъ, и это уже очевидно указывало, что бе-

1) Это «признаніе», будто бы извлеченное изъ опыта, выражено въ меморандумѣ Фуада-паши 15-го мая 1867 года.

дель есть не что иное, какъ та же поголовная подать, потому что можно-ли серьезно говорить о военной повинности съ 14-ти или 60-ти-лѣтнихъ? Но въ послѣдствіи бедель сбросилъ съ себя всякую маску, сталъ вѣдаться даже съ дѣтей, начиная съ трехмѣсячнаго возраста, и такимъ образомъ, отиѣна хараджа осталась только на бумагѣ.

Замѣчательно, что государственный доходъ съ крѣпкихъ напитковъ въ Турціи составляетъ всего около $1\frac{1}{2}\%$ общей суммы дохода, именно съ небольшимъ миллионъ рублей.

Главные расходы Турціи (по бюджету 1864 — 65), платежи по вѣншнимъ и внутреннимъ займамъ — болѣе 26-ти милл. рублей; по военному министерству — $18\frac{1}{2}$ милл. руб.

Но эти цифры, взятая изъ частныхъ бюджетовъ, болѣе или менѣе случайны. Въ общемъ же выводѣ, по свидѣтельству англійскаго посольства, итогъ дохода Турціи составляетъ до 88-ми милл. рублей. Изъ этой суммы 33 милл. рублей идутъ на уплату по займамъ; 34 милл. руб., собираемые въ провинціяхъ, тамъ же и расходуются, на мѣстное управленіе и мѣстныя нужды; за тѣмъ на всѣ общія государственныя потребности остается только 21 милл. рублей, да и тѣ поступаютъ неисправно, тѣмъ болѣе, что всѣ важныя источники дохода заложены и имѣютъ специальное назначеніе ¹⁾.

Реформы послѣдняго времени по части финансовъ заключались въ выкупѣ части «каиме» (ассигнацій), и конверсія 6-ти-процентныхъ бумагъ въ 5% -ныя. Каиме въ 1862 году находилось въ обращеніи на сумму 998,800,000 піастровъ или 57,144,000 рублей. При помощи вѣншнаго займа эти каиме были выкуплены, то-есть въ дѣйствительности заплачено по нимъ только 40% металломъ, а на остальные 60% выданы новыя бумаги.

Конверсія, то-есть обращеніе 6% бумагъ въ 5% , повидимому, не нарушала интересовъ государственныхъ кредиторовъ, такъ какъ при этомъ уменьшеніи процентовъ былъ соотвѣтственно увеличенъ номинальный капиталъ бумагъ; но на дѣлѣ кредиторы потеряли въ томъ, что прежнія бумаги подлежали погашенію въ опредѣленные сроки, между тѣмъ, какъ по новымъ бумагамъ погашеніе только обѣщано неопредѣленнымъ образомъ, въ послѣдствіи. Конверсія, сверхъ того, представила печальную иллюстрацію въ турецкимъ правительственнымъ нравамъ: въ силу конверсіи, 22,185,675 турецкихъ лиръ въ 6% облигаціяхъ обращались въ 29,000,000 т. р. 5% . Но капиталъ владѣльцевъ облигацій не былъ увеличенъ на всю разницу первой суммы со второю: Фуадъ-паша

¹⁾ Воен. Ст. Сб. В. Ц, стр. 301.

ввернулъ еще новый заемъ въ 4 милл. лиръ. Вся эта операція ознаменовалась разными неблаговидными продѣлками, которыя сильно повредили кредиту Турціи за границую.

Вотъ какъ опредѣляетъ Миллингенъ результатъ реформъ, произведенныхъ по финансамъ въ управленіи Фуада-паша: — «выкуплено каимѣ на сумму 10 милл. турецкихъ лиръ, для того, чтобы втеченіи пяти лѣтъ обременить государство новыми долгами на сумму 35,000,000 лиръ»¹⁾. Обнародованіе бюджетовъ — реформа, исходящая отъ Фуада.

Собственно говоря, вся сумма государственнаго долга Турціи сама по себѣ не чрезмѣрно велика: она составляетъ 93 милл. тур. лиръ, или 535 милл. рублей; но упадокъ всей производительности и относительная бѣдность страны дѣлають эту сумму крайне-тяжелою, а условія, при какихъ заключено большинство займовъ, еще увеличиваютъ эту тяжесть. Вспомнимъ, что по суммѣ 535 милл. р. долга, Турція должна уплачивать ежегодно 33—35 милл. рублей.

Мы уже говорили выше, что иногда Порта затрудняется покрыть какой-либо предстоящій самый неизбѣжный расходъ: просто нѣтъ денегъ; въ такомъ случаѣ, она обращается за помощью къ галатскимъ банкирамъ и занимаетъ у нихъ небольшія суммы; эти займы дѣлаются по 20—25% въ годъ. Въ бюджетѣ они не показываются; не показывается въ бюджетѣ и послѣдній заемъ въ 2 милл. фунтовъ стерл. (12½ милл. р.), сдѣланный въ 1867 году на поѣздку султана въ Европу. Эти, такъ сказать неоффиціальныя, долги приняты въ соображеніе при составленіи приведеннаго итога 535 милл. рублей.

Все это носить на себѣ несомнѣнный отпечатокъ азіятскаго хозяйства. Беспорядочность финансоваго управленія такова, что неполученіе жалованья войскомъ и чиновниками — періодически повторяющійся фактъ. Такъ, въ 1865—1866 годахъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ чиновники и войско ожидали жалованья за 25, даже за 36 мѣсяцевъ. Чтобы раздѣлаться съ этой недоплатою, правительство, въ 1866 году, уплатило имъ половину наличными деньгами, а половину 10% облигаціями, но вслѣдъ за тѣмъ, вышло у нихъ же мѣсячное жалованье, въ видѣ подарка султану; а съ 1867 года, этотъ вычетъ обращенъ въ нормальную мѣру: служащимъ объявлено, что «впредь до поправленія финансовъ» у нихъ ежегодно будетъ удерживаться 16% жалованья.

При такомъ финансовомъ порядкѣ, понятно, какой можетъ быть порядокъ и въ довольствіи арміи по комиссаріатской, про-

¹⁾ Millingen, p. 329.

віантской и госпитальной частямъ. Миллингенъ представляетъ ужающую картину системы безтоловости и взяточничества, которой жертвою служить турецкій солдатъ.

По цифрамъ «Военно-Статистическаго Сборника», общая численность турецкой арміи, по штатамъ военнаго времени, положена въ 311 тысячъ человѣкъ (съ нестроевыми), а по мирному времени въ 100—120 т. Въ настоящее же время, когда турецкая армія находится на положеніи полу-военномъ, численность ея (къ 1 января 1868 года) составляла около 195 т. человѣкъ.

Силы эти, повидимому, — довольно почтенныя. Но когда познакомишься съ характеромъ турецкаго военнаго управленія, какъ его описываетъ Миллингенъ, который самъ былъ баталіоннымъ командиромъ, то нельзя не понять, почему Портъ такъ трудно управляется даже съ частными возстаніями. Здѣсь всего умѣстнѣе будетъ вкратцѣ рассказать все то, что случилось съ самимъ Миллингеномъ въ Турціи. Въ 1862 году, онъ со своимъ баталіономъ былъ посланъ въ Котуръ, въ Курдистанѣ, близъ персидской границы, и неудачи его начались съ того, что начальство его, подкупленное мудиромъ одного селенія, въ которомъ онъ поставилъ роту, приказало, не смотря на всевозможныя представленія баталіоннаго начальника, перевести эту роту въ другое селеніе, въ нездоровой мѣстности. Здѣсь большая часть солдатъ погибла отъ тифа. Въ лазаретѣ баталіона было только нѣсколько лѣкарствъ, и врачомъ былъ цирюльникъ, выслужившійся во время крымской кампаніи, которому вдобавокъ начальникъ Миллингена, Азми-паша, далъ, конечно, по неудовольствію на Миллингена, отпускъ въ то самое время, когда въ одной изъ ротъ баталіона свирѣпствовалъ тифъ. Затѣмъ, ни генераль Азми-паша, ни подполковникъ Мустафа-бей, который былъ посланъ инспектировать солдатъ Миллингена, не подали ему никакой помощи до тѣхъ поръ, когда уже было поздно.

Другой случай, поссорившій Миллингена съ высшею военною администраціей, состоялъ въ томъ, что Миллингенъ открылъ и формально доказалъ виновность мудира Гаш-кальскаго въ наймѣ убійцъ, которые умертвили еврея Мушо, оставившаго у этого мудира деньги на сохраненіе. За это, генераль Азми-паша отрѣшилъ Миллингена отъ должности и подвергъ его слѣдствію. Миллингенъ, видя, что дѣло затянется на долго, просилъ позволенія ѣхать въ главную квартиру, въ Эрзерумъ, но не получивъ дозволенія, и опасаясь, что Азми-паша приговоромъ своихъ клеветовъ припишетъ ему всякія злодѣянія, не давъ ему никакой возможности оправдаться, онъ тайно выѣхалъ изъ города Вана верхомъ и, услышавъ за собою погопу, въ двадцать

семь часовъ проскакалъ 34 лиги, и переправился чрезъ Евфратъ. Эрзерумскій генераль-губернаторъ (муширь) Мелеменли-Мустафа-паша не захотѣлъ поддержать жалобъ Миллингена на Азми-пашу. Бѣгство Миллингена изъ Вана подало поводъ всѣмъ турецкимъ властямъ, впослѣдствіи, относиться къ нему просто какъ къ дезертиру, останавливаться на одномъ фактѣ его ослушанія начальнику, отказываясь затѣмъ выслушивать всѣ его претензіи. Такъ отнесся къ Миллингену и Фуадъ-паша, въ Константинополѣ. Миллингенъ, потерявъ наконецъ терпѣніе, подалъ Фуаду прошеніе объ отставкѣ.

Копію съ этого прошенія, а также съ разныхъ актовъ относящихся къ его дѣлу съ турецкими властями, онъ помѣстилъ въ своей книгѣ. Мы не будемъ останавливаться далѣе на этой, лично касающейся сторонѣ книги Миллингена.

Чтобы окончить очеркъ нынѣшняго положенія Турціи, намъ остается рассказать устройство ея провинціальныхъ учрежденій, систему «вилаетовъ», новаго административнаго дѣленія Оттоманской имперіи, введеннаго въ 1864 году.

До того времени, она раздѣлялась на эялеты (губернаторства), ливы или санджаки (уѣзды) и казы или нахія (станы или волости). При новомъ раздѣленіи, на *вилаеты* (генераль-губернаторства), нѣкоторые изъ нихъ совпали съ прежними эялетами, а нѣкоторые изъ частей разныхъ эялетовъ. Назовемъ здѣсь только вилаеты, находящіеся въ Европейской Турціи: вилаеть Эдрне, включающій и столицу; вилаеть Туна, т. е. дунайскій, въ которомъ заключается географическая Болгарія съ Добруджею; вилаеть Босна (Боснія и Герцеговина); вилаеть Искюбъ (Искюбъ и Скудра); вилаеть Янія (Эпиръ и Тессалія); вилаеть Селоникъ (Селоникъ и Битоля); вилаеть Джезаиръ (Архипелагъ) и вилаеть Киридъ (Кандія). Цифры населенія Оттоманской имперіи, по сомнительности, или отсутствію статистическихъ данныхъ, болѣе или менѣе произвольны. Изъ оффиціального счисленія сороковыхъ годовъ, дополненнаго и измѣненнаго послѣдними показаніями оффиціальной статистики, европейскіе этнографы выводятъ среднія цифры: для европейской Турціи 10½ милл., для азіатской 16 милл. душъ. Раздѣленіе этой цифры по вѣроисповѣданіямъ совершенно произвольно.

Вилаеты подраздѣляются на санджаки (губерніи) и казы (уѣзды), состоящіе изъ нѣсколькихъ общинъ. Начальнику вилаета, который называется *вали*, поручены всѣ отрасли мѣстной власти: собственно административная, финансовая, полицейская и приведеніе въ исполненіе рѣшеній судовъ. При вали состоитъ административный совѣтъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ главными

чиновниками генераль-губернаторства и президента судовъ, за-сѣдаютъ еще 6 членовъ изъ мѣстныхъ почетныхъ жителей, именно 3-ое мусульманъ и 3-ое не-мусульманъ.

Въ санджакахъ, на которые дѣлится вилайетъ, администрація устроена по тому же образцу: начальникъ санджака, губернаторъ, называется теперь *мутессарифъ* (прежде назывался каймакамъ); теперь этотъ послѣдній титулъ перешелъ къ начальникамъ казы, которые прежде назывались мудирами). При мутессарифѣ также состоитъ совѣтъ управленія, въ которомъ за-сѣдаютъ главные чиновники, а также мусульманскія и немусульманскія высшія духовныя лица, и 4 члена *выборные*, изъ которыхъ двое мусульманъ и двое не-мусульманъ. Судебною частью въ санджакѣ завѣдуетъ кади. Въ гражданскомъ и уголовномъ судѣ санджака — 6 членовъ, также на половину мусульманъ и не-мусульманъ.

Начальникъ казы или уѣзда называется *каймакамъ*. При немъ есть совѣтъ управленія изъ 3-хъ выборныхъ членовъ, въ число которыхъ допускаются не-мусульмане.

Накопецъ, общиною управляютъ *мухтары*. Въ каждой общинѣ ихъ избирается по два, отъ каждаго религіознаго общества имѣющаго не менѣе 20 дворовъ и по одному отъ обществъ имѣющихъ менѣе этого числа дворовъ. Мухтары утверждаются начальникомъ казы. Они обязаны собирать налоги и исполнять требованія начальства. Наконецъ, въ каждомъ религіозномъ обществѣ есть еще свой совѣтъ старшинъ. Цензъ избирателей въ общинѣ 50 піастровъ прямыхъ налоговъ; для избираемыхъ — 100 піастровъ; въ казахъ — 150 піастровъ. Въ вилайетѣ цензъ — не менѣе 500 піастровъ.

Таково образованіе областныхъ управленій въ Турціи и несомнѣнная его вышняя либеральность — фактъ, прямо ведущій насъ къ выводу изъ всего предшествующаго очерка современной исторіи и нынѣшняго положенія Оттоманской имперіи. Организация мѣстныхъ учрежденій Турціи несомнѣнно-либеральна: въ ней допущено на разныхъ степеняхъ выборное начало и проведено равенство между мусульманами и не-мусульманами относительно выборныхъ должностей. И однакожь, самые достоверныя показанія всѣ свидѣтельствуютъ, что отъ этого рѣшительно нѣтъ проку. Донесенія самихъ англійскихъ консуловъ, наименѣе пристрастныхъ къ христіанамъ, свидѣтельствуютъ, что злоупотребленія встрѣчаются на каждомъ шагу, и что терпятъ отъ нихъ именно христіане. Мѣстная администрація либерально устроена на бумагѣ, но не-мусульманскіе члены сидятъ въ совѣтахъ управленія безъ всякаго голоса; уважаемые люди изъ

христіанъ даже нейдуть въ эти должности, потому что христіанскихъ совѣтниковъ члены-мусульмане употребляютъ на послуги. Списки избираемыхъ проходятъ чрезъ нѣсколько инстанцій, изъ которыхъ каждая исключаетъ часть представляемыхъ; въ результатѣ, въ совѣтъ санджака или вилета попадаютъ только тѣ, кого тамъ угодно видѣтъ турецкимъ начальникамъ. У Миллигена есть примѣръ, что мусульманскій начальникъ беретъ у членовъ-христіанъ ихъ печати и прикладываетъ ихъ къ протоколу, невыгодному для христіанъ. Распредѣленіе податей продолжается быть не ровно, въ ущербъ христіанамъ, и обѣщанія гати-гумаюна не исполняются.

Все это доказываетъ сомнительность дѣйствительнаго возрожденія Турціи. Мы видимъ, что, не смотря на всѣ объявленныя реформы, злоупотребленія продолжаютъ преобладать какъ на низшихъ, такъ и на высшихъ ступеняхъ управленія.

Но виною этому не одинъ фанатизмъ мусульманъ, не оппозиція духовенства реформамъ — какъ многіе думаютъ. Вина въ такомъ неисправимомъ положеніи лежитъ въ самомъ корнѣ той системы, которая состоитъ въ дикомъ господствѣ одной турецкой расы надъ всѣми народностями населяющими имперію, и въ преобладаніи надъ всѣмъ этимъ того султанскаго произвола, который ограничивается только уродливою, неестественною силою высшихъ чиновниковъ, а сами они не что иное, какъ представители и слуги того же произвола.

Въ коранѣ, правда, можно найти оправданіе преслѣдованій противъ «невѣрныхъ», но можно также найти въ немъ и опору для вѣротерпимости. Напримѣръ:

«О правовѣрные! Не берите себѣ въ друзья ни іудеевъ, ни христіанъ; всякъ берущій себѣ друга изъ нихъ сдѣлается подобенъ имъ!»

«Война съ невѣрными есть долгъ вашъ. Я поражу страхомъ сердца невѣрныхъ; отсѣкайте имъ головы и концы перстовъ ихъ».

«Бейте невѣрныхъ, пока не истребится соблазнъ и не останется вѣры только въ единаго Бога» ¹⁾.

Но надо замѣтить, что хотя въ разныхъ мѣстахъ корана христіане и евреи называются невѣрными, а затѣмъ въ другихъ мѣстахъ невѣрныхъ предписывается истреблять, однако нигдѣ не сказано прямо: истребляйте *христіанъ* или *евреевъ*, такъ что очень легко истолковать угрозы корана, какъ относящіяся только къ идолопоклонникамъ, многобожникамъ.

¹⁾ Выписываемъ изъ Воен. Ст. Сборника, В. II, стр. 222.

Сверхъ того, въ коранѣ есть и предписанія вѣротерпимости. Напримѣръ:

«Воистину вѣрующіе по іудейской вѣрѣ и слѣдующіе ей, и христіане и сабеяне, однимъ словомъ всякъ, кто вѣруетъ въ Бога и въ послѣдній день, и совершающій добрыя дѣла, получить награду отъ своего Господа; страхъ не поразить ихъ и не найдетъ на нихъ печаль».

«Говорите: Мы вѣруемъ въ Бога и во что было ниспослано свыше намъ, Аврааму и Измаилу, Іакову, двѣнадцати волѣнамъ. Мы вѣримъ книгамъ, даннымъ Моисею и Іисусу, книгамъ дарованнымъ пророкамъ Господнимъ; мы не полагаемъ разницы между ними и полагаемся на Бога.

«Въ вѣрѣ не нужно принужденія. Истинный путь довольно различается отъ заблужденія.

«Повѣдай: Всякъ поступаетъ по своему; но Богу извѣстно, чей путь прямѣе»¹⁾.

Итакъ, напрасно однимъ кораномъ, или вообще мусульманскою религіею объясняютъ невозможность вѣротерпимости или реформъ благопріятныхъ христіанамъ, откровеннаго, дѣйствительнаго исполненія хотя бы обѣщаній гати-гумаюна. И если бы коранъ служилъ безусловнымъ препятствіемъ, то прежде всего признаніе правъ христіанъ не могло бы быть провозглашаемо официально главою правовѣрныхъ; не могъ бы султанъ Магометъ II, первымъ дѣломъ по взятіи Константинополя, признать неприкосновенность греческаго патріарха, греческихъ церквей и обрядовъ; точно такъ черезъ четыре столѣтія не могъ бы султанъ Абд-уль-Меджидъ издать гати-гумаюна.

Вина въ турецкомъ хаосѣ, какъ вездѣ и въ Европѣ въ прежнія времена, лежитъ на произволѣ. Неисправимость же этого хаоса — а съ нимъ и всего положенія Оттоманской имперіи — зависитъ отъ уродливаго склада самаго государства. Орда, которая покорила высшіе народы по культурѣ и утратила силу какъ военное племя, не хочетъ уступить своего господства какъ каста, какъ народность, какъ привилегированное сословіе. Здѣсь исправленіе только и возможно крайнимъ средствомъ, употребляемымъ противъ безусловно-неуступчивыхъ кастъ — революціею, послѣднимъ примѣромъ которой было возстаніе Кандіи.

Л. А — вѣ.

¹⁾ Тексты въ смыслѣ вѣротерпимости корана мы выписываемъ изъ *La Turquie en 1861*, par M. V. S. Colas. pp. 28 et 29.

МОЛОКАНЕ и ДУХОБОРЦЫ

въ

УКРАИНѢ и НОВОРОССІИ.

(XVIII-й вѣкъ).

IV*).

Правы и обычаи молоканъ. — Особенности ихъ брачнаго обряда. — Нсобыкновенная торжественность и мѣсто совершенія его. — Отрывокъ изъ текста обрядника молоканскаго. — Праздничные дни молоканъ. — Ихъ духовныя пѣсни.

Общественная и домашняя жизнь молоканъ сложилась иначе, сравнительно съ образомъ жизни православнаго русскаго крестьянина вообще... У молоканъ все своеобразно, начиная съ воспитанія дѣтей и кончая самыми обыденными привычками. О винѣ, напр., у нихъ нѣтъ и помину, и самое высшее лакомство составляетъ для нихъ медъ сотовый, отъ котораго и не жмѣльно и не убыточно... Обряды религиозные совершенно отличны отъ нашихъ православныхъ обрядовъ, начиная съ крещенія младенцевъ и кончая свадьбою и погребеніемъ умершихъ. Обряды эти до того любопытны и до того еще мало извѣстны, что мы приведемъ здѣсь подробности одного изъ такихъ обрядовъ, имѣющіяся у насъ подъ рукою, именно: обряды молоканскаго брака въ томъ видѣ, какъ онъ совершался у тамбовскихъ молоканъ въ концѣ XVIII вѣка, какъ совершался въ Украинѣ и Новороссіи, и какъ

*) См. выше: октябрь, 1868, стр. 673—701.

повторялся въ Саратовской и Самарской губерніяхъ, куда онъ перенесенъ былъ къ молоканамъ изъ Тамбовской губерніи. Въ поѣздѣ своей по Симбирской, Саратовской и Самарской губерніямъ для знакомства съ расколомъ и, въ частности, съ молоканскою сектою на мѣстѣ, мы имѣли случай провѣрить этотъ обрядникъ молоканскій въ бесѣдахъ съ молоканскими старѣйшинами (по нашему, попами) и убѣдиться, что этотъ обрядникъ — тамбовскаго происхожденія, но распространенъ былъ по Украинѣ и Новороссіи еще въ XVIII вѣкѣ. Всего замѣчательнѣе въ молоканскомъ бракѣ вообще торжественное совершеніе его, иногда въ полѣ, въ домѣ, а чаще всего среди двора подъ открытымъ небомъ, при огромномъ стеченіи народа (обыкновенно цѣлаго села, или околотка молоканскаго), причемъ для благословенія брака выбирается самый старѣйшій человѣкъ изъ всего села, убѣленный сѣдинами. Картина бываетъ замѣчательно торжественная и патриархальная, когда какой-нибудь столѣтній старецъ, бѣлый какъ лунь, то возлагаетъ свои дрожащія руки на голову новобрачныхъ, то поднимаетъ ихъ къ небу, призывая благословеніе небесъ на чету среди волѣнопреклоненнаго народа, обращающагося взорами своими къ тому же открытому небу.... Въ бракѣ молоканскомъ замѣчательно и то обстоятельство, что въ немъ принимаютъ участіе, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, наравнѣ съ совершающимъ бракъ старѣйшиною, родители новобрачныхъ, возлагая руки на чету, молясь о ней, и изрѣкая публичныя наставленія и заклинанія.

Когда всѣ соберутся на мѣсто, назначенное для совершенія извѣстнаго брака, то старѣйшина (заступающій мѣсто нашего священника) совершающій бракъ, произноситъ громко: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь!» Потомъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ молятся Богу, а старѣйшина читаетъ далѣе молитву: Оче нашъ.... и другія молитвы короткія, какія избереетъ самъ. Затѣмъ отецъ и мать жениха благословляютъ своего сына и подводятъ его къ невѣстѣ, такъ же и невѣсту благословляютъ родители ея, приглашая тутъ же жениха и невѣсту стать на колѣни и просить благословенія слѣдующими словами: «Простите меня и благословите родители благословеніемъ вѣчнымъ отъ Бога во вѣки нерушимымъ и подайте мнѣ миръ и благословеніе! Се нынѣ и всегда приношу вамъ сердечное покореніе и тѣлесное поклоненіе!» Послѣ этого отецъ и мать возлагаютъ руки свои на голову четы и, благословляя, произносятъ слѣдующую рѣчь:

«Буди чадо наше благословенно Богомъ небеснымъ, и да благословитъ тя Господь отъ росы небесной свыше и отъ туа земнаго, и да благословитъ тя Господь отъ Сіона, узриши бла-

гая отъ Иерусалима и узриши сыны сыновъ твоихъ, миръ на Израиля, и вѣнецъ благодати Божіей да почіетъ на главахъ вашихъ. Чадо! помани сотворшаго тя во днѣхъ юности твоея и вся дни живота Господа Бога нашего, да не похощени согрѣшати и преступати заповѣди Господни; правду твори во вся дни живота твоего. Вступивъ вы во святое и Богомъ благословенное супружество, почитте оное исполненіемъ, и сохраните между собою любовь и согласіе. Да благословить тя Богъ и узриши чадъ своихъ и плодъ чрева своего. Привлеките на себя благословіе Божіе и мирное житіе. Сего ради и благословіе наше на васъ да пребудеть; да благословить васъ Богъ небесный пріять супружество и сохранить оное въ чистотѣ! Сего усердно желаемъ и буди благословіе наше на васъ и призываемъ имя Бога милосердаго; буди на васъ благословіе Господне всегда и нынѣ во вѣки. Аминь».

Потомъ, когда прійдетъ женихъ въ невѣстѣ въ домъ и когда невѣсту введутъ въ собраніе людей, молokane молятся. Таеъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. «Отче нашъ, иже еси на небѣсахъ» и живой въ помощи....»

Потомъ читается молитва:

«Благословенъ Господъ Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленія людемъ своимъ и воздвиже рогъ спасенія намъ. Господи Боже мой! услыши молитву рабовъ Твоихъ, молящихся о рабѣхъ Твоихъ и не лиши ихъ Господи милости Твоея, предвари ихъ Господи благословеніемъ благостыннымъ, положи имъ Господи на главы ихъ вѣнцы отъ камени честна, велія слава его спасеніемъ Твоимъ, славу и велелѣпіе возложиши на нихъ, яко Ты Господи даждь имъ благословіе во вѣкъ вѣка», и т. д.

Потомъ беретъ отецъ за руку дочь свою и отдаетъ еѣ жениху съ словами:

«Се даю дочь мою тебѣ въ жену по закону Моусееву. Пойми ю и отведи ю къ отцу твоему, да благопоспѣшитъ вамъ Богъ милостію Своею во благая, миръ съ вами, и да благословить васъ Господъ до вѣка. Аминь».

Затѣмъ совершающій бракъ беретъ жениха и невѣсту, соединяетъ обоихъ предъ людьми въ собраніи и допрашиваетъ ихъ обоихъ въ купномъ (какъ выражено въ молokaneскомъ обрядникѣ) ихъ желаніи:

«И ты, женише, желаешь-ли принять себѣ въ супружество (имярекъ) и быть ея мужемъ съ не принужденною волею, своею волею?»

Отвѣтъ, какой послѣдуетъ отъ вопрошаемыхъ, засвидѣтель-

стывается предъ всею братією, и послѣ сего совершающій бракъ говоритъ невѣстѣ:

«И ты, невѣста: желаешь-ли посягнуть за-мужъ за (имярекъ) и быть ему женою, не принужденною волею, но своею?»

Отвѣтъ снова засвидѣтельствуется предъ всею братією, и самъ женихъ говоритъ:

«Се не пойму инья жены, ю же азъ поемлю жену сію по закону Божію безъ нарушенія, сохранитися отъ блуда и прелюбодѣйства и не лишати себя другъ друга, съ тѣмъ даю обѣщанія. Аминь».

Невѣста же говоритъ:

«Се не пойму инаго мужа, за него же посягаю по закону Божію, безъ нарушенія сохранити себя отъ блуда и прелюбодѣйства и не оставлять мужа своего до вѣка. Аминь»!

Потомъ, совершающій бракъ прочитываетъ обоимъ брачующимся законъ и заповѣди и клятвенное обѣщаніе, которое они скрѣпляютъ словомъ: Аминь! и въ слѣдъ за нимъ говорятъ оба:

Мы ниже наименованные рабы Бога живаго, обѣщаемся предъ всемогущимъ Богомъ и предъ Его святымъ Евангелиемъ и предъ Его церковію въ томъ, что по закону Божію и по благословенію насъ родителей нашихъ, и по собственному нашему желанію, желаемъ совокупиться законнымъ бракомъ, съ тѣмъ, чтобы, безъ нарушенія божіихъ заповѣдей и нашего обѣщанія, между нами соблюдена была вѣрность и ложе нескверно; удаляться отъ блуда и прелюбодѣйства до скончанія нашей жизни, и во вѣкъ полагаемъ вѣрность. Аминь»!

За симъ слѣдуетъ длинный рядъ молитвъ и назиданій, и обрядъ брака оканчивается пѣніемъ всѣхъ присутствующихъ 127-го псалма пророка Давида: «Блажени вси», и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что эти торжественныя и публичныя клятвы брачующихся предъ народомъ, короткія, назидательныя и глубоко западающія въ душу, при торжественной обстановкѣ, наставленія родителей также публичныя и, наконецъ, трогательныя совѣты и наставленія публичныя же старѣйшины, производя сильное и глубокое впечатлѣніе на брачующихся, заставляють ихъ сохранять вѣрность супружескую до гроба, и дѣлають семейный бытъ молоканъ вообще замѣчательно устойчивымъ ¹⁾ и крѣпкимъ, не смотря на то, что онъ не освящается санкціею таинства. Любовь и уваженіе другъ къ другу, завѣщеваемая старѣйшиною и родителями новобрачующихся, вѣрность до гроба, завѣщаніе трудолюбія, страха Божія,

¹⁾ Разводы у молоканъ хотя и допускаются, какъ необходимость, но бывають чрезвычайно рѣдки.

честности въ жизни и любви къ труду, воспитанія дѣтей въ страхѣ Божіемъ, послушаніи и почитаніи новыхъ родителей по браку и проч., дѣлають бракъ молочанъ во всякомъ случаѣ актомъ непротивохристіанскимъ.

При изученіи быта молочанъ, обращаютъ на себя вниманіе наблюдателя, между прочимъ, и особенности препровожденія ими воскресныхъ дней. Эти дни они буквально посвящаютъ Богу, начиная его общимъ моленіемъ (по нашему, обѣдня), которое продолжается обыкновенно съ 8 часовъ утра и до 1, или 2 часовъ по полудни, и оканчивая въ домѣ, послѣ обѣда, чтеніемъ библіи и толкованіемъ ея, а также и пѣніемъ пѣсенъ духовнаго содержания, въ родѣ нашихъ древнихъ кантовъ. Мы имѣемъ подъ рукою нѣкоторыя изъ этихъ молочанскихъ пѣсенъ, происхожденія тамбовскаго, которыя и приводимъ здѣсь въ подлинномъ текстѣ, считая долгомъ пояснить при этомъ, что пѣсни эти, сколько удалось намъ ихъ слышать лично, поются большею частію на напѣвъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, но необыкновенно протяжно и заунывно... Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ:

I.

Нынѣ избранные прійдите,
 Хвалу Богу небесному воздадите
 Всѣмъ сердцемъ вашимъ ко Господу Богу обратитесь,
 Въ заповѣдѣхъ его крѣпко утвердитесь.
 Во всѣхъ путяхъ его ходите,
 Грѣховныя дѣла побѣдите;
 Помяните послѣднюю кончину,
 Преклоните души ваши къ небесному чину,
 Тому будетъ слава велия
 И много очистится грѣховъ прелестныхъ;
 Возведетъ васъ Господь Богъ въ свѣтлость небесную,
 Тамъ же вы узрите великія чудеса,
 Какъ Ангелы поють на разны голоса,
 Они поють, никогда конца не чають,
 Всегда Бога величаютъ;
 Потомъ будутъ жить,
 Праведный же вѣчно Богу служить.
 А грѣшныя и нечестивыя
 Не послушались Божія гласа,
 Во грѣхахъ своихъ ходять, скончатся,
 Тамо же ожидаетъ ихъ тьма вѣчная
 И мука безконечная,
 Во вѣкъ вѣка.

II.

Потопъ страшный умножался,
 Народъ, видѣвъ, испугался,
 Гнѣвъ идетъ.
 Видѣвъ воды многи люты
 Побѣжали въ горы круты,
 Тамъ спастись.
 Водой дебри наполнялись,
 Всѣ животны собирались,
 На верхъ горъ.
 Крѣпость, лютость премѣнили
 Одинъ другаго не вредили,
 Левъ съ овцой.
 Всѣ смотрѣли очевидно,
 Какъ земли стало не видно
 Пользы нѣтъ.
 Всѣ ихъ силы прекратились,
 Сами въ воду повалились
 Въ тотъ потокъ.
 Кои плавали водами,
 Покрывало ихъ волнами,
 Водой той.
 Другъ со другомъ обнимались,
 Въ часъ послѣдній разлучались
 Мужъ съ женой.
 Братъ съ сестрою, отецъ съ сыномъ
 Мать со дщерію распрощались

Въ горькій часъ.
 Ной въ ковчегъ сохранялся,
 Пока потопъ продолжался,
 Земли жъ нѣтъ.
 Враны птицы выпускались,
 Голубицы разлетались
 Пользы нѣтъ.
 Голубица день летала
 И гулянье продолжала,
 Извѣстия нѣтъ.
 День на вечеръ преклонился,
 Голубица возвратилась
 Съ радостью.
 Сучецъ съ деревъ принесла
 Потомъ назадъ ужъ не была
 Къ радости.
 На землѣ суша явилась,
 Дверь въ ковчегъ отворилась,
 Вышелъ Ной.
 И молился съ сыновьями,
 Хвалу всѣ Богу воздавали,
 Кто какъ могъ.
 Всѣ изъ ковчега выбирались
 По всей землѣ расселялись
 И всѣмъ родъ.

Моловане отличные знатоки библіи (у нихъ многія женщины знаютъ библію настолько, что могутъ цитовать какіе угодно тексты), хорошіе богословы (разумѣется, по своему), плохіе, однако, версификаторы и писатели ¹⁾. У нихъ почти нѣтъ своей литературы, не то, что у раскольниковъ нашихъ, которые имѣютъ цѣлыя сотни томовъ, даже часто однимъ писателемъ написанныхъ. Первая изъ приведенныхъ нами пѣсенъ молованъ есть произведение молоканской поэзіи и, какъ видитъ читатель, довольно плохого качества.

Впрочемъ, о томъ, насколько моловане знакомы съ нашею литературою и какъ на нее вообще смотреть, мы будемъ имѣть случай говорить особо.

¹⁾ Мистическія сочиненія русскія конца XVIII вѣка особенно въ уваженіи у молоканъ, и подобныя книги у нихъ доселѣ хранятся въ цѣлости.

ГЛАВА VII.

Состояніе молоканства и духоборчества въ XVIII вѣкѣ въ Таврической губерніи. — Происхожденіе таврическихъ духоборцевъ. — Историко-географическое состояніе Таврической губерніи, въ XVIII вѣкѣ. — Перекопскій уѣздъ. — Духоборческія поселенія въ XVIII в. въ Перекопскомъ уѣздѣ. — Сужденіе 34-хъ перекопскихъ духоборцевъ. — Отношеніе правительства къ духоборцамъ въ XVIII вѣкѣ и положеніе ихъ въ обществѣ.

Явленіе духоборчества въ Таврической губерніи принадлежитъ къ немного позднему времени, послѣ того, какъ оно началось въ Екатеринославской губерніи, именно: къ 80-мъ годамъ XVIII столѣтія. Мѣстныя власти ¹⁾ происхожденіе духоборцевъ приписываютъ ученію менонитовъ, занесенному сюда возвратившимися изъ Пруссіи послѣ Семилѣтней войны солдатами. Въ Пруссію же предъ тѣмъ дѣйствительно переселены были менониты изъ Голландіи, гдѣ они не могли оставаться, чуждаясь, согласно ученію своему, натуральной военной повинности. Не защищая и не опровергая такого мнѣнія о происхожденіи духоборцевъ таврическихъ, мы съ своей стороны полагаемъ, что явленію и распространенію въ Таврической губерніи духоборчества если не положило основаніе, то способствовало сосѣдство екатеринославскихъ духоборцевъ, явившихся въ этой послѣдней губерніи еще съ 1740 — 1750 годовъ ²⁾. Какъ бы то ни было, но въ концѣ 80-хъ годовъ въ селѣ «Васильевкѣ» были уже духоборцы изъ крестьянъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Попова ³⁾.

Перекопскій уѣздъ былъ одною изъ мѣстностей, въ коихъ преимущественно развилось, въ концѣ XVIII вѣка, духоборчество. Уѣздъ этотъ открытъ былъ въ 1784 году ⁴⁾, и Перекопъ считался уѣзднымъ городомъ Таврической области до 1797 года, когда съ упраздненіемъ Таврической области присоединенъ былъ въ качествѣ уѣзднаго же къ Новороссійской губерніи ⁵⁾. Заселеніе его было совершено религіозными диссидентами. Еще въ 1785 году, 13-го августа, состоялся на имя генераль-фельдмаршала князя Потемкина высочайшій рескриптъ, съ повелѣніемъ (въ 9 пунктѣ) для поселенія старообрядцевъ назначить мѣста, лежація между Днѣпромъ и Перекопомъ, съ тѣмъ, что они будутъ получать по-

¹⁾ Довес. мин. внутр. дѣлъ, тавр. губернат. въ 1804 г. Записка Тарасевича.

²⁾ Соч. Новицкаго о Духоб., стр. 7. — Истор. русск. цер. Филар. Чернигов. V, стр. 64.

³⁾ Довес. мин. внутр. дѣлъ въ 1804 г. Записка Тарасевича.

⁴⁾ Перв. Полн. Собр. Зак. т. XXII, №№ 15,624, 15,989.

⁵⁾ Тамъ же т. XIV, № 18, 117.

повѣ своихъ отъ архіерея въ Таврической области опредѣляемаго, приписавъ къ епархіи его и слободы ихъ въ Черниговскомъ и Новгородско-Сѣверскомъ намѣстничествахъ лежащія, и дозволяя всѣмъ имъ отправлять служеніе по старопечатнымъ книгамъ; а дабы, сказано было въ рескриптѣ, разсѣянныхъ внѣ границъ имперіи, старообрядцевъ вызвать въ Россію, вы можете (относилось къ Потемкину) опубликовать сіи свободы имъ дозволенныя ¹⁾. Быть можетъ, изъ поселившихся въ Таврическомъ краѣ возвратившихся изъ-за границы раскольниковъ, особливо безпоповцевъ, были уже многіе, предрасположенные къ религіозному раціонализму, явившемуся тогда въ Таврической губерніи въ формѣ духоборцевъ, и сдѣлались прозелитами духоборцевъ. Какъ бы то ни было, но въ Перекопскомъ уѣздѣ духоборцы такъ усилились въ 90-хъ годахъ, что обратили на себя вниманіе правительства.

Изъ показаній преданныхъ суду перекопскихъ духоборцевъ мы узнаемъ отчасти о той вѣрѣ, за которую они судились. На вопросахъ суда они показали, 1) что въ церковь они не ходятъ; 2) у исповѣди священниковъ не бываютъ; 3) святыхъ таинъ не принимаютъ; 4) рукою креста на себя не возлагаютъ; 5) кресту и иконамъ, дѣланнымъ подобными имъ челоуѣками не поклоняются, ибо осѣненіе рукою себя крестомъ, равно и хожденіе къ моленію въ церковь, созижденную челоуѣкомъ, запрещаетъ Богъ; 6) крещаются они словомъ Божіимъ, произнося слова: во имя Отца, Сына и св. Духа, аминь!; 7) молятся чрезъ чтеніе и пѣніе псалмовъ Давидовыхъ изъ псалтири; 8) исповѣди не дѣлаютъ, но исповѣдуются словомъ Господнимъ, читая псаломъ изъ псалтири: «Исповѣмся Господеви яко благъ, яко во вѣкъ милость Его»; 9) не приобщаются потому, что хлѣбъ дѣлается изъ пшеницы, а вино изъ винограда, и то и другое не преобразуются въ настоящую плоть и кровь Спасителя; посему они признаютъ, что, вѣруя истинно Богу, они приобщаются отъ него словами: «Ядый мою плоть и пій мой кровь во мнѣ пребываетъ, и Азъ пребуду въ немъ», «Слово бысть плоть»; 10) церковь почитаютъ мысленно соборную и апостольскую небесную, каковое мнѣніе имѣютъ отъ просвѣщенія разума по благодати Божіей, отъ котораго отстать никогда не желаютъ; 11) почтенія къ власти самодержавной и установленной отъ оной имѣть не отрицаются, ежели въ дѣлѣ семъ, за которое взяты подъ стражу, милость имъ окажутъ; 12) къ праздничнымъ днямъ почтенія не имѣютъ;

¹⁾ Высоч. рескрипт. 13-го августа 1785 г.—См. Собр. Постан. почасты расколы. Слб. 1853 г. стр. 4.

13) постовъ не соблюдаютъ; 14) святымъ не поклоняются; и 15) моленіе совершаютъ, собираясь въ одно мѣсто по своему обряду, изъ псалмовъ Давидовыхъ¹⁾).

Правительство тогдашняго времени, явно покровительствуя другимъ расколамъ, въ тоже время было жестоко въ духоборцамъ. Въ свою очередь раскольники и православные, среди коихъ жили духоборцы, относились къ симъ послѣднимъ самымъ презрительнымъ образомъ, особливо зная ихъ караніе закономъ, тогда какъ раскольники, напр., считали себя привилегированными предъ властію въ силу указовъ Екатерины. Какъ жестоко было правительство къ духоборцамъ таврическимъ, мы можемъ судить по рѣшенію дѣла о 34 духоборцахъ Перекопскаго уѣзда. Въ 90-хъ г. XVIII столѣтія, послѣ длиннаго производства слѣдствія перекопскій уѣздный судъ, наконецъ, заключилъ по дѣлу о 34 судимыхъ духоборцахъ такъ: «Какъ вышепоименованные подсудимые за внушеніемъ и увѣщаніемъ (всемѣрно) отъ уѣзднаго суда и протопоповъ остались непреклонными, то дабы отвратить впредь у людей, имъ подобныхъ, суевѣріе и самимъ имъ воздать за отверженіе *отъ церкви*, ея таинствъ и *святыхъ миценіе*, сихъ преступниковъ, именно: алешковскихъ, лагерскихъ, чалбурскихъ и днѣпровскихъ, въ Днѣпровкѣ наказать публично мушкетъ внутромъ по тридцати, а женщинъ плетьюми по сорока ударовъ, дочерей же духоборцевъ Якова Лактева—Катерину, и Ивана Шалаева — Настасью, какъ несовершеннолѣтнихъ, по силѣ указа 1765 г. мая 2-го дня, высѣчь первую въ Алешкахъ, а послѣднюю въ Днѣпровкѣ розгами, и по наказаніи всѣхъ сихъ преступниковъ отправить въ Сибирь на поселеніе, имѣніе же ихъ описанное и оцѣненное,—а въ коихъ еще не описано, описать, съ публичнаго торга продать, и вырученныя деньги для записки въ казенный доходъ отправить въ перекопское уѣздное казначейство; исполненіе чего возложить на перекопскій земскій судъ». Уголовная новороссійская палата была снисходительнѣе нѣсколько къ духоборцамъ; она опредѣлила: «Подсудимыхъ, обличенныхъ въ духоборческой ереси, сослать закованныхъ въ желѣза, безъ наказанія, въ Екатеринбургѣ вѣчно къ разработкѣ рудниковъ, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей, о воспитаніи дѣтей ихъ ниже десяти лѣтъ коихъ въ православной вѣрѣ въ городѣ—градскому, а въ уѣздахъ—волостному головамъ обще съ духовенствомъ имѣть попеченіе, а имѣніе судимыхъ отдать родственникамъ, буде имѣются, православной вѣры, тоже для воспитанія малолѣтнихъ дѣтей, и въ пользу ихъ употребить имъ принадлежащее: а когда родственниковъ не ока-

¹⁾ Тамъ же.

жется и малолѣтнимъ оное не принадлежитъ, то продать оное съ публичнаго торга и вырученныя деньги отослать въ приказъ общественнаго призрѣнія». Это рѣшеніе представлено было новороссійскому губернатору на утвержденіе, который и утвердилъ его.

ГЛАВА VIII.

Мелитопольскіе молokane и духоборцы. — Молочныя-воды. — Нравственная и обрядовая сторона таврическихъ духоборцевъ. — Домашняя и общественная жизнь. — Воспитаніе дѣтей.

Уѣздъ Мелитопольскій въ Таврической губерніи есть одна изъ тѣхъ мѣстностей, куда суждено было въ XIX вѣкѣ собраться духоборцамъ и молokane со всей Россіи. Правительство нашло, что съ переселеніемъ духоборцевъ и молokane въ одно мѣсто изъ всей Россіи, именно: въ Мелитопольскій уѣздъ на р. «Молочныя-воды», могутъ быть, наконецъ, отняты поводы къ раздорамъ, постоянно возникавшимъ между ими и поселянами православными въ разныхъ губерніяхъ Россіи, и что по водвореніи ихъ въ одномъ мѣстѣ и самый надзоръ надъ ними сдѣлается дѣлательнѣе. Со времени высочайшихъ указовъ о семъ, въ началѣ нынѣшняго XIX вѣка, Мелитопольскій уѣздъ и его рѣка «Молочныя-воды» сдѣлались, такимъ образомъ, знаменитостію... Что же касается до положенія самаго уѣзда въ XVIII вѣкѣ, то мѣстность эта была малонаселенная. Впрочемъ, Мелитопольскій уѣздъ явился уже съ 1783 г., со времени открытія Таврической области, но съ 1802 г. управленіе перенесено было въ Орѣховъ¹⁾, и отсюда только въ 1841 г. снова перешло въ Мелитополь. Въ мѣстности нынѣшняго Мелитопольскаго уѣзда, въ половинѣ XVIII в., были запорожскіе зимовники²⁾, но русскіе познакомились съ этимъ краемъ несравненно ранѣе. Еще со времени утвержденія здѣсь крымской орды, сюда ѣздили, кромѣ гонцовъ и пословъ, люди торговые и сторожевыя; разѣзды простирались тогда до р. Молочной³⁾. Духоборцы въ XVIII в. были также въ этомъ уѣздѣ, какъ и въ Перекопскомъ и, соединившись потомъ въ XIX вѣкѣ съ переселенцами, составили изъ себя огромныя селенія.

До насъ дошло описаніе таврическихъ духоборцевъ, которое,

¹⁾ Втор. Пол. Собр. Зак., т. XVII, № 15,193.

²⁾ Карамзинъ, И. Г. Р., т. VII, прим. 301. Т. IX, стр. 124, прим. 406.

³⁾ Тамъ же.

разумѣтся, болѣе или менѣе относится къ духоборцамъ конца XVIII вѣка, такъ какъ четыре года не могли измѣнить духоборцевъ настолько, чтобы это описаніе не относилось къ духоборцамъ конца XVIII в. столько же, сколько и духоборцамъ 1805 года. Вотъ въ какомъ состояніи находилось духоборчество въ Таврической губерніи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, по этому описанію ¹⁾.

Главнѣйшій догматъ исповѣданія духоборцевъ — есть служеніе и поклоненіе Богу духомъ и истиною. «Всякую наружность, яко ненужную въ дѣлѣ спасенія», отвергаютъ.

Они не знаютъ никакого сѣмвола вѣры, но говорятъ только о себѣ, что они—закона Божія, вѣры Исусовой. Извѣстный въ нашей церкви сѣмволъ вѣры они читаютъ и все содержащееся въ немъ признаютъ за истину, но полагаютъ его въ числѣ обыкновенныхъ своихъ псалмовъ.

Бога признаютъ въ трехъ лицахъ единого, неисповѣдимаго. Вѣруютъ, что памятію мы уподобляемся Богу - Отцу, разумомъ Богу - Сыну, волею Богу - Духу святому, такъ же: первое лице, свѣтъ—Отець Богъ нашъ; второе лице, животь — Сынъ - Богъ нашъ, и третье лице, упокой—Святъ Духъ Богъ нашъ; изображеніе Трїипостаснаго Бога въ натурѣ: Отець высота, Сынъ широта, Духъ святой глубина. Это же берутъ и въ нравственномъ смыслѣ: Отець высоть и никто не можетъ выше его возглаголатъ; Сынъ широкъ разумомъ, глубины его никто не можетъ испроновѣдать.

Понятіе, которое они имѣютъ о Христѣ, основано, по ихъ убѣжденію, на евангельскомъ ученіи; они признаютъ пришествіе Его во плоти, дѣянїя, ученіе и страданїя; но болѣе все то берутъ въ духовномъ смыслѣ и утверждаютъ, что все, чтò ни содержится въ евангелїи, должно совершиться въ насъ. Такимъ образомъ, Христось долженъ въ насъ зачатъся, родиться, возрастать, учить, страдать, умереть, воскреснуть и вознестись; и въ этомъ-то полагаютъ они процессъ новаго рожденїя или обновленїя человѣка. Они говорятъ, что самъ Исусъ былъ и есть евангелїе вѣчное, живое и посылалъ оное словомъ проповѣдывать. Онъ Самъ есть Слово и пишется тоюмо въ сердцахъ.

Вѣруютъ, что, кромѣ Бога и Христа Его, нигдѣ нѣтъ спасенїя; но если Богъ не призывается отъ чистаго сердца, то и Онъ Самъ спасти человѣка не можетъ.

Ко спасенію человѣка нужна несомнѣнная вѣра во Христа;

¹⁾ Лѣтопись русской литературы и древности. Изд. Тихонравова, т. IV, 1862 г., стр. 4—16, въ стат. о духоборцахъ.

но вѣра безъ дѣла мертва, такъ какъ и дѣла безъ вѣры; вѣра живая одна и есть сердечное принятіе евангелія.

Въ разсужденіи крещенія говорятъ, что они крестятся словомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ Христосъ заповѣдалъ апостоламъ, сказавъ: Шедше научите вся языки крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Крещеніе сіе совершается тогда, когда человѣкъ покается чистымъ, желаннымъ сердцемъ и взываетъ къ Богу: тогда оставляются ему грѣхи его, и онъ уже думаетъ только о Богѣ, а не о мірѣ. Сіе едино крещеніе исповѣдуютъ они во оставленіе грѣховъ.

Новое рожденіе и крещеніе духовное, по ихъ разумѣнію, есть одно и то же. Средство къ достиженію новаго рожденія есть живая вѣра въ Бога и молитва. Знаки рожденнаго или крещеннаго свыше суть дѣла новаго человѣка.

Впрочемъ, крещеніе имѣеть, по ихъ мнѣнію, 7 состояній или степеней: *первое* крещеніе есть оставленіе грѣховъ; *второе* — помазаніе мѣра, т. е. познаніе міра или разумѣніе пути Господня; *третье* — рѣченіе слова Господня или глаголь Божій; *четвертое* — елеосвященіе или освященіе молитвы; *пятое* — исповѣданіе духовное; *шестое* — причащеніе духовное, *седьмое*, кровемученіе или смиреніе. Кровь означаетъ покрываніе слова Божія. Эта же седьмая степень означаетъ еще у нихъ и соединеніе съ Богомъ.

Если кто достигъ до соединенія съ Богомъ, въ чемъ они полагаютъ седьмую степень духовнаго крещенія или новаго рожденія, тотъ живетъ уже въ Богѣ, и таковой духовными очами можетъ зрѣть и ангеловъ.

Наружное крещеніе водою почитаютъ бесполезнымъ, и говорятъ, что вода смываетъ только нечистоту наружнаго тѣла.

Духоборцы полагаютъ, что каждому истинному христіанину даются два имени: одно плотское, при плотскомъ рожденіи отъ родителей его даваемое, а другое духовное, которое нарицаеть ему Небесный Отецъ при духовномъ его рожденіи, соотвѣтственно его дѣламъ. Это послѣднее имя никому здѣсь неизвѣстно, а познано будетъ въ вѣчности.

Исповѣдуются въ своихъ грѣхахъ Богу небесному, благому и милосердому, оставляющему всѣ наши согрѣшенія молитвами. Въ грѣхахъ противу своихъ собратій исповѣдуются предъ всѣми и просятъ у нихъ прощенія. Запираться въ грѣхахъ, когда другіе ихъ узнаютъ, почитается у духоборцевъ великимъ преступленіемъ: если по троекратномъ увѣщаніи таковой не усовѣстится, то они его отвергаютъ изъ общества.

Они сильно оуждають то, когда человѣкъ называетъ себя

грѣшникомъ, дѣлаетъ изъ того родъ похвалы и ложнаго смиренія и какъ бы извиняя себя тѣмъ, но притомъ не старается исправить себя отъ своихъ грѣховъ. Когда человѣкъ палъ, то тотчасъ долженъ возстать, просить у Бога прощенія съ сокрушеннымъ сердцемъ и всѣми силами остерегаться, чтобъ снова не впасть въ подобный грѣхъ.

Что касается до причащенія, то духоборцы причащаются во всякое время святымъ и животворящимъ, безсмертнымъ и страшнымъ Христовымъ тайнамъ, во оставленіе грѣховъ, духовно, внутренно воспріятіемъ въ себя слова Божія, которое есть Христось, и таковое причащеніе, какъ говорятъ они, проникаетъ человѣческій разумъ сквозъ костей и мозговъ; таинство причащенія тѣла и крови Христовой, подъ видомъ хлѣба и вина, не приеаютъ,—говоря, что хлѣбъ и вино входятъ въ уста—какъ обыкновенная пища, и ничего души нашей не пользуютъ.

Постъ полагаютъ они не въ качествѣ пищи, но въ воздержаніи отъ объеденія и другихъ пороковъ, въ чистотѣ, въ кротости и смиреніи духа. Воздержаніе отъ мясъ, по словамъ ихъ, не приноситъ душѣ никакой пользы.

Святыхъ почитаютъ, но не призываютъ на помощь, говоря, что они угодили Богу собственно для себя; мы должны только имъ подражать, что и называютъ они «призывать ихъ дѣло»; впрочемъ, они не почитаютъ дѣла угодившихъ Богу праведниковъ всѣ безъ разбора святыми.

Бракъ у нихъ не почитается таинствомъ и совершается по одному взаимному согласію молодой четы. Такъ какъ нѣтъ между духоборцами никакого предпочтенія по богатству и по знатности фамиліи, то родители вовсе не мѣшаются у нихъ въ браки дѣтей. Церемоній и обрядовъ притомъ православныхъ не бываетъ никакихъ, довольно для сего одного согласія молодыхъ супруговъ и обѣщанія жить вмѣстѣ; тогда объявляютъ они родителямъ и братіи, и живутъ вмѣстѣ. Иногда однакожь случается, что бракъ ихъ не прежде дѣлается явнымъ, какъ когда уже супруга понесетъ младенца. Впрочемъ, какъ скоро мужчина познаетъ дѣвицу, то онъ не можетъ уже отказаться имѣть ее и своею женою, въ противномъ случаѣ онъ исключается изъ общества. Сему же наказанію неминуемо подвергнутся и прелюбодѣи, если бы случились такіе.

Развода, въ намѣреніи вступить въ бракъ съ другими лицами, у нихъ никогда не бываетъ; ибо это было бы также прелюбодѣйство. Но, если бы обѣ стороны пожелали не знать другъ друга для сохраненія чистоты, то конечно, зависить то отъ нихъ самихъ. Мужъ по смерти жены, и жена по смерти мужа, мо-

гутъ снова вступать въ бракъ даже до трехъ разъ, чему однакожь почти не бываетъ примѣровъ, они говорятъ: «христіанинъ обязанъ укрощать плоть свою, а не похотствовать».

Усопшихъ поминають духоборцы добрыми дѣлами, и никакого уже другого поминовенія по нимъ не творять: праведныхъ самъ Господь помянетъ въ царствіи своемъ. Такимъ образомъ, они и не молятся уже за умершихъ, почитая то для нихъ послѣ смерти бесполезнымъ. Впрочемъ, кончину христіанина не называютъ они смертію, но измѣненіемъ; а потому и не говорятъ, что братъ нашъ умеръ, но братъ нашъ измѣнился.

При погребеніи усопшихъ, обрядовъ у нихъ не бываетъ никакихъ; также никто объ нихъ и не плачетъ, кромѣ дѣтей, но и въ тѣхъ почитается это одною слабостію. Когда духоборцы жили скрытно, то тѣла умершихъ ихъ собратій погребались обыкновеннымъ образомъ на общемъ кладбищѣ; но когда сдѣлались они явны, то хоронили своихъ умершихъ въ особенныхъ мѣстахъ.

Сотвореніе перваго человѣка исповѣдаютъ они такимъ же образомъ, какъ говорится о томъ въ священномъ писаніи, т. е. что тѣло его взято отъ земли, и что Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. По душѣ до паденія онъ былъ чистъ и непороченъ и тѣло имѣлъ лучшаго и совершеннѣйшаго сложенія, или, по ихъ выраженію, онъ былъ въ смиренномъ (видѣ) тѣлѣ. Паденіе перваго человѣка полагають они въ преступленіи заповѣди божеской. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корени, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Это объясняется извѣстнымъ мнѣніемъ, что человѣкъ есть малый міръ.

О душѣ человѣческой говорятъ, что она есть сила, — сила въ Богѣ, — а Богъ въ человѣкѣ.

Разсуждая о грѣхѣ наслѣдственномъ, они согласны, что отъ злыхъ родителей большею частію рождаются и злыя дѣти; но притомъ утверждаютъ, что грѣхи родителей не препятствуютъ спасенію дѣтей, и что въ дѣлѣ спасенія каждый самъ за себя долженъ будетъ дать Богу отвѣтъ.

Въ разсужденіи блаженнаго состоянія праведныхъ и райа, говорятъ, что царство въ силѣ, а рай въ словеси, и что души праведныхъ въ руцѣ божіей, а потому не привоснется къ нимъ мука; въ разсужденіи же мученія грѣшныхъ и ада, — что грѣшныя души во тьмѣ ходять, чающе себѣ скорой гибели, и что адъ стоитъ на злобѣ. О переселеніи душъ послѣ смерти разсуждаютъ, что человѣкъ дѣломъ оправдывается и дѣломъ погибнетъ,

что дѣло важдаго приводитъ въ свои мѣста, и что послѣ смерти нѣтъ уже покаянія.

Что же касается до общаго воскресенія праведныхъ и грѣшныхъ на судъ съ ихъ тѣлами, то духоборцы въ сужденія о томъ не входятъ, предоставляя то единому Богу.

Вообще духоборцы неохотно или вовсе не входятъ въ изясненіе таинственныхъ вещей съ людьми мало имъ извѣстными, основываясь въ томъ на изрѣченіи Спасителя, сказавшаго: Не мечите бисера предъ свиньями... Они говорятъ, что теперь еще не время отрывать такія вещи, и что оныя скоро всѣмъ извѣстны будутъ. Равнымъ образомъ и на вопросъ: какъ скоро ожидаютъ они пришествія Христова, — отвѣчали, что судя по дѣламъ въ мірѣ творящимся, надобно ему быть скоро.

Дабы человѣку спасти душу свою, для того не полагаютъ они нужнымъ быть въ ихъ обществѣ; они говорятъ, что дѣло приводитъ ко спасенію, и для того нужно только уразумѣть путь Господень и исполнять его.

Театръ, по мнѣнію ихъ, есть школа не-христіанская, гдѣ ангелы, спутники наши, не присутствуютъ. Плясуны, какъ въ театрахъ, такъ и на прочихъ увеселеніяхъ уподобляются гусямъ, которые весною съ маткою выходятъ на траву, скачутъ и прыгаютъ, но все остаются гусями и познанія о Богѣ не имѣютъ; когда же приходитъ морозъ, то они садятся и прячутъ свои ноги.

Въ убранствѣ покоевъ духоборцы не ставятъ никакого грѣха; напротивъ того, говорятъ еще, что человѣку христіанину прилично жить чисто и опратно, чѣмъ они и сами, по ихъ увѣренію, отличались всегда отъ прочихъ крестьянъ въ ихъ селеніяхъ, нужно только смотрѣть, чтобъ духъ не былъ привязанъ къ такимъ убранствамъ... Тоже думаютъ они о картинахъ въ покоехъ, о портретахъ извѣстныхъ людей и даже изображеніяхъ святыхъ. Они говорятъ, что таковыя картины и образа служатъ украшеніемъ дома и пріятны для глазъ, но поклоняться имъ отнюдь не должно и есть грѣхъ смертный.

О бритьѣ бородъ и употребленіи табаку они говорятъ, что поелику ни борода, ни воздержаніе отъ табаку не составляютъ еще христіанина, то ни въ томъ, ни въ другомъ не полагаютъ они ни малѣйшей важности. Если бы имъ, какъ крестьянамъ, прилично было ходить безъ бородъ, то они бы безъ всякаго затрудненія согласились себѣ ихъ выбрить.

Когда духоборцы жили въ Россіи скрытнымъ образомъ, то необходимость, конечно, заставляла и ихъ исполнять тогда для виду наружные обряды и установленія грекороссійской церкви; но такъ какъ внутренно они ихъ ни мало не уважали, то, чтобы

не обнаружить образа своихъ мыслей, всякому обряду, всякой вещи, принадлежащей къ наружному богослуженію, давали они особыя свои назначенія и истолкованія въ духовномъ смыслѣ; напимѣрь, разсуждая о просфорахъ, они говорятъ, что первая просфора — есть согласіе православной вѣры, вторая — любовь нелицемѣрная, третья — поученіе въ правомъ достоинствѣ, четвертая — принятіе святыхъ таинъ, пятая — просвѣтитель.

Приобывнувъ къ такому гіероглифическому выраженію мыслей, духоборцы придаютъ нравственное значеніе и многимъ другимъ предметамъ. Такъ напимѣрь: каждому дню седмицы приданы у нихъ слѣдующія значенія, въ родѣ краткихъ нравоучительныхъ наставленій. *Понедѣльникъ* — вся дѣла Господня повѣдай. *Вторникъ* — второе рожденіе человѣка. *Среда* — зоветъ Господь людей ко спасенію. *Четвергъ* — чтите Господа во Святыхъ Его. *Пятница* — пой, прославляй Имя Его. *Суббота* — бойся суда Господня, дабы не погубить душу свою въ неправдѣ. *Воскресеніе* — воскресни отъ мертвыхъ дѣлъ и приди къ царствію небесному.

Семь небесъ означаютъ у нихъ семь евангельскихъ добродѣтелей такимъ образомъ: первое небо есть смиреніе, второе — разумніе, третье — воздержаніе, четвертое — братолюбіе, пятое — милосердіе, шестое — совѣтъ, седьмое — любовь, тамъ живетъ и Богъ ¹⁾.

Подобно тому, двѣнадцать христіанскихъ добродѣтелей изображаются у духоборцевъ въ видѣ двѣнадцати друзей. Эти друзья суть: 1) *Правда* — она человѣка отъ смерти избавляетъ. 2) *Чистота* — она человѣка къ Богу приводитъ. 3) *Любовь* — тѣлу честь и душѣ вспоможеніе. 4) *Послушаніе* — скорый путь ко спасенію. 5) *Неосужденіе* — безъ труда человѣку спасеніе. 6) *Разсужденіе* — всей добродѣтели свѣше. 7) *Милосердіе* — отъ того человѣка самъ сатана трепещетъ. 8) *Покореніе* — самого Христа Бога нашего дѣла. 9) *Молитва съ постомъ* — они человѣка съ Богомъ соединяютъ. 10) *Покаяніе* — нѣтъ такого закона и заповѣди свѣше. 11) *Благодареніе* — радостно Богу и Ангеламъ Его.

Не менѣе любопытно, по тому же источнику, описаніе нравственной и обрядовой стороны таврическихъ духоборцевъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ официальныхъ источникахъ, которыми мы преимущественно руководствуемся при написаніи настоящаго своего изслѣдованія о молоканахъ и духоборцахъ, эта сторона большею частію не существуетъ и неуловима изслѣдова-

¹⁾ Замѣчательно, что это же толкованіе добродѣтелей извѣстно въ употребленіи и у молоканъ подъ именемъ 12 друзей.

телямъ въ этихъ письменныхъ памятникахъ. Поэтому мы тѣмъ съ большею необходимостію не должны упускать изъ виду и вышесказаннаго описанія духоборцевъ, тѣмъ болѣе, что это описаніе можетъ относиться къ духоборцамъ таврическимъ XVIII вѣка и начала XIX-го столько же, сколько болѣе или менѣе и ко всѣмъ вообще духоборцамъ южной Россіи, жившимъ въ разныхъ губерніяхъ Украины и Новороссіи до начала XIX вѣка и въ 1801 году начавшимъ переселяться, по волѣ правительства, въ Таврическую губернію. Сколько извѣстно по нашимъ источникамъ, духоборцы, явившіеся съ 1801 г. изъ разныхъ губерній Россіи въ Таврическую губернію на жительство, узнали другъ друга какъ по ученію догматическому, такъ и по образцовой и нравственной сторонѣ и не сошлись только съ одними молоканами, отъ которыхъ неминуемо и отдѣлились. Вотъ въ какомъ видѣ представляется нравственная и обрядовая сторона у духоборцевъ по вышесказанному описанію.

Если не касаться правилъ исповѣданія вѣры, то духоборцы могутъ служить образцомъ въ домашней и общественной жизни. Мѣстныя власти таврической Украины въ донесеніяхъ своихъ къ бывшему въ 1792 г. генераль-прокурору Вяземскому между прочимъ представляли, что послѣдователи духоборческой ереси ведутъ жизнь примѣрно хорошую и, уклоняясь отъ пьянства и праздности, пекутся неусыпно о своемъ домостроительствѣ и суть благодѣтели. Государственныя подати и другія общественныя повинности они всегда несли исправно, даже часто въ излишество противу прочихъ крестьянъ, по причинѣ всегда чинимыхъ имъ отъ сельскаго начальства притѣсненій всякаго рода. Лѣность и пьянство нетерпимы у нихъ до того, что зараженныхъ этими пороками исключаютъ они изъ своего общества.

Для молитвы они дѣлаютъ между собою частыя собранія изъ своихъ собратій, однако же не имѣютъ для того особо назначеннаго какого-либо въ родѣ церкви мѣста, такъ какъ въ мѣстѣ не находятъ никакой святости, но собираются другъ къ другу безъ всякаго различія. Они не назначаютъ также для того и особыхъ какихъ-либо дней, почитая ихъ всѣ равными и не имѣя никакихъ праздниковъ: всякій день свободный бываетъ днемъ ихъ собранія.

Впрочемъ, собранія эти большею частію бываютъ въ обыкновенные церковные и царскіе праздники, когда прочіе мірскіе люди не работаютъ, потому что, если бы стали они работать во время такихъ праздниковъ, то тѣмъ навлекли бы на себя ругательства мірянъ и могли бы подвергнуться истязанію въ пренебреженіи государственныхъ установленій.

Такимъ образомъ, всякій изъ нихъ можетъ сдѣлать у себя собраніе когда захочетъ, приглася къ себѣ свою братію.

Если же таковое собраніе дѣлаетъ недостаточный, который не имѣетъ чѣмъ накормить собравшихся къ нему, то прочіе доставляютъ ему и нужную къ ужину пищу или иногда приносятъ ее съ собою, ибо въ собраніяхъ они и ужинаютъ.

Пришедши въ собраніе, они привѣтствуютъ другъ друга, мужчины — мужчинъ, а женщины — женщинъ, взявшись другъ съ другомъ правыми руками, дѣлая другъ другу три поклона и цѣлуясь троекратно, причемъ каждый читаетъ свою молитву. Три поклона и троекратное цѣлованіе дѣлаютъ они во имя Троицкаго Бога, въ очищеніе плоти и для отогнанія гордости: рука за руку берутъ въ знакъ союза любви, благовѣщанія, познанія разума, познанія тайнаго Бога внутри себя.

Въ продолженіи собранія читаютъ молитвы одинъ послѣ другого, какія кто знаетъ, поютъ всѣ вмѣстѣ псалмы и поучаются слову Божію. А какъ не всѣ изъ нихъ умѣютъ читать, а потому и не имѣютъ у себя и книгъ, то все это производится въ собраніяхъ изустно. Священниковъ обыкновенныхъ у нихъ нѣтъ; они признаютъ священника единаго, праведнаго, не лживаго, не сквернаго, отлученнаго отъ грѣшниковъ и превознесеннаго превыше небесъ. Онъ же единъ и учитель ихъ. И такъ въ собраніяхъ поучаются они слову Божію другъ отъ друга. Всякой можетъ говорить, что знаетъ къ назиданію своей братіи: даже самыя женщины изъ того не исключаются; ибо, говорятъ они, и женщины имѣютъ разумъ, — а свѣтъ въ разумѣ. Молятся стоя, или сидя, какъ случится.

По окончаніи собранія также бываетъ у нихъ троекратное цѣлованіе, какъ и при началѣ, и послѣ того вся братія расходится по своимъ домамъ.

Наиболѣе уважаемая въ обществѣ духоборцевъ добродѣтель есть братолобіе. У нихъ нѣтъ между собою собственности, но каждый имѣніе свое почитаетъ общимъ.

Страннопримство также не послѣдняя между ними добродѣтель, ибо съ проѣзжающихъ чрезъ ихъ селенія не берутъ они ничего ни за постой, ни за пищу.

Къ ближнему духоборцы сострадательны: мѣстныхъ начальства при всѣхъ взводимыхъ на нихъ православными клеветахъ, не одинъ разъ засвидѣтельствовали предъ правительствомъ, что они въ нуждахъ оказываютъ ближнимъ пособіе и великія благотворенія; они жалостливы даже къ домашнему скоту, ибо никогда почти не бьютъ его.

Строго также наблюдается между ними почтеніе дѣтей къ

плотскимъ родителямъ и вообще младшихъ лѣтами къ старшимъ, хотя старшіе и даже родители не присвоиваютъ себѣ надъ ними никакой власти, почитая себя духовно имъ равными.

Наказаній между духоборцами нѣтъ никакихъ, кромѣ исключенія изъ общества, и это исключеніе бываетъ за такіе только поступки, изъ коихъ общество ясно видитъ, что въ исключенномъ потерянъ духъ христіанства, и кои могутъ подать соблазнъ и другимъ братіямъ. Но прежде такого исключенія, каждый изъ братіи, какъ скоро замѣтитъ въ комъ подобный поступокъ, по точному смыслу священнаго писанія, напоминаетъ ему, что онъ дѣлаетъ худо; если проступившійся отъ того не усовѣстится, то увѣщаетъ при двухъ, или трехъ братіяхъ; если не послушается трехъ, то обличается въ цѣломъ собраніи, но если и тогда останется упорнымъ, то рѣшительно уже исключается изъ общества.

Бываютъ однакоже примѣры, хотя весьма рѣдкіе, что нѣкоторые изъ ихъ братіи, не сдѣлавъ явно никакого поступка, по которому бы могли подлежать исключенію изъ общества, сами собою оставляютъ его, безъ сомнѣнія для того, чтобъ пожить по своей волѣ безъ всякаго принужденія: случалось даже, что жены оставляли своихъ мужей. Таковыхъ они не удерживаютъ, но даютъ имъ свободу, надѣливъ притомъ по возможности и имуществомъ. Впрочемъ, исключенные изъ общества и сами собою отдѣлившіеся могутъ и опять приняты быть въ него, если совершенно раскаются предъ нимъ въ своихъ проступкахъ и оставить развратную жизнь, чему также не рѣдко бываютъ примѣры.

Упражненія ихъ обыкновенныя, смотря по званію, кто въ какомъ изъ нихъ находится. Такимъ образомъ: купецъ занимается купечествомъ, а земледѣлецъ земледѣіемъ, но какъ большая часть изъ нихъ земледѣльцы, то и обыкновеннѣйшее ихъ упражненіе есть земледѣіе; нѣкоторымъ образомъ, они предпочитаютъ это благородное упражненіе всѣмъ прочимъ.

Въ обществѣ духоборцевъ совершенно нѣтъ никакихъ, такъ называемыхъ чиновныхъ людей, кои бы управляли и распоряжались обществомъ; но общество управляетъ всѣми и каждымъ; письменныхъ постановленій и правилъ также нѣтъ у нихъ никакихъ. Судя по обыкновенному духу простого народа, въ обществѣ духоборцевъ должно бы казаться быть разногласіе и безпорядокъ; однакожь такого безпорядка никогда еще у нихъ не замѣчено.

Что касается до управленія семействъ въ частности взятыхъ, то слабость и нужды женскаго пола, неопытность юношей и воспитаніе не пришедшихъ еще въ возрастъ дѣтей, конечно, требуютъ уже другого порядка. Въ каждомъ семействѣ натурально

долженъ быть старшій, и этотъ старшій есть родитель по плоти. Долгъ его промышлять о нуждахъ своего семейства, смотрѣть за поступками дѣтей, исправлять ихъ недостатки и научать закону Божію. Когда умираетъ родитель, то мѣсто его заступаетъ старшій изъ братьевъ, а въ случаѣ неспособности его въ управленіе семейства вступаетъ другой способнѣйшій.

Образъ воспитанія дѣтей у духоборцевъ самый простой и единственный. Какъ скоро дитя начинаетъ говорить и понимать, то родители начинаютъ изустно обучать ихъ краткимъ молитвамъ и псалмамъ; пересказываютъ имъ что-нибудь изъ священнаго писанія и такимъ образомъ всегда продолжаютъ наставлять ихъ изустно въ христіанскомъ законѣ; когда же дѣти выучатъ уже нѣсколько молитвъ и псалмовъ, то вмѣстѣ съ другими ходятъ въ собранія, читаютъ въ свою очередь выученныя ими молитвы и поютъ съ прочими псалмы.

Впрочемъ, и кромѣ родителей каждый изъ духоборцевъ за долгъ считаетъ научить чему-нибудь полезному всякое дитя своей собратіи, какъ скоро имѣетъ къ тому случай, и удержатъ отъ зла, если то въ немъ замѣтитъ.

При такомъ воспитаніи духъ родителей мало по малу переходитъ и въ ихъ дѣтей; образъ мыслей глубже въ нихъ вкореняется, и ихъ склонность къ добру сильнѣе утверждается добрыми примѣрами. Увѣряютъ, и очень естественно, что между множествомъ дѣтей каждый безошибочно отличить можетъ духоборческихъ дѣтей отъ всѣхъ прочихъ, такъ, какъ колосья пшеницы между овсомъ.

ГЛАВА IX.

Молокане и духоборцы въ XVIII вѣкѣ въ Астраханской губерніи. — Явленіе Семена Уклеина въ Астраханскомъ краѣ. — Начало молоканства въ Царевскомъ уѣздѣ. — «Село Пришибь». — Молокане селъ: Вязовки, Солодниковы и Сибѣлаго-Дра. — Черноярскій уѣздъ. — Молокане г. Астрахани.

Указомъ Екатерины II, 14-го декабря 1762, дозволено было бѣжавшимъ за границу и внутри Россіи находящимся диссидентамъ всякаго рода, селиться въ Сибирской губерніи близъ Тобольска, на Карабинской степи, въ вѣдомствѣ Усть-Каменогорской крѣпости ¹⁾, по рѣкамъ Убѣ, Эльбѣ, Березовѣ, Глубокой

¹⁾ Пер. полн. собр. Зап. Томъ XVI, № 111, 725. — Дѣло Арх. 1828 года. — Собран. постанов. по части раскола. С.-Петербургъ 1858 года, стр. 2.

и по прочимъ притокамъ Иртыша, и въ нѣкоторыхъ частяхъ въ Астраханской губерніи.

Имѣя въ виду этотъ указъ, нѣкто Уклеинъ, предпринявъ путешествіе въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія по Саратовской и Астраханской губерніи, съ пропагандою своего ученія соединялъ и цѣль осмотрѣть мѣста этихъ губерній, особенно Астраханской, какъ самой удаленной отъ центра Россіи, и слѣдовательно, обѣщавшей нетревожное житіе желающимъ переселиться туда, гонимымъ, во внутреннихъ губерніяхъ, молоканамъ. Прибывъ въ Астраханскую губернію, вотъ какія удобства нашель онъ въ ней для переселенія и водворенія здѣсь молоканъ.

Губернія Астраханская прежде всего заселена была и заселялась самыми пестрыми племенами: армянами, татарами, киргизами, калмыками, туркменами, каракалпаками, мордвою, чувашею, персіянами, грузинами, греками, поляками, евреями, нѣмцами и только незначительною частію малороссіянъ русскихъ ¹⁾, что уже само собою обѣщало спокойное отправленіе среди сихъ народовъ вѣры молоканской, подвергавшейся часто насмѣшкамъ православныхъ во внутреннихъ губерніяхъ и преслѣдованію духовенства и даже мѣстнаго сельскаго начальства. Рѣка Ахтуба, вдоль которой проѣзжалъ Уклеинъ, въ параллельномъ теченіи своемъ съ Волгою, постоянно развѣтвлявшаея въ Астраханской губерніи на многіе притоки, орошала обширныя плодородныя долины, расширявшіяся часто на 50 верстъ и усѣяныя озерами, притоками и рѣками, въ кои упиралось вдобавокъ множество балокъ съ водой. Здѣсь стучали уже колеса мукомольныхъ мельницъ (издавна любимое занятіе молоканъ) и собирался хлѣбъ въ невиданно счастливомъ изобиліи; обширныя дубовыя дубравы, окаймляя берега Ахтубы, сулили прекрасную постройку поселенцамъ; осокорь, осина, тутовникъ и тальникъ, раскинутые всюду между озеръ и по долинамъ, необыкновенно рослыя травы, рѣдко вѣмъ косившіяся, огромныя рыбныя ловли, тучныя степи, все это, выказывая щедрость природы, обѣщало самое богатое существованіе переселенцамъ, которые переселившись могли называть собственностію все то, что свободно рука можетъ взять и употреблять на свою пользу. При Ахтубѣ въ Царевскомъ уѣздѣ въ прекрасной низменной долинѣ красовался шелковичный садъ въ 10 десятинъ земли, посаженный волжскими болгарями и процвѣтшій особенно во времена могущества Золотой орды. Петромъ I-мъ, въ 1720 году, здѣсь устроенъ былъ шелковичный заводъ и для шелковичнаго производства основаны селенія изъ людей безрод-

¹⁾ Слѣски насел. мѣст. росс. импер. томъ II, стр. XII.

ныхъ, бѣглыхъ и ссыльныхъ, «Верхне-Ахтубинское» (Безродное) и «Средне-Ахтубинское»; молokane, выселившіеся сюда впослѣдствіи, были одними изъ лучшихъ шелководовъ. По обширнымъ долинамъ между Ахтубою и Волгою росъ въ изобилии самородный тутовникъ, зрѣлые плоды коего, оставляемые безъ всякаго употребленія, падая на землю и разносимыя весенними водами вмѣстѣ съ иломъ, пораждали новыя деревья. Посрединѣ Царевскаго уѣзда по направленію къ Елтонскому озеру, по такъ-называемому «Солевозному тракту», виднѣлись одинокіе уметы, или хутора малороссіянъ, мордвы и чувашей, приписанныхъ къ разряду солеломщиковъ, и представлявшихъ, особенно послѣдніе, заманчивую перспективу, при отсутствіи православныхъ церквей и духовенства, для обращенія ихъ въ молоканство, чего впослѣдствіи переселившіеся сюда молokane дѣйствительно и достигли. Уѣзды Красноярскій и Астраханскій состояли болѣе изъ одинокихъ поселковъ, жители коихъ мало знали и видѣли властей и духовенство, проживая среди озеръ, поросшихъ камышами, подъ тѣнью зеленыхъ тѣнистыхъ роцей, совершенно свободными людьми. Все это подѣйствовало заманчиво на Уклеина, который, возвратившись въ Тамбовскую губернію, самыми привлекательными красками описалъ молokaneмъ Астраханскій край, особливо мѣстности, орошенныя р. Ахтубою, и совѣтывалъ переселяться сюда на безмятежное жительство. Молokane послѣдовали его совѣту, и съ этого времени молokaneскія поселенія ахтубинскія стали считаться для нихъ завѣтнымъ эльдорадо, куда стремились они усиленно и впослѣдствіи, а время безмятежнаго житія въ сихъ мѣстахъ считается и доселѣ молokaneми золотымъ вѣкомъ.

Въ какихъ мѣстахъ Астраханской губерніи и сколько лицъ обратилъ Уклеинъ въ молokaneство во время своего путешествія, за недостаткомъ источниковъ, мы точныхъ указаній сдѣлать не можемъ, но достовѣрно то, что въ селѣ, напр., Пришибѣ¹⁾ Царевскаго уѣзда онъ имѣлъ не малый успѣхъ²⁾. Конечно, Царевскаго уѣзда, какъ уѣзда, въ это время, т. е. при путешествіи Уклеина по Астраханской губерніи, не существовало еще; онъ открытъ только въ 1835 году³⁾ и составлялъ уѣздъ Саратовской

¹⁾ Село «Пришибъ» стоитъ на большой дорогѣ въ г. Царевъ недалеко отъ сего города, близъ рѣки Ахтубы. На специальной картѣ Шуберта 1844 года, оно помѣщено между селомъ Заплавнымъ и г. Царевомъ. По спискамъ населенныхъ мѣстностей рос. имперіи. Томъ II стр. 20, въ 1861 году въ селѣ Пришибѣ считалось жителей 7444 души обоого пола.

²⁾ Слѣдств. дѣло 1819, № 278, стр. 50—60.

³⁾ Пол. Собр. Зак. Томъ X, № 8684.

губерніи до 1850 года, когда наконецъ при образованіи Самарской губерніи отчисленъ къ Астраханской губерніи ¹⁾. Самое основаніе слободы Царевской, переименованной потомъ въ городъ, относится во времени позднѣйшему послѣ Уклеина, именно къ 1805 году, когда выходцы изъ Павловскаго уѣзда Воронежской губерніи, поселенные первоначально въ Волгскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, перешли на Ахтубу и зачисленные въ возчики елтонской соли, водворились на этомъ мѣстѣ ²⁾. Но мѣстность, на которой основалась эта слобода, принадлежитъ къ важнѣйшимъ историческимъ. Здѣсь была столица хановъ Золотой Орды, Сарай, основанный Батыемъ въ первой половинѣ XIII столѣтія, о существованіи коего свидѣлствуютъ и доселѣ курганы, разсѣянные вокругъ Царева версть на 20 отъ села Пришибъ до деревни Растягаевки, или Колобовщины ³⁾.

Что же касается села Пришибъ, то оно состояло во время прибытія туда Уклеина изъ казаковъ и бѣглыхъ людей разныхъ губерніи, кои и были первыми слушателями новаго ученія Уклеина. По переселеніи на Ахтубу молokane тамбовскихъ, село Пришибъ сдѣлалось корнемъ молokaneства ахтубинскаго и уважаемою мѣстностью по воспоминанію о личномъ пребываніи здѣсь Уклеина и насажденіи тамъ первыхъ сѣменъ молokaneства... Съ того времени пришибенскіе молokane играли важную роль среди молokane астраханскихъ до позднѣйшихъ временъ и подавали правительству за всѣхъ молokane астраханскихъ одно за другимъ исповѣданіе молokaneской вѣры.

Въ 80-хъ годахъ, когда привлекательныя и выгодныя для молokane мѣста Астраханской губерніи сдѣлались извѣстными чрезъ Уклеина въ губерніяхъ Тамбовской, Воронежской и Рязанской, то молokane этихъ губерніи, съ позволенія и безъ позволенія начальства стали переселяться на р. Ахтубу и Алтату и образовывать хуторскія поселенія среди поросшихъ глухими вустарниками озеръ, соединявшихся между собою узкими и неглубокими проливами, на мелкихъ возвышеніяхъ, образуемыхъ р. Волгою и Ахтубою, и представляющихъ обширную дельту безчисленныхъ острововъ ⁴⁾, поросшихъ камышемъ, и др. плодоносныхъ, но уединенныхъ мѣстахъ, такъ что въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія по берегамъ рѣки Ахтубы и Алтаты видѣлись уже многія по-

¹⁾ Тамъ же, томъ XXV № 24,708.

²⁾ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1845 г. Ч. X, стр. 173.

³⁾ Никон. лѣтоп. VII, 210.—Книга бол. чертежа изд. Спасскаго стр. 153.—Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1845. Кн IX и X.

⁴⁾ Матер. для Стат. Росс. Импер. 1839 г., стр. 84—123.—Списки насел. мѣст. Росс. Импер. Томъ II, стр. IX.

селенія молоканскія ¹⁾. Въ то же время по Узенямъ и Иргизу нынѣшней Самарской губерніи селились раскольники, возвращавшіеся изъ Польши; въ губернію же Астраханскую на казенный счетъ переселились и казенные крестьяне изъ губерній Воронежской, Тамбовской, Рязанской и другихъ, при чемъ многіе участки земли и морскихъ водъ раздавались безденежно въ собственность ²⁾. Въ 1785 году указомъ 9-го мая повелѣно было генераль-губернатору саратовскому и кавказскому Потемкину нарочито и особенно усилить заселеніе степей между Царицынымъ, Черкасскомъ и Кавказскою линіею ³⁾. Такимъ образомъ, при столь усиленномъ спросѣ на поселенцевъ, здѣсь не разбирали уже строго выходцевъ изъ другихъ губерній и не спрашивали о томъ: съ позволенія или безъ позволенія явившіеся для заселенія края выходили изъ прежнихъ своихъ мѣстъ, отъ того край заселялся и разными служилыми людьми, ссыльными и бродягами безродными и безпутными ⁴⁾, бѣглыми раскольниками и недавшими о себѣ никому знать молоканами... Послѣдніе, поселившись въ разныхъ мѣстахъ губерніи, скоро оказали уже и свое вліяніе на многія села, обращеніемъ жителей въ молоканство. Въ 90-хъ годахъ, какъ видно изъ донесенія астраханскаго губернатора ⁵⁾, министру внутреннихъ дѣлъ, молоканство было уже, между прочимъ, въ слѣдующихъ селахъ Астраханской губерніи: Солодниковѣ, Свѣтломъ-Ярѣ, Вязовкѣ, и др., изъ коихъ въ Солодниковѣ официально объявилось въ 1792 году, въ Свѣтломъ-Ярѣ въ 1796, а въ Вязовкѣ въ 1797 годахъ, неофициально же гораздо раньше. Такимъ образомъ, независимо отъ Царевскаго, и Черноярскій уѣздъ въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія имѣлъ уже молоканъ и не въ одномъ мѣстѣ.

ГЛАВА X.

Астраханское духоборство. — Гавріиль Сорокинъ. — Исповѣданіе вѣры молоканъ села «Пришибъ». — Правительственный отзывъ о молоканахъ астраханскихъ.

Молокане распространяли въ концѣ XVIII вѣка по Астраханскому краю свое ученіе тайно, незамѣтно, но тѣмъ не менѣе удачно и успѣшно. Съ Библиею въ рукахъ являлись они то на

¹⁾ Довес. Министр. Внутр. Дѣлъ.

²⁾ Спис. насел. мѣстн. Росс. Импер. Спб. 1861 г. Томъ II, стр. IX.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же. Стр. VIII обор.

⁵⁾ Слѣдств. дѣло, 1811 № 18.

хуторъ, то на ватагу рыболовную и заводили разговоръ о вѣрѣ, при чемъ начинали читать Библію и толковать мѣста, на коихъ утверждалось ихъ ученіе ¹⁾. Подумайте, говорили и доннынъ говорятъ ²⁾ обыкновенно молокане при совращеніи православныхъ, вѣмъ и для чего выдуманы у васъ обряды и уставы церковные? ихъ придумали ваши попы для своей поживы. Родится у васъ младенецъ, вы платите попу деньги за крещеніе; а мы сами читаемъ молитвы, нарекаемъ имена и деньги остаются въ карманѣ. За вѣнчаніе, за похороны, за молебны вы платите попамъ деньги, а мы это дѣлаемъ сами и безъ всякихъ расходовъ. Къ одному изъ крестьянъ Астраханской губерніи, Садовскому ³⁾, какъ онъ самъ объявилъ начальству, пришли однажды, когда онъ находился на ватагѣ, молокане съ книгами, начали прочитывать ихъ и толковать Библію. Садовскій выслушалъ чтенія и толкованія, но объявилъ о приходящихъ начальству ⁴⁾.

Какъ велико было количество молоканъ въ Астраханскомъ краѣ въ прошедшемъ XVIII столѣтіи—мы не имѣемъ точныхъ указаній, но полагать надобно, что количество ихъ съ переселившимися изъ внутреннихъ губерній было довольно значительно, что можно заключать, между прочимъ, по тому факту, что въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго XIX столѣтія, по донесеніи губернатора, въ одномъ селѣ Пришибѣ ⁵⁾, значилось молоканъ 772 души обоего пола ⁶⁾. Слѣдовательно, если мы предположимъ, что одна только третья часть изъ этого количества существовала въ концѣ XVIII вѣка въ селѣ Пришибѣ, а двѣ части явились въ первомъ десятилѣтіи XIX в., то и тогда въ одномъ этомъ мѣстечкѣ должно было, до 1800 года, находиться молоканъ болѣе 200 душъ.

¹⁾ Слѣд. дѣло 1805, № 1.

²⁾ Слѣд. дѣло 1819, стр. 53—86.

³⁾ Слѣд. дѣло 1805 г., № 1.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ С. Пришибъ до 1850 г. считалось принадлежащимъ къ Саратовской губерніи, потому отзывы о состояніи молоканъ сего села до 1850 г. дѣлало постоянно саратовское начальство; тѣмъ не менѣе, мы позволяемъ себѣ о пришибскихъ молоканахъ говорить какъ о молоканахъ астраханскихъ, по принятому нами плану считать принадлежностію известной губерніи въ данный моментъ все то, что было въ ней въ какое бы то ни было время, когда или вся губернія, или часть ея принадлежала къ другимъ губерніямъ. Въ выборѣ этого плана мы руководствовались желаніемъ округлить свѣдѣнія каждой губерніи такъ, чтобы будущіе составители отдѣльной исторіи молоканъ и духоворцевъ по каждой губерніи, не собирали факты развитія молоканства и духоворчества известной губерніи изъ другихъ губерній, потому только, что эти губерніи были прежде или не открыты, или входила попеременно въ составъ разныхъ губерній.

⁶⁾ Слѣд. дѣло 1811 г., № 18.

Было ли духоборчество въ XVIII в. въ Астраханской губерніи—мы сказать опредѣлительно не можемъ по тому обстоятельству, что молоканство и духоборчество смѣшивались здѣсь и правительствомъ и народомъ въ одну секту ¹⁾. Впрочемъ, мы имѣемъ одно указаніе на существованіе духоборчества въ Ставропольскомъ уѣздѣ, входившемъ тогда въ составъ Астраханской губерніи. Здѣсь, въ концѣ XVIII в., былъ тайнымъ духоборцемъ нѣкто Гавріиль Сорокинъ, объявившій себя, наконецъ, и правительству ²⁾.

Этотъ Сорокинъ былъ купцомъ и ратманомъ въ г. Александровѣ, и долго поддерживалъ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, духоборцевъ; наконецъ объявилъ себя гласно духоборцемъ, за что, по высочайшему указу, и сосланъ былъ на «Молочныя-воды» ³⁾, въ пресѣченіе, какъ сказано было въ указѣ, соблазна отъ поступка столь гласнаго произойти могущаго къ вольностямъ духоборческимъ ⁴⁾, и съ причисленіемъ въ крестьянскій окладъ вмѣстѣ съ прочими водворенными на «Молочныхъ водахъ» духоборцами, безъ участія, впрочемъ, при водвореніи въ казенномъ пособіи, коего, по словамъ указа, Сорокинъ по своему поведенію не заслуживалъ ⁵⁾. Этотъ Гавріиль Сорокинъ — личность, игравшая и впослѣдствіи большую роль въ духоборчествѣ.

Характеристикою ученія молоканъ Астраханскаго края конца XVIII в. можетъ служить, между прочимъ, исповѣданіе вѣры, поданное правительству молоканами села «Пришибъ» ⁶⁾, хотя это исповѣданіе далеко не исчерпываетъ всего ученія молоканскаго ⁷⁾. Вотъ это исповѣданіе:

«§ 1. Взирающе мы на начальника вѣры и совершителя Иисуса, имѣемъ себя священника и архіерея единаго, иже сѣдитъ одесную Бога.

«§ 2. Знаменуемся обѣтованіемъ Духомъ Святымъ, во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь!

¹⁾ Самые молокане Вязовки, Солодовникова и Свѣтлаго-Ура названы были въ донесеніи астраханскаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ духоборцами. Слѣд. дѣло, 1811 г., № 18. Пришибскіе молокане тоже нерѣдко величались саратов. губернаторомъ, въ его донесеніяхъ, духоборцами, тогда какъ изъ исповѣданія вѣры, поданнаго ими, ясно видно, что они молокане.

²⁾ Слѣд. дѣло, 1807 г., № 9.

³⁾ Высоч. указъ 1806 г., 28 ноября.

⁴⁾ Слѣд. Дѣло 1816 г., № 20.

⁵⁾ Высоч. указъ генералъ-губерн. Миклашевскому, 28 ноября 1802 г.—Слѣд. дѣло 1816 г., № 20, стр. 84.

⁶⁾ Хотя исповѣданіе это попало въ М. В. Д. въ 1805 году, но тѣмъ не менѣе на него нельзя не смотрѣть какъ на результатъ догматическаго мышленія молоканъ послѣднихъ годовъ XVIII в.

⁷⁾ Слѣд. Дѣло 1816 г., № 20, стр. 10.

«§ 3. Крещеніе имѣемъ духовное, по слову св. писанія: *Азъ убо крестихъ въ водою, свазалъ Иоаннъ Креститель, вретъ же крѣпкій мене въ слѣдъ мене, ему же нѣсмь достоинъ разрыштите ремень сапогъ его: той крестить въ Духоу Святѣмъ* (Мар., 1 гл. 7—8 стих.).

«§ 4. О моленіи, Христось показалъ ученикамъ своимъ молиться такъ: *егда молитесь, глаголите: Отце нашъ, иже еси на небесахъ* (Лук., 11 гл., ст. 2), и апостолъ писалъ въ Ефесеямъ: *всякою молитвою и моленіемъ молитесь на всякое время духоу.* (Ефес., 6 гл., 18 стих.).

«§ 5. Храмы имѣемъ, по описанію Моисея въ 5-й книгѣ: *призри съ небесе отъ храма святаго своего; и у пророка Исаія, въ 63 гл., ст. 5, говорится: обратися, Господи, отъ небесе, и виждь отъ Дому святаго Твоего и славы Твоея.* Пророкъ Варухъ, во 2-й гл., 16 ст. написалъ: *Господи, призри изъ дому святаго Твоего на насъ.* Въ 19 псалмѣ, ст. 15, говорится: *Боже силь, обратися убо и призри съ небесе и виждь; и въ 32 псалмѣ, ст. 13-й: съ небесе призрь, Господь, видь вся сыны человеческія; въ 1-мъ соборномъ посланіи Петровомъ, гл. 2, ст. 5, пишется: и сами яко каменіе живо зиждитесь, въ храмъ духовенъ, святительство свято; 1. Коринянамъ въ 3-й гл. 16 ст.: не вѣсте ли яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ, и въ 7-й гл. 19 ст.: или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живушаго въ васъ святаго Духа суть; и въ 6-й гл. 2 Коринь., ст. 16: вы бо есте церкви Бога жива; въ Дѣянїи въ 7-й гл., 48 ст.: вышній не въ рукотворенныхъ церквахъ живетъ; и въ 17-й гл. ст. 24: сей небесе и земли Господь, сый не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ: ни отъ рукъ человеческихъ уюжденїя прїемлетъ.*

«§ 6. Образа имѣемъ во Христѣ: *иже есть образъ Бога невидимаго, перво-рожденъ вся твари.* Колос. 1 гл. 15 ст. Апостолъ написалъ: *ихъ же бо преду-вѣдъ; (тѣхъ) и представи сообразныхъ быти образу сына своего; Рим. 28 гл. 29 ст.: за не и Христось пострада по насъ, намъ оставя образъ, да посмѣдужемъ стопамъ его: иже рѣха не сотвори.* 1 Петр. 2 гл. 21 ст. и къ Филиппеямъ въ 3 гл. 17 ст. написано: *яко же имате образъ насъ; также и къ Тимоею во 2 посл. гл. 1 ст. 3, написано: образъ имѣй здравыхъ словесъ».*

«Для чего прибѣгнули изъяснить о своей сектѣ единогласно, пишется далѣе въ семь исповѣданїи, что великороссійскаго священства не прїемлемъ, и требъ отъ духовенства прїять не желаемъ, равно-жъ и въ домы въ наши, для служенїя молебновъ, не входить низайше просимъ ¹⁾».

Астраханскій губернаторъ ²⁾ сдѣлалъ, въ 1805 году, слѣдующій отзывъ о молоканахъ астраханскихъ конца XVIII стол., что молокане сами себя называютъ христіанами и признаютъ высочайшее существо въ трехъ лицахъ, Отца, Сына и Святаго Духа, коему и поклоняются духоу, не дѣлая крестнаго знаменїя.

Священникомъ и архіереемъ разумѣютъ Сына Божїя, а потому не могутъ принимать духовенство.

¹⁾ Слѣд. дѣло. 1816 г., № 20.

²⁾ Дѣло Архив. 1811 г., № 18.

Тайнство крещенія полагають въ покаяніи и оставленіи грѣховъ и потому не приемятъ крещенія водою.

Тайнство исповѣданія производять въ собраніи своемъ, предъ старцами честнаго и добраго поведенія, разумѣя ходатаями за себя Сына Божія

Тайнство причащенія, по ихъ разумѣнію, есть доброе поведеніе и храненіе заповѣдей Господнихъ.

Церковью называютъ собраніе свое въ одно мѣсто, гдѣ бы то ни было, гдѣ занимаются разсужденіемъ и толкованіемъ закона Божія, поють псалмы Давидовы и, ставъ на колѣни одинъ противъ другого, поклоняются высочайшему существу. Читають молитву «Отче нашъ» и др.

Образомъ разумѣють созданіе свое по образу и по подобію Божію и чистоту душевную, а потому рукотворнымъ образамъ не поклоняются; угодниковъ же по христіанскому обряду почитаютъ, не дѣлая имъ, однакожь, поклоненія.

Новорожденнымъ младенцамъ дають имена отцы, по имени святыхъ того числа, когда младенецъ родился.

Бракъ имѣють не принужденный; женихъ и невѣста, по любви между собою, на сходбищѣ ихъ клянутся въ вѣчной чистотѣ, и послѣ того до смерти не разлучаются.

Царскія особы и всѣ установленія власти признають и почитаютъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Посты содержатъ только упоминаемые въ священныхъ книгахъ, по недѣли и по двѣ ничего не ѣдятъ и провожаютъ время сіе въ духовномъ моленіи, установленныхъ же грекороссійскихъ постовъ вовсе не хранятъ, и какъ въ постные дни употребляютъ въ пищу молоко, то всѣ они по просторѣчію и называются «молоканами».

Наконецъ, — заключаетъ отзывъ, — молокане жили и живутъ тихо и посполновеній въ соблазнамъ казимъ-либо не примѣтно.

Ө. Ливановъ.

МИРОВЫЕ ПОСРЕДНИКИ

и

КРЕСТЬЯНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ *).

Судя по количеству жалобъ отъ частныхъ лицъ и доходящихъ путемъ печати свѣдѣній о казенныхъ недоимкахъ, можно было бы прийти къ заключенію, что вообще недоимки въ крестьянскихъ платежахъ дошли до огромныхъ, небывалыхъ размѣровъ; говорятъ, что крестьяне у насъ обѣднѣли сравнительно съ прежнимъ; отсюда недалеко къ заключенію, что въ Россіи освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею, то есть мѣра, по законамъ политической экономіи и здраваго смысла, помимо всякихъ требованій челоуѣколюбія и правды, наиболѣе способствующая и развитію благосостоянія населенія и улучшенію сельскаго хозяйства, дала результатъ совершенно противоположный выводамъ науки. Или наука ошибается, или выводы господъ, полагающихъ, что крестьяне обѣднѣютъ, не вѣрны, и въ послѣднемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Что большинство крестьянъ не обѣднѣло послѣ 1861 года, показываетъ и увеличеніе сравнительно съ прежнимъ торговли товарами, употребляемыми въ крестьянскомъ быту; и при томъ всякій безпри-

*) Настоящая статья, писанная лицомъ, постоянно живущимъ среди сельскаго населенія и близко знакомымъ съ должностью мирового посредника, обращаетъ на себя тѣмъ болѣе вниманія, что многіе, возвратясь въ послѣднее время изъ путешествій во внутреннія губерніи, видя только мимоходомъ крестьянскій бытъ, и смотря на предметъ не безъ заднихъ мыслей, пришли къ страннымъ результатамъ во взглядахъ на значеніе крестьянской и судебной реформы, твердя при этомъ одно: la légalité nous tue! Вопросъ весь въ томъ, кто эти «мы», которыхъ убиваетъ «законность». Лучшая часть общества всегда будетъ думать, что насъ можетъ убить только одно: недостатокъ законности. — *Ред.*

страстный наблюдатель долженъ признать, что постройки у крестьянъ вообще улучшились и является болѣе щегольства въ одеждѣ, что служить, конечно, признакомъ не обѣдненія, а напротивъ бѣльшаго, сравнительно съ прежнимъ, довольства.

Конечно, возвышеніе въ послѣдніе годы податей могло и должно имѣть вліяніе на накопленіе недоимокъ, независимо отъ мѣстныхъ причинъ, неурожаевъ, падежей и проч. Надо помнить, что на бывшихъ крѣпостныхъ, кромѣ оброчныхъ и выкупныхъ платежей, въ настоящее время лежатъ подушныя подати, возвышенныя противъ прежняго въ такихъ размѣрахъ, что превышаютъ лишніе поборы, взимаемые съ нихъ прежде на частныя дворянскія повинности. Кромѣ того, на нихъ лежатъ сборы на земскія повинности, въ составъ коихъ входитъ содержаніе губернскихъ присутствій и мировыхъ посредниковъ и, съ введеніемъ земскихъ учреждений, содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ управъ и мировыхъ судей; кромѣ земскихъ сборовъ, они платятъ еще жалованье лицамъ крестьянскаго управления. Такъ что, вообще, повинности съ крестьянъ дошли, въ настоящее время, до такой точки, что о повышеніи ихъ вообще нечего и думать, а напротивъ, надо стараться о возможномъ пониженіи на время, въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ хотя бы отъ временныхъ причинъ. И вообще, только благодаря освобожденію труда, уничтоженію откуповъ и развивающейся промышленности, вслѣдствіе улучшенія путей сообщенія, еще и возможно крестьянамъ, хотя и съ усиленнымъ трудомъ, выносить лежащія на нихъ повинности, но все же при непремѣнномъ условіи рациональныхъ мѣръ взысканія съ нихъ этихъ повинностей.

Для того, чтобы обсудить на сколько лежащія въ настоящее время на крестьянахъ повинности, съ принимаемыми мѣрами взысканія, имѣютъ вліяніе на накопленіе недоимокъ, рассмотримъ въ общихъ чертахъ положеніе крестьянъ относительно повинностей до 19 февраля 1861 года и въ настоящее время.

До 19 февраля 1861 года, крѣпостные крестьяне иногда платили помѣщикамъ денежный оброкъ, иногда были на смѣшанной повинности, иногда несли одну издѣльную повинность. Хотя оброки крестьянъ во многихъ имѣніяхъ были и выше нынѣшнихъ платежей, но, во-первыхъ: часто крестьяне владѣли и значительнымъ количествомъ угодій, которыя отшли отъ нихъ съ утвержденіемъ уставныхъ грамотъ; во-вторыхъ, и самое важное, что высое оброки платили крестьяне небогатыхъ или иногда средняго состоянія помѣщиковъ, въ такихъ имѣніяхъ, гдѣ часть крестьянъ была на издѣльи и небольшая сравнительно часть *наиболѣе зажиточныхъ* крестьянъ платила оброкъ въ видѣ откупа отъ барщины. — Въ крупныхъ же оброчныхъ имѣніяхъ, оброки были часто не выше, или незначительно выше однихъ теперешнихъ выкупныхъ платежей.

Крестьяне удѣльные и государственные были въ положеніи близкомъ къ положенію крестьянъ крупныхъ помѣщиковъ; то есть управляющіе удѣльными конторами и окружные начальники соотвѣтствовали управляющимъ крупныхъ помѣщичьихъ имѣній, хотя они по закону и находились въ иныхъ отношеніяхъ, но не на практикѣ.—На практикѣ головы и старосты государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ были такіе же полновластные распорядители въ волостяхъ, какъ и помѣщичьи бурмистры и старосты, и отвѣтственными были *только* передъ своимъ начальствомъ. Размѣры повинностей близко подходили къ повинностямъ крестьянъ крупныхъ помѣщиковъ, и мѣры взыскапія были тѣже.

Теперь посмотримъ, какіе органы замѣнили полноправныхъ помѣщиковъ или ихъ уполномоченныхъ для взыскапія платежей съ крестьянъ.

Посмотримъ, какія измѣненія произошли въ управленіи государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, вслѣдствіе соединенія управленія, такъ какъ, повидимому, эта перемѣна не могла имѣть большого вліянія на ихъ отношенія.

Повидимому, рѣзкихъ перемѣнъ никакихъ не произошло: головы переименованы въ старшины; какъ тѣ такъ и другіе назначаются по выбору общества, старосты выборные какъ и прежде; судъ сельскихъ засѣдателей и добросовѣстныхъ замѣненъ волостнымъ судомъ; дѣла, подвѣдомственныя прежде окружнымъ начальникамъ, палатамъ и удѣльнымъ конторамъ, перешли частью въ вѣдѣніе мировыхъ посредниковъ, ихъ сѣздовъ и губернскихъ присутствій, частью предоставлены рѣшенію самихъ обществъ и выбранныхъ ими начальниковъ. То-есть, повидимому, расширенъ нѣсколько кругъ самоуправленія общества, которымъ они пользовались и прежде, и перемѣнены только названія начальствующихъ инстанцій; — но это только повидимому, въ сущности перемѣна огромная.

Чтобы яснѣе видѣть разницу въ крестьянскомъ управленіи до 19-го февраля 1861 года и соединенія крестьянъ казенныхъ и удѣльныхъ въ общее управленіе съ теперешнимъ, посмотримъ, какъ они собираются теперь.

Въ нѣкоторыхъ обществахъ, преимущественно въ бывшихъ удѣльныхъ и помѣщичьихъ, которыя были уже давно на оброкѣ а теперь на выкупѣ, частью и въ болѣе богатыхъ деревняхъ госуд. имущ., гдѣ большинство крестьянъ настолько благоразумно, что сами сознаютъ невыгоду недоимокъ, которыя все-таки когда-нибудь соберутъ, они выбираютъ и старость и старшинъ строгихъ, которые не запускаютъ недоимокъ; тамъ и въ волостные судьи попадають только исправные и строгіе крестьяне. Въ тѣхъ обществахъ, если бы крестьянинъ и вздумалъ запустить недоимку, то староста его и въ работу поставитъ къ сосѣду мужику или и помѣщику; въ случаѣ нужды, принудитъ

продать и лишнюю скотину или постройку; старосты, а иногда и старшины, берутъ подряды у сосѣдей, помѣщиковъ и купцовъ, на цѣль деревни, при чемъ въ работу ставятся и одинокіе крестьяне, которые не могутъ далеко отлучаться на промыслы, и недоимщики; или вообще крестьяне, на которыхъ староста и старшина не надѣются въ исправномъ взносъ податей.

Помѣщики и купцы охотно заключаютъ условія на работы со старостою за цѣль общества или, еще лучше, со старшиною; потому что они обезпечены, въ этомъ случаѣ, въ исправности работъ и не надо особаго присмотра за рабочими, такъ какъ староста самъ часто въ числѣ рабочихъ, а иногда и старшина, и въ такихъ случаяхъ даже даютъ лишнюю плату. Но и помѣщики и купцы весьма неохотно берутъ и, если берутъ, то за очень низкую плату, недоимщиковъ, которыхъ иногда просятъ взять старосты, старшины или и посредники; потому что за такими одиночками, ненадежными работниками, нуженъ бдительный присмотръ.

Если бы кто изъ крестьянъ въ такихъ обществахъ вздумалъ не слушать старосту, и мѣры, принятыя старостою или старшиною на основаніи 64 ст. Общ. Пол., оказались бы недостаточными, то они ослушниковъ представляютъ на волостной судъ, въ которомъ судьи, выбранные изъ исправныхъ крестьянъ, не дадутъ потачки ослушнику и безъ всякихъ косвенныхъ вліяній старшины.

Въ волости, гдѣ большинство волостного схода, состоящаго изъ исправныхъ домохозяевъ, поддерживаетъ строгаго старшину, онъ легко можетъ замѣнить и неудачно выбраннаго гдѣ либо старосту, убѣдивъ плохого старосту сказаться больнымъ и добровольно оставить должность, чтобъ не нажить себѣ больше хлопотъ, и представивъ посреднику, что не стоитъ свидѣтельствовать Сидорку, дѣйствительно ли онъ боленъ, благо за добра ума самъ убирается; а мы на его мѣсто выберемъ мужика стоющаго. Посредникъ заинтересованный, чтобъ все было въ порядкѣ и дорожащій хорошимъ старшиною, конечно, соглашается, и смѣна старосты дѣлается домашнимъ образомъ, безъ дальнихъ проволочекъ. Умный и дѣльный старшина имѣетъ сильное нравственное вліяніе на всю волость и потому всегда можетъ повліять на выборъ старосты. Иные крестьяне на него и ропщутъ, что крутенекъ иногда и по шеѣ дастъ (незаконность этого отлочно извѣстна всѣмъ крестьянамъ и сносится ими только до извѣстной мѣры), да за то тѣмъ хороше, что до начальства не доводитъ, чѣмъ особенно дорожатъ вообще крестьяне; и за такимъ старшиною, посредникъ, какъ говорится, «какъ у Христа за пазухой».

Теперь посмотримъ, что происходитъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ большинство волостного схода выбрало слабаго старшину, потатчика недоимщиковъ, и гдѣ потому плохо и порядочнымъ старостамъ, не имѣю-

щимъ поддержки ни у старшины, ни въ волостномъ судѣ, куда выбраны такіе судьи, что за водку и осудятъ и оправдаютъ, и на которыхъ потому и старшина и писарь имѣютъ огромное вліяніе, потому что и судятъ-то они часто подѣ хмѣлькомъ и прикладываютъ руки къ приговорамъ составленнымъ писаремъ, которыхъ они и не прочитали какъ слѣдуетъ. Въ такихъ волостяхъ вся тяжесть сбора податей и оброковъ лежитъ на посредникѣ и полиціи, и недоимки взыскиваются слѣдующимъ образомъ.

Расторопный посредникъ, получивъ мѣсячную вѣдомость о недоимкахъ, вызываетъ старшину, старостъ, бранитъ ихъ, иногда сажаетъ подѣ арестъ, назначаетъ новыя сроки, къ коимъ обязываетъ очистить недоимку, страшаетъ всѣми мѣтрами. Старшина, возвратясь домой, упрощаетъ старостъ постараться хоть мало-мальски «заткнуть глотку собакѣ—посреднику» и внести хоть часть недоимки, а старосты упрощаютъ старшину «постоять за миръ», на то-моль ты, Евсеичъ, отъ насъ и жалованье получаешь. Придя въ свои деревни, старосты соберутъ миръ, погалдятъ, староста проситъ мірянъ, что ему уже тошно стало отъ посредника, міряне просятъ старосту послужить міру; тотъ ихъ упрекаетъ, что онъ и то ужъ сидѣлъ за нихъ два раза въ кутузкѣ, что у него еще навозъ не вывезенъ. Общество соглашается вывезти ему навозъ съ міру, а недоимку-моль, соберемъ, когда деньги будутъ; при этомъ ругаютъ главныхъ недоимщиковъ и даже иной разъ и штрафуютъ ихъ на четвертную или и на полъ-ведра, при чемъ «первый стаканъ, извѣстно, начальству».

Когда недоимка, къ сроку, назначенному посредникомъ, не внесена, а между тѣмъ, наступаетъ уже срокъ другихъ взносовъ, посредникъ дѣлаетъ распоряженіе о примѣненіи 4 п. ст. 262 мѣстн. пол. и ст. 129 пол. о вык. Опись имущества дѣлается полиціей иногда черезъ значительный промежутокъ времени послѣ полученія предложенія о томъ посредника, и, когда полиція приступитъ къ описи, крестьяне, зная объ этомъ заблаговременно, успѣваютъ продать или убрать и хлѣбъ и часть скота и имущества; такъ что въ опись попадаетъ преимущественно имущество крестьянъ трудолюбивыхъ, простыхъ, честныхъ; а всѣ, которые поплутуютъ, успѣваютъ скрыть наиболѣе цѣнное имущество.

Наконецъ, опись составлена, представлена посреднику, онъ, по своему усмотрѣнію, исключаетъ то, что считаетъ необходимымъ для хозяйства крестьянъ и назначаетъ срокъ продажи, къ которому иногда недоимка возросла уже до такой степени, что описаннаго имущества недостаточно для покрытія ея. Полиція даетъ знать въ ближайшія волости о продажѣ. Въ назначенный день пріѣзжаютъ волостное правленіе, чиновникъ полиціи, пріѣзжаютъ торговцы, и оказывается, что не все имущество доставлено, потому что часть домохозяевъ въ отлучкѣ,

другіе принесли деньги. Чиновникъ полиціи, посреди гама, шума, рева бабъ, разбираетъ дѣло, составляетъ актъ о непредставленномъ имуществѣ, принимаетъ деньги, наконецъ приступаетъ къ продажѣ. Всякій покупатель осыпается бранью и проклятіями бабъ, если не въ самомъ кругу, гдѣ производится продажа въ присутствіи полиціи, то тотчасъ по выходѣ съ глазъ чиновника; такъ что надо имѣть очень крѣпкіе нервы, чтобъ рѣшиться идти на подобный торгъ; да при томъ, когда вмѣсто объявленныхъ 100 коровъ, въ продажу поступаютъ какихъ-нибудь десять еле-живыхъ коровенокъ, а иногда продажа и совсѣмъ не состоится, то настоящіе торговцы и не суются на подобные торги, оставляя поле дѣйствія кулакамъ самаго низкаго разряда. Такимъ образомъ взыскана рѣдко вся недоимка, за которую назначена продажа; а между тѣмъ наступилъ уже срокъ другого платежа и образовалась новая недоимка. Послѣ уже продажи оказывается, что нѣкоторые крестьяне, часто наиболѣе трудолюбивые, разорены, да при томъ изъ опыта узнали, что честность разорительна; «а вотъ Ванька, мошенникъ, сдумалъ спрятать да раздать по людямъ во время свое имущество и подсмѣивается надъ нами дураками».

Такимъ образомъ крестьяне научаются, «что честность есть глушность», что можно и не очень старательно платить повинности, для этого надо выбирать старосту помоложе съ крѣпкими ногами, чтобъ умѣлъ скоро бѣгать къ посреднику да въ контору, и чтобъ не гнался за тѣмъ, что посадить иной разъ въ кутузкѣ за мѣръ. А въ случаѣ крайности, при продажѣ «за мѣръ» (за круговою порукою) можно и внести часть повинности, да пустить на продажу скотъ и имущество такія, которыя и по вольной цѣнѣ дороже не пойдутъ, да и покупателей можно подговорить подходящихъ. Вотъ картина взысканія недоимокъ въ настоящее время у расторопнаго посредника.

У посредника небрежнаго, повинности платятъ тѣ крестьяне, которые настолько благоразумны, что понимаютъ, что надо платить, и что когда-нибудь да взыщутъ недоимку; а продажи дѣлаются уже когда посредника сильно понуждаютъ губернское присутствіе или помѣщики; и тогда онъ раздражается какъ туча, на какой-нибудь деревнѣ, не на той, на которой наиболѣе недоимокъ, а на той, о которой ему болѣе надоѣдаютъ начальство или сосѣдъ-помѣщикъ. И въ сущности, лѣнивый посредникъ ближе въ своихъ дѣйствіяхъ къ духу законодательства, чѣмъ расторопный; потому что у него продажа крестьянскаго имущества за круговою порукою не вошла въ обычную мѣру взысканія недоимокъ, а дѣйствительно является крайнею карательною мѣрою, какою она и поставлена въ положеніи 19-го февраля 1861 года уже послѣ смѣны выбранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ; и потому у такого посредника, крестьяне не такъ скоро разоряются и развращаются.

Скажутъ: «легко писать карикатуры на посредниковъ, а надо влѣзть въ ихъ кожу»; на это отвѣчу: что не для празднаго глумленія надъ дѣятельностью мировыхъ посредниковъ, которые вообще, вмѣсто благодарности общества за ихъ подѣ-часъ очень тяжелую службу, слышали скорѣе осужденія, чѣмъ поощрительные отзывы и отъ общества и въ печати; а напротивъ, представивъ почти съ натуры списанную картину взысканія недоимокъ двумя посредниками, дѣйствующими въ противоположномъ одинъ отъ другого направленіи, я желалъ указать, что мѣры обоихъ не очень удачны, и даже лѣнивый оказывается какъ будто полезнѣе усерднаго.

Сила въ томъ, что если посредникъ не имѣетъ способности удачно выбирать людей и не умѣетъ внушить къ себѣ такого довѣрія, чтобы имѣть такое сильное нравственное вліяніе на крестьянъ, чтобы лица имъ намѣчаемыя были непременно и выбраны въ должности крестьянами, то онъ окончательно безсиленъ взыскивать недоимки иначе, какъ крайними карательными мѣрами, вредъ которыхъ можетъ быть онъ и самъ хорошо сознаетъ.

Разсмотримъ по порядку мѣры означенныя въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ пунктахъ ст. 129 о выкупѣ и ст. 262 мѣстн. пол., насколько удобно ихъ примѣненіе.

Не увольнять крестьянъ на заработки, иначе какъ по личному усмотрѣнію посредника, въ управленіи коего находится иногда отъ 15 до 20 тысячъ душъ, мѣра весьма сложная, которая примѣнима для старосты, для старшины лично знающихъ каждого крестьянина; иногда примѣнима и для посредника въ тѣхъ обществахъ, гдѣ онъ приблизительно знаетъ хоть нѣкоторыхъ крестьянъ, на мнѣнія коихъ онъ можетъ положиться (т. е. тутъ посредникъ для выбора—кого уволить кого нѣтъ, долженъ руководствоваться чужимъ мнѣніемъ); но положительно непримѣнимая тамъ, гдѣ посредникъ или мало знаетъ крестьянъ или знаетъ ихъ настолько, что никому изъ нихъ не можетъ довѣрять. Запретить же совсѣмъ давать паспорта, значитъ лишить всѣхъ крестьянъ возможности заработковъ и потому возможности исправно вносить повинности.

Смѣнить выбранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ съ замѣною ихъ лицами по своему выбору: смѣнить старшину нельзя иначе, какъ по постановленію мирового съѣзда и съ утвержденія начальника губерніи; процедура довольно сложная, и при томъ, если старшина чловѣкъ ловкій, показывающій на бумагахъ, что всѣ мѣры, зависящія отъ него, приняты, хотя посредникъ на дѣлѣ и убѣжденъ, что всѣ донесенія старшины только отписки и что главное зло отъ старшины, но не имѣетъ достаточныхъ фактическихъ доказательствъ потворства старшины, то не всегда еще представленіе посредника о его смѣнѣ будетъ уважено. До судей, имѣющихъ косвенное вліяніе на недоимку,

право смѣны посредника не относится. Старосту нѣсколько легче и скорѣе можно смѣнить нежели старшину, но все же надо фактическія доказательства его виновности.

При томъ и добившись смѣны, взять посреднику на себя назначеніе старшины и старость, вещь довольно рискованная. Въ случаѣ неудачи выбора посредника, онъ скомпрометированъ и въ глазахъ крестьянъ и въ глазахъ мирового съѣзда и губернскаго присутствія; а умѣть удачно выбирать—способность не обиденная. Смѣна же должностныхъ лицъ съ назначеніемъ новыхъ выборовъ, не представляетъ гарантіи, чтобы вновь выбранныя лица были лучше прежнихъ.

Ставить недоимщиковъ въ заработки по контрактамъ, посредникъ безъ дѣятельнаго содѣйствія старость и старшинъ, почти никогда не можетъ; потому что и подрядчики бѣгаютъ такихъ рабочихъ или, если работа крайне проста, какъ напр. тяга судовъ или простѣйшая изъ земляныхъ работъ (промыслы мѣстные или случайные), то поставка такихъ рабочихъ за дешевую плату сбиваетъ цѣны для трудолюбивыхъ рабочихъ не недоимщиковъ.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что безъ содѣйствія лицъ выборнаго крестьянскаго управленія, мировой посредникъ, для сбора недоимокъ можетъ принимать или карательныя мѣры противъ отдѣльныхъ лицъ, на основаніи 91 ст. мир. учрежд., которыя въ сущности ни къ чему не ведутъ, или къ продажѣ крестьянскаго имущества черезъ полицію.

Изъ всего этого мы видимъ, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и сліяніемъ крестьянъ въ общее управленіе, сильная, почти безконтрольная власть помѣщиковъ и отдѣльныхъ управленій, державшая въ своихъ рукахъ все крестьянское сословіе, уничтожена и замѣнена началомъ самоуправленія самихъ обществъ, подъ контролемъ учрежденій соединяющихъ въ себѣ съ частью ограниченной административной власти и судебный характеръ.

Но это ограниченіе самоуправленія крестьянскихъ обществъ властью, имѣющею не точно-опредѣленный, смѣшанный характеръ, повело къ тому, что на практикѣ выборныя лица крестьянскаго управленія избѣгаютъ серьезной отвѣтственности за свои проступки по должности, прикрываясь какъ бы попечительскою властью мировыхъ учреждений; т. е. крестьянское управленіе, вышедши изъ полной опеки и поставленное подъ попечительство мировыхъ учреждений, имѣетъ возможность не платить долговъ, прикрываясь несовершеннолѣтіемъ. И лица крестьянскаго управленія, на которыхъ въ сущности лежатъ всѣ обязанности административной власти по управленію крестьянскими обществами, имѣютъ возможность избѣгать серьезной отвѣтственности, сопряженной съ неисполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, если

только они нечувствительны къ сравнительно слабой отвѣтственности передъ своими попечителями, мировыми посредниками.

Въ настоящее время никому не секретъ, что должности мировыхъ посредниковъ, по различнымъ причинамъ, ищутъ немногіе изъ способныхъ къ общественной дѣятельности людей, какъ то было при началѣ. Разсмотримъ это дѣло съ практической, матеріальной стороны.

Мировой посредникъ на расходы по должности получаетъ до 1,500 руб. Если онъ будетъ исполнять свою обязанность добросовѣстно, то вотъ приблизительный его расходъ по должности.

Писарю жалованье съ содержаніемъ до 20 руб. въ мѣсяцъ, да еще ему помощникъ при временныхъ усиленныхъ занятіяхъ, хоть изъ волостной конторы, до 5 руб. въ мѣсяцъ, итого въ годъ 300 руб.

Разсылный по 10 р. въ мѣсяцъ, а въ годъ 120 р.

Содержаніе 3-хъ лошадей съ кучеромъ, для разъѣздовъ, въ годъ не менѣе 300 р.

Пріѣзды въ городъ на мировые сѣзды, самое умѣренное по 2 р. въ сутки на посредника, писаря и кучера съ 3 лошадьми, итого на 3 дня 6 р. въ мѣсяцъ на мировые сѣзды, а въ годъ 72 р.

На канцелярскіе расходы, самое умѣренное 50 р. въ годъ.

Итого расходовъ по должности 842 р., самое умѣренное, кромѣ расходовъ при разъѣздѣ по волостямъ. Если же въ управленіи посредника 7 волостей, и на каждую изъ нихъ онъ употребляетъ по 1 дню въ мѣсяцъ, то полагая въ сутки по 2 р., слѣдуетъ положить еще на объѣздъ волостей 14 р. въ мѣсяцъ, а въ годъ 168 р., такъ что всего посредникъ имѣетъ по должности болѣе 1,000 р. расхода.

Членъ уѣздной земской управы получаетъ отъ 600 до 800 и болѣе рублей, не имѣя никакихъ расходовъ по должности и разъѣзжая на земскихъ лошадяхъ.

Мировой судья тратитъ на писмоводителя, канцелярію и разсылнаго не болѣе мирового посредника; но не имѣя нужды въ разъѣздахъ по волостямъ, не долженъ держать лишней тройки лошадей; ѣздитъ на мировые сѣзды или на своихъ лошадяхъ, или нанимаетъ; полагая въ этомъ случаѣ всякую его поѣзду на мировой сѣздъ въ 10 р., оказывается, что мировой судья, получая равное содержаніе съ мировымъ посредникомъ, имѣетъ расходовъ по должности до 600 р., слѣдовательно, значительно менѣе мирового посредника.

При одинаковой степени добросовѣстности въ исполненіи, обязанности мирового судьи и члена земской управы значительно легче обязанностей мирового посредника, требуютъ и менѣе физическаго труда и сопряжены съ меньшими неприяностями по службѣ. Въ сущности, должность мирового судьи требуетъ преимущественно юридическихъ позваній, должность члена управы хозяйственно-экономическая въ окон-

чательномъ результатѣ и проще къ добросовѣстному исполненію должности мирового посредника, который, имѣя нужду и въ юридическихъ и экономическихъ свѣдѣніяхъ, долженъ еще быть хорошей практической психологъ, чтобы умѣть выбирать людей и имѣть на нихъ вліяніе. Вообще, чтобы быть хорошимъ мировымъ посредникомъ, требуются такія способности, что человекъ, хотя отчасти обладающій ими, въ настоящее время всегда найдетъ себѣ мѣсто, представляющее болѣе и матеріальныхъ и соціальныхъ выгодъ, чѣмъ должность мирового посредника.

Поэтому должности мировыхъ посредниковъ заняты въ настоящее время преимущественно людьми, не нашедшими для своихъ способностей лучшаго помѣщенія.

Притомъ, бросивъ погоню за идеаломъ, котораго навѣрно не догонишь, и обратившись на мудрую почву житейской практики, посреднику можно соблюсти и значительныя матеріальныя выгоды. Напримеръ: вмѣсто того, чтобы держать своего писаря, можно принанимать писаря изъ ближайшей волостной конторы, рублей за 5 въ мѣсяцъ, смотря нѣсколько снисходительно на упущенія по конторѣ, которыя и при строгости все-таки будутъ. Въ помощь ему можно держать неважнаго писарька, подъ названіемъ «строчилы», который, притомъ, будетъ и платье чистить, и исправлять другую должность по хозяйству, и обойдется жалованьемъ не болѣе 5 руб. въ мѣсяцъ, а содержаніе его не надо класть въ счетъ, потому что онъ занимаетъ должность лакея.

Разсылнаго держать — роскошь, можно всѣ бумаги отправлять и получать черезъ волостныя правленія. Разъѣзжать по волостямъ — тоже пустая фанаберія, кому нужда до посредника тотъ самъ до него дойдетъ; и лучше же для дѣлъ вызывать старшинъ и писарей къ себѣ, чѣмъ ѣздить по волостямъ, расходоваться и беспокоиться; настоящаго порядка въ волостныхъ правленіяхъ все-таки не заведешь, только напрасно будешь себѣ кровь портить. На сѣзды тоже нечего таскаться каждый мѣсяцъ, можно ѣздить и черезъ разъ; и то тамъ дѣлать нечего; ѣздить можно и не на своихъ лошадяхъ, а нанимать въ волости черезъ старшину; конечно, крестьяне съ начальства лишняго не посмѣютъ взять.

Такимъ образомъ, вмѣсто 1,000 р. расходовъ по должности, можно вогнать ихъ рублей въ 300, а себѣ останется 1,200 р. чистоганомъ; и выгоднѣе, и покойнѣе, и неприятностей по службѣ меньше, потому что меньше столкновеній.

Какъ же быть? Возвратъ къ прежнему порядку — утопія; оставаться при теперешнемъ порядкѣ крайне невыгодно. Слѣдовательно, единственный исходъ изъ этого положенія, — сдѣлать еще шагъ

впередъ, т. е. привести крестьянское самоуправленіе въ прямое непосредственное соприкосновеніе съ закономъ, упразднивъ попечительство надъ нимъ мировыхъ учреждений и тѣмъ поставивъ крестьянскія общества въ положеніе полноправныхъ и потому вполне отвѣтственныхъ членовъ государства.

Для этого необходимо, изъявъ крестьянскія общественныя управленія изъ вѣдѣнія мировыхъ посредниковъ, ихъ сѣздовъ и губернскихъ присутствій, и предоставивъ волостнымъ старшинамъ часть власти, предоставленной по закону мировымъ посредникамъ, т. е. усиливъ нѣсколько власть выборныхъ обществами лицъ, подчинить всѣхъ лицъ общественнаго крестьянскаго управленія отвѣтственности за преступленія по должности, прямо вѣдѣнію мировыхъ судей и окружныхъ судовъ; уничтоживъ такимъ образомъ для нихъ дисциплинарныя взысканія, которыя, вслѣдствіе особенностей въ бытѣ крестьянъ, весьма мало, а иногда и совсѣмъ не достигаютъ цѣли.

Усиленіе власти волостныхъ старшинъ должно заключаться въ томъ, что имъ должно быть предоставлено право подвергать крестьянъ взысканіямъ, указаннымъ во 2-мъ п. 32 ст. мир. учреж. съ правомъ апелляціи мировому судѣ. Исключеніе должно быть сдѣлано для старость, волостныхъ судей, гласныхъ земскихъ собраній и присяжныхъ засѣдателей, на упущенія по службѣ или на неповиновеніе законнымъ требованіямъ старшины коихъ онъ обязанъ приносить жалобы волостному суду или мировому судѣ. Такимъ образомъ крестьяне, за неповиновеніе старостамъ, могутъ быть подвергаемы взысканіямъ старшиною съ правомъ апелляціи или предаваемы волостному суду. Принятіе того или другого пути преслѣдованія должно быть предоставлено усмотрѣнію старость и старшинъ.

Это усиленіе власти старшины не принесетъ никакого вреда и не дастъ повода къ злоупотребленіямъ, если всѣ лица крестьянскаго управленія будутъ подлежать суду непосредственно по жалобамъ должностныхъ и частныхъ лицъ, безъ всякихъ предварительныхъ изслѣдованій ихъ непосредственнаго начальства за неимѣніемъ его.

Для возможности быстраго преслѣдованія всѣхъ упущеній по должности лицъ крестьянскаго управленія, всѣ жалобы на нихъ, какъ казенныхъ управленій, такъ и частныхъ лицъ, въ томъ числѣ и крестьянъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и по довѣренностямъ отъ обществъ, должны быть приносимы мировымъ судьямъ.

Преданіе лицъ крестьянскаго управленія суду окружного суда за преступленія по должности, имѣетъ ту невыгоду, что окружной судъ, имѣя засѣданія по уголовнымъ дѣламъ періодически, не имѣетъ возможности такъ быстро преслѣдовать всѣхъ мелкихъ нарушеній по обязанностямъ службы какъ бы слѣдовало; и притомъ судебныя слѣдователи и окружные суды въ такомъ случаѣ завалены были бы дѣ-

лами такого рода, что сущность преслѣдованія ихъ заключается преимущественно не въ строгости наказанія, а въ быстротѣ преслѣдованія, такъ чтобъ наказаніе слѣдовало почти непосредственно за преступкомъ.

Въ случаѣ, если мировой судья усмотритъ изъ принесенной ему жалобы, что преступленіе должностного лица сопряжено съ наказаніемъ превышающимъ мѣру указанную въ 33 ст. уст. угол. суд., то онъ обязанъ самъ сообщить жалобу прокурорскому надзору, принявъ мѣры къ пресѣченію обвиняемому средствъ уклониться отъ суда. Это особенно важно для предупрежденія возможности скрыть слѣды преступленія по растратѣ общественныхъ суммъ, потому что въ этомъ случаѣ, во-первыхъ: подсудность зависитъ отъ суммы растроченнаго, которую иногда въ первое время трудно опредѣлить съ точностью, и во-вторыхъ, мировой судья гораздо скорѣе можетъ сдѣлать распоряженіе о задержаніи обвиняемыхъ, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ города, чѣмъ судебный слѣдователь или полиція.

Взысканіе съ крестьянъ слѣдующихъ съ нихъ платежей всякаго рода должно лежать, какъ и теперь, на обязанности и подѣ отвѣтственности старостъ. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ старостами своихъ обязанностей лежитъ и теперь на обязанности волостного старосты. Но для того, чтобъ ими дѣйствительно исполнялись въ точности ихъ обязанности и для того, чтобъ казенныя управленія и частныя лица могли скорѣе получить удовлетвореніе по взысканіямъ съ крестьянъ, должно постановить, что всѣ казенныя управленія и частныя лица, со взысканіями съ крестьянъ должны обращаться къ волостному старшинѣ, который и отвѣтственъ по суду за всѣ мѣры принятыя имъ по взысканіямъ. И всѣ жалобы казенныхъ управленій и частныхъ лицъ по неполученію своевременно слѣдующихъ съ крестьянъ платежей, должны приноситься мировому судѣ на волостного старшину того общества, въ вѣдѣніи коего они находятся, а не на общество и не на старосту.

Волостной старшина, слѣдя за тѣмъ, чтобы сельскіе старосты своевременно принимали законенныя мѣры къ взысканію съ крестьянъ, и въ случаѣ неисполненія старостою какого-либо общества, положимъ, по взысканію выкупныхъ платежей за круговою порукою, одного изъ пунктовъ указанныхъ въ ст. 127 пол. о вык., приносить на такого старосту жалобу мировому судѣ, за неисполненіе имъ служебныхъ обязанностей.

Въ случаѣ неуспѣшности мѣръ взысканія, указанныхъ въ ст. 127 пол. о вык. и 261 мѣст. пол., волостной старшина обязанъ принять мѣры указанныя въ ст. 129 пол. о вык. и 262 мѣст. пол., производя для этого *въ случаѣ нужды* съ содѣйствіемъ мѣстной полиціи, а не черезъ полицію, опись и продажу крестьянскаго имущества за круго-

вою порукою. Последняя мѣра, какъ одна изъ крайнихъ, должна быть принимаема старшиною не иначе, какъ съ разрѣшенія земской управы или, по крайней мѣрѣ, исправника.

Всѣ приговоры мировыхъ судей по жалобамъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, должны подлежать апелляціи и отвѣтчика и истца, не смотря на мѣру наказанія; потому что ошибочный взглядъ мирового судьи на мѣру упущенія, сдѣланнаго старостой, можетъ вести къ серьезной отвѣтственности старшину.

Такой порядокъ представляетъ ту выгоду сравнительно съ теперешнимъ, что въ случаѣ дѣйствительной невозможности взысканія недоимокъ вслѣдствіе неурожая, падежа и проч., эти факты будутъ строго провѣрены судебными слѣдствіями у мировыхъ судей, а въ болѣе важныхъ случаяхъ, по апелляціямъ подвергнутся вторичной повѣркѣ сѣздовъ мировыхъ судей; и такимъ образомъ можно будетъ вѣрно судить о необходимости разсрочекъ платежей или о размѣрахъ помощи для лицъ пострадавшихъ отъ мѣстныхъ бѣдствій.

Такимъ способомъ можетъ быть достигнута и вообще лучшій порядокъ въ управленіи сельскихъ обществъ; потому что тогда старосты и старшины могутъ быть подвергаемы серьезной отвѣтственности по суду и за неисполненіе обязанностей, возложенныхъ на нихъ ст. 58, 60 и 84 общ. пол., напримѣръ, за неисправное содержаніе моста въ деревнѣ, вмѣсто выговора или, самое большее, денежнаго штрафа въ пять рублей или кратковременнаго ареста по теперешнему порядку, сельскій староста можетъ быть подвергнутъ взысканію до 25-ти руб. на основаніи 69 ст. уст. о нак., нал. мир. судью.

Если въ первое время при подчиненіи лицъ сельскаго управленія суду мировыхъ судей, у нихъ и прибавится значительно новыхъ дѣлъ, за то въ скоромъ времени за тѣмъ у нихъ убавилось бы дѣлъ по лѣснымъ порубкамъ и потравамъ, вслѣдствіе лучшаго управленія крестьянскихъ обществъ. И вообще нечего бояться слишкомъ большого накопленія дѣлъ у уѣздныхъ мировыхъ судей; въ настоящее время у нихъ въ производствѣ вообще значительно менѣе дѣлъ, чѣмъ у городскихъ (не говоря уже о столичныхъ), потому что большая часть мелкихъ дѣлъ, разбираемыхъ въ городахъ мировыми судьями, въ уѣздахъ подсудны волостнымъ судамъ. А два-три случая строгаго взысканія съ лицъ крестьянскаго управленія заставятъ остальныхъ быть осторожнѣе настолько, что особенно большого количества дѣлъ подобнаго рода ожидать нечего. Разборъ апелляціонныхъ жалобъ крестьянъ на волостныхъ старшинъ, полагаю, можетъ быть возложенъ на почетныхъ мировыхъ судей для облегченія участковыхъ.

Обвиненіе волостныхъ старшинъ и вообще преслѣдованіе ихъ за неисполненіе обязанностей по взысканію казенныхъ и земскихъ повинностей, должно возложить на членовъ полиціи, для которыхъ эта

обязанность въ сущности несравненно легче теперь лежащей на нихъ обязанности прямого, непосредственнаго взыскапія повинностей съ крестьянъ, хотя не по закону, но на дѣлѣ.

Въ постановленіяхъ мировыхъ судей по взысканіямъ съ лицъ крестьянскаго управленія за упущенія по должности, отнюдь не должно быть указаній, что староста или старшина обязанъ принять ту или другую мѣру; потому что такія указанія весьма легко могутъ обратиться въ направленіе дѣятельности лицъ крестьянскаго управленія и опять дадутъ имъ возможность укрываться отъ прямой, непосредственной отвѣтственности приказаніями мировыхъ судей, какъ теперь укрываются за мировыми посредниками. Въ постановленіи судьи должно быть только указано, что староста или старшина N, за непринятіе имъ такихъ-то указанныхъ въ законѣ мѣръ, присуждается къ такому-то взысканію. Т. е. старшины и старосты *должны* быть самостоятельны въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, иначе они должны быть подвергаемы судебному преслѣдованію.

Для огражденія обществъ отъ произвола старостъ и старшинъ и для того, чтобы не нарушить правъ, предоставленныхъ сельскимъ сходамъ пунктомъ 15 ст. 51 Общ. Пол., сельскіе сходы должны имѣть право дѣлать постановленія о мѣрахъ къ предупреденію и взысканію недоимокъ, и если эти постановленія не противны законамъ, то они обязательны для сельскаго старосты. Если же въ постановленіи схода указаны мѣры, несогласныя съ закономъ или вообще если сельскій сходъ не постановилъ никакихъ мѣръ на этотъ случай, то староста обязанъ принимать тѣ изъ указанныхъ въ законѣ мѣръ, которыя найдеть удобяще, ничѣмъ не стѣсняясь. И потому слѣдовало бы сдѣлать 2-е примѣчаніе объ этомъ, въ дополненіе и разъясненіе статей 261 мѣстн. пол. и 127 пол. о выкупѣ.

За изытіемъ крестьянскаго управленія изъ вѣдомства мировыхъ посредниковъ, на ихъ обязанности остаются только повѣрка выкупныхъ сдѣлокъ, актовъ и владѣнныхъ записей крестьянъ государственныхъ имуществъ и иногда неоконченныхъ еще кое-гдѣ разверстаній угодій.

Для производства всѣхъ этихъ дѣлъ, достаточно по одному мировому посреднику на цѣлый уѣздъ; но придется можетъ быть увеличить его содержаніе; такъ какъ ему придется по повѣркѣ актовъ разѣзжать по всему уѣзду и надо будетъ увеличить канцелярію. Если же должность мирового посредника соединить съ должностью посредника полюбовнаго размежеванія съ назначеніемъ ему содержанія до 2,000 руб., то и посредникъ будетъ доволенъ, и земство останется въ выгодѣ. А это соединеніе представитъ еще и ту выгоду, что не придется, какъ часто случается теперь, мировому посреднику откладывать

дѣла по выкупнымъ сдѣлкамъ и разверстанію угодій за неокончаніемъ дѣла посредникомъ полюбовнаго размежеванія.

Если же введеніемъ крѣпостныхъ нотаріусовъ предоставить самимъ владѣльцамъ, при заключеніи выкупныхъ сдѣлокъ, представлять мировому посреднику свидѣтельства за скрѣпою нотаріусовъ и казенныхъ палатъ о лежащихъ на имѣніяхъ запрещеніяхъ и взысканіяхъ; и если при томъ предоставить лицамъ недовольнымъ рѣшеніями посредника по спорамъ, возникающимъ при разверстаніи угодій или введеніи владѣнныхъ записей, апеллировать на рѣшенія посредника въ общія судебныя мѣста, то окажется, что и мировые съѣзды и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія можно будетъ закрыть, чѣмъ сдѣлается значительная экономія для земства, вообще не имѣющаго возможности удѣлять значительныхъ средствъ ни на медицинскую, ни на ветеринарную части, ни на народныя школы. Переложенію натуральныхъ повинностей въ денежныя препятствуетъ преимущественно неимѣніе средствъ. А не надо забывать, что вездѣ, гдѣ натуральная повинность обращена въ деньги, дается лишній мѣстный заработокъ крестьянамъ и потому увеличиваются ихъ платежныя средства.

Апелляціи на рѣшенія мировыхъ посредниковъ не очень затрудняютъ окружныя суды, потому что для веденія дѣлъ въ окружныхъ судахъ необходимы денежныя расходы, и потому на апелляцію будутъ поступать только серьезныя дѣла и не будутъ встрѣчаться такія пустыя и неосновательныя жалобы, какія нынѣ иногда порядочно затрудняютъ губернскія присутствія.

Лежація на губернскихъ присутствіяхъ обязанности по повѣрѣ выкупныхъ сдѣлокъ, только нѣсколько облегчаютъ работу главнаго выкупнаго учрежденія; но какъ теперь выкупныя сдѣлки уже поступаютъ не въ такомъ большомъ количествѣ, то, полагаю, возможно, чтобы мировые посредники, собравъ всѣ данныя и справки о запрещеніяхъ и взысканіяхъ, прямо отправляли выкупныя сдѣлки въ главное выкупное учрежденіе, за что всѣ помѣщики, представляющіе свои имѣнія на выкупъ, сказали бы большое спасибо. Нѣкоторыя же другія дѣла, лежація на губернскихъ присутствіяхъ, могутъ быть переданы частью въ вѣдѣніе губернскихъ правленій и казенныхъ палатъ, частью, съ изытіемъ крестьянскихъ управленій изъ ихъ вѣдомства, сами собою уничтожатся.

Н. X—въ.

ЕЖЕМЪСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го декабря, 1868.

Внутреннее обозрѣніе.

Отношеніе народа у насъ къ дѣлу образованія. — Народная школа и встрѣчаемыя ею препятствія. — Статистика народнаго образованія. — Начальныя школы и министерство народнаго просвѣщенія. — Примѣръ Пруссіи. — Новѣйшіе факты въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. — Вопросъ о гарантіи и руководствѣ концессіями. — Наша податная система и характеръ подушной подати. — Проектъ о замѣнѣ ея подворною и поземельною. — Официальная печать и новый ея органъ: «Правительственный Вѣстникъ».

«Бѣдно матеріальное положеніе громадной массы русскаго народа, скудна ея умственная жизнь», вотъ слова, которыя на языкѣ у всѣхъ. *Воля и школа* — сказали мы въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній, рассматривая упреки, которые такъ легко бросаютъ въ массу нашего рабочаго населенія—могутъ исправить умственное и матеріальное положеніе народныхъ громадъ. Воля—начало самодѣятельное; какова бы ни была обстановка, какія бы ни встрѣчались случайныя, частныя условія, воля приведетъ народъ къ общимъ, великимъ результатамъ. Пусть только не трогаютъ, не тормозятъ ее самое: ни возбужденія, ни поощренія, ни направленія или попечительства она не требуетъ.

Въ прошлый разъ мы занялись именно этою стороною вопроса и старались доказать, что чѣмъ меньше будутъ касаться воли, чѣмъ меньше будутъ мечтать нѣкоторые органы нашей литературы о какой бы то ни было «подправкѣ» и «подчисткѣ» великаго дѣла освобожденія, о какомъ бы то ни было новомъ законодательномъ регулированіи быта народа въ настоящее время—тѣмъ лучше.

Но въ такомъ ли видѣ представляется другой элементъ успѣха народной жизни, другая наша основная надежда лучшаго въ будущемъ—школа? О ней, о народной школѣ мы хотимъ поговорить теперь, и начнемъ съ неоспоримаго положенія, что школа, какъ средство развитія, какъ рычагъ всякаго успѣха, имѣетъ совсѣмъ иную природу,

чѣмъ воля. Природа воли—отрицательная; для того, чтобы человекъ, народъ, дышалъ, нужно только не стѣснять его дыханіе. Въ школѣ мы встрѣчаемся съ принципомъ положительнымъ; здѣсь у мѣста и частная, и земская, и государственная забота; здѣсь необходимо возбужденіе, здѣсь безъ пособія и безъ руководства дѣло пойти не можетъ.

Въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ много появляется свѣдѣній, относящихся къ народнымъ училищамъ: факты учрежденія училищъ, отчеты училищныхъ совѣтовъ (къ сожалѣнію, не всѣ), нерѣдко даже наблюденія надъ педагогическими результатами проникаютъ въ гласность. Но какъ разнохарактерны наблюдаемые факты, какъ противорѣчивы показанія! То хвалятъ крестьянъ такой-то волости или деревни за выражаемое ими сочувствіе къ школѣ и приводятъ нѣсколько идиллическіе отзывы «мужичковъ» объ ея благодѣяніяхъ (идиллія въ патріотическомъ родѣ у насъ еще процвѣтаетъ). То стѣтуютъ на глубокое невѣжество простолюдиновъ такой-то мѣстности, которые на отрѣзъ отказались дать мѣстному отцу-пастырю требуемые имъ 100 рублей за два урока въ недѣлю. То народъ представляется сознательно и ревностно стремящимся къ просвѣщенію, то онъ является какою-то темною массою, излюбившею мракъ, и на картинѣ изображается какой-нибудь просвѣщенный корреспондентъ рядомъ съ помѣщикомъ или батюшкою въ ореолахъ стѣпующаго гуманизма, а на фонѣ—толпа, покрытая тѣнью, удаляющаяся съ ропотомъ: «Дѣды и отцы наши жили безъ грамоты и прожили; Богъ дастъ, проживемъ и мы!»

Между тѣмъ все это—одинъ и тотъ же народъ; великоруссъ ли, малороссъ или татаринъ—всѣхъ ихъ уподобляетъ нужда. И противорѣчіе часто—только кажущееся; нерѣдко несочувствіе къ школѣ, проявляющееся въ одной мѣстности вполне однопричинно и однозначуще съ сочувствіемъ, проявленнымъ другою, къ другой школѣ, при иныхъ условіяхъ.

Постараемся указать общія черты картины.

Прежде всего, учрежденію и содержанію школъ крестьянами препятствуетъ бѣдность. Построить для училища самый неприхотливый домъ, въ которомъ была бы, сверхъ школьной комнаты, квартира для учителя, стѣить не дешевле 200 рублей, будь онъ изъ дерева или, на югѣ, изъ необожженныхъ кирпичей. На содержаніе учителя и школы тамъ, гдѣ этотъ вопросъ рѣшило земство, найдено нужнымъ 200—300 р. въ годъ, предполагая, что законоучителемъ не будетъ самъ учитель. Такой бюджетъ далеко не для всякой волости, не только одного селенія, легокъ. Есть примѣры, что крестьяне такъ проникаются сознаниемъ необходимости ученья, что дѣлаютъ его обязательнымъ. Такъ, недавно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» было извѣстіе, что обязательное обученіе введено въ нѣкоторыхъ селахъ въ Кіевской губерніи, и обязательность примѣняется тамъ такъ строго, что мальчиковъ берутъ

силою, если родители не шлютъ ихъ учиться. Значить, твердое убѣжденіе въ пользѣ ученія явилось тутъ у крестьянъ; а между тѣмъ, извѣстія не видно, чтобы сами села основывали и содержали школы; учать же дѣтей преимущественно дьячки и отставные солдаты и учать читать только по церковному, при чемъ берутъ «за грамотку 75 коп. и двѣ мѣры пшеницы», «за часословъ 1 р. и три мѣры.»

А къ чему ведетъ умѣнье складывать по часослову, кому оно и дается? Стоитъ ли гнать ребятъ въ осеннее, непроходимо-грязное или суровое зимнее время въ школу, верстъ за пять, когда у нихъ зачастую и кожуха-то нѣтъ, гонять нѣсколько зимъ, для приобрѣтенія такого проблематическаго знанія? А лѣтомъ и нельзя, мальчикъ нуженъ для работы, и курсъ ученія въ иныхъ училищахъ продолжается всего мѣсяцевъ шесть.

Итакъ — вотъ два важныя препятствія развитію народнаго образованія: бѣдность, недозволяющая большинству крестьянскихъ обществъ учреждать и содержать собственными средствами порядочныя школы, и бесполезность «ученія» на дому, у дьячковъ и солдатъ. На помощь крестьянскимъ обществамъ является земство, но оно не всегда можетъ оказать достаточное содѣйствіе. Напримѣръ, тамбовское уѣздное земство ассигновало на школы въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ, въ 1868 году—1187 рублей. Но изъ отчета мѣстнаго училищнаго совѣта мы видимъ, что эта сумма для начала дѣла, для перваго его устройства рѣшительно недостаточна, такъ что совѣтъ признаетъ необходимымъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ со стороны «крестьянскихъ обществъ». Изъ того же отчета оказывается, что крестьянскія общества и тамъ очень хорошо сознаютъ пользу ученія, такъ что платили даже по 50 коп. *въ мѣсяцъ*, за обученіе мальчика, грамотнымъ людямъ, которые учать у себя на дому. А школы все-таки не могли завести, да и при помощи, оказанной земствомъ, не заведутъ безъ особенныхъ, быть можетъ и тяжелыхъ пожертвованій. Когда читаешь разглагольствія о «безучастіи» крестьянъ къ учрежденію школы, надо всегда помнить, что на школу требуется отъ крестьянина его *последній рубль*.

Видѣтъ съ тѣмъ, учителей сколько-нибудь способныхъ чрезвычайно мало, и они очень дороги. Малочисленность ихъ сама по себѣ обуславливала бы дороговизну, не говоря уже объ обстановкѣ. Въ Пруссіи учитель сельской школы, отъ котораго требуется несравненно больше познаній, чѣмъ было бы достаточно у насъ, получаетъ среднимъ числомъ 185 талеровъ въ годъ; у насъ за 185 рублей невозможно заставить сколько-нибудь образованнаго человѣка, при нормальныхъ обстоятельствахъ, жить въ деревнѣ учителемъ. Въ весьма интересномъ отчетѣ члена александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, барона Н. А. Корфа, мы находимъ текстъ контракта заключеннаго сельскимъ

обществомъ съ учителемъ; контрактъ этотъ баронъ Корфъ предлагаетъ въ видѣ образца для прочихъ сельскихъ обществъ. Въ немъ учитель обеспечивается на три года жалованьемъ по 260 рублей, сверхъ квартиры, отопления и еще 8 четвертей ржи; и вмѣсто квартиры, онъ можетъ брать еще 40 р. Въ приводимомъ случаѣ, учитель былъ хорошій, положимъ не хуже прусскаго. Вотъ, стало быть, у насъ приходится платить 300 р., между тѣмъ какъ въ Пруссіи платятъ 185 талеровъ. А вѣдь нашему селенію, въ среднемъ размѣрѣ, безъ всякаго сравненія труднѣе уплатить хотя бы и 185 рублей, чѣмъ селенію прусскому. Прежде, чѣмъ обвинять крестьянъ, необходимо принять все это въ соображеніе.

Конечно, учителя, знающаго грамоту, можно принимать гораздо дешевле, но результатомъ при этомъ будетъ очень часто полное разочарованіе. Въ отчетѣ бар. Корфа приведено много примѣровъ, что мальчики учатся годъ, и все-таки не умѣютъ читать. А тѣ учителя въ Кіевской губерніи, которые берутъ рубль за часословъ, какъ вы думаете, много ли они приносятъ пользы? А такихъ учителей и въ казенныхъ школахъ не мало.

Вотъ этимъ-то и объясняется такое, съ перваго раза непонятное явленіе, какъ отказъ крестьянъ бывшихъ государственныхъ имуществъ, продолжать внесеніе платы на школы, заведенныя у нихъ прежнимъ ихъ начальствомъ. Въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ съ 1830 года вводились волостныя школы, которыя содержались на счетъ обществъ, посредствомъ обязательнаго налога. По инструкціи, изданной въ 1843 году, обученіе въ нихъ было ввѣрено сельскому духовенству, подъ наблюденіемъ духовныхъ властей и министерства народнаго просвѣщенія. Учителю здѣсь опредѣлено было всего 85 рублей, а такъ какъ учителями были священники, обеспеченные другими доходами, то они могли жить. И что же? Послѣ перехода крестьянъ государственныхъ имуществъ на общее положеніе и отмѣны обязательнаго налога, крестьяне стали отказываться содержать эти училища, и ихъ приходится закрывать. Важность такого неблагоприятнаго явленія уясняется цифрами: въ этихъ школахъ, по отчету за 1853 годъ, находилось слишкомъ 153 тысячи учениковъ и ученицъ.

Чѣмъ объяснить такое важное и неутѣшительное явленіе? Членъ костромскаго уѣзднаго земства, г. Щепетильниковъ, осматривавшій эти школы въ своемъ уѣздѣ, говоритъ прямо, что несочувствіе крестьянъ къ нимъ объясняется полною ихъ безуспѣшностью. Г. Вессель, изъ статьи котораго, помѣщенной въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за прошлый сентябрь, мы извлекаемъ нѣкоторыя важныя для насъ данныя о народныхъ школахъ, выражается такъ:

«Могло ли случиться такое печальное явленіе, еслибъ обученіе въ бывшихъ сельскихъ государственныхъ и удѣльныхъ училищахъ приносило пользу крестья-

янамъ? Времени же, чтобы убѣдить крестьянъ въ пользу хорошаго ученія, было достаточно,—эти училища существовали болѣе 30 лѣтъ. Но помимо всѣхъ злоупотребленій, которыя могли существовать въ управленіи училищами, помимо невѣрности официальныхъ отчетовъ, и ученіе не могло идти хорошо въ сельскихъ училищахъ, потому что въ дѣйствительности не было *сколько-нибудь порядочныхъ учителей.*»

Обученіе въ этихъ школахъ, какъ мы уже сказали, было вѣрено сельскому духовенству; священники заняты требами, да и обезпечены иначе; они не могутъ смотрѣть на дѣятельность въ школѣ, какъ на главную свою цѣль. Въ отчетѣ бар. Корфа указаны случаи, что священники, при наступленіи весенняго времени и праздниковъ, оставляли школы на продолжительное время. Это вполне естественно: праздники обезпечиваютъ священника доходомъ по его прямой профессіи, а сверхъ того для него важно и полевое хозяйство. Какой же онъ учитель? Тутъ нуженъ человѣкъ, который бы посвящалъ себя школѣ, а не занимался ею между прочимъ; послушаемъ, что говорить объ этомъ баронъ Корфъ, въ своемъ отчетѣ:

«Мы могли бы привести немало *письменныхъ* доказательствъ, что обязанности священника по сану лишаютъ его возможности посвятить себя школѣ, и мы слышали отъ священниковъ, что имъ нужно бы положить около 800 руб. сер. жалованья, для того, чтобы потребности семьи были настолько удовлетворены, чтобы... и т. д.

И вотъ, преподаваніе остается въ рукахъ дьякона, гдѣ онъ есть, а то дьячка, и происходитъ убійственная, бесплодная трата времени надъ церковными складами. Да и самъ сельскій священникъ, въ большинствѣ случаевъ, едва ли можетъ быть способнымъ учителемъ, если школа, кромѣ церковно-славянской грамоты, должна еще давать какое-нибудь умственное развитіе. Вспомнимъ, что по официальному признанію высшаго духовнаго вѣдомства, выраженному недавно въ циркулярѣ, въ самыхъ семинаріяхъ методъ обученія все еще основанъ на механическомъ затверживаньи уроковъ. Лица духовнаго званія не могутъ не дѣлать этого метода краеугольнымъ камнемъ преподаванія, въ особенности въ начальной, народной школѣ, гдѣ именно требуется уже значительная степень развитія учителя, чтобы онъ не поставилъ всего преподаванія на такъ-называемой «зубристикѣ.»

Когда въ 1824 году, послѣ того кризиса въ правительственномъ взглядѣ на народное просвѣщеніе, который былъ недавно разсказанъ въ «Вѣстникѣ Европы,» въ статьѣ «Русское библейское общество», вступилъ въ управленіе этимъ вѣдомствомъ адмиралъ Шишковъ, то въ указаніяхъ своихъ комитетамъ, учрежденнымъ для пересмотра системы преподаванія, онъ писалъ: «излишніе предметы уничтожить...; кромѣ того, *очистить всю науку* отъ непринлежащихъ къ нимъ губельныхъ умствованій.» По убѣжденію извѣстнаго рода педагоговъ

и нашего времени, умствование вообще не принадлежит къ науке и едвали вообще не гибельно.

Поучительно справиться съ цифрами. «Статистическій Временникъ» даетъ относительно народныхъ школъ во всей имперіи такія данныя:

Народныхъ школъ	33.638; въ нихъ учащихся	778.709 душ. муж. п. 149.307 — жен. —
		<hr/>
		928.016 д. об. п.
Училищъ всѣхъ родовъ и разрядовъ (со включеніемъ и народныхъ школъ)	36.343; — — —	957.161 душ. муж. п. 108.612 д. ж. п.
		<hr/>
		1.065.773 д. об. п.

Между тѣмъ въ «Памятной книжкѣ» министерства народнаго просвѣщенія на 1865 годъ (которой цифры были въ виду у составителей «Ст. Временника», какъ они объясняютъ), мы находимъ слѣдующія данныя объ училищахъ и учащихся, состоявшихъ въ этомъ вѣдомствѣ:

Приходскихъ и начальныхъ училищъ	1124; въ нихъ учащихся	{ 49.320 душ. муж. п. 7.319 — ж. —
Народныхъ училищъ въ за- падныхъ губерніяхъ	431; — — —	14.325 — м. п. 1.179 — ж. п.
Частныхъ училищъ на сте- пени приходскихъ и эле- ментарныхъ	846; — — —	7.213 — м. п. 6.608 — ж. п.
Всего начальныхъ училищъ и учащихся, подвѣдом- ственныхъ министерству народнаго просвѣщенія	2401; — — —	85.964
Общее же число всякаго разряда заведеній подвѣ- домственныхъ министер- ству и учащихся въ нихъ (со включеніемъ и началь- ныхъ)	3531; въ нихъ учащихся	{ 151.571 душ. муж. п. 42.762 — жен. п.
		<hr/>
		194.333 душ. об. п.

Мы не имѣемъ основанія не вѣрить въ равной степени обоимъ нашимъ источникамъ, которые оба официальны. Но вотъ что оказы-
вается изъ сопоставленія этихъ цифръ. Во-первыхъ—министерству
народнаго просвѣщенія подвѣдомственна одна четырнадцатая часть
народныхъ школъ въ имперіи, такъ что справедливѣе было бы на-
зывать его министерствомъ одной четырнадцатой части народнаго

просвѣщенія. Во-вторыхъ, изъ всего числа учащихъ во всякаго рода училищахъ въ имперіи, министерству народнаго просвѣщенія подвѣдомственно менѣ одной пятой части. А потому, тѣ положенія и предположенія, которыя пишетъ министерство, далеко еще не обуславливаютъ всего хода образованія въ государствѣ. Необходимо было бы приходскія духовныя и уѣздныя училища подчинить министерству, введя въ нихъ общую систему преподаванія. *Спеціальное* духовное образованіе не можетъ начинаться съ начальныхъ училищъ; мы боимся требовать слишкомъ многого, предлагая замѣнить духовныя академіи богословскими факультетами при университетахъ, хотя убѣждены, что только этимъ путемъ и можетъ быть уничтожено отчужденность духовенства отъ общества и обезпечено всестороннее умственное развитіе самого духовенства. Пусть академіи и семинаріи — если иначе нельзя, останутся въ духовномъ вѣдомствѣ; но почему ему должны быть подчинены напр. уѣздныя духовныя училища? Теперь уже необходимость *общаго* начальнаго воспитанія, независимо отъ того, какую спеціальность изберутъ ученики впоследствии, кажется, достаточно сознава. Но у насъ часто не достаетъ мужества примѣнить логически начало сознанное, а еще чаще это зависитъ отъ того, что *некому* требовать такого примѣненія. Отъ министра народнаго просвѣщенія, иногда по самому положенію его, нельзя ожидать, чтобы онъ смотрѣлъ на школу не спеціально-духовную, какъ на учрежденіе свѣтское, главная цѣль котораго есть—умственное развитіе. Можно ли было ожидать этого во время, напр., управленія кн. Голицына, который былъ вмѣстѣ и министромъ исповѣданій и министромъ народнаго просвѣщенія?

Мы видѣли выше, что у насъ на 70 милліоновъ душъ считается съ небольшимъ 900 тысячъ учащихся въ народныхъ училищахъ. Въ Пруссіи же, въ 1864 году, на 19.226.270 жителей было 3.457.300 дѣтей обязанныхъ первоначальному обученію, и изъ нихъ 3.026.253 дѣйствительно посѣщали элементарныя школы. Изъ остальныхъ обязанныхъ обученіемъ, часть находилась въ высшихъ школахъ, часть не успѣла еще поступить въ школу по недостиженію возраста ко времени установленному для приѣма въ школы, часть была освобождена отъ школы по законнымъ причинамъ. Затѣмъ изъ всего слишкомъ 19-ти-милліоннаго населенія Пруссіи въ 1864 году, только о 15½ тысячахъ дѣтей не было свѣдѣній, получаютъ ли они образованіе.

Дѣло въ томъ, что въ Пруссіи обученіе обязательно для всѣхъ дѣтей 6—14-лѣтняго возраста. И если мы сравнимъ даже удовлетворительныя изъ нашихъ народныхъ школъ съ прусскою элементарною школою, какую громадную разницу увидимъ мы! У насъ слава Богу, если дѣти научаются хоть грамотѣ, закону Божію и первымъ четыремъ правиламъ арифметики. Это да церковное пѣніе — вотъ весь

курсъ, какъ онъ опредѣленъ 3 ст. «Положенія о народныхъ начальныхъ училищахъ». Между тѣмъ, въ программу прусской элементарной школы входятъ и ознакомленіе съ географією, и изложеніе мыслей письменно на нѣмецкомъ и, сверхъ того, на родномъ языкѣ (для инородцевъ), и гимнастика, и наглядное ознакомленіе съ простѣйшими началами естествовѣдѣнія и рисованіе. Прусская элементарная школа признается образцовою въ Европѣ и основанія ея вводятся и во Франціи, и въ Англіи.

Намъ далеко еще до прусской школы, далеко въ особенности потому, что у насъ почти нѣтъ учительскихъ семинарій, которыхъ въ Пруссіи 55, съ 3,409 учениками. Но мы должны стремиться къ тому, чтобы постепенно слѣдовать хоть издалека за этимъ блестящимъ образцомъ. Для этого нужно сосредоточить первоначальное образованіе въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія и усилить средства, отпускаемыя на этотъ предметъ государствомъ. Полутора милліона р. (теперь, впрочемъ 1 м. 800 т. р.), отпускаемаго по бюджету на начальныя училища *вмѣстѣ съ уѣздными*, слишкомъ мало. Въ самой Англіи, гдѣ казна не щедра на помощь обществу, она даетъ почти половину этой суммы на однѣ учительскія семинаріи!

Дѣйствующее у насъ «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ», 14-го іюля 1864 года, составленное при А. В. Головинѣ, въ свое время было немаловажною заслугой этого министра. Этимъ положеніемъ учреждены губернскіе и уѣздные совѣты, въ которыхъ есть члены отъ министерства, отъ духовнаго вѣдомства и отъ земства, и этимъ-то *смѣшаннымъ* учрежденіямъ поручено наблюденіе за всѣми вообще народными школами. Это уже была попытка къ сосредоточенію дѣла народнаго образованія и достаточно пробѣжать отчеты, печатаемые въ вѣдомостяхъ, чтобы убѣдиться въ большой пользѣ, какую приносятъ эти совѣты, въ особенности уѣздные, ближе стоящіе къ дѣлу. Но не трудно понять, что въ такихъ смѣшанныхъ учрежденіяхъ единодушіе и равная заботливость собственно объ умственномъ развитіи учениковъ не могутъ быть непреложнымъ правиломъ. Успѣхъ всего дѣла былъ бы гораздо болѣе обезпеченъ, если бы ст. 2 положенія 1864 года, исчисляющая подраздѣленіе училищъ по вѣдомствамъ, была замѣнена такою, которая просто подчинила бы всѣ народныя училища, какимъ бы вѣдомствомъ они основаны ни были, непосредственному управленію министерства, съ участіемъ представителей земства.

Денежное пожертвованіе со стороны государства въ особенности необходимо для учрежденія учительскихъ семинарій. Это—корень всего дѣла, а между тѣмъ ожидать отъ общества основанія учительскихъ семинарій нѣтъ возможности. Даже въ Англіи, этой родинѣ общественной инициативы, правительство издерживаетъ ежегодно около 700 т.

рублей на 35 такихъ семинарій. У насъ же ихъ совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ молодецянской и дерптской, которая, на казенныя деньги, приготовляетъ нѣмцевъ въ учителя латышамъ. Недавно - основанный историко-филологическій институтъ, конечно, не будетъ разсадникомъ учителей для начальныхъ школъ. Съ 1786 года, когда началось у насъ устройство народнаго образованія, мы еще не успѣли сдѣлать ничего болѣе. За то мы въ это время раза три перемѣняли въ разныхъ «духахъ» весь планъ преподаванія.

Гораздо успѣшнѣе школъ принялись на нашей почвѣ желѣзныя дороги. Сѣтъ ихъ, за какіе-нибудь 18-ть лѣтъ, охватила около 7 тысячъ верстъ, и теперь говорятъ уже о распространеніи ея до 12 тысячъ верстъ, что на первое время, конечно, будетъ достаточно. Торопиться въ этомъ дѣлѣ было необходимо до созданія главныхъ линій; онѣ должны были устранить ту внутреннюю нашу слабость, которая обусловливается громаднымъ пространствомъ; но отношенія численности населенія къ пространству желѣзныя дороги измѣнить не могутъ, а это отношеніе, то-есть, выражаясь иными словами, рѣдкость населенія обусловливаетъ недоходность второстепенныхъ линій. Недоходность ихъ легко предвидѣть, но это обстоятельство само по себѣ не всегда ограничиваетъ желѣзно-дорожную предпріимчивость такъ, какъ оно ограничиваетъ предпріимчивость всякаго иного рода. Въ желѣзно-дорожной предпріимчивости есть средство обойти естественную недоходность, именно—гарантія правительства или земства. Но въ предоставленіи гарантій того и другого рода нужна осторожность тѣмъ болѣе, что у насъ еще нѣтъ данныхъ, чтобы судить съ нѣкоторою достовѣрностью о результатахъ такого смѣшаннаго образа желѣзно-дорожнаго строительства. Иначе слово «гарантія», можетъ сдѣлаться синонимомъ растраты казенныхъ или общественныхъ денегъ, а въ результатѣ окажется набиваніе кармановъ спекулянтами, польза чего не превыситъ пользы покойной откупной системы, т. е. явятся тѣже невѣжественные капиталисты, проживуть въ свое удовольствіе безъ труда добытыя деньги, и *male parva male dilabuntur!* Однимъ словомъ, современныя намъ концессионисты могутъ скоро заставить забыть прежнихъ откупщиковъ, и откупщики, потирая руки, заговорять: «Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!» Мы знаемъ до сихъ поръ только то, что единственное желѣзно-дорожное предпріятіе съ такими условіями дѣйствующее уже нѣкоторое время, именно Главное Общество русскихъ желѣзныхъ дорогъ, умѣло задолжать казнѣ 80 милл. рублей.

Вопросъ о гарантіи желѣзно-дорожнымъ предпріятіямъ со стороны земства не рѣшенъ даже въ юридическомъ смыслѣ; *кто* имѣетъ право обязывать всѣхъ членовъ земства такою отвѣтственностью и *что* можетъ служить ея обезпеченіемъ: одни ли земскіе сборы или и все иму-

цество членовъ земства? Последнее едва ли можно допустить безъ всякаго согласія и обязательства собственниковъ; первое же на практикѣ едва ли не окажется эфемернымъ, такъ какъ большая часть земскихъ сборовъ имѣетъ свое прямое и непремѣнное назначеніе. Мосальское уѣздное земское собраніе имѣло право протестовать противъ обязательности для мосальскаго земства гарантіи на калужско-брянскую дорогу, предоставленную калужскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, протестовать на томъ основаніи, что этотъ вопросъ долженъ быть обусловленъ предварительнымъ согласіемъ уѣздныхъ собраній. Но если обезпеченіемъ гарантіи частнаго предпріятія должно служить и имущество всѣхъ членовъ земства, то едва ли и каждому изъ этихъ членовъ не принадлежало бы право такого же протеста, какой заявило мосальское уѣздное собраніе. Вопросъ этотъ не рѣшенъ, хотя гарантія отъ земства фактически допущена правительствомъ, чему въ минувшемъ мѣсяцѣ былъ новый примѣръ: выдача концессіи на постройку тамбовско-саратовской дороги съ гарантіею губернскаго саратовскаго и уѣзднаго кирсановскаго земствъ. Впрочемъ, по поводу этой концессіи былъ именно слухъ, что правительство не намѣрено болѣе утверждать концессій подъ условіемъ гарантіи отъ земства. Это понятно, такъ какъ утвержденіе концессіи съ подобнымъ условіемъ правительствомъ косвенно какъ бы налагаетъ на него же отвѣтственность въ состоятельности выполненія земствомъ условія, утвержденаго законодательною властью.

Что касается собственно правительственной гарантіи по желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ, то главныя линіи желѣзныхъ дорогъ до такой степени настоятельно необходимы Россіи, что нельзя было останавливаться и передъ этимъ неизбѣжнымъ условіемъ скорѣйшей ихъ постройки. Но относительно линій второстепенныхъ необходима величайшая осторожность, чтобы излишне не обременить и безъ того великаго государственнаго кредита массою новыхъ обязательствъ. Надо помнить, что на казнѣ лежитъ уже громадная гарантія выкупной крестьянской операціи въ видѣ рентъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ. Желѣзно-дорожная предпримчивость—такое дѣло, въ которомъ легче всего можетъ появиться искусственная, лихорадочная дѣятельность; устоять противъ такой лихорадки, повлекшей за собой кризисы въ Англіи и Франціи, должно быть задачею нашего правительства. Осмотрительность въ выдачѣ гарантій и рациональная, твердая классификація предположенныхъ линій по степени общаею ими пользы и вѣроятной ихъ доходности — совершенно необходимы.

Эти соображенія вызвали въ минувшемъ же мѣсяцѣ другой замѣтный фактъ по нашему желѣзно-дорожному дѣлу вообще, именно назначеніе новаго высшаго комитета желѣзныхъ дорогъ, для установленія на твердыхъ началахъ нашей желѣзно-дорожной политики. Цѣль

комитета окончательно опредѣлить сѣтъ желѣзныхъ дорогъ и установить порядокъ, въ которомъ должна быть направляема или благоприятствуема частная предприимчивость въ этомъ дѣлѣ; при этомъ, какъ слышно, будетъ опредѣлено и нормальное число верстъ, на которыхъ будетъ разрѣшаться ежегодно постройка желѣзныхъ дорогъ.

Въ учрежденіи этого комитета, повторимъ, высказалась и необходимость сознательной желѣзно-дорожной политики, и финансовая забота. И то и другое вполнѣ естественны. Финансовыя соображенія должны обусловливать и, въ извѣстномъ смыслѣ, ограничивать это дѣло, но едва ли они одни должны *руководить* имъ. Въ установленіи желѣзно-дорожной политики на первомъ планѣ должно стоять взаимное согласованіе всѣхъ путей въ государствѣ. Желѣзныя дороги имѣютъ, какъ извѣстно, и стратегическое значеніе; въ первыхъ построенныхъ у насъ линіяхъ едва ли даже не отразилась преимущественно именно стратегическая мысль. Однакоже руководство желѣзно-дорожнымъ дѣломъ не было передано, на этомъ основаніи, военному министерству; сколько извѣстно, оно даже и не подавало подобной мысли. Трудно потому допустить, чтобы и министерство финансовъ въ настоящее время взяло на себя утверждать, будто въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ «рѣшающій голосъ подобаетъ министру финансовъ», и будто такое соображеніе вошло даже въ докладъ, составленный г. министромъ финансовъ по возвращеніи его изъ-за границы, — какъ то недавно сообщилъ одинъ корреспондентъ «Московскимъ Вѣдомостямъ».

Возвращаясь къ общему ходу желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, упомянемъ о томъ утѣшительномъ фактѣ, что доходность нашихъ желѣзныхъ дорогъ быстро возрастаетъ. Такъ, за первую половину текущаго года, по официальнымъ свѣдѣніямъ, валовой сборъ съ правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ, сравнительно съ первой половиною прошлаго года, доставилъ 2 милліона 123 слишкомъ тысячи рублей. Особенно замѣчательно возрастаніе сбора по николаевской дорогѣ (1 м. 143 т. р. за тотъ же періодъ), которое вѣроятно не остановится на цифрѣ 15 милліоновъ. Возрастаніе валового сбора должно быть явленіе общее дорогамъ частнымъ съ правительственными, и вотъ фактъ, дающій нѣкоторое основаніе надеждѣ, что въ будущемъ, правда, еще далеко, частныя дороги у насъ устоятъ и безъ правительственной гарантіи. Но какое бы развитіе ни получили наши желѣзныя дороги, и какъ бы ни оказалось велико ихъ вліяніе на экономическое положеніе государства, никто, конечно, не можетъ ожидать отъ нихъ однихъ полной реформы въ нашемъ хозяйствѣ. Средства государства требуютъ болѣе всего — самоограниченія, сбереженій; экономическій бытъ народа нуждается въ облегченіи лежащей на народѣ тягости нынѣшней финансовой системы.

Одна изъ сторонъ нашей финансовой системы, наиболѣе требующая реформы, это—податная система. Прямые налоги въ нашемъ государственномъ бюджетѣ (безъ налоговъ на право торговли) представляются крупною цифрою, почти 80½ милл. р. Они составляютъ второй, по значительности, источникъ всего государственнаго дохода. Въ общей суммѣ нашихъ налоговъ, 266½ милл., прямые подати составляютъ около трети. Такое значительное участіе прямыхъ податей въ государственныхъ доходахъ представляетъ одну изъ особенностей нашего бюджета.

Въ иностранныхъ языкахъ существуетъ терминъ: «предметъ, на который падаетъ подать» (la matière imposable, Besteuerungs-Material); у насъ даже нѣтъ такого выраженія; за то у насъ есть своеобразный терминъ: «податныя сословія». Различіе финансовыхъ системъ сказывается и въ языкѣ. Дѣйствительно, почти вся тяжесть налоговъ у насъ лежитъ на этихъ сословіяхъ; «харачъ», который платили христіане въ Турціи за право существованія, казался намъ возмутительною и несправедливою тягостью. Но нѣчто весьма похожее на харачъ представляетъ наша податная система. Харачъ, какъ извѣстно, былъ десятина съ сельскаго хозяйства и промысловъ райи; но, по крайней мѣрѣ, онъ освобождалъ райю отъ военной службы. А если у насъ крестьянину въ сложности приходится платить за свою собственную душу 15 рублей въ годъ, то можно ли утверждать, что въ среднемъ размѣрѣ это представляетъ менѣе той же десятины? Мѣстами это, навѣрное, представляетъ болѣе и, сверхъ того, крестьянинъ подлежитъ и рекрутчинѣ.

«Податныя сословія» у насъ оплачиваютъ почти весь питейный сборъ—119½ милл. р.; прямые подати: подушную и государственный земскій сборъ—80½ милл. р.,—несутъ свою часть земскаго сбора общественаго, платятъ выкупные платежи и оброкъ, содержатъ свое волостное управленіе и, сверхъ того, отбываютъ натуральныя повинности, въ томъ числѣ тяжкую постоянную и еще болѣе тяжкую—рекрутскую. А что значить отбываніе рекрутской повинности? значить, что каждая крестьянская семья должна или лишиться, по меньшей мѣрѣ, одного работника, или уплатить одновременно, по меньшей мѣрѣ, 570 рублей.

Всю тяжесть своей финансовой системы мы сосредоточили въ самомъ основаніи населенія, которымъ содержится государство. Устойчивость финансоваго зданія отъ этого, быть можетъ, выиграла въ извѣстномъ смыслѣ: фабрикантъ, землевладѣлецъ, если вы обложите ихъ чрезмѣрными податями, будутъ громко жаловаться, а наконецъ, одинъ сократитъ свое производство, а другой откажется, въ крайнемъ случаѣ, отъ своей земли. Но ни того, ни другого не дѣлаютъ наши «податныя сословія»; ни сократитъ производства, ни отказаться отъ земли

для избѣжанія налога они не могутъ, потому что налогъ падаетъ на ихъ личность, и взносъ его обезпечивается круговою порукою, падаетъ не на излишекъ ихъ дохода, который можно исчислить и сообразовать съ налогомъ, а на удовлетвореніе ихъ первыхъ, необходимыхъ потребностей.

Подушная подать не соотвѣтствуетъ, такимъ образомъ, одному изъ коренныхъ условій правильности налоговъ, которое Ад. Смитъ, а за нимъ и Милль опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ:

«Всякій налогъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы, по мѣрѣ возможности, уплата его обходилась плательщику только незначительно-дороже того, что этотъ налогъ дѣйствительно доставляетъ казнѣ».

А въ числѣ условій, которыя нарушаютъ это начало, Ад. Смитъ ставитъ:

1) «Когда наказанія за неплатежъ налога часто приводятъ податныхъ къ разоренію, и такимъ образомъ лишаютъ общество всѣхъ выгодъ, какія оно могло бы получить отъ ихъ капиталовъ или труда. 2) Когда вслѣдствіе существованія извѣстнаго налога, частныя лица бываютъ подвержены частому и нестерпимому наблюденію взимателей надъ обложеннымъ имѣніемъ или дѣятельностью, и когда налогъ влечетъ за собою лишнія стѣсненія и неприятности для плательщиковъ.»

Всѣ эти условія неправильности налога осуществляются нашею круговою порукою и нашею паспортною системою для податныхъ, — которыя такъ тѣсно связаны съ налогомъ, падающимъ не на имѣніе, не на строенія или землю, а на личность, на самое право заработка.

Недоимки въ сборѣ подушной подати—явленіе нормальное. Общая цифра поступленія нашихъ прямыхъ налоговъ за послѣдніе годы, правда, возрасла, но это зависѣло отъ новаго положенія о пошлинахъ за право торговли. Изъ отчета же государственнаго контроля, по дѣйствительному исполненію смѣты 1866 года, видно, что главный недоборъ — по податямъ подушной и оброчной съ государственныхъ крестьянъ.

Въ печати не разъ уже высказывалось ожиданіе, что преобразование коснется, наконецъ, нашей податной системы уже потому, что эта старая система не соотвѣтствуетъ другимъ, вошедшимъ уже въ русскую жизнь, реформамъ. Такъ, подушная подать, съ нынѣшними ея условіями, несогласима съ тѣмъ частнымъ правомъ отказа отъ земли, которое вступить въ силу съ 1870 года, и на которое недавно указывалъ въ нашемъ журналѣ Н. П. Колюпановъ. Такъ, уставъ о земскихъ повинностяхъ не приведенъ въ соглашеніе съ введеніемъ земскихъ учреждений.

Вотъ уже девять лѣтъ, какъ работаетъ спеціальная коммиссія, которой порученъ пересмотръ нашей податной системы. Плодами тру-

довъ этой комиссіи за послѣдніе два года былъ пересмотръ горнаго устава, проектъ новаго устройства постоянной повинности, и обсужденіе разныхъ проектовъ, имѣющихъ отношеніе къ финансовымъ вопросамъ. По нѣкоторымъ вопросамъ, и именно по вопросу о преобразованіи земскихъ сборовъ, комиссія только собирала матеріалы. Но, какъ теперь оказывается, относительно подушной подати комиссія составила проектъ, котораго главныя основанія были выработаны ею еще въ 1863 году.

Какъ слышно, комиссія предположила замѣнить подушную подать и ту часть государственнаго сбора, которая взимается подушно, — *подворною податью* и *поземельнымъ налогомъ*. Изъ появившихся въ газетахъ извѣстій о предположеніяхъ комиссіи, мы остановимся на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ «Московскими Вѣдом.», свѣдѣніями, очевидно, исходящими изъ среды, близкой самой комиссіи. Сумма подушной подати и душевого оклада государственнаго земскаго сбора составляетъ 63 милл. р. Подушную подать, которая составляетъ около $\frac{2}{3}$ этой суммы, предполагается замѣнить подворною; душевой окладъ государственнаго земскаго сбора предположено замѣнить налогомъ поземельнымъ.

Подворная подать будетъ взимаема со двора, а поземельный налогъ падеть на угодья. Предполагается установить разные размѣры того и другого вида податей, сообразно съ условіями мѣстностей, такъ, чтобы поземельный налогъ былъ выше тамъ, гдѣ главный доходъ крестьянина получается отъ земли, а подворная подать выше тамъ, гдѣ земля ниже качествомъ. Средніе же оклады составили бы, по предположеніямъ комиссіи: 5 р. 50 к. со двора, и 18 к. съ десятины; впрочемъ, эти цифры имѣютъ только тотъ смыслъ, что будучи помножены на число крестьянскихъ дворовъ и десятинъ земельного надѣла крестьянъ, составляютъ сумму, которая приближалась бы къ суммѣ нынѣшняго дохода казны отъ подушной подати и душевого земскаго сбора.

Сумма подворнаго налога будетъ распределена между губерніями, сообразно мѣстнымъ экономическимъ условіямъ, разъ навсегда, а сумма поземельнаго налога на шесть лѣтъ: при этомъ разверстка суммы обоихъ налоговъ, слѣдующей съ губерніи, будетъ предоставлена земскимъ учрежденіямъ, а за отсутствіемъ ихъ—губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ и особымъ о земскихъ повинностяхъ присутствіямъ, и затѣмъ утверждаема въ законодательномъ порядкѣ. Наконецъ, въ каждомъ обществѣ разверстка будетъ предоставлена ему самому, при чемъ предполагается установить максимумъ для одной усадьбы и одного надѣла.

Что въ реформѣ, о которой мы говоримъ, на первомъ планѣ долж-

на стоять именно замѣна *лица*, или рабочей силы *предметомъ*, т. е. строеніемъ или землею—это очевидно; въ этомъ сущность вопроса.

Относительно оставленія круговой поруки въ уплатѣ государственныхъ податей надъ селеніями, гдѣ существуетъ общинное пользованіе угодьями, слѣдуетъ замѣтить, что круговая порука вовсе не есть органическое условіе самой общины. Что общинное устройство можетъ быть выгоднѣе при существованіи круговой поруки, это такъ, и это доказывается указываемыми комиссіею примѣрами перехода крестьянъ съ участкаго хозяйства на общинное, подъ гнетомъ круговой поруки. Но общинное устройство еще не предполагаетъ непременно круговой поруки въ уплатѣ податей; круговая порука у насъ, правда, была связана съ общиной, но все-таки сама она была не *общинной*, а *закрѣпощеніемъ общины*, это была община въ кабалѣ.

Въ заключеніе повторимъ то, что вытекаетъ изъ фактовъ, съ которыхъ мы начали, повторимъ, что надъ всѣмъ этимъ вопросомъ о видахъ преобразованія податной системы у насъ преобладаетъ необходимость распредѣленія податного бремени, съ большей равномерностью, на всѣ сословія государства. Какъ ни преобразуйте подати съ мелкихъ землевладѣльцовъ, то - есть крестьянъ, если вы оставите почти все бремя податей на нихъ, то въ сущности ваша податная система будетъ все-таки падать на личный трудъ, на рабочую силу, а не равномерно на производительность и капиталъ всей страны.

Труды податной комиссіи напечатаны, труды комиссіи составившей новый тарифъ также опубликованы. Вообще, можно сказать, что у нашей администраціи уже установился обычай до нѣкоторой степени знакомить публику съ составленіемъ законодательныхъ проектовъ и даже вызывать иногда, путемъ гласности, общественное мнѣніе о нѣкоторыхъ законодательныхъ предложеніяхъ.

Но и самое примѣненіе законоположеній, результаты, оказываемые административною практикою, естественно, очень интересуютъ общество, и для администраціи могло бы быть только выгодно почаще ознакомлять съ ними публику, давая ей такія практическія объясненія, которыя указывали бы необходимость той или другой, предпринимаемой мѣры. Общество, съ своей стороны, зная въ общихъ чертахъ ходъ того или другого дѣла, могло бы предъявлять самой администраціи указанія, которыхъ полезность не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ вѣдь и администрація не вседѣсуща и не всезнающа, и предъявлять эти указанія *во время*, когда мѣра еще непринята окончательно; потомъ она публикуется только для исполненія, такъ что взгляды, заявляемые о ней обществомъ, уже не могутъ принести пользы. Невыгодность этого послѣдняго положенія всего лучше выразилась

недавно на измѣненіи въ почтовой таксѣ на пересылку газетъ и журналовъ: ошибочная сторона этой мѣры выяснена теперь до очевидности печатью, но это случилось уже тогда, когда мѣра состоялась законодательнымъ порядкомъ и можетъ быть измѣнена не иначе, какъ посредствомъ дополненій.

Вообще, едвали можно сомнѣваться, что чѣмъ болѣе связи между администраціею и обществомъ, тѣмъ болѣе обезпечены обоюдные интересы, и разныя управленія не безъ основанія сочли нужнымъ имѣть органы для ознакомленія публики со своими предположеніями и распоряженіями. Теперь такое раздробленіе «правительственной мысли» на разныя органы признано неудобнымъ, и съ новаго года, какъ извѣстно, у насъ будетъ выходить единственная официальная газета: «Правительственный Вѣстникъ», въ которомъ сосредоточатся всѣ правительственныя извѣстія, сообщенія, опроверженія и разъясненія. Такимъ образомъ, въ числѣ официальныхъ изданій, существовавшихъ до нынѣ, прекращается и официальный «Инвалидъ», дѣятельность котораго была такъ сочувственна внутреннимъ великимъ реформамъ нынѣшняго царствованія, что за границею, какъ мы замѣтили въ послѣдній разъ, враги этихъ реформъ обзывали «Русскій Инвалидъ» демократическимъ органомъ, желая, вѣроятно, внушить тѣмъ нашему правительству недовѣріе къ этому почтенному изданію.

Признаетъ ли правительство удобіе для себя, для самого дѣла администраціи, существованіе вѣсколькихъ официальныхъ органовъ, или одного общаго—это вопросъ, по которому посторонніе совѣты ему не нужны. Мы думаемъ только, что мѣра эта едва ли вполне осуществится; строго примѣненная, она конечно повела бы къ уничтоженію и къ закрытію разныхъ официальныхъ журналовъ, представителей какой-то «официальной литературы», какъ напр. «Военный Сборникъ», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и т. д. Строго говоря, едва ли «Русскій Инвалидъ» не былъ полезнѣе «Военнаго Сборника», и «Указатель распоряженій по министерству финансовъ» (которыя съ такою полнотою не могутъ быть печатаемы въ общемъ «Правительственномъ Вѣстникѣ») едва ли не былъ болѣе нуженъ, чѣмъ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», который дорого стобитъ и обременяетъ своею *обязательною* подпискою слишкомъ не великія средства нашихъ учебныхъ заведеній; такъ что, въ концѣ концовъ, существованіе такого журнала равняется обращенію части денегъ, назначенныхъ непосредственно на народное образованіе, — на содержаніе редакціи и увеличеніе доходовъ типографіи. Безъ сомнѣнія, въ исторіи каждаго министра народнаго просвѣщенія будутъ считать число школъ, основанныхъ въ его управленіе, а не число книгъ журнала, изданныхъ имъ въ годъ. Вообще, существованіе отдѣльныхъ органовъ для официальныхъ сообщеній еще понятно, но суще-

ствование органовъ для какой-то «официальной литературы» нуждается еще въ доводахъ своей полезности. Если же новая мѣра не будетъ строго приведена въ исполненіе, то разногласіе между органами правительства все-таки останется возможнымъ, и «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.», можетъ быть, не согласится во многомъ съ «Правительственнымъ Вѣстникомъ». Впрочемъ, важнѣе всего въ этомъ дѣлѣ, чтобы не ослаблялась та связь между предположеніями администраціи и содѣйствіемъ общества, которая должна быть главной цѣлью и заботою официальной печати, могущей приносить пользу болѣе всего именно въ этомъ смыслѣ.

Возвращаемся собственно къ «Правительственному Вѣстнику». Какъ Вѣстникъ Правительства, онъ не можетъ быть изданіемъ того или другого министерства, потому что ни одно министерство, отдѣльно взятое, не есть правительство. Въ такомъ случаѣ, является вопросъ: если прежнее разногласіе, на которое указываютъ, происходитъ отъ того, что у каждаго министра былъ свой органъ, то исчезнетъ ли это разногласіе, только оттого, что различныя распоряженія и соображенія будутъ помѣщаться на одной страницѣ. Министры не находятся въ такомъ отношеніи къ Главному правленію по дѣламъ печати, чтобы ему поручить соглашенія между собою. Изданіе «Прав. Вѣст.» при какомъ-нибудь высшемъ государственномъ учрежденіи могло бы еще пожалуй объяснить возможность нѣкотораго сосредоточенія правительственной мысли; но во всякомъ случаѣ, единство правительственной мысли нельзя не признать предметомъ величайшей необходимости, и вопросъ состоитъ только въ томъ: можетъ ли учрежденіе какого-нибудь органа произвести это единство тамъ, гдѣ его не было бы на самомъ дѣлѣ, или необходимо прежде установить единство въ самомъ государственномъ механизмѣ, и тогда подобный органъ явится самъ собою; другими словами: можно ли видѣть причину въ томъ, что должно быть разсматриваемо только какъ слѣдствіе? На это отвѣтитъ намъ время.

Иностранное обозрѣніе.

Положеніе партій и временное правительство въ Испаніи.—Открытіе парламентовъ и внутреннія заботы государствъ.—Франція и ея мрачныя историческія воспоминанія.—Книга Тено и дѣло Бодена.—Обвинители-обвиненные и обвиненные-обвинители.—Австрійскій рейхсратъ.—Прусскій парламентъ и рѣчь короля.—Италія и ея вѣчный кошмаръ.—Вопросъ о министерствѣ въ Англіи.—Грантъ.

Едва ли когда-нибудь коренной переворотъ въ политической судьбѣ цѣлаго народа, такъ быстро отходилъ на второй планъ въ глазахъ европейскаго общества, какъ это случилось съ испанской ре-

волюціей. Нѣтъ еще и двухъ мѣсяцевъ, какъ раздался на Пиренейскомъ полуостровѣ первый крикъ созрѣвшей революціи, а уже со всѣхъ сторонъ стали подыматься голоса пессимистовъ, изъ которыхъ одни упрекаютъ Испанію, что сдѣлано слишкомъ мало, другіе, что слишкомъ много. Всѣ хотѣли бы видѣть ея дѣла окончательно устроенными и порѣшенными, не принимая вовсе въ соображеніе ни той массы затрудненій, которая оставлена была въ наслѣдство рушившимся «безпорядкомъ», ни того въ высшей степени важнаго вопроса, требующаго сознательнаго рѣшенія, предъ которымъ и остановился въ эту минуту испанскій народъ—какая форма правленія должна замѣнить католическую монархію Бурбоновъ? Переворотъ въ Испаніи еще не окончился, и этому можно скорѣе радоваться, такъ какъ быстрота въ рѣшеніи, касающемся будущности страны, всегда служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что оно не есть результатъ выраженной народной воли, а только исходъ, навязанный тою или другою партією. Примѣръ французскихъ революцій, и въ особенности послѣдній 48-го года, провозглашеніе республики, быстрая замѣна ее имперіей не остался безъ результатовъ для испанской революціи. Временное правительство въ Испаніи не спѣшитъ рѣшеніемъ; оно предоставило полную свободу всѣмъ партіямъ совѣщаться, собираться и разсуждать о томъ, что должно закончить переворотъ, и такая свобода до сихъ поръ дала одни хорошіе результаты. Лучшій результатъ, какого можно только достигнуть—это полное соглашеніе всѣхъ партій, и если такое нѣсколько идеальное желаніе не осуществилось еще вполне въ Испаніи, то все-таки оно скорѣе въ это послѣднее время сдѣлало нѣсколько шаговъ впередъ, чѣмъ назадъ. Партія монархистовъ-либераловъ, имѣющая во главѣ Олозагу, оказалась едва ли не самую дѣятельною. Благодаря энергіи ея предводителя, она добилась нѣкотораго соглашенія съ партією умѣренныхъ демократовъ-республиканцевъ, и они издали манифестъ, торжественно объявившій, что «часть демократіи отказывается отъ республиканской формы правленія и присоединяется къ монархической, болѣе способной, при настоящихъ обстоятельствахъ, осуществить и утвердить принципы, провозглашенные революціей.» Разумѣется, монархія, которую они желаютъ, мало похожа на только-что свергнутую монархію Бурбоновъ, и они спѣшатъ добавить, что ихъ монархія не будетъ «монархією божественнаго права! Что она не будетъ имѣть другой законности, какъ та которая вытекаетъ изъ верховной власти народа, выраженной посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, и что она должна представлять всѣ существенныя условія такого рода правительства». Какъ ни либеральна эта программа, она все-таки не могла удовлетворить истинныхъ республиканцевъ, которые въ народномъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ Кастелыра, выставили свою собственную программу—

женіе монархіи, въ какой бы формѣ она ни представлялась, немедленное провозглашеніе республики, децентрализацію, распущеніе постоянной арміи и полную свободу и равенство всѣхъ вѣроисповѣданій. Которая изъ этихъ двухъ программъ одержитъ верхъ—на это отвѣтять учредительные кортесы, которые должны собраться въ началѣ 1869 г.; во всякомъ случаѣ, ихъ рѣшеніе будетъ рѣшеніемъ большинства страны и большинства свободнаго, а не созданнаго насиліемъ и притѣсненіемъ. Избирательный законъ уже обнародованъ временнымъ правительствомъ; не нужно прибавлять, что основаніе его—всеобщая подача голосовъ, съ однимъ только ограниченіемъ: въ другихъ странахъ требуется для избирателя всего 21 годъ, здѣсь же постановленъ для права голоса двадцатипятилѣтній возрастъ.

Лишь только движеніе, вызванное въ европейской политикѣ испанскою революціею улеглось, и толки о ней затихли, какъ въ ту же минуту прежній кошмаръ сталъ снова беспокоить общественное мнѣніе. Боязнь и опасеніе войны, страхъ зимней кампаніи, планъ, который такъ настойчиво приписывали маршалу Ніелю, стали снова грезиться тревожнымъ умамъ, и нужно сказать, не совсѣмъ безъ основанія. Государственные люди Европы наперерывъ другъ передъ другомъ стараются поддерживать воинственное настроеніе, и точно сговорившись, поочереди размахиваютъ по воздуху знаменемъ, на которомъ ослѣпляетъ глаза цифра, то восьми-сотъ-тысячной арміи, то милліонъ двѣсти тысячъ, то еще что-нибудь болѣе страшное. Наполеонъ, Ніель, прусскій король, Менабреа, Бейстъ—всѣ выходили на арену, и всѣ показывали самую мрачную перспективу.

Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не удивляться этой всеобщей европейской военноманіи, когда ближе присматриваешься къ внутреннимъ дѣламъ каждаго изъ государствъ западной Европы. Ни одно не можетъ похвастаться полнымъ спокойствіемъ, ни одно не можетъ похвастаться передъ другимъ, чтобы внутри его не шевелились тѣ или другіе неулаживающіеся вопросы, чтобы его не точили осязаемые признаки всегда готовой разразиться бури. Наступленіе зимы, во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, сопровождающееся большею частью созваніемъ народныхъ представителей, дѣлаетъ настоящую минуту крайне любопытною; одинъ парламентъ открывается за другимъ, всюду представляются странѣ отчеты объ общемъ состояніи внѣшней и внутренней политики, о положеніи финансовъ, совершается часто тяжелая исповѣдь правительства по поводу того или другого вопроса; однимъ словомъ, политическая жизнь выступаетъ на первый планъ, народы повѣряютъ прошедшее и болѣе или менѣе опредѣляютъ будущее. У однихъ чувство самодовольства замѣняется чувствомъ разочарованія, у другихъ свѣтлыя надежды—печальными опасеніями; у всѣхъ смутное понятіе о положеніи своей страны замѣняется болѣе или менѣе яс-

нимъ сознаемъ того, на что можно разсчитывать и чего нужно ожидать, чего желать и чего опасаться. Бóльшая ясность и опредѣленность общаго положенія Европы должны быть непремѣннымъ результатомъ повсемѣтнаго открытія парламентовъ: выясненіе внутреннихъ дѣлъ болѣе всего поможетъ тому, что разсѣются слухи и пропадутъ опасныя пророчества о войнѣ. Правительства воинственныхъ государствъ еще разъ убѣдятся, что дома есть слишкомъ много дѣла, слишкомъ много затруднительныхъ обстоятельствъ, чтобы начинать еще вражду съ сосѣдомъ.

Во Франціи, хотя законодательный корпусъ еще не собранъ, тѣмъ не менѣе съ каждымъ днемъ правительство должно все болѣе и болѣе утверждаться въ томъ мнѣніи, что всякое усложненіе въ его вѣдѣній политикѣ было бы пагубно для внутренней, что все вниманіе его должно быть исключительно сосредоточено на домашнихъ дѣлахъ, которыя запутываются все болѣе и болѣе. Внутренняя борьба между правительствомъ и враждебною ему партіею, которая увеличивается съ каждымъ часомъ, достигла уже до той степени, когда довольно самаго малаго, незначущаго на видъ факта, чтобы онъ тотчасъ превратился въ событіе, способное взволновать все общество на нѣсколько дней и даже недѣль. Такъ случилось съ небольшимъ происшествіемъ, которое было раздуто имъ самимъ въ огромные размѣры, и получило значеніе крупной, враждебной правительству демонстраціи. Мы говоримъ о дѣлѣ Бодена. Фактическая сторона этого дѣла какъ нельзя болѣе невинна. Во Франціи, впрочемъ, и во всѣхъ католическихъ странахъ, существуетъ обычай 2 ноября отправляться на кладбище, куда каждый годъ собирается масса народа съ вѣнками и букетами, которыми въ этотъ день покрываются могилы. Уже нѣсколько лѣтъ къ ряду въ этотъ день около могилы Годфроя Каваньяка, брата извѣстнаго генерала Евгенія Каваньяка, бывшаго диктатора 1848 года, собирается небольшой кружокъ политическихъ друзей этого крѣпкаго бойца за свободу. Правительству, разумѣется, никогда не нравилась эта овація мертвому, которая служила ему живымъ упрекомъ, но оно не имѣло повода начать преслѣдованія. Честь, отдаваемая Годфрою Каваньяку, не касалась прямо его, такъ какъ Каваньякъ умеръ еще въ 45 или 46 году, когда, слѣдовательно, и рѣчи не было о возможности Наполеона III, — посѣщеніе могилы Каваньяка пока говорило только объ одномъ, что духъ свободы не вымеръ еще, что традиція его свято хранится. Въ первый разъ посѣщеніе могилы Каваньяка подверглось судебному преслѣдованію въ прошедшемъ году, такъ какъ враждебная правительству партія стала прямо высказывать въ прессѣ свое демонстраціонное намѣреніе; она хотѣла сдѣлать протестъ на могилѣ Каваньяка и на могилѣ еще одного чужестранца, покоившагося также на кладбищѣ Montmartre, — Даніэля Манина, противъ только-что тогда

совершенной второй римской экспедиціи. Протестъ противъ римской экспедиціи, не нужно ошибаться, означалъ не только сочувствіе къ Италіи, но гораздо болѣе, негодованіе либеральной партіи при видѣ торжества партіи клерикаловъ, на которыхъ съ прошлаго года правительство стало опираться все болѣе и болѣе. Съ ноября 1867 по ноябрь 1868 года либеральною Франціею пройдено большое пространство. Окрѣпнувшей оппозиціи мало было протестовать противъ того или другого факта, противъ того или другого событія, ей мало сдѣлалось простого заявленія ея существованія на могилѣ Каваньяка, ей хотѣлось попробовать свою силу на болѣе скользкой почвѣ, на причинѣ всѣхъ золъ, на самомъ авторѣ второй имперіи и на ея происхожденіи. Правительство поняло это очень хорошо, слова императорскаго прокурора вполне это доказываютъ:—«Могила Каваньяка, говорилъ онъ, болѣе не казалась довольно знаменательною для политическихъ страстей, ушедшихъ впередъ и приобрѣвшихъ больше смѣлости. Имъ нужно было имя болѣе рѣзкое, нежели патріота, умершаго въ 1845 году, имъ нужно было взять за лозунгъ лицо, болѣе близкое къ настоящему, болѣе живое, болѣе раздражающее». Гдѣ же нашли они это лицо, болѣе раздражающее, это имя, болѣе выражающее собою смыслъ протеста, чѣмъ имя Каваньяка? Недостатка въ такомъ имени у оппозиціи не могло быть,—ей нужна была только рѣшимость обратиться къ фатальному дню въ исторіи Франціи—ко второму декабрю 1851 года.

Никогда, съ самаго дня установленія второй имперіи, такъ много не говорили, такъ не волновали событія, уничтожившія вторую республику, какъ въ эту минуту. Судя по той страсти, которая сказывается въ спорѣ между двумя лагерями, по тѣмъ жаркимъ выходкамъ, которыя встрѣчаешь какъ въ оппозиціонной, такъ и въ правительственной прессѣ, можно было бы подумать, что 2-е декабря 1851 г. отдѣлено отъ насъ не 17-ю годами, но только 17-ю днями. Причина оживленія спора и самаго ожесточеннаго раздраженія понятна — 17 лѣтъ 2-е декабря не принадлежало суду современниковъ, оно изъято было правительствомъ изъ области исторіи. Какъ бы ни были неудовлетворительны для Франціи законы о печати, вышедшіе изъ реформы 19 января 1866 года, тѣмъ не менѣе они способствовали крайнему оживленію прессы, а вслѣдствіе этого и оживленію самого общества. Въ-стѣ съ этимъ, цѣлый рядъ ошибокъ и самыхъ жестокихъ неудачъ поколебалъ вѣру въ «судьбу» Наполеона III даже въ тѣхъ, которые были его горячими защитниками. Разочарованіе распространялось съ каждымъ днемъ сильнѣе, и все, что терло въ своей силѣ правительство Наполеона III, выигрывало въ ней вліяніе партіи орлеанистовъ и республиканцевъ. Но изъ всѣхъ ошибокъ настоящаго правительства самую сильною оставалось все-таки преступленіе 2 декабря, и по-

тому ясно, что всѣ партіи, лишь только явилась возможность, набросились на прошедшее, чтобы подорвать настоящее. До настоящаго года во Франціи было нѣсколько сочиненій о переворотѣ 1851 года, но всѣ они написаны были въ одномъ духѣ — не нужно говорить въ какомъ. 2-е декабря представлялось поступкомъ геройскимъ, мудрымъ, благодѣтельнымъ, результатомъ идеальнаго благородства, и всѣ тѣ, которые были противъ него — какими-то извергами и уродливыми сынами родины. Правда, за-границей было напечатано нѣсколько брошюръ и сочиненій въ духѣ совершенно противоположномъ, какъ «Napoléon le Petit» Виктора Гюго, нѣсколько правдивыхъ главъ о переворотѣ 1851 года въ книгѣ Кинглека: «l'Invasion de la Crimée», но сочиненія эти не проникали во Францію, и дѣло глохло, никто не имѣлъ права отвѣтить на «гнусныя обвиненія», — въ убійствахъ, грабежахъ, насиліяхъ и пожарахъ, которыми старались клеймить республиканцевъ, сопротивлявшихся и въ Парижѣ и въ провинціи, съ оружіемъ въ рукахъ противъ переворота 2 декабря, — республиканцевъ, которыхъ тысячами сослали въ Африку и въ Кайенну. Первое правдивое и честное сочиненіе, которое появилось во Франціи о 1851 годѣ, принадлежало молодому автору, Евгенію Тено, который года два тому назадъ издалъ сочиненіе «la Province en décembre 1851», но оно не имѣло шумнаго успѣха — пресса не была еще настолько свободна, чтобы безнаказанно и не стѣсняясь говорить о происхожденіи второй имперіи. Только въ этомъ году, два-три мѣсяца назадъ, когда Тено выпустилъ другую книгу, какъ бы продолженіе первой, «Paris en décembre 1851», вся оппозиціонная пресса ухватилась за это сочиненіе, чтобы прогнать сквозь строй и самый coup d'Etat и его главнаго виновника со всѣми его клеветами. «Paris en décembre 1851» играетъ такую роль въ общественномъ броженіи, сказавшемся какъ въ прессѣ, такъ и въ демонстраціи 2 ноября, вызвавшей печальный для правительства процессъ, въ которомъ настоящими обвинителями сдѣлались обвиненные и настоящими обвиненными сами обвинители, что нельзя говорить объ этомъ любопытномъ процессѣ, не сказавъ нѣсколько словъ о томъ, что главнымъ образомъ послужило къ нему поводомъ. Книга Тено, хотя и принадлежитъ исключительно области политики, вовсе не имѣетъ, однако, характера памфлета, который можно было бы предполагать по тѣмъ ожесточеннымъ схваткамъ между либеральною и правительственною Франціею, для которыхъ она послужила поводомъ. Съ искусственнымъ безпристрастіемъ и съ искусственнымъ спокойствіемъ, подъ которымъ слышится и еще болѣе чувствуется горячая любовь къ побѣжденнымъ и негодованіе, граничащее съ презрѣніемъ къ побѣдителю въ этомъ печальномъ для исторіи Франціи поединкѣ, дѣлаетъ Тено правдивый разсказъ, безъ прикрасъ и безъ преувеличеній всѣхъ тѣхъ событій,

которыя подкопали республику и вмѣсто нея поставили деспотическую имперію. При томъ не-республиканскомъ большинствѣ, которое наполнило собою національное собраніе, въ самомъ дѣлѣ, трудно было ожидать, чтобы всѣ партіи отказались отъ своихъ идеаловъ и искренно пристали къ той формѣ, которая была имъ наименѣе симпатична; трудно было предполагать, что духъ честности и вѣрность разъ данной клятвѣ были настолько сильны, чтобы не нашлось ни одного честолюбца, который не пожелалъ бы обратить въ свою собственную пользу вражду, существовавшую между различными партіями, между которыми раздѣлена была Франція. Исторія революціи 1848 года должна навести всякаго на самыя грустныя размышленія, когда вспомнишь только, какъ быстро произошла замѣна всеобщаго воодушевленія и единства раздоромъ и ненавистью различныхъ партій. Надгробный камень, подъ которымъ поконились жертвы іюньскихъ дней, сдвинулъ подъ собою и самую республику. Конституція, выработанная учредительнымъ собраніемъ и вотированная 4 ноября 48 года, была уже только компромиссомъ между демократическими стремленіями и монархическими традиціями. Она сохранила весь деспотическій аппаратъ, который былъ придуманъ Наполеономъ I послѣ *coup d'état* 18 брюмера. Была тутъ и абсолютная централизація, удушливо дѣйствующая на народное развитіе, была тутъ и постоянная 500-тысячная армія, поглощающая лучшія силы страны, послушное орудіе исполнительной власти, былъ тутъ и римскій конкордаты, обезпечивающій за католичествомъ колоссальное вліяніе, была тутъ... однимъ словомъ, было все что нужно, чтобы держать народъ подъ строгой опекой. Власть президента — почти безгранична, власть національнаго собранія — близка къ иллюзіи. Подъ рукою президента были двѣ силы, двѣ громадныя арміи: военная и административная. Нужно было только найти для такого вырожденія конституціи, созданнаго духомъ крайняго недовѣрія и вражды между партіями — властолюбиваго, хитраго и умнаго человѣка, чтобы слово республика замѣнено было другимъ: королевство или имперія. Такого человѣка Франція нашла въ принцѣ Людовикѣ-Наполеонѣ, который еще ребенкомъ былъ объявленъ Наполеономъ I-мъ его наследникомъ. Императорскій санъ грезился ему и днемъ и ночью, онъ доводилъ его почти до сумасшествія, онъ бросался въ самыя дикія походы и два раза могъ заплатить своею жизнію за безумныя попытки для достиженія власти. Первый разъ, пытаясь произвести военную революцію въ Страсбургѣ, въ 1836 году, другой разъ высадившись въ Булони въ 1840, гдѣ онъ хотѣлъ поднять знамя бунта. Два раза Луи-Филиппъ подарилъ ему жизнь, замѣняя тюремнымъ заключеніемъ въ Гамбѣ смертную казнь. Опытъ научилъ его не дѣйствовать открыто, и когда вспыхнула революція 1848 года, вмѣсто того, чтобы немедленно стараться поднять за себя Францію, онъ при-

кинулся самымъ ревностнымъ республиканцемъ и просилъ только временное правительство, чтобы ему дозволено было вернуться во Францію и служить своей родинѣ. Онъ вернулся, былъ избранъ въ народные представители и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлался президентомъ. Зная его прошедшее, его стремленія и грезы, въ ту самую минуту можно было уже сказать то, что Тьеръ сказалъ только черезъ полтора года: «Имперія готова». Тено, передавая событія, которыя слѣдовали за избраніемъ президента, какъ нельзя яснѣе показываетъ, какую фатальную и вмѣстѣ жалкую роль играли и легитимистская и орлеанская партіи въ концѣ республики. И та и другая возились съ своими соврѣнными планами о восстановленіи старшей и младшей линіи Бурбоновъ, и съ непонятною слѣпотою грызли республиканцевъ, не замѣчая, что они оказываютъ неоцѣненную услугу принцу-президенту. Онъ съ умысломъ травилъ партіи другъ на друга, чтобы легче справиться со всѣми ими. Президентъ скоро показалъ свое безцеремонное отношеніе къ національному собранію, наперекоръ ему отправивъ войска въ Римъ для уничтоженія тамъ республики. Большая клерикальная партія, числившая въ своихъ рядахъ и легитимистовъ и орлеанистовъ, дала свое полное одобреніе рѣшенію президента, и съ этой минуты, говоритъ Тено, «началось неслыханное зрѣлище республики, для которой качество республиканца было основаніемъ для подозрѣнія и преслѣдованія.» Партіи легитимистовъ и орлеанистовъ торжествовали при видѣ, какъ душили истинныхъ защитниковъ свободы. Праздникъ не долго былъ на ихъ сторонѣ. Президентъ добился отъ нихъ всего, что ему было нужно, для того, чтобы погубить въ мнѣніи народа національное собраніе, а они, какъ дѣти, съ радостными криками прыгали въ разставленныя сѣти, въ которыхъ должны были найти свою гибель. Смертельнымъ ударомъ для національнаго собранія было наложеніе руки на лучшее, почти единственное пріобрѣтеніе февральской революціи—на всеобщую подачу голосовъ. Однимъ почеркомъ пера, выражается Тено, были вычеркнуты три миліона рабочаго населенія изъ списка избирателей. Вотируя этотъ законъ, отъ котораго Наполеонъ очень ловко отрещивался, возлагая всю отвѣтственность за него на большинство, слѣпая реакція думала уничтожить партію республиканцевъ, которыхъ она называла анархистами, исключая изъ числа избирателей тѣхъ, кого Тьеръ называлъ «презрѣнною толпою». Беррье, Монталанберъ, Тьеръ, герцогъ Брольи, Леонъ Фоше — всѣ апплодировали новому закону, который искусною рукою Наполеона былъ направленъ противъ нихъ самихъ. Дикая ненависть къ демократіи затемнила ихъ умъ. Законъ 31 мая 1850 года былъ началомъ конца. Съ этой минуты замыслы президента рисуются все болѣе и болѣе ясно, кажется, что онъ даже не желалъ ихъ болѣе скрывать, и только минутами снова прикидывался пламеннымъ

защитникомъ «права и закона.» На одномъ изъ парадовъ, который слѣдовалъ скоро за закономъ 31 мая, онъ услышалъ давно желанный крикъ: «да здравствуетъ Наполеонъ, да здравствуетъ императоръ!» Въмѣсто того, чтобы наказать за такой крикъ, нарушившій конституцію, онъ смѣнилъ начальника инфантеріи только за то, что эта часть войска не приняла участія въ императорской демонстраціи, а офицеры, которые своимъ крикомъ открыто нарушали конституцію, «становились предметами самыхъ скандальныхъ милостей». Самые незаконные поступки совершались надъ членами республиканскаго меньшинства безъ того, чтобы вызвать малѣйшій ропотъ въ рядахъ реакціонернаго большинства. Ему не было никакого дѣла до нарушенія конституціи, ему было все равно, что республиканцевъ, которые были неприкосновенны какъ народныя представители, бросали въ тюрьмы, отправляли въ ссылку, онъ даже громко радовался такимъ фактамъ. А между тѣмъ слухи о готовившемся переворотѣ утверждались все болѣе и болѣе, слова и рѣчи президента становились все знаменательнѣе. Политическая безтактность реакціонерной партіи дошла до своего предѣла, когда она не поняла, что нужно, во что бы то ни стало, согласиться на предложеніе президента относительно возстановленія закона объ общей подачѣ голосовъ и отмигнѣ закона 31 мая. Она не поняла, что, отказавшись утвердить старый законъ, она даетъ орудіе президенту очернить національное собраніе въ глазахъ народа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждая противъ себя весь народъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ популярность президента. Напрасно потомъ большинство, испуганное слухами о намѣреніи президента, хотѣло поставить въ прямую зависимость отъ національнаго собранія военную силу—было уже поздно, она обезсилила національное собраніе своею враждою, дикою, бессмысленною, съ единственной остававшеюся все время вѣрной конституціи партіи республиканской. Послѣ июньскихъ дней, послѣ закона 31 мая, послѣ преслѣдованія республиканской партіи въ національномъ собраніи, что бы ни случилось съ этимъ послѣднимъ, народъ не могъ принять горячаго участія въ его судьбѣ, онъ зналъ, что среди его онъ имѣетъ болѣе враговъ, нежели друзей, онъ сознавалъ, что на него смотрятъ тамъ, какъ на «презрѣнную чернь». Нужно ли удивляться послѣ этого, читая безпристрастное описаніе событій несчастнаго для Франціи года, что народъ остается холоденъ къ извѣстію о томъ, что національное собраніе разогнано, и что онъ не появлялъ въ первую минуту всего значенія совершеннаго *coup d'état*. Онъ видѣлъ въ прокламаціи президента только возстановленіе всеобщей подачи голосовъ, паденіе легитимистскаго большинства и сохраненіе республики. «Разсматриваемые, какъ враги — говоритъ Тено — большинствомъ законодательнаго собранія, лишенные тысячами своего права голоса, привыкшіе видѣть свои

идеи, свои стремленія, — пожалуй, свои утопіи — оплеванными съ трибуны парламентскими руководителями правой стороны; убѣжденные, кромѣ того, что большинство злоумышляло реставрацію монархіи, работники оставались равнодушными при видѣ большинства разогнаннаго президентомъ. Питая, кромѣ того, со времени іюньскихъ дней, глубокую злобу противъ буржуазіи, которая выказала себя безжалостною по отношенію къ нимъ, они не считали себя обязанными заботиться о томъ, что имъ казалось на первый взглядъ простою ссорю между Луи-Наполеономъ и средними классами. Можно сказать, что первое впечатлѣніе народныхъ массъ все заключается въ одномъ мѣткомъ словѣ, дѣйствительномъ или апокрифномъ, приписанномъ представителю Лагранжу: «это хорошо сыграно.» Помимо этого чувства работниковъ, не только въ Парижѣ, но и въ цѣлой Франціи было другое чувство, вызывавшее хладнокровіе: очень многіе были увѣрены, что все это разразится какимъ-нибудь фарсомъ; недовѣріе къ силѣ Наполеона было крайне распространено. Событіе 2-го декабря, утверждаетъ Кинглекъ, не вдругъ заставило измѣнить чувство презрѣнія къ мнимой ничтожности Наполеона, на другое чувство—ожесточенія. Только ужасъ избіенія 4 декабря показалъ, на что способенъ былъ человѣкъ, такъ недавно клявшійся въ вѣрности Республикѣ. 2-го декабря, когда на стѣнахъ Парижа появились декреты о распущеніи національнаго собранія, объ осадномъ положеніи, прокламаціи президента, въ которыхъ онъ требовалъ себѣ средствъ для выполненія священной миссіи—уничтоженія республики, и наконецъ всѣхъ тѣхъ мѣръ, для которыхъ онъ нашелъ хорошій образецъ въ программѣ 18-го брюмера, многіе еще думали, что 2-ое декабря будетъ только смѣшною пародіею *coup d'état* Наполеона I-го. Утромъ народъ узналъ объ арестѣ только тѣхъ лицъ, которыхъ онъ считалъ своими врагами, Тьера, Ламорисьера, Шангарнье, Каваньяка, и только гораздо позже, онъ убѣдился, что преданная ему республиканская партія потеряла еще большія потери. Тено подробно рассказываетъ, вызывая своимъ рассказомъ чувство глубокаго отвращенія, о всѣхъ приготовленіяхъ ко 2 декабря, о тѣхъ наглыхъ, возмутительныхъ поступкахъ, которыми не постыдились опозорить себя такіе люди какъ Морни, Персиньи, Флери и Маньяны. Среди глубокой ночи полиція врывалась къ тѣмъ, кого ей нужно было арестовать, хватала прямо съ постели и бросала въ кареты, которыя развозили «преступниковъ» по тюрьмамъ и крѣпостямъ. Многіе изъ арестованныхъ выказали при этомъ необыкновенную энергію и силу характера, и иногда встрѣчались такіа восклицанія, которыя характеризуютъ и лицо и данный моментъ. Такъ, напр., когда полиція вторгнулась въ спальню одного изъ лучшихъ представителей республиканской партіи, полковника Шарраса, и когда полицейскій комиссаръ набросился на пистолетъ, лежавшій около его по-

стели, Шаррасъ спокойно отвѣчалъ: «Онъ разраженъ; я болѣе не вѣрилъ въ *супр д'этат*; для васъ очень счастливо, что вы не пришли нѣсколько дней раньше, а то я разбилъ бы вамъ голову.» Въ самомъ дѣлѣ, многіе ожидали *супр д'этат* нѣсколькими недѣлями ранѣе, когда слухи о немъ были до-нельзя упорны, но въ ту минуту, когда онъ былъ совершенъ, многіе уже перестали о немъ думать и даже вѣрить въ его возможность.

Утро 2-го декабря прошло спокойно, т. е. не раздалось еще ни одного выстрѣла, всѣ были какъ-то поражены, и рѣшались на какія-то законныя мѣры въ то время, когда беззаконіе у сторонниковъ президента достигло до высочайшихъ размѣровъ. Разладъ между двумя лагерями народнаго собранія былъ до того великъ, что даже въ эту фатальную минуту у нихъ, если и явилась, то не могла осуществиться мысль о совокупномъ дѣйствіи: правый лагерь пошелъ въ одну сторону, лѣвый въ другую. Нѣсколько народныхъ представителей лѣвой стороны соединились вмѣстѣ, и всѣ они были одного мнѣнія, что нужно всевозможными средствами оказать сопротивленіе совершенному перевороту; послали даже къ нѣкоторымъ членамъ большинства для того, чтобы согласиться дѣйствовать вмѣстѣ. Попытка соединенія не привела ни къ чему. Когда нѣкоторые депутаты, успѣвшіе пробраться въ залу національнаго собранія, были разогнаны военною силою, тогда большинство рѣшилось собраться для совѣщаній въ зданіи одной изъ мерій. Результатомъ этого собранія, на которомъ представители правой стороны заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы не выйти изъ «законности», было довольно наивное постановленіе о томъ, что президентъ Луи-Наполеонъ объявляется «лишеннымъ своей должности», и что съ этой минуты исполнительная власть принадлежитъ національному собранію. Болѣе жалкой насмѣшкой правая сторона не могла выдумать для своей законности и разогнаннаго національнаго собранія. Лѣвая сторона не принимала участія въ этомъ собраніи, но, тѣмъ не менѣе, она не оставалась въ бездѣйствіи. Она очень хорошо поняла, что всякая попытка «законнаго» сопротивленія будетъ бессильна, и что было одно только средство спасти республику: «призвать народъ къ оружію» и начать борьбу на баррикадахъ. Нѣсколько представителей республиканской партіи собрались вмѣстѣ, чтобы рѣшить, какія слѣдуетъ принять мѣры, и если предложеніе Виктора Гюго немедленно начать сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ было отклонено въ виду того, что народъ, не видѣвшій показѣсть въ совершенномъ переворотѣ ничего, кромѣ возвращенія ему права всеобщей подачи голосовъ и распущенія враждебнаго ему народнаго собранія, не окажетъ сильной поддержки защитникамъ республики, то тѣмъ не менѣе они опредѣлили планъ своихъ дѣйствій. День 2-го декабря и ночь съ 2-го на 3-е они рѣшили употребить на

то, чтобы объяснить народу настоящій смыслъ переворота и возбудить его такимъ образомъ къ возстанію. Викторъ Гюго сочинилъ немедленно прокламацію къ народу, которая и была распространена въ огромномъ числѣ экземпляровъ. «Лун Наполеонъ обманщикъ, говорилось въ этой прокламаціи. Онъ нарушилъ конституцію! Онъ самъ поставилъ себя внѣ закона!» и тутъ же напоминалась народу 68 статья конституціи, которая объявляетъ фактъ распущенія народнаго собранія преступленіемъ государственной измѣны, которое лишало само собою президента его должности. Прокламація эта была подписана Викторомъ Гюго, Жюль Фавромъ, Эмануелемъ Араго, Евгениемъ Сю и многими другими представителями республиканской партіи. Въ тотъ же день вечеромъ былъ избранъ изъ нихъ «комитетъ сопротивленія» (Comité de résistance), членами котораго были народные представители: Викторъ Гюго, Карно, Жюль Фавръ, Мишель (de Bourges) Мадье-Монжо, Шельхеръ, де-Флотъ. Было рѣшено, что на другой день рано утромъ народные представители отправятся въ рабочіе кварталы и первые начнутъ строить баррикады. Но сколько ни подготавливали депутаты «горы» народъ къ возстанію, «успѣхъ этихъ усилій, говоритъ Рохау, авторъ «Исторіи Франціи», былъ весьма ограниченъ.» Утромъ 3-го декабря, рассказываетъ Тено, Парижъ какъ-то долго не просыпался, лавки едва открывались, на улицахъ было мало движенія, «время стояло мрачное и дождливое», народные представители республиканской партіи разошлись по рабочимъ кварталамъ, и главнымъ образомъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи, призывая къ оружію всѣхъ и каждого. Работники находились точно въ какомъ-то ожиданіи, ничего между тѣмъ не предпринимая.—«Что же, спрашивали представители народа, вы ничего не дѣлаете? Чего вы ждете? Неужели вы желаете имперіи? — Нѣтъ, нѣтъ отвѣчала большая часть работниковъ, но изъ-за чего же намъ драться. Намъ возвратили всеобщую подачу голосовъ!.... А кромѣ того, что же мы можемъ дѣлать? Со времени іюньскихъ дней у насъ отняли оружіе, въ цѣломъ предмѣстьи нѣтъ ни одного ружья». Все способствовало тому, чтобы вселять въ рабочемъ классѣ равнодушіе. Тено передаетъ любопытный фактъ, что когда утромъ 3-го декабря по предмѣстью перевозили въ нѣсколькихъ омнибусахъ народныхъ представителей правой стороны, арестованныхъ наканунѣ въ то время, когда они разсуждали, какія «законныя мѣры» слѣдовало принять, нѣкоторые депутаты «горы» вмѣстѣ съ рабочими бросились освобождать своихъ враговъ «національнаго собранія. Представители же правой стороны, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ, освободиться и начать дѣйствовать вмѣстѣ съ народомъ, стали умолять, чтобы ихъ не освобождали. Возмущенная толпа отошла отъ нихъ съ презрѣніемъ.—«Вы видите, сказалъ одинъ изъ рабочихъ, что съ этими людьми нечего дѣлать». Народнымъ представителямъ, республиканской партіи тоже

больше ничего не оставалось дѣлать какъ, подавая примѣръ народу, умирать за свободу. На это они и рѣшились. Около девяти часовъ утра, съ криками: «къ оружію, баррикады, да здравствуетъ республика, да здравствуетъ конституція!» нѣсколько народныхъ представителей съ помощію какой-нибудь сотни рабочихъ стали строить первую баррикаду. Среди этой небольшой группы людей, стоявшихъ почти безъ всякаго оружія на маленькой, ничтожной баррикадѣ, окруженный бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Жюль Бастидомъ, авторомъ «*Les crimes du deux decembre*», Шельхеромъ, талантливымъ писателемъ Альфонсомъ Эскиромъ и многими другими, находился также и народный представитель, республиканецъ Боденъ. Противъ этой-то маленькой баррикады на углу улицы св. Маргариты и выступилъ цѣлый баталіонъ. При этомъ произошла одна сцена, которую Кинглеъ и Тено передаютъ почти одинаково. Кинглеъ говоритъ, что когда баталіонъ подошелъ на разстояніе нѣсколькихъ метровъ отъ баррикады, въ нѣсколько секундъ въ обоихъ враждебныхъ лагеряхъ водворилась мертвая тишина. «Законъ и насиліе стояли другъ противъ друга». Шарль Боденъ, держа въ рукахъ книгу конституціи, обратился къ солдатамъ и сталъ говорить объ ихъ истинныхъ обязанностяхъ, но офицеръ, начальствовавшій надъ баталіономъ, выразилъ знаеъ нетерпѣнія, солдаты спустили курки, и пули залетали и засвистѣли по воздуху среди небольшой группы честныхъ патріотовъ. Боденъ упалъ, голова его была разбита. Около него свалился въ ту же минуту молодой работникъ, также какъ и Боденъ убитый на повалъ. Надъ трупомъ Бодена, прибавляетъ Кинглеъ, произошла гомерическая борьба. Солдаты овладѣли имъ и скрыли его отъ сражавшихся за свободу. Тено, не упоминая о книгѣ конституціи, прибавляетъ однако къ разсказу Кинглека одну подробность, которая удивительно рисуетъ высокій характеръ Бодена. За нѣсколько секундъ до прибытія войскъ, онъ обращался къ группѣ рабочихъ и убѣждалъ ихъ не оставаться хладнокровными зрителями насилія и измѣны республикѣ. Одинъ изъ нихъ, говоритъ Тено, произнесъ: «Вы воображаете, что мы желаемъ быть убитыми, лишь бы сохранить вамъ ваши двадцать пять франковъ въ день?—Подождите одну минуту, мой другъ, возразилъ Боденъ, и вы увидите, какъ умираютъ за 25 франковъ.» Таковъ былъ человекъ, имя котораго только теперь, семнадцать лѣтъ спустя послѣ его смерти, получило такую громкую и почетную извѣстность, что нѣтъ во Франціи уголка, куда бы ни проникъ разсказъ объ этомъ мученикѣ свободы. И сколько было еще такихъ же героевъ, которые точно также жертвовали своею жизнію, и которыхъ никто не знаетъ и никто никогда не узнаетъ! Мы не станемъ далѣе слѣдить за Тено, скажемъ только, что онъ съ большою силою, съ большимъ спокойствіемъ, которое еще болѣе возмутительный характеръ придаетъ ужасамъ декабрьскихъ дней, разсказываетъ о

той бойнѣ, которая совершалась нѣсколько дней, но главнымъ образомъ 4-го декабря. Сотни тысячъ обезоруженныхъ людей всѣхъ классовъ, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій сдѣлались жертвами того града пуль и картечей, которыя усыпали бульвары. 4-го декабря, начиная съ двухъ часовъ дня; это повальное истребленіе, эта безпримѣрная людская бойня обезпечили успѣхъ преступленія 2-го декабря, которое 4-го числа утромъ начало уже нѣсколько расшатываться. «Комитетъ сопротивленія» обнаружилъ крайнюю дѣятельность, къ нему пристали множество лицъ, сомнительныхъ республиканцевъ въ собраніяхъ, которыя имѣли цѣлю во чтобы то ни стало не допустить исполненіе смѣлаго и преступнаго замысла Луи-Наполеона. Въ этихъ собраніяхъ принимали участіе, кромѣ республиканцевъ, которые съ самой первой минуты рѣшились дѣйствовать, такіе люди какъ Гарнье Пажесь, Мари, Эмиль-де-Жирарденъ и.... двоюродный братъ президента—принцъ Наполеонъ. На горячую прокламацію, которая носила также подпись принца Наполеона, заговорщики отвѣчали приказомъ военнаго министра: «Всякій, кто будетъ схваченъ строящимъ или защищающимъ баррикаду, или съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ разстрѣлянъ.» Этотъ драконовскій приказъ ея былъ исполненъ—разстрѣливали кого пошло по малѣйшему подозрѣнію, на баррикадахъ и не на баррикадахъ, съ оружіемъ въ рукахъ и безъ оружія. Дѣти и женщины не могли избѣгнуть общаго террора, и падали жертвами, свидѣтельствуютъ Тено и Кинглекъ, упивавшихся и виномъ и кровію солдатъ. Груды труповъ на другой день покрывали блестящіе бульвары элегантнаго Парижа и грязныя улицы нищихъ работниковъ. Вотъ почва, на которой зиждется вторая имперія, вотъ событія, которыя предшествовали ея утвержденію; на эти событія могло быть надернуто покрывало по требованію сильной власти, но они не могли быть изглажены изъ памяти людей. Если бы даже деморализація была на столько сильна, чтобы могла заставить людей позабыть эти фатальные дни 1851 года, то мертвые возстали бы изъ забытыхъ могилъ и напомнили бы людямъ, что они все еще дожидаются мести. Но память о павшихъ жертвахъ не погибла, она также свѣжа, какъ будто бы вся эта драма разыгралась только вчера. Возставшая фигура Бодена показала, какъ чувствительна вся Франція, когда дѣло касается этой семнадцатилѣтней придавленной страницы новѣйшей исторіи страны. Нужно было только, чтобы власть, тяготѣвшая надъ Франціей съ 1851 года, нѣсколько ослабѣла, какъ вслѣдствіе внѣшнихъ неудачъ, такъ и внутренняго оживленія, чтобы немедленно люди отошли назадъ и начали вспоминать то мѣсто исторіи, на которомъ они остановились; для прошедшаго, которое почему-нибудь имъ было недоступно, они готовы забыть настоящее, прошедшее ихъ также волнуетъ, какъ самое современное событіе, разумѣется, только когда это прошедшее находится

въ тѣсной связи съ настоящимъ и когда оно сказывается на немъ каждый часъ, каждую минуту. Вотъ чѣмъ объясняется очень большой успѣхъ простого, правдиваго разсказа Тено, который имѣетъ еще и ту заслугу, что безъ него быть можетъ могила Бодена еще долго бы оставалась въ неизвѣстности. Безъ него существующее броженіе во французскомъ обществѣ сказалось бы на какомъ-нибудь другомъ фактѣ, другомъ событіи, оно искало бы для себя другого случая, чтобы выйти наружу, въ то время, какъ образъ Бодена кажется точно нарочно созданъ, чтобы соединились на немъ всѣ искренніе и честные люди всѣхъ партій, всѣхъ убѣжденій. 2-го ноября могила Бодена была отыскана, и толпа народа покрыла до сихъ поръ голую землю массою цвѣтовъ и вѣнковъ. Чтѣ было говорено на этой могилѣ—въ точности привести нельзя, потому что рѣчи эти нигдѣ не появились въ печати. Мы знаемъ только, что нѣсколько человѣкъ сказали по теплому слову, которое до того встревожило правительство, что оно начало судебное преслѣдованіе. Результатъ преслѣдованій былъ тотъ, что во всѣхъ либеральныхъ органахъ открыта была подписка на памятникъ Бодена, и каждый день стали появляться длинные списки лицъ, спѣшившихъ заявить своимъ именемъ, своимъ взносомъ, что они ничего не забыли, ничего не простили основателю второй имперіи, начавшейся 2-го декабря. Мы уже сказали, что правительство не ошиблось въ смыслѣ этой подписки, оно доказало это и преслѣдованіемъ журналовъ, открывшихъ подписку, и самою рѣчью императорскаго прокурора. Но, если бы даже оно и не поняло, съ умысломъ или безъ умысла, того, что выражается въ этой подпискѣ, слѣдовавшей за демонстраціею на могилѣ Бодена, то письма такихъ лицъ, какъ Луи Бланъ, Эдгаръ Кине, Викторъ Гюго, къ которымъ пристали и люди другой партіи, какъ Одилонъ Баро, умирающій Беррье и многіе другіе, заставили бы его скоро понять то движеніе, тотъ протестъ противъ 2-го декабря, для котораго тѣло Бодена только служило предлогомъ. Еще болѣе сдѣлался бы ему ясенъ этотъ протестъ послѣ консультаціи по дѣлу Бодена, которая написана была Кремье, Эмануелемъ Араго и Лорье, къ которой пристали всѣ лучшіе адвокаты, и послѣ рѣчей, произнесенныхъ въ защиту обвиненныхъ ихъ адвокатами. Въ этихъ рѣчахъ, въ которыхъ презрѣніе слышалось въ каждомъ словѣ, въ первый разъ люди либеральной партіи съ такою силою публично обвиняли правительство за его происхожденіе, они спросили его, кого слѣдуетъ считать мятежникомъ: того ли, кто умеръ защищая законъ, или того, кто нарушилъ его и измѣнилъ своей клятвѣ?—«Существуетъ ли, спрашивалъ одинъ изъ адвокатовъ, такая минута для націи, когда подъ предлогомъ спасенія общества, кто-нибудь можетъ свергнуть законъ и дѣйствовать какъ съ преступниками, съ тѣми, которые защищаютъ его съ опасностію своей жизни?»—«Вы, которые здѣсь су-

дите, вы должны намъ помогать и покровительствовать, воскликнулъ одинъ изъ ораторовъ, когда мы чтимъ память тѣхъ, которые отдали свою жизнь для защиты закона. Скажите сами, правду или ложь говорили тѣ, которые утверждаютъ, что они (2-го декабря) спасали Францію. За насъ свидѣтельствовали Мишель (de Bourges), Charras, которые умерли, отсутствующій Ледрю-Ролленъ и умирающій Беррье...» «Вы утверждаете, говорилось въ судѣ во всеуслышаніе цѣлой Франціи, что васъ оправдали; все это ложь, вы обманули и Парижъ и провинціи; вы кричали: «Парижъ спокоенъ!» въ то время, когда Парижъ былъ разгромленъ, разстрѣлянъ, зарѣзанъ. И вы смѣете говорить, что народъ утвердилъ то, что вы сдѣлали, когда вы теперь еще семнадцать лѣтъ спустя хотѣли бы заставить молчать о вашихъ дѣлахъ.»—«Вездѣ будутъ судить процессъ 2 декабря и вездѣ общественная совѣсть произнесетъ тотъ же приговоръ. И то, что осуждаетъ васъ, это то, что семнадцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ, что вы сдѣлались властителями Франціи, вы никогда не посмѣли сказать: мы празднуемъ 2 декабря, какъ національный праздникъ.... тѣмъ лучше, ту годовщину, которую вы не желаете, мы беремъ ее... мы не боимся ни вашихъ угрозъ, ни вашего презрѣнія; вы можете наносить намъ удары, но вы не способны ни обезчестить насъ, ни достигнуть до насъ». Еще сильнѣе, если это только возможно, говорилъ можетъ быть другой адвокатъ, Лорье.—«Мы виновны, спрашивалъ онъ, въ чемъ же? Въ томъ, что мы хотѣли воздвигнуть памятникъ закону, потому что Боденъ умеръ за законъ; это не онъ, это законъ, это величественная республика, которая была умерщвлена въ его лицѣ». «Вы обвиняете, говорилъ онъ дальше, насъ въ заговорѣ; знайте же онъ существуетъ, заговоръ общественнаго мнѣнія, которое хочетъ возвратить себѣ свободу, и если вы хотите его остановить, я васъ предупреждаю — вы безсильны. Выше физической матеріальной силы есть еще сила нравственная». Не только мы, но ваша собственная совѣсть, говорилъ Лорье, должна всегда упрекать васъ за 2 декабря. «Вспомните, произнесъ онъ, восхитительную сцену англійскаго трагика, когда леди Макбетъ вскрикиваетъ: «эта рука, цѣлое море не смоетъ съ нее крови»; да, 2-е декабря, цѣлое море не замочитъ его». Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели на французское общество эти сильные слова, и можетъ быть, если бы кому-нибудь удалось заглянуть въ стѣны тьюлерійскаго или компьенскаго дворца, можетъ быть тотъ увидѣлъ бы бывшаго президента французской республики, глядящаго на свои руки, и повторяющаго вмѣстѣ съ Шекспиромъ: what, will these hands ne'er be clean?»

Переворотъ 1851 года, получившій въ настоящую минуту всю силу живого современнаго событія, взволновавшій всѣ умы, все общество — не служить ли лучшимъ доказательствомъ справедливости словъ одного изъ защитниковъ, что во Франціи существуетъ дѣйствительно заго-

воръ, заговоръ общественнаго мнѣнія, громко требующаго возвращенія той свободы, которая поправа была 2 декабря? Во Франціи болѣе чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ нужно зорко слѣдить за явленіями внутренней жизни, потому что мы предупреждены уже исторіею: тамъ самыя незначительныя, на первый взглядъ, событія не разъ уже были причинами очень крупныхъ переворотовъ.

Въ то время, когда во Франціи общество и правительство рождаются въ прошедшемъ, за которое отвѣтить можетъ быть близкое будущее, правительства и общества другихъ странъ волнуются вопросами самыми современными, вытекшими изъ событій недавно случившихся. Всѣ эти вопросы подняты уже открывшимися или приготовляющимися къ открытію парламентскими сессіями, которыя должны дать новую силу политической жизни Европы, и безъ того не пользующейся особеннымъ покоемъ. Слѣдуя порядку открытія парламентовъ въ большихъ европейскихъ государствахъ, мы должны начать съ Австріи, которая предупредила другихъ въ созваніи своего рейхстага. Въ этомъ году ему предстояло много работы, и въ короткое время онъ порѣшилъ уже нѣсколько крупныхъ вопросовъ, внеся такимъ образомъ спокойствіе и надежду въ самое сердце австрійскаго кабинета. Судя по тѣмъ тревожнымъ засѣданіямъ, которыми были ознаменованы въ этомъ году провинціальныя сеймы, главнымъ образомъ Праги и Львова, можно было опасаться, что тоже самое волненіе скажется и въ общемъ парламентѣ. Но этого не случилось. Первый вопросъ, который былъ предложенъ рейхсрату, былъ вопросъ крайне деликатный — ему предстояло одобрить или произнести свое порицаніе тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты австрійскимъ правительствомъ вслѣдствіе возникнувшихъ волненій въ Богеміи. Прага и ея окрестности были объявлены на военномъ положеніи. Какъ ни прискорбно вообще, когда предпринимаются подобныя мѣры въ какой-нибудь странѣ, нельзя не сказать, что большимъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ служитъ то, когда правительство по закону обязано просить утвержденія подобнымъ исключительнымъ мѣрамъ у народныхъ представителей всего государства. Только въ этомъ случаѣ можетъ существовать полная увѣренность, что осадное положеніе не поведетъ за собою тысячи злоупотребленій, что оно не будетъ объявлено или продолжено вслѣдствіе произвола такого или другого лица. Принятія мѣры для прекращенія волненія въ Прагѣ хотя получили одобреніе въ рейхсратѣ, но тутъ же были приняты нѣкоторыя измѣненія въ законѣ, которыя еще болѣе ставятъ правительство въ этомъ вопросѣ въ прямую зависимость отъ парламента.

Въ то время, когда въ рейхсратѣ занимались положеніемъ въ Богеміи, въ комиссіи депутатовъ, назначенной для подготовки военнаго закона шли крайне горячіе споры о численности австро-венгерской ар-

ми. Споры эти, изъ которыхъ особенно выдалась, никому въ точности неизвѣстная, рѣчь министра Бейста, встревожили не на одинъ день цѣлую Европу. Чѣмъ болѣе было загадочнаго въ рѣчи перваго министра, тѣмъ болѣе склонялось европейское общество видѣть въ ней что-то зловѣщее, можетъ быть, предвозвѣстницу колоссальной войны. Въ какихъ бы выраженіяхъ ни выразился баронъ Бейстъ относительно положенія австро-венгерской монархіи къ другимъ европейскимъ государствамъ, увѣрялъ ли онъ или нѣтъ, что программа его политики, по отношенію въ Пруссіи, не измѣнилась, что она осталась таже, какою была и въ первый день его вступленія въ австрійское министерство, т. е. полное забвеніе всего того, что предшествовало заключенію пражскаго мира; говорилъ онъ или нѣтъ, что онъ старается поддерживать съ Россіею самыя дружественныя отношенія; утверждалъ онъ или нѣтъ неизбѣжность столкновенія между Пруссіею и Франціею, мы знаемъ только одно, что его послѣднее слово было требованіе 800-тысячной арміи. «Какъ, 800 тысячъ войска?» завопила вся европейская пресса. Что же тутъ удивительнаго, могъ бы возразить баронъ Бейстъ, что онъ считаетъ необходимымъ для Австріи содержаніе 800-тысячной арміи тогда, когда Пруссія, Франція и Россія могутъ располагать миллионными арміями. И баронъ Бейстъ былъ бы, говоря такъ, не совсѣмъ не правъ. При современномъ состояніи Европы, когда колоссальныя арміи стоятъ въ большой части государствъ въ прямой зависимости отъ воли того или другого лица, когда война можетъ быть начата по личному произволу монарха, всегда всякая страна должна быть на готовѣ, и въ эту минуту больше чѣмъ когда-нибудь. Австрія горькимъ опытомъ узнала, что во время общей войны крайне невыгодно сохранять нейтралитетъ и притомъ еще слабый нейтралитетъ. Противники, погрызшись между собою, сговариваются потомъ, какъ бы вознаградить себя на счетъ нейтральнаго государства. Вотъ почему, когда проектъ закона 800-тысячной арміи былъ внесенъ въ рейхсратъ, всѣ министры явились туда и сдѣлали изъ принятія этого закона громадной важности вопросъ кабинета. Какъ ни смѣшно кажется слышать, когда люди утверждаютъ вамъ, что для сохраненія нейтралитета сильнаго и который бы уважался другими державами, нужно 800 тысячъ войска, тѣмъ не менѣе въ словахъ министра Бергера есть очень много правды. «Die Allianz-Politik das ist die Kriegspolitik»—сказалъ онъ. Если Австрія будетъ или сама искать союза или только поддастся на него, тогда нѣтъ сомнѣнія, утверждалъ австрійскій министръ, что война разразится; если же австро-венгерская имперія будетъ держаться умной, осторожной, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердой политики нейтралитета, тогда болѣе шансовъ для сохраненія мира. Нейтральную же политику тогда только правительство въ состояніи будетъ поддерживать, когда страна будетъ достаточно сильна, чтобы съ успѣхомъ могла защищать свой

нейтралитетъ, чтобы она была настолько могуча, чтобы никто не смѣлъ думать, что она можетъ быть предметомъ дѣлажа и вознагражденія послѣ войны. Аргументы австрійскаго министерства въ пользу новаго военнаго закона подѣйствовали такъ сильно на рейхсратъ, что законъ прошелъ громаднымъ большинствомъ. Если министерство австро-венгерской монархiи можетъ быть довольно своимъ блистательнымъ успѣхомъ въ цислейтанскомъ парламентѣ, то оно можетъ не менѣе радоваться успѣшному ходу дѣла по ту сторону Лейты. Одно время, угрожавшая распрія въ венгерскомъ сеймѣ между мадьярами и славянами окончилась благополучно, и если еще неокончательно улаженъ вопросъ объ одномъ городѣ — Фіуме, то нѣтъ сомнѣнiя, что и это послѣднее затрудненiе будетъ скоро устранено. Венгрія можетъ быть совершенно довольна въ эту минуту; въ стѣнахъ Пешта происходятъ засѣданiя австро-венгерскихъ делегацiй.

Вслѣдъ за австрійскимъ рейхсратомъ произошло и открытiе прусскихъ палатъ. Рѣчь прусскаго короля при открытiи палатъ можетъ навести не на одно размышленiе, которыя далеко не склоняются къ выгодѣ милитарной политики Пруссiи. Какъ все ни кажется ясно на политическомъ горизонтѣ Пруссiи королю Вильгельму, тѣмъ не менѣе, при болѣе внимательномъ чтенiи его рѣчи, даже и въ ней не трудно видѣть, что дѣла этой новой великой державы вовсе не такъ цвѣтущи, какъ это многiе думаютъ. Даже самыя отъявленные друзья Пруссiи, такiе органы, какъ «National Zeitung», и тѣ дѣлаютъ недовольную мину, когда сравниваютъ рѣчь прошедшаго года съ настоящею. Тамъ все дышало побѣдой и счастьемъ, въ каждомъ словѣ слышался самоувѣренность и самодовольство, все процвѣтало, нигдѣ не было темныхъ пятенъ. Въ этотъ разъ не совсѣмъ такъ. Если и теперь прусскiй король, какъ это впрочемъ обыкновенно водится, поздравляетъ себя съ тѣмъ, что все обстоитъ благополучно, то въ дѣйствительности онъ могъ себя поздравить только съ испанскою революцiею, которая связала руки новымъ узломъ главному противнику пруссификацiи Германiи—именно французскому правительству. Но рядомъ съ этимъ счастливымъ для Пруссiи событiемъ, рѣчь упоминаетъ объ одномъ, почти-что небываломъ въ этомъ государствѣ, фактѣ, именно объ оказавшемся дефицитѣ. Подобный фактъ неминуемо долженъ опечалить каждого поклонника новой Пруссiи, потому что до сихъ поръ главная слава, то, чѣмъ она отличалась такъ отъ всѣхъ другихъ странъ—это цвѣтущее положенiе ея финансовъ, превышенiе доходовъ надъ расходами. Обстоятельства измѣнились, величiе Пруссiи не споспѣшествовало, какъ это утверждали, благосостоянiю Пруссiи, а напротивъ, не смотря на всѣ присоединенiя, поставило ее въ болѣе затруднительное финансовое положенiе. Правда, правительство не очень заботится объ этомъ дефицитѣ, потому что оно нашло вѣрное средство покрыть хоть часть

его безъ всякаго для себя матеріальнаго ущерба. Оно опредѣлило взять нужную ему сумму изъ фонда, принадлежащаго присоединеннымъ провинціямъ. Но если подобная мѣра не причинитъ ему матеріальнаго ущерба, то въ нравственномъ отношеніи ущербъ, безъ сомнѣнія, очень великъ, и во всякомъ случаѣ не подобными мѣрами правительство, поглотившее нѣсколько провинцій, способно будетъ примирить ихъ съ собою. Какъ бы въ оправданіе милитаризма, прусскій король выразилъ сожалѣніе, что враги порядка и мира поддерживаютъ опасенія войны. Но кто же, можно спросить, болѣе въ этомъ виновенъ, какъ не тѣ, которые подали примѣръ содержаніемъ громадныхъ армій? Если можно еще о чемъ-нибудь пожалѣть въ рѣчи нынѣшняго года, такъ это о томъ, что правительство не сочло своею обязанностью сказать что-нибудь о томъ, намѣрено ли оно выполнить пятую статью пражскаго мира, по которому въ Шлезвигѣ должна была быть совершена всеобщая подача голосовъ для того; чтобы узнать, отойдетъ ли часть Шлезвига къ Даніи или нѣтъ.

Надняхъ открылся еще одинъ парламентъ, которому предстоитъ, по всей вѣроятности, очень бурная дѣятельность. Глядя на переворотъ, который произошелъ въ Испаніи, и сознавая, какое сильное вліяніе онъ можетъ имѣть и на ихъ дѣла, италіяны всѣхъ партій начинаютъ болѣе упорно требовать отъ правительства скорѣйшаго разрѣшенія злополучнаго римскаго вопроса. Если что-нибудь способно успокоить жаръ населенія, то можетъ быть то, что само правительство въ послѣднее время стало болѣе рѣшительно относиться къ этому вопросу, и недавно еще двое министровъ имѣли случай высказать публично, что правительство никакимъ образомъ не думаетъ отказываться отъ народныхъ стремленій, и что Римъ скоро будетъ присоединенъ къ Италіи. Можетъ быть, это именно заявленіе министерства произвело то, что при выборѣ президента палаты депутатовъ, министерство получило значительное большинство. Римскій вопросъ еще болѣе оживится въ эту минуту, когда по Италіи пронеслась вѣсть о смерти Маццини, который игралъ такую роль въ исторіи ея стремленій къ единству.

Въ декабрѣ произойдетъ еще одно открытіе парламента, къ которому происходятъ въ эту минуту самыя жаркія приготовленія. Англія присутствуетъ при ожесточенномъ спорѣ между двумя партіями, во главѣ которыхъ, съ одной стороны, стоитъ настоящій первый министръ, Дизраэли, съ другой—будущій первый министръ, Гладстонъ. Важность побѣды той или другой стороны слишкомъ очевидна, чтобы говорить о ней. Будущій парламентъ, если, не смотря на частныя неудачи Гладстона и Милля, большинство станетъ на сторону Гладстона, составитъ эпоху въ англійской исторіи, такъ какъ ему суждено будетъ уничтожить одну изъ величайшихъ несправедливостей и притѣсненій

англійскаго народа—государственную церковь въ католической Ирландіи. Какъ ни вѣрно кажется торжество либеральной партіи, торійское министерство Дизраэли не унываетъ и не оставляетъ надежды удержаться во главѣ страны. Однимъ изъ ея главныхъ средствъ служить восхваленіе своей иностранной политики, которая лежитъ на лордѣ Станлей. Дѣйствительно, этотъ государственный человѣкъ выказалъ большую способность какъ въ дѣлахъ, касающихся европейской политики, такъ еще болѣе въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя представляла англійская политика въ Америкѣ со времени ихъ большой гражданской войны. Затрудненія эти въ эту минуту улажены, частью благодаря лорду Станлею, частью американскому министру при англійскомъ кабинетѣ, Джонсону, который приложилъ всѣ свои старанія, чтобы ступевать то натянутое положеніе, которое существовало между двумя народами. Нужно надѣяться, что эти дружественныя отношенія укрѣпятся еще болѣе теперь, когда во главѣ англійскаго правительства станетъ либеральная партія, съ Гладстономъ во главѣ, какъ въ Америкѣ, благодаря побѣдѣ, одержанной на выборахъ 4 ноября, явится президентомъ республики точно также человѣкъ либеральной партіи — Улиссъ Грантъ.

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Хроника общественной жизни.

Le mot du jour—«желѣзно-дорожная лихорадка». Она у насъ свирѣпствуетъ, ее у насъ изучаютъ, ею ищутъ заболѣть. Наши моралисты сѣтуютъ на появленіе этой могучей эпидеміи. Но что же дѣлать—всѣ европейскія, наиболѣе развитыя общества прошли чрезъ нее. Что дѣлать: мы участвуемъ въ великомъ между-народномъ «steepie chase», и должны подвергаться всѣмъ условіямъ турга. Заболѣть болѣзнью развитыхъ націй даже и лестно. Пьянство въ зрѣломъ возрастѣ не составляетъ украшенія. Но мальчики, подъ предлогомъ двухъ выпитыхъ рюмокъ вина, любятъ пошатываться и сознаваться, что-молъ «пьяны, но что же дѣлать». Вотъ нѣсколько въ этомъ родѣ и моралисты сѣтуютъ иногда на обуявшую насъ, наконецъ, желѣзно-дорожную лихорадку.

Говори искренне, мы чихаемъ какъ-то театрално, и во всякомъ

случаѣ больше, чѣмъ на сколько простудились. Акціи рыбинско-остъченской дороги продавались съ премією при выпускѣ и были предметомъ игры. Недавно, при подпискѣ на 48 тысячъ акцій тамбовско-саратовской дороги оказалось требованій на два милліона этихъ акцій. Ужасно; куда приведетъ насъ такая горячка; не къ кризису ли какомунибудь, громадному? Когда желѣзно-дорожная лихорадка потрясла Францію, то тамъ представлялся этотъ грозный вопросъ, и моралисты провозглашали:—«Францію задавятъ эти бумажныя лавины, все обратится въ бумажку, бумажка убьетъ все; мы идемъ къ системѣ Лоу, въ которой одинъ исходъ—банкротство».

Хотя и лестно—повторяемъ—подвергаться великимъ болѣзнямъ современности, и въ этомъ смыслѣ можно даже радоваться тому припадку дрожи, который возбуждаетъ у насъ нѣсколько горделивыя опасенія, заставляетъ насъ сознаваться, *with proud humility*, по выраженію Байрона, въ нашей слабости, которая въ сущности знаменуетъ нашу силу, нашъ прогрессъ, однако..... Однако, читатель, едва ли тутъ не преобладаетъ до нѣкоторой степени элементъ собственно маскарадный.

Желѣзно-дорожная лихорадка имѣла дѣйствительно характеръ эпидеміи въ Англии, Америкѣ, Франціи. Но тамъ биржа—всенародный храмъ, у насъ оно просто зданіе съ колоннами на Васильевскомъ острову, весьма эффектное при иллюминаціи. Оно видно, когда смотришь зимою на рысистые бѣга; оно бросается въ глаза, когда съ открытіемъ навигаціи, ѣдешь покупать новаго попугая, зелененькаго на этотъ разъ, а то чтоже—все сѣренькій, да сѣренькій! Но въ остальное время, для огромнаго большинства даже петербургскаго общества биржа какъ бы не существуетъ.

«Лихорадочная спекуляція, грозящій впереди кризисъ отъ бумаги, которая задавитъ рынокъ»..... Но согласитесь, что настоящая-то агитация происходитъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ не наканунѣ подписки на акціи тамбовско-рыбинской или другой дороги, а все же около 1 января, 1 марта, 1 іюля, 1 сентября, однимъ словомъ, въ тѣ дни, одинъ изъ коихъ въ будущемъ году принесетъ комунибудь двѣсти тысячъ. А что касается обремененія рынка бумагою, то слыхано ли, чтобы бумага могла обременить рынокъ бумажный? Или выражаясь иными словами, вѣроятно ли, чтобы опьянѣлъ, отъ двухъ рюмокъ вина, человекъ, который привыкъ къ полуштофу водки? Едва ли.

Нѣтъ, это просто лестно, болѣе лестно, чѣмъ опасно. Такой выводъ освобождаетъ насъ отъ нелюбимой нами обязанности предостерегать соотечественниковъ, прорицать о грядущихъ карахъ и показывать видъ, будто перомъ нашимъ руководитъ рука валтазарова пира. А выводъ, къ которому мы пришли дозволяетъ намъ ограничиться въ этомъ предметѣ замѣтками свойства болѣе право-описательнаго, и слѣдовательно, самаго невиннаго.

Замѣчательно, что періодъ желѣзно-дорожной агитаціи совпадаетъ вообще съ періодомъ застоя, даже упадка въ литературахъ. Желѣзныхъ дорогъ больше всего въ Америкѣ, за то тамъ меньше всего литературы. Во Франціи, періодъ разгара для желѣзно-дорожныхъ предпріятій былъ періодомъ оцѣпенѣнія для литературы, это было въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Въ Австріи, желѣзно-дорожное дѣло крайне развилось въ то время, когда преобладала баховская система. У насъ желѣзно-дорожная агитація также совпадаетъ съ такимъ періодомъ въ литературѣ, который нельзя назвать блистательнымъ. Само по себѣ желѣзно-дорожное дѣло не вноситъ въ литературу новаго содержанія, хотя впрочемъ ведетъ къ развитію только одной изъ литературныхъ формъ, именно формы риторической.

Какое содержаніе, въ самомъ дѣлѣ, могла бы внести желѣзно-дорожная предпримчивость въ литературу, какой именно элементъ? Элементъ, наиболѣе выдавшійся въ этой предпримчивости—элементъ такъ сказать фальстафовскій, а онъ давно имѣетъ представителя во всемирной литературѣ, представителя полного во всѣхъ отношеніяхъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ какъ извѣстно, тоже занимался спекуляціею на дорогахъ и отличался способностью ѣсть и пить торжественно при всякомъ торжественномъ случаѣ, и безъ всякаго торжественнаго случая. Сэръ Джонъ Фальстафъ набиралъ солдатъ точно такимъ образомъ, какъ иные предприниматели желѣзныхъ дорогъ набираютъ акціонерныя компаніи, а содержалъ своихъ солдатъ точно такъ, какъ баронъ Унгенштернбергъ своихъ. Замѣчательно, что солдаты Фальстафа были тоже изъ категоріи «нравственно-испорченныхъ», или «сорвавшихся съ висѣлицы», какъ типично выражается онъ самъ.

Мудрено ли, что послѣ этого воспрещено высшимъ лицамъ администраціи, а также всѣмъ вообще членамъ администраціи финансовъ и публичныхъ работъ, участіе въ концессіяхъ на желѣзныя дороги. Сэръ Джонъ Фальстафъ самъ, правда, былъ баронетъ, но лордамъ все-таки было неприлично водить съ такимъ героемъ компанію, и дѣлиться съ нимъ добычею. Оттого они и брали всю добычу себѣ, а его били, дабы никакого сходства между ихъ и его участіемъ въ дорожномъ дѣлѣ не было. Примѣръ итальянскаго депутата Сузани и итальянскаго министра Бастоджи также еще въ памяти у читающей публики. Конечно, не непременно же всякаго должна постигнуть плачевная участь Бастоджи, Сузани, Теста и Кюбіера. Надо также сообразить, что ни Бастоджи, ни Тестъ не восходили на крыши, собственно съ цѣлью кричать міру: «А мы-де—вотъ участвуемъ въ желѣзно-дорожныхъ концессіяхъ.»

Однако, истина лежитъ хотя и на днѣ колодца, а все таки лежитъ гдѣ нибудь и можетъ оказаться со-временемъ. «Кай есть смертенъ»— и вотъ, представьте себѣ когда колодезь жизни, такъ сказать, изсяк-

нетъ, и на днѣ его вдругъ оказывается пачка желѣзно-дорожныхъ акцій.

Фальстафовскій характеръ проявляется у насъ далеко не въ одномъ только образованіи дорожныхъ предпріятій. Самый вѣнецъ ихъ, то есть открытіе линій, неизбежно бываетъ украшенъ тѣми лаврами, которые у сэръ-Джона вѣнчали ветчину. Ъсть, пить и говорить Фальстафъ былъ большой искусникъ, и безъ этого искусства не можетъ обойтись ни закладка, ни открытіе желѣзной дороги, такъ что современный этюдъ напрашивается самъ собою.

Желѣзныя дороги у насъ еще не удешевили ни муки, ни картофеля, но уже создали парламентъ, маленькій переносный парламентъ, котораго назначеніе поговорить на дорогѣ. Еслибъ открытіе дороги совершалось безъ рѣчей, еслибы оно состояло въ томъ только, что начнуть по ней ѣздить,—ну и ѣздили бы, и ничего бы тутъ удивительнаго не было. Но всякому гораздо лестнѣе ѣхать и въ тоже время, за тѣже деньги, сознавать, что не только ѣдешь, но и прокладываешь, такъ сказать, пути, совершаешь безъ всякой добавочной платы подвигъ, что ѣду я, положимъ, по своей надобности, а за мною ѣдетъ будущность моего отечества.

Все это и достигается посредствомъ особаго, переноснаго парламента, столь же необходимаго всякой желѣзной дорогѣ, которая себя уважаетъ, какъ и другіе снаряды. Парламентъ созывается приглашенными билетами. Прибываютъ въ извѣстный пунктъ члены администраціи и непремѣнные члены парламента: наши «народные трибуны»— г. Кокоревъ, г. Шиповъ, г. Полетика и т. д. Дожидаются. Приѣзжаетъ мѣстный духовный пастырь. Происходитъ освященіе первой станціи, потомъ ѣдутъ, ѣдятъ и пьютъ. Вторая станція освящается: ѣдятъ, пьютъ и ѣдутъ. Третья, четвертая — тоже самое. Понятно, что чѣмъ дальше ѣдутъ, тѣмъ менѣе остается ѣхать; чѣмъ меньше ѣсть остается, тѣмъ остается больше пить. Но когда приѣхали, тогда начинаютъ ѣсть съизнова, и тогда-то наступаетъ долгъ говорить. Достоинство винъ обратно-пропорціонально близости бутылокъ къ центру. Наступаетъ, наконецъ, моментъ тостовъ. Провозглашается, между прочимъ, тостъ за г. министра финансовъ. Мотивируется онъ всегда развитіемъ у насъ желѣзно-дорожнаго дѣла, что совершенно правильно. Только разъ, одинъ ораторъ вставилъ фразу: «за то, что такъ легко даются концессіи», чѣмъ обнаружилъ избытокъ ревности. На этотъ тостъ отвѣчаетъ обыкновенно извѣстное лицо, человекъ весьма почтенный, небольшого роста, и обладающій очень тихимъ голосомъ. Такъ что благодарность министерства финансовъ остается не слышна.

Тостъ за г. министра путей сообщенія, «который»..... и т. д. Тогда встаетъ также извѣстное лицо, талантливый ораторъ, носящій одно

изъ литературныхъ именъ пушкинскаго періода. Онъ говоритъ, какъ техникъ, на ту тему, что вотъ, господа, вамъ по дорогѣ ѣхать никакого труда не стоитъ, все готово, машина дѣйствуетъ, свистокъ свиститъ, колеса вертятся сами собою; а сколько нужно было соображеній, труда, чтобы сдѣлать, построить, поставить все это; каждый штифтикъ нужно было подогнать къ каждой дырочкѣ, обсудивъ его предварительно въ совѣтѣ министерства. Тогда слушатели ощущаютъ необходимость и съ своей стороны посодѣйствовать, поработать, сообразить, пригнать хоть какой нибудь штифтикъ, и—начинаютъ ѣсть съ большимъ ожесточеніемъ.

Мы опускаемъ краснорѣчіе нашихъ «народныхъ трибуновъ»: гг. Кожоревъ, Шиповъ, Полетика сказали свои рѣчи, и теперь уже всякій можетъ ѣхать безопасно по новой дорогѣ, даже безъ пригласительнаго билета. Въ заключеніе, М. П. Погодинъ рассказываетъ, въ видѣ *actualité*, анекдотъ о Соловьѣ-Разбойникѣ или Ермакѣ. Извѣстно, что первая профессія самого Ермака была.... Отчего это нашъ маститый историкъ рассказываетъ непременно такія притчи, и по поводу частныхъ желѣзныхъ дорогъ?

Замѣчательно одно, что насъ постоянно кто-нибудь обижаетъ; не герои древности, такъ откупщики, не откупщики, такъ концессионисты. Беззащитность наша противъ золь, среди насъ самихъ возникающихъ, поистинѣ трогательна. На что уже мышь — кажется, звѣрь небольшой, отъ всякаго пороку бѣжитъ, а на русское государство дерзаетъ. Встарину мышь вступала въ союзъ съ провіантскимъ вѣдомствомъ, и на твердыхъ казенныхъ сухаряхъ такъ наострила зубы, что стала ѣсть даже желѣзо и входитъ съ этой цѣлью въ соглашеніе съ другими вѣдомствами. Зубы ея, наконецъ, достигли крѣпости англійской стали, такъ что она, говорятъ, стала перегрызать даже хирургическіе инструменты.

Мышами мы продолжаемъ страдать. Органъ Бессарабскаго края извѣстилъ, что эта окраина едва ли не будетъ совсѣмъ съѣдена мышами. Онъ рассказываетъ, что если на столъ поставить блюдо, въ 15-ти верстахъ отъ Кишинева, то около блюда тотчасъ являются мыши, «которыхъ приходится отгонять». Утѣшительно хоть то обстоятельство, что, по словамъ вышеупомянутаго органа, «мыши эти обыкновенно мышинаго цвѣта». А то можно было подумать, что онѣ бѣгаютъ во фракахъ, съ концессіями въ карманахъ. «Предполагаютъ—продолжаетъ органъ печати — что эти мыши откуда-нибудь наши». Откуда-нибудь? — это очень вѣроятно. Но повѣрьте, этотъ печальный фактъ не безъ связи съ улучшеніемъ быта царянь. Судьбою опредѣлено человѣчеству извѣстное количество зла. Улучшите вы бытъ народа, непременно появится какой-нибудь новый видъ зла и восстано-

вить фатальное равновѣсіе. Вотъ, полагаютъ, напримѣръ, что улучшение быта нашихъ крестьянъ вызвало неурожай; въ Бессарабіи, улучшение быта царанъ вызвало легіоны; мышей. Факты эти слишкомъ осязательны и «не требуютъ комментаріевъ»,—какъ выражаются публицисты, когда именно хотятъ распространиться.

Органъ, представитель нужды и потребностей Бессарабіи, заключаетъ: «Потребовалось много кошекъ, ихъ не оказалось въ нужномъ количествѣ, вслѣдствіе чего онѣ вздорожали сильно, и за ними прѣзжали въ Кишиневъ». Кошки котируются на кишиневской биржѣ; если кошка скоро окотится, то котируется выше. Съ однолѣтками твердо. Съ котами сдѣлано съ преміей. Собаки, говорятъ, изъ самолюбія поголовно эмигрировали въ Молдавію, избравъ изъ среды своей казакабаши, съ условіемъ, чтобы онъ взятокъ не бралъ, и на обычай въ этомъ случаѣ не ссылаясь, по примѣру нѣкоторыхъ товарищей.

Какъ хотите, а биржевая игра на кошекъ, кажется мнѣ, несравненно родственнѣе, чѣмъ игра на желѣзно-дорожныя акціи.

Кто-то изъ адвокатовъ недавно, въ одной изъ своихъ рѣчей, напомнилъ историческое изрѣченіе: «придите володѣть и править нами».

Отчего это въ самомъ дѣлѣ ильменскіе славяне оказались такими отчаянными западниками? Неужели не было способныхъ правителей между своими? Другое дѣло, если бы они тяготились господствомъ какой-нибудь касты, еслибы народъ предпочелъ иноземнаго правителя сословному поработченію. Но ничего такого не было. Они имѣли демократическое устройство и вдругъ.... Естественная гордость не дозволяетъ намъ думать, чтобы предки наши звали варяговъ съ цѣлью поучиться отъ нихъ мудрости или воспользоваться ихъ храбростью. Стали бы наши предки заимствоваться мудростью и храбростью отъ иноземныхъ витязей!

Нѣтъ, не съ тѣмъ ихъ звали. Судя по дальнѣйшему, едва ли не вѣрнѣе предположить, что предки наши ощутили надобность въ иноземцахъ собственно по части распоряженія общественными суммами. Но нельзя не сознаться, что призваніемъ варяговъ предки наши, однако, не достигли своей специальной цѣли. Нельзя сказать, чтобы весь учрежденный иноземцами варяжскій порядокъ благопріятствовалъ во всѣ времена, какъ точности въ веденіи государственной бухгалтеріи, такъ и благоразумной экономіи въ расходованіи общественныхъ суммъ.

«Однако (и замѣйте это «однако», оно весьма важно), говорятъ приверженцы и оплакиватели варяжскаго періода, прикидываясь, вопреки собственному убѣжденію, будто они отъ самоуправления и равноправности ожидали немедленнаго воцаренія голубиной непорочности. Оказался же недочетъ суммъ въ такой-то земской управѣ—«вотъ вамъ и земство!» соболѣзнуютъ они.

Позвольте, однако, господа; сидѣло земство въ инвалидномъ комитетѣ, когда тамъ случился знаменитый сюрпризъ? Нѣтъ, не сидѣло, да и теперъ не сидитъ. Играло земство въ карты съ г. Политковскимъ, по прозванію Монте-Кристо? Нѣтъ, не играло. Провіантскій хлѣбъ въ Крыму и нижегородскую соль земство ли кушало? Нѣтъ, къ этому хлѣбосольтству оно допущено не было. Ну, такъ что же, спрашиваю я, и отвѣчаю самъ за своихъ собесѣдниковъ.

Равноправность и самоуправленіе сами по себѣ не могутъ вдругъ вереродить людей — это одна изъ тѣхъ истинъ, которые приходится доказывать только потому, что онѣ слишкомъ очевидны и на нѣкоторыхъ дѣйствуютъ болѣзненно. Возьмемъ примѣръ не изъ земства, а изъ чисто-общественной жизни, съ самаго ея дна.

Въ Петербургѣ существуетъ, какъ извѣстно «Русское купеческое общество для взаимнаго вспоможенія», болѣе извѣстное подъ названіемъ «прикащичьяго клуба», и еще болѣе подъ названіемъ клуба «молодцовскаго». Послѣднее названіе окончательно утвердилось за этимъ учрежденіемъ послѣ того, какъ нѣкоторые директора его оказались «молодцами» по распорядительности. Клубъ этотъ — замѣтимъ мимоходомъ — замѣчательенъ между прочимъ тѣмъ, что въ немъ, за картами, употребителенъ самый — самый простой разговорный языкъ. Да и вообще, знаете, безъ стѣсненія. Взапность часто рождается среди танцовъ, а въ буфетѣ вспоможеніе идетъ безостановочно.

Все это было очень мило до послѣдней германской войны. Кажется, какое бы соотношеніе? Но законъ соотношеній — самый таинственный изъ всѣхъ законовъ природы. Вѣрно только то, что когда и прусскіе генералы оказались «молодцами», то въ клубъ этого имени проникъ духъ воинственный. Возникла борьба, борьба эта привела къ процессу, который имѣлъ мѣсто въ прошломъ мѣсяцѣ, въ окружномъ судѣ.

Общество предъявило искъ на 20 своихъ членовъ, бывшихъ членами конторы и членами комитета, за злоупотребленіе и допущеніе злоупотребленій. Между тѣмъ, въ чемъ же состояли эти злоупотребленія? Контора, въ противность устава, взяла на себя кухню и буфетъ. Контора находила, что хозяйство экономичнѣе безъ эконома, и вотъ члены ея сами стали «завѣдывать» кухней и буфетомъ, то есть говоря просто — торговать котлетами и виномъ. Дѣйствительно, ну могли ли люди торговые стерпѣть, чтобы наживался экономъ? Результатомъ этой экономической общины былъ чистый убытокъ для клуба, за пять мѣсяцовъ слишкомъ въ 5½ тысячъ рублей. И за это-то усердіе, положимъ неудачное, но все-таки усердіе, — контору потащили въ судъ?

Не за одно это. Говорятъ, зачѣмъ члены конторы съѣли и выпили въ клубѣ на 1,269 рублей 54 копейки, которыя и записали въ расходъ, когда ни одинъ параграфъ устава не говоритъ объ ѣдѣ или

питье для нихъ, а упоминается только о развѣздахъ. Но вѣдь нельзя же все только развѣзжать, и чѣмъ больше развѣзжать, тѣмъ лучше аппетитъ. Est modus in rebus, что значить по-русски: необходимо иногда выпить рюмку водки. Да наконецъ, самая эта цифра 1,269 р. 54 к. — какъ она краснорѣчива! Она свидѣтельствуетъ, что члены конторы не вносили въ счетъ «на-водку» служителямъ, иначе вышла бы круглая сумма. Но быть щедрыми на чужой счетъ — нѣтъ; это было не въ правилахъ директоровъ. Гдѣ же благодарность?

Мало того, упрекають членовъ конторы за то, что они «безъ согласія общества и не будучи уполномочены ни уставомъ, ни контрактомъ, выдавали музыкантамъ оркестра Рейнбольда деньги на пиво, и выдали таковыхъ денегъ 2,130 р. 20 к.» Не уполномочены уставомъ?! Хорошо-съ; ну и почему вы знаете, что музыканты не употребили этихъ денегъ добросовѣстно на то, чтобы вы притче плясали?

Скорѣе удивительно, что двадцать нѣмцовъ выпили, въ 17 мѣсяцовъ, пива на 2,130 р. 20 копѣекъ. Но это особенность ихъ націи. Нападать на это значило бы посягать на индивидуальность народа, какъ она выработалась исторіею.

Да, да; трудись, старайся на пользу общую; умѣй побѣждать себя такъ, чтобы не издержать 55 коп., если можно остановиться на 54-хъ, и вотъ благодарность современниковъ! Послѣ этого, удивляться ли примѣру Діоклеціана, который отказался править римлянами и предпочелъ поставлять имъ капусту?

Нѣкоторые изъ доводовъ защитника бывшей конторы, г. Буфмистрова, интересны. Такъ, онъ оспаривалъ справедливость иска о взысканіи со своихъ кліентовъ убытковъ, въ пользу клуба, тѣмъ, что если бы члены конторы знали, что они могутъ подвергнуться *денежной* отвѣтственности (нравственная еще туда-сюда), то «ни за что» не рѣшились бы принять на себя званіе членовъ конторы. Я буду годъ обѣдать на вашъ счетъ, а когда вы предъявите на меня искъ, скажу, что если бы зналъ, что могу подвергнуться денежной отвѣтственности, то «ни за что» не сталъ бы и знакомиться съ вами.

О, Гостомысль! Насчетъ распоряженія общественными суммами мы все еще также слабы, какъ были вы, когда выписывали знатоковъ этого дѣла изъ-за моря. Но теперь нѣтъ уже и прежняго ресурса, а именно, обратиться къ варягамъ, такъ какъ и въ нѣмецкомъ танцевальномъ обществѣ также идетъ кутерьма: русская булка отказывается носить на себѣ вестфальскую ветчину, и буттербротъ—эта эмблема сліянія элементовъ, дѣлается вслѣдствіи того невозможнымъ.

Одна Москва, какъ извѣстно, усиленно еще старается о подобномъ сліяніи. Между тѣмъ — и это странно — выходитъ, что нигдѣ національныя антипатіи такъ сильно не разжигаются, какъ именно въ

Москвѣ. Московскія дамы не разъ заказывались покупать французскія матеріи, хотя говорить на томъ, что онѣ называютъ французскимъ языкомъ, продолжали (впрочемъ, ломать языкъ врага тоже своего рода мщенье). Купецъ Хлудовъ со сподвижниками побивалъ нѣмцовъ въ заставныхъ трактирахъ. Въ настоящее время, въ московской итальянской оперѣ приходится производить маневры цѣлою арміею жандармовъ: фланкировать, оцѣплять, отрѣзать отступление и т. д. — чтобы охранить отъ московской публики итальянцовъ. До чего дошло: нѣмецъ съ евреемъ поссорился на смерть и подняли на ноги не только мѣстныя власти, гг. квартальныхъ надзирателей, г. оберъ-полицеймейстера, — но и главный штабъ, засѣдающій въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ живутъ два Бараша, оба переплетчики. Казалось бы, тождество именъ и занятій должно было располагать къ согласію. Но таковъ московскій воздухъ, что Бараша сколько ни переплетали, по узамъ дружбы не сплелись. Напротивъ, свѣтъ не могъ вмѣстить Цезаря и Помпея; для двухъ Барашей оказалась слишкомъ тѣсною Москва. Купецъ Барашъ, *известный* переплетчикъ (какъ удостовѣряетъ полиція), показалъ, что унтеръ-офицеръ Барашъ, тоже переплетчикъ, долженъ называться въ дѣйствительности Барахомъ, а Барашемъ называется только по злости. Купецъ Барашъ приобрѣлъ славу, переплелъ лаврами каждую букву своего имени, и вдругъ, является другой Барашъ, который ничего не переплеталъ, кромѣ книгъ. Пусть онъ называется какънибудь иначе; пусть назовется Барахомъ или хоть Барашкомъ; но Барашемъ, — нѣтъ, «пусть иссохнет мой клейстеръ, прежде чѣмъ я допущу это»!

Администрація, поставленная въ затруднительное положеніе между двумя клейстерами, приняла сторону болѣе «известнаго». Отъ унтеръ-офицера Бараша потребовали, чтобы онъ перемѣнилъ фамилію, предоставляя ему называться какъ угодно, хоть Сафьяномъ, только не Барашемъ. А какъ Барашъ II упорствовалъ, то получено было официальное извѣщеніе, что «начальникъ главнаго штаба приказалъ унтеръ-офицеру Петру Яковлеву именоваться не Барашемъ, какъ тотъ дѣлалъ до сего времени, а Барахомъ.» Сообразно этому, г. московскій оберъ-полицеймейстеръ предписалъ мѣстному приставу сдѣлать «законное» распоряженіе относительно вывѣски Бараша II.

Но Барашъ II находилъ, что такъ какъ онъ уже однажды перемѣнилъ свои именъ «Хаскель Мордуховичъ» на именъ «Петръ Яковлевъ,» то этого совершенно достаточно, и перемѣнить еще свое третье имя на четвертое упорно нежелалъ. Онъ объявилъ, что не сниметъ вывѣски съ «Барашемъ» до разрѣшенія вопроса о перемѣнѣ фамиліи судебнымъ порядкомъ, и былъ совершенно правъ.

Но представьте себѣ положеніе, въ это время, Бараша I и положеніе полиціи!

Нельзя не замѣтить, что г. начальникъ главнаго штаба, настаивая, вслѣдствіе многократныхъ просьбъ Бараша I, чтобы Барашъ II назывался Барахомъ, снисходительно принималъ во вниманіе и положеніе этого послѣдняго.

Цитируемъ буквально: «Такъ какъ эта фамилія (Бараха) могла напомнить, по мнѣнію начальника штаба, *еврейское происхождение* Бараха (что же тутъ худого или преступнаго?), то начальникъ штаба и предоставилъ ему право ходатайствовать объ измѣненіи фамиліи Бараха на какую либо другую фамилію, но только не на фамилію Бараша.» Въ самомъ дѣлѣ, надѣлать человѣку, заставляя его перемѣнять имя, перемѣнять вывѣску, лишиться быть можетъ на нѣкоторое время практики — чтожъ дѣлать когда это неизбежно; но выставлять его въ качествѣ еврея напоказъ всей русской имперіи — въ которой впрочемъ евреи состоятъ подѣ покровительствомъ законовъ — это было бы ужъ слишкомъ жестоко.

Когда сдѣланы были «законныя» распоряженія, и Барашъ I восторжествовалъ надъ Барашемъ II, то московскому оберъ-полицеймейстеру представлена была «въ проектѣ» новая вывѣска для Бараша II. На одной сторонѣ значилось «П. Барахъ, переплетное и футлярное заведеніе.» На другой сторонѣ красовалась надпись: P. Barach.

Послѣдовала резолюція: «Бараху вывѣску повѣсить разрѣшаю.» Хорошо еще, что только вывѣску!

Но на проектѣ же начальство собственноручно зачеркнуло, въ имени P. Barach, буквы *h* и *c*, и переправило ихъ на букву *g*: Barag. Чтобы совсѣмъ, значить, сходства не было. Смѣемъ замѣтить, что измѣненіе *ch* въ *g* неизвѣстно въ корнесловіи, и что для такихъ дѣлъ не мѣшало бы приглашать въ полицію специалистовъ, хоть бы извновь учрежденнаго въ Москвѣ лица.

Судъ (мировой съѣздъ) не призналъ дѣйствій полиціи правильными, и освободилъ Бараша II отъ штрафа, о наложеніи котораго ходатайствовала полиція.

Пустяки, пустяки, все это дѣло! Оно такъ-то, такъ: но едва ли это мнѣніе раздѣляется бывшимъ Барашемъ II, и нынѣ Барахомъ. Да и вообще, пустяки — весьма относительное понятіе.

Отъ комедіи жизни нѣтъ ничего легче какъ перейти къ дѣйствительной комедіи, и нынѣшній разъ переходъ намъ будетъ пріятенъ, потому что мы можемъ перейти къ комедіи А. Н. Островскаго, и въ ней остановиться на той превосходной сценѣ, гдѣ дѣлатель карьеры Глумовъ ищетъ понравиться либеральными фразами важному либералу Городулину, а на того производить впечатлѣніе вовсе не либерализмъ оратора, но талантъ его складно врать. Эта сцена по мѣткости сатиры, по глубоко-реальному смыслу комизма, принадлежитъ къ лучшимъ, какія когда либо написалъ Островскій.

Типы доброй, старой Москвы, какъ родственны вы, какъ трогательно самое ваше безобразіе! Здѣсь всѣ типы московскіе и любопытно видѣть, какъ на нихъ отразились нововведенія общія для всей Россіи. Генераль Крутицкій, глупый консерваторъ — лицо московское. Въ Петербургѣ Крутицкіе во-первыхъ умнѣе, во-вторыхъ не всегда въ отставкѣ, и потому способны писать не такіе безвредные «прожектъ», какіе писалъ почтенный генераль, а настоящіе «проекты» или «проэеты» (нѣкоторые начальники предпочитаютъ послѣднее правописание); и не «о вредѣ реформъ вообще», а напротивъ о пользѣ новыхъ изданій реформъ, изданій исправленныхъ и дополненныхъ. Политическія убѣжденія московскаго Крутицкаго ограничиваются тѣмъ, что стола, который стоитъ на ножкахъ, не слѣдуетъ ставить ножками вверхъ. Но еслибы столъ искони стоялъ вверхъ ногами, то этотъ почтенный консерваторъ точно также возмущался бы, когда столъ поставили бы на ноги. Московскій Крутицкій допускаетъ по отношенію къ столу только одну умственную категорію: какъ стоялъ, такъ пусть и стоитъ!

Добродушный милый старикъ! Да будь я редакторомъ, я сейчасъ бы предалъ тисненію его невинный «прожектъ» и еще заказалъ бы для него золоченный заглавный листъ. Но въ Петербургѣ такихъ Крутицкихъ нѣтъ. Тутъ можно найти только такихъ Крутицкихъ, которые по отношенію къ столу признаютъ необходимость трехъ моментовъ: 1) стоитъ столъ; 2) столъ опрокидывается, а такъ какъ при этомъ случаѣ онъ *не можетъ* не подвергнуться поврежденію, то 3) изъ стола дѣлается стулъ, на который сажается Крутицкій съ приличнымъ содержаніемъ. «И прямолинейно, и граціозно», говоритъ Глумовъ въ Москвѣ. «И либерально и комфортабельно», отзывается эхо въ Петербургѣ.

Глумовъ — типъ тоже московскій. Правда, и въ Петербургѣ дѣлаютъ карьеру чрезъ женщинъ, но устройство карьеры собственно посредствомъ женитьбы, да еще при помощи взятокъ гадальщицамъ это — чисто-московская особенность.

Турусина, къ которой для спасенія приходятъ то «странный человекъ», то «блаженный человекъ», то «уродливый человекъ» — типъ московскій. У насъ въ Петербургѣ тоже спасаются, сохрани Богъ думать иначе. Но путь ко спасенію у насъ благовиденъ и тѣсно соединенъ съ стремленіями къ народному просвѣщенію.

Мамаевъ, совѣтникъ и искатель квартиръ, Манеѳа прорицательница — типы московскіе же. Но Городулинъ — типъ петербургскій. Онъ дорогъ намъ, онъ намъ необходимъ, мы его не уступимъ. Москва угловата, Городулинъ круглъ; Москва грубовата, Городулинъ мягокъ; наконецъ, въ Москвѣ онъ не можетъ принести столько пользы, какъ въ Петербургѣ! Правда, у насъ-то именно много Городулиныхъ, этимъ

доброемъ мы богаты; но «увеличить количество добра» никогда не мѣшаетъ.

Замѣтили-ли вы, что когда на александринской сценѣ является гусарь, то у этого гусара все въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ быть у гусара; всѣ шнуочки — до тонкости, кети, даже сабля есть; но нѣтъ одной принадлежности.

Кажется, вотъ гусарь на славу, сейчасъ вскочить на коня и понесется лихо, марш-маршемъ. Публика довольна, что пьеса украшена настоящимъ гусаромъ, и даже не прочь видѣть въ этомъ фактѣ утѣшительный прогрессъ (вѣдь вотъ у насъ и гусары выводятся-моль на сцену).

Но приглядитесь поближе: у этого гусара — пѣхотные панталонны. Когда вы это замѣтите, то поймете, что это—гусарь только для виду; что если у него нѣтъ даже рейтузъ, то подавно нѣтъ ни малѣйшаго коня, и никуда онъ не ускачетъ, а будетъ представлять; потомъ, когда режиссеръ махнетъ — онъ и уйдетъ.

Не пускать же на сцену истиннаго либерала.... виноваты: гусара, гусара *roue de bon*. Этотъ, пожалуй, придерется къ дѣйствующимъ лицамъ, а сфюллера захлопнетъ внизъ собственнымъ его павильономъ. Нѣтъ лучше этакой гусарь, въ пѣхотныхъ панталонахъ,—этотъ смиренѣе. Онъ смиренъ, ибо самъ внутренне сознаетъ, что онъ гусарь процензурованный. Усы его крутятся по гусарски — украшеніе; но ноги его состоятъ по пѣхотѣ—предусмотрительность.

Вотъ точь въ точь такіе либералы нужны Петербургу и могутъ навѣрняка рассчитывать здѣсь на хорошую карьеру. А потому, Москва возврати намъ Городулина, и бери за него что хочешь: хоть Маріо.

И такъ, А. Н. Островскій выступилъ опять въ комедіи, и на этотъ разъ взялъ предметомъ ея не совсѣмъ обычную сферу для своихъ комедій. Мы вовсе не принадлежимъ къ числу тѣхъ судей, которые обрекаютъ Островскаго на комедію *à regretuité*; вы начали-де съ комедіи, значить ваше дѣло комедія, и ничего другого вамъ писать не слѣдуетъ. Напротивъ, мы думаемъ даже, что тотъ комическій матерьялъ, который послужилъ для прежнихъ произведеній даровитаго сатирика, исчерпанъ. Вотъ почему когда говорятъ, что быть московскаго купечества извѣстенъ г. Островскому болѣе, чѣмъ быть отдаленныхъ предковъ, а потому пусть онъ ограничивается купеческимъ бытомъ и не пускается въ исторію, то мы къ этакому приговору не пристаемъ. Прежній матерьялъ исчерпанъ сильною рукою, и Иванъ Грозный является въ одной изъ трагедій г. Островскаго гораздо новѣе, чѣмъ могъ бы явиться Титъ Титычъ въ новой комедіи.

Но теперѣ г. Островскій завоевалъ своей комедіи новую область и надо желать, чтобы онъ не остановился на этомъ новомъ успѣхѣ, а протеръ свои завоеванія дальше и дальше. Сфера нашей коме-

діи черезчуръ ограничена, и самая существенная часть того комическаго матерьяла, который даетъ наша жизнь остается недоступною комедіи. Но это — другой вопросъ — и замѣтимъ — вопросъ, который начнетъ разрѣшаться не ранѣе, какъ по отиѣнѣ привилегіи казенныхъ театровъ въ столицахъ. Конечно, частные театры не останутся безъ контроля, но тамъ контрольный, ограничительный элементъ будетъ только внѣшнею силою, а не будетъ вліять на самый выборъ пьесъ. Старая предварительная цензура всегда стѣсняла литературу всякаго рода, но никогда не направляла ея. Представьте же, что-бы было, если-бы единственными издателями были цензора, какъ теперь являются единственными издателями казенные театры.

Мнѣ случилось слышать, будто типъ Манеенъ и почтеніе, которымъ ее окружаютъ — утрированы въ комедіи Островскаго. Въ Москвѣ-то? Помилуйте! вмѣсто простого увѣренія въ противномъ, я лучше напомню очень свѣжій фактъ.

Въ Сергіевскій посадъ пріѣхалъ уланскій юнкеръ, князь, съ письмомъ отъ высокопоставленнаго лица къ отцу Антонію, намѣстнику Лавры, о принятіи этого князя въ монахи. Новый послушникъ живетъ и живетъ въ монастырской гостинницѣ. Онъ проходу не даетъ женщинамъ, не показываетъ никакого паспорта, и его все-таки держатъ на счетъ монастыря, какъ кандидата въ монахи; его даже переводятъ въ монастырь, въ келью. Когда отъ него стали требовать бумагъ, то онъ, въ свою очередь, потребовалъ денегъ на проѣздъ въ Москву, и ему дали денегъ. На желѣзной дорогѣ онъ попался съ фальшивою ассигнаціею. По освидѣтельствованіи, у него оказалось нѣсколько фальшивыхъ печатей и фальшивыхъ документовъ. Между разными документами открылось свидѣтельство о крещеніи въ православную вѣру и о крещеніи впоследствии въ армяно-грегоріанскую вѣру.

Между тѣмъ, этотъ человекъ, разыгрывая роль святого, былъ принятъ въ Москвѣ въ «хорошемъ обществѣ», и, какъ сказано выше, получилъ даже высокую рекомендацію.

А Иванъ Яковлевичъ? И сколько такихъ людей было и есть въ Москвѣ, и чѣмъ нелѣпѣе они, тѣмъ обильнѣе пожертвованія несутъ имъ Москва. Скорѣе можно обвинить г. Островскаго, что, въ этомъ случаѣ, его воображеніе осталось ниже дѣйствительности.

Т Е А Т Р Ы.

Бенефисъ г. Бурдина: Новая комедія А. Н. Островскаго: „На всякаго мудреца довольно простоты“.

Въ бенефисъ г. Бурдина шла недавно новая пятнадцатая комедія: «На всякаго мудреца довольно простоты». Она написана авторомъ «Грозы», «Свои люди сочтемся», «Вѣдная невѣста» и многихъ другихъ, лучшихъ пьесъ нашего репертуара; этого одного было бы уже достаточно, чтобы отнестись къ новому произведенію г. Островскаго безъ того глумленія, которое такъ любятъ иные, и что большею частью вообще бываетъ совершенно бесплодно и для читателей, и для авторовъ, а тутъ и подавно. Имя г. Островскаго можетъ вызвать только серьезное отношеніе къ его перу, особенно, когда дѣло идетъ объ одной изъ его бытовыхъ комедій, которые представляютъ всегда такой обильный матеріалъ, такую богатую жатву для трезвой критики, что трудно становится даже понять, какъ можетъ кто-нибудь, кому дорого развитіе русской жизни, кого печалитъ такъ или иначе изображаемая грубость, дикость и невѣжество русскаго общества, предаваться легкому глумленію надъ тѣмъ, что способно расположить къ самымъ тяжелымъ размышленіямъ. Новая комедія г. Островскаго не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Она можетъ быть выше или ниже другихъ его же произведеній, въ ней могутъ быть недостатки, болѣе или менѣе неудачныя сцены, на которыя критика должна указать; но даже къ этимъ недостаткамъ и неудачнымъ сценамъ, она обязана отнестись дѣльно, потому что рядомъ съ ними тутъ встрѣчаются многіе изъ обычныхъ достоинствъ автора «Грозы». Мы не станемъ ни рассказывать содержанія ни разбирать подробностей новой комедіи г. Островскаго и ограничимся исключительно ея исполненіемъ на сценѣ Александринскаго театра *). Исполненіе пьесы г. Островскаго на этотъ разъ представляло собою особенный интересъ, такъ какъ главную роль, роль современнаго героя - мудреца взялся исполнить молодой актеръ, съ именемъ столь извѣстнымъ на русской сценѣ. Г-нъ Н. Самойловъ для перваго своего дебюта въ Петербургѣ выбралъ трудную роль Глумова. Задача артиста была тѣмъ труднѣе, что ему случилось быть окруженнымъ лучшими силами нашей труппы. Рядомъ съ г. Н. Самойловымъ

*) Мы надѣемся помѣстить критику новой комедіи А. Н. Островскаго въ ближайшей книгѣ журнала. — *Ред.*

мы видѣли его отца, г. Самойлова, г. Васильева 2-го, г-жу Линскую и Читау, и даже второстепенные актеры были всё весьма удовлетворительны.

Г. Самойловъ 1-й принадлежитъ къ тому разряду замѣчательныхъ артистовъ, для которыхъ, кажется, нѣтъ трудностей, разъ что они рѣшаются взять на себя извѣстную роль: до такой степени они входятъ въ характеръ тѣхъ лицъ, которыя изображаютъ; невольно думается, что вотъ для этой-то роли именно и созданъ былъ ихъ талантъ. Г. Самойлову стоить только пожелать, и онъ, въ большинствѣ случаевъ, достигнетъ до той высокой степени сценическаго искусства, которое именно заключается въ олицетвореніи созданнаго драматургомъ типа или характера. Олицетворить, осуществить созданный авторомъ типъ можно до крайности различно, и нужно обладать весьма богатыми и нравственными и матеріальными средствами, какъ разнообразіемъ голоса, живою подвижною фізіономіею, чтобы созданіе типа одной комедіи не напоминало собою лицо другой пьесы. Это разнообразіе, это богатство средствъ, позволяющія создавать совершенно различныя роли, принадлежитъ вполне таланту г. Самойлова, и часто, очень часто, живая игра его обманываетъ и заставляетъ принимать его личное созданіе типа за типъ, будто бы созданный авторомъ самой пьесы. Для обыкновеннаго репертуара, въ которомъ мы видимъ этого талантливаго артиста, онъ если можно такъ выразиться, слишкомъ хорошъ, онъ стоитъ выше большей части играемыхъ имъ ролей, и потому нельзя не жалѣть, что намъ такъ рѣдко приходится видѣть его въ болѣе сильныхъ роляхъ, въ которыхъ ему пришлось бы бороться съ дѣйствительными трудностями. Мы жалѣемъ объ этомъ, потому что убѣждены, что съ любовію и стараніемъ онъ всегда выйдетъ болѣе или менѣе побѣдителемъ изъ ролей, требующихъ истиннаго и серьезнаго таланта. Разумѣется, роль Городулина, въ которой явился г. Самойловъ въ новомъ произведеніи г. Островскаго, не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя требовали напряженія и усилій для его таланта, но тѣмъ не менѣе тутъ была канва для созданія извѣстнаго типа, и г. Самойловъ какъ нельзя болѣе достигъ этого. Роль Городулина — пустого чиновника-либерала, игранная дюжиннымъ актеромъ, безъ сомнѣнія, вовсе пропала бы, потому что она занимаетъ въ пьесѣ весьма незначительное вводное мѣсто. Г. Самойловъ заставилъ его выдаться впередъ и сдѣлалъ это лицо однимъ изъ самыхъ типичныхъ во всей пьесѣ. Онъ очень живо изобразилъ ту новую породу администраторовъ, для которыхъ всякое дѣло тринь-трава, которые, сидя на тепленькомъ мѣстечкѣ, умѣютъ наслаждаться всіми благами жизни, которые рѣшаютъ всё важныя дѣла полушута, полусмѣясь, которые либеральничаютъ, когда либеральничать мода, и которые успѣваютъ засѣдать въ какомъ-нибудь высшемъ учрежденіи, не смотря на «вѣтеръ, который у нихъ въ

головѣ, и бурю, которая у нихъ въ сердцѣ». Г. Самойловъ былъ до того хорошъ, когда онъ прикидывался Донъ-Жуаномъ въ разговорѣ съ свѣтскою женщиною и въ либеральномъ разговорѣ съ притворнымъ либераломъ Глузовымъ, что можно было подумать, будто онъ копировалъ какое-нибудь дѣйствительное лицо. Простота, развязность, естественность, жизненность, приданная г. Самойловымъ изображаемому имъ типу, сдѣлали то, что по нѣсколькимъ словамъ г. Городулина мы узнали не только его настоящее, но и его прошедшее и будущее.

Лице, выведенное г. Островскимъ въ противоположность Городулину, именно фигура консерватора Крутицкаго была изображена г. Васильевымъ 2-мъ. Мы очень уважаемъ талантъ этого почтеннаго артиста, и тѣмъ болѣе неприятно дѣлать ему упрекъ въ его существенномъ недостаткѣ, что отъ недостатка этого онъ не воленъ исправиться, и не въ силахъ его побѣдить никакими стараніями, никакими усиліями. Мы говоримъ о томъ однообразіи его, которое является результатомъ его неудовлетворительнаго голоса, и заставляетъ видѣть въ любомъ изображаемомъ г. Васильевымъ лицѣ, не то или другое лицо, а всегда одного и того же г. Васильева. Мы не винимъ г. Васильева, мы всегда готовы отдать ему должное, но не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ не сожалѣть, что природа отказала ему въ разнообразномъ, богатомъ органѣ, составляющемъ такое важное условіе для драматическаго актера. Этотъ природный недостатокъ мѣшаетъ своеобразности создаваемыхъ г. Васильевымъ типовъ, и дѣлаетъ то, что всегда кажется какъ будто бы то или другое лицо намъ уже знакомо, какъ будто мы уже видѣли его на сценѣ. Вотъ почему и Крутицкій г. Островскаго, разыгранный г. Васильевымъ, пострадалъ отъ его однообразнаго голоса, и если въ самомъ дѣлѣ типъ Крутицкаго не представляется совершенно новымъ во всѣхъ своихъ чертахъ, то г. Васильевъ, повторяемъ, по мимо своей воли, помогъ тому, что знакомыя, старыя черты характера Крутицкаго показались намъ еще болѣе знакомыми, еще болѣе старыми. Не смотря однако на это, въ нѣкоторыхъ сценахъ г. Васильевъ былъ превосходенъ и крайне типиченъ, какъ напр. въ сценѣ, когда онъ является къ своей старинной пріятельницѣ Турусиной. Съ большимъ пониманіемъ, съ большою тонкостью и вкусомъ сдѣлалъ онъ переходъ отъ важнаго чиновника всѣмъ и всѣми недовольнаго, презирающаго и еще больше негодующаго на новыя порядки, къ этому сластолюбивому старику, къ этому красящему свои волосы селадону, у котораго слювки текутъ по губамъ при одномъ воспоминаніи о томъ времени, когда онъ былъ молодъ и когда... а теперь, онъ смотритъ на свою «старую знакомую»—и только. Какъ обидно и какъ не ожесточиться ему на весь свѣтъ. Въ этой небольшой сценѣ, на каждомъ словѣ, каждымъ жестѣ, движеніи, хихиканьи лежитъ печать солиднаго таланта.

Хороша была въ роли Глузовой и г-жа Линская; она какъ нельзя

болѣе вѣрно передала написанную г. Островскимъ роль этой матери— орудія, служащаго «благороднымъ» цѣлямъ ея достойнаго сына. Въ г-жѣ Линской нѣтъ особеннаго разнообразія, но нельзя не сказать для ея защиты и того, что самыя роли, въ которыхъ она является, сами по себѣ однообразны, и въ сходныхъ между собою типахъ ей трудно создавать совершенно различные характеры. Она превосходно поняла, чѣмъ должна быть Глумова, и въ первомъ дѣйствіи съ первыхъ словъ обрисовала свою игрою роль подчиненной сыну, но идущей съ нимъ рука объ руку матери. Однимъ словомъ, все, что могла дать эта роль, г-жа Линская все исполнила такъ, какъ этого только можно желать.

Болѣе благодарная и болѣе интересная роль досталась на долю г-жи Читау, изображавшей свѣтскую, неглупую, большую охотницу до «красивыхъ и молодыхъ мужчинъ», Мамаеву, которая влюблена въ «красиваго и молодого» племянника своего, Глумова. Г-жа Читау, лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, считалась, и далеко не безъ основанія, звѣздою петербургской драматической труппы. Послѣ такого большого промежутка времени, она снова явилась на петербургской сценѣ нѣсколько недѣль тому назадъ, и уже успѣла сыграть въ трехъ пьесахъ, въ «Паутинѣ», г. Манна, въ «Василисѣ Мелентьевой» А. Н. Островскаго, и въ послѣдней его комедіи «На всякаго мудреца довольно простоты». Намъ удалось ее видѣть только въ двухъ послѣднихъ роляхъ, крайне противоположныхъ одна другой. Въ драматической роли Василисы Мелентьевой, мы не станемъ скрывать этого, г-жа Читау произвела на насъ далеко не полное впечатлѣніе. Только въ одной сценѣ, именно послѣдней, когда Василиса достигла уже своей цѣли и сдѣлалась царицей, когда совѣсть мучитъ ее, и она выбѣгаетъ на сцену съ крикомъ, что ее преслѣдуетъ отравленная жена Юанна Грознаго, только въ этой сценѣ г-жа Читау показала, что она обладаетъ дѣйствительнымъ талантомъ. Въ эту минуту она была истинно драматична, она сыграла эту сцену безъ той театральной крикливости, безъ той аффектаціи и безъ той искусственности, на которую такъ легко было бы поддаться въ этой сценѣ неопытной и неталантливой артисткѣ. Но одна сцена на цѣлую роль,—какая бѣдность! Во всемъ остальномъ она хорошо, просто, чтобы не сказать черезчуръ просто, читала стихи г. Островскаго; но игры, живого типа, который можетъ быть не удался и автору, но который артистка, съ большимъ талантомъ, могла бы дополнить, досоздать, — этого и тѣни не было въ выполненіи г-жи Читау. Она не выходила тутъ изъ ряда обыкновенныхъ актрисъ, которыя играли или будутъ еще играть эту роль, а мы именно и надѣялись, думая о ея прошедшей репутаціи, встрѣтить въ ея игрѣ, если не что-нибудь особенное, то, по крайней мѣрѣ, больше жизни и правдивости характера. Роль Мамаевой, въ которой г-жа Читау зви-

лась въ третій разъ, оставила болѣе полное впечатлѣніе, но мы все-таки желаемъ еще надѣяться, что эта заслуженная артистка въ концѣ концовъ одержитъ въ послѣдствіи болѣе рѣшительную побѣду. Можетъ быть, г-жа Читау не напала еще на роль, которая соотвѣтствовала бы вполнѣ настоящему развитію ея таланта, и потому мы можемъ только радоваться, что она пробуетъ себя въ столь различныхъ по характеру пьесахъ. Во всѣхъ сценахъ, гдѣ Мамаева должна была быть просто свѣтской женщиной, кокеткой, любящей «молодыхъ и красивыхъ мужчинъ», г-жа Читау была положительно хороша; но тамъ, гдѣ отъ нея требовалась не то что любовь, нѣтъ, любовь не въ характерѣ Мамаевой, а нѣкоторая сладострастность, чувственность, — въ этихъ мѣстахъ г-жа Читау производила на насъ не совсѣмъ удовлетворительное впечатлѣніе своею холодностью и фальшивою сдержанностью. Точно также въ той сценѣ, гдѣ Мамаева узнаетъ отъ Крутицкаго, что Глумовъ женится, что, слѣдовательно, онъ намѣревается бросить ее, въ г-жѣ Читау далеко не съ достаточною силою отразилось то чувство досады, озлобленія, недовѣрія, всѣ тѣ ощущенія, которыя быстро охватили все ея существо. Недостаточно рельефна вышла у ней и та сцена, когда она вдругъ находитъ дневникъ своего «милаго» и узнаетъ, что онъ ее не любитъ, а просто-на-просто обманываетъ, и дѣйствительно женится на другой. Та злоба, которая вызвала у Мамаевой даже слезы, почти пропала въ игрѣ г-жи Читау. Но за то послѣдующая сцена, когда она объясняется съ Глумовымъ, соображая свою месть, и какъ лучше воспользоваться украденнымъ у него дневникомъ, и во многихъ другихъ, какъ, напр., въ сценѣ ея посѣщенія Крутицкаго, въ ея входѣ, въ первыхъ словахъ въ сценѣ съ матерью Глумова, въ сценѣ съ самимъ Глумовымъ, когда она допытывается отъ него, женится онъ или нѣтъ, и когда она доводитъ его до сознанія, — г-жа Читау была очень хороша; и разумѣется, роль эта никѣмъ другимъ не могла бы быть сыграна такъ, какъ она была сыграна г-жею Читау, которая для русской сцены, при замѣчательномъ отсутствіи хорошихъ актрисъ, играющихъ эти роли, положительно необходима.

Всѣ второстепенныя роли, за исключеніемъ развѣ роли Курчаева, исполненной г. Пронскимъ, обладающимъ непріятною способностью портить свою игрою общее впечатлѣніе всякой пьесы, были исполнены крайне - добросовѣстно, а г. Бурдинъ и г-жа Жулева заслужили даже нѣсколько апплодисментовъ.

Обратимся, въ заключеніи, къ дебютанту, который, какъ мы уже сказали, явился въ первый разъ на петербургской сценѣ, въ очень трудной роли героя новой комедіи г. Островскаго — въ роли Глумова. Легко догадаться, изъ какой школы вышелъ г. Н. Самойловъ, и подъ какимъ вліяніемъ сложился его сценическій талантъ. Има его отвѣчаетъ на этотъ вопросъ вполнѣ ясно. Школою и вліяніемъ могла быть для

него—игра г. Самойлова 1-го. Въ театральной школѣ г. Н. Самойловъ не бывалъ, но это обстоятельство, мы надѣемся, не будетъ ему вѣнено въ преступленіе театральною дирекціею. За то кромѣ школы, которую г. Самойловъ имѣлъ въ своемъ отцѣ, онъ прошелъ еще другого рода школу, школу провинціального театра, гдѣ онъ игралъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, и игралъ, какъ извѣстно, съ большимъ успѣхомъ: въ публикѣ Нижняго-Новгорода онъ оставилъ по себѣ особенно-добрую память. Вліянія этихъ двухъ школъ сказались тотчасъ же, какъ только вышелъ на петербургскую сцену г. Н. Самойловъ. Съ одной стороны, трудно было не замѣтить въ немъ большой привычки къ театральнымъ подмосткамъ, которая съ первой же минуты сдѣлала его игру вполнѣ развязною, съ другой — всякій узналъ бы въ немъ, не зная даже имени, по его манерамъ, пріемамъ, жестамъ и голосу, сына г. Самойлова 1-го. Разумѣется, крайне трудно, чтобы не сказать невозможно, оцѣнить съ полною справедливостію общую игру артиста послѣ одной только роли. Къ сожалѣнію, мы не видѣли г. Н. Самойлова въ другой игранный имъ уже роль, и также въ пьесѣ г. Островскаго — «Пучинѣ», но мы надѣемся, во-первыхъ, что онъ будетъ дебютировать, по крайней мѣрѣ, еще разъ, а во-вторыхъ, что дирекція императорскихъ театровъ не останется совершенно глуха къ голосу публики, которая три раза уже произнесла свое мнѣніе надъ игрою г. Самойлова, покрывая ее горячими рукоплесканіями. Первое, что поражаетъ въ игрѣ г. Самойлова 2-го—это большая простота и полное отсутствіе того, что называется «бить на эффектъ». Онъ не дѣлаетъ никакой натяжки своему голосу, онъ не рассчитываетъ вызвать аплодисменты, поднимая его тонъ, въ немъ нѣтъ ни аффектаціи, ни еще болѣе ужасной крикливости. Голосъ его всегда, по крайней мѣрѣ, въ роли Глумова, остается спокоенъ, ровень и даже мѣстами, можетъ быть, слишкомъ ровень. Обладая органомъ своего отца, онъ конечно далеко еще не умѣетъ такъ владѣть имъ, онъ недостаточно отгнѣняетъ его, недостаточно варьировуетъ, что можно было бы замѣтить въ первомъ же дѣйствіи во время той сцены, когда Глумовъ бесѣдуетъ съ своимъ дядею и произноситъ: «Я глупъ». Тутъ, такъ по крайней мѣрѣ намъ показалось, простота г. Самойлова перешла границы возможной на театрѣ простоты, и въ ней звучала какъ будто бы заученная нота. Во всѣхъ остальныхъ сценахъ перваго дѣйствія, г. Самойловъ былъ очень хорошъ, и мы не станемъ отыскивать недостатковъ тамъ, гдѣ они сами не бросаются въ глаза. Во второмъ дѣйствіи г. Самойловъ былъ одинаково хорошъ, какъ и въ первомъ; но тутъ въ двухъ, трехъ сценахъ роль представляла необычайныя трудности, побѣдить которыя могъ только крайне опытный и необычайно талантливый, актеръ. Н. Самойловъ въ двухъ сценахъ 2-го дѣйствія, въ объясненіи съ Городулинымъ и въ сценѣ объясненія въ

любви съ Мамаевой, сдѣлалъ все, что требовала роль Глумова, написанная г. Островскимъ, и для первыхъ дебютовъ ничто не можетъ требовать больше даже отъ весьма опытнаго артиста. Эти обѣ сцены, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удались г. Островскому, и насъ особенно неприятно поразили тотъ быстрый, совершенно неприготовленный переходъ, который совершается въ раболѣпномъ къ высшимъ міра сего Глумовѣ при его встрѣчѣ съ важнымъ чиновникомъ Городулинымъ. Глумовъ могъ замѣтить либерализмъ Городулина, онъ могъ даже прежде знать о немъ, или слышать, но при первой встрѣчѣ Глумовъ, какъ умный человѣкъ, обязанъ былъ своимъ умомъ провѣрить либерализмъ Городулина и потомъ уже обращаться съ нимъ за панибрата. Въ самой роли тутъ есть недодѣланность, и эту недодѣланность обнаружилъ и г. Н. Самойловъ, оставаясь слишкомъ вѣрнымъ автору новой комедіи. Но сценическое искусство потому-то и есть искусство, что оно требуетъ отъ артиста не только выполненія извѣстной роли, но даже и «досозданія» ея тогда, когда въ роли существуетъ неполнота, неровность. Г. Самойловъ вѣрно передалъ Глумова г. Островскаго, и это уже заслуживаетъ полной похвалы, но къ этому Глумову онъ не прибавилъ ничего своего, онъ не дополнилъ его своимъ творчествомъ, онъ не ступилъ его неровность, не сдѣлалъ въ этихъ мѣстахъ болѣе цѣльнымъ характеръ Глумова, какъ можетъ быть сдѣлалъ бы г. Самойловъ, если бы въ эту минуту талантъ его уже достигъ той степени развитія, на которой напр. стоитъ г. Самойловъ 1-й. Точно также въ той сценѣ, когда онъ, Глумовъ, ничтожный человѣкъ передъ тѣми, которые выше его, рѣшается сдѣлать Мамаевой признаніе въ любви, и произносить: «Васъ люблю»,—мы бы желали, чтобы въ этомъ признаніи Глумова обнаружилось болѣе страсти, необходимой и для того, чтобы объяснить его рѣшительность, и еще болѣе для того, чтобы неглупая Мамаева въ самомъ дѣлѣ повѣрила ему. Во всей остальной роли мы сдѣлаемъ ему только еще одинъ упрекъ, именно за тотъ небольшой монологъ, за ту минутную сцену, когда Глумовъ замѣчаетъ, что у него украли дневникъ. Въ этомъ мѣстѣ игра г. Самойлова показалась намъ нѣсколько сухою, въ ней не было достаточно жизни, но и тутъ вина падаетъ только вполнину на г. Самойлова, другую же половину долженъ принять на себя г. Островскій, написавшій и въ психологическомъ и въ сценическомъ отношеніи не совсѣмъ удачный монологъ. Все остальное въ четвертомъ актѣ, сцена съ Крутицкимъ, всѣ сцены съ Мамаевой, съ продажнымъ писакой Голутвиновымъ были исполнены г. Самойловымъ какъ нельзя болѣе удачно. Но что болѣе всего заслуживаетъ похвалы—это исполненіе пятаго акта, который могъ превратиться для г. Самойлова въ настоящій подводный камень, и отъ котораго онъ спасся съ такимъ полнымъ успѣхомъ, который не позволяетъ сомнѣваться въ талантѣ молодого дебютанта. Эта длинная тирада, обращенная поочередно по-

что ко всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ, давала такой отличный поводъ г. Самойлову скатиться въ общую яму рутинны, такъ легко ему было броситься въ вызывающіе рукоплесканія крики, въ самое отчаянное размахиванье руками, и такимъ образомъ испортить вполне хорошо сыгранную роль, что мы еще болѣе оцѣнили ту простоту и естественность, которая лежитъ краеугольнымъ камнемъ въ его игрѣ, и при помощи которой такъ легко таланту двигаться впередъ и впередъ на пути сценическаго искусства.

Подводя общій итогъ игрѣ г. Н. Самойлова, мы можемъ сказать, что игра его очень умна и доказываетъ въ молодомъ артистѣ дѣйствительно художественное пониманіе. Роль Глумова должна была убѣдить всякого, кто только далъ себѣ трудъ отправиться на одинъ изъ дебютовъ г. Самойлова 2-го, что онъ обладаетъ положительнымъ талантомъ, степень котораго мы, разумѣется, послѣ одной нами видѣнной роли, еще не беремся точно опредѣлить, но въ настоящемъ случаѣ важно то, что для публики, присутствовавшей на дебютѣ, талантъ въ Самойловѣ-сынѣ не подлежитъ сомнѣнію.

Мы надѣемся потому, что тѣ, отъ которыхъ зависитъ пріемъ на сцену г. Н. Самойлова, видѣвъ его въ двухъ, столь противоположныхъ роляхъ, убѣдились, что не нужно выйти изъ нѣдръ Театральнаго Училища, чтобы быть хорошимъ артистомъ; можетъ быть, при этомъ допущена будетъ и та мысль, что гораздо лучше расходовать деньги, собираемая съ публики, на тѣхъ, которые въ самомъ дѣлѣ могутъ принести пользу русскому театру, нежели на ту массу патентованныхъ актеровъ, которые поставляются Театральнымъ Училищемъ.

В. Т.

КРИТИКА РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Iwan Turgenjew, von Julian Schmidt. Preussische Jahrbücher. Band XXII. 1868.

Мнѣніе критика объ иностранномъ писателѣ, языка котораго онъ не знаетъ, съ которымъ знакомъ только по эстампу перевода, лишенному, конечно, колорита подлинника, не можетъ быть основано на вполнѣ вѣрномъ анализѣ. Въ условіяхъ, опредѣляющихъ національный духъ есть много такого, что совершенно ускользаетъ отъ заочнаго свидѣтеля, то-есть отъ человѣка, знакомаго съ бытомъ народа только по описаніямъ. Едва ли нужно доказывать, что бытъ русскаго народа, духъ русскаго общества, такъ сказать, мысль русскаго ландшафта менѣе доступны изученію иностранца, чѣмъ мѣстныя условія какой либо другой европейской страны. На это есть историческія, слишкомъ хорошо извѣстныя причины. Исторія воспитала насъ иначе, чѣмъ западную Европу; географическія условія также совсѣмъ оригинальны, и вліяніе ихъ можетъ быть повятно скорѣе жителю западныхъ территорій Сѣвероамериканскаго Союза, чѣмъ европейцу.

Но, если анализъ, на которомъ европейскій критикъ можетъ опираться свое мнѣніе о русскихъ дѣлахъ и людяхъ и картинахъ русскаго быта, не можетъ быть столь точенъ, какъ анализъ критики отечественной, зато логическая операція, которая состоитъ именно въ выводѣ изъ фактовъ общей идеи, едва ли не будетъ благонадежнѣе у критика иностраннаго, чѣмъ у отечественнаго критика, по отношенію къ произведеніямъ русской мысли, русскаго искусства. Русскій критикъ, стоя вблизи фактовъ изображенныхъ художникомъ, непременно относится къ нему субъективно, съ личнымъ сочувствіемъ или несочувствіемъ, смотря по тому, совпадаютъ ли или несовпадаютъ углы воззрѣнія критика и писателя. Эта субъективность неизбѣжна, и объ истекающемъ отсюда пристрастіи едва ли слѣдуетъ сожалѣть. Дѣло въ томъ, что критика отечественная имѣетъ обязанность выше одной безусловной справедливости къ писателю; скажемъ также, что безусловная справедливость совершенно невозможна тамъ, гдѣ цѣль критики прежде всего—общественное воспитаніе.

Иностранннй критикъ не имѣетъ въ виду такой цѣли или, по крайней мѣрѣ, не подчиняетъ ей своего приговора надъ достоинствами

писателя, насколько могъ узнать ихъ. Анализъ его не такъ точенъ, но на синтетическое отправленіе его ума можно гораздо болѣе положиться; а вѣдь и это обстоятельство очень важно, когда хочешь провѣрить собственный свой взглядъ на безусловныя достоинства того или другого писателя, дать себѣ отчетъ, какое мѣсто можетъ онъ занять современемъ въ общности литературы, когда уже свершается давность надъ временными условіями, «преходящими», «облегчающими» и «отягощающими» обстоятельствами. Иностраннй критикъ—это для писателя первый представитель потомства. Вѣдь и послѣдній будетъ произносить приговоръ гораздо съ большею холодною и съ меньшимъ знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ того времени, среди котораго работалъ писатель.

Русскимъ читателямъ интересно будетъ знать мнѣніе наиболѣе популярнаго изъ современныхъ нѣмецкихъ критиковъ, Юліана Шмидта объ одномъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ писателей современной Россіи, а именно о томъ, котораго произведенія вызывали въ критикѣ отечественной наиболѣе разногласія—о И. С. Тургеневѣ.

Юліанъ Шмидтъ, вотъ уже двадцать лѣтъ, господствуетъ въ нѣмецкой критикѣ, и хотя это господство, конечно, подвергалось не разъ опасности ниспроверженія, однако удержалось до сихъ поръ настолько, что за нимъ остается въ нѣмецкой критикѣ первенствующее мѣсто. Онъ не только критикъ, но и историкъ литературы. Его «Исторія романтики во времена революціи и реставраціи» (1847 г.), «Исторія нѣмецкой національной литературы въ XIX столѣтіи» (1853 г.), которая впоследствии была дополнена и вышла подъ названіемъ «Исторія нѣмецкой національной литературы послѣ смерти Лессинга», «Исторія французской литературы и времени революціи» (1857 г.), «Шиллеръ и его современники» (1859 г.), хотя и не могутъ быть признаны монументальными критическими твореніями, такими, которыя открываютъ въ литературѣ новый періодъ, и не всѣ даже въ равной степени примѣчательны въ ученѣмъ отношеніи—отличаются трезвостью взгляда и большою, если можно такъ выразиться «диагностическою» способностью. Шмидтъ отлично видитъ именно природу писателя и искусно раскрываетъ главныя его слабости.

Что политическій кругозоръ его не обширенъ, что онъ, какъ общественный дѣятель, далеко не всегда согласенъ самъ съ собою, всѣ эти свойства, которыя объясняютъ именно, почему онъ самъ на ходъ литературы большого вліянія не имѣлъ—для насъ неважны. Намъ важна именно его наблюдательность и трезвость мысли, потому что мы беремъ у него оцѣнку безотносительныхъ достоинствъ замѣчательной русской литературной личности.

Въ характеристикѣ писателей Ю. Шмидтъ необыкновенно-искусенъ. Извѣстный французскій критикъ «Revue des deux Mondes», Сен-Ренѣ-

Талландьё, который много сдѣлалъ для ознакомленія французовъ съ современнымъ теченіемъ умственной жизни Германіи—дѣлалъ свои фотографическіе снимки прямо съ тѣхъ портретовъ, которые нарисовалъ Ю. Шмидтъ, причемъ, довольно безцеремонно, большею частью не упоминая объ оригиналѣ.

Изъ того, что мы сказали о діагностической способности нѣмецкаго критика, слѣдуетъ, что отзывъ Ю. Шмидта можетъ имѣть значеніе для оцѣнки именно безотносительнаго достоинства нашего писателя-художника.

Свѣдѣнія о самомъ Шмидтѣ мы должны дополнить еще указаніемъ на то опредѣленное направленіе, котораго онъ держится. Это направленіе — *реализмъ*, но не реализмъ въ новѣйшемъ смыслѣ слова, представляющемъ извѣстную цѣльность философскаго мировоззрѣнія и политическихъ стремленій, а реализмъ собственно литературный, отрицаніе въ литературѣ преувеличеній, искусственности, фальши. Въ такомъ видѣ появился реализмъ въ тридцатыхъ годахъ, какъ реакція противъ романтизма. И вотъ Ю. Шмидтъ — одинъ изъ дѣятельныхъ представителей этого отрицательнаго реализма, хотя и явился по времени уже только продолжателемъ этого направленія, возникшаго ранее начала его литературной дѣятельности.

Изъ писателей современной Германіи, рядомъ съ Ю. Шмидтомъ, — критикомъ, мы поставимъ Густава Фрейтага, — романиста. Одинъ въ критикѣ, другой въ творчествѣ они — представители такъ-называемаго средняго сословія, *des deutschen Bürgerthums*, съ его хорошими качествами: трезвостью мысли, уваженіемъ къ труду, глубокимъ чувствомъ долга, и недостатками — узкостью политическаго взгляда, миниатюрностью идеаловъ, склонностью къ самодовольству, исключительностью.

Представивъ характеристику самого критика, изложимъ теперь его отзывъ о нашемъ писателѣ; само собою разумѣется, что тутъ наша оцѣнка безусловно кончается, такъ какъ цѣль этой замѣтки не дать *наше* мнѣніе о творчествѣ Тургенева, а познакомить со взглядомъ на нее наиболѣе авторитетнаго современнаго нѣмецкаго критика.

Говорить объ одномъ изъ народныхъ современныхъ писателей нельзя, не касаясь, по крайней мѣрѣ, самаго крупнаго изъ современныхъ явленій въ жизни этого народа. Ю. Шмидтъ касается освобожденія крестьянъ, и главную заслугу литературной дѣятельности Тургенева видитъ въ томъ, что онъ изобразилъ, что такое была у насъ неволя. «Плачевную судьбу невольниковъ - негровъ — говоритъ онъ — всѣ знали уже вѣка, изъ сильно-набросанныхъ разсказовъ, о Россіи же знали мало. Повѣсть передъ современностью и передъ потомствомъ о томъ, что называется крѣпостнымъ правомъ — вотъ историческая заслуга Ивана Тургенева». — «Сѣверо-американскіе аболиціонисты изображали съ большою полнотою тѣ муки, которымъ подвергали рабовъ

злѣбные плантаторы; они старались указать услугу своему дѣлу, облекая жертвы сіяніемъ чистѣйшей добродѣтели. Въ книгѣ, которую много читали въ послѣдніе 10 лѣтъ, «Дядя Томъ», негрѣ-невольникѣ былъ поставленъ на такую высоту благородства, что..... Ничего въ родѣ этихъ иллюзіи нѣтъ у Тургенева. Онъ просто показываетъ, но показываетъ съ страшною правдою, какъ рабство развращаетъ всѣхъ, и господъ и подвластныхъ имъ людей. И прирожденное добродушіе не предохраняетъ отъ самыхъ дурныхъ дѣйствій въ этомъ состояніи безправія, и природная энергія парализуется при тѣхъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ все бездѣльнымъ».

О личномъ отношеніи Тургенева къ картинамъ, которыя онъ рисуетъ, Ю. Шмидтъ замѣчаетъ:—«Совершенно непонятно, какъ могъ одинъ французскій критикъ утверждать, что самъ Тургеневъ остается нейтральнымъ въ этомъ дѣлѣ, ограничивается объективнымъ, безпристрастнымъ изображеніемъ его. Тургеневъ, правда, не пускается въ риторство; выраженіе его остается трезво даже тогда, когда онъ рассказываетъ самыя ужасныя вещи; но именно въ этомъ трезвомъ выставленіи фактовъ во всей ихъ наготѣ и чувствуется, что у повѣствователя кипитъ кровь».

Изъ картинъ русскаго быта, при существованіи крѣпостного права, Ю. Шмидтъ по природѣ своей вѣрно схватилъ двѣ главныя черты тогдашняго положенія: громадную, бесплодную трату силъ и отупѣніе, какъ необходимое послѣдствіе крѣпостного права, и безвыходность этого положенія, требовавшего толчка извнѣ. «Изъ картинъ этихъ уясняется, что освобожденіе могло быть осуществлено только государственною волею, силою. Извнутри не были возможны ни реформы, ни насильственный переворотъ».

Приведемъ еще нѣсколько словъ нѣмецкаго критика о томъ же предметѣ. «Освобожденіе крѣпостныхъ—говоритъ онъ—не только требовалось закономъ нравственности, но и было необходимою экономическою. Въ крѣпостномъ состояніи заключалась такая трата силъ, хуже которой нельзя себѣ представить. Конечно, обстоятельства не поправятся вдругъ: грѣхи отцовъ отзываются на дѣтяхъ». Взглядъ нѣмецкаго публициста чрезвычайно вѣренъ; не мѣшало бы и намъ помнить, что если крестьянское самоуправленіе и свобода доставляютъ поводъ къ сѣтованіямъ, то не по неспособности крестьянъ къ свободѣ, а потому что «грѣхи отцовъ отзываются на дѣтяхъ».

Переходя къ оцѣнкѣ литературныхъ достоинствъ нашего писателя, Ю. Шмидтъ прежде всего дѣлаетъ такое замѣчаніе:

«Затруднительность вѣрной оцѣнки иностраннаго писателя въ настоящемъ случаѣ отчасти уменьшается тѣмъ, что талантъ Тургенева выражается очень рельефно, и что связи его съ новѣйшею нѣмецкою и французскою литературою, повидимому, почти тѣснѣе, чѣмъ съ чисто-русскою,

хотя матеріалъ его повѣстей заимствованъ почти исключительно изъ русской жизни. Впрочемъ, обѣ эти стороны присущи русской литературѣ вообще. Пушкинъ, первый значительный поэтъ новѣйшей Россіи, въ настроеніи своемъ, во всемъ идеальномъ процессѣ своихъ мыслей и ощущеній слѣдовалъ по дорогѣ Байрона; между тѣмъ изложеніе его основывалось на внимательномъ и усиленномъ наблюденіи русской жизни. Вся русская литература сохранила этотъ характеръ реализма. Почти безъ исключеній, вся она, рядомъ съ цѣлью идеальною, ставитъ себѣ цѣль практическую, хочетъ содѣйствовать къ улучшенію положенія дѣлъ, и для этого начать съ изображенія ихъ именно такими, какъ они есть. Наблюдательность глазъ для подробностей дѣйствительной жизни въ русскихъ писателяхъ развита, какъ кажется, сильнѣе, чѣмъ у нашихъ нувеллистовъ.

«Въ поэтической силѣ Тургеневъ не уступаетъ никому изъ живущихъ нынѣ писателей всей Европы. Впрочемъ великая поэтическая сила еще не дѣлаетъ великаго поэта. Современникамъ трудно рѣшить, какое значеніе будетъ имѣть такой-то поэтъ въ всесвѣтной литературѣ; здѣсь много зависитъ отъ качества того матеріала, который былъ данъ ему въ нравственномъ и умственномъ воспитаніи его народа. Но собственно сила таланта подлежитъ измѣренію, и о Тургеневѣ надо сказать, что чѣмъ болѣе вчитываешься въ его произведенія, тѣмъ болѣе чувствуешь удивленія къ его художественной индивидуальности и къ его техникѣ, при чемъ, разумѣется, видишь ярко и предѣлы его силъ».

Ю. Шмидтъ говоритъ затѣмъ, что Тургеневъ, по самому характеру,—принадлежитъ къ писателямъ *новаго времени*. Особенность этого времени заключается въ томъ, что онъ недовольствуется простымъ интересомъ разсказа, а ищетъ въ разсказѣ въ томъ или другомъ видѣ постановки вопроса объ отношеніи идеальнаго къ природѣ. «Въ малѣйшей повѣсти непременно есть задача; авторъ старается для даннаго случая открыть общій законъ природы, законъ душевныхъ движеній. Древнимъ не была извѣстна обусловленность индивидуальнаго духа природою, а ихъ поэты отбрасывали это отношеніе въ сторону, и только великое философское движеніе обонхъ послѣднихъ столѣтій принудило художника такъ или иначе раздѣлываться съ рѣшеніемъ этой задачи... Въ прежнія времена на природу смотрѣли какъ на нѣчто чуждое, но дружились съ ней: она иногда являлась неблагосклонною, но человекъ останавливался на ея хорошихъ сторонахъ и наслаждался ими. Теперь мы сознаемъ, что составляемъ съ ней одно цѣлое, мы проникаемся ею, но зато теперь чуждое начало какъ будто закралось въ собственную нашу грудь, точно какой-то демонъ овладѣлъ нами; и вотъ намъ интимнѣйшая наша собственная жизнь пред-

ставляется какъ нѣчто непонятное, и, какъ все безусловно непонятное, заключаетъ въ себѣ элементъ ужаса.

«Такою мы ощущаемъ природу у Тургенева, самаго современнаго изъ всѣхъ поэтовъ; такъ ощущаетъ ее Шопенгауэръ, самый современный изъ философовъ. И для него природа не есть то, чѣмъ она представлялась Шеллингу—не есть идея; у него крѣпко сознание дѣйствительной жизни природы, животныхъ, растений, минераловъ; но эта жизнь природы въ душѣ его отзывается такими волнами звуковъ, что онъ теряетъ свою личную цѣльность; и вотъ ему жизнь высшая, свобода личная представляются какъ аномалія посреди природы, представляется ему чѣмъ-то такъ неподходящимъ къ общимъ законамъ міра, что онъ торопится сбросить съ себя это нѣчто, чтобы найти покой.»

«Даже въ тѣхъ повѣстяхъ Тургенева, въ которыхъ легко рассказано какое-нибудь чудесно-странное происшествіе, въ гофмановомъ родѣ, а отысканіе связи и рѣшеніе загадки предоставляются самому читателю, — рассказъ служитъ только нитью для изображенія какого-нибудь *природнаго настроенія*. Но, не смотря на такое преобладаніе «настроенія», нашъ художникъ никогда не теряетъ здраваго смысла, и сравнивая его съ Тикомъ и Жан-Полемъ, Ю. Шмидтъ замѣчаетъ, что они тоже ощущали общее могущество природы, сознавали его на себѣ, но природы не знали: они «среди природы гуляли, Тургеневъ охотился». Это очень удачное замѣчаніе критикъ развиваетъ, описывая съ большимъ увлеченіемъ и полною вѣрностью, какъ у Тургенева проявляется знакомство съ природою, съ каждымъ шумомъ, звукомъ, который возникаетъ въ лѣсу, съ птицами и звѣрями, его умѣнье рисовать полуживотныхъ, получеловѣчныхъ фигуры, вызывать эффекты громадности простымъ троекратнымъ ослабленіемъ переключковъ, и т. п. Ссылки на отдѣльные сочиненія, при общей характеристикѣ Тургенева, мы конечно пропускаемъ. «Субъективное, какъ бы мнѳологическое настроеніе — говоритъ Шмидтъ — отличаетъ ландшафты Тургенева отъ ландшафтовъ Вальтеръ-Скотта, который въ своемъ родѣ тоже великій художникъ». О «Запискахъ охотника» нѣмецкій критикъ замѣчаетъ, что они также характеризуютъ талантъ Тургенева, какъ «Лондонскіе эскизы» характеризуютъ Диккенса.

Напомнимъ, что въ старину въ бельетристикѣ не существовало типовъ личныхъ, а только формы или образцы, въ которые вливались избранныя личности, и что Вальтеръ-Скоттъ первый занялся старательнымъ описаніемъ своихъ фигуръ, но дѣлалъ это больше механически, и что Бальзакъ первый сталъ писать красками портреты своихъ дѣйствующихъ лицъ. — Ю. Шмидтъ относитъ въ этомъ смыслѣ и Тургенева къ французской школѣ, къ школѣ Бальзака, съ слѣдующею, однако, оговоркою: «Ошибка Бальзака, въ большинствѣ случаевъ, состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ старается; онъ растираетъ свои

краски на глазахъ у читателя и ослабляетъ впечатлѣвіе такою механическою работою. Сверхъ того, у него подъ оттѣнками портретовъ почти исчезаетъ рисунокъ, твердое очертаніе. Тургеневъ отличается отъ своего образца тѣмъ, что, какъ истинный художникъ, употребляетъ матеріальныя средства очень бережливо. Онъ выбираетъ одинъ рѣшительный шагъ, когда лицо выказывается въ истинномъ своемъ значеніи и на этотъ-то моментъ онъ и бросаетъ ясный, отвѣсный свѣтъ. Такъ рисовалъ свои портреты живописецъ англійской аристократіи, сэръ Джонъ Лоуренсъ. Тургеневъ отличается отъ Бальзака тѣмъ, что не обращается къ микроскопу, а смотритъ на предметы въ естественномъ разстояніи; живыя картины онъ не прикрѣпляетъ искусственно, для удобнѣйшаго наблюденія.

Ю. Шмидтъ указываетъ на увлекательность женскихъ типовъ у Тургенева, и не малую долю этого дѣйствія ихъ видитъ въ ихъ загадочности. Въ числѣ примѣровъ. онъ ссылается на Ирину (въ «Дымѣ»), которая, по его мнѣнію, быть можетъ самый прелестный изъ этихъ типовъ. Ея стремленіе насладиться и благами свѣта и чувствомъ истинной любви и ея колебаніе въ выборѣ—онъ находитъ естественными. Ему кажется естественно и то, что она, не смотря на нравственный недостатокъ, успѣваетъ покорить себѣ и лучшихъ людей. «Вымыселъ—говоритъ онъ—часто кажется слишкомъ страннымъ, а между тѣмъ дѣйствительность иногда идетъ дальше его; стоить прочесть послѣднее извѣстіе о Лассалѣ». Здѣсь Ю. Шмидтъ намекаетъ на то, что Ферд. Лассаль палъ жертвою любви къ женщинѣ его недостойной. Что Ю. Шмидтъ, такимъ образомъ, указываетъ на Лассала, какъ на одного изъ лучшихъ людей, дѣлаетъ большую честь самому Шмидту, котораго Лассаль жестоко казнилъ какъ публициста. Видно, литературные нравы не *вездѣ* одинаковы.

Что Тургеневъ въ любви не находитъ взаимнаго равенства, а почти всегда деспота и угнетеннаго, что онъ относится съ недоумѣніемъ къ той юстиціи, которая сказывается въ возмездіи представляемомъ жизнью, это Ю. Шмидтъ, разумѣется, называетъ пессимизмомъ.

Разбирая отдѣльныя произведенія нашего бельетриста, Ю. Шмидтъ заключаетъ по нимъ о нашей жизни такъ: «Основнымъ зломъ въ современной русской жизни оказывается то, что стремленіе отдѣльныхъ лицъ къ нравственной выработкѣ не совпадаетъ съ дѣйствительною жизнью всего русскаго общества».

Замѣчательно, что типъ Базарова вовсе не внушаетъ нѣмецкому критику тѣхъ чувствъ, которыя онъ, правда, подъ вліяніемъ мѣстныхъ, временныхъ обстоятельствъ, вызвалъ въ части нашей печати. Онъ отзывается о характерѣ Базарова, такъ какъ онъ представленъ, съ полнымъ уваженіемъ и не видитъ въ немъ никакого каррикатурнаго намѣренія. Онъ говоритъ, что истинные нигилисты—романтики и меч-

татели, а въ Базаровѣ видить чловѣка трезваго, очищающаго поле. «Когда онъ является грубѣе, и не боится доходить до абсурда—говорить Ю. Шмидтъ—то надо оказать ему помощь и стараться проникнуть въ его настоящую мысль. *На все есть свое время.* Когда тамъ, гдѣ нужно точное наблюденіе, люди засматриваются на луну, то вполне естественно, что не только лунная мечтательность, но и сама луна подвергнутся осмѣянію. Придетъ еще время и для романтики, и для луны; но когда надо браться за работу, то они не у жѣста».

Вотъ еще одинъ отзывъ Шмидта о той сторонѣ «Дыма», которая у насъ возбудила вопли людей, полагающихъ, что служеніе своему отечеству состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы постоянно носить патріотическій мундиръ и держать его застегнутымъ на всѣ крючки:—«Иъза самыхъ жесткихъ приговоровъ, прозносимыхъ Тургеневымъ о его отечествѣ, видна тайная любовь. Что положеніе худо—это онъ видитъ ясно; но когда онъ говоритъ, что не откуда взяться помощи, то разумѣеть въ сущности только, что самъ помочь не можетъ, не можетъ содѣйствовать къ поправленію дѣла. Онъ самъ не захотѣлъ оставаться въ Россіи, какъ она есть до сихъ поръ; но, не смотря на привлекательность кружка, въ которомъ онъ живетъ теперь, ему не избѣгнуть по временамъ чувства, что все-таки не тутъ его родина. И, разумѣется, чувство это соединяется со злобою, съ тою злобою, какую мы такъ часто встрѣчали въ честнѣйшихъ сердцахъ и лучшихъ головахъ нашихъ, германскихъ переселенцахъ».

Вслѣдъ за тѣмъ, Ю. Шмидтъ замѣчаетъ, впрочемъ, что трудно сознавать и оцѣнивать по достоинству въ ея цѣлости ту несознательную самую себѣ, но существенную жизнь націи, которая, при какомъ-нибудь сильномъ возбужденіи, можетъ вдругъ проявить силу, находившуюся дотолѣ въ усыпленіи. «Такая, усыпленная, сила Россіи однажды уже проявилась внезапно въ размѣрахъ великаго образа Петра».

п. л.

КРИТИКА

И

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОЯБРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета. Воспоминанія *проф. Роммеля* о своемъ времени, о Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. 1868.

Эта небольшая книжка представляетъ интересное и отрадное явленіе въ нашей заглохшей провинціальной литературѣ. Исторія Харьковскаго университета до сихъ поръ была почти не разработана. Относящіяся сюда официальныя изданія чрезвычайно скудны матеріалами и непривлекательны для чтенія. Никто изъ первыхъ студентовъ, бывшихъ свидѣтелями основанія университета, не оставилъ по себѣ записокъ, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть достовѣрныя свѣдѣнія о первыхъ дѣятеляхъ русскаго просвѣщенія на Украинѣ. Заслуги этихъ людей извѣстны только по преданію. Къ счастью, одному изъ нѣмецкихъ ученыхъ, вызванныхъ въ Харьковъ въ 1807 году, профессору классической филологіи Роммелю, пришлось въ голову напечатать за границею свои воспоминанія о Россіи. Они появились первоначально въ историческомъ сборникѣ *Былау*

(*Geheime Geschichten, etc.*), за 1854 г., потомъ были переведены на русскій языкъ Я. О. Баяснымъ, бібліотекаремъ Харьковскаго университета, и наконецъ вышли отдѣльною книгою. Г. Баясный прибавилъ къ тексту Роммеля нѣсколько замѣтокъ и дополненій, а въ предисловіи вѣрно опредѣлилъ характеръ его воспоминаній. «Въ этихъ запискахъ, говоритъ переводчикъ, представленъ замѣчательный, хотя небольшой, періодъ изъ жизни Харьковскаго университета. Какъ дѣятель, сильно сочувствующій всѣмъ интересамъ своего времени и своего круга, Роммель возстановляетъ передъ нами живой образъ прошлаго. Изъ его простого и откровеннаго разсказа видно, что онъ не увлеченъ ни духомъ партіи, ни личнымъ пристрастіемъ. Онъ глубоко правдивъ. Рѣзко, но безъ желчи выставляетъ онъ дурныя стороны людей и отдаетъ полную справедливость, даже тѣмъ лицамъ, которыя ему несовсѣмъ по сердцу». Изъ семи главъ воспоминаній, три (стр. 48—98), самыя любопытныя, посвящены описанію харьковскаго общества и университета (1811—1814); двѣ — путешествію по Россіи,

остальныя двѣ, переданныя переводчикомъ вратцѣ, касаются жизни автора въ Германіи.

Роммель принадлежитъ къ числу иностранныхъ профессоровъ *перваго вызова*; между ними было много людей, извѣстныхъ на западѣ своими учеными трудами. Они составили въ Россіи какъ бы привилегированную коловію и, слѣдовательно, возбудили противъ себя недоброжелательство, такъ-называемой, русской партіи. Къ сожалѣнію, эта партія, при своемъ наружномъ и словесномъ патриотизмѣ, не отличалась безкорыстіемъ. По крайней мѣрѣ, представители ея въ университетѣ охотно обкрадывали казну и брали взятки. Между ними особенно дурная слава ходила про Успенскаго, профессора русской исторіи изъ семинаристовъ, автора сочиненія о древностяхъ русскихъ. Роммель изображаетъ его крочкомъ. — «По должности синдика онъ умѣлъ толковать указы вкривь и вкосъ, и подъ маскою угодливости скрывалъ огромное честолюбіе». «Всѣ эти господа—прибавляетъ Роммель—отличались большимъ притворствомъ и хитростью. Въ заведеніяхъ совѣта хладнокровно и зорко слѣдили они за ходомъ споровъ, ловили каждое слово иностранцевъ, не всегда разборчивыхъ на выраженія, и умѣли пользоваться минутою, когда кто-нибудь изъ нихъ въ пылу спора увлекался открытымъ, безразсчетнымъ выраженіемъ своего мнѣнія. Такіе случаи были торжествомъ для нашихъ ученыхъ-подъячихъ. Тотчасъ же изъ ихъ фаланги поднимался голосъ: въ протоколъ записать! довести до свѣдѣнія начальства! Всегдашнюю ихъ тактику было — представить неосторожнаго вольнодумцемъ, врагомъ порядка и отечества. И это называли они — слугить вѣроу и правдоу».

Впрочемъ, до отъѣзда Роммеля изъ Харькова, эти происки не имѣли успѣха. Большинство въ совѣтѣ находилось на сторонѣ людей, нерасположенныхъ къ доносамъ; казначейская должность, въ видахъ общей безопасности, поручалась нѣмцу. Преслѣдованія профессоровъ за вредный образъ мыслей начались послѣ, во вторую половину царствованія Александра I. Тогда же обнаружилось во всей силѣ взяточничество *благонамѣренной* партіи. Первою жертвою клеветы былъ извѣстный преподаватель философіи *Шадъ*. Товарищи особенно его ненавидѣли: «держа оппозицію противъ старыхъ русскихъ, онъ давалъ слишкомъ много воли

своему языку и однажды до того забылся въ совѣтѣ, что сказалъ: «вы всѣ холопы!» Къ нему придрались за книгу о естественномъ правѣ и нашли въ ней атеизмъ, хотя на самомъ дѣлѣ она была написана подъ влияніемъ Шеллинга. Несчастный Шадъ былъ схваченъ, высланъ за границу (1817) и кончилъ жизнь свою въ горькой нищетѣ.

Вообще, съ выходомъ въ отставку перваго попечителя Северина-Потоцкаго (1804—1814), Харьковскій университетъ лишился не только вѣншей защиты, но и внутренняго спокойствія. Жаль, что Роммель сообщаетъ мало свѣдѣній объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ: его безкорыстная дѣятельность на пользу русскаго просвѣщенія заслуживаетъ вѣчной памяти и признательности. Преданіе говоритъ о немъ, какъ объ истинномъ основателѣ и благодѣтелѣ университета. Такіе попечители во всѣ времена рѣдки. Ему не приходило въ голову вытѣшиваться во внутреннія распоряженія совѣта, стѣснять независимость выборнаго ректора или показывать свою силу надъ студентами. Находясь большею частью въ Петербургѣ, при Главномъ правленіи училищъ, онъ не былъ докучливымъ жильцомъ университета, а пріѣзжалъ въ Харьковъ желаннымъ гостемъ; чтобы трудиться безъ шума надъ устройствомъ кабинетовъ и библіотеки, посѣтить гимназій и училища, познакомиться съ нуждами края — и помочь просвѣщенію сильнымъ словомъ или добрымъ дѣломъ. Потоцкій не переставалъ заботиться объ университетѣ и во время своихъ поѣздокъ за границу. Черезъ него именно шли отъ министерства приглашенія иностранныхъ ученыхъ въ Россію. Нужно согласиться, что сдѣланный имъ выборъ рѣдко былъ неудаченъ. Если ему и приходилось иногда раскаться въ ошибку, то развѣ въ невольной: ошибка такого рода свойственна людямъ, дѣйствующимъ по самымъ чистымъ и высокимъ побужденіямъ. Такъ однажды въ Вѣнѣ ему удалось встрѣтить ученаго славянина (Стойковича), которому австрійское правительство дѣлало самыя лестныя предложенія. Потоцкій не замедлилъ вступить съ нимъ въ разговоръ и объяснилъ ему, какъ было бы желательно видѣть соплеменниковъ Россіи ревнителями ея просвѣщенія. Стойковичъ уступилъ его просьбамъ и тутъ же подписалъ условія своего перемѣщенія въ Харьковскій университетъ. Счастье скоро повезло

хитрому сербу на плодородной почвѣ Украины: его сдѣлали ректоромъ. Къ сожалѣнію, благородныя чувства, одушевлявшія просвѣщеннаго попечителя, были мало доступны новому ректору: онъ больше всего заботился о томъ, какъ бы нажить деньги; «по немногу, говорить Роммель, открылись его торговля спекуляціи: онѣ состояли въ безпощинномъ ввозѣ иностранныхъ товаровъ, особенно венгерскаго вина. Началось скандальное слѣдствіе; онъ лишился должности».

Еще больше старался Потоцкій о замѣщеніи кафедръ природными русскими. Но въ то время у насъ трудно было найти людей, приготовленныхъ къ этимъ должностямъ. Старожилы Харькова говорятъ, что на первыхъ порахъ даже не явилось другихъ охотниковъ поступать въ студенты университета, кромѣ немногихъ семинаристовъ. Самъ попечитель, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ министру Разумовскому, горько жалуется на равнодушіе мѣстныхъ дворянъ къ образованію. «Не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ, или имѣя о нихъ весьма темное понятіе, не радѣютъ они о воспитаніи дѣтей своихъ. Будучи лишены всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ, они лучше соглашаются записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели усовершенять ихъ знанія, и не хотятъ дозволить дѣтямъ своимъ выше четырнадцатилѣтняго возраста посѣщать гимназій». При такомъ состояніи общества, поиски Потоцкаго за профессорами не могли имѣть на мѣстѣ большого успѣха. Правда, онъ выдвинулъ на эту дорогу нѣкоторыхъ способныхъ учителей семинаріи, но и между ними очень часто попадались люди въ родѣ Стойковича, или еще съ худшими наклонностями, какъ наприм. Успенскій. Намъ непонятно, почему г. Сухомлиновъ (изъ статьи котораго, помѣщенной въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., за 1865 г., мы заимствовали разныя свѣдѣнія о Потоцкомъ) такъ восхищается достоинствами этого профессора. Даже на кафедре богословія Потоцкій долго не зналъ, кого пригласить, и вышелъ изъ затрудненія только благодаря счастливному случаю. Однажды, обзрѣвая округъ, заѣхалъ онъ въ г. Валки и вошелъ, по обыкновенію, безъ шума, просто, какъ частный человекъ, въ тамошнее народное училище, на лекцію закона Божьяго. О преподавателѣ этого предмета ходила добрая слава. Что-

бы убѣдиться въ его достоинствахъ, попечитель остался въ городѣ до другого дня, долго бесѣдовалъ съ священникомъ, послушалъ, какъ онъ объясняетъ Евангеліе, и наконецъ предложилъ ему вакантное мѣсто въ университетѣ.

Просвѣтительная дѣятельность Потоцкаго на Украинѣ, вѣроятно, была бы давно извѣстна цѣлой Россіи, если бы онъ больше думалъ и хлопоталъ о своей славѣ. Но люди такого разряда скромны и не требуютъ признательности даже отъ потомства. Они служатъ наукѣ по долгу и убѣжденію, повинувся внутреннему голосу души своей. Эту высокую душу можно читать на портретѣ достойнаго попечителя, къ счастью, уцѣлѣвшемъ въ Харьковѣ и помѣщенномъ въ университетской картинной галлерей. Онъ писанъ, говорятъ, рукою Лампи. Художникъ мастерски передалъ нѣжный, деликатный бюстъ, вроткое выраженіе лица и прекрасные, полные любви, глаза старика-вельможи. Такъ и видишь передъ собою сподвижника тѣхъ славныхъ временъ, когда «люди всѣхъ сословій, соревнуя своему государю, наперерывъ содѣйствовали пользѣ наукъ и народному образованію» (см. статью Богдановича въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866 годъ, июнь, стр. 146).

Мы не намѣрены продолжать нашихъ выписокъ въ надеждѣ, что разбираемая книга прочтется русскою публикою. Воспоминанія Роммеля, повидимому, должны возбудить особенное сочувствіе на Украинѣ, до которой они ближайшимъ образомъ касаются. Желательно, чтобы обнародованіе фактовъ, относящихся къ исторіи Харьковскаго университета, на этомъ не остановилось. Темныя времена, слѣдовавшія за Потоцкимъ, хотя и не утѣшительны, но столько же, если не болѣе, любопытны. Для ихъ описанія, вѣроятно, найдутся разнообразныя матеріалы.

Свидѣтели попечительскаго управленія обонихъ Карнѣвѣвыхъ и Филатова, еще живы и, вѣроятно, помнятъ то, что они видѣли въ молодости. Харьковскій университетъ не избѣжалъ, какъ извѣстно, душегубительнаго наѣзда единомышленниковъ Магницкаго. Одинъ изъ лучшихъ профессоровъ математики въ тогдашнее время Осиповскій, по словамъ старожиловъ, былъ лишенъ мѣста за то, что улыбнулся или усумнился, когда попечитель на экзаменѣ изъ богословія предложилъ вопросъ, чѣмъ питаются

ангелы. Справедливо ли это? Обязанность собрать полныя и достовѣрныя свѣдѣнія о прошлой жизни Харьковскаго университета лежить преимущественно на его воспитанниках. Дай Богъ, чтобы этимъ занялись не официальные панегиристы, не брюзгливые порицатели, которыми такъ изобилуетъ наша земля, а люди правдивые и безпристрастные.

Во всякомъ случаѣ, первый шагъ сдѣланъ. Роммелю, безспорно, принадлежитъ честь почина, а его переводчику—благодарность за полезный трудъ и добрый примѣръ. Книга, о которой мы дали отчетъ читателямъ нашего журнала, открываетъ передъ нами эпоху, богатую начинаніями и забывенною въ исторіи русскаго образованія. Мы видимъ передъ собою молодой университетъ, только что основанный въ украинской глуши, и переносимся мыслію въ ту сферу, въ которой онъ долженъ былъ дѣйствовать. Сколько трудностей пришлось одолѣть ему, чтобы наполнить свой составъ, найти студентовъ, способныхъ слушать лекціи на латинскомъ языкѣ и возбудить къ себѣ вниманіе невѣжественнаго общества! Тогдашніе нравы не могли не имѣть дурного вліянія на ученую корпорацію: въ ней обнаружилось злоупотребленіе. Но лучшіе ея представители трудились и боролись съ надеждою на успѣхъ подъ защитою коллегіальныхъ началъ. Самоуправленіе было обезпечено; на свободу преподаванія долго никто не смѣлъ посягнуть. У колыбели университета стоялъ юный человеклоубивый Государь съ своими просвѣщенными сподвижниками.

к—ія.

Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса,
М. Н. Галкина. Спб. 1868 г. Стр. 174. Цѣна
1 р. 50 к.

Возбужденіе вопроса о лучшемъ устройствѣ тюремъ и первая попытка къ установленію пенитенціарныхъ системъ на рациональныхъ основаніяхъ принадлежатъ къ заслугъ англосаксонскаго племени. Въ Филадельфій составилось въ 1776 году частное общество для улучшенія положенія заключенныхъ, существующее до настоящаго времени, и создавшее такъ-называемую «пенсильванскую», одиночную или келейную систему заключенія. Въ Англіи вниманіе общественнаго мнѣнія было обращено на тюремный вопросъ трудами извѣстнаго филантропа Джона Гоуарда, который,

будучи взятъ въ плѣнъ французами на кораблѣ въ 1756 году, испыталъ на себѣ тяготы тогдашняго анархическаго положенія тюремъ и посвятилъ себя изслѣдованію состоянія ихъ въ разныхъ странахъ. Подъ вліяніемъ его пропаганды, англійскія тюрьмы улучшились по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что въ нихъ былъ введенъ болѣе правильный порядокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, возникли и въ Англіи частныя общества для попеченія объ арестантахъ.

Пенсильванская система одиночнаго заключенія была выработана квакерами и основана на коренной мысли «общества друзей», о спастельности религіознаго созерцанія. Лучшее средство исправить преступника квакеры открыли въ томъ, чтобы уединить его, лишить всякихъ развлеченій, «запереть его съ самимъ собою, Богомъ и библіею». Въ концѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, квакеры, по порученію законодательнаго собранія Пенсильваніи, построили уже двѣ тюрьмы, по своей системѣ: въ Питсбургѣ и Черри-Галлѣ, близъ Филадельфій. Но противъ системы квакеровъ скоро возникла оппозиція въ другихъ штатахъ. Въ Нью-Йоркѣ и Бостонѣ образовались общества, которыя, принимая изъ квакерской системы идею исправленія преступниковъ, отрицали пользу одиночнаго заключенія безъ работы. По этой, новой системѣ, получившей названіе оборнской отъ имени мѣстности, въ которой была построена первая тюрьма, основанная на ея началахъ—тюрьма должна быть рабочимъ домомъ. Работы должны производиться сообща, но посреди молчанія, а уединеніе по кельямъ ограничивается ночью и, сверхъ того, употребляется еще въ видѣ наказанія.

Извѣстно, что жестокая система безусловнаго келейнаго заключенія дала результаты неутѣшительныя; заключенные не рѣдко даже лишались разсудка. Поэтому, система одиночнаго заключенія, мало-по-малу, теряла на практикѣ свою безусловность. Точно такъ и въ оборнской системѣ допущены были, постепенно, разныя облегченія, въ особенности относительно обязанности молчанія, которое оказалось неудобисполнимымъ или обременяющимъ арестантовъ массою наказаній.

Въ Англіи полное преобразование тюремной системы явилось вслѣдствіе оказавшейся въ 1828 году затруднительности продолжать

систему ссылки преступниковъ въ колоніи, въ прежнихъ размѣрахъ. Англійское правительство послало инспекторовъ Крауферта и Росселя въ сѣверную Америку для изслѣдованія введенныхъ тамъ системъ, и вотъ къ какимъ выводамъ пришли эти специалисты, по исполненіи своего порученія: 1) одиночное заключеніе можетъ быть допускаемо только на извѣстный срокъ, для того, чтобы изучить личный характеръ преступника; 2) одиночное заключеніе и въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ допустить только для тѣхъ преступниковъ, которые приговорены къ ссылкѣ. Сверхъ того, Крауфертъ и Россель потребовали, чтобы на мѣстахъ ссылки преступники не оставались на произволъ судьбы (въ прежнія времена ихъ просто продавали въ колоніяхъ частнымъ лицамъ), а состояли подъ вѣдѣніемъ особой администраціи.

На этихъ основаніяхъ, въ 1839 году, была построена въ Лондонѣ, въ Пентонвильскомъ участкѣ, тюрьма на 500 чел. Она состоитъ изъ флигелей, для одиночнаго заключенія, которые идутъ лучами отъ центра. Работы—общія, но ночью и даже на прогулкѣ арестантъ уединенъ (для прогулки есть отдѣльные дворики, въ которые выпускаютъ арестантовъ). Здѣсь содержали преступниковъ приговоренныхъ къ ссылкѣ 18 мѣсяцевъ, потомъ посылали ихъ въ Австралію. Вслѣдствіи, посланнымъ дозволялось, при хорошемъ поведеніи, брать такъ-называемые «отпускные билеты» (tickets of leave) и возвращаться въ Англію гораздо ранѣе срока для присканія работы. Такимъ образомъ, въ 1855 и 1856 годахъ около 3000 чел., приговоренныхъ въ Англіи и Шотландіи къ ссылкѣ, воспользовались этимъ правомъ и возвратились на родину, несмотря на то, что въ ихъ числѣ болѣе 200 судились за убійства, а 179 были даже рецидивисты. Впродолженіе первыхъ четырехъ лѣтъ, дѣйствіе закона о tickets of leave, такое условное освобожденіе получили 7000 чел. Но результаты этой мѣры были неблагоприятны; ей приписывали быстрое возвышеніе цифры преступленій въ Англіи, которая дошла до того, что въ 1861 году было произнесено 1300 обвинительныхъ приговоровъ.

Появленіе извѣстныхъ «гарротеровъ» на улицахъ Лондона, въ 1862 году, возбудило общественное мнѣніе противъ условнаго осво-

божденія ссыльныхъ. Оно было ограничено, а вмѣстѣ съ тѣмъ, введены специально для гарротеровъ тяжкія тѣлесныя наказанія (распространенныя и на преступниковъ нѣкоторыхъ другихъ категорій). Главною причиною того, что возвращавшіеся изъ ссылки совершали новыя преступленія, едва ли не была именно затруднительность для нихъ найти работу, при недвѣрчіи къ нимъ фабрикантовъ и при зависти свободныхъ рабочихъ. Довазательствомъ такому мнѣнію служитъ фактъ, что когда образовалось общество для присканія возвращеннымъ преступникамъ мѣстъ, то, на число людей, поступившихъ подъ покровительство этого общества, случаевъ новыхъ преступленій оказалось гораздо менѣе, чѣмъ приходилось бы по нормальному расчету уголовной статистики.

Необходимость имѣть въ виду и тѣ обстоятельства, которыя представляются при освобожденіи арестанта, вызвала въ Ирландіи особую пенитенціарную систему, которой основателемъ былъ Крафтонтъ. Она получила названіе purgatory of prisoners (чистилище для преступниковъ) и оказала на практикѣ блистательные результаты, именно сократила число случаевъ новыхъ преступленій (récidives) въ Ирландіи, сравнительно съ Англіею, на *девять третей*. Въ ирландской системѣ арестантъ подвергается сперва одиночному заключенію на время до 9 мѣсяцевъ, но при хорошемъ поведеніи это время можетъ быть сокращено на 1 мѣсяцъ. Такъ какъ одиночное заключеніе употребляется собственно какъ средство пробудить въ преступникѣ нравственное самосознаніе, то въ это время онъ не занимается такими работами, которыя могли бы развлекать его, и пользуется бесѣдами съ духовными лицами.

Когда срокъ одиночнаго заключенія истекаетъ, то арестантъ поступаетъ на общее содержаніе и проходитъ чрезъ пять разрядовъ, которые отличаются разными преимуществами въ содержаніи и въ вознагражденіи за трудъ; арестанты разныхъ разрядовъ носятъ отличительные знаки. Работы, которыми арестанты занимаются сообща—преимущественно вѣтшія, то-есть исполняемыя на открытомъ воздухѣ, работы строительныя и земледѣльческія. Одиночное заключеніе при этомъ остается постоянною угрозою. По истеченіи извѣстнаго срока, а для осужденныхъ на пожизненное заключеніе—по

истеченіи 12 лѣтъ, арестанта переводятъ въ «переходное заведеніе», въ которомъ и заключаются высшая степень «чистилища». Здѣсь высшій надзоръ ослабляется, и преступнику предоставляется на дѣлѣ доказывать свое исправленіе: его отпускаютъ на работы, даютъ деньги для закупокъ вещей, которыя могутъ быть ему нужны впоследствии, на свободѣ, даютъ ему въ руки часть заработка и т. д., и при этомъ слѣдятъ за наклонностями, какія въ немъ проявляются и, сообразно съ тѣмъ, или возвращаютъ его снова въ разряды заключенныхъ, или же даютъ условную и даже безусловную свободу раньше срока назначеннаго судебнымъ приговоромъ. Такимъ образомъ, «переходныя заведенія» ирландскихъ тюремъ облечены властью карательною, судебною.

Понятно, какой степени развитія и справедливости требуетъ примѣненіе этой системы отъ тюремныхъ инспекторовъ.

Система одиночнаго заключенія вездѣ, болѣе или менѣе, подверглась отступленію противъ первоначальной своей мысли. Во Франціи, ей слѣдовали послѣдовательно и перестраивали тюрьмы согласно съ ея требованіями, но въ 1853 году правительствомъ отказалось отъ дальнѣйшаго ея примѣненія, ссылаясь на его дороговизну. Вслѣдствіе того, прекратилась перестройка тюремъ, да и въ уже устроенныхъ на принципѣ келейнаго содержанія тюрьмахъ, напр. въ Мазасѣ, допущены были послабленія.

Въ настоящее время одиночное заключеніе на все время наказанія существуетъ только въ Пруссіи, Баденѣ и Бельгіи. Въ Англіи, отчасти въ Бельгіи и Швейцаріи одиночное заключеніе употребляется только какъ переходное, а также для людей находящихся еще подъ слѣдствіемъ и судомъ. Во Франціи, Италіи, Швейцаріи и Германіи господствуетъ система содержанія арестантовъ, слѣдующаго за одиночнымъ, съ общими спальнями и мастерскими, или съ общими мастерскими, но съ разьединеніемъ арестантовъ на ночь и на прогулки днемъ. Ирландская система также нашла нѣкоторыя подражанія, именно въ примѣненіи къ арестантамъ осужденнымъ на долгіе сроки. Въ Англіи и Франціи существуетъ также и въ настоящее время ссылка, послѣ предварительнаго заключенія и принудительныхъ работъ. Наконецъ, система сокращенія сроковъ заключенія за хорошее поведеніе, а также ус-

ловное освобожденіе, съ помощью частныхъ обществъ покровительства арестантамъ, существуютъ преимущественно въ Англіи и Бельгіи. Вотъ каково современное положеніе пенитенціарнаго дѣла на практикѣ.

Книга г. Галкина, по которой мы сдѣлали этотъ краткій очеркъ, заключаетъ много интересныхъ фактовъ. Авторъ самъ наблюдалъ устройство тюремъ за границею, какъ видно, по порученію правительства, которымъ напечатана и самая книга г. Галкина. Съ обыкновенною пассивностью официальныхъ собирателей матеріаловъ, г. Галкинъ воздерживается слишкомъ строго отъ произнесенія всякаго личнаго сужденія по своему предмету, а всѣ аргументы при сравненіи разныхъ пенитенціарныхъ системъ, выдаетъ за чужіе, хотя навѣрное нѣкоторые принадлежатъ и ему. Но такой «докладный» способъ изложенія имѣетъ ту невыгоду, что въ немъ сопоставляются нѣкоторые доводы, взаимно уничтожающіе одинъ другой. Мы понимаемъ, что изслѣдователь можетъ устранить себя, сопоставивъ аргументы, освѣщающіе вопросъ съ разныхъ сторонъ и хотя, конечно, несогласные между собой, именно по этой причинѣ, но не взаимно-противорѣчивые, т. е. такіе, изъ которыхъ одинъ утверждаетъ фактъ, а другой — тотъ же самый фактъ отрицаетъ. Тутъ уже докладчику не слѣдуетъ устраняться безъ объясненія и съ своей стороны.

Возьмемъ примѣръ. Въ числѣ аргументовъ, представляемыхъ защитниками безусловнаго одиночнаго заключенія, Бомономъ, Токвиллемъ, Дюкпетіо, Юліусомъ и др., авторъ приводитъ слѣдующій: «При примѣненіи одиночнаго заключенія, дѣйствуютъ вмѣстѣ устрашеніе и исправленіе, а слѣдовательно достигаются двѣ наиглавнѣйшія цѣли тюремнаго содержанія.» Въ числѣ же аргументовъ, представляемыхъ противъ одиночнаго заключенія Миттермайеромъ и др. публицистами, авторъ приводитъ такой: «Одиночное содержаніе вообще подавляетъ всѣ физическія и умственныя способности заключеннаго, доводитъ его до апатіи, отучаетъ отъ труда и возвращаетъ въ общество мало способнымъ къ дѣятельности.» Если въ этомъ послѣднемъ аргументѣ есть сколько-нибудь правды, то о какомъ же «исправленіи» можетъ быть рѣчь? Если же объ исправленіи рѣчи быть не можетъ, то первый аргументъ, значитъ, — не серьезный, а въ та-

комъ случаѣ зачѣмъ же приводить его? Во всякомъ же случаѣ подобныхъ взаимно одно другое исключаютыхъ положеній довлѣдчикъ не долженъ приводить безъ оговора.

Между тѣмъ г. Галкинъ, изложивъ противоположныя мнѣнія, прибавляетъ отъ себя только то, что практикою они въ значительной степени примиряются.

Г. Пассекъ, котораго мысли о преобразованіи нашей тюремной системы приведены въ книгѣ, полагалъ ввести одиночное заключеніе только какъ «приготовительное» въ дальнѣйшему содержанію, ввести условное освобожденіе, подготовленіе заключеннаго къ свободѣ, наблюденіе за условно-освобожденнымъ, учрежденіе спеціальнаго тюремнаго вѣдомства, наконецъ разсчитывалъ на попеченіе со стороны частныхъ обществъ объ освобожденныхъ.

Однимъ словомъ, г. Пассекъ полагалъ возможнымъ ввести у насъ всѣ главныя основанія ирландской системы. Не трудно согласиться съ г. Галкинымъ, который тутъ выступаетъ уже самъ по себѣ и замѣчаетъ, что «для иной, предугазываемой имъ (тюремнымъ комитетамъ и попечительнымъ совѣтамъ) врядъ ли выработались у насъ повсемѣстно всѣ необходимыя для нея условия».

Тюремное дѣло, говоря вообще, находится у насъ еще въ такомъ положеніи, что первый и наиболее настоятельный «вопросъ» здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы имѣть достаточное число тюремныхъ помѣщеній, теплыхъ, сухихъ и свѣтлыхъ. Извѣстно, что остроги у насъ переполнены, что этапныя тюремныя помѣщенія, выражаясь коротко — ни на что не похожи, что за исключеніемъ нѣсколькихъ новыхъ тюремъ — и то пока онѣ, въ свою очередь, не переполнятся — наши мѣста заключенія тѣсны, грязны, некрѣпки, такъ-что изъ рѣдкаго изъ нихъ не бываетъ каждый годъ побѣговъ, оставлены всѣми условіями для всякаго рода злоупотребленій. Только тогда, когда этихъ помѣщеній будетъ въ самомъ дѣлѣ достаточно для ежегодно возрастающей массы нашихъ арестантовъ, можно будетъ удовлетворить самымъ первоначальнымъ требованіямъ пенитенціарнаго дѣла, именно, чтобы состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ, неосужденные не сидѣли вмѣстѣ съ осужденными, чтобы краткосрочныя не содержались съ долгосрочными и т. д.

Но одновременно съ этимъ видомъ тюрем-

наго вопроса, онъ представляется еще и въ видѣ болѣе радикальнаго требованія, именно необходимости пересмотра нашего устава о наказаніяхъ. Ежегодное возрастаніе массы арестантовъ у насъ — неоспоримый фактъ. При немъ, сколько ни стройте тюрьмы, все будетъ мало.

Нельзя отнестись иначе какъ сочувственно къ предложенной г. Пассекомъ и принимаемой г. Галкинымъ мысли о введеніи въ тюремныя комитеты лицъ отъ земства. Что же касается надежды на содѣйствіе частныхъ обществъ, то едва ли она не тщетна; содѣйствіе это едва ли можетъ пока быть такое, какъ присылка муки, раздача саяекъ и т. п. для замазыванія арестантами грѣховъ подателей.

Въ книгѣ г. Галкина есть еще описаніе образцовой тюрьмы, устроенной въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, въ зданіи бывшаго Виннаго городка. Оно не такъ давно было напечатано въ газетахъ. Къ книгѣ приложено шесть плановъ разныхъ тюремныхъ помѣщеній.

Окраины Россіи. Серія первая: Русское Балтійское поморье. Выпускъ I. Изданіе Ю. Самарина. Прага. Типографія д-ра Ф. Скрейшовскаго. 1868.

Въ Ежемѣсячной Хроникѣ ноябрьской книги, мы познакомили читателей съ ходомъ крестьянскаго вопроса въ прибалтійскихъ губерніяхъ, по даннымъ книги г. Самарина. Но указанная нами при этомъ данна далеко не исчерпываютъ всего интереса этой книги.

Здѣсь мы преимущественно намѣрены опредѣлить ея характеръ. Этотъ характеръ полемиическій. Одну изъ дѣлъ, которыя, какъ говорить авторъ, онъ имѣлъ въ виду, именно: открытіе «канцелярскихъ тайнъ», изъ которыхъ многія считаются тайнами только въ предѣлахъ имперіи — онъ, конечно, не могъ исполнить такъ, чтобы очеркъ его былъ сколько-нибудь полна, даже связная исторія русской администраціи на «Окраинахъ». То, что онъ «открылъ» въ этомъ отношеніи, даетъ только примѣры, но никакъ не сколько-нибудь полную картину.

Впрочемъ, другая и болѣе прямая задача, занимавшая автора подлежащихъ выпусковъ, дѣлала уже сама по себѣ едва ли возможнымъ связное, историческое, документальное изложеніе. Эта задача была:

«Его необходимость дать антирусской пропагандѣ и изложить славянскую публику съ призваніемъ и дѣйствіемъ нашего правительства въ предѣлахъ ихъ же нашихъ окраинъ. При этомъ, я претендую на право заступать за границы государственные и народныя интересы Россіи противъ балтійскаго и польскаго провинціализма также сво-одно, какъ наяривать г. фонъ-Бокъ, фонъ-Сиверсъ и другіе, ихъ же имя легіоны, защищать передъ западною Европою свои провинціальныя интересы противъ Россіи».

Г. фонъ-Бокъ, о которомъ упоминаетъ здѣсь авторъ, издаетъ въ Берлинѣ сборникъ подъ именемъ *Litvānische Beiträge*, совершенно враждебный Россіи; г. Сиверсъ издалъ въ 1863 году брошюру *Appel an die Europäische Öffentlichkeit*.

Г. Самаринъ преимущественно полемизируетъ съ г. Боккомъ. Весь первый, важнѣйшій выпускъ его сочиненія, какъ бы порожденъ потребностью высказаться по поводу обвиненій, бросаемыхъ г. Боккомъ на Россію. Потребность эта естественна, такъ какъ въ обвиненіяхъ г. Бокка есть много возмутительнаго. Особенно возмутительна у него манера представлять нѣмцевъ у насъ преслѣдуемыми, и защита германизации латышей и эстовъ, въ то самое время, когда даже введеніе русскаго языка въ иѣстную администрацію выставляется въ видъ неслыханнаго посягательства на нѣмецкую національность.

Но преобладаніе полемической мысли и при томъ полемики специально съ такими-то и такими-то положеніями г. Бокка, помѣшало г. Самарину заняться серьезнымъ, всестороннимъ и спокойнымъ изложеніемъ административной исторіи и общественнаго быта въ прибалтійскихъ провинціяхъ; полемическія условія придали его книгѣ характеръ отрывочнаго и недостаточнаго продуманнаго, однимъ словомъ, газетнаго изложенія.

Кромѣ того, достоинство сочиненія г. Самарина не мало уменьшается приемомъ, къ сожалѣнію, стало свойственнымъ нашей газетной публицистикѣ: взять слова эмигранта, оторвать прага Россіи, обставить ихъ всякаго рода усиливающими комментаріями, обратиться къ чувству національнаго самолюбія, національной обидчивости и затѣмъ восклицнуть: *ab uno disce omnes!* Какъ этотъ нѣмецъ пишеть, такъ всѣ нѣмцы - молъ думаютъ; какъ онъ совѣтуетъ

дѣйствовать, такъ они вѣдѣтъ дѣйствуютъ; какъ онъ оскорбляетъ наше отечество, такъ они въ душѣ предадутъ его проклятію; какъ онъ настаиваетъ только о соединеніи съ Германією, такъ и они готовы изгнать.

Этотъ не строго-добросовѣстный методъ обличенія, этотъ полицейскій приѣздъ «заглядыванья въ душу» изобрѣтенъ въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ нашеть усердныхъ подражателей. Этотъ приѣздъ употребленъ и г. Самаринимъ. Объяснимся приглаголю.

Сказавъ, что г. Бокъ —

«выставляетъ передъ Германією безсиліе русской народной стихіи, ея драблостъ, вялость, неустойчивость, неспособность къ какой-либо инициативѣ, неспособностью въ предпріятіяхъ, неумѣіе постоять за себя, всегдашнюю уступчивость передъ напоромъ нѣмецкаго элемента, совершенное отсутствіе всякой притягательной силы, *die geistige und sittliche Impotenz der Russen und Rassengenossen*» —

прибавивъ отзывъ г. Бокка, что «даже въ дьявольскомъ искусствѣ подкупать и обманывать, русскіе такіе же неучи, какъ и во всемъ», — авторъ, очевидно, нѣмѣлъ въ виду только раздражить національное самолюбіе своего читателя. Иначе, стоитъ ли заниматься чьими бы то ни было ругательствами, серьезно ли защищать Россію противъ такой бессмысленной брани? Но г. Самарину это нужно для его приѣма. Итакъ, онъ раздражилъ самолюбіе читателя. Теперь посмотримъ, что онъ изъ этого сдѣлаетъ:

«Иными словами — продолжаетъ онъ — и придерживаясь сравненія употребленнаго авторомъ, выходить слѣдующее: *его земляки* (вотъ здѣсь и происходитъ подтасовка, вмѣсто такого-то ставится *вся*, и притомъ не эмигранты, а живущіе въ Россіи, подъ дѣйствіемъ русскихъ законовъ), его земляки нагваваютъ русский мундиръ, чтобы имѣть возможность, въ угоду Германіи, разсироливать русское вино какою-то своею нѣмецкою подливкою; потомъ, они же отвѣдываютъ эту жижу, морщатся, отплеиваются передъ лицомъ Европы и говорятъ ей: дрянъ русское вино, ни крѣпости ни вкуса, ни иривости, ничего въ немъ нѣтъ. Еще бы!»

Тутъ произошелъ легко узнаваемый заморозъ: вмѣсто г. Бокка, которому угодно было — Россію, подставлена совокупность нѣ-

русскихъ гражданъ, и вина г. Бокка приписана имъ всѣмъ. Но авторъ, употребляющій такой приемъ, надѣется, что эскамотажъ читателемъ замѣченъ не будетъ, тѣмъ болѣе, что въ это-то именно моментъ въ читателя бросаютъ и «русское вино», и «дрянь», и «жижъ», однимъ словомъ, г. Самаринъ заставляетъ нѣмцевъ поголовно ругаться и не безъ основанія ожидаетъ, что читатель, выведенный изъ себя, не помнитъ уже съ чего началась рѣчь, а съ раздраженіемъ скажетъ про себя: «а, такъ вотъ они какъ!» А этого г. Самарину только и нужно. Тутъ онъ сейчасъ подойдетъ съ заключительной фразой, и воткнутый фокусомъ гвоздь пришибетъ молоткомъ прямого обличенія: «Эти слова, произнесенныя *корифеемъ современной балтійской интеллигенціи*, подвизающейся за границею, и отъ которыхъ никто не отрекся, не требуютъ комментарія.» Значитъ, противъ русскаго народа отчаянно враждуетъ уже не одинъ нѣмецъ, и даже не толпа какихъ-нибудь нѣмцевъ, а именно все, что есть образованнаго въ балтійскомъ краѣ; иначе балтійскіе нѣмцы непременно отреклись бы; они не отреклись — значитъ они по меньшей мѣрѣ — пристанодержатели враждебнаго Россіи направленія. Эти слова не требуютъ комментарія.

Не требуютъ комментарія?! А зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вы, г. Самаринъ, спросимъ мы, комментируете ихъ, и именно въ самомъ обширномъ смыслѣ, толкуете пустую брань озлобленнаго эмигранта, какъ манифестъ вражды прибалтійскихъ нѣмцевъ къ русскому народу? Зачѣмъ они не отреклись, говорите вы; но кто же долженъ отрекаться? Seriously, ожидали ли вы, что за каждымъ браннымъ словомъ, которое будетъ произнесено какимъ-нибудь нѣмцемъ за границею, послѣдуютъ протесты ландтаговъ курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго; потомъ — протесты городовъ: Риги, Митавы, Ревеля, Дерпта, Газенпота и т. д. И тогда, послѣ всѣхъ этихъ протестовъ, вы бы сказали: вотъ однако городъ Нарва не протестовалъ противъ словъ «корифея балтійской интеллигенціи», стало быть...

Стало быть что? А вотъ что: «Имѣя уши слышать да слышать» восклицаетъ г. Самаринъ. Ну, положимъ и услышать, и Нарва будетъ сильно скомпрометрирована, потому что не отрекалась. Знаете ли что? Вѣдь если бы приемъ, выработанный въ Москвѣ и вами употре-

бленный въ пражскомъ изданіи, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлался, какъ не могутъ не желать того авторъ, могущественнымъ въ Россіи, если бы этотъ приемъ заглядыванья въ души для открытія зловерности и обвиненія въ пристанодержательствѣ всѣхъ, кто торжественно не отрекся и не донесъ, не былъ бы въ свою очередь обличаемъ, какъ фальшивый и недобросовѣстный, — то вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, могла бы наступить такая пора, что города дрожали бы да поминутно отрекались, да снова дрожали, не сказалъ ли опять кто-нибудь, гдѣ-нибудь, чего-нибудь!

«Имѣя уши да слышать» послѣ обвиненія цѣлаго края за то, что онъ не отрекся, это тоже «слово и дѣло». Эта система вела бы къ терроризму, если бы... Но она только выведетъ самихъ авторовъ ея, въ концѣ концовъ, на свѣжую воду. Надо надѣяться такъ, полагаюсь на здравый смыслъ русскаго народа, который не позволитъ, водить себя на привязи, и не послушаетъ ни чьихъ угрозъ, и ни чьего подстрекательства. Въ характеристикѣ книги г. Самарина мы не могли не выяснитъ того приема, который такъ вѣлся въ наши публицистическіе нравы, и которымъ г. Самаринъ увлекся положительно въ ущербъ серьезнымъ сторонамъ своего изслѣдованія. Seriously можно признать не болѣе (даже менѣе) половины перваго выпуска; другая половина, наполненная полемикою съ г. Боккомъ, а въ лицѣ его съ мнимыми «сокровенными» мыслями всѣхъ нашихъ нѣмцевъ — не составляетъ никакой заслуги въ томъ преувеличенномъ видѣ, какъ она является.

Seriously, но, къ сожалѣнію, слишкомъ неполна та сторона описанія, которая показывается, какъ въ балтійскихъ губерніяхъ, подъ русскимъ управленіемъ, подвигалось дѣло болѣе или менѣе насильственной германизаціи латышей и эстовъ и дѣло закрѣпощенія крестьянъ, подъ видомъ улучшенія ихъ быта. Этой послѣднею частью книги г. Самарина, частью наиболѣе полною и поучительною, мы воспользовались въ предшествующей книгѣ «Вѣстника Европы».

Намъ остается поговорить о томъ, въ самомъ дѣлѣ замѣчательномъ явленіи, которое состоитъ въ практической необязательности общихъ законовъ для балтійскихъ провинцій и о томъ чисто-германскомъ искусствѣ добиваться во

всемъ для себя изъятій, доставлять нѣмцу привилегированное положеніе, благодаря которымъ произошли два несомнѣнные факта: 1) нелюбовь русскихъ къ нѣмцамъ именно за эту исключительность и привилегированность всего нѣмецкаго, и 2) германизация латышей и эстовъ въ силу привилегированности германскаго элемента въ балтійскомъ краѣ и безправности тамъ элементовъ, какъ мѣстнаго народнаго, такъ и русскаго.

Г. Самаринъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ официальныхъ документовъ, которые служатъ доказательствомъ полной побѣды, доставившей всегда на долю многочисленной и высокопосагающей нѣмецкой *camaraderie*, какъ надъ стремленіями туземцевъ къ эманципаци, такъ даже надъ открыто заявляемыми правительствомъ намѣреніями. Не безъ интереса, впрочемъ, читаются сообщенія г. Самарина, что большая часть мѣръ, относящихся къ важнѣйшимъ дѣламъ балтійскаго края проходила мимо государственнаго совѣта, чрезъ особый Остзейскій комитетъ въ Петербургѣ; что лютеранскія школы въ балтійскомъ краѣ находятся внѣ всякаго серьезнаго контроля со стороны министерства народнаго просвѣщенія; что законъ объ обязательности православнаго исповѣданія для дѣтей происходящихъ отъ смѣшанныхъ (между лицомъ православнымъ и неправославнымъ) браковъ отмѣненъ *собственно* для Лифляндіи; что законъ объ употребленіи русскаго языка въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ балтійскаго края, несмотря на торжественное подтвержденіе — не исполняется и исполняться не будетъ; что въ циркулярѣ приблгтійскаго генералъ-губернатора по этому предмету, разосланномъ подчиненнымъ ему губернаторамъ, 26 октября 1867 года, допущены такія широкія толкованія, такія оговорки, которые будто бы совсѣмъ устраняютъ на неопредѣленное время исполненіе закона; что стремленіе къ обращенію въ православіе, обнаружившееся въ народѣ въ сороковыхъ годахъ, подъ предлогомъ нейтральности властей, будто бы было остановлено очень дѣйствительными мѣрами; что крестьяне, подъ видомъ свободы покупки земель, лишились всякаго права на землю и поступили съ недавняго времени въ полную зависимость отъ произвола владѣльцевъ земли и т. д. и т. д.

Мы впрочемъ не прерывали этого длиннаго

періода: онъ представляетъ набросанную г. Самаринимъ картину той исключительности, кой привилегированности, какую сумѣлъ добывать себѣ германскій элементъ въ Россіи. Картина эта, по истинѣ, изумительна; нѣкоторыя части ея г. Самаринъ подтвердилъ документами, а другія представляются очень вѣроятными въ виду несомнѣннаго факта, что нѣмцы умѣютъ устраивать себѣ у насъ такія, никому недоступныя, крѣпостцы. На устройство этихъ исключительныхъ, привилегированныхъ башенокъ они испрашиваютъ сперва разрѣшеніе въ видѣ награды за свою вѣрность властямъ; а потомъ, когда башенка устроена, они запираютъ ее на крѣпкій замокъ и самую власть туда уже не пускаютъ.

Всѣ эти башенки приведены въ одну общую, правильную оборонительную систему и результаты показываютъ, что при всей *Loyalität* (встаети, г. Самаринъ, безпрестанно употребляя слово *loyal*, не понимаетъ его значенія на языкѣ нѣмецкомъ; онъ переводитъ *loyal* — „честный“, „благородный“, между тѣмъ какъ по-нѣмецки оно значитъ собственно вѣрный, вѣрнопопданный), которую любятъ выставлять на видъ наши нѣмцы, эта система организованнаго отпора дѣйствуетъ очень исправно.

Вотъ, по словамъ г. Самарина, все, что удалось сдѣлать по инициативѣ русскаго правительства дѣйствительно полезнаго въ балтійскомъ краѣ, въ двадцатилѣтній періодъ: 1) въ Ригѣ отмѣнено стапельное право, въ силу котораго русскіе купцы не могли продавать своихъ товаровъ иностраннымъ торговцамъ, а обязаны были сбывать ихъ гражданамъ города Риги; 2) въ Ригѣ отмѣнена обязательная браковка льна, и 3) отмѣнено средневѣковое право мѣстныхъ цеховъ на исключительное производство ремеслъ. Между тѣмъ, свобода занятія ремеслами въ Ригѣ для русскихъ была выговорена еще при сдачѣ этого города, въ 1710 году. Понадобилось 156 лѣтъ, чтобы русскіе могли, въ краѣ принадлежащемъ Россіи, воспользоваться этимъ правомъ.

Вотъ эта-то исключительность нѣмцевъ, эта твердыня, въ которой они замыкаются, предварительно устроивъ ее внутри самымъ комфортабельнымъ образомъ для развитія и преобладанія германскаго элемента, эта привилегированность и вмѣстѣ исключительность нѣмцевъ и есть главная причина того нерасполо-

женія, какое они неразъ уже вызывали къ себѣ среди русскаго общества. Когда дѣло идетъ о выгодахъ слыть русскими, нѣмцы охотно являются въ качествѣ русскіхъ. При покупкѣ на выгодныхъ условіяхъ, съ разными пособіями, имѣнны въ западно-русскомъ краѣ, нѣмцы выхлопотали себѣ даже официальное причисленіе ихъ къ «лицамъ русскаго происхожденія». Между тѣмъ эти же «лица русскаго происхожденія» всѣми силами отрицаютъ и обязательность для себя знать русскій языкъ, и примѣненіе къ себѣ великихъ реформъ — лучшаго достоянія русской мысли, потому только, что эти реформы поколебали бы германизацию латышей и эстовъ. Въ такомъ положеніи много фальши, очень мало истиннаго достоинства, и рѣшительно нѣтъ поводовъ къ сочувствію.

Отношеніе прибалтійскихъ нѣмцовъ къ нашимъ реформамъ — вопросъ очень важный и въ настоящемъ и въ будущемъ. Что нибудь изъ двухъ — или прибалтійскій край признается самостоятельнымъ государствомъ, связаннымъ съ Россіею только въ особѣ общаго монарха; въ такомъ случаѣ пусть онъ имѣетъ независимое законодательство, но такое, въ которомъ большинству населенія, т. е. эстамъ и латышамъ предоставлено было законное участіе, какъ то мы видимъ въ Финляндіи; или — прибалтійскій край самостоятельнымъ государствомъ не признается потому, что въ дѣйствительности нѣтъ къ тому ни малѣйшаго основанія; въ такомъ случаѣ, онъ только часть имперіи, а части должны быть равноправны и законодательство въ нихъ не можетъ быть построено на противорѣчивыхъ принципахъ. Нельзя, напр., чтобы за одно и тоже дѣло въ одномъ мѣстѣ наказывали, а въ другомъ хвалили, чтобы судебное дѣло, перенесенное изъ русскаго суда въ судъ балтійскій, рѣшалось тамъ на совсѣмъ иныхъ основаніяхъ.

Напрасно г. Самаринъ не поставилъ именно этой дилеммы, потому что вся сила тактики нѣмцевъ заключается именно въ томъ, чтобы не доходить до яснаго, опредѣленнаго положенія, чтобы отстаивать права самостоятельности, но собственно для себя, а не для большинства населенія, чтобы, пользуясь правами русскаго гражданства, не нести его обязанностей. Остзейскій комитетъ, конечно, гораздо выгоднѣе для нѣмцевъ, чѣмъ могъ бы быть даже самостоятельный балтійскій сеймъ, какъ

въ Финляндіи, въ которомъ большинство могло бы перейти на сторону латышей и эстовъ.

Вопросъ о примѣненіи къ балтійскому краю судебной реформы, сколько извѣстно изъ нѣмецкихъ заграничныхъ публикацій, вызвалъ только формальный протестъ со стороны комиссіи избранной въ балтійскомъ краѣ по этому поводу, протестъ именно противъ принятія нашей судебной реформы за исходную точку. Съ тѣхъ поръ, этотъ вопросъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, такъ и заглохъ. Между тѣмъ, реформа судоустройства и судопроизводства въ балтійскомъ краѣ тѣмъ болѣе нужна, что тамъ классы общества находятся въ національномъ антагонизмѣ, и что предоставленіе высшей судебной власти, а также надзора за водностною полиціею въ рукахъ одного класса есть не только подчиненіе низшаго класса высшему, но и выдача одной національности головою другой, той самой, которая силится ее уничтожить всѣми мѣрами, о чемъ и заявляетъ отертыю.

Возраженіе автора одного отвѣта на книгу г. Самарина, появившагося также за границею, что «русскія судебныя учрежденія нехороши своимъ личнымъ составомъ», есть только дерзость, лишенная въ настоящемъ случаѣ всякаго смысла. Развѣ присяжными въ Ревелѣ были бы русскіе?

Нежеланіе прибалтійскихъ нѣмцевъ участвовать въ развитіи учреждений Россіи, представляется дѣломъ очень важнымъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Противодѣйствіе съ ихъ стороны можетъ внушить русскому обществу весьма серьезныя опасенія въ этомъ отношеніи.

Въ заключеніе, пожалѣемъ еще разъ, что работа г. Самарина была слишкомъ срѣзна и обусловлена тѣсно-полемическимъ назначеніемъ. Такъ, при изложеніи всего хода того или другого вопроса, онъ пользуется, главнымъ образомъ, только тѣми фактами, какіе находятъ у г. Бокка, конечно, извлекая изъ нихъ иные выводы. Но это лишаетъ первый выпускъ въ значительной мѣрѣ самостоятельнаго значенія. Что касается второго выпуска, который заключаетъ записки православнаго латыша, то эта часть совершенно самостоятельна и очень интересна, не столько по фактамъ, сколько какъ бытовая картина положенія несчастнаго, загнаннаго племени. Если бы, въ послѣ-

дующихъ выпускахъ, г. Самаринъ могъ воздержаться отъ употребленія того спеціальнаго приема обличенія, о которомъ мы говорили выше, и давалъ болѣе самостоятельныя, менѣе полемическія изслѣдованія, то нельзя было бы оспаривать заслуги предпринятаго имъ дѣла.

Кстати, по поводу русскихъ книгъ, изданныхъ въ послѣднее время за границею, упомянемъ о выходѣ въ свѣтъ богословскихъ сочиненій А. С. Хомякова.

Въ одной нѣмецкой газетѣ, посвященной литературнымъ новостямъ славянской литературы: «Centralblatt für slawische Literatur und Bibliographie» (1868, № 38, 19 September), мы встрѣтили библиографическое извѣстіе о второй части этихъ сочиненій (о 1-й намъ не случилось встрѣтить указаній), изданной подъ редакцію Юрія Самарина.

Этой книги мы не находимъ въ здѣшней книжной торговлѣ и, не видѣвъ самаго изданія, можемъ сообщить читателю только оглавленіе, переводимое нами съ нѣмецкаго и потому (легко можетъ быть) не въ точности соответствующее подлиннику русской книги. Это оглавленіе слѣдующее: «Предисловіе. — Опытъ катехизическаго объясненія ученія о церквн. — Нѣсколько словъ православнаго христианина о западныхъ исповѣданіяхъ, по поводу брошюры Лавренци, 1853. — Нѣсколько словъ православнаго христианина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, по поводу посланія архіепископа парижскаго, 1855. — Еще нѣсколько словъ православнаго христианина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ по поводу различныхъ латинскихъ (католическихъ?) и протестантскихъ сочиненій о вѣрѣ. 1858. — О библейскихъ трудахъ Бузвена. — Письмо къ Лоосу (янеснитскому) епископу въ Утрехтѣ. — Письмо къ редактору «Union Chrétienne» о значеніи слова «каеолическій» и «соборный», по поводу рѣчи іезуитскаго патера Гагарина. — Письмо къ И. С. Аксакову о значеніи страданія и молитвы. — Письмо къ И. С. Аксакову о молитвѣ и о чудесахъ. — Десять писемъ къ В. Пальмеру. — Письмо къ г. Вильямсу. — Переводъ Посланія къ Галатамъ. — Переводъ Посланія къ Ефессеянамъ. — Замѣчаніе къ тексту Посланія къ Филиппійцамъ. — Образъ жизни Спасителя. — Замѣчанія къ изслѣдованію достовѣрности (Zur Untersuchung der Authenticität) Евангелія отъ Матвея. — О свободѣ и необходимости, по по-

воду ученія Спинозы, Канта и другихъ философовъ.»

Нѣкоторыя изъ этихъ статей были напечатаны уже давно французскими брошюрами (также за границей); но какъ эти брошюры, такъ — если не ошибаемся — и всѣ остальные статьи этого сборника были бы новостью для русскаго читателя. Нельзя не пожалѣть, что изданію суждено было выйти за границей, въ особенности, если оно не получитъ права гражданства и въ Россіи. Мы сами не склонны раздѣлять взгляды Хомякова, но не можемъ, конечно, не питать большого интереса къ его трудамъ, какъ одному изъ главныхъ выраженій славянофильской доктрины. Богословскіе взгляды Хомякова, отчасти извѣстные уже и изъ другихъ его сочиненій, составляютъ, конечно, весьма крупную долю въ цѣлой системѣ славянофильскихъ идей, и нельзя не желать, чтобы они могли подвергнуться сколько-нибудь откровенной критикѣ въ нашей домашней, не заграничной литературѣ. Мы съ интересомъ ожидаемъ, какъ будетъ поставлено въ нашей литературѣ новое пражское изданіе.

Галичина и Молдавія. Путевыя письма *Василія Кельсиева*. Спб. 1868 г. 351 стр.

Корреспондентъ газеты „Голось“, В. Кельсиевъ призналъ свои корреспонденціи изъ Галиціи и Молдавіи заслуживающими отпечатанія книгою. Газетамъ слѣдовало бы удерживать инныхъ своихъ корреспондентовъ отъ подобныхъ предпріятій. Мало ли чтѣ было напечатано на одномъ изъ 360 листовъ, выходящихъ въ теченіе года, и сошло съ рукъ, благополучно забылось. А тутъ опять все это является вторично на свѣтъ, обличая и всѣ тѣ „потребности“, какія имѣлись въ виду въ данный моментъ, и всѣ тѣ недосмотры и ошибки, какія могутъ быть въ разсужденіяхъ о предметахъ возвышенныхъ — людей, неприготовленныхъ, случайныхъ.

Любопытно было бы увидѣть отпечатанными отдѣльно книгою письма другаго корреспондента газеты „Голось“ изъ Италіи, который зналъ всѣ тайны гарибальдійскихъ движеній и передалъ своей редакціи свидѣтельство итальянцевъ, что il Golosъ есть именно foglio serio e principale della presse russa — свидѣтельство, которое было конечно подлинно, за исключеніемъ впрочемъ слова *presse*, совсѣмъ несуществующаго въ итальянскомъ языкѣ.

Въ ожиданіи, пока появятся книги всѣхъ этихъ смѣлыхъ публицистовъ или кто-нибудь возьметъ на себя трудъ сдѣлать маленькій, поучительный этюдъ надъ ихъ показаніями изъ разныхъ странъ, надъ ихъ знаніями и правами, можно довольствоваться внижкой одного изъ нихъ, г. Кельсіева.

Г. Кельсіевъ это — Грушницкій русской печати. Онъ также носится со страданіями „наложившими на чело неизгладимые слѣды“, также оттопыриваетъ эпюлеты крылышками, повѣствуя о страхѣ, какой онъ наводилъ на австрійскія власти, также запускаетъ себя за галстухъ полбутыли духовъ, провозглашая, что это ему позволяли его средства, такъ какъ онъ получалъ отъ редакціи до четырехъ тысячъ рублей въ годъ.

Но Грушницкій былъ далеко не такъ смѣлъ, какъ г. Кельсіевъ, который больше всего любить говорить о томъ, что всего меньше знаетъ. Потомъ, Грушницкій, правда, любилъ эффектъ, мечталъ только объ эффектѣ, точно такъ же какъ г. Кельсіевъ, но не былъ до такой степени жаденъ къ захвату всѣхъ родовъ эффекта, какъ послѣдній. Г. Кельсіеву мало того, что онъ васъ удивляетъ; нѣтъ, ему хочется поразить васъ, совсѣмъ ошеломить васъ даровитостью и силою своей личности. Для этого онъ подбѣгаетъ къ вамъ спереди и сзади, всякій разъ въ новомъ костюмѣ, подскакиваетъ выше своей головы, то становится въ позу Гамлета, берущаго взятки въ Тульчѣ, то слеживается въ страшную фигуру какого-то революціонераго Яго, съ краснымъ перомъ, то вдругъ поплыветъ на лодкѣ и своею могучею рукою придавить пріятеля ко дну ея и держать его такъ, столь же долго, какъ въ циркѣ клоунъ можетъ продержатъ на зубъ бревно; наконецъ, неожиданно мѣняетъ красное перо на красную рубаху и въ порывѣ патриотизма, несоразмѣрнаго ни съ пространствомъ, ни со временемъ, начинаетъ присоединять разныя земли къ тому отечеству, въ которое вернулся, таща ихъ за собою въ видѣ богатаго улова. Это не простой рыбакъ: это — Мазаниелло возвращающійся съ полною сѣтью, но въ то же время съ «печатью рока на челѣ».

Это уже не Грушницкій, а нѣкій могучій пресиджигаторъ, ученый, публицистъ, атлетъ, революціонеръ, патриотъ, рыбоводъ, однимъ словомъ настолько выше Грушницкаго, что уже

недалекъ и до Мюнхгаузена. Нѣтъ въ человѣческой впечатлительности той дырки, куда бы не залѣзъ г. Кельсіевъ, и откуда бы онъ неожиданно не выскочилъ, чтобы удивить васъ.

«На меня — говоритъ г. Кельсіевъ въ своей книгѣ — на меня нападаютъ за мою будто бы (!) страсть рисоваться своей личностью передъ публикою, выставлять себя при каждомъ случаѣ какимъ-то героемъ и какъ бы осью, вокругъ которой вращается все рассказываемое мною. У каждого своя манера, каждый работаетъ по источникамъ, которыми онъ располагалъ». Совсѣмъ напротивъ; находить, что рассказываемое г. Кельсіевымъ совсѣмъ не интересно, что изъ богатыхъ сюжетовъ, которыхъ онъ касается, онъ ничего несумѣлъ извлечь дѣльнаго, а относительно «оси» и личнаго геройства самого автора всѣ согласны, что въ этомъ-то и заключается весь интересъ его повѣствованія, потому именно, что оно есть не изслѣдованіе, а «представленіе». Недостатокъ же г. Кельсіева заключается, какъ мы уже сказали, въ жадности забрать уже всѣ эффекты; Грушницкій, когда стоялъ передъ зеркаломъ съ эпюлетами, оттопыренными въ видѣ крылышекъ, былъ, вѣроятно, очень милъ; но если бы онъ такіе же эпюлеты навязалъ себѣ еще на спину, привѣсилъ къ колѣнямъ и пожалуй къ носу — то едва ли бы онъ могъ губить сердца.

Чтобы ошеломить своего читателя сразу, какъ можно сильнѣе, г. Кельсіевъ начинаетъ свою книгу такъ: «Нѣтъ ничего въ мірѣ гаже и презрѣннѣе ренегата». Мы, признаться, до сихъ поръ остаемся подѣ дѣйствіемъ изумленія, которое желалъ произвесть авторъ и не понимаемъ, что тутъ именно означаетъ такое начало? Для чего потребовалось слѣдующее затѣмъ оправданіе апостола Павла? Какъ будто кому-нибудь могло прийти въ голову подвижничество апостола назвать ренегатствомъ? Да и наконецъ, съ какой стати въ предисловіи, посвященномъ собственной персонѣ, г. Кельсіевъ ссылается на апостола Павла? При разборѣ первой книжки, изданной г. Кельсіевымъ, критика обращала вниманіе на хвастливость и пустоту автора его, но намъ не случилось видѣть ни одной статьи, въ которой г. Кельсіева упрекали бы за перемѣну, происшедшую въ его мнѣніяхъ. Напротивъ, всякъ, конечно, одобрилъ бы г. Кельсіева за то, что

онъ оставилъ свои прежнія смѣшныя затѣи, еслибы только онъ не сопоставлялъ такого простого сознанія своей нелѣпости съ великимъ подвигомъ апостола Павла.

Но г. Кельсіевъ именно простого-то и не любитъ; потому-то онъ и не удовольствовался дарованною ему амнистією, а непременно хочетъ, чтобы на него смотрѣли какъ на Прометей, хотя никакой коршунъ не клевалъ его, а сороки ему даже сочувствовали.

Ошеломивъ читателя своею странною вступительною фразой, г. Кельсіевъ тотчасъ начинаетъ свое удивительное «представленіе». Онъ увѣряетъ, что всегда есть и былъ «отрипатель-лемъ», сообщаетъ, что нѣкоторые почитаютъ его консерваторомъ, упоминаетъ, что онъ былъ искреннимъ украинофиломъ, и тутъ же божится, что ему въ Вѣнѣ была сдѣлана «ампутация дикаго мяса». Вотъ сколько эффектовъ на первыхъ же двухъ страницахъ!

Не знаемъ, кто такой въ заключеніе г. Кельсіевъ—отрицатель-ли или консерваторъ, но что касается его книги «Галичина и Молдавія», то сверхъ существеннаго ея содержанія — прославленія собственной персоны всякаго рода штуками, всякимъ ряженьемъ, — она есть не что иное, какъ сборъ самыхъ дюжинныхъ анекдотовъ о побѣдѣ автора въ два названные края и самыхъ непростительно-поверхностныхъ, анекдотически-поверхностныхъ отзывовъ о людяхъ и дѣлахъ, имъ видѣнныхъ.

Въ примѣрѣ анекдотовъ, которые авторъ, повидимому, считаетъ забавными, уважемъ на разговоръ его съ евреемъ въ Лембергѣ, который предлагаетъ ему самую низкую трактирную услугу. Испуганный величавымъ выраженіемъ лица г. Кельсіева, онъ удаляется. Не правда ли какъ это забавно? И какъ это характеризуетъ край! Само собою разумѣется, что г. Кельсіевъ воспользовался этимъ фактомъ для выводовъ относительно мѣстной цивилизации вообще и еврейской въ особенности.

„Я смыслу кой-что въ славянской филологіи“, съ гордою скромностью признается г. Кельсіевъ, а на дѣлѣ оказывается, что въ малороссійскомъ языкѣ онъ слабъ, а польскій совсѣмъ плохо знаетъ. Онъ самъ сознается, что не понималъ языка южно-русской „Метц“, онъ сообщаетъ за новость, что въ южно-русскомъ языкѣ есть полонизмы, и даже считаетъ нужнымъ выписывать примѣры: „муръ“ (ка-

менная стѣна) „каменица“ (каменный домъ), „раптемъ“ (вдругъ, а не „силою“ какъ переводитъ нашъ филологъ) и т. д.

Вотъ примѣръ отношенія автора къ литературнымъ и политическимъ партиямъ: „Украинофилами явились здѣсь (въ Галиціи) студенты, и весь ихъ антимосковский патриотизмъ выразился въ пѣніи народныхъ пѣсенъ и въ *мань-стенъ* (курсивъ въ подлинникѣ)“. Далѣе, отрицатель (онъ же консерваторъ), неизвѣстно съ какой стати, вдругъ восклицаетъ: „будь я сила и власть въ Россіи, я *перехваталъ* бы завтра всѣхъ нашихъ украинофиловъ и сослалъ бы ихъ въ Галичину мѣсяца на два, на три; пусть потолкуютъ тамъ съ своими земляками, съ учеными, которые даже и *помоскальски* (курсивъ подлинника) не знаютъ, а говорятъ какой-то *украиньской мовой* (тоже)“. Хорошо же, что г. Кельсіевъ не сила и не власть въ Россіи; хватать и ссылать людей—это единственная поза, въ которую еще не удалось стать г. Кельсіеву, но онъ мечтаетъ о ней, и вѣроятно уже рѣшилъ вопросъ, какой мундиръ для этой позы былъ бы эффектнѣе: военный или статскій?

Евреевъ г. Кельсіевъ, если бы онъ былъ „власть и сила въ Россіи“, навѣрно бы похвалалъ и сослалъ бы еуда-нибудъ всѣхъ до одинаго; такъ убѣжденъ онъ, что евреи — народъ вредный, совершенно неспособный ни къ какой полезной дѣятельности. По его мнѣнію, еврей не можетъ быть ни хорошимъ ремесленникомъ, ни хорошимъ солдатомъ, ни хорошимъ врачомъ. „Гейне, Мейерберъ, Спиноза — говоритъ авторъ—то и дѣло приводятся намъ въ примѣръ даровитости еврейской расы; но отчего же такъ мало производитъ она подобныхъ личностей? *Kein Geschäft!*“ Видите-ли, еврей виновны, потому что г. Кельсіеву, всезнающему, извѣстны только три имени прославившихся евреевъ. Но остановимся хоть на этихъ трехъ, и подумаемъ, много ли мы найдемъ именъ имъ равныхъ въ другихъ расахъ.

Подѣрживъ нѣсколькими фразами неспособность евреевъ къ какой либо полезной дѣятельности и вредность ихъ для государства, г. Кельсіевъ переходитъ къ единственной доступной ему системѣ аргументаціи—къ разсказу пошловатыхъ анекдотцевъ. То, что казалось уже давно рѣшеннымъ вопросомъ, то, что, повидимому, сдѣлалось умственнымъ достояніемъ

массы скольконибудь образованныхъ людей, именно убѣжденіе что еврей — такой же человекъ, какъ всѣ, и долженъ быть полноправенъ, пошатнется отъ разсказа г. Кельсіева, что у одного знакомаго ему еврея лежала какая-то тряпка въ гостинной, или что входъ въ его квартиру былъ чрезъ уборную его жены!

Что касается до массы непросвѣщенной, то она по крайней мѣрѣ, считала еврея набожнымъ; такое мнѣніе едва ли не заслужено вѣковыми страданіемъ за вѣру; самъ Гейне упрекалъ евреевъ за ихъ непоколебимую твердость въ той мисси, какую они считаютъ своимъ удѣломъ. „Отрицатель-консерваторовъ“ и этого качества не признаеть за евреями и увѣряетъ, что они совершенно неспособны даже къ религиозной медитаци.

О своемъ арестѣ или лучше сказать задержаніи, такъ какъ заключенію его не подвергли, г. Кельсіевъ весьма распространился; по этому случаю онъ „накаталъ“ въ „Голосѣ“ цѣлыхъ пять писемъ, являющихся теперь главами. Въ предисловіи онъ придаетъ этому разсказу большее значеніе, и выражаетъ увѣренность, что его помянетъ добромъ „какойнибудь русскій путешественникъ или изслѣдователь, если забравшись въ подобныя края, очутится“ въ такомъ положеніи. „Вспомнивъ мой подробный разсказъ, доказывающій, que le diable n'est pas si noir qu'on le fait (г. Кельсіевъ любитъ приводить фразы на разныхъ языкахъ, причемъ почти всегда дѣлаетъ ошибку), онъ ободрится, не потеряетъ присутствія духа, — а въ этомъ половина спасенья.“ Самъ г. Кельсіевъ до такой степени не потерялъ присутствія духа (ничего страшнаго нѣтъ, правду сказать, и не было, такъ какъ съ нашимъ героемъ обращались, какъ онъ самъ удостовѣряетъ, очень мягко), что нагородилъ невѣсть какихъ небыллицъ австрійскому чиновнику. И тутъ онъ не удержался, чтобы не прихвастнуть, что у него есть 100 тысячъ капитала. Другому бы никакъ это не пришло въ голову; другой вздумалъ бы пожалуй умилюстивлять власти объявленіемъ, что онъ человекъ бѣдный, что фотографическія принадлежности онъ возить съ собою просто потому, что онъ фотографъ по ремеслу. Но характеръ человека выражается во всемъ; даже въ выдумкахъ сказывается правда, если не о положеніи человека, то о свойствахъ его.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что австрій-

скія власти, которыхъ подозрѣніе г. Кельсіевъ возбудилъ быть можетъ тѣми неправдоподобностями, какія поразсказалъ о себѣ, выслали его за границу, написавъ на его паспортѣ, что онъ разѣзжаетъ „безъ цѣли“ и „безъ визы“. Но г. Кельсіевъ представляетъ свою выдумку въ такомъ страшномъ видѣ, какъ будто за нимъ гналась цѣлая австрійская армія: „страхъ, что во Львовѣ или въ Черневцахъ догадаются, кто такой Vassilij Iovanoff, долго еще не давалъ мнѣ покоя.“ Страхъ едва ли не напрасный, замѣтимъ мы. Ну что бы произошло, если бы тамъ и узнали, что это самъ г. Кельсіевъ? Вѣдь разсказываетъ же онъ, что когда онъ явился къ русскимъ властямъ и торжественно назвалъ своимъ настоящимъ именемъ, прибавивъ: подавайте оковы! то сами русскія власти удивились и недоумѣвали, кто же такой самъ г. Кельсіевъ, — а насчетъ оковъ просили его не пускаться въ преувеличенія: совѣтъ весьма пригодный для г. Кельсіева.

Въ заключеніе, скажемъ, что книжка г. Кельсіева, въ которой одинаково легко говорится и объ исторической судьбѣ евреевъ и о театральныхъ представленіяхъ, и о всевозможныхъ политическихъ вопросахъ, и о вопросѣ: что было дѣлать автору, когда какой-то молдованъ толкнулъ его колѣномъ въ спину — принадлежить къ разряду тѣхъ „путевыхъ замѣтовъ“, какія вели встарину армейскіе офицеры на походахъ: „Сегодня я прескверно пообѣдалъ. Городъ N весьма древенъ. Какіе, однако, плуты эти жида! Обѣлся и не могъ выйти на ученье. Замѣчательно, какъ горы могутъ быть высоки! Здѣсь они очень высоки. Какая невѣдомая сила выдвинула ихъ? Алексѣй Михайловичъ царствовалъ въ XV столѣтіи; запомнить это. Интересно бы рѣшить вопросъ, продавался ли уже въ то время жуковскій табакъ, и былъ ли также свверенъ? Мошенникъ Степка обыгралъ. Правду говорить Шмуль: изъ хама не будетъ пана. Я произведенъ въ подпоручики. Напечатано въ приказѣ; приказъ прочтеть вся Россія. Какъ хорошо, что приказъ печатаются не церковнымъ шрифтомъ. Теперь во всей славянщинѣ узнаютъ, что прапорщикъ Кельсіевъ произведенъ въ подпоручики!“

Вотъ, въ такомъ родѣ мудрствуетъ и г. Кельсіевъ, забавляя читателей, на свой же собственный счетъ.

Д.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

The invasion of Crimea, by Al. W. Kinglake.
Vol. 5—6. Tauchnitz edition. 1868.

Journal humoristique du siège de Sébastopol, par un artilleur. T. I. 403 стр. T. II. 588 стр. 8°. Libr. centrale. 1868.

Не смотря на дѣля тринадцать лѣтъ, прошедшія со времени Восточной войны, крымская экспедиція союзныхъ англо-французско-турецко-сардинскихъ войскъ, — точно также какъ и упорная 11-ти мѣсячная защита Севастополя русской арміей и флотомъ — нисколько не утратила своего живого интереса. Напротивъ, и особенно въ данный моментъ, когда на омраченномъ горизонтѣ европейской политики снова выдвигается съ одной стороны вѣковой восточный вопросъ, съ другой стороны, щекотливый вопросъ о значеніи французскаго преобладанія въ Европѣ и о роли бонапартистскаго господства не только извѣтъ, но и внутри самой Франціи, — въ высшей степени представляется полнымъ интереса разъясненіе, какими побужденіями была вызвана кровопролитная борьба? гдѣ крылись ея причины? къ какимъ послѣдствіямъ — благотворнымъ или пагубнымъ для общаго состоянія — повелъ исходъ борьбы, и на сколько притязанія той или другой стороны, ложныя или основательныя — искупали громадное число павшихъ жертвъ и страшную долю страданій и лишеній, выпавшихъ на долю, какъ защитникамъ Севастополя такъ и осаждавшимъ его? Отвѣты на подобныя вопросы представляются весьма легкими для французскихъ публицистовъ и историковъ. Рутинная формалистика французскаго шовинизма, конечно, всегда выставляла на видъ роль Франціи въ Европѣ, необходимость ея вліянія на Востокѣ, ея призваніе свыше къ вмѣшательству и защитѣ угнетенныхъ европейскихъ державъ, и наконецъ — болѣе специализируя поводъ войны, — дерзкое обращеніе русскаго посла съ турецкимъ визиремъ — и притязаніе русскаго правительства на священные ключи Іерусалима, о которыхъ, на дѣлѣ, при концѣ войны, французское правительство забыло и думать¹⁾. Иначе смотреть

на указанные вопросы писатели, способные въ силу своей серьезности и добросовѣстности отрѣшиться отъ узкаго, такъ сказать, мѣстнаго воззрѣнія. Среди такихъ писателей, первое мѣсто безспорно принадлежитъ англійскому историку крымскаго вторженія, Кинглеку. Его приверженность къ отсталой торійской партіи въ Англии ничуть не мѣшаетъ ему быть основательнѣе и трезвѣе въ сужденіяхъ наиболѣе либеральныхъ французскихъ авторовъ. Это происходитъ отъ того, что политическое воспитаніе среди наиболѣе свободныхъ предстательственныхъ учреждений, при которыхъ каждый вопросъ на сколько либо касающійся страны, — подвергается ничѣмъ и никѣмъ не стѣсненному общему гласному обсужденію, — воспитаніе въ такой средѣ пріучило мыслителя къ свободному, безстрастному и не подкунному вниканію во всѣ стороны вопроса и къ здравому исканію причинности того или другаго явленія не въ мимолетномъ капризѣ одного лица, а въ самомъ положеніи вещей. Такимъ образомъ, за Кинглекумъ остается важная заслуга объясненія крымской войны самимъ ненормальнымъ и мрачнымъ положеніемъ Франціи. Безъ сомнѣнія, какъ партизанъ предстательственной системы, онъ не прочь попрекнуть русское устройство отсутствіемъ подобной системы и невыгодами, происходящими отъ того, по его личному мнѣнію; и въ тоже время, какъ приверженецъ торійской партіи, онъ всегда готовъ обличить вигское министерство Пальмерстова, стоявшее въ то время во главѣ управленія, и поэтому обязанное принять на себя всю отвѣтственность за союзную войну съ Франціей противъ Россіи. Но все же главною

надлежащая оппозиціонной и преимущественно эмиграціонной литературѣ. Такъ на послѣднее обстоятельство о ключахъ Іерусалима указываетъ именно Ch. Dunoyer, въ книгѣ изданной въ Лондонѣ въ 1864 г. «Le second empire et une nouvelle restauration»: «Il y a bien des preuves du peu d'importance qu'on attachait en effet à cette question (вопросъ о святыхъ мѣстахъ); dans les négociations pour la paix qui ont suivi la guerre dont elle avait été le premier pretexte, il n'a pas été dit un seul mot des Lieux Saints». (Т. I, стр. 247).

¹⁾ Разумѣется, мы говоримъ о большинствѣ французскихъ историковъ, но есть и исключенія, при-

темою историческаго разоблаченія, предпринятаго Кинглекомъ, служить Франція, ея правительство, захватившее власть въ ролюмной катастрофѣ 2-го декабря 1851 года. Въ этой катастрофѣ видитъ Кинглекъ главную причину крымской войны. Разъ захвативши престолъ, Наполеонъ III, наслѣдникъ бонапартистской традиціи, врядъ ли могъ удержаться въ взволнованной странѣ иначе какъ отвлеченіемъ и перенесеніемъ ея вниманія съ внутренняго смутнаго состоянія на вѣднѣйшій блескъ побѣдоноснаго оружія. Ввергнувъ Францію въ гигантскую борьбу, новый узурпаторъ укрѣплялъ свое господство навязаннымъ признаніемъ его необходимости для спасенія страны: понятно, что французы должны были держаться за него, какъ за единаго руководителя главныхъ судебъ французскихъ войскъ, особенно при извѣстномъ паническомъ страхѣ французовъ — предъ нашествіемъ варваровъ на ихъ отечество, — при первыхъ внутреннихъ смутахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, побѣда и слава, на которую Наполеонъ III рассчитывалъ, приковывая къ нему армию и возбуждая популярность, упрочивала за нимъ патріи престолъ. Вотъ побужденія, въ которыхъ Кинглекъ видитъ главную, существенную причину разгара крымской войны. Отправляясь отъ такой точки зрѣнія, изложивъ темное происхожденіе и кровавое воцареніе втораго бонапартистскаго режима (Т. I, гл. XIV), Кинглекъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ англичанина разбираетъ всѣ невыгоды и всю потерю, весь вредъ и всѣ слабыя стороны союзниковъ въ продолженіе экспедиціи. Въ этомъ то разборѣ и заключается особая любопытная сторона англійскаго изслѣдованія. Разсказъ о военныхъ событіяхъ часто сбивается и переходитъ въ строгій процессъ между двумя партіями, но это процессъ уже не между союзниками и русскими, а страннымъ образомъ — самихъ союзниковъ между собой, процессъ между англичанами и французами изъ-за взаимныхъ и очень крупныхъ упрековъ другъ другу и обвиненій за ту или другую неудачу. Кинглекъ, конечно, является здѣсь адвокатомъ англичанъ, точно также какъ авторъ французской книги, — не щадитъ никакихъ рѣзкихъ выраженій для обличенія англичанъ и для высмѣянія ихъ неловкости и неумѣлости. Внимательное наблюденіе при чтеніи за указаннымъ процессомъ, можетъ наве-

сти на разныя соображенія и между прочимъ на то, что воинскій союзъ двухъ народовъ былъ явленіемъ крайне ненормальнымъ, искусственно натянутаго, и на столько рискованнымъ, что вмѣсто скрѣпленія братскихъ узъ между вѣковыми врагами, — могъ только повести къ новой распрѣ или, во всякомъ случаѣ, къ обоюдной, затаенной злобѣ. Гораздо вѣрнѣе и прочнѣе оказывается сближеніе, производимое не приказами главнокомандующихъ, а дѣйствительными потребностями двухъ народовъ — сближеніе, происходящее въ послѣдніе годы и основанное на взаимности и солидарности торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, и идущемъ рядомъ съ ними обмѣнѣ мыслей.

Если таково отношеніе Кинглека къ французамъ, то, опять таки странно, хотъ и понятнымъ для насъ образомъ, — совершенно искренне и даже радушно отношеніе историка къ русскимъ, къ ихъ воинскимъ подвигамъ, успѣхамъ и пораженіямъ. «Я надѣюсь — говорилъ онъ еще въ январѣ 63 года, — въ предисловіи къ своему сочиненію — я особенно надѣюсь получить свѣдѣнія и сообщенія отъ русскихъ. Защита ими Севастополя занимаетъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ войны; и я полагаю, что чѣмъ болѣе будетъ, извѣстна истина, тѣмъ болѣе чести будетъ русскому оружію». И дѣйствительно, Кинглекъ нашелъ возможнымъ получить много свѣдѣній и отъ русскихъ. Особенно дорого цѣнитъ онъ замѣчанія Жандра¹⁾, точно также какъ и указанія почерпнутыя имъ изъ книги и еще болѣе изъ плановъ, приложенныхъ къ книгѣ, изданной генераломъ Тотлебенемъ, въ 1864 г. Наконецъ, Кинглеку посчастливилось, среди множества другихъ важныхъ для него знакомствъ, лично видѣться съ генераломъ Тотлебенемъ. Съ именемъ генерала Тотлебена неразрывно связано, при началѣ осады, имя другаго война, — адмирала Корнилова. Эти два человека, говорить Кинглекъ — были «головой и сердцемъ» отчаянной защиты, и имъ принадлежить вся слава и вся честь ея сѣмлаго начала. Корниловъ дѣйствовалъ неотступно по совѣтамъ Тотлебена; и если инженерному таланту послѣдняго Севастополь обязанъ былъ своимъ 11-ти мѣсячнымъ

¹⁾ ... «admirable work, which I have followed, the work of Gendre (Matériaux pour servir etc)». Kinglake, т. V, стр. 42.

упорствомъ, то мужеству и отвагѣ перваго обязанъ былъ Севастополь воодушевленіемъ и ободреніемъ своего смущеннаго гарнизона. Простое, избавленное отъ всякихъ фразъ и восклицаній описаніе Кинглека производитъ впечатлѣніе гораздо сильнѣйшее, чѣмъ всякія описанія, приправленныя риторическими фигурами. Разсказъ о совѣщаніи севастиопольскихъ моряковъ и о горахъ ихъ при извѣстіи о приказѣ кн. Меншикова — потопить корабли въ гавани — этотъ разсказъ представляетъ собою одну изъ художественныхъ страницъ исторіи Кинглека, точно также какъ и тѣ страницы, гдѣ разсказывается гибель Корнилова ²¹/₁₀ сентября 1854 г. Корниловъ собралъ совѣтъ адмираловъ и капитановъ для разсужденія о томъ, что слѣдовало предпринять теперь, вслѣдствіе потери битвы при Алыгѣ. Самъ онъ предлагалъ двинуться съ черноморскимъ флотомъ впередъ и ворваться въ ряды неприятельскихъ флотовъ. Собраніе «встрѣтило предложеніе Корнилова гробовымъ молчаніемъ». Вслѣдъ за Корниловымъ, капитанъ Зоринъ представилъ совершенно противоположное предложеніе: оно заключалось въ потопленіи нѣсколькихъ кораблей въ устьѣ рейда, и въ употребленіи ихъ орудій и экипажей для усиленія гарнизона. «Когда это предложеніе было сдѣлано, то у многихъ, повидимому знавшихъ, что оно исходило отъ главнокомандующаго (князя Меншикова), а потому, конечно, будетъ принято — полились слезы. И раздался громкій говоръ. Человѣкъ, разсказывающій что тамъ происходило (капитанъ Жандръ), не пытается передать намъ слова или даже содержаніе всего говореннаго тамъ, но онъ самъ въ своей рѣчи, — онъ былъ офицеръ черноморскаго флота — онъ самъ за себя высказываетъ горе тѣхъ воиновъ, къ которымъ обращались съ такимъ предложеніемъ: «Какъ было рѣшиться на такую жестокую мѣру?... Развѣ она не равнялась торжественному призванію нашей неспособности сражаться на морѣ? Развѣ то не было бы отрѣченіемъ отъ самаго имени моряковъ столь дорогаго людямъ черноморскаго флота?... Мы должны были топить наши корабли собственными руками въ волнахъ роднаго порта?

«Вопросъ не шель о принесеніи на алтарь отечества нашихъ богатствъ, нашихъ матеріальныхъ интересовъ? Нѣтъ, жертва была гораздо болѣе высокаго свойства. Мы должны

были погубить безпощадной рукою все на чемъ мы такъ долго сосредоточивали всѣ наши нравственныя стремленія, все въ чемъ мы привыкли видѣть наше призваніе и нашу будущность»¹⁾. Корниловъ, несогласный съ предложеніемъ Зорина, и вида, что на время большинство окажется за одобреніе проекта потопленія, распустилъ совѣтъ съ словами: «Готовьтесь къ выходу въ море, будетъ данъ сигналъ, который скажетъ каждому, что онъ долженъ дѣлать». Въ этихъ словахъ, однако, слышалось тяжелое сомнѣніе; Корниловъ сомнѣвался, чтобъ князь Меншиковъ переизмѣнилъ свое намѣреніе. Дѣйствительно, при свиданіи, на которое отправился Корниловъ, князь Меншиковъ повторилъ свой приказъ о потопленіи кораблей. Корниловъ отвѣчалъ, что никогда не сдѣлаетъ подобной вещи. «Хорошо, — возразилъ князь Меншиковъ, — въ такомъ случаѣ вы можете возвратиться на вашъ постъ въ Николаевъ пошлите за адмираломъ Станкевичемъ, чтобъ передать ему надлежащія инструкціи. — Пойдите, отвѣчалъ въ свою очередь Корниловъ вы заставляете меня совершить самоубійство, но теперь оставить Севастополь, окруженный врагами — невозможно. Я готовъ повиноваться». Такъ было приступлено къ потопленію кораблей. Позже, какъ извѣстно, этой мѣрѣ придавалось огромное значеніе въ продолжительности защиты Севастополя; такъ что, французскій писатель — артиллеристъ, слышавшій о влияніи и роли Корнилова, прямо приписываетъ ему же грустную славу удачной мѣры потопленія. Военной диктатурѣ Корнилова, какъ опредѣляетъ его роль Кинглекъ — суждено было длиться только 26 дней; напрасно приближенные хотѣли уберечь его еще въ послѣдній день, при посѣщеніи Малахова кургана; «нельзя убѣждать отъ выстрѣла», — говорилъ онъ улыбаясь, и дѣйствительно не убѣждалъ. Говорять, старались скрыть смерть любимаго адмирала насколько было можно хоть до конца дня, для того, чтобъ гарнизонъ не упалъ совершенно духомъ²⁾. Послѣдними словами умирающаго было завѣщаніе: «Защищайте Севастополь» и кликъ ура! при извѣстіи объ отбитіи одного изъ частныхъ нападеній союзниковъ. Такъ, зова на защиту, Корниловъ умиралъ съ на-

¹⁾ Kinglake, т. 5, стр. 151—158.

²⁾ Kinglake, т. 6, стр. 135.

деждою на возможность отбитія и изгнанія врага. Упрекнувъ его за то было бы нельзя. Положеніе противниковъ въ то время было крайне неопредѣленное и измѣнчивое.

Съ одной стороны, русскому главнокомандующему ставилось въ пагубную ошибку—допущеніе высадки союзниковъ: въ этомъ видѣлись, компетентными судьями дѣла, неосновательная самонадѣянность и отсутствие стратегическаго расчета, — въ такихъ же недостаткахъ упрекаютъ русскаго главнокомандующаго и по поводу пораженія русскихъ при Альмѣ. Но здѣсь же начинаютъ сами иностранцы обвиненія союзныхъ главнокомандующихъ въ тѣхъ же отрицательныхъ качествахъ, и та худо скрытая враждебность двухъ союзныхъ націй, о которой мы говорили выше, обнаруживается здѣсь въ полномъ блескѣ. Кинглекъ прямо обвиняетъ маршала С. Арно за его медлительность, нерѣшимость, неспособность или нехотѣніе понять необходимость безотлагательнаго марша впередъ для преслѣдованія пораженнаго и застигнутаго въ располхъ неприятеля. Французскій артиллеристъ-историкъ обвиняетъ не мѣше прямо лорда Раглана за флегматическое замедленіе англійскими войсками побѣдоноснаго движенія впередъ французской арміи. И любопытно при этомъ то, что, съ одной стороны, Кинглека поддерживаетъ прямое показаніе лорда Раглана; съ другой стороны, французскій писатель находить себѣ подтвержденіе въ извѣстной жалобѣ С. Арно Наполеону III на медленность англичанъ.

Но то, въ чемъ готовы согласно сойтись оба писателя—это въ признаніи за предпріятіемъ легкомыслія и громаднаго, страшнаго риска. Десятки разъ попадаютъ въ томъ и другомъ сочиненіи—описанія бѣдственнаго положенія союзной арміи. Въ этомъ отношеніи читатель еще болѣе найдетъ интереса во французской книгѣ. Мы, конечно, не хотѣли бы оскорбить англійскаго сочиненія серьезнымъ сравненіемъ съ французскою книгою, оно невозможно. Одно—англійское сочиненіе составляетъ почтенный, монументальный вкладъ въ литературу; другое—французское, носить на себѣ отпечатокъ болѣе преходящаго свойства. Первое—составляетъ плодъ долгихъ изысканій и добросовѣстныхъ изслѣдованій по громадному запасу всестороннихъ матеріаловъ; второе—вовсе не имѣя подобныхъ притязаній, представляетъ

собою личныя наблюденія, памятную книжку, дневникъ одного изъ молодыхъ участниковъ въ 11-ти мѣсячной осадѣ Севастополя. Именно разсказъ очевидца—французская книга заключаетъ въ себѣ большую привлекательность такъ сказать, для общаго, легкаго чтенія. Дѣйствительно, она читается какъ интересная повѣсть, только съ тою разницею, что на бѣду здѣсь не вымышленные герои, и здѣсь жертвы не воображенія художника, а свинца и пороха. Очевидецъ описываетъ почти день за днемъ свое 11-ти мѣсячное пребываніе подъ стѣнами Севастополя, и понятна мрачная, трагичная сторона этого пребыванія, если мы упомянемъ, что очевидно на долю выпадалъ по крайней мѣрѣ одинъ день изъ трехъ, когда онъ долженъ былъ отправляться на батарею, гдѣ грозила ежеминутно вѣрная смерть... И несмотря на нѣкоторыя уродливости, на совершенно стереотипныя и опошленныя фразы о западной цивилизаціи и русскомъ варварствѣ, о преславной роли знаменитаго демократа Наполеона III, и о пресловутомъ вторженіи казацкихъ ордъ черезъ Константинополь чуть ли не прямо въ самое сердце цивилизаціи—Парижъ,—несмотря на инныя излишества довольно часто разыгрывающейся авторской фантазіи—все же книга французскаго артиллериста живо переноситъ въ союзный лагерь того времени, въ тѣ траншеи и подполья, которыя встрѣчались на разстояніи такъ сказать нѣсколькихъ шаговъ съ русскими траншеями и аванпостами. Разсказъ артиллериста наполненъ страницами, которыя заставляютъ читателя какъ бы присутствовать то при страшной, отчаянной свалкѣ въ ночной тѣмѣ, когда русскіе нападутъ на французовъ и завяжутъ безпощадную рѣзню; которая нерѣдко переходила въ рѣзню братоубійственную между самими французами, какъ и между самими русскими, вслѣдствіе ночной мглы, и которая не разъ кончалась только тогда, когда ужъ некому было драться; то на другой день послѣ рѣзни, при часовомъ перемиріи, подъ сѣнью бѣлаго флага—когда собирали окровавленные, изуродованные трупы, и когда смертельные враги за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ ласково обмѣнивались полупонятными словами на особомъ изобрѣтавшемся врагами нарѣчій. Странныя объясненія или иногда между врагами при подбораніи труповъ:

«Когда же это все кончится? спрашиваетъ русскій офицеръ. — Не знаю, лавнически отвѣчалъ французъ. — Въдь это начинается утомлять—продолжалъ русскій—и потомъ какъ намъ нетерпится увидѣть снова Парижъ. — А намъ-то, возражалъ французъ». (Т. II, стр. 173). Подобный разговоръ вѣроятно вымышленъ, ибо съ какой стати русскій офицеръ простеръ бы свою галантность до того, чтобы увѣрять француза въ желаніи увидѣть Парижъ? Другой разговоръ гораздо логичнѣе. «Это скучно и тоскливо—говоритъ одинъ парламентаръ. — Очень скучно, отвѣчаетъ другой. — Это тѣмъ болѣе скучно для насъ, замѣчаетъ русскій, что васъ хоть поддерживаетъ надежда, что вы возьмете Севастополь; а у насъ не можетъ быть и того, ибо мы знаемъ, что вы никогда не возьмете Севастополя!» — И дѣйствительно, сами французы не разъ сомнѣвались въ успѣхѣ; и по-мощь русскимъ гранатамъ и бомбамъ являлся «генералъ Декабрь и маршалъ Январь»¹⁾; — ураганы и скудость свѣстныхъ и горючихъ припасовъ не разъ вводили французовъ на воспоминанія о 1812 г. Юный артиллеристъ, проведя 11 мѣсяцевъ въ философствованіи о брѣвности людской при аккомпаниментѣ вѣчной музыки русскихъ бастіоновъ, — этого монотоннаго марша безчисленныхъ бомбъ, хоронившихъ тысячи людей своимъ послѣднимъ аккордомъ, — юный артиллеристъ ни чуть не стыдится сознаться въ своей слабости, и не разъ вырывается у него поучительное разсужденіе о варварской бесполезности человѣческой бойни, о ничтожествѣ диллетантскихъ мечтаній о славѣ у людей, близко не видавшихъ ни одной батареи. — «О, восклицаетъ онъ, еслибъ дипломаты, собравшіеся въ Вѣнѣ, держали свои совѣщанія между нашими батареями и русскими бастіонами, еслибъ они

провели хоть одну изъ нашихъ ночей — они стали бы сговорчивѣе»..

Было бы неумѣстно приводить дѣлныя мѣста описаній очевидцемъ мелкихъ и крупныхъ сраженій и битвъ; да и выборъ былъ бы слишкомъ затруднителенъ, — мы ограничиваемся сдѣланнымъ читателю указаніемъ на данное сочиненіе. Моральный выводъ изъ сочиненія влагается въ голову každого самимъ авторомъ: легко разсуждать въ покойномъ креслѣ и сидя въ немъ грозиться своимъ національнымъ могуществомъ; легко предаваться комфортабельному патриотизму; но благородные патриоты всѣхъ странъ были бы посдержаннѣе на языкъ и умѣреннѣе въ своемъ воинственномъ азартѣ, еслибъ могли хоть на одну ночь въ своемъ воображеніи перенестись на траншею подъ градъ бомбъ, на ту одну ночь, которая старила и заставляла сѣдѣть тѣхъ немногихъ отважныхъ бойцовъ, которые уцѣлѣли среди гигантскаго годоваго побоища.

Политическій же выводъ изъ того и другого сочиненія болѣе специаленъ и даже можетъ быть ограниченъ здѣсь одною стороною, т. е. касательно Франціи. Осада кончилась торжествомъ французскаго войска; но была ли она въ то же время торжествомъ французскаго народа и вообще даже всей Европы или нѣтъ? Отвѣтъ на это далъ намъ 13-тилѣтній идущій съ того времени періодъ непрестанныхъ войнъ и тревогъ, періодъ бонапартистскихъ интригъ и честолюбивыхъ замысловъ, — разыгрывающійся только теперь полнымъ разоблаченіемъ и пораженіемъ французскаго военнаго господства. Мы должны еще разъ помянуть Кинглека, чтобъ сказать, что ему принадлежить заслуга пониманія зловредности наполеоновской роли, ранѣе нежели то стало ясно и Европѣ и самой Франціи, ранѣе нежели мексиканское пораженіе и Садовская гегемонія Пруссіи явились, чтобъ ускорить раздраженіе внутренняго недовольства самой Франціи. и. н.

¹⁾ Выраженія, приписываемыя авторомъ императору Николаю I.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»,

ЗА 1868 ГОДЪ.

А.: Императоръ Максимилианъ и Латинофильство (январь. 419).

А—въ. Л.: Гугеноты въ Франціи (май, 298).— Наши дѣла въ Туркестанскомъ краѣ (іюнь, 769).— Турецкія реформы и бюрократія (декабрь. 773).

Анненковъ, П. В.: Историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ гр. А. Н. Толстаго: «Война и Миръ» (февраль. 774).

Арсеньевъ, К. К.: Королева Елисавета и реформація (февраль. 796).—Новый законъ о печати во Франціи (апрель. 901).— Янъ Гусъ и чешская національность (сентябрь. 360).

Аузрбахъ, Б.: Дача на Рейнѣ. Перев. съ рукописи (сентябрь. 5; октябрь. 615; ноябрь. 142; декабрь. 595).

Б., Н.: Первый епархіальный съѣздъ въ Новгородѣ (май, 374).

Богдановичъ, М. И.: Паденіе Сперанскаго (декабрь. 495).

Буренинъ, В. П.: Грѣшница, изъ Альфр. Виньи. Перев. (сентябрь. 146).— Собачій пиръ. Ямбы Барбье. Перев. (ноябрь. 286).

В., В.: Новый таможенный тарифъ по европейской торговлѣ (сентябрь. 383).

Гильфердинга, А. Ф.: Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ (іюль, 223; сентябрь. 153).

Гротъ, Я. К.: Сатира Крылова и его «Почта Духовъ» (мартъ. 203).

Дубровинъ, Н. Ф.: Тысяча-восемьсотъ-второй годъ въ Грузіи (мартъ. 9; апрель. 537; май. 213).— Князь М. Н. Волконскій и его донесенія изъ Польши (ноябрь. 83; декабрь. 543).

И., В.: Новые суды въ Россіи (январь. 345).—

Преобразование суда на Кавказѣ и въ Закавказьи (февраль. 841).— Подсудимые и преступленія (мартъ. 365).— Судъ и Полиція (апрель. 824).

К.: Прусская конституція и Сѣверо-германскій Союзъ (январь. 401).— Внѣшняя политика Пруссіи и ея парламентская жизнь (мартъ. 434).— Голодъ въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи (мартъ. 462).— Промышленный и рабочій вопросъ въ Пруссіи (іюнь, 830).— Самоуправленіе, церковь и школа въ Пруссіи (августъ. 862).— Прусская бюрократія (ноябрь. 418).

Кавелинъ, К. Д.: Нѣмецкая современная психологія (январь. 307).

Кеневичъ, В. Ф.: Иванъ Андреевичъ Крыловъ (февраль. 709).

Клаусъ, А. А.: Сектаторы-колонисты въ Россіи (январь. 258; мартъ. 277; іюнь, 665; августъ. 713).

Ковалевскій, Ег. П.: Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ (мартъ. 123).

Колюпановъ, Н. П.: Три года Новгородскаго земства (февраль. 826).— Самарское земство (іюль, 385; августъ. 815).— Девятнадцатое февраля 1870-го года (октябрь. 735).

Корфъ, бар. Н. А.: Земство на югѣ Россіи, и борьба его съ сусликами (мартъ. 349; см. сообщенное въ отвѣтъ бар. Н. А. Корфу: августъ. 288).— Вопросъ о народномъ образованіи въ Московскомъ земскомъ собраніи 1868 года (май, 352).— Письмо въ редакцію (сентябрь. 466).

Костомаровъ, Н. И.: Патриархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей (январь. 120; февраль. 591).— Гетманство Юрія Хмельницкаго (апрель. 485; май, 150).

Кретовичъ, И. И.: Донъ, Кавказъ и Крымъ (апрель. 699; іюнь, 723).

Крыловъ, В. А.: Натанъ Мудрый, драм. стихотв. Лессинга. Перев. (окт. 493; нояб. 5).

Ливановъ, Ф.: Молокане и духоборды (окт. 674; дек. 809).

М., В.: Карлъ Гонфъ, историкъ средневѣковой Греціи (июнь, 869).

Максимовъ, С. М.: Несчастные (июнь, 480; июль, 121; авг. 539; сент. 55).

И., И.: Послѣдніе монпаньяры во Франціи (январь. 301).—Папскій Римъ и французская палата (февр. 873).—Габсбургская семейная переписка въ XVIII-мъ вѣкѣ. (апр. 763; май, 271).—Графъ Мирабо и его отношеніе ко двору (нояб. 290).

И—въ, А.: Позитивная школа философіи, исторіи и новая книга Литтре (май, 330).—Современные вопросы (июль, 361).

— о — Наблюденія и Замѣтки. Хроника общественной жизни (окт. 880: нояб. 446; дек. 888).

О., В.: Политическая сатира во Франціи (февр. 753; апр. 788).

О., Е.: Оже и реализмъ современной драмы (апр. 932).

Островскій, А. Н.: Василиса Мелентьева (февр. 431).

П., Л.: Ирландія предъ судомъ общественнаго мнѣнія въ Англіи (апр. 870). — Критика русскихъ писателей въ Германіи: «Иванъ Тургеневъ», Юл. Шмидта (дек. 909).

Павлова, К. К.: Смерть Валленштейна, траг. Шиллера. Переводъ (июль, 5; авг. 463).

Погодинъ, М. П.: Школьные воспоминанія (авг. 605).

Полонскій, Л. А.: Стефанъ Баторій подъ Псковомъ (февр. 725).—Гейнрихъ Гейне и его жизнь (сент. 298).

Полонскій, Л. П.: Ночь въ Лѣтнемъ-Саду (июнь, 457). — Покинутый домъ (дек. 769).

Поновъ, А. Н.: Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи (январь. 23; февр. 522; март. 52).—Дѣло Новикова и его товарищей (апр. 617).

Прижовъ, И.: Русскія Кликуши (окт. 641).

Пынинъ, А. Н.: Крыловъ и Радищевъ (май, 419).—Русское масонство до Новикова (июнь, 546; июль, 167).—Россійское Библейское Общество (авг. 639; сент. 231; нояб. 222; дек. 708).

Р.: Новая русская драма и старая русская

сцена (февр. 808).—Моцартъ на Петербургскихъ сценахъ (март. 327).

Ровинскій, П. А.: Два мѣсяца въ Сербіи (нояб. 364).

С., А.: Три Боннскіе историка (май, 410).

С., М.: Егоръ Петровичъ Ковалевскій. Не крологодъ (окт. 894).

Середа, Н. А.: Позднѣйшія волненія въ Оренбургскомъ краѣ (апр. 585; авг. 631).

Соловьевъ, С. М.: Петръ Великій на Кадійскомъ морѣ (март. 163). — Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ (дек. 676).

Стасовъ, В. В.: Происхожденіе русскихъ былинъ (январь. 168; февр. 637; март. 225; апр. 651; июнь, 590; июль, 292).—Древнѣйшая повѣсть въ мірѣ (окт. 702).

Т., В.: Начало театральнаго сезона въ Петербургѣ (нояб. 467). — Бенефисъ г. Бурдина: Новая комедія А. Н. Островскаго: «На всякаго мудреца довольно простоты» (дек. 901).

Толстой, гр. А. К.: Былина (февр. 425).—Коринская Невѣста, изъ Гете. Перев. (март. 1).—Царь Ѳеодоръ Иоанновичъ (май, 5). — Проектъ постановки на сцену трагедіи: «Царь Ѳеодоръ Иоанновичъ» (дек. 506).

Тургеневъ, И. С.: Бригадиръ (январь. 1).—Предисловіе къ роману Ауэрбаха: «Дача на Рейнѣ» (сент. 5).

Утинъ, Б. И.: Книга герцога Аргайля: «Царство закона» (апр. 511). — Свѣтское законодательство и церковь съ XVII-го вѣка (июль, 346).

Утинъ, Е. И.: Драматическое искусство во Франціи (январь. 316; окт. 806; нояб. 324).

Х—въ, Н.: Мировые посредники и крестьянское управленіе (дек. 837).

Цвѣтъ, С.: Съѣздъ естествоиспытателей въ Петербургѣ (февр. 893).

Энгеля, А. М.: Записки о Россіи XVII-го и XVIII-го вѣка, по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ. Перев. съ голланд. рукоп. (январь. 222; апр. 718; авг. 767).

При каждой книгѣ, помѣщены, какъ постоянный отдѣлъ: 1) Ежемѣсячная хроника политики, исторіи, литературы; и 2) Критика и Литературныя Извѣстія — за предъидущій мѣсяць.

гсм
ерб
10)
Н
ра

Бас
вар
б
бб
в

П
ж
ст

—
в
с

СОДЕРЖАНИЕ

ШЕСТОГО ТОМА,

ТРЕТИЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ, 1868.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

	СТР.
Натанъ Мудрый. — Драматическое стихотвореніе ЛЕССИНГА, въ пяти дѣйствіяхъ. — Четвертое и пятое дѣйствія. — В. А. КРЫЛОВА	5
Князь М. Н. Волконскій и его донесенія изъ Польши. — 1764—70 гг. — I—VII. — Н. О. ДУБРОВИНА	83
Дача на Рейнѣ. — Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ. — Часть первая, книга вторая. — I—XIV	142
Россійское Библейское Общество—1812—1826.—III. Отношеніе образованныхъ людей и литературы къ библейской мистикѣ и обскурантизму; мнѣнія Уварова, Паррота, Карамзина.—Отношеніе духовенства къ библейскому дѣлу.—Интрига противъ кн. Голицына, и союзъ противъ Библейскаго Общества.—Разказы о паденіи кн. Голицына.—Гр. Аракчеевъ, Шпшковъ, митр. Серафимъ и архим. Фотій. — Госнеровское дѣло	222
Собачій пиръ. — Ямбы Барбье. — В. П. БУРЕНИНА	286
Графъ Мираво и его отношеніе ко двору. — По новымъ извѣстіямъ. — И. Н.	290
Драматическое искусство во Франціи.—Статья вторая. — III. Октавъ Фелле — IV. Александръ Дюма. — ЕВГ. УТИНА	324
Два мѣсяца въ Сербіи. — Изъ путевыхъ воспоминаній. — I. — П. А. РОВИНСКАГО	364
Ежемесячная Хроника исторіи, политики, литературы. — Внутреннее Обзорѣе: Реакціонныя похоти по крестьянскому дѣлу. «Своеволие, пьянство» народа и стремленіе къ переселенію.—Общій результатъ хода освобожденія.—Двойная мѣрка при оцѣнкѣ народныхъ движеній.—Переселеніе и крѣпостное право. — Мѣры, предлагаемыя Н. П. Колшановымъ. — Положеніе о земельномъ надѣлѣ бессарабскихъ царанъ.—За кѣмъ теперь очередь?—Крестьянскій вопросъ въ остзейскомъ краѣ, и «Окраины Россіи» г. Самарина.—Исторія правительственныхъ мѣръ и вышшіе ихъ результаты.—Обезземеленіе крестьянъ	387
Иностранное Обзорѣе: Послѣднія 60 лѣтъ испанской исторіи и 45 ея революцій. — Сравненіе араужецкаго pronunciamiento 1808 г. съ настоящимъ. — Кортесы 1812 года и Фердинандъ VII, отецъ Изабеллы. — Восстаніе 1820 года и Ріэго.—Прагматическая санкція и Донъ-Карлосъ.—Регенство Маріи Кристины. — Pronunciamiento Эспартеро и его регенство.—Изабелла II и революція 1854 г.—18-е сентября, и три его дѣйствующія лица: Примъ, Серрано и Олозаго.—Трудности временнаго правительства. — Прогрессъ въ международныхъ отношеніяхъ Европы, и международная политика въ испанскихъ дѣлахъ	403
Корреспонденція изъ Берлина. — Прусская бюрократія. — К.	418
Наблюденія и Замѣтки. — Хроника общественной жизни. — О	446

Новая почтовая такса пересылки журналовъ	462
Театры. — Начало театрального сезона въ Петербургѣ. — Новые пьесы: «Воробушки», «Самодуръ», Перемелется — мука будетъ», «Сельская школа». — В. Т.	467
Критика и Литературныя Извѣстія. — Октябрь. — Русская литература: Русскіе на Босфорѣ. — Записки Н. Н. Муравьева. — Общественное воспитаніе въ Россіи. О. Уманца. — Сочиненія Е. А. Баратынскаго	475
Книга двѣнадцатая. — Декабрь.	
Паденіе Сперанскаго. — М. И. БОГДАНОВИЧА	495
Проектъ постановки на сцену трагедіи: «Царь Федоръ Иоанновичъ». — Гр. А. К. ТОЛСТАГО	506
Князь М. Н. Волковскій и его донесенія изъ Польши. — 1764 — 1770 гг. — VIII-XIII. — Н. О. ДУБРОВИНА	543
Дача на Рейвъ. — Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ. — Часть первая, книга третья. — I-XIII. (Конецъ первой части)	595
Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ. — I. Востокъ: I. Китай. II. Египетъ. III. Ассирія и Вавилонъ. IV. Финикія. — С. М. СОЛОВЬЕВА	676
Россійское Библейское Общество. — 1812—1826. — IV. Личное настроеніе импер. Александра. — Дѣйствія Шишкова. — Положеніе дѣлъ Общества за послѣднее время и окончательное его закрытіе, 12 апрѣля 1826 г. — Обвиненія противъ Общества: «Записка о крамолахъ враговъ Россіи». — Приложенія. — (Окончаніе). А. Н. ПЫПИНА	708
Покинутый домъ. — Стих. Я. П. ПОЛОНСКАГО	769
Турецкія реформы и бюрократія. — Л. А. — въ	773
Молокане и Духоборцы въ Украинѣ и Новороссіи. (XVIII-й в.). — VI-X. Нравы и обычаи молочанъ; молочанство въ Таврической губерніи; Молочная вода; молочане Астраханской губерніи; астраханское духоборство; исповѣданіе върны молочанъ села «Пришибъ»; правительственный отзывъ о молочаннахъ астраханскихъ. (Окончаніе). — О. ЛИВАНОВА	809
Мировые посредники и крестьянское управленіе. — Н. Х. — ВЪ	837
Ежемесячная Хроника исторіи, политики литературы. — Внутреннее Обзореніе: Отношеніе народа у насъ къ дѣлу образованія. — Народная школа и встрѣчаемыя ею препятствія. — Статистика народнаго образованія. — Начальныя школы и министерство народнаго просвѣщенія. — Прямѣръ Пруссіи. — Новѣйшіе факты въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. — Вопросъ о гарантіи и руководствѣ концессіями. — Наша податная система и характеръ подушной подати. — Новый проектъ податей. — Официальная печать и новый ея органъ: «Правительственный Вѣстникъ»	852
Иностранное Обзореніе: Положеніе партій и временнаго правительства въ Испаніи. — Повсемѣстное открытіе парламентовъ, и внутреннія заботы государствъ. — Франція и ея мрачныя историческія воспоминанія. — Книга Тенб и дѣло Бодена. — Обвинители-обвиненные и обвиненные-обвинители. — Австрійскій рейхсратъ. — Пруссійскій парламентъ и рѣчь короля. — Италія и ея кошмаръ. — Вопросъ о министерствѣ въ Англии. — Грантъ	868
Наблюденія и Замѣтки. — Хроника общественной жизни. — о —	888
Театры. — Бенефисъ г. Бурдина: Новая комедія А. Н. Островскаго: «На всякаго мудреца довольно простоты». — В. Т.	901
Критика русскихъ писателей въ Германіи. — «Иванъ Тургеневъ», Юл. Шмидта. — Л. П.	909
Критика и Литературныя Извѣстія. — Ноябрь. — I. Русская литература: Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета. Воспоминанія профессора Роммеля. К-й. — Матеріалы для изученія тюремнаго вопроса. М. И. Галкина. — Украины Россіи. Юр. Самарина. — Богословскія сочиненія А. С. Хомякова. — Галичина и Молдавія. В. Кельсиева. Д. — II. Иностранная литература: The invasion of Crimea, by Kinglake. — Journal humoristique ou siège de Sébastopol, par un artiste. — И. Н.	917
Алфавитный Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», за 1868 годъ	957

тогда Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *Сергѣя Соловьева*. Томъ XVIII. Москва, 1868. Стр. 362 и XV. Ц. 2 руб.

Восемнадцатый томъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ составляетъ томъ шестой и послѣдній „Исторіи Россіи въ эпоху преобразованія“. С. М. Соловьевъ окончилъ теперь исторію емени Петра Великаго. Прошло полтора вѣка съ смерти преобразователя, и только первый разъ мы получаемъ полную и всестороннюю картину, достойную той эпохи, откуда идетъ начало современнаго порядка вещей. О степи интереса, который долженъ возбуждаться поединымъ томомъ почтеннаго труда С. М. Соловьева, можно судить уже и потому, что значительная часть его посвящена внутренней дѣятельности правительства въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго. Авторъ заключаетъ свой трудъ общою оцѣнкою дѣятельности Петра Великаго и значенія времени, протекаемаго отъ его смерти до вступленія на престолъ Екатерины II. Это точка зрѣнія автора на характеръ дѣятельности Петра, съ которою нельзя не согласиться: не дѣло историка безусловно восхищаться всѣми мѣсяцами этой эпохи...; но одобряя дѣятельность человѣческую съ необходимою въ ней темною, историкъ имѣетъ право изображать дѣятельность Петра, какъ дѣятельность великаго чельска, послужившаго болѣе другимъ для своего народа и для человѣчества“. Нельзя не поздравить нашу науку съ такимъ колоссальнымъ прибрѣтеніемъ, какое представляетъ намъ трудъ С. М. Соловьева; его дальнѣйшія работы отъ смерти Петра, приближаясь къ нашему времени, будутъ имѣвать, безъ сомнѣнія, самую интереснѣйшую жданія нашей публики.

аръ Огдоръ Ивановичъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. *Гр. А. К. Толстаго*. Сиб. 1869. Стр. 165. Ц. 1 руб.

Нашимъ читателямъ хорошо знакомо это пооднѣе произведеніе гр. А. К. Толстаго. Теперь оно выходитъ въ свѣтъ особымъ изданіемъ. Въ пылливей книгѣ мы помѣщаемъ прозекъ автора относительно постановки на сцену этой трагедіи; мы слышъ о неудобствахъ такой постановки, прозекъ автора обращаетъ на себя все вниманіе, помяно того, что въ немъ найдутся, быть можетъ, весьма полезныя общія указанія и взгляды для нашихъ сценическихъ артистовъ.

Обзоръ кампаній 1812 и 1813 гг., военно-математическія задачи, и о желѣзныхъ дорогахъ. *Кн. С. С. Урусова*. Москва, 1868. Стр. 193. Ц. 2 р. 50 к.

Задача автора состоитъ въ примѣненіи мате-

матикъ къ исторіи, такъ какъ, по его мнѣнію, „видо позволить математикѣ вторгнуться въ предѣлы исторіи“. Въ этомъ смыслѣ составленъ имъ обзоръ кампаній 1812 и 1813 гг., „по поводу появленія въ печата известнаго творенія гр. Л. Н. Толстаго: „Война и Миръ“. „Въ результатѣ оказывается у автора, что „въ всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ наименьшимъ необходимо признать войну, потому что война есть сила гораздо болѣе уравнительная (!), чѣмъ разрушительная“. Относительно стратегіи, статья автора „обнаруживаетъ, сколь необычайное сходство и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тождество, существуетъ между вопросами о передвиженіи войскъ и задачами шахматными“. Предоставляемъ оцѣнить справедливость этого послѣдняго положенія специалистамъ.

Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго, до ваденія французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы, *Ф. К. Шоссера*. Перев. съ четверт. изд. Над. второе. Т. I, II, III и IV. Сиб. 1868. Всего будетъ 8 томовъ. Ц. 10 руб.

Шоссери и его классическое сочиненіе вошли въ нашу литературу, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и пригвозъ въ переводѣ, какъ нельзя болѣе удовлетворительномъ и добросовѣстномъ. Текстъ перваго изданія сохраненъ и въ новомъ безъ перемѣнъ; но мѣста, переданныя прежде не совсѣмъ полно, теперь вставлены по нѣмецкому подлиннику, конечно, съ выгодъ и самого сочиненія и читателей его перевода.

Сборникъ земскихъ извѣстій по Тамбовской губерніи. Вып. 1. Тамбовъ, 1868. Стр. 242. Ц. 40 коп.

Обращаемъ особенное вниманіе людей, интересующихся нашимъ народнымъ хозяйствомъ, на этотъ сборникъ, издаваемый Тамбовской губернской управою для распространенія точныхъ свѣдѣній о своемъ краѣ. Нельзя не пожелать, чтобы и другія управы послѣдовали примѣру Тамбовской, и тогда мы будемъ имѣть въ рукахъ несомнѣнныя данныя къ ознакомленію съ дѣйствительными силами своего хозяйства. Хотя „Сборникъ“ издается губернской управою, но выходитъ подъ цензурою; впрочемъ, главное значеніе сборника составляютъ цифры.

Настольный Календаръ на 1869 годъ. Изданіе *М. О. Вальфа*. Сиб. и Москва, 1868. Ц. 1 р. 25 к.

Этотъ календаръ принадлежитъ къ числу весьма богатыхъ по количеству свѣдѣній, но и въ немъ, какъ и въ другихъ, продолжается игнорироваться желѣзныя дороги, которая заслуживала бы для себя особаго отдѣла.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ИНОГОРОДНЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Редакція „Вѣстника Европы“ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. иногородныхъ подписчиковъ, что ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ ВЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ, а потому проситъ желающихъ возобновить подписку въ 1869 году высылать подписную сумму, а именно: 17 рублей за годъ и 9 рублей за полгода (подписная цѣна увеличена на одинъ рубль, вслѣдствіе увеличенія Почтамтомъ платы за пересылку отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 80 к.), не иначе, какъ по слѣдующему адресу: Въ редакцію „Вѣстника Европы“, въ С.-Петербургѣ, Галерная 20. — Только отъ тѣхъ подписчиковъ, которые адресовались прямо въ Редакцію, будутъ принимаемы письменныя жалобы и удовлетворяемы высылкою новыхъ экземпляровъ, въ случаѣ потери Почтамтомъ, если мѣстная Почтовая Контора засвидѣтельствуетъ на жалобѣ, что требуемый номеръ не былъ ею полученъ изъ Газетной Экспедиціи на имя лица, предъявляющаго жалобу.

Примѣчаніе. Главная Контора журнала, при книжномъ магазинѣ А. О. Бабунова (на Невскомъ проспектѣ) открыта для городскихъ подписчиковъ, для желающихъ получать журналъ безъ доставки въ самомъ магазинѣ, и для тѣхъ иногородныхъ подписчиковъ, которые имѣютъ случай подписаться лично, а не по почтѣ. — Книжные магазины, обращаясь въ Главную Контору журнала пользуются обыкновенною уступкою.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

на 1869 годъ.

	Годъ.	Полгода.
Безъ доставки	14 руб.	7 руб. 50 коп.
Съ доставкою на домъ въ Сиб. и Москвѣ.	15 „	8 „
Съ пересылкою въ губерніи	17 „	9 „

За-границу, — только на годъ, съ пересылкою: Пруссія и Германія — 18 руб.; Бельгія — 19 руб.; Франція и Данія — 20 руб.; Англія, Швеція, Испанія и Португалія — 21 руб.; Швейцарія — 22 руб.; Италія и Римъ — 23 руб.

Примѣчаніе. — Книжные магазины для помѣщенія своихъ объявленій, обращаются прямо въ редакцію, и для ближайшаго срока, доставляютъ оригиналы не позже 20-го числа.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по прежнимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослать ей одинъ рубль для передачи его Почтамту.

